К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1968

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

46

ЧАСТЬ

I

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сорок шестой том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит семь экономических рукописей К. Маркса, созданных им в период с июля 1857 по март 1859 года: 1) «Бастиа и Кэри» (июль 1857 г.); 2) «Введение» (август 1857 г.); 3) «Критика политической экономии» (черновой набросок 1857—1858 годов) (октябрь 1857 — май 1858 г.); 4) «Указатель к семи тетрадям», из которых состоит рукопись «Критика политической экономии» (июнь 1858 г.); 5) Фрагмент первоначального текста второй главы первого выпуска «К критике политической экономии» и начало третьей главы (август — октябрь 1858 г.); 6) «Рефераты к моим собственным тетрадям» (февраль 1859 г.); 7) Набросок плана главы о капитале (февраль — март 1859 г.).

Эти рукописи были впервые полностью опубликованы на языке оригинала Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1939—1941 гг. в двух частях в издании: K. Marx. «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie (Rohentwurf)».

Экономические рукописи 1857—1859 годов подытоживают целый период напряженной теоретической деятельности Маркса в области политической экономии, начавшийся приблизительно в июле 1850 г., вскоре после переезда Маркса в Лондон, и являющийся продолжением периода сороковых годов.

Сороковые годы XIX века были важным этапом в развитии марксистской экономической теории. Именно в этот период в таких своих работах, как «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Святое семейство», «Положение рабочего

класса в Англии», «Немецкая идеология», «Нищета философии», «Наемный труд и капитал», «Речь о свободе торговли», «Манифест Коммунистической партии», Маркс и Энгельс разработали свое диалектико-материалистическое понимание истории, распространили диалектический материализм на познание человеческого общества. Это позволило им уже в сороковые годы выступить с последовательной критикой буржуазного общества. В названных выше работах Маркс и Энгельс разработали свое учение о классовой борьбе; они вскрыли сущность классовых антагонизмов в капиталистическом обществе, показали, что социализм есть неминуемый результат действующих в буржуазном обществе экономических законов, что капитализм не вечен, что он сам создает себе могильщика в лице рабочего класса; они показали неизбежность периодических кризисов перепроизводства в буржуазном обществе, являющихся выражением непримиримых противоречий капитализма.

Из материалистического понимания истории вытекала исключительная роль экономической теории во всей системе марксизма. Вот почему Маркс, сформулировав в сороковые годы основные положения диалектико-материалистического понимания истории, свое главное внимание уделяет исследованию современного ему капиталистического общества. В работах сороковых годов Маркс уже приступил к детальной разработке своей экономической теории. В этих работах были созданы необходимые предпосылки и развиты отдельные элементы будущей теории стоимости и прибавочной стоимости, которые требовали дальнейшего углубления и развития для того, чтобы составить цельное экономическое учение. Здесь не был еще осуществлен тот скачок от буржуазной трактовки обмена труда на капитал, который знаменовал бы собой революционный переворот в политической экономии. В работах второй половины сороковых годов Маркс лишь подошел к свершению самого переворота в политической экономии.

Поэтому когда Маркс после поражения революций 1848—1849 гг. поселился в Лондоне — этом весьма удобном «наблюдательном пункте» для изучения буржуазного общества — и получил возможность возобновить свои занятия политической экономией, он, по его собственным словам, приступил к делу опять с самого начала, пополняя, развивая и углубляя те экономические познания, которых он достиг в сороковые годы. До июля 1857 г. работа Маркса заключалась главным образом в собирании и критическом освоении огромного литературного материала по экономическим вопросам, а также в непосредственном изучении всех сколько-нибудь значительных событий

и фактов современной Марксу экономической жизни Англии и других стран.

О масштабах научных исследований Маркса в пятидесятые годы свидетельствуют многочисленные тетради с выписками из работ буржуазных экономистов, из официальных документов и периодической прессы. С особенной тщательностью Маркс штудировал вновь труды А. Смита и Д. Рикардо. С 1850 по 1853 год Маркс заполнил 24 тетради выписок, пронумерованные им самим римскими цифрами от I до XXIV. К указанному периоду относится также еще ряд тетрадей с выписками, не пронумерованных Марксом. Кроме того, в это же время и позже Марксом было заполнено несколько тетрадей, содержащих группировку цитат по определенным темам (по проблемам земельной ренты, денег и т. д.) с краткими комментариями Маркса к некоторым из этих цитат. Это была как бы первичная обработка накопленного материала.

В письмах, относящихся к этому периоду, Маркс рассказывает о своих экономических занятиях. «С 9 часов утра до 7 часов вечера я бываю обычно в Британском музее, — сообщал он 27 июня 1851 г. Вейдемейеру. — Материал, над которым я работаю, так дьявольски обширен, что, несмотря на все напряжение, мне не удастся закончить работу раньше, чем через 6—8 недель. К тому же, постоянно возникают всевозможные практические помехи, неизбежные при тех нищенских условиях, в которых здесь приходится прозябать. Но «вопреки всему, всему» дело быстро двигается к концу. Надо же когда-нибудь во что бы то ни стало кончить» (настоящее издание, т. 27, стр. 489).

Первые теоретические результаты этих своих исследований Маркс имел уже в самом начале 1851 года. Об этом свидетельствуют два его письма к Энгельсу (от 7 января и 3 февраля), в которых Маркс подверг критике теорию земельной ренты Рикардо, опиравшуюся на мальтусовский «закон» убывающего плодородия почвы, и рикардовскую теорию денежного обращения, исходившую из количественной теории денег. Эти письма Маркса, так же как и его критический комментарий к работе Рикардо «О началах политической экономии и налогового обложения», содержащийся в IV и VIII тетрадях с выписками, характеризуют те успехи в исследовании капиталистического способа производства, которых Маркс достиг в начале пятидесятых годов.

Особое внимание в своих статьях и письмах пятидесятых годов Маркс уделял проблеме экономических кризисов, рассматривая их как провозвестников революционной ситуации.

Ожидание кризиса, разразившегося в 1857 году, и нового революционного подъема, связанного с кризисом, заставило Маркса форсировать свои экономические занятия. В феврале 1855 г. Маркс сообщал Энгельсу о том, что он «перечитывал свои собственные тетради по политической экономии — если не с целью обработки материала, то, во всяком случае, с целью овладеть им и иметь в готовом для обработки виде» (настоящее издание, т. 28, стр. 363).

Летом 1857 г. Маркс дважды приступал к изложению своей экономической теории и оба раза прерывал эту работу.

Написанный в июле 1857 г. незаконченный набросок о вульгарных экономистах Бастиа и Кэри свидетельствует о том, насколько далеко Маркс в это время уже продвинулся в своей критике буржуазной политической экономии. Если в предыдущих работах Маркса только еще намечалось деление буржуазных экономистов на два основных течения, то здесь дана совершенно четкая характеристика классической школы в буржуазной политической экономии и ее вульгарного направления, свидетельствующего о деградации буржуазной экономической мысли.

Бастиа и Кэри являли собой пример вульгарных экономистов, доказывавших «гармонию производственных отношений там, где экономисты-классики наивно обрисовывали их антагонистичность» (настоящий том, часть I, стр. 4). Маркс мастерски анализирует экономические условия, породившие взгляды этих двух экономистов, и показывает, что «совершенно различная, даже противоположная национальная среда, в условиях которой пишут Кэри и Бастиа, вызывает у них тем не менее одинаковые устремления» (там же). Эти вульгарные экономисты считали капиталистическое производство вечным естественным идеалом гармонического развития общества, а антагонистические противоречия буржуазного общества они пытались объяснить наличием в нем феодальных пережитков. Этим антиисторическим и откровенно апологетическим взглядам Маркс противопоставил свое учение об общественно-экономической формации, согласно которому действие экономических законов в более развитых капиталистических странах отличается от действия этих законов в менее развитых капиталистических странах лишь формой проявления.

Другой незаконченный набросок — знаменитое «Введение» — был написан Марксом в конце августа 1857 года. Впоследствии Маркс отказался от опубликования «Введения», не желая предвосхищать те общие выводы, которые должны были явиться итогом всего исследования.

«Введение» показывает, что к осени 1857 г. Марксом уже были детально разработаны методологические основы его экономической теории. Маркс исходит здесь из основных выводов открытого им еще в сороковые годы материалистического понимания истории, прежде всего — из положения о примате общественного производства. При этом в отличие от буржуазных экономистов, объявлявших капиталистическое производство вечным и рассуждавших о производстве вообще, Маркс говорит во «Введении» об общественно-определенном производстве, о современном буржуазном производстве как о предмете своего исследования.

Критически проанализировав во «Введении» деление буржуазными экономистами предмета политической экономии на производство, распределение, обмен и потребление, Маркс показал, что все эти моменты представляют собой части единого целого, между которыми имеет место взаимодействие. Рассматривая производство только с его вещественной стороны, буржуазные экономисты (в их числе и экономисты-классики) объявляли собственным предметом политической экономии отношения распределения. Анализ диалектического единства всех моментов общественного производства позволил Марксу преодолеть ограниченность буржуазной политической экономии в понимании предмета своего исследования и от форм распределения, являющихся лишь выражением форм производства, перейти к рассмотрению производственных отношений в качестве подлинного предмета экономической науки.

Во «Введении» Марксом впервые дана характеристика научного метода восхождения от абстрактного к конкретному как метода политической экономии, а также критика идеалистического понимания этого метода Гегелем. Диалектико-материалистическая интерпретация Марксом метода восхождения от абстрактного к конкретному предполагает, что конкретное, выступая в качестве исходного пункта теоретического анализа, в конце исследования предстает как единство многообразного, как синтез многих определений. Научные абстракции в теории Маркса неразрывно связаны с конкретной действительностью как со своей предпосылкой, а ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, в общем и целом соответствует действительному историческому процессу.

Исходя из своего понимания предмета и метода политической экономии, Маркс во «Введении» дал первую разработку структуры своего будущего экономического труда, охватывающую все важнейшие стороны буржуазного общества. «Расчленение предмета, — писал там Маркс, — очевидно, должно быть

таково: 1) Всеобщие абстрактные определения, которые поэтому более или менее присущи всем формам общества... 2) Категории, которые составляют внутреннюю структуру буржуазного общества и на которых покоятся основные классы. Капитал, наемный труд, земельная собственность. Их отношение друг к другу. Город и деревня. Три больших общественных класса. Обмен между ними. Обращение. Кредит (частный). 3) Концентрированное выражение буржуазного общества в форме государства... «Непроизводительные» классы. Налоги. Государственный долг. Публичный кредит. Население. Колонии. Эмиграция. 4) Международные отношения производства. Международное разделение труда. Международный обмен. Вывоз и ввоз. Вексельный курс. 5) Мировой рынок и кризисы» (настоящий том, часть I, стр. 45).

Осенью 1857 г. разразился сильнейший экономический кризис, побудивший Маркса самым энергичным образом заняться непосредственной разработкой своей экономической теории. В то же самое время Марксом был собран настолько обильный материал по проблеме кризисов, что наряду с серией статей в «New-York Daily Tribune» он хотел даже написать совместно с Энгельсом специальную работу на эту тему. Для этой цели Маркс завел специальные «регистрационные книги», в которых отмечал развитие кризиса в крупнейших капиталистических странах. Но вскоре все основное внимание Маркса было поглощено подведением итогов его экономических исследований пятидесятых годов. Маркс очень спешил с этой работой, полагая, что углубление экономического кризиса может привести к революционной ситуации. «Я работаю, как бешеный, ночи напролет над подытоживанием своих экономических исследований, — писал он Энгельсу 8 декабря 1857 г., — чтобы до потопа иметь ясность по крайней мере в основных вопросах» (настоящее издание, т. 29, стр. 185). В тот же самый день жена Маркса в своем письме к другу и соратнику Маркса и Энгельса Конраду Шрамму следующим образом описывала ход работы Маркса: «Вы легко можете себе представить, какое приподнятое настроение у Мавра. Вновь вернулась вся его прежняя работоспособность и энергия, так же как бодрость и веселость духа... Днем Карл работает, чтобы обеспечить хлеб насущный, ночами — чтобы завершить свою политическую экономию. Теперь... эта работа стала необходимой потребностью времени» (там же, стр. 531).

С октября 1857 по май 1858 года Марксом была создана обширная — объемом свыше 50 печатных листов — рукопись, которой он дал название «Критика политической экономии»

и которая представляет собой первый черновой набросок будущего «Капитала». Этой рукописи принадлежит исключительно важное место в истории марксизма. Здесь впервые Маркс разработал свою теорию стоимости, а на ее основе — теорию прибавочной стоимости, этот «краеугольный камень экономической теории Маркса» (Ленин), совершив тем самым, по словам Энгельса, свое второе великое открытие, которое вместе с открытием материалистического понимания истории превратило социализм из утопии в науку.

Рукопись 1857—1858 гг. непосредственно вводит читателя в самый метод исследования, применяемый Марксом, в его творческую лабораторию, дает возможность шаг за шагом проследить процесс создания Марксом его экономического учения. Впоследствии Маркс изложил свою экономическую теорию в «Капитале», но, как отмечал сам Маркс, «способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение» (настоящее издание, т. 23, стр. 21). В рукописи «Критика политической экономии» и зафиксирован процесс исследования Марксом капиталистического способа производства, процесс рождения новой теории.

Рукопись 1857—1858 гг. открывается «Главой о деньгах», обозначенной у Маркса римской цифрой II. Это объясняется тем, что главе о деньгах Маркс собирался предпослать главу, которой он сначала хотел дать название «Стоимость» (на последней странице рукописи 1857—1858 гг. под римской цифрой I содержится набросок начала этой главы), а впоследствии — в работе «К критике политической экономии» — дал название «Товар».

«Главу о деньгах» Маркс начал с критики мелкобуржуазных экономических воззрений Прудона, прежде всего — прудоновской теории денег. Критику прудонизма, отмежевание от этого «лжебрата» Маркс считал важной задачей научного социализма. «Чтобы расчистить путь социализму критическому и материалистическому, стремящемуся сделать понятным действительное историческое развитие общественного производства, — отмечал впоследствии Маркс, — надо было резко порвать с той идеалистической политической экономией, последним воплощением которой был, сам того не сознавая, Прудон» (настоящее издание, т. 19, стр. 231—232).

Критика теории Прудона, направленной на реформирование буржуазного общества, была дана Марксом в «Нищете

философии», но там Маркс еще в значительной мере опирался на экономические воззрения Рикардо. В рукописи 1857—1858 гг. Маркс осуществил критику прудонизма уже с позиций созданной им экономической теории. Маркс полностью опроверг тезис прудонистов о возможности путем реформы банков уничтожить антагонистические противоречия капитализма. Маркс показал, что антагонистический характер противоречий капиталистического общества «не может быть взорван путем тихой метаморфозы» (настоящий том, часть I, стр. 102—103), что попытки прудонистов сохранить буржуазный строй, лишь исправив его «недостатки», являются вредной утопией, дезорганизующей рабочий класс, отвлекающей его от подготовки социалистической революции.

В процессе критики прудонистских воззрений в рукописи 1857—1858 гг. Маркс разработал все основные элементы своей теории стоимости. Он показал, как в ходе развития общественного производства и общественного разделения труда происходит превращение продукта в товар, а товара — в деньги. «Действительный вопрос, — отмечал Маркс, — заключается в следующем: не вызывает ли сама буржуазная система обмена необходимости в специфическом орудии обмена? Не создает ли она необходимым образом особого эквивалента для всех стоимостей?» (настоящий том, часть I, стр. 66). Здесь Марксом поставлен вопрос, который буржуазным экономистам даже и не приходил в голову, вопрос о необходимой связи между товаром и деньгами. Впервые Маркс сформулировал этот вопрос еще в «Нищете философии», но решение его было дано только в рукописи 1857—1858 гг. на основе анализа двух факторов товара — потребительной стоимости и стоимости, — а также двойственного характера труда, создающего товар. Маркс показал, что противоречие между качественной однородностью товаров как стоимостей и их натуральным различием как потребительных стоимостей находит свое внешнее разрешение в процессе обмена, в раздвоении товара на товар и деньги, в приобретении стоимостью товара самостоятельного существования в особом товаре — в деньгах. Являясь внешним разрешением противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью товара, деньги в то же время обостряют все противоречия основанного на частном обмене товарного производства, поднимают их на новую ступень. В этих противоречиях и таится возможность экономических кризисов.

Хотя критика прудонизма занимает большое место в рукописи 1857—1858 гг., но главным объектом критики Маркса была классическая буржуазная политическая экономия. Раз-

работав в «Главе о деньгах» свою теорию стоимости и денег, Маркс дал критику и рикардовской количественной теории денег.

Маркс показал далее, что противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью товара в свою очередь вытекает из двойственного характера труда в буржуазном обществе, из того, что общественный труд в условиях частной собственности на средства производства непосредственно является трудом частным. Это антагонистическое противоречие товарно-капиталистического хозяйства Маркс сформулировал следующим образом: «Индивиды производят только для общества и в обществе», однако «их производство не является *непосредственно* общественным» (настоящий том, часть I, стр. 101).

Учение о двойственном характере труда в товарном производстве, разработанное впервые в рукописи 1857—1858 гг., составляет основу теории стоимости Маркса. Именно здесь прежде всего проходит та грань, которая отделяет теорию Маркса от трудовой теории стоимости классиков буржуазной политической экономии. Буржуазные экономисты-классики не понимали качественной противоположности между конкретным и абстрактным трудом в буржуазном обществе и сводили все дело к определению величины стоимости рабочим временем. Между тем, подчеркивал Маркс, на учении о двойственном характере труда «основывается *все* понимание фактов» (настоящее издание, т. 31, стр. 277).

В процессе разработки своей теории стоимости в рукописи 1857—1858 гг. Маркс пришел и к открытию товара как «экономической клеточки» буржуазного общества. А это означало, что исходным пунктом анализа экономической структуры буржуазного общества является не стоимость и не стоимостное отношение товаров, которое можно только мыслить, а сам товар, вещественный носитель этих отношений. Именно поэтому Маркс впоследствии изменил название первой главы своей работы: вместо названия «Стоимость» дал ей название «Товар». Уже в наброске этой главы в конце рукописи 1857—1858 гг. Маркс писал: «Первая категория, в которой выступает буржуазное богатство, это — *товар*».

Одним из важнейших итогов «Главы о деньгах» явился вывод Маркса о том, что развитая форма товарного производства в условиях частной собственности на средства производства с необходимостью предполагает капиталистические отношения. Тенденция развития товарного производства и меновой стоимости необходимо приводит к «разрыву между трудом и собственностью», «так что труд будет создавать чужую собственность,

а собственность — распоряжаться чужим трудом» (настоящий том, часть I, стр. 184). В следующей главе рукописи 1857—1858 гг., в «Главе о капитале», Маркс блестяще решил центральную проблему своего исследования — объяснение механизма капиталистической эксплуатации.

Буржуазные экономисты тщетно пытались непосредственно перейти от стоимости к капиталу; они объявляли капитал простой суммой стоимостей, не понимая, что как в реальной действительности, так и в теории здесь имеет место качественный скачок. «Простое движение меновых стоимостей, — подчеркивает Маркс, — как оно имеет место в чистом обращении, никогда не может реализовать капитал» (там же, стр. 201).

Содержанием капиталистического производственного отношения является отношение между рабочим и капиталистом, между трудом и капиталом, которые противостоят друг другу и между которыми имеет место обмен. Трудность анализа этого отношения заключается в том, что неэквивалентный по существу обмен между рабочим и капиталистом осуществляется на основе закона стоимости, т. е. на основе обмена эквивалентов. Тот анализ, который Маркс осуществил в «Главе о капитале», в значительной мере построен на исследованном Марксом в «Главе о деньгах» двойственном характере товара, на рассмотрении товара как единства противоположностей: потребительной стоимости и стоимости.

Прежде всего Маркс расщепил обмен между капиталом и трудом на два качественно различных, противоположных процесса: 1) собственно обмен между рабочим и капиталистом, в результате которого капиталист «получает в обмен такую производительную силу, которая сохраняет и умножает капитал»; 2) самый процесс труда, в котором осуществляется это сохранение и умножение капитала. Анализируя первую стадию, Маркс формулирует следующее положение: «В отношении между капиталом и трудом... одна сторона (капитал) противостоит другой прежде всего как *меновая стоимость*, а другая сторона (труд) противостоит капиталу прежде всего как потребительная стоимость» (настоящий том, часть I, стр. 216—217). Здесь Марксом был сделан важный шаг к тому, чтобы от обычной формулы буржуазных экономистов о «труде-товаре», о «продаже труда» перейти к товару «рабочая сила». Труд в этом рассуждении Маркса выступает уже не как товар, а как потребительная стоимость того товара, который рабочий продает капиталисту. Особенность этой потребительной стоимости заключается в том, что она «не материализована в продукте, вообще не существует вне рабочего, следовательно, существует не дей-

ствительно, а лишь в возможности, как его способность» (там же, стр. 216). В результате первой стадии обмена между трудом и капиталом в руки капиталиста и перешло распоряжение живым трудом рабочего. Второй стадией обмена является самый процесс живого труда, процесс создания меновых стоимостей, в результате которого сохраняется и увеличивается капитал.

Маркс показал, что, не являясь собственником средств производства, рабочий не может быть и собственником своего труда, а следовательно, и продукта своего труда, той стоимости, которую живой труд создает в процессе производства. Однако некоторую, заранее определенную часть этой созданной рабочим и принадлежащей капиталисту стоимости капиталист должен возвратить рабочему в виде заработной платы, для того чтобы оплатить стоимость рабочей силы, т. е. то количество труда, которое было затрачено на производство самого рабочего. Если уровень производительности труда настолько высок, что стоимость, созданная живым трудом, превышает стоимость рабочей силы, то имеет место прибавочный труд, и капиталист получает прибавочную стоимость, равную разности между всей созданной живым трудом стоимостью и стоимостью рабочей силы. Капиталистический способ производства как раз и характеризуется таким уровнем развития производительных сил, при котором производительный труд выступает как труд, создающий прибавочную стоимость.

Маркс в «Главе о капитале» развивает также свое учение о двух формах прибавочной стоимости, об абсолютной и относительной прибавочной стоимости, и в связи с этим вскрывает двоякую тенденцию капитала: к удлинению рабочего дня как средству увеличения абсолютной прибавочной стоимости и к сокращению необходимого рабочего времени как средству увеличения относительной прибавочной стоимости.

Маркс впервые в истории экономической науки объяснил механизм капиталистической эксплуатации; показал, что присвоение классом капиталистов прибавочной стоимости, созданной рабочими, является основой капиталистического способа производства и происходит в полном соответствии с его внутренними законами, и прежде всего с законом стоимости.

Прибавочная стоимость в теории Маркса выступает как необходимый результат капиталистических производственных отношений; она составляет сущность этих отношений, определяет другие категории и отношения буржуазного общества, обусловливает закон движения капиталистического способа производства, неизбежность его гибели и замены его коммунизмом. Если капиталистическая эксплуатация, как это показал

Маркс, вытекает из самого существа капиталистических производственных отношений, то отсюда прямо следовало, что никакое освобождение рабочего класса от эксплуатации не может быть осуществлено в рамках капиталистического строя. Вместе с тем, как отмечал Маркс, внутри самого буржуазного общества создаются материальные предпосылки для уничтожения капиталистического способа производства, «возникают такие производственные отношения и отношения общения, которые представляют собой одновременно мины для взрыва этого строя» (настоящий том, часть I, стр. 102).

Маркс не остановился в рукописи 1857—1858 гг. на открытии прибавочной стоимости; он приступил к объяснению на основе прибавочной стоимости ее превращенных форм, действующих на поверхности буржуазного общества. Опираясь на впервые развитое им в этой рукописи учение о двух формах капитала — постоянном и переменном, — Маркс разработал теорию прибыли как превращенной формы прибавочной стоимости. При этом Маркс отмечал ошибки и противоречия, вытекающие у буржуазных экономистов из того, что прибыль понималась ими не как производная, вторичная форма прибавочной стоимости.

Исследование в рукописи 1857—1858 гг. прибавочной стоимости независимо от ее особых форм — прибыли, процента, земельной ренты — представляет собой один из важнейших моментов в качественном отличии экономического учения Маркса от буржуазной политической экономии, постоянно смешивавшей особые формы прибавочной стоимости с ее общей формой, в силу чего теория прибыли даже у классиков буржуазной политической экономии представляла собой, по выражению Маркса, «мешанину». Сообщая Энгельсу о своей работе над рукописью 1857—1858 гг., Маркс в письме от 14 января 1858 г. отмечал, что он «опрокинул все учение о прибыли в его прежнем виде».

Маркс впервые сформулировал в рукописи 1857—1858 гг. «два закона, вытекающие из превращения прибавочной стоимости в форму прибыли». Первый из них заключается в том, что норма прибыли всегда меньше нормы прибавочной стоимости. Второй закон — закон тенденции нормы прибыли к понижению — Маркс характеризует как «важнейший закон современной политической экономии», «который несмотря на свою несложность до сих пор никем не был понят и еще никогда сознательно не формулировался». Одним из результатов действия этого закона является, как указывает Маркс, возрастающее несоответствие между развитием производительных сил

общества и буржуазными производственными отношениями; неизбежным следствием этого несоответствия являются экономические кризисы.

В рукописи 1857—1858 гг. Маркс вплотную подошел к открытию закона средней прибыли и цены производства. Установив, что прибыль всего класса капиталистов не может быть больше суммы прибавочной стоимости, Маркс пришел к выводу о необходимо существующих в различных отраслях производства неодинаковых индивидуальных нормах прибыли, перераспределяемых в результате межотраслевой конкуренции в общую норму прибыли. Образование общей нормы прибыли происходит, как показал Маркс, путем перераспределения общей суммы прибавочной стоимости, произведенной во всех отраслях капиталистического производства, пропорционально величине вложенного капитала. При этом товары продаются по отличающимся от их стоимостей ценам, которые в одних отраслях сто́ят выше, а в других отраслях — ниже стоимостей товаров.

Исчерпывающее решение проблемы средней прибыли и цены производства Маркс дал позднее, в процессе работы над рукописью 1861—1863 годов.

* * *

Рукопись 1857—1858 гг. была широко использована Марксом в его последующей работе над «Капиталом». Однако в ней имеется немало также и такого материала, которому не нашлось места в тексте четырех томов «Капитала».

Работая над «Главой о капитале» рукописи 1857—1858 гг., Маркс пришел к важному выводу о соотношении логических и исторических аспектов метода научного исследования, о необходимости дополнить анализ капиталистического способа производства рассмотрением, с одной стороны, предшествующих общественных форм, а с другой стороны — той общественной формы, которая неизбежно придет на смену капитализму. «Наш метод, — писал Маркс, — показывает те пункты, где должно быть включено историческое рассмотрение предмета, т. е. те пункты, где буржуазная экономика, являющаяся всего лишь исторической формой процесса производства, содержит выходящие за ее пределы указания на более ранние исторические способы производства... С другой стороны, ... правильное рассмотрение приводит к пунктам, где намечается уничтожение современной формы производственных отношений и в результате этого вырисовываются первые шаги преобразующего движения по направлению к будущему. Если, с одной

стороны, добуржуазные фазы являются *только лишь историческими*, т. е. уже устраненными предпосылками, то современные условия производства выступают как *устраняющие самих себя*, а потому — как такие условия производства, которые полагают *исторические предпосылки* для нового общественного строя» (настоящий том, часть I, стр. 449).

В этой связи Маркс дал в «Главе о капитале» исторический очерк «Формы, предшествующие капиталистическому производству», в котором он проследил развитие форм собственности от первобытно-общинного строя до возникновения капиталистических форм присвоения. Этот исторический очерк принадлежит к тем частям рукописи 1857—1858 гг., которые существенно дополняют содержание четырех томов «Капитала».

Исследование докапиталистических формаций, предпринятое здесь Марксом, представляет собой дальнейшую разработку взглядов, изложенных впервые в «Немецкой идеологии». В рукописи 1857—1858 гг. Маркс дал определение собственности и детально исследовал эволюцию ее форм в зависимости от изменения условий производства. Та связь, которая существует между формой собственности и условиями производства, была впоследствии зафиксирована Марксом в предисловии к первому выпуску «К критике политической экономии», где говорится об отношениях собственности как «юридическом выражении» тех или иных исторически сложившихся производственных отношений.

В рукописи 1857—1858 гг. Маркс дал также характеристику понятия способа производства, указав при этом на активную роль производительных сил в процессе общественного развития, на сферу материального производства как на базис всей общественной жизни.

Проанализировав развитие докапиталистических форм собственности, Маркс глубоко проник в сущность тех исторических условий, которые являются предпосылкой капиталистического развития. Маркс показал, что предпосылкой возникновения капитализма является исторический процесс разложения различных форм собственности работника на условия производства или собственности на работника как на объективное условие производства.

Исследовав генезис капитализма, открыв законы его возникновения и развития, Маркс вскрыл действительное историческое место капитализма, доказал неизбежность его гибели, неизбежность уничтожения присущего капитализму разрыва между трудом и собственностью. «Для того чтобы труд снова стал относиться к своим объективным условиям как к своей

собственности, — замечает Маркс, — необходимо, чтобы иная система пришла на смену системе частного обмена» (настоящий том, часть I, стр. 502). Данный Марксом в этой связи анализ нового, приходящего на смену капитализму, общественного строя является ценным добавлением к тем высказываниям Маркса о коммунизме, которые содержатся в «Капитале».

В рукописи 1857—1858 гг. Маркс дает характеристику коммунистического общества как такого общества, где господствует «свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние» (там же, стр. 101). Маркс подчеркивает историческую необходимость перехода к коммунистическому обществу, возникновение которого предполагает определенную ступень развития материальных и духовных условий.

Труд в будущем коммунистическом обществе характеризуется Марксом как труд непосредственно общественный: в условиях коллективного производства труд отдельного лица с самого начала выступает как общественный труд. Чрезвычайно важное значение имеет сформулированный Марксом в рукописи 1857—1858 гг. закон экономии времени в условиях коммунистического общества: «Если предположить наличие коллективного производства, — пишет Маркс, — определение времени, естественно, сохраняет существенное значение. Чем меньше времени требуется обществу на производство пшеницы, скота и т. д., тем больше времени оно выигрывает для другого производства, материального или духовного. Как для отдельного индивида, так и для общества всесторонность его развития, его потребления и его деятельности зависит от сбережения времени. Всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени. Точно так же общество должно целесообразно распределять свое время, чтобы достичь производства, соответствующего его совокупным потребностям, подобно тому как отдельное лицо должно правильно распределять свое время, чтобы приобрести знания в надлежащих соотношениях или чтобы удовлетворять различным требованиям, предъявляемым к его деятельности. Стало быть, экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остается первым экономическим законом на основе коллективного производства. Это становится законом даже в гораздо более высокой степени» (там же, стр. 116—117).

Большое внимание в рукописи 1857—1858 гг. уделено анализу противоречивой тенденции капитализма: развивая производительные силы общества и повышая производительность

труда, капиталистический способ производства создает свободное время, которое он, однако, стремится превратить в прибавочный труд. Только коммунизм способен уничтожить этот антагонистический характер свободного времени и привести к таким условиям, когда необходимое рабочее время будет определяться потребностями общественного индивида, а развитие производительных сил обусловит возрастание свободного времени всех членов общества. С другой стороны, увеличение свободного времени, времени, предназначенного для наиболее полного развития индивида, само будет воздействовать на производительность труда как величайшая производительная сила.

В отличие от социалистов-утопистов, мечтавших о превращении труда при коммунизме из ненавистного бремени, из проклятия, каковым он является для громадного большинства трудящихся при капитализме, в игру, в простую забаву, — Маркс говорит о труде в коммунистическом обществе как о первейшей жизненной потребности, как о «дьявольски серьезном деле». Этот труд имеет научный характер, он является практическим применением знаний, «экспериментальной наукой, материально творческой и предметно воплощающейся наукой», в то время как сама наука все больше и больше превращается в «непосредственную производительную силу».

* * *

Создавая свою экономическую теорию, Маркс одновременно разрабатывал и структуру своего экономического труда. Выше приводилась первая наметка плана, сделанная Марксом в конце августа 1857 г. в неоконченном «Введении». Этот план, воспроизведенный Марксом примерно в том же виде в конце «Главы о деньгах» (см. настоящий том, часть I, стр. 173), предполагал разделение всего труда на пять частей, причем в первой части должны были рассматриваться всеобщие абстрактные определения, присущие в той или иной степени всем формам общества.

В ноябре 1857 г. в начале «Главы о капитале» (настоящий том, часть I, стр. 213 и 226) Маркс дает уже гораздо более подробные варианты плана, причем в разделе «Всеобщность» (впоследствии этот раздел был назван Марксом «Капитал вообще») намечает — по-видимому, впервые — трехчленное деление материала, сыгравшее впоследствии такую большую роль в структуре «Капитала». Первые варианты плана были еще сформулированы Марксом в терминах гегелевской «Логики» (14 января 1858 г. в письме

к Энгельсу Маркс заметил: «Для *метода* обработки материала большую услугу оказало мне то, что я по чистой случайности вновь перелистал «Логику» Гегеля»), но постепенно эти формулировки освобождались от философских строительных лесов, в которые они поначалу были заключены.

В феврале 1858 г. Маркс вступил в переговоры с Лассалем по поводу издания своего экономического труда в виде отдельных выпусков. В письме к Лассалю от 22 февраля 1858 г. Маркс сообщает план всей своей работы, предусматривавший шесть книг: «1) О капитале (содержит несколько вводных глав). 2) О земельной собственности. 3) О наемном труде. 4) О государстве. 5) Международная торговля. 6) Мировой рынок».

В письме к Энгельсу от 2 апреля 1858 г. Маркс также перечисляет шесть книг, из которых должен был состоять его экономический труд, а содержание первой книги — «О капитале» — разбивает следующим образом: «*a*) Капитал вообще... *b*) *Конкуренция* или действие многих капиталов друг на друга. *c*) *Кредит*... *d*) *Акционерный капитал*, как самая совершенная форма (подводящая к коммунизму), вместе со всеми его противоречиями».

В письме к Лассалю от 11 марта 1858 г. Маркс сообщает план первого выпуска своего труда: «1) стоимость, 2) деньги, 3) капитал вообще (процесс производства капитала, процесс обращения капитала, единство того и другого, или капитал и прибыль (процент))». Этот вариант плана интересен тем, что Маркс в нем осуществляет четкое деление раздела «Капитал вообще», которое впоследствии легло в основу расчленения всей теоретической части труда Маркса на три тома. Таким же образом расчленена «Глава о капитале» в рукописи 1857—1858 годов.

Прекратив в самом конце мая 1858 г. работу над рукописью 1857—1858 гг., Маркс принялся перечитывать ее, составляя при этом «Указатель к семи тетрадям», из которых состоит рукопись «Критика политической экономии». В первом наброске «Указателя» содержится группировка материала для первого выпуска труда Маркса, произведенная в той же самой последовательности, как это было сделано в письме к Лассалю от 11 марта 1858 года. В этом наброске «Указателя» Маркс впервые осуществил расчленение главы о «Процессе производства капитала». Второй набросок «Указателя» содержит группировку материала для главы «Деньги».

В соответствии со схемой «Указателя» и планами первого выпуска своего труда (которому он дал название «К критике политической экономии») Маркс с августа по октябрь 1858 г.

создает первоначальный текст первых двух глав («Товар» и «Деньги») и набрасывает начало третьей главы («Капитал»). До нас дошла лишь заключительная часть этой рукописи, содержащая конец главы о деньгах и начало главы о капитале. Два раздела из первоначального текста второй главы — «Проявление закона присвоения в простом обращении» и «Переход к капиталу» — не вошли в окончательный текст первого выпуска «К критике политической экономии».

Рукопись этого первого выпуска, содержавшего две главы: «Товар» и «Деньги, или простое обращение», была отправлена издателю в Берлин 26 января 1859 г., а в феврале 1859 г. Маркс уже приступил к работе над третьей, основной главой («Капитал») и под этим углом зрения снова перечитал все тетради рукописей 1857—1858 гг., составив к ним новый указатель, который получил название: «Рефераты к моим собственным тетрадям». На основе «Рефератов» Маркс в феврале — марте 1859 г. составил подробный план главы о капитале, содержавший то трехчленное деление материала (Процесс производства капитала, Процесс обращения капитала, Капитал и прибыль), которое наметилось у Маркса уже в процессе работы над рукописью «Критика политической экономии» и которое Маркс впоследствии положил в основу структуры «Капитала». Кроме того, этот план содержал раздел «Разное», в который Маркс включил в основном материал по истории экономических теорий.

Набросок плана главы о капитале, завершающий экономические рукописи Маркса 1857—1859 гг., послужил Марксу руководящей нитью, когда он в августе 1861 г. приступил к работе по непосредственному написанию этой главы. В процессе этой работы Марксом в 1861—1863 гг. была создана обширная рукопись под общим заголовком «К критике политической экономии». Но уже 28 декабря 1862 г. Маркс сообщил Кугельману о своем намерении опубликовать продолжение первого выпуска «К критике политической экономии» в виде самостоятельной работы под заглавием «Капитал», с подзаголовком «К критике политической экономии».

* * *

Настоящее издание представляет собой первое полное издание экономических рукописей К. Маркса 1857—1859 гг. на русском языке. Издание построено по строго хронологическому принципу и состоит из двух частей. В первую часть входят: незаконченный очерк «Бастиа и Кэри», «Введение» и несколько более половины рукописи «Критика политической экономии».

Вторая часть содержит вторую (меньшую) половину рукописи «Критика политической экономии», «Указатель к семи тетрадям», фрагмент первоначального текста второй главы первого выпуска «К критике политической экономии» и начало третьей главы, а также «Рефераты к моим собственным тетрадям» и набросок плана главы о капитале.

Перевод экономических рукописей К. Маркса 1857—1859 гг. сделан с текста упомянутого выше издания этих рукописей на языке оригинала (K. Marx. «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie». Moskau, 1939—1941). В текст издания 1939—1941 гг., при сверке его с фотокопиями рукописей, были внесены двоякого рода поправки: 1) уточнения расшифровки рукописей Маркса и 2) исправления явных описок Маркса. Текст рукописей для придания им более обозримого характера расчленен на разделы, которые снабжены заголовками, взятыми из «Указателя к семи тетрадям», из «Рефератов», из наброска плана главы о капитале, а также заголовками от редакции. Редакционные заголовки разделов, сформулированные на основании текста соответствующих частей рукописи с максимальным использованием терминов и формулировок самого Маркса, точно так же как и необходимые пояснения в переводе текста рукописей — даются в квадратных скобках. В квадратных же скобках даны цифры, обозначающие тетради рукописей Маркса (римские цифры или латинские буквы) и страницы каждой тетради (арабские цифры). В связи с этим те квадратные скобки, которые иногда встречаются в рукописях Маркса, заменены фигурными скобками. Если текст рукописей дается без всяких перестановок, то номер тетради и страницы ставится только один раз, в самом начале каждой страницы рукописей. Если же текст печатается не подряд, а с теми или иными перестановками, вытекающими из указаний Маркса, то номер тетради и страницы рукописи ставится как в начале отрывка, так и в конце его.

Большие трудности при подготовке настоящего издания представила задача дать точный и в то же время удобочитаемый перевод текста экономических рукописей 1857—1859 годов. Текст рукописей во многих местах литературно не отработан. Мысль Маркса нередко выражена в сокращенной и лишь начерно набросанной форме. Потребовалось немало усилий для того, чтобы найти адекватное выражение для передачи подлинного смысла оригинала. Хотя бо̀льшая часть рукописей написана Марксом по-немецки, но он часто пользуется для выражения своих мыслей английскими и французскими оборотами, а иной раз и целиком переходит на английский или французский

язык. При переводе рукописей на русский язык все это надо было унифицировать таким образом, чтобы мысль Маркса, выраженная на разных языках, получила однозначное и максимально точное выражение в тексте русского перевода.

Чрезмерно длинные абзацы в тексте рукописей разбиты при переводе на более удобные для чтения абзацы меньших размеров. В отдельных случаях, когда в тексте рукописей встречаются особенно громоздкие фразы с вкрапленными в них побочными замечаниями Маркса, эти замечания даются в виде подстрочных сносок, чтобы не нарушить связь основного хода рассуждения.

Каждая из двух частей настоящего издания экономических рукописей К. Маркса 1857—1859 гг. снабжена научно-справочным аппаратом, состоящим из примечаний, указателя цитируемой и упоминаемой литературы, указателя русских переводов цитируемых Марксом книг, аннотированного указателя имен. Кроме того, в конце второй части настоящего тома будет дан предметный указатель к обеим частям тома.

* * *

Некоторая, сравнительно небольшая часть экономических рукописей К. Маркса 1857—1859 гг. была в разное время опубликована на русском языке.

В июле 1904 г. в социал-демократическом журнале «Правда» был опубликован перевод рукописи «Бастиа и Кэри»; в 1905 г. этот перевод был издан в виде отдельной брошюры. Рукопись «Бастиа и Кэри» была опубликована также в 1933 г. в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика» (№ 3).

Во всех русских изданиях работы Маркса «К критике политической экономии», начиная с 1922 г., публикуется «Введение». Оно опубликовано также в 12-м томе настоящего издания.

«Глава о деньгах» из рукописи «Критика политической экономии» была напечатана в 1935 г. в виде IV тома «Архива Маркса и Энгельса». В 1939 г. в 3-м номере журнала «Пролетарская революция» был опубликован отрывок из «Главы о капитале» — «Формы, предшествующие капиталистическому производству». В 1940 г. этот отрывок был издан отдельной брошюрой. Ряд других отрывков из «Главы о капитале» был опубликован в приложении к русскому изданию «К критике политической экономии», вышедшему в 1935 г., в журналах «Большевик» (1932 г., № 15; 1939 г., № 11-12), «Коммунист» (1958 г., № 7), «Вопросы философии» (1965 г., № 8; 1966 г., № 1, 5, 6, 9, 10; 1967 г., № 6, 7; 1968 г., № 5).

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

К. МАРКС

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РУКОПИСИ 1857—1859 годов

(ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ «КАПИТАЛА»)

Часть первая

БАСТИА И КЭРИ[1]

[III—1] *Bastiat.* Harmonies Economiques. 2-me édition. Paris, 1851

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

История современной политической экономии заканчивается Рикардо и Сисмонди — двумя антиподами, из которых один говорит по-английски, а другой по-французски, — подобно тому как начинается она в конце XVII века Петти и Буагильбером. Позднейшая политико-экономическая литература сводится либо к эклектическим, синкретическим компендиям вроде произведения Дж. Ст. Милля[2], либо к более глубокой разработке отдельных отраслей, как например «История цен» Тука[3] и вообще новейшие сочинения об обращении — единственной отрасли, где действительно были сделаны новые открытия, так как сочинения о колонизации, земельной собственности (в ее различных формах), народонаселении и т. д. отличаются от прежних работ, собственно говоря, только бо̀льшим обилием материала, — либо к воспроизведению старых экономических споров для более широкой публики и для практического разрешения таких злободневных вопросов, как вопросы свободной торговли и протекционизма, — либо, наконец, к тенденциозному заострению классических направлений, как например Чалмерс по отношению к Мальтусу, Гюлих по отношению к Сисмонди и, в известном смысле, Мак-Куллох и Сениор (в их ранних сочинениях) по отношению к Рикардо. Это всецело литература эпигонов: воспроизведение старого, большее развитие формы, более широкое освоение материала, стремление к заостренности изложения, популяризация, резюмирование, разработка деталей, отсутствие ярких и решающих фаз анализа, инвентаризация старого, с одной стороны, и прирост отдельных частностей, с другой.

Исключение составляют, по-видимому, только сочинения американца Кэри и француза Бастиа, из которых последний признаёт, что он опирается на первого. И тот и другой понимают, что противники [буржуазной] политической экономии — социализм и коммунизм — находят свою теоретическую предпосылку в трудах самой классической политической экономии, особенно в трудах Рикардо, которые надо рассматривать как ее наиболее законченное и последнее выражение. Поэтому и тот и другой считают необходимым объявить ошибочным и подвергнуть нападкам то теоретическое выражение, которое буржуазное общество исторически получило в современной политической экономии, и доказывать гармонию производственных отношений там, где экономисты-классики наивно обрисовывали их антагонистичность. Совершенно различная, даже противоположная национальная среда, в условиях которой пишут Кэри и Бастиа, вызывает у них тем не менее одинаковые устремления.

Кэри является единственным оригинальным экономистом Северной Америки. Он принадлежит к такой стране, где буржуазное общество развивалось не на основе феодализма, а начинало с самого себя; где оно выступает не как переживший старое общество результат некоторого стародавнего движения, а как исходный пункт некоторого нового движения; где государство, в отличие от всех прежних национальных образований, с самого начала было подчинено буржуазному обществу, буржуазному производству и где оно никогда не могло предъявлять претензий на то, чтобы быть самоцелью; где само буржуазное общество, соединяя в себе производительные силы Старого света с огромными природными богатствами Нового света, развилось в неслыханных до сих пор размерах и с невиданной до сих пор свободой движения; где оно далеко превзошло всю проделанную до сих пор работу по [III—2] овладению силами природы и где, наконец, антагонизмы самого̀ буржуазного общества выступают всего лишь как мимолетные моменты.

Что̀ может быть естественнее того, что те производственные отношения, в которых этот огромный Новый свет развивался так быстро, так поразительно и так успешно, рассматриваются у Кэри как вечные нормальные отношения общественного производства и общения, которые в Европе (особенно в Англии, олицетворяющей для него Европу) лишь стеснены и нарушены унаследованными от феодального периода ограничениями? Что̀ может быть естественнее того, что эти отношения выступают в глазах Кэри как такие отношения, которые только в иска-

женном и фальсифицированном виде наблюдаются, воспроизводятся и обобщаются английскими экономистами, смешивающими, по мнению Кэри, случайные извращения этих отношений с их имманентным характером?

Противопоставление американских отношений английским — вот к чему сводится его критика английской теории земельной собственности, заработной платы, народонаселения, классовых противоречий и т. д. По его мнению, в Англии буржуазное общество существует не в чистом виде, не соответственно своему понятию, не адекватно самому себе, и потому понятия английских экономистов о буржуазном обществе никак не могут быть правильным, незатемненным выражением незнакомой им действительности.

Мешающее воздействие традиционных, не выросших из лона самогò буржуазного общества влияний на его *естественные* отношения сводится у Кэри в последнем счете к влиянию государства на буржуазное общество, к его вмешательству и к превышению им своих полномочий. Например, согласно природе вещей, заработная плата должна возрастать вместе с ростом производительности труда. А если мы находим, что действительность не соответствует этому закону, то мы должны — происходит ли это в Индостане или в Англии — лишь отвлечься от влияний правительства, от налогов, [государственных] монополий и т. д. Если рассматривать буржуазные отношения сами по себе, т. е. если сбросить со счетов влияния, оказываемые государством, то буржуазные отношения на деле всегда, мол, подтвердят гармонические законы буржуазной политической экономии. В какой мере эти государственные влияния, государственные долги, налоги и т. д. сами вырастают из буржуазных отношений, так что, например, в Англии они являются отнюдь не результатом феодализма, а, напротив, результатом его разложения и преодоления, в какой мере, далее, в самòй Северной Америке вместе с централизацией капитала растет власть центрального правительства, — этого, конечно, Кэри не исследует.

В то время как Кэри таким образом в противовес английским экономистам выпячивает более высокую степень развития буржуазного общества в Северной Америке, Бастиа в противовес французским социалистам выпячивает более низкую степень развития буржуазного общества во Франции. [Обращаясь к французским социалистам, он восклицает:] Вы думаете, что восстаете против законов буржуазного общества, [но делаете это] в такой стране, где этим законам никогда не было позволено осуществиться в действительности! Вы знаете эти

законы только в чахлой французской форме и рассматриваете как имманентную форму их то, что является лишь их национально-французским искажением. Взгляните на Англию! У нас во Франции задача заключается в том, чтобы освободить буржуазное общество от тех оков, которые на него накладывает государство. Вы же хотите умножить эти оковы. Добейтесь сперва того, чтобы буржуазные отношения существовали у нас в своем чистом виде, а тогда мы опять потолкуем. (Бастиа здесь прав постольку, поскольку во Франции вследствие ее своеобразной социальной структуры считается социализмом многое такое, что в Англии является политической экономией.)

Однако Кэри, исходным пунктом которого является американская эмансипация буржуазного общества от государства, кончает требованием государственного вмешательства для того, чтобы чистое развитие буржуазных отношений не нарушалось, как это фактически происходит в Америке, влиянием извне. Он протекционист, между тем как Бастиа фритредер.

Гармония экономических законов выступает во всем мире как дисгармония, и зачатки этой дисгармонии поражают Кэри даже в Соединенных Штатах. Откуда это странное явление? Кэри объясняет его разрушительным воздействием на мировой рынок Англии, стремящейся к промышленной монополии. Первоначально английские отношения были искажены внутри страны ложными теориями английских экономистов. Теперь Англия, [III—3] как господствующая сила на мировом рынке, искажает гармонию экономических отношений вовне, во всех странах мира. Эта дисгармония есть действительная дисгармония, а не основанная лишь на субъективном понимании экономистов.

Для Кэри Англия в экономическом отношении представляет то же самое, что Россия для Уркарта в политическом отношении. Гармония экономических отношений базируется, по Кэри, на гармоническом сотрудничестве города и деревни, промышленности и земледелия. Разрушив эту основную гармонию внутри страны, Англия уничтожает ее своей конкуренцией повсюду на мировом рынке и поэтому является элементом, разрушающим всеобщую гармонию. Защитой против этого могут служить только покровительственные пошлины — насильственное национальное ограждение от разрушительного действия английской крупной промышленности. Последним убежищем «экономических гармоний» оказывается, таким образом, государство, которое Кэри первоначально клеймил как единственного нарушителя этих гармоний.

С одной стороны, Кэри опять выступает здесь как выразитель национального развития определенной страны, а именно Соединенных Штатов, как выразитель их противоположности по отношению к Англии и их конкуренции с Англией. Он это делает в наивной форме, предлагая Соединенным Штатам разрушить распространяемый Англией индустриализм путем более быстрого развития его у себя дома при помощи покровительственных пошлин. Оставляя в стороне эту наивность, мы видим, что гармония буржуазных производственных отношений кончается у Кэри полнейшей дисгармонией этих отношений там, где они выступают на наиболее грандиозной арене, на мировом рынке, достигнув наиболее грандиозного развития в качестве отношений производящих наций. Все те отношения, которые кажутся ему гармоничными внутри определенных национальных границ, а также в абстрактной форме всеобщих отношений буржуазного общества — концентрация капитала, разделение труда, наемный труд и т. д., — оказываются у него дисгармоничными там, где они выступают в своей наиболее развитой форме, в своей форме мирового рынка, как такие внутренние отношения, которые создают господство англичан на мировом рынке и которые, в качестве разрушительных результатов, являются следствием этого господства.

Гармонично, если внутри какой-нибудь страны патриархальное производство уступает место промышленному производству и если процесс разложения, сопровождающий это развитие, рассматривается только с его положительной стороны. Но дисгармонично, если английская крупная промышленность разлагает патриархальные или мелкобуржуазные или другие стоящие на более низкой ступени развития формы чужого национального производства. Концентрация капитала внутри какой-нибудь страны и разлагающее действие этой концентрации в пределах той же страны представляются ему лишь с положительной стороны. Но монополия концентрированного английского капитала и ее разлагающее воздействие на менее крупные национальные капиталы других народов — дисгармоничны. Кэри не понял того, что эти дисгармонии мирового рынка являются лишь последним адекватным выражением тех дисгармоний, которые фиксируются, как абстрактные отношения, в экономических категориях и которые в своем минимальном масштабе обладают тем или иным локальным существованием.

Нет ничего удивительного в том, что Кэри, с другой стороны, совершенно забывает о положительном содержании этих процессов разложения при их полном проявлении на мировом

рынке, т. е. забывает о той стороне, которую он единственно только и замечает у экономических категорий, рассматриваемых в их абстрактной форме, или у реальных отношений внутри той или другой страны, из которых эти категории абстрагированы. Поэтому там, где экономические отношения предстают перед ним в их истине, т. е. в их универсальной реальности, он сразу же переходит от своего принципиального оптимизма к раздраженному и выступающему с доносами пессимизму. Это противоречие и делает его произведения оригинальными и придает им их подлинное значение. Он одинаково американец как в своем утверждении гармонии внутри буржуазного общества, так и в утверждении о дисгармоничности тех же самых отношений в их проявлении на мировом рынке.

У Бастиа все это отсутствует. Гармония отношений буржуазного общества выступает у него как такая потусторонность, которая начинается как раз там, где границы Франции кончаются, которая существует в Англии и в Америке. Это всего лишь созданная его воображением идеальная форма нефранцузских, англо-американских отношений, а не действительная форма отношений буржуазного общества в том виде, в каком они выступают перед ним в его собственной стране. Поэтому в то время как у него гармония отнюдь не проистекает из полноты живого созерцания действительности, а, наоборот, представляет собой напыщенный продукт некоей тощей и натянутой, оперирующей противопоставлениями рефлексии, — единственным моментом реального положения вещей является у него требование к французскому государству отказаться от своих экономических границ.

Кэри видит противоречия экономических отношений с того момента, когда они выступают на мировом рынке как *английские* отношения. Бастиа, который всего лишь воображает себе гармонию, начинает видеть ее осуществление только там, где кончается Франция и где все национально обособленные составные части буржуазного общества, освобожденные от опеки государства, свободно конкурируют друг с другом. Однако сама эта его последняя гармония — являющаяся вместе с тем предпосылкой всех его прежних, воображаемых гармоний — представляет собой опять-таки всего лишь требование, которое должно быть осуществлено путем фритредерского законодательства.

[III—4] Поэтому если Кэри — оставляя совершенно в стороне научную ценность его исследований — имеет по крайней мере ту заслугу, что он в абстрактной форме выразил крупные американские отношения, притом в их противопоставлении Ста-

рому свету, то у Бастиа единственным реальным фоном можно было бы считать мелкий характер французских отношений, которые повсюду проглядывают в его «Гармониях». Однако такого рода заслуга здесь излишня, потому что отношения такой старой страны, как Франция, достаточно хорошо известны и менее всего нуждаются в том, чтобы с ними знакомились на таком негативном окольном пути. Поэтому в области экономической науки Кэри богат, так сказать, добросовестными исследованиями по таким вопросам, как проблемы кредита, ренты и т. д. Бастиа же занят только тем, что, желая создать удовлетворенность существующими отношениями, перетолковывает соответствующим образом исследования, упирающиеся в противоречия, — лицемерие удовлетворенности.

Всеобщность у Кэри — это универсализм янки. Ему одинаково близки Франция и Китай. Во всех случаях он выступает как человек, живущий у берегов Тихого и Атлантического океанов. Всеобщность у Бастиа — это игнорирование всех стран. Как истый янки, Кэри повсюду собирает груды материала, который дает ему Старый свет, но не для того, чтобы познать имманентную душу этого материала и таким образом признать за ним право на своеобразную жизнь, а для того, чтобы его, в качестве мертвых примеров, в качестве безразличного материала, переработать для своих целей, для своих положений, абстрагированных им под углом зрения янки. Отсюда его блуждание по всем странам, привлечение массы критически не обработанного статистического материала и начитанность, напоминающая каталоги. Напротив, Бастиа преподносит фантастическую историю, преподносит свою абстракцию то в форме рассудочного построения, то в форме предполагаемых событий, которые, однако, никогда и нигде не происходили. Он поступает как теолог, который трактует грех то как закон человеческой природы, то как историю грехопадения.

Поэтому оба одинаково неисторичны и антиисторичны. Но момент неисторичности у Кэри является в настоящее время историческим принципом Северной Америки, между тем как элемент неисторичности у Бастиа представляет собой всего лишь отголосок характерной для XVIII века французской манеры обобщения. Кэри поэтому отличается бесформенностью и расплывчатостью, Бастиа — вычурностью и формальной логичностью. Самое большее, что дает Бастиа, это — банальности, выраженные в форме парадоксов, отшлифованные как грани хрусталя. Кэри начинает с нескольких общих положений, которые он предпосылает в форме теории. За ними следует нагромождение неоформленного материала в качестве обоснования.

Однако содержание предпосланных им общих положений остается совершенно необработанным. У Бастиа же, если не считать некоторых местных примеров или фантастически препарированных нормальных явлений из английской жизни, весь материал состоит только из общих положений экономистов.

Главным противником Кэри является Рикардо, вообще современные английские экономисты; главным противником Бастиа — французские социалисты.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

ГЛАВА XIV: О ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ [4]

[III—5] Вот главнейшие положения Бастиа.

1) Все люди стремятся к постоянству дохода, к *fixed revenue* *.

{Бастиа приводит чисто французский пример: каждый человек стремится стать чиновником или сделать чиновником своего сына (см. книгу Бастиа, стр. 371).}

Заработная плата является постоянной формой вознаграждения за труд (стр. 376) и поэтому представляет собой весьма усовершенствованную форму ассоциации, в первоначальной форме которой господствует элемент «случайности», поскольку здесь «все члены ассоциации подвержены всем случайностям, связанным с тем или иным предприятием» [стр. 380].

{«Если капитал берет риск на себя, то вознаграждение за труд фиксируется под названием *заработной платы*. Если же все хорошие и дурные последствия какого-нибудь предприятия хочет взять на себя труд, тогда вознаграждение капитала обособляется и фиксируется под названием *процента*» (стр. 382; дальнейшие рассуждения на эту тему см. на стр. 382—383).}

Однако, продолжает Бастиа, если первоначально в положении работника господствовал элемент случайности, то и при системе наемного труда стабильность его положения еще недостаточно обеспечена. Система наемного труда представляет собой

«промежуточную ступень между случайностью и стабильностью» [стр. 384].

* — постоянному, фиксированному доходу. *Ред.*

Ступень стабильности достигается путем

«сбережений в те дни, когда у рабочего есть работа, для того чтобы иметь чем удовлетворить свои потребности в старости или во время болезни» (стр. 388).

Эта последняя ступень получает свое развитие при помощи «обществ взаимопомощи» (там же) и, наконец, при помощи «*пенсионной кассы* рабочих» [5] (стр. 393).

(Подобно тому, как человек исходил у Бастиа из потребности стать чиновником, так он заканчивает свой жизненный путь, преисполненный удовлетворения тем, что он получает пенсию.)

К пункту 1-му. Даже если бы все сказанное у Бастиа относительно постоянства заработной платы было правильно, подведение заработной платы под категорию «постоянных доходов» еще ничего не дало бы нам для познания *своеобразного характера* заработной платы, ее характерной определенности. Здесь был бы отмечен только один из аспектов заработной платы, общий для нее и для других источников дохода, — и ничего больше. Конечно, это давало бы уже кое-что для адвоката, стремящегося защищать преимущества системы наемного труда. Но экономисту, стремящемуся понять своеобразие этого отношения во всем его объеме, это еще не давало бы ничего. Фиксировать некоторое одностороннее определение какого-нибудь отношения, какой-нибудь экономической формы и воспевать ему панегирики в противовес противоположному определению — этот заурядный адвокатский и апологетический прием весьма характерен для резонера Бастиа.

Итак, нам предлагается вместо «заработной платы» поставить слова̀ «постоянство дохода». Разве постоянство дохода не есть нечто хорошее? Разве всякий человек не любит рассчитывать на нечто определенное? И особенно всякий мещански ограниченный француз с его мелкими чувствами и стремлениями, этот человек, всегда в чем-то нуждающийся? Точно таким же способом защищалось и крепостничество — и, быть может, с бо̀льшим правом.

Между тем можно было бы утверждать — и действительно утверждалось — как раз обратное. Можно поставить знак равенства между заработной платой и непостоянством в смысле продвижения вперед дальше определенного пункта. Кто не любит продвигаться дальше, вместо того чтобы стоять на месте? Поэтому разве плохо такое отношение, которое дает шансы на возможность прогресса до бесконечности в смысле буржуазного благополучия? Вполне естественно, что у самого Бастиа система наемного труда выступает в другом месте как некое

непостоянство. Только благодаря непостоянству, благодаря переменам в положении рабочего, рабочий может перестать быть наемным рабочим и превратиться в капиталиста, как этого хочет Бастиа.

Итак, наемный труд хорош потому, что он есть постоянство; он хорош потому, что он есть непостоянство; он хорош потому, что он не есть ни то, ни другое в отдельности, а есть и то и другое в одинаковой мере. Какое же отношение не окажется хорошим, если свести его к одному одностороннему определению и это определение рассматривать как нечто положительное, а не как нечто отрицательное? На такого рода абстракции покоится всякая рефлектирующая болтовня, шарахающаяся то в одну, то в другую сторону, всякая апологетика, всякая благонамеренная софистика.

После этого общего предварительного замечания перейдем к действительному построению Бастиа.

(Заметим лишь еще мимоходом, что упоминаемый у Бастиа [на стр. 378—379] издольщик из департамента Ланды — бедняга, соединяющий в себе несчастья наемного работника с превратностями судьбы мелкого капиталиста, — действительно мог бы почувствовать себя счастливым, если бы его перевели на постоянную оплату.)

Прудоновская «описательная и философская история» [6] едва ли может равняться с «описательной и философской историей» противника Прудона — Бастиа. Согласно Бастиа, на смену первоначальной форме ассоциации, в которой все члены ассоциации одинаково несут последствия всех случайностей, приходит, как более высокая и достигнутая по добровольному соглашению обеих сторон, [III—6] та ступень ассоциации, на которой вознаграждение рабочего фиксировано. Мы уже не будем задерживать здесь внимание на той гениальной мысли, которая сначала предполагает существование, с одной стороны, капиталиста, с другой — рабочего, чтобы лишь после этого, по договоренности между ними, постулировать возникновение отношения между капиталом и наемным трудом.

Та форма ассоциации, в которой рабочий подвержен всяким случайностям при получении доходов, в которой все производители одинаково зависят от случая и которая, подобно тому как тезис предшествует антитезису, непосредственно предшествует наемному труду, при котором вознаграждение за труд приобретает постоянство, становится стабильным, — эта форма представляет собой, по мнению Бастиа, такое состояние общества, при котором господствующими формами производства и общения являются рыболовство, охота и пастушество. Сначала бродя-

чий рыбак, охотник, пастух, затем — наемный рабочий. Где и когда имел место этот *исторический* переход из полудикого состояния в современное? В лучшем случае — в «Charivari» [7].

В действительной истории наемный труд возникает из разложения рабства и крепостничества или из разрушения общинной собственности, как это было у восточных и славянских народов, — а в своей адекватной, составляющей эпоху форме, охватывающей все общественное бытие труда, он возникает из гибели цехового хозяйства, сословного строя, натурального труда и натурального дохода, из промышленности, являвшейся побочной отраслью сельского хозяйства, из феодального мелкого сельского хозяйства и т. д. Во всех этих действительно исторических переходах наемный труд выступает как разложение, как уничтожение таких отношений, при которых труд был фиксирован во всех своих моментах: по получаемому им доходу, по своему содержанию, по месту выполнения, по своему объему и т. д. *Таким образом, наемный труд выступает как отрицание постоянства труда и его вознаграждения.* Непосредственный переход от фетиша африканца к «верховному существу» Вольтера [8] или от охотничьего снаряжения североамериканского дикаря к капиталу Английского банка не так нелеп и антиисторичен, как переход от фигурирующего у Бастиа рыбака к наемному рабочему.

(Кроме того, во всех этих процессах развития нет и намека на изменения, происшедшие добровольно, по взаимному соглашению.)

Этой исторической конструкции, в которой Бастиа свою плоскую абстракцию ложно представляет себе в форме действительного события, достойным образом соответствует заключительное положение Бастиа, в котором английские общества взаимопомощи и сберегательные кассы выступают как последнее слово системы наемного труда и как разрешение всех социальных антиномий.

Итак, в действительной истории характерной чертой наемного труда является непостоянство, т. е. нечто прямо противоположное построению Бастиа. Но каким образом он вообще пришел к конструированию постоянства как всекомпенсирующего определения наемного труда? И каким образом пришел он к попытке исторически представить определяемый в этом смысле наемный труд как более высокую форму вознаграждения труда, его вознаграждения в других формах общества или ассоциации?

Все экономисты, когда они говорят о существующем отношении между капиталом и наемным трудом, между прибылью

и заработной платой и доказывают рабочему, что он не имеет права претендовать на участие в шансах прибыли, — вообще когда они хотят успокоить рабочего насчет его подчиненной роли по отношению к капиталисту, — всегда указывают рабочему на то, что ему в противоположность капиталисту обеспечено известное постоянство дохода, более или менее независимое от крупного риска капитала. Совершенно так же Дон-Кихот утешал Санчо Пансу, говоря, что хотя ему и достаются все побои, но зато ему и не нужно быть храбрым. Таким образом, то определение, которое экономисты приписывают заработной плате в противоположность прибыли, Бастиа превращает в определение наемного труда в противоположность прежним формам труда и рассматривает его как шаг вперед по сравнению с вознаграждением труда при этих прежних отношениях. Банальность, подсовываемая в существующее отношение и служащая для утешения одной его стороны и ее примирения с другой стороной, вытаскивается г-ном Бастиа из этого отношения и преподносится как историческая основа для возникновения самого этого отношения.

Экономисты говорят: в отношении между заработной платой и прибылью, между наемным трудом и капиталом преимущество постоянства принадлежит заработной плате.

Г-н Бастиа заявляет: постоянство, т. е. одна из сторон отношения между заработной платой и прибылью, является исторической основой возникновения наемного труда (или принадлежит заработной плате не в противоположность к прибыли, а в противоположность к прежним формам вознаграждения труда), стало быть и исторической основой возникновения прибыли, т. е. — исторической основой возникновения всего этого отношения.

Так у Бастиа банальность об одной стороне отношения между заработной платой и прибылью незаметно превращается в историческую основу всего этого отношения. Происходит это потому, что его воображение всегда занято социализмом, который ему затем всюду мерещится как самая первая форма ассоциации. Здесь перед нами пример того, какую важную форму приобретают у Бастиа такие апологетические банальности, которые в рассуждениях экономистов обычно занимают всего лишь второстепенное место.

[III—7] Вернемся к экономистам. В чем состоит это постоянство заработной платы? Разве заработная плата является неизменно постоянной? Это безусловно противоречило бы закону спроса и предложения, являющемуся основой для установления высоты заработной платы. Ни один экономист не отрицает

колебаний заработной платы, ее повышения и понижения. Далее, разве заработная плата не зависит от кризисов? Или от применения машин, делающих наемный труд излишним? Или от разделения труда, которое его перемещает из одной отрасли в другую? Утверждать все это было бы ересью, да это и не утверждается.

Все, что тут имеется в виду, состоит в следующем: если брать общие средние данные, то заработная плата составляет некоторую среднюю величину, т. е. приближается к столь ненавистному для Бастиа минимуму заработной платы для всего рабочего класса, и в общем и целом наблюдается известная средняя непрерывность труда, так что заработная плата может, например, продолжать выплачиваться и тогда, когда прибыль падает или даже на короткое время совсем исчезает. Но это означает лишь следующее: если предположить, что наемный труд является господствующей формой труда, основой производства, то рабочий класс существует на заработную плату и в среднем отдельному рабочему обеспечено некоторое постоянство работы по найму. Другими словами, это — тавтология. Там, где капитал и наемный труд являются господствующим производственным отношением, существует и средняя непрерывность наемного труда и постольку — постоянство заработной платы для рабочего. Где существует наемный труд, там он существует. И вот это-то и рассматривается г-ном Бастиа как всекомпенсирующее качество наемного труда!

Далее, сказать, что при таком состоянии общества, которое характеризуется развитостью капитала, общественное производство в целом является более регулярным, более непрерывным, более всесторонним, а вместе с тем и более «постоянен» доход занятых в нем элементов, чем там, где капитал, т. е. производство, еще не находится на этой ступени развития, — это значит высказать другую тавтологию, которая уже дана вместе с самим понятием капитала и покоящегося на нем производства. Другими словами, кто же отрицает, что всеобщее существование наемного труда предполагает более высокое развитие производительных сил, чем то, которое имелось на ступенях, предшествовавших наемному труду? И каким образом пришло бы социалистам в голову выдвигать более высокие требования, если бы они не исходили из этого более высокого развития порожденных наемным трудом общественных производительных сил? Последнее, напротив, есть предпосылка их требований.

Примечание. Первая форма, в которой заработная плата выступает как всеобщее явление, это — военное

жалованье, которое появляется во времена упадка национальных войск и гражданской милиции. Сперва сами граждане начинают получать жалованье. Вскоре вслед за этим их место занимают наемники, переставшие быть гражданами.

2) *(Нет возможности прослеживать дальше эту нелепицу. Поэтому мы оставляем г-на Бастиа.)* [III—7]

Написано в июле 1857 г.

Впервые опубликовано в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 2, № 27, 1903—1904 гг.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ВВЕДЕНИЕ [9]

I. ПРОИЗВОДСТВО, ПОТРЕБЛЕНИЕ, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ, ОБМЕН (ОБРАЩЕНИЕ) [10]

1. ПРОИЗВОДСТВО

[M—1] а) Предмет исследования — это прежде всего *материальное производство.*

Индивиды, производящие в обществе, — а следовательно общественно-определенное производство индивидов, — таков, естественно, исходный пункт. Единичный и обособленный охотник и рыболов, с которых начинают Смит и Рикардо [11], принадлежат к лишенным фантазии выдумкам XVIII века. Это — робинзонады, которые отнюдь не являются — как воображают историки культуры — лишь реакцией против чрезмерной утонченности и возвращением к ложно понятой природной, натуральной жизни. Ни в малейшей степени не покоится на таком натурализме и contrat social Руссо [12], который устанавливает путем договора взаимоотношение и связь между субъектами, по своей природе независимыми друг от друга. Натурализм здесь — видимость, и только эстетическая видимость, создаваемая большими и малыми робинзонадами. А в действительности это, скорее, — предвосхищение того «гражданского общества», которое подготовлялось с XVI века и в XVIII веке сделало гигантские шаги на пути к своей зрелости. В этом обществе свободной конкуренции отдельный человек выступает освобожденным от природных связей и т. д., которые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определенного ограниченного человеческого конгломерата. Пророкам XVIII века, на плечах которых еще всецело стоят Смит и Рикардо, этот индивид XVIII века — продукт, с одной стороны, разложения феодальных общественных форм, а с другой — развития новых производительных сил, начавшегося

с XVI века, — представляется идеалом, существование которого относится к прошлому; он представляется им не результатом истории, а ее исходным пунктом, ибо именно он признается у них индивидом, соответствующим природе, согласно их представлению о человеческой природе, признается не чем-то возникающим в ходе истории, а чем-то данным самой природой. Эта иллюзия была до сих пор свойственна каждой новой эпохе. Стюарт, который во многих отношениях находится в оппозиции к XVIII веку и, как аристократ, в большей степени стоит на исторической почве, избежал этой ограниченности.

Чем дальше назад уходим мы в глубь истории, тем в большей степени индивид, а следовательно и производящий индивид, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще совершенно естественным образом он связан с семьей и с семьей, развившейся в род; позднее — с возникающей из столкновения и слияния родов общиной в ее различных формах. Лишь в XVIII веке, в «гражданском обществе», различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности как всего лишь средство для ее частных целей, как внешняя необходимость. Однако эпоха, порождающая эту точку зрения — точку зрения обособленного одиночки, — есть как раз эпоха наиболее развитых общественных (с этой точки зрения всеобщих) отношений. Человек есть в самом буквальном смысле ζῷον πολιτικόν[13], не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе [M—2] и может обособляться. Производство обособленного одиночки вне общества — редкое явление, которое, конечно, может произойти с цивилизованным человеком, случайно заброшенным в необитаемую местность и потенциально уже содержащим в себе общественные силы, — такая же бессмыслица, как развитие языка без *совместно* живущих и разговаривающих между собой индивидов. На этом можно больше не останавливаться. Этого пункта можно было бы вовсе не касаться, если бы нелепости, вполне понятные у людей XVIII века, не были снова всерьез привнесены в новейшую политическую экономию Бастиа, Кэри *, Прудоном [14] и т. д. Прудону и другим, конечно, приятно давать историко-философское объяснение происхождению какого-либо экономического отношения, исторического возникновения которого он не знает, путем создания мифов о том, что Адаму или Прометею данная идея явилась в готовом и законченном виде, а затем она была введена и т. д. Нет ничего более сухого и скучного, чем фантазирующее locus communis **.

* См. настоящий том, часть I, стр. 9, 12—13. *Ред.*

** — общее место, банальность. *Ред.*

Обложка тетради *M*,
содержащей «Введение»

Итак, когда речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной ступени общественного развития — о производстве общественных индивидов. Может поэтому показаться, что для того, чтобы вообще говорить о производстве, мы должны либо проследить процесс исторического развития в его различных фазах, либо с самого начала заявить, что мы имеем дело с определенной исторической эпохой, например с современным буржуазным производством, которое и на самом деле является нашей подлинной темой. Однако все эпохи производства имеют некоторые общие признаки, общие определения. *Производство вообще* — это абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений. Однако это *всеобщее* или выделенное путем сравнения общее само есть нечто многообразно расчлененное, выражающееся в различных определениях. Кое-что из этого относится ко всем эпохам, другое является общим лишь некоторым эпохам. Некоторые определения общи и для новейшей и для древнейшей эпохи. Без них немыслимо никакое производство. Однако хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, все же именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие. Определения, имеющие силу для производства вообще, должны быть выделены именно для того, чтобы из-за единства, которое проистекает уже из того, что субъект, человечество, и объект, природа, — одни и те же, не были забыты существенные различия. В забвении этого заключается, например, вся мудрость современных экономистов, которые доказывают вечность и гармоничность существующих социальных отношений. Они доказывают, например, что никакое производство невозможно без орудия производства, хотя бы этим орудием была только рука, что никакое производство невозможно без прошлого, накопленного труда, хотя бы этот труд был всего лишь сноровкой, которую рука дикаря приобрела и накопила путем повторяющихся [М—3] тренировок. Капитал есть, между прочим, также и орудие производства, также и прошлый, объективированный труд. Стало быть [заключают современные экономисты], капитал есть всеобщее, вечное, естественное отношение. Это получается потому, что отбрасывают как раз то специфическое, что одно только и делает «орудие производства», «накопленный труд», капиталом. Вся история производственных отношений представляется поэтому, например у Кэри, лишь фальсификацией, злонамеренно учиненной правительствами.

Если не существует производства вообще, то не существует также и всеобщего производства. Производство всегда есть та или иная *особая* отрасль производства, например земледелие, животноводство, обрабатывающая промышленность и т. д., или оно есть их *совокупность*. Однако политическая экономия — не технология. Отношение всеобщих определений производства на данной общественной ступени развития к особенным формам производства надлежит развить в другом месте (впоследствии).

Наконец, производство не есть и только особенное производство: всегда имеется определенный общественный организм, общественный субъект, действующий в более обширной или более скудной совокупности отраслей производства. Отношение научного изложения к реальному движению опять-таки сюда еще не относится. Производство вообще. Особые отрасли производства. Производство как совокупное целое.

Стало модой изложению политической экономии предпосылать общую часть, и как раз такую, которая фигурирует под заглавием «Производство» (смотри, например, Дж. Ст. Милля[15]) и в которой рассматриваются *общие условия* всякого производства.

Эта общая часть состоит или должна, как утверждают, состоять:

1) Из рассмотрения условий, без которых производство невозможно, т. е. таких условий, которые фактически всего лишь отмечают существенные моменты всякого производства. Это, однако, сводится фактически, как мы увидим, к немногим очень простым определениям, раздуваемым в плоские тавтологии.

2) Из рассмотрения условий, в большей или меньшей степени способствующих производству, каковы, например, прогрессирующее и стагнационное состояния общества у Адама Смита[16]. То, что об этом говорит А. Смит, имеет свою ценность в качестве беглого замечания, но для того, чтобы это поднять до научного значения, были бы необходимы исследования о *степенях производительности*, по периодам, в ходе развития отдельных народов, — исследования, которые лежат вне рамок нашей темы; поскольку же эти исследования относятся к ней, они должны быть изложены при рассмотрении конкуренции, накопления и т. д. В общей постановке ответ сводится к общему положению, что промышленная нация достигает высокого уровня своего производства в тот момент, когда она вообще находится на высоком уровне своего исторического развития. И действительно, высокий уровень промышленного развития народа имеет место до тех пор, пока главным для него является не прибыль [Gewinn], а добывание [Gewinnen]. Постольку янки стоят выше англичан. Или же здесь указывают на то, что,

например, известные расовые особенности, климат, природные условия, как-то: близость к морю, плодородие почвы и т. д., более благоприятны для производства, чем другие. Это опять-таки сводится к тавтологии, что богатство создается тем легче, чем в большей степени имеются налицо его субъективные и объективные элементы.

[M—4] Однако все это не является тем, что для экономистов составляет действительную суть дела в этой общей части. Суть дела заключается скорее в том, что производство, — смотри, например, Милля [17], — в отличие от распределения и т. д., изображается как заключенное в рамки независимых от истории вечных законов природы, чтобы затем, пользуясь этим удобным случаем, совершенно незаметно в качестве непреложных естественных законов общества in abstracto * подсунуть *буржуазные* отношения. Такова более или менее сознательная цель всего этого приема. При распределении, напротив, люди якобы действительно позволяют себе всякого рода произвол. Не говоря уже о том, что здесь грубо разрывается действительная связь, существующая между производством и распределением, с самого начала должно быть ясно, что, каким бы различным ни было распределение на различных ступенях общественного развития, в нем, так же как и в производстве, могут быть выделены общие определения, и все исторические различия точно таким же образом могут быть смешаны и стерты в *общечеловеческих* законах. Например, раб, крепостной, наемный рабочий — все они получают известное количество пищи, которое дает им возможность существовать как рабу, как крепостному, как наемному рабочему. Завоеватель, живущий за счет дани, или чиновник, живущий за счет налогов, или земельный собственник — за счет ренты, или монах — за счет милостыни, или священнослужитель — за счет десятины, — все они получают долю общественного продукта, определяемую другими законами, чем доля раба и т. д. Два основных пункта, которые все экономисты ставят под этой рубрикой, — это: 1) собственность, 2) ее охрана юстицией, полицией и т. д.

На это следует весьма кратко ответить:

ad 1) **. Всякое производство есть присвоение индивидом предметов природы в рамках определенной формы общества и посредством нее. В этом смысле будет тавтологией сказать, что собственность (присвоение) есть условие производства. Смешно, однако, делать отсюда прыжок к определенной форме собственности, например к частной собственности (что к тому

* — вообще. *Ред.*
** — к пункту 1). *Ред.*

же предполагало бы в качестве условия равным образом еще и противоположную форму — *отсутствие собственности*). История, наоборот, показывает нам общую собственность (например, у индийцев, славян, древних кельтов и т. д.) как более изначальную форму, — форму, которая еще долго играет значительную роль в виде общинной собственности. Мы здесь еще совершенно не касаемся вопроса о том, растет ли богатство лучше при той или другой форме собственности. Но что ни о каком производстве, а стало быть, и ни о каком обществе, не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности, — это тавтология. Присвоение, которое ничего не присваивает, есть contradictio in subjecto *.

ad 2). Охрана приобретенного и т. д. Если эти тривиальности свести к их действительному содержанию, то они означают больше, чем известно их проповедникам. А именно: что каждая форма производства порождает свойственные ей правовые отношения, формы правления и т. д. Грубость и поверхностность взглядов в том и заключается, что явления, органически [M—5] между собой связанные, ставятся в случайные взаимоотношения и в чисто рассудочную связь. У буржуазных экономистов здесь на уме только то, что при современной полиции можно лучше производить, чем, например, при кулачном праве. Они забывают только, что и кулачное право есть право и что право сильного в другой форме продолжает существовать также и в их «правовом государстве».

Когда общественные порядки, соответствующие определенной ступени производства, только возникают или когда они уже исчезают, естественно происходят нарушения производства, хотя и в различной степени и с различным результатом.

Резюмируем: есть определения, общие всем ступеням производства, которые фиксируются мышлением как всеобщие; однако так называемые *всеобщие условия* всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства.

2. ОБЩЕЕ ОТНОШЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА К РАСПРЕДЕЛЕНИЮ, ОБМЕНУ, ПОТРЕБЛЕНИЮ

Прежде чем вдаваться в дальнейший анализ производства, необходимо рассмотреть те различные рубрики, которые экономисты ставят рядом с производством.

* — противоречие в самом предмете. *Ред.*

Первое поверхностное представление: в процессе производства члены общества приспосабливают (создают, преобразовывают) продукты природы к человеческим потребностям; распределение устанавливает долю каждого индивида в произведенном; обмен доставляет ему те определенные продукты, на которые он хочет обменять доставшуюся ему при распределении долю; наконец, в потреблении продукты становятся предметами потребления, индивидуального присвоения. Производство создает предметы, соответствующие потребностям; распределение распределяет их согласно общественным законам; обмен снова распределяет уже распределенное согласно отдельным потребностям; наконец, в потреблении продукт выпадает из этого общественного движения, становится непосредственно предметом и слугой отдельной потребности и удовлетворяет ее в процессе потребления. Производство выступает, таким образом, как исходный пункт, потребление — как конечный пункт, распределение и обмен — как середина, которая, в свою очередь, заключает в себе два момента, поскольку распределение определяется как момент, исходящий от общества, а обмен — как момент, исходящий от индивидов. В производстве объективируется личность; в потреблении субъективируется вещь; в распределении общество берет на себя, в форме господствующих всеобщих определений, опосредствование между производством и потреблением; в обмене они опосредствуются случайной определенностью индивида.

Распределение определяет отношение (количество), в котором продукты достаются индивидам; обмен определяет те продукты, в которых индивид [M—6] требует себе свою часть, уделенную ему распределением.

Производство, распределение, обмен, потребление образуют, таким образом, правильный силлогизм: производство составляет в нем всеобщность, распределение и обмен — особенность, а потребление — единичность, замыкающую собой целое. Это, конечно, связь, но поверхностная. Производство [согласно политико-экономам] определяется всеобщими законами природы, распределение — общественной случайностью, и его влияние на производство может поэтому быть или более благоприятным, или менее благоприятным; обмен находится между ними обоими как формально общественное движение, а заключительный акт — потребление, рассматриваемое не только как конечный пункт, но также и как конечная цель, — лежит, собственно говоря, вне политической экономии, за исключением того, что оно, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на исходный пункт и вновь дает начало всему процессу.

Противники политико-экономов, — будь то противники из среды самой этой науки или вне ее, — упрекающие политико-экономов в варварском разрывании на части единого целого, либо стоят с ними на одной и той же почве, либо ниже их. Нет ничего более банального, чем упрек, будто политико-экономы обращают слишком большое, исключительно большое внимание на производство, рассматривая его как самоцель. Распределение имеет, мол, столь же большое значение. В основе этого упрека лежит как раз представление политико-экономов, будто распределение существует как самостоятельная, независимая сфера рядом с производством. Или политико-экономам делают упрек, что, дескать, у них эти моменты не охватываются в их единстве. Как будто бы это разрывание единого целого на части проникло не из действительности в учебники, а наоборот, из учебников — в действительность и как будто здесь дело идет о диалектическом примирении понятий, а не о понимании реальных отношений!

а) [ПОТРЕБЛЕНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО]

Производство есть непосредственно также и потребление. Двоякое потребление — субъективное и объективное. [Во-первых:] индивид, развивающий свои способности в процессе производства, в то же время расходует, потребляет их в акте производства, точно так же как естественный акт создания потомства представляет собой потребление жизненных сил. Во-вторых: производство есть потребление средств производства, которые используются, изнашиваются, а отчасти (как например при сжигании топлива) вновь распадаются на основные элементы. Точно так же производство есть потребление сырья, которое не сохраняет своего естественного вида и свойств, а, наоборот, утрачивает их. Поэтому сам акт производства, во всех своих моментах, есть также и акт потребления. Но со всем этим экономисты соглашаются. Производство, как непосредственно идентичное с потреблением, потребление, как непосредственно совпадающее с производством, они называют *производительным потреблением*. Эта идентичность производства и потребления сводится к положению Спинозы: «determinatio est negatio» [18].

[М—7] Однако это определение производительного потребления как раз и выдвигается экономистами только для того, чтобы отделить потребление, идентичное с производством, от собственно потребления, которое, наоборот, понимается как уничтожающая противоположность производства. Итак, рассмотрим собственно потребление.

Потребление есть непосредственно также и производство, подобно тому как в природе потребление химических элементов и веществ есть производство растения. Что, например, в процессе питания, представляющем собой одну из форм потребления, человек производит свое собственное тело, — это ясно; но это же имеет силу и относительно всякого другого вида потребления, который с той или другой стороны, каждый в своем роде, производит человека. Это — потребительное производство. Однако, говорит политическая экономия, это идентичное с потреблением производство есть второй вид производства, проистекающий из уничтожения продукта первого. В первом производитель себя овеществляет, во втором — персонифицируется произведенная им вещь. Таким образом, это потребительное производство, — хотя оно есть непосредственное единство производства и потребления, — существенно отличается от собственно производства. То непосредственное единство, в котором производство совпадает с потреблением и потребление — с производством, сохраняет их непосредственную раздвоенность.

Итак, производство есть непосредственно потребление, потребление есть непосредственно производство. Каждое непосредственно является своей противоположностью. Однако в то же время между обоими имеет место опосредствующее движение. Производство опосредствует потребление, для которого оно создает материал, без чего у потребления отсутствовал бы предмет. Однако и потребление опосредствует производство, ибо только оно создает для продуктов субъекта, для которого они и являются продуктами. Продукт получает свое последнее завершение только в потреблении. Железная дорога, по которой не ездят, которая не используется, не потребляется, есть железная дорога только δυνάμει *, а не в действительности. Без производства нет потребления, но и без потребления нет производства, так как производство было бы в таком случае бесцельно.

Потребление создает производство двояким образом:

1) Тем, что только в потреблении продукт становится действительным продуктом. Например, платье становится действительно платьем лишь тогда, когда его носят; дом, в котором не живут, фактически не является действительным домом. Таким образом, продукт, в отличие от простого предмета природы, проявляет себя как продукт, *становится* продуктом только в потреблении. Потребление, уничтожая продукт, этим самым придает ему завершенность, ибо продукт есть [результат]

* — в возможности. *Ред.*

производства не просто как овеществленная деятельность, а лишь как предмет для деятельного субъекта.

2) Тем, что потребление создает потребность в *новом* производстве, стало быть, идеальный, внутренне побуждающий мотив производства, являющийся его предпосылкой. Потребление создает влечение к производству; оно создает также и тот предмет, который в качестве цели определяющим образом действует в процессе производства. И если ясно, что производство доставляет потреблению предмет в его внешней форме, то [М—8] столь же ясно, что потребление *полагает* предмет производства *идеально*, как внутренний образ, как потребность, как влечение и как цель. Оно создает предметы производства в их еще субъективной форме. Без потребности нет производства. Но именно потребление воспроизводит потребность.

Этому соответствует со стороны производства то, что оно:

1) доставляет потреблению материал, предмет. Потребление без предмета не есть потребление. Таким образом, с этой стороны производство создает, порождает потребление.

2) Но производство создает для потребления не только предмет, — оно придает потреблению также его определенность, его характер, его отшлифованность. Как потребление отшлифовывает продукт как продукт, точно так же производство отшлифовывает потребление. Прежде всего, предмет не есть предмет вообще, а определенный предмет, который должен быть потреблен определенным способом, опять-таки предуказанным самим производством. Голод есть голод, однако голод, который утоляется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, при котором проглатывают сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов. Поэтому не только предмет потребления, но также и способ потребления создается производством, не только объективно, но и субъективно. Производство, таким образом, создает потребителя.

3) Производство доставляет не только потребности материал, но и материалу потребность. Когда потребление выходит из своей первоначальной природной грубости и непосредственности, — а длительное пребывание его на этой ступени само было бы результатом закосневшего в природной грубости производства, — то оно само, как влечение, опосредствуется предметом. Потребность, которую оно ощущает в том или ином предмете, создана восприятием последнего. Предмет искусства — то же самое происходит со всяким другим продуктом — создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой. Производство создает поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета.

Итак, производство создает потребление: 1) производя для него материал, 2) определяя способ потребления, 3) возбуждая в потребителе потребность, предметом которой является создаваемый им продукт. Оно производит поэтому предмет потребления, способ потребления и влечение к потреблению. Точно так же потребление порождает *способности* производителя, возбуждая в нем направленную на определенную цель потребность.

Идентичность потребления и производства проявляется, следовательно, трояко:

1) *Непосредственная идентичность:* производство есть потребление; потребление есть производство. Потребительное производство. Производительное потребление. Политико-экономы называют то и другое [М—9] производительным потреблением, но делают еще одно различие: первое фигурирует как воспроизводство, второе — как производительное потребление. Все исследования относительно первого являются исследованиями о производительном и непроизводительном труде; исследования относительно второго — исследованиями о производительном и непроизводительном потреблении.

2) Каждое из них выступает как средство для другого, одно опосредствуется другим, что находит свое выражение в их взаимной зависимости друг от друга. Это — такое движение, благодаря которому они вступают в отношения друг к другу, выступают как настоятельно необходимые друг для друга, но в котором они остаются тем не менее еще внешними по отношению друг к другу. Производство создает материал как внешний предмет для потребления; потребление создает потребность как внутренний предмет, как цель для производства. Без производства нет потребления, без потребления нет производства. Это положение фигурирует в политической экономии в различных формах.

3) Производство — не только непосредственно потребление, а потребление — непосредственно производство; производство также — не только средство для потребления, а потребление — цель для производства, т. е. в том смысле, что каждое доставляет другому его предмет: производство — внешний предмет для потребления, потребление — мысленно представляемый предмет для производства. Каждое из них есть не только непосредственно другое и не только опосредствует другое, но каждое из них, совершаясь, создает другое, создает себя как другое. Только потребление и завершает акт производства, придавая продукту законченность его как продукта, поглощая его, уничтожая его самостоятельно-вещную форму, повышая

посредством потребности в повторении способность, развитую в первом акте производства, до степени мастерства; оно, следовательно, не только тот завершающий акт, благодаря которому продукт становится продуктом, но и тот, благодаря которому производитель становится производителем. С другой стороны, производство создает потребление, создавая определенный способ потребления и затем создавая влечение к потреблению, саму способность потребления как потребность. Эта последняя, относящаяся к пункту 3-му, идентичность многократно разъясняется в политической экономии в виде соотношения спроса и предложения, предметов и потребностей, потребностей естественных и созданных обществом.

Поэтому для гегельянца нет ничего проще, как отождествить производство и потребление. И это делается не только социалистическими беллетристами[19], но и самыми прозаическими экономистами, например Сэем, в той форме, что если рассматривать какой-нибудь народ в целом или также человечество in abstracto, то его производство будет его потреблением. Шторх, указывая на ошибку Сэя, напомнил, что, например, народ не потребляет свой продукт целиком, но создает и средства производства, основной капитал и т. д. [20]. Кроме того, рассматривать общество как один-единственный субъект значит рассматривать его неправильно, умозрительно. У единичного субъекта производство и потребление выступают как моменты одного акта. Здесь важно [М—9'] подчеркнуть только то, что, будем ли мы рассматривать производство и потребление как деятельность одного субъекта или как деятельность многих индивидов, они во всяком случае выступают как моменты такого процесса, в котором производство есть действительно исходный пункт, а поэтому также и господствующий момент. В качестве нужды, в качестве потребности, потребление само есть внутренний момент производительной деятельности. Но последняя есть исходный пункт реализации, а потому и ее господствующий момент — акт, в который снова превращается весь процесс. Индивид производит предмет и через его потребление возвращается опять к самому себе, но уже как производящий и воспроизводящий себя самого индивид. Потребление выступает, таким образом, как момент производства.

Но в обществе отношение производителя к продукту, когда он уже изготовлен, чисто внешнее, и возвращение продукта к субъекту зависит от отношения последнего к другим индивидам. Он не вступает непосредственно во владение продуктом. Точно так же непосредственное присвоение продукта не составляет его цели, если он производит в обществе. Между произ-

водителем и продуктом встает *распределение*, которое при помощи общественных законов определяет его долю в мире продуктов; следовательно, распределение становится между производством и потреблением.

Стоит ли распределение, как самостоятельная сфера, рядом с производством и вне его?

b) РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО

Если обратиться к обычным сочинениям по политической экономии, то прежде всего не может не броситься в глаза, что все в них дается в двойном виде. Например, в разделе о распределении фигурируют земельная рента, заработная плата, процент и прибыль, в то время как в разделе о производстве в качестве его факторов фигурируют земля, труд, капитал. Относительно капитала с самого начала ясно, что он фигурирует двояко: 1) как фактор производства, 2) как источник дохода, как фактор, определяющий известные формы распределения. Процент и прибыль фигурируют поэтому как таковые также и в производстве, поскольку они представляют собой те формы, в которых увеличивается, возрастает капитал, следовательно представляют собой моменты самого̀ производства капитала. Процент и прибыль как формы распределения предполагают капитал как фактор производства. Они — способы распределения, имеющие своей предпосылкой капитал как фактор производства. Они суть также и способы воспроизводства капитала.

Заработная плата представляет собой также наемный труд, рассматриваемый под другой рубрикой: та определенность, которую труд имеет здесь как фактор производства, выступает там как определение распределения. Если бы труд не был определен как наемный труд, то и тот способ, которым он участвует в продуктах, не выступал бы в качестве заработной платы, как, например, при рабстве. Наконец, земельная рента — если взять сразу ту наиболее развитую форму распределения, в которой [M—10] принимает участие в продуктах земельная собственность, — предполагает крупную земельную собственность (собственно говоря, крупное сельское хозяйство) в качестве фактора производства, но не землю как таковую, так же как заработная плата не имеет своей предпосылкой труд как таковой. Отношения распределения и способы распределения выступают поэтому лишь как оборотная сторона факторов производства. Индивид, принимающий участие в производстве в форме наемного труда, участвует в продуктах, в результатах производства, в форме заработной платы. Структура распределения

полностью определяется структурой производства. Распределение само есть продукт производства — не только по распределяемому предмету, ибо распределяться могут только результаты производства, но и по форме, ибо определенный способ участия в производстве определяет особые формы распределения, те формы, в которых люди принимают участие в распределении. В полнейшую иллюзию впадают те, которые в производстве говорят о земле, в распределении — о земельной ренте и т. д.

Поэтому такие экономисты, как Рикардо, которых чаще всего упрекали в том, будто они обращают внимание только на производство, определяли распределение как единственный предмет политической экономии, ибо они инстинктивно рассматривали формы распределения как наиболее точное выражение, в котором фиксируются факторы производства в данном обществе.

По отношению к отдельному индивиду распределение, конечно, выступает как общественный закон, обусловливающий то его положение в производстве, в рамках которого он производит и которое поэтому предшествует производству. Например, данный индивид с самого начала не имеет ни капитала, ни земельной собственности. С самого рождения в силу общественного распределения ему предназначен наемный труд. Однако это предназначение само есть результат того, что капитал и земельная собственность существуют как самостоятельные факторы производства.

Если рассматривать целые общества, то представляется, будто распределение еще с одной стороны предшествует производству и определяет его в качестве как бы доэкономического факта. Народ-завоеватель разделяет землю между участниками завоевания и устанавливает таким образом известное распределение земельной собственности и ее форму, а тем самым определяет и производство. Или он обращает побежденных в рабов и делает таким образом рабский труд основой производства. Или народ путем революции разбивает крупную земельную собственность на парцеллы и, следовательно, этим новым распределением придает производству новый характер. Или законодательство увековечивает земельную собственность в руках известных семей или распределяет труд как наследственную привилегию и фиксирует его таким образом в кастовом духе. Во всех этих случаях — а все они являются историческими — кажется, что не распределение организуется и определяется производством, а, наоборот, производство организуется и определяется распределением.

[М—11] Распределение в самом поверхностном понимании выступает как распределение продуктов и, таким образом, представляется отстоящим далеко от производства и якобы самостоятельным по отношению к нему. Однако прежде чем распределение есть распределение продуктов, оно есть: 1) распределение орудий производства и 2) — что представляет собой дальнейшее определение того же отношения — распределение членов общества по различным родам производства (подчинение индивидов определенным производственным отношениям). Распределение продуктов есть, очевидно, лишь результат этого распределения, которое заключено в самом процессе производства и которое определяет структуру производства. Рассматривать производство, отвлекаясь от этого заключающегося в нем распределения, есть, очевидно, пустая абстракция, в то время как распределение продуктов, наоборот, дано само собой вместе с этим распределением, составляющим с самого начала момент производства. Рикардо, который стремился понять современное производство в его определенной социальной структуре и который является экономистом производства par excellence *, именно поэтому объявляет *не* производство, а распределение подлинным предметом современной политической экономии. Отсюда опять-таки явствует крайняя ограниченность тех экономистов, которые изображают производство в качестве вечной истины, тогда как историю они ссылают в сферу распределения.

В каком отношении к производству находится это определяющее его распределение, есть, очевидно, вопрос, относящийся к самому производству. Если скажут, что тогда, по крайней мере, — поскольку производство необходимым образом исходит из известного распределения орудий производства, — распределение в этом смысле предшествует производству и образует его предпосылку, то на это следует ответить, что производство действительно имеет свои условия и предпосылки, которые образуют собой его моменты. Последние могут на первых порах выступать как естественно выросшие. Самим процессом производства они превращаются из естественно выросших в исторические, и если для одного периода они выступают как естественная предпосылка производства, то для другого периода они были его историческим результатом. В самом процессе производства они постоянно изменяются. Например, применение машин изменило распределение как орудий производства, так и продуктов. Современная крупная земельная собственность

* — по преимуществу. *Ред.*

сама есть результат как современной торговли и современной промышленности, так и применения последней к сельскому хозяйству.

Все намеченные выше вопросы сводятся в последнем счете к влиянию общеисторических условий на производство и к отношению между производством и историческим развитием вообще. Вопрос, очевидно, относится к рассмотрению и анализу самого производства.

[М—12] Однако в той тривиальной форме, в какой все эти вопросы были поставлены выше, на них можно дать столь же краткий ответ. При всех завоеваниях возможен трoякий исход. Народ-завоеватель навязывает побежденным свой собственный способ производства (например, англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии); или он оставляет старый способ производства и довольствуется данью (например, турки и римляне); или происходит взаимодействие, из которого возникает нечто новое, некий синтез (отчасти при германских завоеваниях). Во всех случаях именно способ производства, будь то победителей, будь то побежденных, будь то возникший из соединения обоих, определяет то новое распределение, которое устанавливается. Хотя последнее выступает как предпосылка для нового периода производства, само оно опять-таки есть продукт производства — и не только исторического вообще, но определенного исторического производства.

Например, монголы, производя опустошения в России, действовали сообразно с их способом производства, пастбищным скотоводством, для которого большие необитаемые пространства являются главным условием. Германские варвары, для которых земледелие при помощи крепостных было обычным способом производства, так же как и изолированная жизнь в деревне, тем легче могли подчинить этим условиям римские провинции, что происшедшая там концентрация земельной собственности уже совершенно опрокинула прежние отношения земледелия.

Существует традиционное представление, будто в известные периоды люди жили только грабежом. Однако, чтобы можно было грабить, должно быть налицо нечто для грабежа, стало быть производство. И способ грабежа сам опять-таки определяется способом производства. Например, какая-нибудь stock-jobbing nation * не может быть ограблена таким же способом, как пастушеский народ.

Когда предметом грабежа является раб, то в его лице похищается непосредственно орудие производства. Однако в этом

* — нация с развитой биржевой спекуляцией. *Ред.*

случае производство той страны, для которой он похищается, должно быть организовано так, чтобы оно допускало применение рабского труда, или (как в Южной Америке и т. д.) должен быть создан соответствующий рабскому труду способ производства.

Законы могут увековечить какое-либо средство производства, например землю, в руках известных семей. Эти законы только тогда получают экономическое значение, когда крупная земельная собственность находится в гармонии с общественным производством, как, например, в Англии. Во Франции велось мелкое сельское хозяйство, несмотря на крупную земельную собственность, поэтому последняя и была разбита революцией. А увековечение парцелляции, например посредством законов? Вопреки этим законам, собственность снова концентрируется. Влияние законов, направленных на закрепление отношений распределения, и их воздействие этим путем на производство следует определить особо.

с) НАКОНЕЦ, ОБМЕН И ОБРАЩЕНИЕ. ОБМЕН И ПРОИЗВОДСТВО

[М—13] Обращение само есть лишь определенный момент обмена или обмен, рассматриваемый в целом.

Поскольку *обмен* есть лишь опосредствующий момент между производством и обусловленным им распределением, с одной стороны, и потреблением, с другой стороны, а потребление само выступает как момент производства, постольку и обмен, очевидно, заключен в производстве как его момент.

Ясно, во-первых, что обмен деятельностей и способностей, совершающийся в самом производстве, прямо в него входит и составляет его существенную сторону. Во-вторых, то же самое верно и относительно обмена продуктов, поскольку он есть средство для производства готового продукта, предназначенного для непосредственного потребления. Постольку сам обмен есть акт, входящий в производство. В-третьих, так называемый обмен между деловыми людьми и деловыми людьми [21] по своей организации всецело определяется производством, да и сам представляет собой производственную деятельность. Обмен выступает независимым и индифферентным по отношению к производству только в последней стадии, когда продукт обменивается непосредственно для потребления. Однако 1) не существует обмена без разделения труда, будь это последнее чем-то первобытным или уже результатом исторического развития; 2) частный обмен предполагает частное производство;

3) интенсивность обмена, его распространение, так же как и его форма, определяются развитием и структурой производства. Например, обмен между городом и деревней; обмен в деревне, в городе и т. д. Обмен, таким образом, во всех своих моментах или непосредственно заключен в производстве, или определяется производством.

Результат, к которому мы пришли, заключается не в том, что производство, распределение, обмен и потребление идентичны, а в том, что все они образуют собой части единого целого, различия внутри единства. Производство господствует как над самим собой, если его брать в противопоставлении к другим моментам, так и над этими другими моментами. С него каждый раз процесс начинается снова. Что обмен и потребление не могут иметь господствующего значения — это ясно само собой. То же самое относится к распределению как к распределению продуктов. В качестве же распределения факторов производства оно само есть момент производства. Определенное производство обусловливает, таким образом, определенное потребление, определенное распределение, определенный обмен и *определенные отношения этих различных моментов друг к другу*. Конечно, и производство *в его односторонней форме*, со своей стороны, определяется другими моментами. Например, когда расширяется рынок, т. е. сфера обмена, возрастают размеры производства и становится глубже его дифференциация. С изменением распределения изменяется производство, — например, с концентрацией капитала, с различным распределением населения между городом и деревней и т. д. Наконец, нужды потребления определяют производство. Между различными моментами имеет место взаимодействие. Это свойственно всякому органическому целому.

3. МЕТОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

[M—14] Когда мы с точки зрения политической экономии рассматриваем какую-нибудь данную страну, то мы начинаем с ее населения, его разделения на классы, распределения населения между городом, деревней и морскими промыслами, между различными отраслями производства, с вывоза и ввоза, годового производства и потребления, товарных цен и т. д.

Кажется правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например в политической экономии, с населения, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства. Однако при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Населе-

ние — это абстракция, если я оставлю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю тех основ, на которых они покоятся, например наемного труда, капитала и т. д. Эти последние предполагают обмен, разделение труда, цены и т. д. Капитал, например, — ничто без наемного труда, без стоимости, денег, цены и т. д. Таким образом, если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более детальных определений я аналитически подходил бы ко все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к некоторой богатой совокупности многочисленных определений и отношений.

Первый путь — это тот, по которому политическая экономия исторически следовала в период своего возникновения. Например, экономисты XVII столетия всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т. д., но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные всеобщие отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т. д. Как только эти отдельные моменты были более или менее зафиксированы и абстрагированы, стали возникать экономические системы, восходившие от простейшего — труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость и т. д. — к государству, международному обмену и мировому рынку.

Последний метод есть, очевидно, правильный в научном отношении. Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление подверглось испарению путем превращения его в абстрактные определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления.

Гегель поэтому впал в иллюзию, понимая реальное как результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь тот способ, при помощи которого мышление усваивает себе

конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного. Простейшая экономическая категория, например меновая стоимость, предполагает население — население, производящее в определенных условиях, — а также [М—15] определенные формы семьи, общины или государства и т. д. Меновая стоимость может существовать только как абстрактное, одностороннее отношение некоторого уже данного конкретного живого целого.

Напротив, как категория, меновая стоимость ведет допотопное существование. Поэтому для такого сознания (а философское сознание именно таково), для которого постигающее в понятиях мышление есть действительный человек и поэтому только постигнутый в понятиях мир как таковой есть действительный мир, — движение категорий выступает как действительный (хотя, к сожалению, и получающий некоторый толчок извне) акт производства, результатом которого является мир; и это — здесь, однако, мы опять имеем тавтологию — постольку правильно, поскольку конкретная целостность, в качестве мысленной целостности, мысленной конкретности, действительно есть продукт мышления, понимания; но это ни в коем случае не продукт понятия, порождающего само себя и размышляющего вне созерцания и представления, а переработка созерцания и представления в понятия. Целое, как оно представляется в голове в качестве мыслимого целого, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает для себя мир единственно возможным для нее способом, — способом, отличающимся от художественного, религиозного, практически-духовного освоения этого мира. Реальный субъект все время остается вне головы, существуя во всей своей самостоятельности, пока голова относится к нему лишь умозрительно, лишь теоретически. Поэтому и при теоретическом методе субъект — общество — должен постоянно витать перед нашим представлением как предпосылка.

Однако не имело ли место также и независимое историческое или естественное существование этих простых категорий до появления более конкретных категорий? Ça dépend *. Например, Гегель правильно начинает философию права с владения как простейшего правового отношения субъекта. Но никакого владения не существует до семьи или до отношений господства и подчинения, которые суть гораздо более конкретные отношения. Напротив, было бы правильно сказать, что существуют

* — Смотря по обстоятельствам. *Ред.*

такие семьи, роды, которые еще только *владеют*, но не имеют *собственности*. Более простая по сравнению с собственностью категория выступает, таким образом, как отношение, свойственное простым семейным или родовым сообществам. В более развитом обществе она выступает как более простое отношение развившегося организма. Однако тот конкретный субстрат, отношение которого есть владение, постоянно предполагается. Можно представить себе единичного дикаря владеющим. Но тогда владение не есть правовое отношение. Неверно, будто владение исторически развивается в семью. Наоборот, оно всегда предполагает эту «более конкретную правовую категорию». При этом, однако, здесь имеется та доля истины, что простые категории суть выражения таких отношений, в которых менее развитая конкретность могла найти себе реализацию еще до установления более многосторонней связи или более многостороннего отношения, мысленно выраженного в более конкретной категории, — в то время как более развитая конкретность сохраняет более простую категорию как подчиненное отношение.

Деньги могут существовать и исторически существовали раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д. С этой стороны можно, стало быть, сказать, что более простая категория может выражать собой господствующие отношения менее развитого целого или подчиненные отношения более развитого целого, т. е. отношения, которые исторически уже существовали раньше, чем целое развилось в ту сторону, которая выражена в более конкретной категории. В этом смысле ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному [M—16] историческому процессу.

С другой стороны, можно сказать, что встречаются весьма развитые и все-таки исторически менее зрелые формы общества, где имеют место высшие экономические формы, например кооперация, развитое разделение труда и т. д., но не существует никаких денег, как это было, например, в Перу [22]. Точно так же в славянских общинах деньги и обусловливающий их обмен или совсем не выступают, или играют незначительную роль внутри отдельных общин, но зато выступают на границах последних, в сношениях с другими общинами; вообще ошибочно принимать обмен внутри одной и той же общины за первоначально конституирующий элемент. Напротив, вначале обмен возникает чаще между различными общинами, чем между членами одной и той же общины. Далее: хотя деньги начали играть известную роль очень рано и всесторонне, однако в древности они выступают как господствующий элемент только

у односторонне определившихся наций, у торговых наций. И даже в наиболее развитой древности, у греков и римлян, полное развитие денег, составляющее предпосылку современного буржуазного общества, отмечается только в период разложения. Таким образом, эта совершенно простая категория исторически выступает в своей полной силе только в наиболее развитых состояниях общества. Она отнюдь не проникает во все экономические отношения. Например, в Римской империи, в период наибольшего ее развития, основой оставались натуральные подати и повинности. Денежное хозяйство было там вполне развито, собственно говоря, только в армии. Оно никогда не охватывало всю сферу труда в целом.

Итак, хотя более простая категория исторически могла существовать раньше более конкретной, она в своем полном интенсивном и экстенсивном развитии может быть присуща как раз более сложной форме общества, в то время как более конкретная категория была полнее развита при менее развитой форме общества.

Труд кажется совершенно простой категорией. Представление о нем в этой всеобщности — как о труде вообще — является тоже весьма древним. Тем не менее «труд», экономически рассматриваемый в этой простой форме, есть столь же современная категория, как и те отношения, которые порождают эту простую абстракцию. Монетарная система, например, рассматривает богатство еще как нечто всецело объективное, полагая его, как вещь, вовне — в деньгах. По сравнению с этой точкой зрения было большим шагом вперед, когда мануфактурная или коммерческая система перенесла источник богатства из предмета в субъективную деятельность, в коммерческий и мануфактурный труд, однако сама эта деятельность все еще понималась ограниченно, как деятельность, производящая деньги. Этой системе противостоит физиократическая система, которая признаёт в качестве труда, создающего богатство, определенную форму труда — земледельческий труд, а самый объект она видит уже не в денежном облачении, а в продукте вообще, во всеобщем результате труда. Этот продукт, однако, соответственно ограниченному характеру деятельности, все еще рассматривается как продукт, определяемый природой, как продукт земледелия, продукт земли par excellence.

[M—17] Огромным шагом вперед Адама Смита явилось то, что он отбросил всякую определенность деятельности, создающей богатство; у него фигурирует просто труд, не мануфактурный, не коммерческий, не земледельческий труд, а как тот, так и другой. Вместе с абстрактной всеобщностью деятельности,

создающей богатство, признается также и всеобщность предмета, определяемого как богатство; это — продукт вообще или опять-таки труд вообще, но уже как прошлый, овеществленный труд. Как труден и велик был этот переход, видно из того, что Адам Смит сам еще время от времени скатывается назад к физиократической системе. Здесь могло бы показаться, будто таким путем найдено лишь абстрактное выражение для простейшего и древнейшего отношения, в котором люди, при любой форме общества, выступают как производители продуктов. Это верно с одной стороны, но неверно — с другой.

Безразличие к определенному виду труда предполагает весьма развитую совокупность действительных видов труда, ни один из которых уже не является господствующим над всеми остальными. Таким образом, наиболее всеобщие абстракции возникают вообще только в условиях наиболее богатого конкретного развития, где одно и то же является общим для многих или для всех. Тогда оно перестает быть мыслимым только в особенной форме. С другой стороны, эта абстракция труда вообще есть не только мысленный результат некоторой конкретной совокупности видов труда. Безразличие к определенному виду труда соответствует такой форме общества, при которой индивиды с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой данный определенный вид труда является для них случайным и потому безразличным. Труд здесь, не только в категории, но и в реальной действительности, стал средством для создания богатства вообще и утратил ту сращенность, которая раньше существовала между определенными индивидами и определенными видами труда. Такое состояние в наиболее развитом виде имеет место в самой современной из существующих форм буржуазного общества — в Соединенных Штатах. Таким образом, лишь здесь абстракция категории «труд», «труд вообще», труд sans phrase *, этот исходный пункт современной политической экономии, становится практически истинной.

Итак, простейшая абстракция, которую современная политическая экономия ставит во главу угла и которая выражает древнейшее отношение, имеющее силу для всех форм общества, выступает тем не менее в этой абстрактности практически истинной только как категория наиболее современного общества. Можно было бы сказать, что то, что в Соединенных Штатах является историческим продуктом, — это безразличие к определенному виду труда, — у русских, например, выступает как природой данное предрасположение. Однако, во-первых,

* — без дальних разговоров *Ред.*

существует огромная разница в том, варвары ли могут быть ко всему приспособлены или же цивилизованные люди сами себя ко всему приспособляют. А затем у русских этому безразличию к какому-либо определенному виду труда практически соответствует традиционная прикованность к вполне определенной работе, от которой они отрываются только в результате воздействия извне.

[М—18] Этот пример с трудом убедительно показывает, что даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере и продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и в их пределах.

Буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее многообразная историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его структуры, дают вместе с тем возможность заглянуть в структуру и производственные отношения всех тех погибших форм общества, из обломков и элементов которых оно было построено. Некоторые еще не преодоленные остатки этих обломков и элементов продолжают влачить существование внутри буржуазного общества, а то, что в прежних формах общества имелось лишь в виде намека, развилось здесь до полного значения и т. д. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Намеки же на более высокое у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно. Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д. Однако вовсе не в том смысле, как это понимают экономисты, которые смазывают все исторические различия и во всех формах общества видят формы буржуазные. Можно понять оброк, десятину и т. д., если известна земельная рента, однако нельзя их отождествлять с последней.

Так как, далее, буржуазное общество само есть только антагонистическая форма развития, то отношения предшествующих форм [общества] встречаются в нем часто лишь в совершенно захиревшем или даже шаржированном виде, как, например, общинная собственность. Поэтому, если верно, что категории буржуазной экономики заключают в себе какую-то истину для всех других форм общества, то это надо понимать лишь cum grano salis *. Они могут содержать в себе эти последние в развитом, в захиревшем, в карикатурном и т. д., во всяком случае в существенно измененном виде. Так называемое историческое разви-

* — дословно: «с крупинкой соли»; в переносном смысле: «с оговоркой», «не вполне буквально». *Ред.*

тие покоится вообще на том, что последняя по времени форма рассматривает предыдущие формы как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне, ибо лишь весьма редко и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике; здесь, конечно, речь идет не о таких исторических периодах, которые самим себе представляются как времена упадка. Христианская религия лишь тогда оказалась способной содействовать объективному пониманию прежних мифологий, когда ее самокритика была до известной степени, так сказать, *δυνάμει*, уже готова. Так и буржуазная политическая экономия лишь тогда подошла к пониманию феодальной, античной, восточной экономики, когда началась самокритика буржуазного общества. В той мере, в какой буржуазная политическая экономия целиком не отождествляет себя на мифологический манер с экономикой минувших времен, ее критика прежних общественных форм, особенно феодализма, с которым ей еще непосредственно приходилось бороться, походила на ту критику, с которой христианство выступало против язычества или протестантизм — против католицизма.

[M—19] Как вообще во всякой исторической, социальной науке, при рассмотрении поступательного движения экономических категорий нужно постоянно иметь в виду, что как в действительности, так и в голове субъект — здесь у нас современное буржуазное общество — есть нечто данное и что категории выражают поэтому формы наличного бытия, определения существования, часто только отдельные стороны этого определенного общества, этого субъекта, и что оно поэтому *также и для науки* начинается отнюдь не там только, где речь идет о нем *как таковом*. Это соображение следует иметь в виду, потому что оно сразу же дает решающие указания относительно расчленения предмета.

Например, ничто не кажется более естественным, как начать с земельной ренты, с земельной собственности, так как ведь она связана с землей, этим источником всякого производства и всякого существования, и с земледелием, этой самой первой формой производства во всех сколько-нибудь прочно сложившихся обществах. Однако нет ничего более ошибочного. Каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому точно так же определяют место и влияние всех остальных отношений. Это — то общее освещение, в сферу действия которого попали все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях. Это — тот особый эфир, который определяет удельный вес всего того, что в нем имеется.

Возьмем, например, пастушеские народы (народы, занимающиеся исключительно охотой и рыболовством, находятся позади того пункта, откуда начинается действительное развитие). У них спорадически встречается известная форма земледелия. Этим определяется земельная собственность. Она коллективна и сохраняет эту форму в большей или меньшей степени, смотря по тому, в большей или меньшей степени эти народы держатся своих традиций; например, общинная собственность у славян. У народов с оседлым земледелием — эта оседлость уже большой прогресс, — где земледелие преобладает, как в античном и феодальном обществе, сама промышленность, ее организация и соответствующие ей формы собственности имеют в большей или меньшей степени землевладельческий характер; промышленность или целиком зависит от земледелия, как у древних римлян, или, как в средние века, она в городе и в городских отношениях имитирует принципы организации деревни. Сам капитал в средние века — в той мере, в какой он не есть чисто денежный капитал, — имеет в виде традиционных орудий ремесла и т. д. этот землевладельческий характер.

В буржуазном обществе дело обстоит наоборот. Земледелие все более и более становится всего лишь одной из отраслей промышленности и совершенно подпадает под господство капитала. Точно так же и земельная рента. Во всех формах общества, где господствует земельная собственность, преобладают еще отношения, определяемые природой. В тех же формах общества, где господствует капитал, преобладает элемент, созданный обществом, историей. Земельная рента не может быть понята без капитала, но капитал вполне может быть понят без земельной ренты. Капитал — это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества. Он должен составлять как исходный, так и конечный пункт, и его следует анализировать до земельной собственности. После того как то и другое рассмотрено в отдельности, должно быть рассмотрено их взаимоотношение.

[М—20] Таким образом, было бы неосуществимым и ошибочным трактовать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития. Речь идет не о том положении, которое экономические отношения исторически занимают в различных следующих одна за другой формах

общества. Еще меньше речь идет о их последовательности «в идее» *(Прудон* [22a]*)*, этом мистифицированном представлении об историческом процессе. Речь идет о том месте, которое они занимают в структуре современного буржуазного общества.

Та чистота (абстрактная определенность), с которой в древнем мире выступают торговые народы — финикийцы, карфагеняне, — обусловлена как раз самим преобладанием земледельческих народов. Капитал, как торговый или денежный капитал, выступает в такой именно абстрактности там, где капитал еще не стал господствующим элементом общества. Ломбардцы и евреи занимают такое же положение по отношению к земледельческим обществам средневековья.

Другим примером различного положения, которое одни и те же категории занимают на различных ступенях общественного развития, может служить следующее: одна из самых последних форм буржуазного общества, *joint-stock companies* *, выступает также и в начале последнего в виде больших привилегированных и наделенных монополией торговых компаний.

Само понятие национального богатства прокрадывается у экономистов XVII века в таком виде — это представление отчасти сохраняется и у экономистов XVIII века, — что богатство создается только для государства и что мощь последнего зависит от этого богатства. Это была еще та бессознательно-лицемерная форма, в которой само богатство и его производство провозглашались как цель современных государств, а последние рассматривались лишь как средство для производства богатства.

Расчленение предмета, очевидно, должно быть таково:

1) Всеобщие абстрактные определения, которые поэтому более или менее присущи всем формам общества, однако в вышеразъясненном смысле. 2) Категории, которые составляют внутреннюю структуру буржуазного общества и на которых покоятся основные классы. Капитал, наемный труд, земельная собственность. Их отношение друг к другу. Город и деревня. Три больших общественных класса. Обмен между ними. Обращение. Кредит (частный). 3) Концентрированное выражение буржуазного общества в форме государства. Рассмотрение последнего в его отношении к самому себе. «Непроизводительные» классы. Налоги. Государственный долг. Публичный кредит. Население. Колонии. Эмиграция. 4) Международные отношения производства. Международное разделение труда. Международный обмен. Вывоз и ввоз. Вексельный курс. 5) Мировой рынок и кризисы.

* — акционерные компании. *Ред.*

4. ПРОИЗВОДСТВО. СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОТНОШЕНИЯ ОБЩЕНИЯ. ФОРМЫ ГОСУДАРСТВА И ФОРМЫ СОЗНАНИЯ В ИХ ОТНОШЕНИИ К ОТНОШЕНИЯМ ПРОИЗВОДСТВА И ОБЩЕНИЯ. ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ. СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

[М — 21] Нотабене насчет тех пунктов, которые следует здесь упомянуть и которые не должны быть забыты.

1) *Война* раньше достигла развитых форм, чем мир; способ, каким на войне и в армиях и т. д. такие экономические отношения, как наемный труд, применение машин и т. д., развились раньше, чем внутри гражданского общества. Также и отношение между производительными силами и отношениями общения особенно наглядно в армии.

2) *Отношение прежнего идеалистического изложения истории к реалистическому, особенно так называемой истории культуры*, которая целиком является историей религий и государств. (При случае можно также сказать кое-что о различных существовавших до сих пор методах изложения истории. Так называемый объективный. Субъективный (моральный и прочие). Философский.)

3) *Вторичные и третичные*, вообще *производные, перенесенные*, непервичные производственные отношения. Роль, которую здесь играют международные отношения.

4) *Упреки по поводу материализма этой концепции. Отношение к натуралистическому материализму.*

5) *Диалектика понятий производительные силы (средства производства) и производственные отношения*, диалектика, границы которой подлежат определению и которая не уничтожает реального различия.

6) *Неодинаковое отношение развития материального производства к развитию, например, искусства.* Вообще понятие прогресса не следует брать в его обычной абстрактности. В отношении искусства и т. д. эта диспропорция еще не так важна и не так трудна для понимания, как диспропорции в сфере самих практических социальных отношений. Например, сравнительное состояние образования в *Соединенных Штатах* и в Европе. Но собственно трудный вопрос, который надлежит здесь разобрать, заключается в следующем: каким образом в неодинаковое развитие вступают производственные отношения как отношения правовые. Следовательно, например, отношение римского частного права (в уголовном и [вообще] публичном праве это имеет место в меньшей степени) к современному производству.

7) *Это понимание* * *выступает как необходимое развитие.* Однако правомерен и случай. В каком смысле. (Среди прочего правомерна и свобода.) (Влияние средств сообщения. Всемирная история существовала не всегда; история как всемирная история — результат.)

8) *Исходный пункт, естественно, — природная определенность;* субъективно и объективно. Племена, расы и т. д.

1) [23] Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации. Например, греки в сравнении с современными народами, или также Шекспир. Относительно некоторых форм искусства, например эпоса, даже признано, что они в своей классической форме, составляющей эпоху в мировой истории, никогда уже не могут быть произведены, как только началось производство искусства как таковое; что, таким образом, в области самого искусства известные значительные формы его возможны только на низкой ступени развития искусств. Если это в пределах самого искусства имеет место в отношениях между различными его видами, то тем менее поразительно, что это обстоятельство имеет место и в отношении всей области искусства к общему развитию общества. Трудность заключается только в общей формулировке этих противоречий. Стоит лишь определить их специфику, и они уже объяснены.

[M — 22] Возьмем, например, отношение греческого искусства и затем Шекспира к современности. Известно, что греческая мифология составляла не только арсенал греческого искусства, но и его почву. Разве тот взгляд на природу и на общественные отношения, который лежит в основе греческой фантазии, а потому и греческой [мифологии], возможен при наличии сельфакторов, железных дорог, локомотивов и электрического телеграфа? Куда уж тут Вулкану против Робертса и K° [24], Юпитеру [25] против громоотвода и Гермесу против Crédit Mobilier [26]! Всякая мифология преодолевает, подчиняет и преобразовывает силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает, следовательно, вместе с наступлением действительного господства над этими силами природы. Что остается от Фамы при наличии Printing House Square [27]? Предпосылкой греческого искусства является греческая мифология, т. е. такая природа и такие общественные формы, которые уже

* По-видимому, Маркс здесь имеет в виду *историю* в этом ее понимании. *Ред.*

сами бессознательно-художественным образом переработаны народной фантазией. Это его материал. Но предпосылкой тут является не любая мифология, т. е. не любая бессознательно-художественная переработка природы (здесь под природой понимается все предметное, следовательно, включая и общество). Египетская мифология никогда не могла бы быть почвой или материнским лоном греческого искусства. Но, во всяком случае, *некоторая* мифология. Следовательно, отнюдь не такое развитие общества, которое исключает всякое мифологическое отношение к природе, всякое мифологизирование природы, и, стало быть, требует от художника независимой от мифологии фантазии.

С другой стороны, возможен ли Ахиллес в эпоху пороха и свинца? Или вообще «Илиада» наряду с печатным станком и тем более с типографской машиной? И разве не исчезают неизбежно сказительство, былинное пение и Муза, а тем самым и необходимые условия эпической поэзии, с появлением печатного слова?

Однако трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными формами общественного развития. Трудность состоит в том, что они все еще доставляют нам художественное наслаждение и в известном отношении признаются нормой и недосягаемым образцом.

Взрослый человек не может снова стать ребенком, не впадая в детство. Но разве его не радует наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на более высокой ступени воспроизвести присущую ребенку правду? Разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его натуральной правде? И почему историческое детство человечества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень? Бывают невоспитанные дети и старчески умные дети. Многие из древних народов принадлежат к этой категории. Нормальными детьми были греки. Обаяние, которым обладает для нас их искусство, не находится в противоречии с той неразвитой общественной ступенью, на которой оно выросло. Наоборот, это обаяние является ее результатом и неразрывно связано с тем, что незрелые общественные условия, при которых это искусство возникло, и только и могло возникнуть, никогда уже не могут повториться вновь.

Написано в конце августа 1857 г.

Впервые опубликовано в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 1, №№ 23—25, 1902—1903 гг.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

(ЧЕРНОВОЙ НАБРОСОК 1857—1858 ГОДОВ) [28]

[Первая половина рукописи]

Написано в октябре 1857 — мае 1858 г.

Впервые полностью опубликовано ИМЛ на языке оригинала в 1939 г. под заголовком «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie (Rohentwurf) 1857—1858»

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

II. ГЛАВА О ДЕНЬГАХ

[А) НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПРУДОНИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «РАБОЧИХ ДЕНЕГ». ДЕНЬГИ КАК НЕОБХОДИМЫЙ РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ ТОВАРНОЙ ФОРМЫ ПРОДУКТА]

[1) НЕПОНИМАНИЕ ПРУДОНИСТАМИ ВНУТРЕННЕЙ СВЯЗИ МЕЖДУ ПРОИЗВОДСТВОМ, РАСПРЕДЕЛЕНИЕМ И ОБРАЩЕНИЕМ И ПЕРВЕНСТВУЮЩЕЙ РОЛИ ОТНОШЕНИЙ ПРОИЗВОДСТВА]

[а) Иллюзии прудониста Даримона: ошибочное отождествление денежного обращения с кредитом и преувеличение роли банков в регулировании денежного рынка]

[I—1] «Все зло происходит от преобладающей роли драгоценных металлов, которую упорно сохраняют за ними в обращении и обмене» (*Alfred Darimon.* De la Réforme des Banques. Paris, 1856, стр. 1—2).

Вначале Даримон рассматривает меры, которые Французский банк предпринял в октябре 1855 г., чтобы приостановить усиливающееся сокращение своей наличности (стр. 2). Даримон хочет показать в статистической таблице положение этого банка в течение последних шести месяцев, предшествовавших октябрьским мерам. С этой целью Даримон сопоставляет его запас металла в слитках в течение каждого из этих шести месяцев с «колебаниями портфеля», т. е. с массой произведенных банком учетных операций (с массой имеющихся в его портфеле ценных бумаг, *векселей*). Число, выражающее стоимость находящихся во владении банка ценных бумаг, «представляет», по Даримону,

«бо́льшую или меньшую нужду, которую публика испытывает в его услугах, *или, что сводится к тому же, потребности обращения*» (стр. 2).

Что сводится к тому же? Нет, отнюдь не сводится. Если бы масса предъявленных к учету векселей была тождественна с «потребностями обращения», *денежного обращения* в собственном смысле, то обращение банкнот должно было бы определяться массой учтенных векселей. Однако это движение в среднем не только не протекает параллельно, но часто — в противоположном направлении. Масса учтенных векселей и ее колебания выражают потребности кредита, тогда как масса обращающихся денег определяется совершенно иными влияниями. Чтобы сделать какие-либо выводы относительно обращения, Даримон должен был бы, прежде всего, наряду с графами «запас металла в слитках» и «учтенные векселя», ввести графу — «сумма находящихся в обращении банкнот».

В самом деле, чтобы говорить о потребностях обращения, для этого прежде всего следовало установить действительные колебания обращения. Опущение этого звена, столь необходимого для сравнения, сразу выдает дилетантскую беспомощность и намеренное смешение потребностей кредита с потребностями денежного обращения, — смешение, на котором в сущности покоится вся тайна прудоновской премудрости. (Это все равно, что таблица смертности, в которой на одной стороне фигурировали бы заболевания, а на другой — смертные случаи, но были бы забыты данные о рождаемости.)

Две графы (см. стр. 3), даваемые Даримоном, графа металлического запаса банка с апреля по сентябрь, с одной стороны, движение его портфеля — с другой, ничего не выражают, кроме не требующего никаких статистических иллюстраций, тавтологического факта, что в той степени, в какой банку предъявлялись векселя с целью получения от него металла, портфель банка наполнялся векселями, а из его подвала убывал металл. И даже эта тавтология, которую Даримон хочет доказать своей таблицей, не выражена в ней четким образом. Таблица показывает, наоборот, что с 12 апреля по 13 сентября 1855 г. металлический запас банка уменьшился примерно на 144 миллиона франков, между тем как сумма ценных бумаг в его портфеле увеличилась примерно на 108 миллионов *. Таким образом, убыль запаса металла в слитках превосходит рост учтенных ценных бумаг на 36 миллионов. Этот общий итог пятимесячного движения обнаруживает, что оба движения не тождественны.

* У Даримона вместо 108 миллионов ошибочно указано: 101 миллион. *Ред.*

Обложка VII тетради рукописи
«Критика политической экономии»

Более детальное сопоставление цифр показывает нам и другие несоответствия.

Металлический запас банка	Учтенные банком ценные бумаги
12 апреля — 432 614 798 фр.	*12 апреля* — 322 904 314 фр.
10 мая — 420 914 029 фр.	*10 мая* — 310 744 926 фр.

Иными словами: с 12 апреля по 10 мая металлический запас банка уменьшается на 11 700 769 фр., в то время как сумма ценных бумаг уменьшается на 12 159 388 фр.; т. е. уменьшение ценных бумаг превосходит уменьшение металлического запаса примерно на $^1/_2$ миллиона (458 619 фр.). То же самое явление, но в гораздо более поразительном размере, обнаруживается, если мы сопоставим май и июнь.

Металлический запас банка	Учтенные банком ценные бумаги
10 мая — 420 914 029 фр.	*10 мая* — 310 744 926 фр.
14 июня — 407 769 813 фр.	*14 июня* — 310 369 439 фр.

[I—2] Таким образом, с 10 мая по 14 июня металлический запас уменьшился на 13 144 216 фр. Возросли ли его ценные бумаги в той же мере? Наоборот, они за этот же промежуток времени сократились на 375 487 фр. Следовательно, здесь огромное падение на одной стороне сопровождается относительно слабым падением на другой стороне.

Металлический запас банка	Учтенные банком ценные бумаги
14 июня — 407 769 813 фр.	*14 июня* — 310 369 439 фр.
12 июля — 314 629 614 фр.	*12 июля* — 381 699 257 фр.

Сопоставление данных за июнь и июль показывает уменьшение металлического запаса на 93 140 199 и увеличение ценных бумаг на 71 329 818 фр., т. е. уменьшение металлического запаса превосходит на 21 810 381 фр. увеличение портфеля.

Металлический запас банка	Учтенные банком ценные бумаги
12 июля — 314 629 614 фр.	*12 июля* — 381 699 257 фр.
9 августа — 338 784 444 фр.	*9 августа* — 458 689 605 фр.

Мы видим тут повышение на обеих сторонах: на стороне металлического запаса на 24 154 830, на стороне портфеля гораздо более значительное — на 76 990 348 фр.

Металлический запас банка	Учтенные банком ценные бумаги
9 августа — 338 784 444 фр.	*9 августа* — 458 689 605 фр.
13 сентября — 288 645 334 фр.	*13 сентября* — 431 390 563 фр.

Уменьшение металлического запаса на 50 139 110 фр. сопровождается здесь уменьшением ценных бумаг на 27 299 042 фр.

(В декабре 1855 г., несмотря на рестриктивные мероприятия Французского банка, его кассовая наличность снова уменьшилась на 24 миллиона.)

Соус, пригодный для гусака, годится и для гусыни. Истины, вытекающие из сопоставления друг с другом каждого из следующих друг за другом шести месяцев, столь же достоверны, как и истины, вытекающие из сопоставления обоих конечных пунктов, сделанного Даримоном. А что показывает сравнение? Истины, друг друга взаимно уничтожающие. Один раз наблюдался рост портфеля при сокращении металлического запаса, но при этом сокращение последнего превышало размеры роста первого (июнь—июль). Трижды — сокращение металлического запаса, сопровождаемое сокращением портфеля, но при этом сокращение последнего дважды не покрывало сокращения первого (май—июнь и август—сентябрь), а один раз превосходило его (апрель—май); наконец, один раз наблюдалось увеличение металлического запаса и увеличение портфеля, но при этом первое не покрывало второго [июль—август].

Сокращение на одной стороне, увеличение на другой; сокращение на обеих сторонах, увеличение на обеих сторонах; стало быть, все, что угодно, но только не постоянная закономерность, и прежде всего не обратная пропорциональность; нет даже взаимодействия, ибо сокращение портфеля не может быть причиной сокращения металлического запаса, а увеличение портфеля — причиной увеличения металлического запаса. Обратная пропорциональность и взаимодействие не подтверждаются даже изолированным сравнением первого месяца с последним, которое производит Даримон. Так как увеличение портфеля на 108 миллионов франков не покрывает уменьшения металлического запаса на 144 миллиона, то остается не исключенной возможность того, что между увеличением на одной стороне [I—3] и уменьшением на другой нет никакой причинной связи. Статистическая иллюстрация не дает ответа, а, наоборот, вызывает ряд перекрещивающихся вопросов, вместо одной загадки возникает целая уйма.

Загадки действительно исчезли бы, если бы г-н Даримон наряду со своими графами металлического запаса и портфеля (учтенных ценных бумаг) ввел графу «обращение банкнот» и графу «вклады». Менее значительное по сравнению с ростом портфеля сокращение металлического запаса [если бы оно имело место] нашло бы себе объяснение в том, что одновременно возросли вклады в металле, или в том, что часть банкнот, выданных банком при учете векселей, не была обменена на металл, а осталась в обращении, или, наконец, в том, что выданные банком

банкноты, не увеличив собой обращения, немедленно поступили обратно в виде вкладов или в порядке оплаты векселей, которым истек срок. Сокращение металлического запаса, сопровождающееся менее значительным сокращением портфеля ценных бумаг, объяснялось бы тем, что из банка были изъяты вклады, или тем, что банку были предъявлены к обмену на металл банкноты и его собственным учетным операциям был нанесен таким образом ущерб со стороны владельцев изъятых вкладов или обмененных на металл банкнот. Наконец, незначительное сокращение металлического запаса, сопровождающееся еще меньшим сокращением портфеля, объяснялось бы теми же самыми причинами (мы оставляем совершенно в стороне отлив металла для возмещения серебряных денег внутри страны, так как Даримон не включает этого в круг своего рассмотрения).

Но эти отсутствующие у Даримона графы, которые, таким образом, взаимно объясняли бы друг друга, доказали бы также нечто такое, доказательство чего отнюдь не входило в намерения Даримона, а именно, что удовлетворение растущих коммерческих потребностей со стороны банка не обусловливает неизбежно увеличения обращения его банкнот, что уменьшение или увеличение обращения банкнот не соответствует уменьшению или увеличению его металлического запаса, что банк не контролирует количества средств обращения, и т. д., — словом, они привели бы к таким выводам, которые ни в какой мере не устраивали г-на Даримона. Стремясь как можно скорее в кричащей форме провозгласить свое предвзятое мнение — противоположность между металлической основой банка, представленной в банковском металлическом запасе, и потребностями обращения, которые, по его воззрению, представлены в портфеле, — он вырывает из необходимого общего контекста две графы, которые в таком изолированном виде теряют всякий смысл или, в лучшем случае, свидетельствуют против него же. Мы остановились на этом *факте* для того, чтобы показать на конкретном примере, какую ценность представляют статистические и позитивные иллюстрации прудонистов. Экономические факты, вместо того чтобы подтверждать их теории, лишь доказывают неумение прудонистов справиться с фактами и правильно их использовать. Наоборот, их манера играть с фактами показывает генезис их теоретической абстракции.

Последуем за Даримоном далее.

Когда Французский банк увидел, что его металлический запас уменьшился на 144 миллиона, а портфель возрос на 108 миллионов, он 4 и 18 октября 1855 г. принял ряд мер для защиты своего подвала от своего портфеля. Банк последовательно повышал

учетную ставку с 4% до 5%, затем с 5% до 6% и сократил срок принимаемых к учету векселей с 90 до 75 дней. Иными словами: банк утяжелил условия предоставления своего металла в распоряжение торговли. Что это доказывает?

«То», — говорит Даримон, — «что банк, организованный на нынешних началах, т. е. на основе господства золота и серебра, отказывает публике в услугах как раз в тот момент, когда публика больше всего в них нуждается» (там же, стр. 3).

Нужны ли были г-ну Даримону его цифры, чтобы доказать, что предложение удорожает свои услуги в той же мере, в какой спрос предъявляет к нему требования (и обгоняет его)? И разве те господа, которые представляют по отношению к банку «публику», не придерживаются той же «приятной привычки существования» [29]? Разве филантропы-хлеботорговцы, которые предъявляли свои векселя банку, чтобы получить банкноты, обменять эти банкноты на банковское золото, выменять это банковское золото на заграничный хлеб с тем, чтобы потом обменивать заграничный хлеб на деньги французской публики, — разве они руководствовались тем соображением, что так как публика сейчас больше всего нуждается в хлебе, то их долг — отпускать ей хлеб по более дешевым ценам? Разве не прибегали они, наоборот, к помощи банка для того, чтобы использовать в своих интересах рост хлебных цен, нужду публики, несоответствие спроса и предложения? И разве банк может быть изъят из действия этого всеобщего экономического закона? Quelle idée!*

Но допустим, что нынешняя организация банков требует, чтобы золото накоплялось в столь большом количестве, что покупательное средство, которое могло бы быть применено наиболее полезным для нации образом в случае нужды в хлебе, оказывается обреченным на бездействие и что вообще капитал, который должен был бы пройти прибыльные [I—4] превращения в производстве, делается непроизводительной и инертной базой обращения. В этом случае речь шла бы, следовательно, о том, что при нынешней организации банков непроизводительный металлический запас все еще превышает свой необходимый минимум, так как экономия золота и серебра в рамках обращения еще не доведена до экономически допустимого предела. Речь шла бы о бо̀льших или меньших количествах — на одной и той же основе. Но вопрос был бы низведен с социалистических высот на плоскую равнину буржуазной практики, где он и рассматривается большинством английских буржуазных противников Английского банка. Quelle chute! **

* — Что за идея! *Ред.*

** — Какое падение! *Ред.*

Или, быть может, у Даримона речь идет не о большей или меньшей экономизации металла при помощи банкнот и других банковских приемов, а о полном отказе от металлической основы? Но тогда опять-таки не годится ни статистическая басня, ни выводимая из нее мораль. Если банку при каких бы то ни было условиях приходится в случае нужды посылать благородные металлы за границу, то он должен их предварительно накопить, а для того чтобы заграница принимала их в обмен на свои товары, необходимо, чтобы они уже до этого прочно утвердили свое господство.

Отлив благородного металла из банка, по мнению Даримона, был вызван неурожаем и обусловленной им необходимостью импорта хлеба из-за границы. Он забывает про резкое уменьшение сбора шелка и необходимость массовой закупки его в Китае. Далее, говорит Даримон, этому отливу способствовали крупные и многочисленные операции, совпавшие с последними месяцами Парижской промышленной выставки [30]. Он опять-таки забывает про крупные спекулятивные операции за границей, которые проводили Crédit Mobilier [31] и его соперники, чтобы, как говорит Исаак Перейр, показать, что французский капитал точно так же выделяется среди других капиталов своим космополитическим характером, как французский язык выделяется своим космополитическим характером среди других языков. К этому нужно добавить непроизводительные расходы, вызванные восточной войной [32]: заем в 750 миллионов.

Стало быть, с одной стороны — крупный и внезапный прорыв в двух важнейших отраслях французского производства! С другой стороны — необычайное применение французского капитала за границей в предприятиях, которые отнюдь не создавали непосредственного эквивалента и из которых кое-какие, возможно, никогда не покроют издержек своего производства! Чтобы покрыть, с одной стороны, сокращение отечественного производства путем ввоза, а с другой — рост вложений в иностранные промышленные предприятия, для этого требовались не знаки обращения, служащие для обмена эквивалентов, а сами эквиваленты, не деньги, а капитал. Сокращение французского отечественного производства во всяком случае не было эквивалентом для приложения французского капитала за границей.

Предположим теперь, что Французский банк не покоился на металлической основе и что заграница готова была принять французский эквивалент или французский капитал в любой форме, а не только в специфической форме благородных металлов. Разве банк не был бы точно так же вынужден повысить условия своего учета как раз в тот момент, когда «публика»

больше всего требовала его услуг? В настоящее время те банкноты, при помощи которых банк учитывает векселя этой публики, представляют собой не что иное, как чеки на золото и серебро. При нашем же предположении они были бы чеками на получение известной доли национального запаса продуктов и на непосредственно готовую к применению рабочую силу нации; первый ограничен, а вторая может быть увеличена лишь в очень твердых пределах и в определенные периоды. С другой стороны, машина, печатающая бумаги, неистощима и действует как бы по мановению волшебного жезла. В то самое время, когда неурожаи хлеба и шелка сильно сократили непосредственно поддающееся обмену богатство нации, имели место вложения в иностранные железнодорожные и горные предприятия, закрепившие то же самое непосредственно поддающееся обмену богатство в такой форме, которая не создает непосредственного эквивалента, а, следовательно, на данный момент поглощает вложенное богатство без всякого возмещения! Непосредственно поддающееся обмену, пригодное для обращения и вывоза за границу богатство нации, таким образом, безусловно сократилось! С другой стороны — неограниченный рост банковских обязательств. Непосредственный результат: повышение цен на продукты, сырье и труд. С другой стороны — падение цены банкнот. Банк не умножил бы по мановению волшебного жезла национальное богатство, а только обесценил бы собственные бумаги посредством весьма обычной операции. С этим обесценением наступил бы внезапный застой производства!

Да нет же, — кричит прудонист. — Наша новая банковская организация не [I—5] удовлетворилась бы отрицательной заслугой — отменить металлическую основу, а все прочее оставить по-старому. Она создала бы совершенно новые условия производства и общения, а значит, вмешалась бы в дело при совершенно новых предпосылках. Разве в свое время возникновение даже и нынешних банков не революционизировало условий производства? Разве без концентрации кредита, осуществленной банками, без государственной ренты, которую они создали в противоположность земельной ренте, — а тем самым — без финансов в противоположность земельной собственности, без дохода с денег в противоположность доходу с земли, — разве без этого нового института обращения стали бы возможными современная крупная промышленность, акционерные предприятия и т. д., бесчисленные виды обращающихся ценных бумаг, которые в одинаковой мере являются как продуктами, так и условиями функционирования современной торговли и промышленности?

Тут мы подошли к основному вопросу, который уже не связан с исходным пунктом. В общем виде вопрос заключается в следующем: возможно ли путем изменения орудия обращения — организации обращения — революционизировать существующие производственные отношения и соответствующие им отношения распределения? Следующий вопрос: можно ли предпринять подобное преобразование обращения, не затрагивая существующих производственных отношений и покоящихся на них общественных отношений? Если бы оказалось, что каждое подобное преобразование обращения, в свою очередь, само уже предполагает изменение прочих условий производства и общественные перевороты, то, естественно, сразу же обнаружилась бы несостоятельность такого учения, которое предлагает свои фокусы в сфере обращения *для того, чтобы,* с одной стороны, избежать насильственного характера перемен, а с другой стороны, сделать самые эти перемены не предпосылкой, а, наоборот, постепенным результатом перестройки обращения. Достаточно установить ошибочность этой основной предпосылки, чтобы доказать наличие у приверженцев этих взглядов такого же непонимания относительно внутренней связи между производственными отношениями, отношениями распределения и отношениями обращения.

Тот исторический пример, на который указывалось выше, не может, конечно, иметь решающего значения, ибо современные кредитные учреждения были в одинаковой мере как причиной, так и следствием концентрации капитала; они образуют лишь один из моментов последней, а концентрация имущества ускоряется недостаточным развитием обращения (например, в Древнем Риме) столь же эффективно, как и облегчением обращения.

Надо было бы далее исследовать, или, вернее, дальнейшее исследование привело бы к постановке общего вопроса о том, могут ли различные цивилизованные формы денег — металлические, бумажные, кредитные, рабочие деньги (последние как социалистическая форма) — достичь того, чего от них требуют, без уничтожения самого производственного отношения, выраженного в категории денег; и, с другой стороны, не является ли опять-таки самоуничтожающимся требованием желать избавления от существенных условий какого-либо отношения путем всего лишь формального изменения этого отношения. Та или иная из различных форм денег может лучше другой соответствовать общественному производству на той или иной из его различных ступеней; одна форма денег может устранить такие недостатки, с которыми не в состоянии справиться

другая; но ни одна из этих форм, пока они остаются формами денег, а деньги — существенным производственным отношением, не может уничтожить противоречий, присущих выраженному деньгами отношению, а может лишь преподнести их в той или иной форме. Никакая форма наемного труда, хотя одна из них может устранить недостатки другой, не в состоянии устранить недостатки самой системы наемного труда. Один рычаг, быть может, лучше чем другой, преодолевает сопротивление материи, находящейся в состоянии покоя. Но каждый из них основан на том, что сопротивление остается в силе.

Этот общий вопрос об отношении обращения к остальным производственным отношениям, разумеется, может быть поставлен лишь в конце. С самого же начала является подозрительным, что Прудон и К° ни разу не ставят этого вопроса в его чистой форме, а лишь отделываются при случае декламацией на этот счет. К тем местам, где этот вопрос так или иначе затрагивается, надо будет каждый раз внимательно присмотреться.

Уже из того, как Даримон приступает к делу, видно, что он полностью отождествляет *денежное обращение и кредит,* что экономически ошибочно. (Даровой кредит, заметим мимоходом, есть лишь лицемерно-мещанская и трусливая форма для положения: собственность — это кража [33]. Вместо того, чтобы рабочие *отобрали* у капиталистов капитал, пусть капиталисты будут вынуждены *отдать* его рабочим.) К этому также следует еще вернуться.

Что касается самой обсуждаемой темы, то Даримон пришел лишь к тому выводу, что банки, торгующие кредитом, подобно тому как купцы торгуют товарами или рабочие — трудом, продают его дороже, когда спрос повышается по сравнению с предложением, т. е. что они затрудняют публике пользование своими услугами в тот самый момент, когда она больше всего в них нуждается. Мы видели, что банк вынужден так поступать независимо от того, выпускает ли он обратимые или необратимые банкноты.

Действия Французского банка в октябре 1855 г., говорит Даримон, послужили поводом для «неистовых воплей» (там же, стр. 4) и «большого спора» между ним и представителями публики. Даримон резюмирует или утверждает, будто резюмирует эту дискуссию. В этом вопросе мы будем следовать за ним лишь от случая к случаю, ибо его резюме обнаруживает слабость обоих противников, их беспрестанное перескакивание с одного предмета на другой, топтания в сфере внешних причин. Каждый из обоих бойцов ежеминутно бросает свое оружие в поисках какого-либо другого. У обоих дело не доходит до ударов

не только потому, что они постоянно меняют оружие, которым должны сражаться, но также и потому, что, едва они столкнутся в одном месте, как тотчас же перебегают на другое.

(С 1806 по 1855 г. учетная ставка во Франции не достигала 6%; в течение 50 лет оставался неизменным максимумом трехмесячный срок принимаемых к учету торговых векселей.)

Слабость, с которой у Даримона защищается банк, и его, Даримона, собственное неправильное представление видны, например, из следующего места приводимого Даримоном фиктивного [I—6] диалога.

Противник банка говорит:

«Благодаря вашей монополии вы являетесь распределителем и регулятором кредита. Когда вы проявляете суровость, то дисконтеры не только вам подражают, но и превосходят вас по суровости... Вашими мероприятиями вы вызвали застой в делах» (там же, стр. 5).

Банк отвечает, и притом «смиренно»:

«А что же мне, по-вашему, было делать — смиренно говорит банк... — Чтобы обезопасить себя от заграницы, я должен обезопасить себя от своих соотечественников... Прежде всего я должен предотвратить отлив звонкой монеты, без которой я ничего не значу и ничего не могу делать» (там же, стр. 5).

Банку приписывается нелепость. Его заставляют уклониться от вопроса и отделаться общей фразой, для того чтобы иметь возможность ответить ему тоже общей фразой. В этом диалоге банк разделяет иллюзию Даримона насчет того, что благодаря своей монополии банк действительно регулирует кредит. На самом же деле сила банка начинается лишь там, где кончается сила частных «дисконтеров», т. е. в тот момент, когда его собственная сила сама уже чрезвычайно ограничена. Пусть банк при застойном состоянии денежного рынка, когда всякий учтет по $2^1/_2$%, остановится на 5%, тогда дисконтеры, вместо того чтобы подражать ему, вырвут у него из-под носа все операции. Нигде это не обнаруживалось более наглядно, нежели в истории Английского банка со времени закона 1844 г.[34], который в отношении учетных операций и т. д. превратил Банк в действительного соперника частных банкиров. Чтобы обеспечить себе известную, и притом возрастающую, долю в учетных операциях в периоды застойного состояния денежного рынка, Английский банк постоянно был вынужден снижать учетную ставку, доводя ее не только до уровня частных банкиров, но часто даже ниже. Таким образом, его «регулирование кредита» следует понимать cum grano salis *, между тем как Даримон делает исходным

* — дословно: «с крупинкой соли»; в переносном смысле: «с оговоркой», «не вполне буквально». *Ред.*

пунктом свое суеверное представление о безусловном контроле над денежным рынком и кредитом со стороны банка.

Вместо того чтобы критически исследовать условия действительной власти банка над денежным рынком, Даримон тотчас цепляется за фразу, что звонкая монета для банка — это все и что банк должен предотвратить ее отлив за границу. Один из профессоров Коллеж де Франс[35] (Шевалье) возражает:

«Золото и серебро — такие же товары, как и все другие... Металлические резервы банка нужны лишь для того, чтобы в критические моменты отправлять их за границу для необходимых закупок».

Банк отвечает:

«Металлические деньги — не такой же товар, как все другие; они — орудие обмена, и в силу этого титула они пользуются привилегией предписывать законы всем другим товарам».

Здесь между бойцами внезапно появляется Даримон:

«Следовательно, именно этой привилегии, которой пользуются золото и серебро, — привилегии быть единственными аутентичными орудиями обращения и обмена, — нужно приписать не только нынешний кризис, но и периодические торговые кризисы».

По мнению Даримона, чтобы справиться со всеми неприятностями кризисов,

«достаточно было бы того, чтобы золото и серебро стали такими же товарами, как и другие, или, точнее говоря, чтобы все товары стали орудиями обмена на тех же правах (au même titre) (в силу такого же титула), как золото и серебро; чтобы продукты действительно обменивались на продукты» (там же, стр. 5—7).

Как плоско поставлен здесь вопрос, являющийся предметом спора! Поскольку банк выпускает денежные обязательства (банкноты) и долговые обязательства на капитал, подлежащие оплате в золоте (или серебре) (депозитах), то он, само собой разумеется, лишь до известного момента может созерцать и переносить уменьшение своего металлического запаса, не реагируя на это. Подобные соображения не имеют никакого отношения к теории металлических денег. К теории кризисов Даримона мы еще вернемся.

В разделе «*Краткая история кризисов обращения*» * г-н Даримон опускает английский кризис 1809—1811 гг. и ограничивается тем, что, говоря о 1810 годе, отмечает назначение комитета о слитках, а, говоря о 1811 годе, опять опускает действительный кризис (начавшийся в 1809 г.) и ограничивается упоми-

---

* У Даримона заголовок этого раздела гласит: «Краткая история банков обращения» (*A. Darimon.* De la réforme des banques. Paris, 1856, стр. 20). *Ред.*

нанием о принятии палатой общин резолюции, утверждающей,

«что обесценение банкнот по отношению к слиткам вызвано не обесценением бумажных денег, а вздорожанием слитков»,

и о памфлете Рикардо [36], в котором выставляется противоположное утверждение, ведущее, по Даримону, к тому выводу, что

«наиболее совершенный вид денег — это бумажные деньги» (*A. Darimon.* De la réforme des banques. Paris, 1856, стр. 22—23).

Кризисы 1809 и 1811 гг. были в данном случае важны потому, что банк выпускал тогда необратимые банкноты, и, следовательно, кризисы ни в какой мере не вытекали из обратимости банкнот в золото (металл), и их, стало быть, никоим образом нельзя было предотвратить путем отмены этой обратимости. Даримон ловко обходит эти факты, опровергающие его теорию кризисов. Он цепляется за афоризм Рикардо [о преимуществах бумажных денег], хотя это не имело никакого отношения собственно к вопросу, рассматриваемому в рикардовском памфлете, — к вопросу об обесценении банкнот. Даримон игнорирует тот факт, что рикардовское учение о деньгах с его ложными предпосылками, будто банк контролирует количество находящихся в обращении банкнот, будто количество средств обращения определяет цены, тогда как, наоборот, цены определяют количество средств обращения и т. д., — полностью опровергнуто. Во времена Рикардо еще не было никаких детальных исследований относительно явлений денежного обращения. Это мимоходом.

[б) Ошибочное объяснение кризисов привилегированным положением золота и серебра. Вопрос об обратимости банкнот в золото и серебро. Невозможность революционизировать буржуазные производственные отношения посредством банковских и денежных реформ]

Золото и серебро — такие же товары, как и все другие. Золото и серебро — не такие же товары, как все другие: как всеобщее орудие обмена они — привилегированные товары, и именно в силу этой привилегии они низводят на низшую ступень другие товары. Таков конечный анализ, к которому Даримон сводит этот антагонизм. Отмените привилегию золота и серебра, низведите их до ранга всех других товаров — решает Даримон в конечном счете, — и тогда у вас не будет специфических зол,

связанных с золотыми и серебряными деньгами или с обратимыми в золото и серебро банкнотами. Этим вы устраните все беды. Или, лучше сказать, предоставьте всем товарам ту монополию, которой теперь обладают исключительно только золото и серебро. Сохраните папу, но сделайте каждого человека папой. Отмените деньги, превратив всякий товар в деньги и наделив его специфическими свойствами денег.

Здесь как раз возникает вопрос, не выражает ли формулированная Даримоном проблема свою собственную несуразность, в результате чего невозможность ее решения заложена уже в тех условиях, которые этой задачей поставлены. Ответ часто может заключаться лишь в критике вопроса, и вопрос часто может быть разрешен лишь [I—7] путем отрицания самого вопроса.

Действительный вопрос заключается в следующем: не вызывает ли сама буржуазная система обмена необходимости в специфическом орудии обмена? Не создает ли она необходимым образом особого эквивалента для всех стоимостей? Одна форма этого орудия обмена или этого эквивалента может быть более удобной, более подходящей, связанной с меньшими затруднениями, чем другая. Однако затруднения, проистекающие из существования особого орудия обмена, особого, но тем не менее всеобщего эквивалента, должны были бы все снова и снова возникать при всякой форме, хотя и различным образом. Конечно, от самого этого вопроса Даримон с энтузиазмом уходит. Отмените деньги и не отменяйте их! Отмените исключительную привилегию, которой обладают золото и серебро благодаря своей исключительности в качестве денег, но сделайте все товары деньгами, т. е. дайте им всем вместе такое свойство, которое не может существовать, будучи отделено от этой исключительности.

При отливах драгоценного металла действительно обнаруживается некоторое противоречие, которое Даримон преодолевает так же поверхностно, как и понимает. Оказывается, что золото и серебро не являются такими же товарами, как все другие, и современная политическая экономия внезапно и с ужасом замечает, что она время от времени все снова и снова возвращается к предрассудкам меркантилистской системы. Английские экономисты пытаются преодолеть трудность при помощи разграничения. В моменты таких денежных кризисов, говорят они, требуется не золото и серебро как деньги, не золото и серебро как монета, а золото и серебро как капитал. Они забывают добавить: как капитал, но капитал в определенной форме золота и серебра. Если бы капитал мог быть вывезен

в любой форме, то отчего же происходит отлив именно этих товаров, в то время как большинство других товаров обесценивается из-за недостатка отлива?

Возьмем определенные примеры: отлив драгоценного металла вследствие неурожая внутри страны какого-нибудь основного продукта питания (например, хлеба), из-за неурожая за границей, вызывающего вздорожание какого-нибудь импортируемого предмета широкого потребления (например, чая); отлив драгоценного металла вследствие неурожая решающих видов промышленного сырья (хлопок, шерсть, шелк, лен); отлив драгоценного металла, обусловленный чрезмерным импортом (вследствие спекуляции, войны и т. д.). В случае неурожая внутри страны возмещение внезапных или длительных потерь какого-нибудь продукта (хлеба, чая, хлопка, льна и т. д.) наносит нации двойной ущерб. Часть ее вложенного капитала или труда не воспроизведена; это — действительные потери для производства. Часть воспроизведенного капитала должна быть отдана для того, чтобы заполнить образовавшиеся бреши, и притом такая часть, которая не находится в простой арифметической пропорции к потерям, так как на мировом рынке дефицитный продукт, вследствие уменьшения предложения и увеличения спроса, повышается в цене и не может не повышаться.

Необходимо точно исследовать, как выглядели бы такого рода кризисы, если отвлечься от денег, и какую определенность в рамках данных здесь отношений вносят деньги. (Основные случаи — это *неурожай хлеба* и *чрезмерный импорт*. Война разумеется сама собой, так как в непосредственно экономическом отношении это то же самое, как если бы нация кинула в воду часть своего капитала.)

В случае неурожая хлеба. Если рассматривать данную нацию по отношению к другой нации, то ясно, что ее капитал (а не только ее действительное богатство) уменьшился; это так же ясно, как и то, что крестьянин, у которого сгорело тесто и который теперь вынужден купить хлеб у пекаря, стал беднее на величину стоимости своей покупки. Что же касается отношений внутри страны, то кажется, что, поскольку речь идет о стоимости, повышение цены хлеба оставляет все по-старому (мы отвлекаемся от того, что произведение уменьшившегося количества хлеба на повысившуюся цену при действительных неурожаях никогда не равняется произведению нормального количества хлеба на меньшую цену).

Предположим, что в Англии произведен лишь 1 квартер пшеницы и что цена этого квартера достигает такой величины, какую прежде имели 30 000 000 квартеров. В этом случае нация

(мы отвлекаемся от того, что у нее не было бы средств для воспроизводства как жизни, так и хлеба), если мы примем, что рабочее время, необходимое для воспроизводства 1 квартера, равно a рабочим дням, должна была бы $a \times 30\,000\,000$ рабочих дней (издержки производства [37]) обменивать на $a \times 1$ рабочий день (продукт); производительная сила ее капитала уменьшилась бы в миллионы раз, и сумма имеющихся в стране стоимостей уменьшилась бы, ибо каждый рабочий день обесценился бы в 30 000 000 раз. Каждая доля капитала представляла бы теперь только $\frac{1}{30\,000\,000}$ своей прежней стоимости, своего эквивалента в издержках производства, хотя в приведенном случае номинальная стоимость национального капитала не уменьшилась бы (если не считать обесценения земли), потому что уменьшение стоимости прочих продуктов как раз компенсировалось бы повышением стоимости одного квартера пшеницы. Повышение цены пшеницы в 30 000 000 раз было бы выражением точно такого же обесценения всех остальных продуктов.

Впрочем, это разграничение внешнего и внутреннего рынков совершенно иллюзорно. Каково отношение между нацией, пострадавшей от неурожая хлеба, и другой нацией, у которой она закупает хлеб, таково же отношение между каждым индивидом этой нации и фермером или хлеботорговцем. Та добавочная сумма, которую он должен израсходовать на закупку хлеба, есть прямое уменьшение его капитала, находящихся в его распоряжении средств.

Чтобы не запутывать вопроса влиянием несущественных обстоятельств, следует предположить, что пострадавшая от неурожая нация имеет свободную торговлю хлебом. Даже если бы импортируемый хлеб был так же дешев, как и хлеб отечественного производства, нация все же стала бы беднее на сумму капитала, не воспроизведенного фермерами. Однако при допущенной нами предпосылке нация всегда ввозит лишь такое количество хлеба из-за границы, какое можно ввезти при нормальной цене. Рост ввоза предполагает, таким образом, рост цены.

Повышению цены на хлеб соответствует падение цены всех прочих товаров. Повышению издержек производства (выраженных в цене), в которые обходится квартер хлеба, соответствует уменьшение производительности капитала, существующего во всех других формах. Добавочной сумме, расходуемой на закупку хлеба, должно соответствовать уменьшение закупок всех других продуктов и уже поэтому — падение их цен. Как при наличии, так и при отсутствии металлических или каких-либо

иных денег нация оказалась бы в состоянии кризиса, который охватил бы не только хлеб, но и все другие отрасли производства не только потому, что положительно сократилась бы их производительность и упала бы цена их продукции по сравнению со стоимостью, определяемой нормальными издержками производства, но и потому, что все контракты, обязательства и т. д. покоятся на средних ценах продуктов. Так, например, в счет уплаты государственного долга должно быть поставлено x шеффелей зерна, но издержки производства этих x шеффелей в определенной пропорции увеличились.

Таким образом, совершенно независимо от денег в стране [I—8] наступил бы всеобщий кризис. Даже если отвлечься не только от денег, но и от меновой стоимости продуктов, продукты обесценились бы, производительность нации уменьшилась бы, между тем как все ее экономические отношения основаны на некоторой средней производительности ее труда.

Итак, кризис, вызванный неурожаем хлеба, никоим образом не порождается отливом драгоценного металла, хотя и может быть усилен вследствие преград, которые этому отливу ставятся.

Во всяком случае, нельзя сказать вместе с Прудоном, будто кризис проистекает от того, что аутентичной стоимостью обладают только благородные металлы в противоположность другим товарам; ибо повышение цены на хлеб означает при более близком рассмотрении лишь то, что приходится давать больше золота и серебра в обмен на определенное количество хлеба, т. е. что цена золота и серебра упала по сравнению с ценой хлеба. Золото и серебро, следовательно, обесцениваются по отношению к хлебу так же, как и прочие товары, от этого их не спасает никакая привилегия. Обесценение золота и серебра по сравнению с хлебом тождественно с повышением цены на хлеб. {Это не совсем правильно. Допустим, что квартер зерна повышается в цене с 50 до 100 шиллингов, т. е. на 100%, а хлопчатобумажные товары дешевеют на 80%. В этом случае серебро подешевело по сравнению с хлебом лишь на 50%, а хлопчатобумажные товары (вследствие сокращения спроса и т. д.) по сравнению с серебром подешевели на 80%. Другими словами, цены всех других товаров падают в большей степени, чем возрастает цена на хлеб. Имеет место, однако, и обратное явление. Так, например, за последние годы, когда цены на хлеб временами поднимались на 100%, цены на промышленные товары не падали в той же пропорции, в какой золото, таким образом, падало в цене по отношению к хлебу. Это обстоятельство, однако, непосредственно не нарушает общего положения.} Нельзя сказать

также, что золото обладает привилегией благодаря тому, что в форме монеты его количество точно и аутентично определено. Талер (серебром) при всех обстоятельствах остается талером. Но точно так же и шеффель пшеницы остается шеффелем, а аршин холста — аршином.

В случае значительного неурожая хлеба обесценение большинства товаров (включая труд) и вытекающий отсюда кризис нельзя, стало быть, приписать вывозу золота как первичной причине, так как обесценение и кризис имели бы место и в том случае, если бы отечественное золото совсем не вывозилось из страны, а хлеб совсем не ввозился бы из-за границы. Кризис сводится здесь просто к закону спроса и предложения, который, как известно, в сфере предметов первой необходимости — рассматривая дело в масштабе нации, — действует несравненно резче и сильнее, нежели во всех остальных сферах. Не вывоз золота — причина хлебного кризиса, а хлебный кризис — причина вывоза золота.

Если рассматривать золото и серебро сами по себе, то можно утверждать, что лишь в двух направлениях они влияют, со своей стороны, на кризис и усиливают его симптомы: 1) поскольку вывоз золота был бы затруднен в силу условий металлического покрытия, которыми связаны банки; поскольку те меры, которые банк поэтому принимает против этого вывоза золота, отрицательно влияют, в свою очередь, на обращение внутри страны; 2) поскольку вывоз золота становится необходимым потому, что другие нации согласны принимать капитал лишь в форме золота, а не в какой-либо иной форме.

Затруднение № 2 может оставаться в силе даже тогда, когда затруднение № 1 устранено. Английский банк испытывал подобное затруднение именно в тот период, когда он получил законное право на выпуск необратимых банкнот. Банкноты обесценились по сравнению с золотом в слитках, но упала также и монетная цена золота по сравнению с ценой золота в слитках. По отношению к банкнотам золото стало товаром особого рода. Можно сказать, что банкнота оставалась еще постольку зависимой от золота, поскольку она номинально представляла определенное количество золота, которое за нее фактически нельзя было получить. Золото оставалось ее наименователем, хотя ее уже нельзя было по закону обменять в банке на это количество золота.

Не подлежит никакому сомнению (?) (это должно быть исследовано в дальнейшем и не относится непосредственно к рассматриваемому вопросу), что пока бумажные деньги получают свое наименование от золота (т. е., например, банкнота в 5 фун-

тов стерлингов есть бумажный представитель 5 соверенов *), обратимость банкноты в золото остается для нее экономическим законом, существует ли этот закон *политически* или нет. Банкноты Английского банка и в период 1799—1819 гг.[38] продолжали утверждать, что они представляют стоимость определенного количества золота. Как же иначе проверить это утверждение, если не путем констатации того факта, что банкнота действительно распоряжается таким-то количеством золота в слитках? С того момента, как за банкноту в 5 фунтов стерлингов уже нельзя было получить стоимость в слитке, равную 5 соверенам, банкнота была обесценена несмотря на свою необратимость по закону. Равенство стоимости банкноты и стоимости определенного количества золота, объявленное в ее наименовании, тотчас же вступало в противоречие с фактическим неравенством между банкнотой и золотом.

Таким образом, спор среди англичан, сохраняющих золото в качестве наименователя банкноты, в сущности вращается не вокруг обратимости банкноты в золото, — эта обратимость выражает на практике лишь то равенство, которое теоретически объявлено в наименовании банкноты, — а вокруг того, как обеспечить эту обратимость: обеспечивается ли она путем установленных для банка законодательных ограничений или же ее следует предоставить самой себе. Сторонники последнего взгляда утверждают, что в эмиссионном банке, дающем ссуды под векселя, банкноты которого имеют, стало быть, обеспеченный возврат, эта обратимость в среднем гарантирована и что их противники все равно никогда не добиваются чего-либо большего, чем эта средняя обеспеченность. Последнее — факт. Этим средним уровнем, между прочим, вообще не приходится пренебрегать; средние вычисления так же должны составлять основу банков, как и всех страховых учреждений и т. д. Этой точки зрения придерживаются прежде всего шотландские банки, которые справедливо приводятся в качестве образца.

Строгие буллионисты **, со своей стороны, говорят, что они принимают [I—9] обратимость всерьез, что именно обязанность банка обменивать банкноту на золото сохраняет ее обратимой, что необходимость этой обратимости дана самим наименованием банкноты и образует барьер против чрезмерной эмиссии, что их противники являются всего лишь мнимыми сторонниками необратимости. Между этими двумя направлениями существуют

* — английских золотых монет в 1 ф. ст. каждая (с изображением короля или королевы). *Ред.*

** — от английского слова «bullion», означающего слиток золота или серебра. *Ред.*

различные промежуточные оттенки, множество мелких «разновидностей».

Наконец, защитники необратимости, решительные антибуллионисты, сами того не зная, являются всего лишь мнимыми сторонниками необратимости точно так же, как их противники — всего лишь мнимыми сторонниками обратимости; ибо антибуллионисты сохраняют наименование банкноты, т. е. делают мерой полноценности своих банкнот практическое приравнивание банкноты определенного наименования к определенному количеству золота.

В Пруссии существуют бумажные деньги с принудительным курсом. (Обратный приток их обеспечен постольку, поскольку известная доля налогов должна быть уплачена бумажками.) Эти бумажные талеры не являются чеками на серебро, они по закону не обмениваются ни одним банком на серебро и т. д. Они выдаются не коммерческим банком при учете векселей, а правительством, которое оплачивает ими свои расходы. Однако их наименование выражено в серебре. Бумажный талер своим наименованием утверждает, что он представляет ту же стоимость, что и серебряный талер. Если бы основательно поколебалось доверие к правительству или же если бы бумажные деньги были выпущены в бо́льших количествах, нежели требуется для потребностей обращения, то на практике бумажный талер перестал бы стоять на одном уровне с серебряным талером и был бы обесценен, ибо он упал бы ниже той стоимости, которая показана в его наименовании. Он обесценился бы и без наступления вышеназванных обстоятельств, если бы особая потребность в серебре, например для вывоза, поставила бы серебро в привилегированное положение по сравнению с бумажным талером.

Итак, обратимость в золото и серебро на практике является мерой стоимости всяких бумажных денег, получающих свое наименование от золота или серебра, независимо от того, будут ли бумажные деньги обратимыми по закону или нет. Та или иная номинальная стоимость — это всего лишь тень, сопровождающая то, тенью чего она является; совпадают ли они друг с другом или не совпадают, должна показать их действительная обратимость (обмениваемость). Падение реальной стоимости ниже номинальной стоимости есть обесценение. Действительное параллельное движение, взаимообмениваемость есть обратимость. При необратимых банкнотах обратимость обнаруживается не в кассе банка, а в повседневном обмене между бумажными деньгами и металлическими деньгами, наименование которых они носят. Обратимость свободно обмениваемых банкнот по сути дела ставится под угрозу уже тогда, когда она удостове-

ряется не повседневным обменом во всех частях страны, а посредством больших специальных экспериментов, организуемых у кассы банка.

В Шотландии бумажные деньги в деревне даже предпочитаются металлическим. Шотландия до 1845 г., когда ей был навязан английский закон 1844 г.[39], конечно, переживала все английские социальные кризисы, а некоторые кризисы — даже в более сильной степени, так как «очистка» земли [40] проводилась здесь более беззастенчиво. Тем не менее Шотландия не знала ни собственно денежных кризисов (то, что в виде исключения некоторые банки обанкротились, так как они легкомысленно предоставляли кредиты, сюда не относится), ни обесценения банкнот, ни жалоб, ни расследований того, достаточна ли масса обращающихся денег или нет и т. д.

Пример Шотландии важен здесь потому, что он показывает, каким образом денежная система может быть полностью урегулирована на нынешней основе — с устранением всех тех зол, на которые жалуется Даримон, — без ликвидации нынешней социальной основы и притом даже в том случае, если присущие этой социальной основе противоречия, антагонизмы, противоположность классов и т. д. одновременно с этим достигают еще более высокой степени, чем в какой-либо другой стране мира.

Характерно, что как Даримон, так и его покровитель, написавший предисловие к его книге, Эмиль Жирарден, который свое практическое мошенничество дополняет теоретическим утопизмом, — находят противоположность монопольных банков, таких как Английский банк и Французский банк, не в Шотландии, а ищут ее в Соединенных Штатах, где банковская система, в результате требующихся правительственных разрешений, свободна лишь номинально, где нет свободной конкуренции банков, а существует федеральная система монопольных банков.

И действительно, шотландская банковская и денежная система — опаснейший подводный камень для иллюзий фокусников обращения. Про золотые или серебряные деньги (там, где нет узаконенного биметаллизма) не говорят, что они обесцениваются, всякий раз как изменяется их относительная стоимость по сравнению со всеми другими товарами. Почему же нет? Потому что они образуют свой собственный знаменатель, потому что их наименование не есть наименование какой-либо стоимости, т. е. они не оценены в каком-нибудь третьем товаре, а выражают лишь соответствующие доли своей собственной материи: 1 соверен равняется такому-то количеству золота такого-то веса.

Таким образом, золото номинально не может быть обесценено не потому, что только оно выражает *подлинную стоимость,*

а потому, что оно в качестве денег выражает *вовсе не стоимость,* а определенное количество своей собственной материи, выражает, несет на своем челе свою собственную количественную определенность. (Позднее следует исследовать более детально, является ли этот отличительный признак золотых и серебряных денег в конечном счете имманентным свойством всяких денег.)

Введенные в заблуждение этой номинальной необесцениваемостью металлических денег, Даримон и К° видят лишь одну сторону дела, проявляющуюся в кризисах: повышение ценности золота и серебра по отношению почти ко всем остальным товарам; они не видят другой стороны — *обесценения* золота и серебра или *денег* по отношению ко всем остальным товарам (за исключением, быть может, труда, но не всегда) в периоды так называемого *процветания,* в периоды временного всеобщего повышения цен. Так как это обесценение металлических денег (и всех видов денег, покоящихся на них) всегда предшествует повышению их ценности, то Даримон и К° должны были бы поставить свою проблему наоборот: предотвратить периодически повторяющееся обесценение денег (на их языке — отменить привилегии товаров по отношению к деньгам). В последней формулировке задача тотчас же свелась бы к следующему: прекратить повышение и падение цен, т. е. уничтожить цены. Следовательно: упразднить меновую стоимость. Стало быть: отменить обмен в том его виде, в каком он соответствует буржуазной организации [I—10] общества. Эта последняя задача означает: экономически революционизировать буржуазное общество. Тогда с самого начала обнаружилось бы, что болезнь буржуазного общества нельзя вылечить «преобразованием» банков или учреждением рациональной «денежной системы».

[2) СВЯЗЬ ТЕОРИИ ОБРАЩЕНИЯ ПРУДОНА С ЕГО ОШИБОЧНОЙ ТЕОРИЕЙ СТОИМОСТИ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЕНЕГ КАК НЕОБХОДИМЫЙ РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ ОБМЕНА]

[а) Иллюзия прудонистов о возможности устранить пороки буржуазного общества посредством введения «рабочих денег»]

[α) Несовместимость «рабочих денег» с ростом производительности труда]

Итак, обратимость — узаконенная или нет — остается требованием, предъявляемым любым деньгам, наименование которых делает их знаком стоимости, т. е. приравнивает их к известному количеству какого-нибудь третьего товара. Прирав-

нивание уже включает противопоставление, возможное неравенство; обратимость включает свою противоположность, необратимость; повышение ценности включает обесценение δυνάμει *, как сказал бы Аристотель.

Предположим, что, например, соверен назывался бы не только совереном, — что является лишь почетным наименованием для определенной доли унции золота (счетное название) подобно тому, как метр является наименованием для определенной длины, — а что он назывался бы, скажем, *«x часов рабочего времени»*. Упомянутая доля унции золота действительно есть не что иное, как материализованные, овеществленные *x* часов рабочего времени. Но золото, это — прошлое рабочее время, определенное количество рабочего времени. Его наименование «*x* часов рабочего времени» сделало бы вообще определенное количество труда его масштабом. Фунт золота должен был бы тогда быть обратимым в некоторое определенное количество часов рабочего времени, он должен был бы иметь возможность купить их в любой момент: как только он мог бы купить их больше или меньше, это означало бы повышение его ценности или его обесценение; в последнем случае прекратилась бы его обратимость.

Стоимость определяется не рабочим временем, воплощенным в продуктах, а рабочим временем, требующимся в данный момент. Возьмем фунт золота как такового: пусть он будет продуктом 20 часов рабочего времени. Предположим, что в силу тех или иных обстоятельств впоследствии для производства фунта золота потребуется только 10 часов. Фунт золота, наименование которого показывает, что он равен 20 часам рабочего времени, равнялся бы теперь лишь 10 часам рабочего времени, так как 20 часов рабочего времени равны 2 фунтам золота. 10 часов труда фактически обмениваются на 1 фунт золота; значит, 1 фунт золота не может больше обмениваться на 20 рабочих часов.

Золотые деньги с плебейским наименованием *«x рабочих часов»* были бы подвержены бóльшим колебаниям, чем какие-либо иные деньги, и в особенности чем нынешние золотые деньги; ибо золото по отношению к золоту не может ни повышаться, ни падать (оно равно самому себе), а содержащееся в определенном количестве золота прошлое рабочее время должно беспрестанно повышаться или падать по отношению к живому рабочему времени данного момента. Чтобы сохранить его обратимость, пришлось бы сохранять неизменной производительность рабочего часа. В силу всеобщего экономического

* — потенциально, в возможности. *Ред.*

закона, по которому издержки производства постоянно падают, а живой труд постоянно становится производительнее и, стало быть, овеществленное в продуктах рабочее время постоянно обесценивается, — неизбежной судьбой этих золотых рабочих денег было бы постоянное обесценение. Чтобы предотвратить это зло, можно было бы сказать, что наименование рабочих часов должно получить не золото, а — как предлагал Вейтлинг [41], до него англичане и после него французы, в том числе Прудон и К°, — это наименование должны получить бумажные деньги, простой знак стоимости. Рабочее время, воплощенное в самих бумажках, при этом столь же мало принималось бы в расчет, как и стоимость бумаги, на которой напечатаны банкноты. Эти бумажки были бы лишь представителями рабочих часов, подобно тому как банкноты являются представителями золота или серебра. Если бы производительность рабочего часа повысилась, то возросла бы покупательная сила бумажки, являющейся его представителем, и наоборот; совершенно так же, как теперь на 5-фунтовую банкноту можно купить большее или меньшее количество предметов, смотря по тому, возрастает или падает относительная стоимость золота по сравнению с другими товарами.

В силу того же закона, по которому золотые рабочие деньги подвергались бы постоянному обесценению, бумажные рабочие деньги постоянно повышались бы в цене. Но это, говорят социалисты, и есть как раз то, чего мы хотим: рабочий радовался бы росту производительности своего труда, между тем как он теперь пропорционально росту производительности труда создает чужое богатство и свое собственное обесценение. Так говорят социалисты. Однако, к несчастью, тут возникают некоторые небольшие сомнения.

Прежде всего: если уж мы допускаем деньги, хотя бы это были только часовые боны, то мы должны предположить и накопление этих денег, а также контракты, обязательства, отчисления и т. д., которые фиксировались бы в этих деньгах. Накопленные бумажки постоянно повышались бы в цене точно так же, как и вновь выпускаемые, и, таким образом, с одной стороны, рост производительности труда шел бы на пользу нерабочим, а, с другой стороны, вместе с ростом производительности труда росли бы и обязательства по ранее заключенным контрактам. Падение и повышение стоимости золота или серебра не имели бы никакого значения в том случае, если бы мир в каждый данный момент мог начинаться сызнова и если бы заключенные обязательства об уплате определенного количества золота не сталкивались с колебаниями в стоимости золота. Точно так же

обстоит здесь дело с часовым боном и производительностью одного часа труда.

Вопрос, подлежащий здесь исследованию, это — обратимость часового бона. Мы достигнем той же цели, если сделаем некоторое отклонение в сторону. Хотя это и преждевременно, но можно кое-что сказать о заблуждениях, лежащих в основе часового бона; это даст нам возможность заглянуть в ту глубочайшую тайну, которая связывает прудоновскую теорию обращения с его общей теорией — его теорией определения [I—11] стоимости. Такая же связь имеет место, например, у Брея и Грея. Лежит ли в основе этого что-либо верное, мы выясним ниже (предварительно заметим еще мимоходом: если рассматривать банкноты только как чеки на золото, то их никогда нельзя выпускать на сумму, превышающую то количество золотых денег, которое они должны заменить, не обесценив их. Если я выдаю три обязательства по 15 ф. ст. трем различным кредиторам на одни и те же 15 ф. ст. золотом, то каждое обязательство в сущности представляет собой обязательство лишь на 15 : 3 ф. ст. = 5 ф. ст. Таким образом, каждая из этих банкнот была бы уже заранее обесценена до $33^1/_3\%$).

[β) Несовместимость «рабочих денег» с реальным различием между стоимостью и ценой товаров]

Стоимость (реальная меновая стоимость) всех товаров (включая труд) определяется их издержками производства, иными словами — рабочим временем, требующимся для их изготовления. *Цена* есть эта их меновая стоимость, выраженная в деньгах. Следовательно, замена металлических денег (и получающих от них свое наименование бумажных или кредитных денег) рабочими деньгами, которые получали бы свое наименование непосредственно от количества рабочего времени, отождествила бы *реальную стоимость* (меновую стоимость) товаров и их *номинальную стоимость, цену, денежную стоимость.* Мы имели бы отождествление *реальной стоимости и номинальной стоимости, стоимости и цены.* Но это было бы достигнуто лишь при той предпосылке, что *стоимость* и *цена* отличаются друг от друга лишь *номинально.* Однако это отнюдь не так. Определяемая рабочим временем стоимость товаров есть лишь их *средняя стоимость.* Эта средняя величина выступает как извне привнесенная абстракция, поскольку она вычисляется как среднее число для определенного периода (например, фунт кофе стоит 1 шиллинг, когда выводится средняя цена кофе, скажем, за 25 лет); но эта средняя величина весьма реальна, если

ее познают вместе с тем как движущую силу и побудительный принцип тех колебаний, которым подвергаются товарные цены в течение определенного периода.

Эта реальность имеет не только теоретическое значение: она образует основу для коммерческой спекуляции, ибо последняя при расчете вероятностей исходит как из обычных средних цен, которые берутся ею в качестве центра колебаний, так и из средних высоких и средних низких цен, отклоняющихся вверх или вниз от этого центра. *Рыночная стоимость* товара всегда отличается от этой средней стоимости его и всегда стоит или выше или ниже ее.

Рыночная стоимость выравнивается в реальную стоимость путем своих постоянных колебаний, никогда не путем установления равенства с реальной стоимостью как с чем-то третьим, а через постоянное неравенство с самой собой (как сказал бы Гегель, не через абстрактное тождество, а через постоянное отрицание отрицания, т. е. через отрицание самой себя как отрицания реальной стоимости). Что сама реальная стоимость в свою очередь — независимо от ее господства над колебаниями рыночной цены (независимо от нее как от *закона* этих колебаний) — сама себя отрицает и постоянно ставит реальную стоимость товаров в противоречие с ее собственным определением, снижает или повышает реальную стоимость наличных товаров, — это я показал в своем памфлете против Прудона [42], и здесь незачем на этом останавливаться подробнее.

Таким образом, *цена* отличается от *стоимости* не только как номинальное от реального, не только благодаря наименованию в золоте и серебре, а благодаря тому, что стоимость выступает как закон тех движений, которые совершает цена. Но они всегда различны и никогда не совпадают или же совпадают лишь совершенно случайно и в виде исключения. Цена товара стоит всегда выше или ниже стоимости товара, и сама стоимость товара существует лишь в отклонениях товарных цен вверх и вниз. Спрос и предложение постоянно определяют товарные цены; они никогда не совпадают или совпадают лишь случайно; а издержки производства, со своей стороны, определяют колебания спроса и предложения.

Золото или серебро, в которых выражается цена товара, его рыночная стоимость, сами представляют собой определенную массу накопленного труда, определенное количество материализованного рабочего времени. При предположении, что издержки производства товара и издержки производства золота и серебра остаются неизменными, рост или падение рыночной цены товара означает не что иное, как то, что товар, равный x

рабочего времени, всегда распоряжается на рынке количеством рабочего времени, бо̀льшим или меньшим чем x, котируется выше или ниже своей средней стоимости, определяемой рабочим временем.

Первая основная иллюзия сторонников часовых бонов состоит в том, что, уничтожая *номинальное различие* между реальной стоимостью и рыночной стоимостью, между меновой стоимостью и ценой, — т. е. выражая стоимость не в определенном овеществлении рабочего времени, скажем, в золоте и серебре, а в самом рабочем времени, — они воображают, будто они устраняют также и действительное различие и противоречие между ценой и стоимостью. Тогда само собой понятно, как посредством одного лишь введения часового бона устраняются всякие кризисы, все пороки буржуазного производства. Денежная цена товаров равна их реальной стоимости; спрос равен предложению; производство равно потреблению; деньги одновременно отменены и сохранены; достаточно лишь констатировать рабочее время, продуктом которого является товар и которое материализуется в товаре, чтобы создать соответствующий ему двойник в виде знака стоимости, денег, часовых бонов. Таким образом, всякий товар был бы непосредственно превращен в деньги, а золото и серебро, со своей стороны, были бы низведены до ранга всех прочих товаров.

Нет нужды подробно доказывать, что противоречие между меновой стоимостью и ценой, — между средней ценой и теми ценами, средней которых она является, — различие между определенными величинами и их средней величиной, [I—12] не уничтожается тем, что уничтожают чисто *словесное различие* между тем и другим, т. е. тем, что вместо того, чтобы сказать «1 фунт хлеба стоит 8 пенсов», будут говорить, что 1 фунт хлеба равняется $\frac{1}{x}$ рабочего часа. Наоборот, если 8 пенсов равны $\frac{1}{x}$ рабочего часа и если рабочее время, материализованное в каком-нибудь фунте хлеба, больше или меньше, чем $\frac{1}{x}$ рабочего часа, то благодаря тому, что мера стоимости вместе с тем была бы тем элементом, в котором выражается цена, различие между стоимостью и ценой только выступило бы со всей резкостью, тогда как в цене, выраженной в золоте или в серебре, это различие между стоимостью и ценой спрятано. Получилось бы некоторое бесконечное уравнение. $\frac{1}{x}$ рабочего

часа (содержащаяся в 8 пенсах или выраженная в боне) была бы больше или меньше, чем $\frac{1}{x}$ рабочего часа (содержащаяся в фунте хлеба).

Часовой бон, который представляет *среднее рабочее время*, никогда не соответствовал бы *действительному рабочему времени* и никогда не мог бы быть обратимым в последнее; т. е. овеществленное в каком-нибудь товаре рабочее время никогда не могло бы распоряжаться равным себе количеством рабочих денег и наоборот, а распоряжалось бы то бо̀льшим, то меньшим количеством их, подобно тому как в настоящее время всякое колебание рыночных стоимостей выражается в повышении или падении их цен, выраженных в золоте или серебре.

Постоянное обесценение товаров — если брать продолжительные периоды — по отношению к часовым бонам, о котором мы говорили выше *, проистекает из закона повышающейся производительности рабочего времени, из тех нарушений само̀й относительной стоимости, которые порождаются ее собственным внутренним принципом — рабочим временем. Необратимость часовых бонов, о которой мы говорим теперь, есть не что иное, как другое выражение для необратимости между реальной стоимостью и рыночной стоимостью, между меновой стоимостью и ценой. Часовой бон представлял бы в противоположность ко всем товарам некое идеальное рабочее время, которое обменивалось бы то на большее, то на меньшее количество действительного рабочего времени и получало бы в боне некоторое обособленное, собственное существование, соответствующее этому действительному неравенству. Всеобщий эквивалент, средство обращения и мера товаров опять противостояли бы товарам в качестве чего-то индивидуализированного, подчиняющегося собственным законам, отчужденного, т. е. со всеми свойствами нынешних денег, но не оказывая их услуг. Однако путаница достигала бы несравненно бо̀льших размеров в результате того, что тем мерилом, при помощи которого сравниваются товары, эти овеществленные количества рабочего времени, был бы не третий товар, а их собственная мера стоимости, само рабочее время.

Товар *a*, овеществление 3 часов рабочего времени, равняется двум трудовым часовым бонам; товар *b*, овеществление также 3 часов труда, равняется четырем трудовым часовым бонам. Это противоречие фактически выражено в денежных ценах, но лишь в скрытом виде. Различие между ценой и стоимостью,

---

* См. настоящий том, часть I, стр. 75—76. *Ред.*

между товаром, измеренным в том рабочем времени, продуктом которого он является, и тем рабочим временем, на продукт которого этот товар обменивается, это различие требует третьего товара как меры, в которой выражается действительная меновая стоимость товара. *Так как цена не равна стоимости, то элемент, определяющий стоимость, — рабочее время — не может быть тем элементом, в котором выражаются цены, ибо в этом случае рабочее время должно было бы выражать себя одновременно как определяющее и неопределяющее, как равное и неравное самому себе.* Так как рабочее время как мера стоимости существует лишь идеально, то оно не может служить материей для сравнивания цен. (Здесь вместе с тем выясняется, как и почему стоимостное отношение получает в деньгах материальное и обособленное существование. Это подробнее рассмотреть ниже.) Различие цены и стоимости требует, чтобы стоимости как цены измерялись другим масштабом, а не своим собственным. Цена в отличие от стоимости необходимо должна быть *денежной ценой*. Здесь проявляется то обстоятельство, что *номинальное* различие между ценой и стоимостью обусловлено их *реальным* различием.

[б) Превращение продукта в товар, а стоимости товара в деньги в процессе обмена]

Товар *a* равен 1 шилл. (т. е. равен $\frac{1}{x}$ серебра); товар *b* равен 2 шилл. (т. е. $\frac{2}{x}$ серебра). Отсюда следует, что товар *b* равен удвоенной стоимости товара *a*. Стоимостное отношение между *a* и *b* выражается той пропорцией, в которой оба они обмениваются не на какое-нибудь стоимостное отношение, а на определенное количество третьего товара, на серебро.

Каждый товар (продукт или орудие производства) равен овеществлению некоторого определенного рабочего времени. Его стоимость — то отношение, в котором этот товар обменивается на другие товары или другие товары обмениваются на него, — равна овеществленному в нем количеству рабочего времени. Если товар равен, например, 1 часу рабочего времени, то он обменивается на всякий другой товар, представляющий собой продукт 1 часа рабочего времени. (Все это рассуждение основывается на том предположении, что меновая стоимость равна рыночной стоимости, а реальная стоимость равна цене.)

Стоимость товара отлична от самого товара. Стоимостью (меновой стоимостью) товар является только в обмене (действительном или представляемом); стоимость есть не просто способность товара к обмену вообще, а его специфическая обмениваемость. Стоимость есть одновременно показатель того отношения, в котором товар обменивается на другие товары, и показатель того отношения, в котором товар уже в процессе производства обменялся с другими товарами (материализованным рабочим временем); она есть количественно определенная [I—13] обмениваемость товара. Товары, например аршин хлопчатобумажной ткани и кружка растительного масла, если рассматривать их как ткань и масло, разумеется, различны, обладают различными свойствами, измеряются различными мерами, несоизмеримы. Как стоимости, все товары качественно одинаковы и различаются лишь количественно, стало быть они все измеряют и замещают друг друга (обмениваются, обратимы друг в друга) в определенных количественных пропорциях.

Стоимость — это общественное отношение товаров, их экономическое качество. Книга, обладающая определенной стоимостью, и каравай хлеба, обладающий той же стоимостью, обмениваются друг на друга, представляют собой одну и ту же стоимость лишь в различном материале. Как стоимость, товар есть в то же время эквивалент всех других товаров в некоторой определенной пропорции. Как стоимость, товар есть эквивалент; в нем как в эквиваленте все его природные свойства погашены; он уже не находится ни в каком качественном особом отношении к другим товарам, а является как всеобщей мерой, так и всеобщим представителем и всеобщим средством обмена для всех других товаров. Как стоимость, товар есть *деньги*.

Но так как товар — или, точнее, продукт или орудие производства — отличен от себя как стоимости, то он как стоимость отличен от себя как продукта. Свойство товара быть стоимостью не только может, но и должно вместе с тем приобрести существование, отличное от его натурального существования. Почему? Так как товары, как стоимости, отличны друг от друга лишь количественно, то каждый товар должен быть качественно отличным от своей собственной стоимости. Поэтому его стоимость должна также обладать качественно отличным от него существованием, и в действительном обмене эта отделимость стоимости от натурального существования товара должна стать действительным отделением, так как натуральное различие товаров должно прийти в противоречие с их

экономической эквивалентностью; то и другое может существовать наряду друг с другом только благодаря тому, что товар приобретает двойное существование, наряду со своим натуральным существованием приобретает чисто экономическое существование, в котором он — всего лишь знак, символ производственного отношения, всего лишь знак своей собственной стоимости.

Как стоимость, каждый товар делим на равные части; в своем натуральном бытии — нет. Как стоимость, товар остается одним и тем же, сколько бы метаморфозов и форм существования он ни проходил; в действительности товары обмениваются лишь потому, что они неодинаковы и соответствуют различным системам потребностей. Как стоимость, товар — всеобщ, как действительный товар он — нечто особенное. Как стоимость, он всегда способен к обмену; в действительном обмене он обладает этим свойством лишь в том случае, если он отвечает особым условиям. Мера обмениваемости товара как стоимости определена самим товаром; меновая стоимость выражает именно то отношение, в котором этот товар замещает другие товары; в действительном обмене товар способен к обмену лишь в таких количествах, которые связаны с его натуральными свойствами и которые соответствуют потребностям обменивающихся лиц.

(Словом, все те свойства, которые перечисляются как особые свойства денег, суть свойства товара как меновой стоимости, продукта как стоимости в отличие от стоимости как продукта.) (Меновая стоимость товара как особое наряду с самим товаром существование есть *деньги*, та форма, в которой все товары приравниваются друг к другу, сравниваются, измеряются, в которую все товары превращаются и которая превращается во все товары, — всеобщий эквивалент.)

Ежеминутно, при расчетах, в бухгалтерии и т. д., мы превращаем товары в знаки стоимости, фиксируем их как всего лишь меновые стоимости, абстрагируясь от их вещества и от всех их натуральных свойств. На бумаге, в уме этот метаморфоз происходит просто путем абстракции; но в действительном обмене необходимо действительное *опосредствование*, нужно средство для осуществления этой абстракции. Товар в своих натуральных свойствах не обладает ни обмениваемостью в любое время, ни обмениваемостью на *любой другой товар;* он обладает обмениваемостью на другие товары не в своем натуральном равенстве с самим собой, а как положенный [43] в качестве чего-то неравного самому себе, отличного от самого себя, в качестве меновой стоимости. Мы должны сперва превратить товар в него

самого как в меновую стоимость, чтобы затем сравнивать и обменивать эту меновую стоимость с другими.

В самой примитивной меновой торговле, когда два товара обмениваются один на другой, каждый товар сперва приравнивается к какому-либо знаку, выражающему его меновую стоимость; так, например, у некоторых негров западноафриканского побережья каждый товар $= x$ брускам железа. Один товар равен 1 бруску; другой равен 2 брускам. В таком соотношении они и обмениваются. Товары сначала мысленно и словесно превращаются в бруски, прежде чем они обмениваются друг на друга *. Они оцениваются, прежде чем они обмениваются, а чтобы оценить их, их необходимо привести в определенные числовые соотношения друг к другу. Для того чтобы их привести в такие числовые соотношения и сделать соизмеримыми, им необходимо дать одинаковое наименование (одинаковую единицу). (Брусок обладает чисто воображаемым существованием, как и вообще любое отношение только путем абстракции может получить некоторое особое воплощение, может быть само в свою очередь индивидуализировано.) Для того чтобы при обмене покрыть избыток одной стоимости над другой, для выравнивания баланса, при самой примитивной меновой торговле, как и в настоящее время в международной торговле, требуется уплата наличными деньгами.

Продукты (или деятельности) обмениваются лишь как товары; товары в самòм обмене существуют лишь как стоимости; лишь как таковые они сравниваются. Чтобы определить количество хлеба, которое я могу получить в обмен на аршин холста, я сначала приравниваю аршин холста к его меновой стоимости, т. е. к $\frac{1}{x}$ рабочего времени. Точно так же я приравниваю фунт хлеба к его меновой стоимости: к $\frac{1}{x}$ или $\frac{2}{x}$ и т. д. рабочего времени. Я приравниваю каждый товар к чему-то третьему, т. е. [I—14] полагаю его неравным самому себе. Это третье, отличное от обоих товаров, так как оно выражает некоторое отношение, существует сначала только в уме, в представлении, как и вообще отношения можно только *мыслить*, если их хотят фиксировать в отличие от тех субъектов [45], которые находятся между собой в тех или иных отношениях.

---

* [II—8] «С первых шагов цивилизации люди устанавливали меновую стоимость продуктов своего труда не путем сравнения с *продуктами, в том или ином случае предложенными в обмен*, а путем их сравнения с некоторым предпочитаемым всеми продуктом» (*Ganilh.* Des systèmes d'économie politique. Tome second. Paris, 1809, стр. 64—65) [44]. [II—8]

Когда продукт (или деятельность) становится меновой стоимостью, он не только превращается в определенное количественное отношение, в относительное число, — а именно в число, выражающее, какое количество других товаров ему равно, является его эквивалентом, или в какой пропорции он является эквивалентом других товаров, — но и должен вместе с тем претерпеть качественное превращение, должен быть трансформирован в некий другой элемент с тем, чтобы оба товара стали именованными величинами, измеряемыми одной и той же единицей, т. е. стали бы соизмеримы.

Товар сперва должен быть превращен в рабочее время, т. е. в нечто качественно от него отличное {качественно отличное, ибо, во-первых, товар не есть рабочее время как таковое, а есть материализованное рабочее время; рабочее время не в форме движения, а в состоянии покоя; не как процесс, а как результат; а во-вторых, он есть не овеществление рабочего времени вообще, которое существует лишь в представлении (и которое само есть лишь отделенный от своего качества, различающийся лишь количественно труд), а определенный результат определенного, натурально определенного труда, качественно отличного от других видов труда}, — чтобы затем в качестве определенной величины рабочего времени, определенного количества труда быть сравниваемым с другими величинами рабочего времени, с другими количествами труда.

Для одного лишь сравнивания или оценивания продуктов, для идеального определения их стоимости достаточно произвести эту трансформацию мысленно (трансформацию, при которой продукт существует лишь как выражение количественных производственных отношений). Для сравнивания товаров этой абстракции достаточно; в действительном обмене эта абстракция должна быть, в свою очередь, овеществлена, символизирована, реализована посредством какого-либо знака. Необходимость этого возникает по следующим причинам. 1) Как мы уже сказали, оба подлежащих обмену товара превращаются в уме в соответствующие отношения величин, в меновые стоимости, и таким образом оцениваются друг в друге. Если же они действительно обмениваются, то их натуральные свойства вступают в противоречие с их определением как меновых стоимостей и всего лишь именованных чисел. Например, они не могут быть делимы по произволу и т. д. 2) В действительном обмене всегда бывает так, что особые товары обмениваются на особые товары и что способность к обмену каждого товара, как и пропорция, в которой он может быть обменен, зависит от условий места и времени и т. д.

Однако превращение товара в меновую стоимость приравнивает его не к определенному другому товару, а выражает этот товар как эквивалент, выражает то отношение, в котором он способен обмениваться на все другие товары. Это приравнивание, которое мысленно производится сразу, осуществляется в действительности лишь в известном кругу товаров, определяемом потребностями, и притом лишь в некоторой последовательности. (Например, я обмениваю доход в 100 талеров, по мере возникновения у меня тех или иных потребностей, поочередно на целый ряд товаров, сумма которых равна меновой стоимости 100 талеров.)

Следовательно, чтобы сразу реализовать товар как меновую стоимость и придать ему всеобщее значение меновой стоимости, недостаточно обмена его на какой-нибудь особый товар. Товар должен быть обменен на третий предмет, который сам, в свою очередь, есть не особый товар, а символ товара как товара, символ самой меновой стоимости товара; *который, стало быть, представляет, скажем, рабочее время как таковое;* например — кусок бумаги или кожи, который представляет ту или иную долю рабочего времени. (Такой символ предполагает всеобщее признание; он может быть только общественным символом; он в сущности выражает только некоторое общественное отношение.)

Этот символ выражает определенные доли рабочего времени, меновую стоимость в таких пропорциональных долях, путем простой арифметической комбинации которых возможно выразить все соотношения меновых стоимостей друг с другом; этот символ, этот материальный знак меновой стоимости есть продукт самого обмена, а не осуществление какой-то a priori * формулированной идеи. (В действительности товар, употребляемый в качестве посредника обмена, лишь постепенно превращается в деньги, в символ; после того как это произошло, данный товар может быть, в свою очередь, заменен символом его самого. Он становится теперь осознанным знаком меновой стоимости.)

Таким образом, процесс попросту таков. Продукт становится товаром, т. е. *всего лишь моментом обмена.* Товар превращается в меновую стоимость. Чтобы приравнять товар к нему самому как меновой стоимости, его заменяют знаком, который представляет его в качестве меновой стоимости как таковой. В качестве подобной символизированной меновой стоимости товар затем может быть опять обменен в определен-

* — априорно *Ред.*

ных пропорциях на любой другой товар. В результате того, что продукт становится товаром, а товар — меновой стоимостью, он сперва мысленно приобретает некоторое двойное существование. Это идеальное раздвоение приводит (и должно привести) к тому, что в действительном обмене товар выступает двояко: как натуральный продукт, на одной стороне, и как меновая стоимость — на другой. Другими словами, его меновая стоимость получает материально отдельное от него существование.

[I—15] Итак, определение продукта как меновой стоимости необходимо приводит к тому, что меновая стоимость получает оторванное, отделенное от продукта существование. Меновая стоимость, отделенная от самих товаров и существующая наряду с ними как самостоятельный товар, есть *деньги*. Все свойства товара как меновой стоимости выступают в *деньгах* как отличный от него предмет, как отделенная от его натуральной формы существования социальная форма существования. (Это следует показать более подробно, перечислив обычные свойства денег.) (Материал, в котором выражается этот символ, отнюдь не безразличен, какие бы разнообразные виды его ни встречались в истории. Развитие общества вырабатывает вместе с символом также все более и более соответствующий ему материал, от которого оно затем стремится снова отделаться. Символ, если он не произволен, ставит известные условия тому материалу, в котором он представлен. Так, например, знаки, обозначающие слова, имеют свою историю, буквенное письмо и т. д.)

Таким образом, меновая стоимость продукта порождает деньги, существующие наряду с продуктом. Поэтому, подобно тому как осложнения и противоречия, проистекающие из существования денег наряду с особыми товарами, невозможно уничтожить путем изменения формы денег (хотя можно избежать трудностей, связанных с менее совершенной формой денег, при помощи более совершенной формы их), точно так же невозможно уничтожить самые деньги, пока меновая стоимость остается общественной формой продуктов. Необходимо ясно понимать это, чтобы не ставить перед собой неразрешимых задач и знать, в каких границах денежные реформы и преобразования обращения могут видоизменять производственные отношения и покоящиеся на них общественные отношения.

Свойства денег 1) как меры товарного обмена, 2) как средства обмена, 3) как представителя товаров (поэтому как предмета контрактов), 4) как всеобщего товара, существующего наряду с особенными товарами, — все они просто-напросто

вытекают из их определения как отделившейся от самих товаров и овеществленной меновой стоимости. (Свойство денег быть всеобщим товаром по отношению ко всем остальным товарам, воплощением их меновой стоимости, делает деньги вместе с тем реализованной и всегда могущей быть реализованной формой капитала, всегда действительной формой проявления капитала. Это свойство выступает на первый план при отливах благородного металла; оно обусловливает то, что исторически капитал появляется прежде всего лишь в форме денег; это свойство объясняет, наконец, связь между деньгами и процентной ставкой и их влияние на последнюю.)

[в) Развитие в деньгах противоречий, присущих товарной форме продукта и основанному на ней капиталистическому способу производства. Возможность кризисов]

Чем более производство развивается таким образом, что каждый производитель становится зависим от меновой стоимости своего товара, т. е. чем в большей степени продукт действительно становится меновой стоимостью, а последняя — непосредственным объектом производства, тем более должны развиваться *денежные отношения* и те противоречия, которые имманентны *денежному отношению,* отношению продукта к самому себе как к деньгам. Потребность в обмене и превращение продукта в чистую меновую стоимость растут в той же самой мере, в какой растет разделение труда, т. е. вместе с развитием общественного характера производства. Но в той же мере, в какой развивается последний, возрастает власть *денег,* т. е. закрепляется меновое отношение как внешняя по отношению к производителям и независимая от них сила. То, что первоначально выступало как средство развития производства, становится некиим чуждым для производителей отношением. В той же степени, в какой производители становятся зависимыми от обмена, кажется, что обмен становится независимым от них и что пропасть между продуктом как продуктом и продуктом как меновой стоимостью углубляется. Эти противоположности и противоречия не созданы деньгами; наоборот, развитие этих противоречий и противоположностей создает кажущуюся трансцендентальной власть денег.

(Разобрать подробнее влияние превращения всех отношений в денежные отношения: натурального налога в денежный налог, ренты натурой в денежную ренту, военного ополчения

в наемное войско, вообще всех личных повинностей в денежные, патриархального, рабского, крепостного, цехового труда в чисто наемный труд.)

Продукт становится товаром; товар становится меновой стоимостью; меновая стоимость товара есть имманентное ему денежное свойство; это его денежное свойство отделяется от товара в качестве денег, приобретает всеобщее социальное существование, обособленное от всех особенных товаров и натуральных форм их существования; отношение продукта к себе как меновой стоимости становится его отношением к существующим наряду с ним деньгам, или отношением всех продуктов к существующим вне их всех деньгам. Подобно тому как действительный обмен продуктов порождает их меновую стоимость, так их меновая стоимость порождает деньги.

Ближайший вопрос, который теперь возникает, заключается в следующем. Не обстоит ли дело так, что существование денег наряду с товарами с самого начала прикрывает те противоречия, которые даны вместе с самим этим отношением?

Во-первых. Тот простой факт, что товар имеет двоякое существование, как определенный продукт, который в своей натуральной форме существования идеально содержит (в скрытом виде содержит) свою меновую стоимость, и как проявившаяся меновая стоимость *(деньги)*, которая, в свою очередь, утратила всякую связь с натуральной формой существования продукта, — это двоякое *неодинаковое* существование должно развиться дальше в *различие*, различие — в *противоположность* и в [I—16] *противоречие*. Это же самое противоречие между особенной природой товара как продукта и его всеобщей природой как меновой стоимости, которое порождало необходимость определять его двояко: во-первых, как этот определенный товар, во-вторых, как деньги, — это противоречие между особыми натуральными свойствами товара и его всеобщими социальными свойствами с самого начала содержит возможность того, что эти две раздельные формы существования товара не обратимы друг в друга. Обмениваемость товара существует как вещь наряду с ним в деньгах, как нечто от товара отличное, не являющееся уже непосредственно тождественным с ним. Как только деньги становятся внешней вещью, существующей наряду с товаром, обмениваемость товара на деньги тотчас же ставится в зависимость от внешних условий, которые могут наступить или не наступить: она отдается во власть внешних условий.

При обмене предъявляется спрос на товар ради его натуральных свойств, ради тех потребностей, которые он удовлет-

воряет. Наоборот, спрос на деньги предъявляется только ради их меновой стоимости, они нужны только как меновая стоимость. Поэтому может ли товар быть превращен в деньги, может ли он быть обменен на деньги, может ли быть реализована его меновая стоимость, — это зависит от таких обстоятельств, которые непосредственно не имеют ничего общего с товаром как меновой стоимостью и независимы от нее. Обмениваемость товара зависит от натуральных свойств продукта; у денег эта обмениваемость совпадает с их существованием в качестве символизированной меновой стоимости. Таким образом, становится возможным, что товар в его определенной форме продукта уже не может быть обменен, приравнен к его всеобщей форме — деньгам.

Так как обмениваемость товара существует вне его как деньги, то она стала чем-то отличным от товара, чем-то чужим для него, чем-то таким, к чему товар должен быть еще только приравнен, чему он, следовательно, d'abord * неравен, а само приравнивание становится зависящим от внешних условий, т. е. случайным.

Во-вторых. Подобно тому как меновая стоимость товара существует двояко: как определенный товар и как деньги, точно так же акт обмена распадается на два независимых друг от друга акта: обмен товара на деньги и обмен денег на товары, на куплю и продажу. А так как последние приобрели обособленную друг от друга в пространстве и во времени, безразличную друг к другу форму существования, то их непосредственное тождество прекращается. Они могут соответствовать друг другу или не соответствовать; могут покрывать друг друга или не покрывать; между ними могут возникнуть несоответствия. Правда, они будут все время стремиться к выравниванию; но прежнее непосредственное равенство сменилось теперь постоянным движением к выравниванию, движением, которое предполагает как раз постоянно неравенство. Соответствие может быть теперь достигнуто полностью, пожалуй, только путем прохождения через самые крайние несоответствия.

В-третьих. С разделением купли и продажи, с распадением обмена на два независимых друг от друга в пространстве и во времени акта появляется далее еще одно новое отношение.

Подобно тому как сам обмен распадается на два независимых друг от друга акта, так и совокупное движение обмена, в свою очередь, отделяется от обменивающихся, от производителей товаров. Обмен ради обмена отделяется от обмена ради

* — сперва, поначалу. *Ред.*

товаров. Между производителями товаров становится купеческое сословие — сословие, которое покупает только для продажи и продает только для того, чтобы снова покупать, стремясь в этой операции не к обладанию товарами как продуктами, а только к приобретению меновых стоимостей как таковых, к приобретению денег. (При простой меновой торговле тоже может образоваться купеческое сословие. Но так как оно имеет в своем распоряжении только излишки производства обеих сторон, то его влияние на само производство, да и вообще его значение остается весьма второстепенным.)

Обособление меновой стоимости в виде денег, т. е. в форме, оторванной от продуктов, соответствует обособлению обмена (торговли) в качестве функции, оторванной от обменивающихся сторон. Меновая стоимость была мерой товарообмена, но целью последнего было непосредственное обладание обмененным товаром, его потребление (состоит ли это потребление в том, что товар прямо служит удовлетворению потребностей как продукт, или же он сам, в свою очередь, используется в качестве орудия производства).

Цель торговли — это не непосредственно потребление, а приобретение денег, меновых стоимостей. В результате этого раздвоения обмена — на обмен ради потребления и на обмен ради обмена — возникает новое несоответствие. Купец при обмене руководствуется только разницей между куплей и продажей товаров; потребитель же должен окончательно возместить меновую стоимость покупаемого им товара. Обращение, обмен между купцами и завершение обращения, обмен между купцами и потребителями, хотя они в конечном счете и должны взаимно обусловливать друг друга, все же определяются совершенно различными законами и мотивами и могут вступать в величайшее противоречие друг с другом. Уже в этом разрыве заложена возможность торговых кризисов. А так как производство работает непосредственно для торговли и лишь косвенно для [I—17] потребления, то оно в такой же мере неминуемо затрагивается этим несовпадением между торговлей и обменом ради потребления, в какой оно, со своей стороны, это несовпадение порождает. (Взаимоотношения спроса и предложения ставятся вверх ногами.) (От собственно торговли, в свою очередь, отделяется торговля деньгами.)

Афоризмы. (Все товары — преходящие деньги; деньги — непреходящий товар. Чем шире развивается разделение труда, тем в большей степени непосредственный продукт перестает быть средством обмена. Возникает необходимость во всеобщем средстве обмена, т. е. в средстве обмена, независимом от

специфического производства каждого индивида. В деньгах стоимость вещей отделена от их, вещей, субстанции. Деньги первоначально — представитель всех стоимостей; на практике дело переворачивается в противоположную сторону, и все реальные продукты и работы становятся представителями денег. При непосредственной меновой торговле не всякий предмет может быть обменен на любой предмет; определенная деятельность может быть обменена лишь на определенные продукты. Деньги могут устранить затруднения, заложенные в меновой торговле, только придавши им всеобщий, универсальный характер. Абсолютно необходимо, чтобы насильственно разорванные элементы, которые по существу взаимно связаны, показали путем насильственного взрыва, что они представляют собой результат *разрыва* чего-то по существу взаимосвязанного. Единство осуществляется *насильственным путем*. Как только враждебное расщепление приводит к взрывам, экономисты начинают указывать на *единство по существу* и абстрагируются от отчужденности. Их апологетическая мудрость состоит в том, что во все решающие моменты они забывают свои собственные определения. Продукт как непосредственное средство обмена 1) еще непосредственно связан со своим натуральным качеством и потому во всех отношениях ограничен им; он может, например, испортиться и т. д.; 2) он связан с непосредственной потребностью, которую другой человек может иметь или не иметь в отношении именно данного продукта или также в отношении своего собственного продукта. Коль скоро продукт труда и сам труд подчиняются обмену, наступает момент, когда они отрываются от своего владельца. Возвратятся ли они к нему снова из этого отрыва в какой-нибудь другой форме — становится *делом случая*. Вследствие того что в обмен включаются деньги, мне приходится обменивать мой продукт на всеобщую меновую стоимость или на всеобщую способность к обмену; таким образом мой продукт попадает в зависимость от общего торгового оборота и выдергивается из своих местных, природных и индивидуальных границ. Именно в результате этого он может перестать быть продуктом.)

В-четвертых. Подобно тому как меновая стоимость в деньгах выступает наряду со всеми особыми товарами как *всеобщий товар*, так в результате этого и одновременно с этим меновая стоимость выступает как *особый товар* в деньгах (ибо деньги обладают особым существованием) наряду со всеми другими товарами. Дело не только в том, что вследствие этого возникает несоответствие, заключающееся в том, что деньги — ибо они существуют лишь в обмене — как всеобщая способность к об-

мену выступают против особенной способности к обмену товаров и непосредственно погашают ее, и все же, несмотря на это, деньги и товар должны постоянно оставаться обратимыми друг в друга. Дело также и в том, что деньги вступают в противоречие с самими собою и со своим определением в результате того, что они сами являются *особым* товаром (даже и тогда, когда они лишь знак) и поэтому в своем обмене на другие товары подчиняются, в свою очередь, особым условиям обмена, которые противоречат их всеобщей безусловной обмениваемости. (Здесь еще ничего не говорится о деньгах как о чем-то закрепленном в субстанции определенного продукта и т. д.)

Меновая стоимость наряду со своим существованием в товаре приобрела собственное существование в деньгах, она была отделена от своей субстанции именно вследствие того, что натуральная определенность этой субстанции противоречила ее всеобщему определению как меновой стоимости. Каждый товар равен другому (или может сравниваться с другим) как меновая стоимость (*качественно:* каждый представляет лишь большее или меньшее *количество* меновой стоимости). Поэтому это равенство товаров, это их единство отлично от их натурального многообразия; и поэтому оно выступает в деньгах и как общий различным товарам элемент, и как третье по отношению к ним. Но, с одной стороны, меновая стоимость естественно остается внутренне присущим качеством товаров, хотя она в то же время существует вне их; с другой стороны, деньги, существуя уже не как свойство товаров, не как всеобщее качество последних, а наряду с ними, в индивидуализированном виде, сами становятся *особым* товаром наряду с другими товарами. (Деньги могут определяться спросом и предложением; распадаются на особые виды денег и т. д.)

Деньги становятся таким же товаром, как и другие товары, и вместе с тем они — не такой же товар, как другие товары. Несмотря на свое всеобщее определение, деньги суть вещь, способная к обмену наряду с другими вещами, способными к обмену. Деньги — не только всеобщая меновая стоимость, но одновременно и особая меновая стоимость наряду с другими особыми меновыми стоимостями. Здесь новый источник противоречий, которые дают себя знать на практике. (В отделении торговли деньгами от действительной торговли снова выступает особая природа денег.)

Мы видим, стало быть, как деньгам внутренне присуще достигать своих целей путем их одновременного отрицания; приобретать обособленную самостоятельность по отношению к товарам; из средства становиться целью; реализовывать меновую

стоимость товаров путем их отрывания от нее; облегчать обмен путем его раскалывания; преодолевать трудности непосредственного обмена товаров путем [I—18] придания им всеобщего характера; в той же степени, в какой производители становятся зависимыми от обмена, делать обмен чем-то самостоятельным по отношению к производителям.

{Необходимо будет впоследствии, прежде чем покончить с этим вопросом, исправить идеалистическую манеру изложения, которая может породить видимость, будто речь идет лишь об определениях понятий и о диалектике этих понятий. Следовательно, прежде всего надо будет уточнить фразу: продукт (или деятельность) становится товаром, товар — меновой стоимостью, меновая стоимость — деньгами.}

* * *

(«*Economist*» [46] *24 января 1857 г.* Следующее место при случае принять во внимание при рассмотрении банков:

«Поскольку торговые классы участвуют, как они обычно это делают в настоящее время, в прибылях банков, — и могут участвовать в еще большем размере благодаря широкому распространению акционерных банков, отмене всех корпоративных привилегий и полной свободе банковских операций, — эти классы обогатились благодаря повышению процентных ставок. В действительности торговые классы благодаря размерам своих депозитов фактически являются своими собственными банкирами; а поскольку это так, учетная ставка не имеет для них большого значения. Все банковские и прочие резервы должны быть, разумеется, результатом непрерывного производства и сбережений, откладываемых из прибылей; следовательно, если взять торгово-промышленные классы в целом, то они должны быть своими собственными банкирами, а для этого необходимо только распространять принципы свободы торговли на все торговые операции, уравнять их в отношении выгод и невыгод, связанных со всякими колебаниями денежного рынка».)

Все противоречия *денежной системы* и обмена продуктов при денежной системе представляют собой развитие отношения продуктов как *меновых стоимостей*, их определения в качестве *меновой стоимости* или просто *стоимости*.

(«*Morning Star*» [47] *12 февраля 1857 г.*: «Денежный голод в течение прошлого года и высокая учетная ставка, установленная вследствие этого, были весьма благоприятны для прибылей Французского банка. Дивиденды банка все время повышались: 118 фр. в 1852 г., 154 фр. в 1853 г., 194 фр. в 1854 г., 200 фр. в 1855 г., 272 фр. в 1856 г.».)

Надо отметить также следующее место. Английские серебряные монеты выпущены по цене, превышающей стоимость содержащегося в них серебра. Внутренняя стоимость фунта серебра была 60—62 шиллинга (в среднем 3 фунта стерлингов

в золоте), монетная цена — 66 шиллингов. Монетный двор платит по

«рыночной цене текущего дня от 5 шиллингов до 5 шиллингов 2 пенсов за унцию, а чеканит из расчета 5 шиллингов 6 пенсов за унцию. На практике два обстоятельства предупреждают затруднения, вытекающие из этого мероприятия»

(выпуска *серебряной монеты* не в соответствии с ее внутренней стоимостью):

«во-первых, монету можно получить только в монетном дворе и по указанной цене; поэтому внутри страны монета не может быть обесценена, а вывозить ее нельзя, так как она внутри страны обращается по цене, превышающей ее внутреннюю стоимость; и во-вторых, так как она обязательна к приему в качестве законного платежного средства лишь на сумму до 40 шиллингов, то серебряные деньги никогда не сталкиваются с золотыми и не влияют на их стоимость».

Автор этой статьи дает Франции совет

«чеканить разменную серебряную монету тоже не по ее внутренней стоимости и ограничить сумму, для которой она является обязательной к приему при платежах».

Но в то же время он советует:

«Устанавливая качество монеты, взять более значительную разницу между внутренней и номинальной стоимостью, чем в Англии, так как возрастающая стоимость серебра по отношению к золоту, весьма вероятно, достигнет вскоре уровня теперешних монетных цен серебра, и тогда нам придется снова изменить последние. Наша серебряная монета теперь приблизительно на 5% ниже внутренней стоимости, а недавно она была ниже на 10%» («Supplement to the Economist», 24 января 1857 г.).

[г) Несовместимость «рабочих денег» с товарной формой продукта]

Можно было бы подумать, что выпуск часовых бонов преодолевает все эти затруднения. (Конечно, существование часовых бонов уже предполагает такие условия, которые не даны непосредственно при исследовании отношения меновой стоимости и денег и без которых меновая стоимость и деньги могут существовать и существуют: публичный кредит, банки и т. д.; но всего этого здесь не следует больше касаться, ибо сторонники часового бона рассматривают его как тот *последний* продукт «определенного ряда» [48], который, когда он больше всего соответствует «чистому» понятию денег, «появляется» в реальной действительности после всего другого.)

Отметим прежде всего следующее: если предпосылки, при которых цена товаров равна их меновой стоимости, предпола-

гаются выполненными; если спрос и предложение покрывают друг друга; если налицо совпадение производства и потребления, т. е. если в конечном счете имеет место *пропорциональное производство* (так называемые отношения распределения сами суть отношения производства), то вопрос о деньгах становится совершенно второстепенным, и в частности совершенно второстепенным становится вопрос о том, будут ли выпускаться знаки зеленого или синего цвета, жестяные или бумажные, или в какой еще иной форме люди будут вести общественную бухгалтерию. Тогда в высшей степени нелепо продолжать выдвигать предлог о необходимости произвести исследования относительно действительных денежных отношений.

[I—19] Пусть банк (любой банк) выпускает часовые боны. Товар *a*, равный меновой стоимости *x*, т. е. равный *x* рабочего времени, обменивается на деньги, представляющие *x* рабочего времени. Банк должен был бы также купить товар, т. е. обменять его на его денежного представителя, подобно тому как теперь, например, Английский банк должен в обмен на золото выдавать банкноты. Товар, субстанциальное и поэтому случайное бытие меновой стоимости, обменивается на символическое бытие меновой стоимости как меновой стоимости. Таким образом, не представляет трудности превратить товар из формы товара в форму денег. Надо только аутентично удостоверить рабочее время, содержащееся в нем (что, между прочим, вовсе не так легко, как установить пробу и вес золота и серебра), и тем самым тотчас же создается его *эквивалент*, его денежное бытие.

Как бы мы ни поворачивали дело, оно в конечном счете сводится к следующему: банк, выпускающий часовые боны, покупает товар по его издержкам производства, покупает все товары, причем эта покупка ему ровно ничего не стоит, кроме изготовления клочков бумаги, и он выдает продавцу взамен меновой стоимости, которой тот обладает в определенной субстанциальной форме, символическую меновую стоимость товара, иными словами — чек на все остальные товары в размере той же меновой стоимости. Меновая стоимость как таковая может, конечно, существовать лишь символически, хотя этот символ — для того чтобы можно было применять его как вещь, а не только как форму представления — обладает вещным бытием и есть не только идеальное представление, а действительно представлен в той или иной предметной форме. (Меру [длины или емкости] можно не выпускать из своих рук; меновая стоимость служит мерой, но она совершает обмен лишь тогда, когда эта мера переходит из одних рук в другие [49].)

Итак, банк дает взамен товара деньги, — деньги, которые представляют собой в точности чек на меновую стоимость товара, т. е. на все товары той же самой стоимости; банк покупает. Банк — всеобщий покупатель, он — покупатель не только того или иного товара, а всех товаров. Ибо банк должен осуществить как раз превращение всякого товара в его символическое бытие в качестве меновой стоимости. Но если банк есть всеобщий покупатель, то он должен быть также и всеобщим продавцом, не только складом, где депонируются все товары, не только всеобщим магазином, но и владельцем товаров в том же самом смысле, в каком владельцем товаров является всякий другой купец.

Я обменял свой товар *a* на часовой бон *b*, который представляет его меновую стоимость; но только для того, чтобы иметь возможность превратить это *b* в любой действительный товар *c*, *d*, *e* и т. д. Могут ли эти деньги обращаться вне банка, не только между владельцем бона и банком? Чем обеспечивается обратимость этого бона? Здесь возможны лишь два случая. Или все владельцы товаров (продуктов или труда) хотят продавать свои товары по их меновой стоимости, или же некоторые хотят, а другие — нет. Если все они хотят продавать по меновой стоимости, то они не станут выжидать, найдется ли покупатель или нет, а тотчас же отправятся в банк, отдадут ему товар и получат взамен знак его меновой стоимости, деньги: они выручают за товар собственные деньги банка. В этом случае банк одновременно всеобщий покупатель и продавец в одном лице.

Или же имеет место обратное. В этом последнем случае банковский бон представляет собой просто клочок бумаги, он лишь выдает себя за общепризнанный символ меновой стоимости, но никакой стоимости не имеет, ибо общепризнанный символ имеет то свойство, что он не только представляет меновую стоимость, но и *есть* меновая стоимость в действительном обмене. В последнем случае банковский бон не был бы деньгами, или он был бы лишь условными деньгами в расчетах между банком и его клиентами, но не на общем рынке. Этот бон был бы тем же, чем является дюжина абонементных талонов на обеды в ресторане или дюжина театральных билетов; и те, и другие представляют деньги, но первые представляют деньги лишь в этом определенном ресторане, вторые — лишь в этом определенном театре. Банковский бон перестал бы отвечать тем требованиям, которые предъявляются деньгам, так как он имел бы хождение не среди всей публики, а лишь между банком и его клиентами.

Следовательно, мы должны последнее предположение отбросить.

Итак, банк был бы всеобщим покупателем и продавцом. Вместо банкнот он мог бы выпускать также чеки, а вместо последних — вести простые банковские счета. В соответствии с суммой стоимости товаров, которые индивид x доставил банку, он имел бы притязание к банку на ту же сумму стоимости в других товарах. Другая функция банка необходимым образом заключалась бы в том, чтобы аутентично устанавливать меновую стоимость всех товаров, т. е. материализованное в них рабочее время. Но на этом его функции не кончались бы. Банк должен был бы определять рабочее время, в течение которого товары могут быть изготовлены при средних средствах труда, то время, в течение которого они должны изготовляться.

Но и этого было бы недостаточно. Банку пришлось бы не только определять время, в течение которого должно быть произведено известное количество продуктов, и не только ставить производителей в такие условия, чтобы их труд был одинаково производительным (стало быть, также выравнивать и регулировать распределение средств труда), но банку пришлось бы также определять те количества рабочего времени, [I—20] которые должны быть затрачены в различных отраслях производства. Последнее было бы необходимо, так как для того, чтобы реализовать меновую стоимость и сделать деньги банка действительно обратимыми, надо было бы обеспечивать все производство в целом, и притом в таких пропорциях, которые удовлетворяли бы потребности обменивающихся лиц.

Но и это еще не все. Самый большой обмен — это не обмен товаров, а обмен труда на товары. (Сразу же вслед за этим сказать об этом подробнее.) Рабочие не продавали бы банку свой труд, а получали бы меновую стоимость полного продукта своего труда и т. д. В таком случае при более пристальном рассмотрении оказывается, что банк был бы не только всеобщим покупателем и продавцом, но и всеобщим производителем. В сущности, банк был бы либо деспотическим правителем производства и распределения, либо не чем иным, как конторой, ведущей бухгалтерию и расчеты для совместно работающего общества. Предпосылкой является общность средств производства и т. д. и т. д. Сен-симонисты наделяли свой банк папской властью над производством.

[3) ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА В ОТЛИЧИЕ ОТ ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМАЦИЙ И ОТ БУДУЩЕГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА]

Превращение всех продуктов и деятельностей в меновые стоимости предполагает как разложение всех прочных (исторических) отношений личной зависимости в сфере производства, так и всестороннюю зависимость производителей друг от друга. Производство каждого отдельного лица зависит от производства всех других; точно так же превращение его продукта в жизненные средства для него самого стало зависеть от потребления всех остальных. Цены — явление древнее, так же как и обмен; однако только в буржуазном обществе, в обществе свободной конкуренции, цены все больше и больше определяются издержками производства, а обмен охватывает все производственные отношения. То, что Адам Смит, вполне в духе XVIII века, относит к доисторической эпохе, к предыстории [50], есть, наоборот, продукт истории.

Эта взаимная зависимость производителей друг от друга выражена в постоянной необходимости обмена и в меновой стоимости как всестороннем посреднике. Экономисты выражают это таким образом. Каждый преследует свой частный интерес и только свой частный интерес, и тем самым, сам того не зная и не желая, он служит частным интересам всех, т. е. общим интересам. Суть дела не в том, что, когда каждый преследует свой частный интерес, достигается совокупность частных интересов, т. е. общий интерес. Из этой абстрактной фразы можно было бы, наоборот, сделать тот вывод, что каждый со своей стороны тормозит осуществление интереса другого, и результатом этой bellum omnium contra omnes [51] является не всеобщее утверждение, а наоборот — всеобщее отрицание. Суть дела заключается, скорее, в том, что частный интерес уже сам есть общественно определенный интерес и может быть достигнут лишь при условиях, создаваемых обществом, и при помощи предоставляемых обществом средств, т. е. что он связан с воспроизводством этих условий и средств. Это — интерес частных лиц; но его содержание, как и форма и средства осуществления даны общественными условиями, независимыми от индивидов.

Взаимная и всесторонняя зависимость безразличных по отношению друг к другу индивидов образует их общественную связь. Эта общественная связь выражена в *меновой стоимости*, ибо только в меновой стоимости для каждого индивида его собственная деятельность или его продукт становится деятельностью

или продуктом для него самого; он должен производить всеобщий продукт — *меновую стоимость* или меновую стоимость в ее обособленно изолированном и индивидуализированном виде, т. е. *деньги*. С другой стороны, та власть, которую каждый индивид осуществляет над деятельностью других или над общественными богатствами, заключается в нем как владельце *меновых стоимостей, денег*. Свою общественную власть, как и свою связь с обществом, индивид носит с собой в кармане.

Деятельность, какова бы ни была ее индивидуальная форма проявления, и продукт этой деятельности, каковы бы ни были его особые свойства, есть *меновая стоимость*, т. е. нечто всеобщее, в чем всякая индивидуальность, всякие особые свойства отрицаются и погашены. Здесь перед нами, действительно, состояние, весьма отличное от того состояния, при котором отдельный индивид или же индивид, естественно или исторически расширившийся до пределов семьи и рода (позднее — общины), непосредственно воспроизводит себя из природы, и его производительная деятельность и его участие в производстве привязаны к определенной форме труда и продукта, а его отношение к другим определено точно таким же образом.

Общественный характер деятельности, как и общественная форма продукта, как и участие индивида в производстве, выступает здесь как нечто чуждое индивидам, как нечто вещное; не как отношение индивидов друг к другу, а как их подчинение отношениям, существующим независимо от них и возникающим из столкновения безразличных индивидов друг с другом. Всеобщий обмен деятельностями и продуктами, ставший жизненным условием для каждого отдельного индивида, их взаимная связь представляются им самим как нечто чуждое, от них независимое, как некая вещь. В меновой стоимости общественное отношение лиц превращено в общественное [I—21] отношение вещей, личная мощь — в некую вещную мощь. Чем меньшей общественной силой обладает средство обмена, чем теснее оно еще связано с природой непосредственного продукта труда и с непосредственными потребностями обменивающихся, тем больше еще должна быть сила той общности, которая связывает индивидов друг с другом — патриархальное отношение, античное общество, феодализм и цеховой строй (см. мою тетрадь, XII, 34b)[52].

Каждый индивид обладает общественной мощью в форме вещи. Отнимите эту общественную мощь у вещи — вам придется дать ее одним лицам как власть над другими лицами. Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобыт-

ные) — таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на *вещной* зависимости, — такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, — такова третья ступень. Вторая ступень создает условия для третьей. Поэтому патриархальный, как и античный строй (а также феодальный) приходят в упадок по мере развития торговли, роскоши, *денег, меновой стоимости,* в то время как современный общественный строй вырастает и развивается одновременно с ростом этих последних.

Обмен и разделение труда взаимно обусловлены. Так как каждый работает сам по себе, а его продукт есть ничто сам по себе, то он, конечно, должен обменивать, не только для того, чтобы принять участие во всеобщей производственной способности, но и для того, чтобы превратить свой собственный продукт в жизненное средство для самого себя {см. мои «Замечания о политической экономии», стр. V (13, 14)} [53]. Обмен, опосредствованный меновой стоимостью и деньгами, предполагает, правда, всестороннюю зависимость производителей друг от друга, но вместе с тем он предполагает и полную изоляцию их частных интересов и такое разделение общественного труда, при котором единство различных видов труда и их взаимная дополняемость существуют вне индивидов и независимо от них, как если бы это единство и эта взаимная дополняемость были каким-то природным отношением. Давление всеобщего спроса и предложения друг на друга опосредствует связь между друг другу безразличными товаропроизводителями.

Сама необходимость предварительно превратить продукт или деятельность индивидов в форму *меновой стоимости,* в *деньги,* дабы в этой *вещной* форме они приобрели и показали свою общественную *силу,* доказывает два положения 1) что индивиды производят только для общества и в обществе, 2) что их производство не является *непосредственно* общественным, не представляет собой продукт ассоциации, распределяющей труд среди своих членов. Индивиды подчинены общественному производству, существующему вне их наподобие некоего рока, а не общественное производство подчинено индивидам, которые управляли бы им как своим общим достоянием. Поэтому

не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе *меновой стоимости* и *денег* предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством, как это мы видели выше в отношении банка, выпускающего часовые боны.

Частный обмен всех продуктов труда, способностей и деятельностей находится в противоречии как с распределением, основанным на отношениях господства и подчинения (естественно выросших и политических) между индивидами (какой бы характер ни принимало это господство и подчинение: патриархальный, античный или феодальный) (при этом собственно *обмен* происходит тут лишь от случая к случаю и не столько затрагивает жизнь каждой общины в целом, сколько возникает между различными общинами, вообще отнюдь не подчиняет себе все отношения производства и общения), так и со свободным обменом индивидов, ассоциированных на основе совместного владения средствами производства и совместного контроля над ними. (Эта последняя ассоциация не есть нечто произвольное: она предполагает определенное развитие материальных и духовных условий, о которых здесь не место распространяться дальше.)

Подобно тому как разделение труда создает агломерацию, комбинирование, кооперацию, противоположность частных интересов, классовых интересов, конкуренцию, концентрацию капитала, монополию, акционерные общества — словом, антагонистические формы того единства, которое вызывает саму эту противоположность, — так частный обмен создает мировую торговлю, индивидуальная независимость частных лиц порождает полную зависимость от так называемого мирового рынка, а раздробленные акты обмена создают банковскую и кредитную систему, бухгалтерия которой [I—22] по крайней мере констатирует то или иное сальдирование частного обмена. Хотя частные интересы и разделяют каждую нацию на столько же наций, сколько в ней имеется взрослых людей, а интересы экспортеров и импортеров здесь резко противостоят друг другу, — в вексельном курсе получает некоторую *видимость* существования национальная торговля и т. д. и т. д. Но никто не станет на этом основании думать, что путем *биржевой реформы* можно уничтожить *основы* внутренней или внешней частной торговли. Однако в буржуазном обществе, основанном на *меновой стоимости*, возникают такие производственные отношения и отношения общения, которые представляют собой одновременно мины для взрыва этого строя. (Имеется множество антагонистических форм общественного единства, антагонистический характер которых, однако, никогда не может

быть взорван путем тихой метаморфозы. С другой стороны, если бы в этом обществе, как оно есть, не имелись налицо в скрытом виде материальные условия производства и соответствующие им отношения общения, необходимые для бесклассового общества, то все попытки взрыва были бы донкихотством.)

[4) ОВЕЩЕСТВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА]

Мы видели, что хотя меновая стоимость равна относительному рабочему времени, материализованному в продуктах, а деньги, со своей стороны, равны меновой стоимости товаров, отделенной от их субстанции, — в этой меновой стоимости или в этом денежном отношении содержатся противоречия между товарами и их меновой стоимостью, между товарами как меновыми стоимостями и деньгами. Мы видели, что банк, непосредственно создающий двойник товара в виде рабочих денег, есть утопия. Стало быть, хотя деньги — только отделившаяся от субстанции товаров меновая стоимость и они обязаны своим возникновением лишь тенденции этой меновой стоимости утверждать себя в чистом виде, товар не может быть непосредственно превращен в деньги, т. е. точная справка о количестве овеществленного в нем рабочего времени не может служить его ценой в мире меновых стоимостей. Как это получается?

{Относительно одной из форм денег — поскольку они *средство* обмена (а не *мера* меновой стоимости) — экономистам ясно, что предпосылкой существования денег служит овеществление [Versachlichung] общественной связи; речь идет о деньгах, поскольку они выступают как *залог*, который один человек должен оставить в руках другого, чтобы получить от него товар. Здесь сами экономисты говорят, что люди оказывают вещи (деньгам) такое доверие, какого они не оказывают друг другу как личностям. Но почему они оказывают вещи подобное доверие? Очевидно, это доверие оказывается вещи лишь как *овеществленному отношению* лиц между собой, как овеществленной меновой стоимости, а меновая стоимость есть не что иное, как соотношение производительной деятельности лиц между собой. Всякий другой залог может быть непосредственно полезен своему владельцу как таковой, деньги же полезны ему лишь как *«общественный залог»* [54], но являются они таким залогом лишь в силу своего общественного (символического) свойства; общественным же свойством они могут обладать лишь потому, что индивиды подвергли отчуждению от себя свое собственное общественное отношение в виде вещи.}

В *прейскурантах*, где все стоимости измерены в деньгах, одновременно отражаются, с одной стороны независимость общественного характера вещей от лиц, а с другой стороны — стремление торговли снова подчинить отдельным лицам эти вещи на основе той отчужденности, с какой совокупные отношения производства и общения выступают по отношению к отдельному лицу и ко всем отдельным лицам. Так как обособление, если можно так выразиться, мирового рынка (включающего деятельность каждого отдельного лица) возрастает с развитием денежных отношений (меновой стоимости) и, vice versa *, всеобщая связь и всесторонняя зависимость производства и потребления возрастают вместе с независимостью и безразличием потребителей и производителей друг к другу; так как это противоречие ведет к кризисам и т. д., то одновременно с развитием этого отчуждения [Entfremdung], на его собственной основе, делаются попытки его преодолеть: прейскуранты, вексельные курсы, почтовая и телеграфная связь между лицами, ведущими торговлю и т. д. (средства сообщения, конечно, совершенствуются одновременно с этим), при помощи которых каждое отдельное лицо получает сведения о деятельности всех остальных и старается приспособить к ней свою собственную деятельность. {Другими словами, хотя спрос и предложение каждого человека выступают независимо от всех остальных, все же каждый старается осведомляться относительно состояния всеобщего спроса и предложения, а эта осведомленность затем в свою очередь оказывает на них практическое влияние. Хотя все это на данной основе и не устраняет отчужденности, однако это приводит к таким отношениям и связям, которые заключают в себе возможность устранения старой основы. (Возможность всеобщей статистики и т. д.)}

(Впрочем, это следует развить при рассмотрении категорий: «*цены, спрос* и *предложение*». Здесь же надо отметить только то, что обзор совокупной торговли и совокупного производства, в той мере, в какой он фактически содержится в прейскурантах, на деле служит лучшим доказательством того, что индивидам их собственный обмен и их собственное производство противостоят как *вещное, независимое* от них отношение. На *мировом рынке связь отдельного лица* со всеми, но в то же время и *независимость* [I—23] *этой связи от самих отдельных лиц* развились до такой степени, что его образование содержит поэтому вместе с тем уже и условие для выхода за его пределы.)

* — наоборот. *Ред.*

Сравнивание вместо действительной общности и всеобщности.

{Говорили и, возможно, еще говорят, что красота и величие покоятся именно на этой стихийной, независимой от знания и воли индивидов связи, предполагающей как раз их взаимную независимость и безразличие по отношению друг к другу, на материальном и духовном обмене веществ. И, несомненно, эту вещную связь следует предпочесть отсутствию всякой связи между ними или же наличию всего лишь локальной связи, основанной на самом тесном кровном родстве или на отношениях господства и подчинения. Столь же несомненно и то, что индивиды не могут подчинить себе свои собственные общественные связи, пока они эти связи не создали. Но нелепо понимать эту всего лишь *вещную связь* как естественную, неотделимую от природы индивидуальности (в противоположность рефлектированному знанию и воле) и имманентную ей. Эта связь — продукт индивидов. Она — исторический продукт. Она принадлежит определенной фазе развития индивидов. Отчужденность и самостоятельность, в которой эта связь еще существует по отношению к индивидам, доказывают лишь то, что люди еще находятся в процессе созидания условий своей социальной жизни, а не живут уже социальной жизнью, отправляясь от этих условий. Это — связь, стихийная связь индивидов внутри определенных, ограниченных производственных отношений.}

Универсально развитые индивиды, общественные отношения которых, будучи их собственными коллективными отношениями, также и подчинены их собственному коллективному контролю, являются продуктом не природы, а истории. Та степень и та универсальность развития потенций [der Vermögen], при которых становится возможной *эта* индивидуальность, имеют своей предпосылкой как раз производство на основе меновых стоимостей, которые вместе со всеобщим отчуждением [Entfremdung] индивида от себя и от других впервые создают также всеобщность и всесторонность его отношений и способностей. На более ранних ступенях развития отдельный индивид выступает более полным именно потому, что он еще не выработал всю полноту своих отношений и не противопоставил их себе в качестве независимых от него общественных сил и отношений. Так же как смешно тосковать по этой первоначальной полноте индивида, так же смешно верить в необходимость остановиться на нынешней полной опустошенности. Выше противоположности по отношению к этому романтическому взгляду буржуазный взгляд никогда не поднимался, и потому этот романтический взгляд, как правомерная противоположность,

будет сопровождать буржуазный взгляд вплоть до его блаженной кончины.}

(В качестве примера здесь можно взять отношение отдельного лица к науке.)

(Сравнение денег с кровью — повод для этого сравнения дало слово «обращение» — примерно столь же правильно, как сделанное Менением Агриппой сравнение патрициев с желудком [55].)

(Сравнение денег с языком не менее ложно. Идеи не превращаются в язык таким образом, чтобы при этом исчезало их своеобразие, а их общественный характер продолжал существовать наряду с ними в языке, как цены существуют наряду с товарами. Идеи не существуют в отрыве от языка. Идеи, которые, для того чтобы обращаться, чтобы стать способными к обмену, должны быть предварительно переведены с их родного языка на чужой язык, представляют уже больше аналогии; но аналогия здесь заключается не в языке, а в его чуждости.)

{Способность всех продуктов, деятельностей, отношений к обмену на нечто третье, *вещное*, на нечто такое, что в свою очередь может быть обменено на всё *без разбора*, — т. е. развитие меновых стоимостей (и денежных отношений) — тождественна всеобщей продажности, коррупции. Всеобщая проституция выступает как необходимая фаза развития общественного характера личных задатков, потенций, способностей, деятельностей. Выражаясь более вежливо: всеобщее отношение полезности и годности для употребления. Приравнивание неоднородного, по меткому определению денег у Шекспира [56]. Страсть к обогащению как таковая невозможна без денег; всякое иное накопление и всякая иная страсть к накоплению представляются чем-то примитивным, ограниченным, обусловленным, с одной стороны, потребностями, с другой стороны — ограниченной природой продуктов (sacra auri fames *).}

(Деньги в своем развитии, очевидно, уже предполагают развитие других всеобщих отношений.)

Когда рассматриваются такие общественные отношения, которые порождают неразвитую систему обмена, меновых стоимостей и денег или которым соответствует неразвитая степень таковых, то с самого начала ясно, что индивиды, хотя их взаимоотношения и кажутся более личными, вступают друг с другом в общение только как индивиды в той или иной [социаль-

* — «к злату проклятая страсть» (Вергилий, «Энеида», книга третья, стих 57). *Ред.*

ной] определенности, как феодал и вассал, помещик и крепостной и т. д., или как члены касты и т. д., или как члены какого-либо сословия и т. д. В рамках денежного отношения, при развитой системе обмена (и эта видимость обольщает демократию), узы личной зависимости, различия происхождения, образования и т. д. действительно подорваны и разорваны (по крайней мере все личные узы выступают как *личные* отношения); *кажется,* будто индивиды независимо (эта независимость вообще есть только иллюзия, и ее правильнее было бы называть безразличием в смысле индифферентности), свободно сталкиваются друг с другом и обмениваются друг с другом в рамках этой свободы; но такими они кажутся лишь тому, кто абстрагируется от тех *условий,* тех *условий существования* (а эти условия, в свою очередь, независимы от индивидов и, хотя они порождены обществом, представляются как бы *природными условиями,* т. е. недоступными контролю индивидов), при которых эти индивиды вступают в соприкосновение друг с другом.

[I—24] Та определенность, которая в первом случае выступает как личное ограничение одного индивида другим, в последнем случае выступает в развитом виде как вещное ограничение индивида независимыми от него и самодовлеющими отношениями. (Так как отдельный индивид не может сбросить с себя своей личной определенности, но может преодолеть внешние отношения и подчинить их себе, то *кажется,* будто во втором случае он пользуется большей свободой. Однако ближайшее исследование этих внешних отношений, этих условий показывает, что индивиды известного класса и т. д. не могут преодолеть эти условия en masse *, не уничтожив их. Отдельное лицо может случайно с ними справиться, но не масса закабаленных ими людей, ибо само существование такой массы выражает подчинение, и притом неизбежное подчинение индивидов этим отношениям.)

Эти внешние отношения столь мало являются устранением «отношений зависимости», что, напротив, они представляют собой лишь превращение последних во всеобщую форму — выработку всеобщей *основы* отношений личной зависимости. Также и здесь индивиды вступают в отношения друг с другом лишь как определенные индивиды. Эти *вещные* отношения зависимости в противоположность *личным* и выступают так (вещное отношение зависимости — это не что иное, как общественные отношения, самостоятельно противостоящие по видимости

* — в целом. *Ред.*

независимым индивидам, т. е. их производственные отношения друг с другом, ставшие самостоятельными по отношению к ним самим), что над индивидами теперь господствуют *абстракции*, тогда как раньше они зависели друг от друга. Но абстракция или идея есть здесь не что иное, как теоретическое выражение этих материальных отношений, господствующих над ними.

Отношения, разумеется, могут быть выражены только в идеях, и поэтому философы усмотрели своеобразие нового времени в господстве над ним идей и со свержением этого господства идей отождествили порождение свободной индивидуальности. Совершить эту ошибку было с идеологической точки зрения тем легче, что вышеуказанное господство отношений (вышеуказанная вещная зависимость, которая, впрочем, в свою очередь переходит в определенные отношения личной зависимости, только лишенные всяких иллюзий) выступает в сознании самих индивидов как господство идей, а вера в вечность этих идей, т. е. вышеуказанных отношений вещной зависимости, конечно, всячески укрепляется, поддерживается и внушается господствующими классами.

(Разумеется, относительно иллюзии «чисто личных отношений» феодальной эпохи и т. д. нельзя ни на мгновение забывать: 1) что сами эти отношения в пределах своей сферы принимали на определенной фазе развития вещный характер, как показывает, например, развитие отношений земельной собственности из отношений чисто военной субординации; однако 2) то вещное отношение, в которое они переходят, само имеет ограниченный, определенный природой характер и поэтому *представляется* личным, между тем как в современном мире личные отношения выступают как чистый результат отношений производства и обмена.)

[5) РАЗВИТИЕ ДЕНЕЖНОЙ ФОРМЫ СТОИМОСТИ В РЕЗУЛЬТАТЕ РАЗВИТИЯ ОБМЕНА. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР ПРОИЗВОДСТВА В БУРЖУАЗНОМ ОБЩЕСТВЕ В ОТЛИЧИЕ ОТ ОБЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА ПРОИЗВОДСТВА ПРИ КОММУНИЗМЕ]

Продукт становится товаром. Товар становится меновой стоимостью. Меновая стоимость товара получает особое существование наряду с товаром; другими словами, товар в той форме, в которой он 1) способен к обмену на любой товар, 2) является поэтому всеобщим товаром, а его природная особенность погашена, 3) в которой положена мера его обменивае-

мости, т. е. определенная пропорция для приравнивания к нему всех остальных товаров, — есть товар как деньги, и притом не как деньги вообще, а как *определенная сумма денег,* ибо для того, чтобы представлять меновую стоимость во всех ее различиях, деньги должны поддаваться подсчету, быть количественно делимыми.

Деньги — эта общая для всех товаров форма, в которую они превращаются как меновые стоимости, этот всеобщий товар — должны сами существовать как *особый* товар наряду с другими товарами, так как товары не только в уме должны измеряться деньгами, но и в действительном обмене должны обмениваться и размениваться на деньги. Возникающее отсюда противоречие развить в другом месте. Деньги столь же мало возникают путем соглашения, как и государство. Они стихийно возникают из обмена и в обмене, они его продукт.

Первоначально деньгами служит — т. е. принимается в обмен не как предмет потребности и потребления, а для того, чтобы снова обменять его на другие товары, — тот товар, который в качестве предмета потребности чаще всего принимается в обмен и курсирует в обращении; который, стало быть, наиболее надежен в смысле возможности его дальнейшего обмена на другие особенные товары; который, следовательно, при данной организации общества является представителем богатства κατ' ἐξοχήν *, предметом наиболее всеобщего спроса и предложения и обладает особой потребительной стоимостью. Таковы соль, шкуры, скот, рабы. Такой товар фактически больше, чем другие товары, соответствует в своей особой товарной форме самому себе как меновой стоимости (жаль, что по-немецки нельзя подходящим образом передать разницу между denrée и marchandise **).

Особенная полезность товара, будь то товара как особого предмета потребления (шкуры), будь то товара как непосредственного орудия производства (раб), ставит здесь на него клеймо денег. В дальнейшем ходе развития наступит как раз обратное, т. е. товар, меньше всего являющийся непосредственно предметом потребления или орудием производства, лучше всего будет представлять именно ту сторону дела, что он служит потребности *обмена как такового*. В первом [I—25] случае товар становится деньгами в силу своей особенной потребительной стоимости; во втором случае он получает свою особенную потребительную стоимость потому, что он служит деньгами.

* — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*

** Французское слово «denrée» означает товар как предмет потребления в отличие от слова «marchandise», которое означает товар как объект торговли. *Ред.*

Долговечность, неизменность, делимость и способность снова сплавляться воедино, относительно легкая транспортабельность, поскольку большая меновая стоимость представлена здесь в небольшом объеме, — все это делает на последней ступени особенно подходящими для того, чтобы стать деньгами, благородные металлы. Вместе с тем они образуют естественный переход от первой формы денег. На несколько более высокой ступени производства и обмена орудие производства начинает *доминировать* над продуктами; *металлы* же (сначала — камни) суть первые и наиболее необходимые орудия производства. В *меди*, игравшей столь большую роль в качестве денег у древних, еще совмещается и то и другое: особая потребительная стоимость в качестве орудия производства и те прочие свойства, которые не вытекают из потребительной стоимости товара, но соответствуют его назначению быть меновой стоимостью (а это значит — быть также и средством обмена).

От других металлов потом опять-таки отделяются *благородные* металлы, так как они не подвержены окислению и т. д., одинаковы по качеству и т. д., и затем они лучше соответствуют более высокой ступени развития, ибо их непосредственная полезность для потребления и производства отступает на задний план, а уже в силу своей редкости они лучше представляют стоимость, основанную только на обмене. Они с самого начала представляют избыток, представляют ту форму, в которой первоначально выступает богатство. К тому же металлы люди охотнее меняют на металлы, чем на другие товары.

Первая форма денег соответствует низшей ступени обмена и меновой торговли, на которой деньги еще выступают больше в своем качестве *меры*, нежели в качестве действительного *орудия обмена*. На этой ступени мера еще может быть чисто воображаемой (впрочем, у негров их брусок * подразумевает железо). (Но *раковины* и пр. уже больше соответствуют тому ряду, последняя вершина которого — золото и серебро.)

Из того, что товар становится всеобщей меновой стоимостью, вытекает, что меновая стоимость становится особым товаром; она может стать таковым лишь тем путем, что какой-нибудь особый товар получает по отношению ко всем остальным товарам привилегию представлять, символизировать их меновую стоимость, т. е. привилегию стать *деньгами*. То обстоятельство, что для денежного свойства всех товаров некоторый особый товар выступает как субъект денег, вытекает из самой сущности меновой стоимости. В дальнейшем ходе развития меновая

* См. настоящий том, часть I, стр. 84. *Ред.*

стоимость денег может, в свою очередь, получить существование, оторванное от их материи, от их субстанции, как, например, в бумажных деньгах, причем, однако, привилегия этого особого товара не отменяется, так как обособленное существование меновой стоимости денег должно по-прежнему получать свое наименование от этого особого товара.

Так как товар есть меновая стоимость, то он может обмениваться на деньги, он приравнен к деньгам. То отношение, в котором он приравнивается к деньгам, т. е. определенность его меновой стоимости, является *предпосылкой* его превращения в деньги. То отношение, в котором отдельный товар обменивается на деньги, т. е. то количество денег, которое можно получить взамен определенного количества товара, определяется овеществленным в товаре рабочим временем. Как осуществление *определенного* рабочего времени, товар есть меновая стоимость; в деньгах доля рабочего времени, представляемая товаром, не только измерена, но и содержится в ее всеобщей, соответствующей понятию, способной к обмену форме. Деньги — это та вещная среда, погружаясь в которую меновые стоимости принимают форму, отвечающую их всеобщему определению. Адам Смит говорит, что труд (рабочее время) — это те первоначальные деньги, на которые покупаются все товары [57]. Если рассматривать акт производства, то это всегда остается правильным (точно так же и в отношении определения относительных стоимостей). Каждый товар в процессе производства непрерывно обменивается на рабочее время.

Необходимость отличных от рабочего времени денег возникает как раз вследствие того, что определенное количество рабочего времени должно быть выражено не в своем непосредственном и особенном продукте, а в некотором опосредствованном и всеобщем продукте, т. е. в своем особенном продукте как равном всем другим продуктам того же рабочего времени и обратимом во все другие продукты того же рабочего времени, — рабочего времени, содержащегося не в одном каком-нибудь товаре, а во всех товарах одинаково и поэтому в одном особом товаре, который является представителем всех других.

Рабочее время не может непосредственно само быть деньгами (требование, которое, иными словами, равносильно тому, чтобы каждый товар был непосредственно своими собственными деньгами) именно потому, что оно (как предмет) фактически существует всегда лишь в особенных продуктах: в качестве всеобщего предмета оно может существовать лишь символически, опять-таки именно в каком-нибудь особенном товаре, становящемся деньгами. Рабочее время не существует как

всеобщий, независимый от натуральных особенностей товаров и отделенный (оторванный) от них предмет обмена. А между тем ему необходимо было бы существовать в виде такого предмета обмена для того, чтобы непосредственно соответствовать требованиям, предъявляемым к деньгам. Именно овеществление всеобщего, общественного характера труда (а потому и рабочего времени, содержащегося в меновой стоимости) и делает его продукт меновой стоимостью, дает товару свойство денег, которое, однако, в свою очередь, подразумевает наличие некоторого субъекта денег, существующего самостоятельно, вне товара.

Определенное рабочее время овеществлено в определенном, особенном товаре, обладающем особенными свойствами и стоящем в особенных отношениях к потребностям; в качестве же меновой стоимости рабочее время должно быть овеществлено в таком товаре, который выражает лишь его долю или количество, безразличен к его натуральным свойствам и потому может быть превращен в — т. е. обменен на — любой другой товар, овеществляющий то же самое рабочее время. В качестве предмета [обмена] товар должен обладать этим всеобщим характером, [I—26] противоречащим его натуральной особенности. Это противоречие может быть разрешено только тем путем, что оно само овеществляется, т. е. тем путем, что товар полагается двояко: во-первых, в своей натуральной непосредственной форме, а затем — в своей опосредствованной форме, в качестве денег. Последнее возможно лишь в том случае, если какой-нибудь особенный товар становится как бы всеобщей субстанцией меновых стоимостей, или если меновая стоимость товаров отождествляется с какой-нибудь особенной субстанцией, с каким-нибудь особенным товаром в отличие от всех остальных; т. е. если товар сначала должен быть обменен на этот всеобщий товар, на символический всеобщий продукт рабочего времени или на его символическое всеобщее овеществление, чтобы затем в качестве меновой стоимости обладать способностью обмениваться безразлично на любой из всех прочих товаров, превращаться в них.

Деньги, это — рабочее время как всеобщий предмет, или овеществление всеобщего рабочего времени, рабочее время как *всеобщий товар.* Поэтому, если кажется очень простым, что рабочее время, раз оно регулирует меновые стоимости, действительно представляет собой не только внутренне присущую им меру, но и саму их субстанцию (ибо как меновые стоимости товары не имеют никакой другой субстанции, никаких натуральных свойств) и могло бы также и непосредственно служить

их *деньгами*, т. е. конституировать тот элемент, в котором меновые стоимости реализуются как таковые, — то эта видимость простоты обманчива. Дело обстоит, напротив, так, что отношение меновых стоимостей — т. е. товаров как друг другу равных и друг к другу приравнимых овеществлений рабочего времени — заключает в себе такие противоречия, которые получают свое вещное выражение в *деньгах, отличных* от рабочего времени.

У Адама Смита это противоречие еще выступает как некое полагание двух определений рядом друг с другом: наряду с особенным продуктом труда (рабочим временем как особенным предметом) работник должен произвести еще некоторое количество всеобщего товара (рабочее время как всеобщий предмет). Оба определения меновой стоимости выступают у Смита внешне *рядом* одно с другим [58]. Сущность товара в целом еще не выступает у него захваченной и пронизанной противоречием. Это соответствует той ступени производства, которую он имел перед собой, когда работник в своем продукте еще непосредственно обладал частью необходимых ему средств существования; ни вся его деятельность, ни его продукт в целом еще не стали зависимы от обмена, т. е. еще в значительной мере преобладало потребительское сельское хозяйство [Subsistenzagrikultur] (или как там его называет Стюарт [59]), а также патриархальная промышленность (ручное ткачество, прядение на дому в соединении с сельским хозяйством). В масштабе нации люди обменивались еще только излишками. Меновая стоимость и ее определение рабочим временем еще не были полностью развиты в национальном масштабе.

(*Экскурс*. Относительно золота и серебра было бы менее правильно, чем относительно какого-нибудь другого товара, утверждать, что их потребление может возрастать лишь пропорционально уменьшению их издержек производства. Их потребление возрастает, напротив, пропорционально росту всеобщего богатства, ибо их употребление специфически представляет богатство, изобилие, роскошь, так как они сами являются *представителями* всеобщего богатства. Не говоря уже о их употреблении в качестве денег, потребление золота и серебра растет пропорционально росту всеобщего богатства. Поэтому, если их предложение внезапно увеличивается, даже без соответствующего снижения их издержек производства или их стоимости, они находят быстро расширяющийся рынок, что задерживает их обесценение. Этим объясняется многое из того, что казалось необъяснимым в *австралийско-калифорнийских* событиях [60] тем экономистам, которые вообще ставят

потребление золота и серебра исключительно в зависимость от снижения их издержек производства и тем самым вращаются в порочном кругу. Это связано именно с тем, что золото и серебро являются представителями богатства, т. е. с их свойством функционировать как деньги.)

(Противопоставление золота и серебра, как вечного товара, другим товарам, которое мы находим у Петти *, имеется уже у *Ксенофонта,* в работе *«О доходах Афинского государства»,* гл. 1, в отношении мрамора и серебра:

«Эта страна не только отличается произведениями расцветающими и отцветающими, но в ней есть и постоянные блага. В ней в изобилии родится камень» (а именно, мрамор)... «Есть и такая земля, которая при посевах не дает никаких плодов, а если ее копать, она больше людей прокормит, чем если бы приносила пшеницу...» [61].)

{Надо отметить, что обмен между различными племенами или народами — именно этот обмен, а не частный, есть первая форма обмена — начинается прежде всего с того, что у нецивилизованного племени покупается (выманивается) излишек, представляющий собой не продукт его труда, а естественный продукт природы и земли, которую это племя занимает.}

{Из того, что деньги должны быть символизированы в определенном товаре, вывести затем и самый этот товар (золото и т. д.) и проистекающие отсюда обыденные экономические противоречия. Это № II. Далее, так как все товары, для того чтобы их можно было фиксировать как *цены,* должны обмениваться на деньги, — безразлично, совершается ли этот обмен в действительности или только мысленно, — надо определить отношение количества золота или серебра к товарным ценам. Это № III. Ясно, что поскольку цены товаров лишь *измерены* в золоте и серебре, количество последних не оказывает влияния на цену товаров; затруднение возникает в результате действительного обмена, поскольку деньги действительно служат орудием обращения; [в результате] соотношения спроса и предложения и т. д. Однако то, что влияет на стоимость денег как орудия обращения, очевидно влияет на них и как на меру.}

[I—27] Само рабочее время существует, как таковое, лишь субъективно, лишь в форме деятельности. Поскольку оно, как таковое, способно к обмену (само есть товар), оно определено не только количественно, но и качественно, и различается не только по количеству, но и по качеству; оно отнюдь не есть всеобщее, равное себе рабочее время; в качестве субъекта оно так же мало соответствует всеобщему рабочему времени, опре-

* См. настоящий том, часть I, стр. 177—178. *Ред.*

деляющему меновые стоимости, как особенные товары и продукты соответствуют ему в качестве объекта.

Положение А. Смита, что работник наряду со своим особенным товаром должен производить всеобщий товар, иными словами, что он должен части своего продукта, да и вообще своему товару придать форму денег, поскольку товар этот должен служить ему не как потребительная стоимость, а как меновая стоимость [62], — это положение, если его выразить в субъективной форме, означает лишь то, что особенное рабочее время работника не может быть непосредственно обменено на всякое другое особенное рабочее время и что эта его всеобщая обмениваемость должна быть еще опосредствована, что это особенное рабочее время должно принять предметную, отличную от него самого форму, чтобы достичь этой всеобщей обмениваемости.

Труд отдельного лица, рассматриваемый в самом акте производства, — это те деньги, на которые человек непосредственно покупает продукт, предмет своей особенной деятельности; но это — *особенные* деньги, на которые можно купить именно лишь этот *определенный* продукт. Чтобы непосредственно быть *всеобщими деньгами,* труд отдельного лица должен был бы с самого начала быть не *особенным* трудом, а трудом *всеобщим,* т. е. должен был бы с самого начала фигурировать как звено *всеобщего производства.* Но при такой предпосылке не обмен впервые придавал бы труду характер всеобщности, а заранее данный коллективный характер труда определял бы участие работника в продуктах. Коллективный характер производства с самого начала делал бы продукт коллективным, всеобщим. Обмен, имеющий место первоначально в производстве, — это был бы не обмен меновых стоимостей, а обмен деятельностей, которые определялись бы коллективными потребностями, коллективными целями, — с самого начала включал бы участие отдельного лица в коллективном мире продуктов. На основе меновых стоимостей только обмен впервые *полагает* труд в качестве всеобщего труда. На предположенной же выше основе труд был бы *положен* в качестве всеобщего труда до обмена, т. е. обмен продуктов вообще не был бы той *промежуточной операцией,* которой опосредствовалось бы участие отдельного лица во всеобщем производстве. Опосредствование, естественно, должно иметь место.

В первом случае, который исходит из самостоятельного производства отдельных лиц — как бы эти самостоятельные производства ни определяли и ни видоизменяли друг друга post festum *

* — «после праздника», т. е. после того, как событие произошло, задним числом, впоследствии. *Ред.*

своими взаимными связями, — имеет место опосредствование путем обмена товаров, путем меновой стоимости, путем денег, которые все являются выражением одного и того же отношения. Во втором случае *сама предпосылка опосредствована;* т. е. предполагается коллективное производство, коллективность как основа производства. Труд отдельного лица с самого начала выступает как общественный труд. Поэтому какова бы ни была особенная материальная форма того продукта, который это лицо создает или помогает создать, — оно купило своим трудом не определенный особенный продукт, а определенное участие в коллективной продукции. Поэтому ему и не приходится обменивать тот или иной особенный продукт. Его продукт *не есть меновая стоимость.* Этот продукт не должен быть предварительно превращен в какую-нибудь особенную форму, чтобы приобрести всеобщий характер для отдельного лица. Вместо того разделения труда, которое неизбежно порождается при обмене меновыми стоимостями, здесь существовала бы такая организация труда, которая имела бы своим следствием участие отдельного лица в коллективном потреблении.

В первом случае общественный характер производства *утверждается* [wird *gesetzt*] лишь post festum путем превращения продуктов в меновые стоимости и обмена этих меновых стоимостей. Во втором случае *общественный характер производства* является предпосылкой, и участие в мире продуктов, участие в потреблении не опосредствовано обменом независимых друг от друга работ или продуктов труда. Оно опосредствовано теми общественными условиями производства, в рамках которых действует индивид.

Поэтому желать сделать труд отдельного лица (т. е. также и его продукт) непосредственно *деньгами, реализованной меновой стоимостью,* значит определять его *непосредственно* как всеобщий труд, т. е. отрицать именно те условия, при которых труду необходимо превращаться в деньги и меновые стоимости и которые ставят его в зависимость от частного обмена. Требование сделать труд отдельного лица непосредственно деньгами может быть удовлетворено лишь при таких условиях, при которых оно уже не может быть больше поставлено. Ибо труд на основе меновых стоимостей как раз и предполагает, что ни труд отдельного лица, ни его продукт не носят *непосредственно* всеобщего характера; что он приобретает эту форму лишь путем *предметного опосредствования,* посредством отличных от него *денег.*

Если предположить наличие коллективного производства, определение времени, естественно, сохраняет существенное

значение. Чем меньше времени требуется обществу на производство пшеницы, скота и т. д., тем больше времени оно выигрывает для другого производства, материального или духовного. Как для отдельного индивида, так и для общества всесторонность его развития, его потребления и его деятельности зависит от сбережения времени. Всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени. Точно так же общество должно целесообразно распределять свое время, чтобы достичь производства, соответствующего его совокупным потребностям, подобно тому как отдельное лицо должно правильно распределять свое время, чтобы приобрести знания в надлежащих соотношениях или чтобы удовлетворять различным требованиям, предъявляемым к его деятельности. Стало быть, экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остается первым экономическим законом на основе коллективного производства. Это становится законом даже в гораздо более высокой степени. Однако это существенно [I—28] отличается от измерения меновых стоимостей (работ или продуктов труда) рабочим временем. Работы отдельных лиц в одной и той же *отрасли труда* и различные виды труда различны не только *количественно*, но и *качественно*. Что́ является предпосылкой всего лишь *количественного* различия вещей? Одинаковость их *качества*. Стало быть, количественное измерение работ предполагает однородность, одинаковость их *качества*.

* * *

(*Страбон*, книга XI. Об альбанцах на Кавказе:

«Население, отличающееся красотой и большим ростом, простодушное, не торгашеское; оно вовсе не употребляет монет, не знает числа больше ста, но производит обмен товарами».

Там же далее говорится:

«Они не знают ни точных мер, ни весов» [63].)

Деньги выступают как *мера* (например, у Гомера такой мерой служат волы) раньше, чем как *средство обмена*, ибо при меновой торговле всякий товар еще сам является своим средством обмена. Однако товар не может быть своей собственной мерой или своим собственным масштабом для сравнения.

[6) БЛАГОРОДНЫЕ МЕТАЛЛЫ КАК НОСИТЕЛИ ДЕНЕЖНОГО ОТНОШЕНИЯ]

Из вышесказанного вытекает следующее: тот или иной особенный продукт *(товар)* (материал) должен стать субъектом * денег, которые существуют как свойство каждой меновой стоимости. В каком именно субъекте будет воплощен этот символ, это отнюдь не безразлично, ибо требования, предъявляемые к тому, что́ воплощает, содержатся в условиях — определениях понятия, определенных отношениях — того, что́ должно быть воплощено. Поэтому исследование благородных металлов как субъектов денежного отношения, как воплощения последнего, вовсе не лежит вне области политической экономии, как полагает Прудон, — так же как физические свойства красок и мрамора не лежат вне области живописи и скульптуры. Свойства, которые товар имеет как меновая стоимость и с которыми его натуральные свойства отнюдь не совпадают, выражают требования, предъявляемые к тем товарам, которые κατ' ἐξοχήν ** представляют собой материал для денег. На той ступени развития, о которой пока только и может идти речь, эти требования полнее всего реализованы в благородных металлах. Металлы сами по себе как орудия производства имеют преимущество перед другими товарами, а из числа металлов — тот металл, который был раньше других найден в физически цельной и чистой форме — золото; затем медь, далее серебро и железо. К тому же, как сказал бы Гегель, благородные металлы лучше, чем другие, реализуют *металл* как таковой.

«Драгоценные металлы однородны по своим физическим качествам, так что одинаковые их количества должны быть настолько тождественны, чтобы не было никаких оснований предпочесть одно из них другому. Иначе обстоит дело, например, с одинаковыми количествами скота и одинаковыми количествами зерна» [64].

а) Золото и серебро в сопоставлении с другими металлами

Неблагородные металлы окисляются в воздухе, благородные (ртуть, серебро, золото, платина) не подвергаются в воздухе никаким изменениям.

Золото (Au). Плотность = 19,5; точка плавления 1200° С.

«Блестящее золото — великолепнейший из всех металлов, и поэтому уже в древности его называли солнцем или царем металлов. Золото — до-

* — носителем. *Ред.*
** — по преимуществу. *Ред.*

вольно распространено, никогда не встречается в больших количествах и поэтому дороже, чем остальные металлы. Как правило, встречается в самородной форме, отчасти в виде крупных самородков, отчасти в виде мелких зерен, вкрапленных в другие горные породы. При выветривании последних образуется золотоносный песок, который встречается во многих реках и из которого можно путем промывки добыть золото благодаря его большой плотности. Необыкновенная ковкость золота: из одного грана можно вытянуть до 500 футов проволоки или выковать листики толщиной меньше $\frac{1}{200\,000}$ [дюйма]. На золото не оказывают действия никакие кислоты, оно растворимо только в свободном хлоре (*царская водка,* смесь азотной и соляной кислоты). Позолота»[65].

Серебро (Ag). Плотность = 10. Точка плавления = 1 000° С. Светлый блеск; самый приятный из всех металлов, очень светлый и ковкий; из серебра можно изготовлять красивые изделия и тончайшие нити. Серебро встречается в чистом виде; очень часто в сплавах со свинцом в серебряно-свинцовых рудах.

До сих пор речь шла о *химических* свойствах золота и серебра. (Делимость и способность вновь соединяться, однородность чистого золота и серебра общеизвестны.)

Минералогические свойства:

Золото. Конечно, замечательно то, что чем благороднее металлы, тем более обособленными и отделенными от обычно встречающихся тел они выступают, — возвышенные натуры, чуждающиеся обыденных. Так, золото, как правило, встречается в самородном виде, кристаллическое в различных кубических формах или иных разнообразнейших формах: самородки и зерна неправильной формы, песок и пыль, в виде которых оно бывает вкраплено во многие горные породы, например в гранит, и при разрушении их встречается в речном песке [I—29] и в гальке наносных грунтов. Так как в этом состоянии плотность золота доходит до 19,4, то можно добыть даже эти мельчайшие частицы золота, обрабатывая золотоносный песок водой. При этом прежде всего оседает металл, имеющий больший удельный вес, и таким образом, как принято говорить, золото промывается. Чаще всего вместе с золотом встречается серебро, в виде природных сплавов обоих металлов, содержащих от 0,16 до 38,7 процента серебра, что, естественно, имеет своим результатом различия в окраске и удельном весе.

Серебро. При достаточном многообразии содержащих его минералов является одним из металлов, встречающихся более или менее часто как в самородном виде, так и в сплавах с другими металлами или в соединениях с мышьяком и серой (хлористое серебро, бромистое серебро, углекислая окись серебра, висмутово-серебряная руда, штернбергит, полибазит и т. д.).

Главные *химические* свойства: у *всех благородных металлов* — неокисляемость в воздухе; у золота (и платины) — нерастворимость в кислотах, но растворимость первого только в хлоре. Благодаря неокисляемости в воздухе они остаются чистыми, свободными от ржавчины; они являют себя тем, что они есть. Не поддаются разрушающему действию кислорода — *непреходящий характер* (столь прославлявшийся древними поклонниками золота и серебра).

Физические свойства. Большой *удельный вес,* т. е. большой вес в малом объеме; это особенно важно для орудия обращения. У золота — 19,5, у серебра — 10. *Блестящая окраска.* Блеск золота, белизна серебра. Великолепие. *Ковкость.* Поэтому они столь пригодны для ювелирных изделий и для украшения других предметов. *Белый* цвет серебра (отражающий все световые лучи в их первоначальном соединении); красно-желтый цвет золота (которое поглощает световые лучи спектра всех цветов и отражает только красные). *Высокая точка плавления.*

Геогностические свойства. Встречаются (особенно золото) в *самородном* виде, отдельно от других тел; обособленно, индивидуализированно. Индивидуальное, по отношению к другим элементам самостоятельное выступление.

Из двух остальных благородных металлов: 1) *платина* не имеет подходящего цвета: сплошь серая (металлическая копоть); слишком редкостна; не была известна в древности; стала известна только после открытия Америки; в XIX веке была открыта также и на Урале; поддается действию только хлора; всегда в самородках; удельный вес = 21; не плавится при весьма высокой температуре; представляет скорее научную ценность. 2) *Ртуть* находится в жидком состоянии; способна испаряться; ее пары ядовиты; способна входить в жидкие сплавы (амальгамы). (Плотность = 13,5, точка кипения = = 360° С.)

Таким образом, ни платина, ни тем более ртуть не подходят к роли денег.

Одно из *геогностических* свойств, общее всем благородным металлам, есть *редкость.* Редкость же постольку (независимо от соотношения спроса и предложения) составляет элемент стоимости, поскольку то, что само по себе не редко, что является отрицанием редкости, что дано от природы, не имеет никакой стоимости, ибо не выступает как результат производства. При первоначальном определении стоимости наиболее ценным, предполагая наличие спроса, считается то, что по большей части не зависит от сознательного и преднамеренного производства. Булыжник не обладает, относительно говоря,

никакой стоимостью, ибо он имеется налицо *без производства* (хотя бы оно сводилось только к разыскиванию). Для того чтобы что-нибудь стало предметом обмена, обладало меновой стоимостью, нужно, чтобы каждый не мог его иметь без посредничества обмена; чтобы оно не выступало в такой первоначальной форме, в которой оно являлось бы общим достоянием. Постольку редкость есть элемент меновой стоимости, и поэтому это свойство благородных металлов важно даже независимо от конкретного соотношения между спросом и предложением.

Если вообще рассматривать преимущества металлов как орудий производства, то золоту пошло на пользу то обстоятельство, что оно au fond * есть *тот металл, который был впервые открыт как металл.* И притом по двоякой причине. *Во-первых,* потому, что из всех металлов оно выступает в природе как самый металлический, легко отличимый и распознаваемый металл. *Во-вторых,* потому, что природа при его изготовлении предвосхитила искусство, и чтобы впервые его обнаружить, не требовалось ни науки, ни сколько-нибудь развитых орудий производства, а только грубый труд.

«Золото, несомненно, следует признать *тем металлом, который раньше всех других стал известен людям,* и в первых же памятниках развития человечества оно фигурирует как мерило положения человека» [«Lectures on Gold for the instruction of emigrants about to proceed to Australia». Delivered at the Museum of Practical Geology. London, 1852, стр. 172]

(ибо золото выступает как *избыток,* в форме которого впервые появляется богатство. Первая форма стоимости — это *потребительная стоимость,* предметы повседневного обихода, выражающие отношение индивида к природе; вторая — это *меновая стоимость наряду* с потребительной стоимостью, ее власть над потребительными стоимостями, имеющимися у других людей, ее социальное значение: первоначально сама она опять-таки — потребительная стоимость, но как предмет праздничного потребления, выходящего за рамки непосредственной нужды).

[I—30] *Весьма раннее открытие золота человеком:*

«Золото сильно отличается почти от всех других металлов тем, что оно встречается в природе в своем металлическом состоянии. Железо и медь, олово, свинец и серебро обычно встречаются в химическом соединении с кислородом, серой, мышьяком или углеродом; а те редкие исключительные случаи, когда эти металлы встречаются в химически чистом или,

* — в сущности. *Ред.*

как раньше говорили, в девственном состоянии, можно скорее приводить как минералогические курьезы, чем как обычные явления. Между тем золото всегда встречается в самородном или металлическом состоянии... Поэтому такая металлическая масса, бросающаяся в глаза благодаря своей желтой окраске, должна была привлечь внимание самого нецивилизованного человека, в то время как другие вещества, также попадающиеся ему на пути, ничем не могли возбудить его едва проснувшейся способности наблюдения. Затем золото, образовавшееся в горных породах, легко подвергавшихся атмосферному влиянию, встречается среди их *обломков*. Благодаря разрушающему влиянию атмосферы, смены температур, действия воды и в особенности благодаря воздействию льда постоянно откалываются частицы горных пород. Потоки уносят их в долины, и благодаря постоянному воздействию проточной воды они обращаются в гальку. Среди этой гальки встречаются крупинки золота. В летнюю жару реки высыхают, кочевники совершают переходы по высохшим руслам рек и зимних потоков; можно предполагать, что здесь и было впервые открыто золото» [там же, стр. 171—172].

«Золото чаще всего встречается в чистом виде или, во всяком случае, настолько чистом, что сразу можно установить его металлическую природу как в речных отложениях, так и в кварцевых жилах» [там же, стр. 8].

«Удельный вес кварца и большинства других тяжелых массивных горных пород около $2^1/_2$, в то время как удельный вес золота 18 или 19. Таким образом, золото раз в 7 тяжелее любой породы, с которой оно обычно соединено. Поэтому водяной поток, обладающий достаточной мощью, чтобы уносить с собой песок или куски кварца или какой-нибудь другой породы, может не быть в состоянии двигать крупинки золота, попадающиеся среди них... Проточная вода, таким образом, в прошлом обработала золотоносные породы так же, как теперь это сделал бы горняк, а именно размельчила их, удалила более легкие частицы и оставила на месте золото» [там же, стр. 10].

«Реки — это, по сути дела, большие природные *золотомойки*, уносящие сразу все более легкие и более мелкие частицы, тогда как более тяжелые или застревают, натыкаясь на естественные препятствия, или остаются там, где течение ослабляет свою силу или быстроту» (там же, стр. 12).

«По всей вероятности, судя по преданиям и древней истории, *открытие золота в речном песке и гравии было первым шагом в познании металлов*, и почти во всех, а может быть, и во всех странах Европы, Африки и Азии с самых древних времен золото в большем или меньшем количестве промывалось простыми способами из золотоносных россыпей... Иногда россыпи давали столько золота, что золотая лихорадка охватывала на время целые округа, но затем она замирала... В 760 г. множество бедных людей переселилось к югу от Праги с целью промывать там речной золотой песок, и три человека могли в один день добыть марку ($^1/_2$ фунта) золота; в результате этого наплыв людей к «приискам» был настолько велик, что в следующем году страну постиг голод. Известно, что в последующие несколько веков подобные события повторялись не раз, хотя здесь, как и в других местах, от разработки поверхности перешли к регулярной и систематической добыче из шахт» [там же, стр. 93—95].

«Два вида месторождений, в которых встречается золото, — *рудные жилы*, пересекающие твердые горные породы в более или менее перпендикулярном направлении по отношению к горизонту, и *россыпи* или «*русла*», где золото, смешанное с гравием, песком или глиной, отложилось благодаря механическому воздействию воды на поверхность этих горных пород, пересеченных вплоть до неизвестной глубины рудными жилами. К первому виду месторождений применяется специальная *горная разработка*, ко

второму — примитивная *добыча золота*... Собственно рудная добыча золота, как и другое рудное дело, есть искусство, требующее [I—31] применения капитала и навыков, приобретаемых лишь долголетним опытом. Никакое другое ремесло, практикуемое цивилизованными людьми, не требует для своего полного развития применения столь многих познаний и смежных искусств. Однако, хотя эти познания и очень важны для горняков, они едва ли необходимы для промывателя золота или старателя, который должен полагаться больше всего на силу своих рук и крепкое здоровье... Орудия, которыми он пользуется, должны по необходимости быть настолько просты, чтобы их можно было перетаскивать с места на место и легко ремонтировать при поломке, и не должны требовать особой тонкости при манипулировании ими, что заставило бы его терять много времени ради получения небольшого количества золота» [там же, стр. 95—97].

«Есть разница между золотыми россыпями, лучшим примером которых служат в настоящее время сибирские, калифорнийские и австралийские, и тем мелким песком, который ежегодно уносится реками и в котором иногда также содержится промышленное количество золота. Золотоносные пески, конечно, находятся буквально на поверхности, в то время как золотые россыпи лежат под слоем земли, торфа, песка, гравия и т. д. от 1 до 70 футов толщины. В основном способы добычи золота в обоих случаях по необходимости одни и те же» [там же, стр. 97].

«Для старателя, разрабатывающего россыпи, природа извлекла из рудных жил высшие, лучшие и богатейшие части и так обработала и промыла руду, что труднейшую часть работы выполнила река, между тем как горняк, имеющий дело с более скудными, но более постоянными и глубокими жилами, вынужден прибегать ко всем ухищрениям искусства» [там же, стр. 98].

«Золото по праву стали рассматривать как благороднейший из металлов в силу разных физических и химических свойств. Оно не изменяется в воздухе и не ржавеет». (Непреходящий характер — это как раз и есть сопротивляемость кислороду атмосферы.) «Яркого красновато-желтого цвета, когда оно в кусках, и очень плотное. Очень ковкое... Требуется высокая температура, чтобы расплавить его... Удельный вес [19,3]» [там же, стр. 72—73].

Итак, три вида производства золота: 1) В речном песке. Просто находят на поверхности. *Промывка.* 2) В наносных отложениях. *Добыча.* 3) *Рудничная разработка.* Таким образом, производство золота не требует значительного развития производительных сил. Бо́льшую часть работы выполняет при этом сама природа.

{*Корни* слов, обозначающих золото, серебро и т. д. (см. *Гримма* [66]); здесь сами собой напрашиваются общие понятия *блеска, цвета,* легко переносимые затем на соответствующие слова. Серебро — белое, золото — желтое; бронза и золото, бронза и железо взаимно меняют свои названия. У германцев бронза вошла в употребление раньше железа. Непосредственное родство между латинскими словами aes * и aurum **.}

* — медь. *Ред.*
** — золото. *Ред.*

Медь (*бронза:* олово и медь) и золото вошли в употребление раньше, чем серебро и железо.

«Золото стало применяться задолго до серебра, так как оно встречается в чистом виде или лишь с небольшой примесью серебра; добывается путем простой промывки. Серебро обычно встречается в жилах, заключенных в самых твердых породах первобытных пластов земной коры; для добычи его требуются машины и сложные работы. В Южной Америке золотоносные жилы не разрабатываются, а добывается только золото, встречающееся в виде песка и крупинок в аллювиальных отложениях. То же самое имело место во времена Геродота. Древнейшие памятники Греции, Азии, Северной Европы и Нового Света показывают, что пользование золотом в виде изделий и украшений возможно при полуварварском состоянии, а употребление серебра для тех же целей само по себе свидетельствует о достаточно развитом состоянии общества» (ср. *Dureau de La Malle.* Economie politique des Romains. Tome I, Paris, 1840, стр. 48—49).

Медь как главное орудие на войне и во время мира (там же, стр. 56) (в качестве *денег* в Италии — там же, стр. 57).

b) Колебания соотношения стоимостей различных металлов

Если вообще рассматривать использование металлов в качестве тела денег, то нужно рассмотреть относительное употребление каждого из них, более раннее или более позднее появление того или другого металла, а вместе с тем *колебания их относительной стоимости* (Летрон, Бёк, Джейкоб [67]). (Насколько этот вопрос связан вообще с массой находящихся в обращении металлов и с ее отношением к ценам — рассмотреть позднее в качестве исторического дополнения к главе об отношении денег к ценам.)

«Последовательное изменение стоимостного соотношения между золотом, серебром и медью в различные эпохи должно было прежде всего зависеть от характера месторождений этих трех металлов и от того, находят ли их в более или менее чистом состоянии. Затем здесь оказывали свое влияние политические изменения, такие как: вторжение в Азию и часть Африки персов и македонян, а впоследствии — завоевание римлянами части трех континентов (orbis Romanus * и т. д.)» [*Dureau de La Malle.* Economie politique des Romains. Tome I, Paris, 1840, стр. 63—64].

Итак, зависимость от относительной чистоты находимых в природе металлов и от характера их месторождений.

Соотношение стоимостей различных металлов может быть определено без рассмотрения цен — путем простой констатации того *количественного* отношения, в котором они друг на друга обмениваются. Мы можем вообще применять такой спо-

* — Римская империя. *Ред.*

соб лишь при сравнивании немногих товаров, [I—32] имеющих одноименную меру; например, столько-то квартеров ржи, ячменя, овса за столько-то квартеров пшеницы. Этот метод применяется при меновой торговле, когда вообще обмен еще мало развит и в оборот поступает еще мало товаров, и поэтому тогда еще нет надобности в деньгах.

«По словам Страбона, у *арабов*, живших по соседству с сабеями, самородное золото имелось в таком изобилии, что за фунт железа они давали 10 фунтов золота, а за фунт серебра 2 фунта золота» [там же, стр. 52].

Богаты золотом были Бактрианские земли (Бактра и т. д., одним словом — Туркестан) и часть Азии, лежащая между Паропамисом (Гиндукуш) и Имаем (горами Мус-Таг), т. е. Desertum arenosum auro abundans * (пустыня Гоби). По Дюро де Ла Малю,

«представляется поэтому вероятным, что с XV до VI столетия до христианской эры стоимостное соотношение золота и серебра было 6 : 1 или 8 : 1 — соотношение, которое существовало в Китае и Японии до начала XIX века; для Персии времен Дария Гистаспа Геродот фиксирует это соотношение как отношение 13 : 1» [там же, стр. 54].

«По законам Ману [68], написанным между 1300 и 600 до христианской эры, отношение золота к серебру было $2^1/_2$: 1. Дело в том, что месторождения серебра расположены почти исключительно в архаичных породах, особенно в первичных пластах, и лишь в некоторых жилах позднейшей формации... Серебро обычно встречается не в наносных песках, а в самых массивных и самых твердых горных породах, как-то: кварц и т. п. ... Этот металл более распространен в холодных странах или из-за их климата, или из-за рельефа местности, между тем как золото более характерно для жарких стран. В противоположность золоту серебро лишь очень редко встречается в чистом виде и т. д. (чаще всего в соединении с мышьяком или серой)» (соляная кислота, азотная кислота). «Что касается распространенности обоих металлов» (до открытия золота в Австралии и Калифорнии), «то Гумбольдт в 1811 году определяет соотношение золота и серебра в Америке как 1 : 46, в Европе (включая Азиатскую Россию) как 1 : 40. По данным минералогов французской Академии наук, в настоящее время» (1840 г.) «это соотношение равно 1 : 52. Тем не менее фунт золота стоит всего лишь 15 фунтов серебра; стало быть, стоимостное соотношение = 15 : 1» [там же, стр. 54—56].

Медь. Плотность = 8,9. Красивая багряная окраска, значительная твердость; требуется очень высокая температура для плавления. Нередко встречается в чистом виде, часто в соединении с кислородом или серой.

«Местонахождение — древние геологические формации. Однако встречается также чаще других минералов на поверхности земли или на небольшой глубине в виде самородков, иногда значительного веса. Применялась раньше железа на войне и во время мира» [там же, стр. 56].

---

* — песчаная пустыня, изобилующая золотом. *Ред.*

(В историческом развитии золото в качестве денежного материала относится к серебру так же, как медь в качестве орудия труда к железу.)

«В большом количестве медь находилась в обращении в подчиненной римлянам Италии с I по V век Римской республики... Можно a priori * определить уровень цивилизации какого-нибудь народа, зная лишь, из какого металла — золота, меди, серебра или железа — он изготовляет свое оружие, свои орудия или свои украшения...» *Гесиод* в своей поэме о земледелии [69] говорит: «Все работы производились медью, ибо не было еще черного железа». *Лукреций:* «В употребленье вошла прежде медь, чем железо» [70] [там же, стр. 57].

Джейкоб упоминает древнейшие медные рудники Нубии и Сибири (см. *Dureau de La Malle.* Economie politique des Romains. Tome I, стр. 58).

«Геродот говорит, что у массагетов была лишь бронза, а железа не было. Судя по оксфордским памятникам, железо не было известно раньше 1431 г. до Р. Х. У *Гомера* железо упоминается редко; зато очень распространены изделия из бронзы, этого сплава меди, цинка и олова, которым греки и римляне долгое время пользовались даже для изготовления топоров и бритв» [там же, стр. 58].

«Италия была довольно богата самородной медью; поэтому если раньше 247 г. до Р. Х. медные деньги и не были единственными, то все же они считались нормальными деньгами, денежной единицей Средней Италии. Греческие колонии в Южной Италии получали или прямо из Греции и Азии, или через Тир и Карфаген серебро, из которого они изготовляли деньги, начиная с V—VI века до Р. Х.» [там же, стр. 64].

«У римлян, по-видимому, серебряные деньги существовали до изгнания царей, но, говорит Плиний, «это было запрещено старым постановлением сената, который велел щадить Италию»» (т. е. ее серебряные рудники) «(*Plinius.* Historia naturalis, книга III, глава 24). Сенаторы боялись последствий более удобного средства обращения: роскоши, увеличения числа рабов, накопления, концентрации земельной собственности» [*Dureau de La Malle.* Economie politique des Romains. Tome I, стр. 65—66].

У этрусков медные деньги тоже предшествовали золотым. Гарнье неправ, когда говорит:

«В царстве минералов, естественно, стали искать и выбрали материал, предназначенный для накопления» (*G. Garnier.* Histoire de la Monnaie. Tome I, Paris, 1819, стр. 7).

Наоборот, накопление началось после того, как были введены металлические деньги (будь то в качестве собственно денег или лишь в качестве просто предпочитаемого всеми орудия обмена, идущего на вес). На этом пункте в отношении *золота следует остановиться особо.*

Рейтемейер правильно замечает:

«Золото, серебро и медь, несмотря на их *относительную мягкость,* первоначально употреблялись у древних народов для изготовления рубящих и ударных орудий, — раньше, нежели железо, и раньше, чем они стали употребляться в качестве денег»... Усовершенствование орудий, «после того как научились закалять медь до такой степени твердости, что

* — наперед *Ред.*

она могла оказывать сопротивление твердому камню. Из сильно закаленной меди изготовлялись зубила и молотки, которыми пользовались для обработки камня... Наконец, было открыто железо» (*J. F. Reitemeier.* Geschichte des Bergbaues und Hüttenwesens bey den alten Völkern. Göttingen, 1785, стр. 14—16, 32).

Джейкоб говорит:

«В патриархальном состоянии, когда металлы, из которых изготовлялось оружие, как 1) медь и 2) железо, встречались редко и были невероятно дороги по сравнению с обычной для того времени пищей и одеждой, хотя еще не была известна чеканка монеты из драгоценных металлов, но золото и серебро уже тогда легче было обменять на другие металлы, чем зерно и скот» (*W. Jacob.* An historical Inquiry into the Production and Consumption of the Precious Metals. Vol. I, London, 1831, стр. 142).

[I—33] «Кроме того, чтобы добывать чистое или почти чистое золото из огромных россыпей, расположенных между Гиндукушским и Гималайским хребтами, достаточно было простой промывки. Тогда эти страны Азии были густо населены; следовательно, рабочие руки были очень дешевы. Серебро, благодаря трудностям» (техническим) «добычи, было сравнительно дороже... Обратное явление наблюдается в Азии и Греции, начиная со смерти Александра. Золотоносные пески истощились; цены на рабов и рабочие руки возросли; так как механика и геометрия сильно прогрессировали в период от Эвклида до Архимеда, то оказалось возможным разрабатывать с выгодой богатые серебром рудники Азии, Фракии и Испании; а так как серебра в недрах земли имелось в 52 раза больше, чем золота, то соотношение стоимости обоих металлов должно было измениться, и фунт золота, который в эпоху Ксенофонта в 350 г. до Р. X. шел за 10 фунтов серебра, стоил в 422 г. после Р. X. 18 фунтов серебра» (*Dureau de La Malle.* Economie politique des Romains. Tome I, стр. 62—63).

Стало быть, соотношение с 10 : 1 возросло до 18 : 1.

В конце *пятого века* христианской эры чрезвычайно уменьшилась масса наличных денег, приостановилась разработка рудников. В средние века до конца XV века относительно значительная часть денег была в золотой монете (сокращение наличных денег больше всего коснулось более распространенного прежде серебра). Соотношение в XV веке — 10 : 1, в XVIII веке — 14 : 1 на континенте; в Англии — 15 : 1.

В Азии за последние столетия серебро фигурирует в торговле больше как товар; особенно в Китае, где медные деньги (деньги из tehen — сплава меди с цинком и свинцом) являются местной монетой; в Китае золото (и серебро) продается на вес в качестве товара и служит для выравнивания внешнеторгового баланса [71].

Сильные колебания соотношения стоимости меди и серебра (в монетах) в Риме.

«До Сервия Туллия для обмена служил металл в слитках; aes rude * ... Денежной единицей был асс меди, равный фунту меди... В эпоху Сервия

* — нечеканная медь. *Ред.*

Туллия отношение серебра к меди было равно 279 : 1; ...до начала пунических войн [72] — 400 : 1; ...во время первой пунической войны — 140 : 1, ...во время второй пунической войны — 112 : 1» [*Dureau de La Malle*. Economie politique des Romains. Tome I, стр. 66—68, 73, 76, 82].

«Золото было первоначально в Риме очень дорого, в то время как серебро поступало из Карфагена (и Испании); золотом пользовались до 547 г. [от основания Рима] лишь в слитках. В торговом обороте золото к серебру — 13,71 : 1; в монетах — 17,14 : 1; при Цезаре — 12 : 1 (в начале гражданской войны), после ограбления Цезарем aerarium * — только 8,9 : 1; при Гонории и Аркадии (397 г. после Р. X.) установлено соотношение 14,4 : 1; при Гонории и Феодосии младшем (422 г. после Р. X.) — 18 : 1. Серебро к меди — 100 : 1; золото к серебру — 18 : 1» [там же, стр. 85—91 и 95—96].

«Первые серебряные монеты в Риме были вычеканены в 485 г. от основания Рима, первые золотые монеты — в 547 г. от основания Рима... После второй пунической войны вес медного асса был сокращен до одной унции, и он становится лишь разменной монетой; сестерций» (из серебра) «становится денежной единицей, и все крупные платежи производятся в серебре». {В повседневном обороте медь (позже железо) остается главным металлом.} «При императорах Восточной и Западной Римской империи регулирующей денежной единицей был солид» (aureus **, стало быть золото) [там же, стр. 65, 86, 81, 84, 96].

Итак, в древнем мире, если подвести итог:

Во-первых. Сравнительная дороговизна серебра по отношению к золоту. Не считая отдельных явлений (у арабов), когда золото было дешевле серебра и даже дешевле железа, в Азии с XV по VI век до христианской эры стоимостное отношение золота к серебру равнялось 6 : 1 или 8 : 1 (последнее отношение в Китае и Японии имело место до начала XIX века). В законах Ману оно даже = $2^1/_2$: 1. Это более низкое отношение проистекало из тех же причин, по которым золото было открыто раньше других металлов. Золото тогда шло главным образом из Азии и Египта. В истории Италии этому периоду соответствует *медь* в качестве денег, как и вообще медь в качестве главного орудия мира и войны соответствует золоту как господствующему благородному металлу. Еще во времена Ксенофонта стоимостное отношение золота к серебру равнялось 10 : 1.

Во-вторых. После смерти Александра сравнительное повышение стоимости золота по отношению к серебру в связи с истощением золотых россыпей, прогрессом техники и цивилизации; отсюда — разработка серебряных рудников; теперь сказывается влияние того факта, что серебро встречается в недрах земли в большем количестве, нежели золото. В особенности же большое значение имела эксплуатация карфагенянами испанских серебряных рудников, которая необходимым образом

* — государственной казны. *Ред.*
** — золотой, червонец. *Ред.*

вызвала примерно такую же революцию в стоимостном соотношении между золотом и серебром, какая была вызвана открытием американского серебра в конце XV века. До эпохи Цезаря соотношение равнялось 17 : 1; позднее — 14 : 1; наконец, с 422 г. христианской эры — 18 : 1 (падение стоимости золота при Цезаре произошло по случайным причинам). Падению стоимости серебра по отношению к золоту соответствует выдвижение железа как главного орудия производства в условиях войны и мира.

Если в первый период имеет место приток золота из восточных стран, то во второй период наблюдается приток серебра из более прохладных стран Запада.

В-третьих, в средние века. Опять то же самое соотношение, как во времена Ксенофонта — 10 : 1. (В некоторых местностях — 12 : 1.)

В-четвертых, после открытия Америки. Опять приблизительно то же самое соотношение, как во времена Гонория и Аркадия (397 г. христианской эры) — от 14 : 1 до 15 : 1. Хотя примерно с 1815 до 1844 г. добыча золота растет, золото получает лаж (например, во Франции).

В-пятых, открытие калифорнийского и австралийского золота, по всей вероятности, снова приведет к соотношению эпохи Римской империи — 18 : 1, если не к еще большему [73].

Сравнительное удешевление серебра с развитием методов добычи благородных металлов как в древнем, так и в новом мире, с Востока на Запад, пока Калифорния и Австралия не изменят положение в обратном направлении. В отдельных случаях сильные колебания; но если рассматривать главные изменения, то они поразительным образом повторяются.

[I—34] В древнем мире медь была в 3—4 раза дороже, чем в наше время (Гарнье [74]).

* * *

c) Теперь следует рассмотреть источники получения золота и серебра и связь их с историческим развитием.

d) *Деньги как монета.* Краткие исторические данные о монетах. Понижение и повышение их достоинства и т. д.

[Б) ТОВАРНО-ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ]

[1) ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ ТОВАРОВ И ОБРАЩЕНИЯ ДЕНЕГ]

Обращение или *оборот денег* соответствует противоположному *обращению* или *обороту товаров.* Товар от *A* переходит в руки *B*, в то время как деньги от *B* переходят в руки *A* и т. д.

Обращение денег, как и обращение товаров, исходит из бесконечного множества точек и возвращается к бесконечному множеству точек. На той ступени оборота денег, которую мы здесь рассматриваем, т. е. при их *непосредственном* обращении, деньги не исходят из одного центра к различным точкам периферии и не возвращаются из всех точек периферии в один центр. Это имеет место лишь при обращении, *опосредствованном* банками. Однако это первое естественно сложившееся обращение состоит из множества оборотов. Собственно же оборот начинается лишь там, где золото и серебро перестают быть товаром; между странами, вывозящими благородные металлы, и странами, ввозящими их, обращение в этом смысле не имеет места, а происходит простой обмен, так как золото и серебро фигурируют здесь не как деньги, а как товар.

Поскольку деньги опосредствуют обмен товаров, т. е. в данном случае их обращение, поскольку они, стало быть, являются средством обмена, они суть *орудие обращения, колесо обращения*[75]; поскольку же они в этом процессе сами обращаются, оборачиваются, следуют собственному движению, они сами имеют *обращение, денежное обращение, оборот денег.* Необходимо выяснить, в какой мере это обращение определяется особыми законами. Ясно заранее, что если деньги служат средством обращения товаров, то товар в такой же степени является средством обращения денег. Если деньги приводят в обращение товары, то товары приводят в обращение деньги. Таким образом, обращение товаров и обращение денег взаимно обуславливают друг друга.

При анализе оборота денег надо рассмотреть три момента: 1) саму форму этого движения, линию, которую оно описывает (его понятие); 2) количество обращающихся денег; 3) степень скорости, с которой деньги совершают свое движение, обращаются. Это можно рассмотреть лишь в связи с товарным обращением. Заранее ясно, что в товарном обращении имеются такие моменты, которые совершенно независимы от денежного обращения и которые, напротив, либо прямо определяют последнее, либо определяют его таким образом, что те же самые обстоятельства, которые определяют, например, скорость товарного обращения, определяют также и скорость денежного обращения. Общий характер способа производства определяет оба вида обращения, но товарное обращение он определяет более непосредственно.

Масса обменивающихся (количество населения); ее распределение между городом и деревней; абсолютное количество товаров, продуктов и агентов производства; относительная масса

товаров, поступивших в обращение; развитие средств связи и транспорта в том двояком смысле, что оно определяет как круг лиц, обменивающихся между собой, вступающих друг с другом в контакт, так и ту быстроту, с которой сырье поступает к производителю, а продукт — к потребителю; наконец, развитие промышленности, ведущее к концентрации в одном месте различных отраслей производства, например прядения, ткачества, крашения и т. д., и таким образом делающее излишним целый ряд опосредствующих меновых актов. Товарное обращение есть первоначальная предпосылка денежного обращения. В какой мере последнее, в свою очередь, определяет товарное обращение, мы еще увидим.

Прежде всего надлежит установить *общее понятие обращения или оборота*.

Надо еще отметить, что то, что̀ деньги приводят в обращение, это — меновые стоимости, а значит — *цены*. Поэтому при рассмотрении товарного обращения надо принимать во внимание не только массу товаров, но точно так же и их цены. Большое количество товаров по низкой меновой стоимости (по низкой цене) потребует для своего обращения, очевидно, меньше денег, чем меньшее количество товаров по вдвое большей цене. Поэтому понятие цены следует, собственно говоря, развить *до* понятия обращения. Обращение есть полагание цен, то движение, в ходе которого товары превращаются в цены; реализация товаров как цен. Два определения денег — 1) деньги как *мера* или как тот элемент, в котором товар реализуется как меновая стоимость, и 2) деньги как *средство обмена*, как орудие обращения — действуют в совершенно разных направлениях. Деньги приводят в обращение только такие товары, которые уже превращены в деньги *идеально*, не только в голове отдельного индивида, но и в представлении общества (непосредственно — сторон, участвующих в процессе купли и продажи). Это идеальное превращение в деньги и превращение реальное определяются отнюдь не одними и теми же законами. Надо исследовать их отношение друг к другу.

[2) ТРИ ОСНОВНЫХ ФУНКЦИИ ДЕНЕГ В ТОВАРНО-ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ И ВОЗНИКАЮЩИЕ МЕЖДУ НИМИ ПРОТИВОРЕЧИЯ]

а) [Деньги как мера стоимостей]

Существенное определение обращения заключается в том, что оно приводит в обращение меновые стоимости, и притом меновые стоимости, определенные в виде *цен*. Поэтому нельзя

сказать, что каждый вид товарного обмена — например, меновая торговля, натуральные поставки, феодальные повинности и т. д. — уже конституирует обращение. Для обращения прежде всего необходимы два условия: *во-первых*, чтобы товары (продукты или труд) были заранее даны как цены; *во-вторых*, чтобы имели место не единичные акты обмена, а целый круг меновых сделок, совокупность меновых сделок в их беспрерывном потоке, в большей или меньшей степени охватывающая все общество, — система меновых актов.

[I—35] Товар определен как меновая стоимость. В качестве меновой стоимости товар в определенной пропорции (соответственно заключенному в нем рабочему времени) есть эквивалент для всех других стоимостей (товаров); однако непосредственно он не соответствует этой своей определенности. Как меновая стоимость, товар отличен от него самого в его натуральном существовании. Для того чтобы товар стал меновой стоимостью, требуется опосредствование. Поэтому в деньгах меновая стоимость противостоит товару как нечто другое, чем он сам. Лишь товар, выраженный как деньги, есть товар как чистая меновая стоимость; другими словами, товар, как чистая меновая стоимость, есть деньги. Но вместе с этим деньги существуют теперь вне товара и наряду с ним; его меновая стоимость, меновая стоимость всех товаров, приобрела независимое от него самостоятельное существование в некотором особом материале, в некотором специфическом товаре. Меновая стоимость товара выражает совокупность количественных отношений, в которых все другие товары могут быть на него обменены и которые определяются неравными количествами различных товаров, производимыми в одно и то же рабочее время. Деньги существуют теперь как меновая стоимость всех товаров наряду с ними и вне их.

Деньги — это прежде всего та всеобщая материя, в которую надо погрузить товары, в которой их надо позолотить и посеребрить для того, чтобы получить их свободное существование как меновых стоимостей. Они должны быть переведены на язык денег, выражены в деньгах. Деньги становятся общим знаменателем меновых стоимостей, товаров как меновых стоимостей. Меновая стоимость, выраженная в деньгах, т. е. приравненная к деньгам, есть *цена*. После того как деньги выступили как нечто самостоятельное по отношению к меновым стоимостям, меновые стоимости выражаются в определенности денег, противостоящих им в качестве субъекта [76]. Но всякая меновая стоимость есть некоторое определенное количество, количественно определенная меновая стоимость. Как таковая она равна опре-

деленному количеству денег. Эта определенность, в соответствии с общим законом, дана рабочим временем, овеществленным в меновой стоимости. Таким образом, меновая стоимость, которая есть, скажем, продукт одного дня, выражается в количестве золота или серебра, равном одному дню рабочего времени, представляющем собой продукт одного рабочего дня. Всеобщая мера меновых стоимостей становится теперь мерой между каждой меновой стоимостью и деньгами, к которым она *приравнивается*.

{Стоимость золота и серебра определяется прежде всего издержками их производства в странах их производства.

«В странах, где имеются рудники, все цены в конечном счете зависят от издержек производства драгоценных металлов; ...заработная плата горняка... служит шкалой, по которой исчисляется заработная плата всех других производителей... В стране, не обладающей рудниками, выраженная в золоте и серебре стоимость всех товаров, не подчиненных монополии, зависит от того, какое количество золота и серебра можно получить путем экспорта продукта определенного количества труда, от существующей нормы прибыли и, в каждом отдельном случае, от суммы выплаченной заработной платы и времени, на которое она была авансирована» (*N. W. Senior*. Three Lectures on the Cost of Obtaining Money etc. London, 1830, стр. 15, 13—14).

Иными словами, указанная стоимость зависит от того, какое количество золота и серебра получается прямым или косвенным путем из стран, обладающих рудниками, за определенное количество труда (за определенное количество продуктов, пригодных для экспорта). Деньги — это прежде всего то, что выражает отношение равенства всех меновых стоимостей: в деньгах они одноименны.}

Меновая стоимость, выраженная в определенности денег, есть *цена*. В цене меновая стоимость выражена в виде определенного количества денег. В цене деньги выступают, во-первых, как *единство* всех меновых стоимостей; во-вторых, как та единица, которая в том или ином количестве содержится в меновых стоимостях, так что путем сравнивания с деньгами выражается их количественная определенность, их количественное отношение друг к другу. Стало быть, деньги выступают здесь как *мера* меновых стоимостей, а цены — как измеренные деньгами меновые стоимости. То, что деньги — мера цен, т. е. что в них меновые стоимости сравниваются друг с другом, это — определение, вытекающее само собой. Но более важным для теории является то, что в цене *меновая стоимость сравнивается с деньгами*. После того как деньги выступили как самостоятельная по отношению к товарам, отделившаяся от них меновая стоимость, — отдельный товар, особенная меновая стоимость

теперь снова *приравнивается* к деньгам, т. е. приравнивается к определенному количеству денег, выражается в виде денег, переводится на язык денег. Благодаря приравниванию к деньгам товары снова ставятся в соотношение друг к другу, подобно тому как они, в качестве меновых стоимостей, находились в соотношении друг к другу согласно своему понятию, т. е. в том смысле, что они в определенных пропорциях покрывают друг друга и сравнимы друг с другом.

Особенная меновая стоимость, товар, выражается, подчиняется, подводится под определенность ставшей самостоятельной меновой стоимости, денег. Как это происходит (т. е. как находится количественное отношение между количественно определенной меновой стоимостью и определенным количеством денег), см. выше *. Но так как деньги имеют самостоятельное существование вне товаров, то цена товаров выступает как *внешнее* отношение меновых стоимостей или товаров к деньгам; товар *не есть* цена в том смысле, в каком он по своей социальной субстанции был меновой стоимостью; эта определенность не совпадает с ним *непосредственно;* она опосредствована его сравниванием с деньгами; товар *есть* меновая стоимость, но он *имеет* цену. Меновая стоимость находилась в непосредственном единстве с товаром, была его непосредственной определенностью, с которой сам товар столь же непосредственно и не совпадал, так что на одной стороне находился товар, а на другой (в деньгах) — его меновая стоимость; теперь же в *цене* товар, во-первых, вступает в отношение к деньгам как к чему-то вне его сущему, а во-вторых, он сам *идеально* положен как деньги, так как деньги имеют отличную от него реальность. Цена есть свойство товара, такое его определение, в котором он *мысленно представляется* как деньги. Она уже не непосредственная, а отраженная, рефлектированная определенность товара. [I—36] Наряду с реальными деньгами товар существует теперь как идеально положенные деньги.

Это ближайшее определение денег *как меры* и товара как *цены* проще всего можно иллюстрировать путем различения между *реальными деньгами* и *счетными деньгами.* Как мера деньги всегда служат счетными деньгами, а как цена товар всегда лишь идеально превращен в деньги.

«Оценка товара продавцом, предложение, делаемое покупателем, счета, обязательства, ренты, описи движимого имущества и т. д., словом, все, что подготовляет материальный акт платежа и предшествует ему, — все это должно быть выражено в счетных деньгах. Реальные деньги всту-

* См. настоящий том, часть I, стр. 81—88. *Ред.*

пают в дело лишь для производства платежей и для сальдирования» (ликвидации) «счетов... Если мне надо уплатить 24 ливра 12 су, то в счетных деньгах это представляет 24 единицы одного вида и 12 другого, между тем как действительный платеж я произведу двумя материальными монетами — одной золотой монетой в 24 ливра и одной серебряной монетой в 12 су... Общая масса реальных денег имеет необходимую границу в потребностях обращения. Счетные деньги — это идеальная мера, которая не знает никаких границ, кроме представления. Они применяются, чтобы *выразить всякий вид богатства, когда он рассматривается лишь с точки зрения его меновой стоимости*... Так выражают, например, национальное богатство, государственный и личный доход; счетные стоимости, в какой бы форме эти стоимости ни существовали, определяются по той же формуле; так что среди всей массы предметов потребления не найдется ни одного предмета, который не был бы многократно в уме превращен в деньги, между тем как по сравнению с этой массой предметов потребления общая сумма наличных денег самое большее равна 1 : 10» (*Garnier*. Histoire de la Monnaie etc. Tome I, Paris, 1819, стр. 72, 73, 77, 78).

(Последнее отношение не годится. Правильнее было бы отношение 1 к многим миллионам. Впрочем, это совершенно не поддается измерению.)

Итак, если первоначально деньги выражали меновую стоимость, то теперь товар как цена, как идеально положенная, реализованная в уме меновая стоимость выражает некоторую сумму денег: деньги в некоторой определенной пропорции. В качестве цен все товары являются в различных формах представителями денег, между тем как раньше деньги, в качестве получившей самостоятельность меновой стоимости, были представителем всех товаров. После того как деньги реально положены как товар, товар идеально полагается как деньги.

Здесь прежде всего ясно, что при этом идеальном превращении товаров в деньги, или при установлении *цен* товаров, количество реально имеющихся в наличии денег совершенно безразлично в двояком отношении. *Во-первых:* идеальное превращение товаров в деньги prima facie * не зависит от массы реальных денег и не ограничивается ею. Для этого процесса не нужно ни единой монеты, подобно тому как вовсе не нужно реально применять ту или иную меру длины (скажем, аршин) для того, чтобы выразить идеальное количество аршин. Если, например, оценить в деньгах все национальное богатство Англии, т. е. выразить его в виде цены, то, как всякому известно, во всем мире не хватит денег, чтобы реализовать эту цену. Деньги нужны для этого лишь как категория, как мыслимое нами отношение. *Во-вторых:* так как деньги служат единицей и товар выражается как содержащий определенную сумму

* — на первый взгляд; здесь — с первого же взгляда. *Ред.*

соответствующих частей денег, измеряется деньгами, то мерой между товарами и деньгами является всеобщая мера меновых стоимостей — издержки производства или рабочее время. Стало быть, если $^1/_3$ унции золота есть продукт одного рабочего дня, а товар x есть продукт трех рабочих дней, то товар x равен 1 унции золота или 3 ф. ст. 17 шилл. 4 пенсам. При измерении денег и товара снова выступает первоначальная мера меновых стоимостей. Вместо того чтобы быть выраженным в трех рабочих днях, товар выражается в том количестве золота или серебра, которое есть продукт трех рабочих дней. Количество имеющихся реальных денег, очевидно, не имеет никакого отношения к этой пропорции.

(Ошибка Джемса Милля: он упускает из виду, что издержки производства, а не количество благородных металлов, определяют их стоимость и цены товаров, измеренные в стоимости металла [77].)

{«Товары в обмене являются мерой стоимости друг для друга... Однако такой способ потребовал бы столько же средств сравнения, сколько имеется в обращении товаров. Если бы товар обменивался только на один, а не на два товара, то он не мог бы служить средством сравнения... Отсюда необходимость общего средства сравнения... Это средство может быть чисто идеальным... Определение денег как меры есть их первоначальное определение; оно важнее, чем определение денег как залога... В торговле между Россией и Китаем серебро служит для оценки всех товаров, и тем не менее это — меновая торговля» (*Storch.* Cours d'Economie Politique etc. Tome I, Paris, 1823, стр. 81, 83—84, 87, 88).

«Операция измерения при помощи денег похожа на применение гирь при сравнивании материальных масс. Одинаковое название обеих единиц, которые были предназначены для исчисления как веса, так и стоимости каждой вещи. *Меры веса и меры стоимости имеют одни и те же названия... Эталон,* имеющий всегда одинаковый вес, был легко найден. В отношении денег речь шла опять-таки о *стоимости* фунта серебра, равной издержкам его производства» (*Simonde de Sismondi.* Études sur l'Economie Politique. Tome II, Bruxelles, 1838, стр. 264—265, 267, 268).

Дело не только в одинаковых названиях. Золото и серебро первоначально взвешивались. Так, например, асс был равен фунту меди у римлян.}

[I—37] «У Гомера и Гесиода *деньгами,* как мерой стоимости, являются не золото и серебро, а овцы и волы... В лагере под Троей велась меновая торговля» (*Jacob.* An historical Inquiry into the Production and Consumption of the Precious Metals. Vol. I, London, 1831, стр. 109). (Точно таким же образом в средние века торговали рабами — там же, стр. 351.)

Деньги могут выступать в определении меры и всеобщего элемента меновых стоимостей, не будучи реализованы в своих дальнейших определениях; стало быть, также и до того, как

они приняли форму металлических денег. Так обстоит дело при простой меновой торговле. Однако в этом случае предполагается, что обмен вообще происходит лишь изредка, что товары не получили развития как меновые стоимости, а потому и как *цены*.

{«Установление обычного уровня цены какого-нибудь предмета предполагает его частое и привычное отчуждение. Это не имеет места в примитивных общественных укладах. В неиндустриальных странах многие вещи не имеют определенной цены... Только продажа продуктов может определить их цены, и только частая продажа может установить определенный уровень цен. Частая продажа предметов первой необходимости зависит от распределения населения между городом и деревней» и т. д. (*J. Steuart*. An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy. Vol. I, Dublin, 1770, стр. 395, 396).}

Развитое определение цен имеет своей предпосылкой, что индивид непосредственно не производит необходимых ему средств существования и что его непосредственный продукт является *меновой стоимостью*, стало быть, должен быть предварительно опосредствован общественным процессом, чтобы стать для него *жизненным средством*. Между полным развитием этой основы промышленного общества и патриархальным состоянием имеется много промежуточных ступеней, бесконечное множество оттенков.

Из пункта *a* следует: если издержки производства благородных металлов повышаются, то все товарные цены падают; если издержки производства благородных металлов падают, то все товарные цены повышаются. Это — всеобщий закон, который, как мы увидим, модифицируется в отдельных частностях. [I—37]

* * *

[I—38] (К пункту *a*). «*Мера*, употребляемая как атрибут денег, означает *показатель стоимости*»... Смешно думать, что «цены должны упасть потому, что товары оцениваются как стоящие стольких-то унций золота, а золотой запас в данной стране уменьшился... Эффективность золота как показателя стоимости не зависит от того, что в какой-либо отдельной стране имеется больше или меньше золота. Если бы удалось при помощи банковских операций сократить наполовину обращение металлических и бумажных денег в этой стране, то соотношение стоимости золота и товаров осталось бы неизменным». Примеры: вывоз золота из Перу в XVI веке и отлив золота из Франции в Англию в XIX веке (*Hubbard*. The Currency and the Country. London, 1843, стр. 44—46).

«На африканском побережье ни золото, ни серебро не служат мерой стоимости, а вместо них применяется идеальная мера, воображаемый «брусок»» (*Jacob*. An historical Inquiry into the Production and Consumption of the Precious Metals. Vol. II, London, 1831, стр. 326—327). [I—38]

b) [Деньги как средство обращения]

[I—37] Если меновые стоимости в ценах *идеально* превращаются в деньги, то в обмене, при покупке и продаже они превращаются в деньги *реально*, обмениваются на деньги, чтобы затем в качестве денег, в свою очередь, обменяться на товар. Особенная меновая стоимость должна предварительно быть обменена на *всеобщую*, чтобы затем, в свою очередь, обменяться на особенные меновые стоимости. Товар реализуется как меновая стоимость только через это опосредствующее движение, в котором деньги играют роль посредника. Таким образом, деньги обращаются в направлении, противоположном движению товаров. Деньги выступают как посредник товарного обмена, как средство обмена. Деньги — средство обращения, орудие обращения для оборота товаров; но в качестве такого орудия обращения они имеют вместе с тем свое собственное обращение — *оборот денег, денежное обращение*. Цена товара реализуется лишь в обмене товара на действительные деньги, или в действительном обмене товара на деньги.

Из вышесказанного вытекает следующее. Товары реально обмениваются на деньги, превращаются в действительные деньги только после того, как они предварительно превратились в деньги идеально, т. е. после того, как они получили *определение цены*, выступили как *цены*. Таким образом, *цены* являются *предпосылкой* денежного обращения, хотя их реализация выступает как результат последнего. Те обстоятельства, которые вызывают повышение или падение меновой стоимости, а поэтому и *цен* товаров, выше или ниже их средней стоимости, подлежат рассмотрению в разделе о меновой стоимости; они предшествуют процессу их действительной *реализации* в деньгах и, таким образом, выступают на первых порах как совершенно независимые от этого процесса. Отношения между числами от того, что я их представлю в виде десятичных дробей, конечно, не изменятся. Это лишь иное *наименование*.

Для того чтобы товары действительно находились в обращении, требуются *транспортные средства*, а это не может быть выполнено деньгами. Если я купил 1 000 фунтов железа за x ф. ст., то тем самым право собственности на это железо перешло в мои руки. Мои x ф. ст. выполнили свою службу средства обмена и проделали процесс обращения так же, как право собственности. Продавец же, наоборот, реализовал цену железа, реализовал железо как меновую стоимость. Однако в том, чтобы доставить железо от него ко мне, деньги не прини-

мают никакого участия; для этого требуются повозка, лошади, дорога и т. д. Действительное обращение товаров в пространстве и времени осуществляется не деньгами. Деньги лишь реализуют их *цену* и тем самым передают право на товар покупателю, тому, кто выложил средства обмена. Деньги приводят в обращение не товары, а право собственности на последние, и то, что в этом обращении реализуется в обмене на деньги, будь то при покупке или при продаже, это опять-таки не товары, а их цены.

Таким образом, количество денег, требующееся для обращения, определяется прежде всего высоким или низким уровнем цен товаров, брошенных в обращение. Общая же сумма этих цен определяется, *во-первых*, ценами отдельных товаров; *во-вторых*, количеством товаров, поступающих в обращение по определенным ценам. Так, например, для того чтобы привести в обращение квартер пшеницы по цене в 60 шилл., требуется в два раза больше шиллингов, чем для того чтобы привести его в обращение по цене в 30 шиллингов. И если должно быть приведено в обращение 500 таких квартеров по 60 шилл., то необходимо 30 000 шилл., тогда как для обращения 200 таких квартеров нужно только 12 000 шиллингов. Стало быть, это зависит от высокого или низкого уровня товарных цен и от количества товаров определенной цены.

В-третьих. Однако количество требующихся для обращения денег зависит не только от общей суммы подлежащих реализации цен, но и от той скорости, с которой оборачиваются деньги, осуществляя дело этой реализации. Если 1 талер за час производит 10 покупок по цене в 1 талер каждая, т. е. обменивается 10 раз, то он выполняет совершенно то же самое, что выполнили бы 10 талеров, которые делали бы лишь по одной покупке в час. Скорость — отрицательный момент; она заменяет количество; при ее помощи денежная единица умножается.

Обстоятельства, определяющие, с одной стороны, массу подлежащих реализации товарных цен, а с другой стороны — скорость оборота денег, надо исследовать позже. Одно уже теперь ясно: цены сто́ят на высоком или низком уровне не потому, что в обращении много или мало денег, а наоборот, в обращении находится много или мало денег потому, что цены сто́ят на высоком или низком уровне. И далее: не скорость обращения денег зависит от их количества, а [I—38] количество обращающихся средств зависит от скорости их обращения (при больших платежах деньги не подсчитываются, а взвешиваются; этим достигается экономия времени).

Однако, как уже упоминалось *, оборот денег не исходит из единого центра и не возвращается в единый центр из всех точек периферии (как это имеет место в *эмиссионных банках* и отчасти в государственном казначействе); он исходит из бесконечного множества точек и возвращается в бесконечное множество точек (само это возвращение и то время, в течение которого оно осуществляется, — дело случая). Поэтому скорость средств обращения может заменить собой количество обращающихся средств лишь до известного пункта. (Так, например, фабриканты и фермеры платят рабочему, рабочий платит торговцу и т. д.; от торговца деньги возвращаются к фабрикантам и фермерам.) Какова бы ни была скорость обращения, одно и то же количество денег может произвести ряд платежей лишь *в известной последовательности.* Но определенную массу платежей необходимо производить *одновременно.* Обращение исходит одновременно из множества точек. Стало быть, для обращения требуется определенное количество денег, которое все время будет находиться в обращении и которое определяется той совокупной суммой, какая одновременно поступает из исходных точек обращения, и той скоростью, с какой она проходит свой путь (возвращается к исходным точкам). Хотя это количество обращающихся средств весьма подвержено приливам и отливам, тем не менее устанавливается некоторый средний уровень, так как сколько-нибудь прочные изменения происходят лишь весьма постепенно, лишь в течение длительных периодов, и постоянно парализуются, как мы увидим, массой побочных обстоятельств.

В своем определении в качестве меры, деньги безразличны к своему количеству, или существующее количество денег безразлично для этого определения. В их определенности как средства обмена, как орудия обращения, количество их строго определено. Могут ли эти два определения денег вступить в противоречие друг с другом — выяснить ниже.

{Понятие *принудительного, недобровольного обращения* (см. *Стюарта* [78]) сюда еще не относится.}

Для *обращения* существенно то, что обмен выступает как процесс, как находящаяся в движении совокупность покупок и продаж. Его первая предпосылка, это — обращение самих товаров как постоянно исходящее от многих сторон обращение товаров. Условием товарного обращения является то, что товары производятся как *меновые стоимости,* не как *непосредственные потребительные стоимости,* а как потребительные

* См. настоящий том, часть I, стр. 130. *Ред.*

стоимости, опосредствованные меновой стоимостью. Основной предпосылкой является присвоение путем и посредством отчуждения [Entäußerung] и продажи. В обращении, как реализации меновых стоимостей, заключено: 1) что мой продукт есть продукт лишь постольку, поскольку он — продукт для других; стало быть, поскольку он есть снятое единичное, т. е. всеобщее; 2) что он — продукт для меня лишь постольку, поскольку он отчужден, поскольку он стал продуктом для других; 3) что он — продукт для другого лишь постольку, поскольку этот другой, в свою очередь, отчуждает свой продукт; в этом 4) уже заложено то, что производство выступает для меня не как самоцель, а как средство.

Обращение есть такое движение, в котором всеобщее отчуждение выступает как всеобщее присвоение, а всеобщее присвоение — как всеобщее отчуждение. Хотя это движение в целом выступает как общественный процесс, а отдельные моменты этого движения исходят от сознательной воли и особых целей индивидов, тем не менее совокупная целостность этого процесса выступает как некоторая объективная связь, возникающая стихийно; хотя она и проистекает из взаимодействия сознательных индивидов, но она не заключена в их сознании и в целом им не подчинена. Их собственное столкновение друг с другом создает для них некоторую стоящую над ними, чуждую им общественную силу; их взаимодействие выступает как не зависящий от них процесс и как не зависящая от них власть. Так как обращение представляет собой некоторую целостность общественного процесса, то оно является также и той первой формой, в которой в качестве чего-то независимого от индивидов выступает уже не просто общественное отношение, как это имеет место, например, у монеты или у меновой стоимости, а само общественное движение в целом. Общественная связь индивидов между собой как ставшая самостоятельной, властвующая над индивидами сила, как бы ее ни представлять себе — как силу природы, случайность или в любой другой форме, — есть необходимый результат того, что исходным пунктом здесь не является свободный общественный индивид. Обращение, как первая целостность среди экономических категорий, весьма подходит для того, чтобы сделать это наглядным.

[I—39] На первый взгляд обращение представляется *бесконечным процессом в смысле дурной бесконечности* [79]. Товар обменивается на деньги, деньги обмениваются на товар, и это повторяется до бесконечности. Это беспрестанное возобновление одного и того же процесса, действительно, образует

существенный момент обращения. Но при ближайшем рассмотрении в обращении обнаруживаются еще другие явления — явления кругооборота, или возвращения исходной точки к самой себе. Товар обменивается на деньги, деньги обмениваются на товар. Таким образом, товар обменивается на товар, но только обмен этот является обменом опосредствованным. Покупатель становится в свою очередь продавцом, а продавец становится опять покупателем. Каждый из них выступает в двояком и противоположном определении, и таким путем создается живое единство обоих определений.

Однако совершенно ошибочно, как это делают экономисты, лишь только обнаруживаются присущие деньгам противоречия, внезапно хвататься только за конечные результаты без опосредствующего их процесса, только за единство без различия, только за утверждение без отрицания. В обращении товар обменивается на товар; но в такой же мере он и не обменивается на товар, поскольку он обменивается на деньги. Другими словами, акты покупки и продажи выступают как два безразличных друг к другу, не совпадающих в пространстве и времени акта. Если говорят, что тот, кто продает, в то же время и покупает, поскольку он покупает деньги, и что тот, кто покупает, в то же время и продает, поскольку он продает деньги, то как раз упускают из виду различие, специфическое различие между товаром и деньгами.

Показав нам наилучшим образом, что меновая торговля, при которой оба акта совпадают, не удовлетворяет более развитой форме общества и более развитому способу производства, экономисты внезапно начинают рассматривать опосредствованную деньгами меновую торговлю как непосредственную, игнорируя *специфический* характер этой сделки. После того как они нам показали, что в отличие от товара необходимы и деньги, они неожиданно утверждают, что между деньгами и товаром нет никакой разницы. К этой абстракции прибегают потому, что в действительном развитии денег встречаются такие противоречия, которые неприятны апологетике буржуазного common sense * и которые поэтому должны быть затушеваны. Поскольку покупка и продажа, два существенных момента обращения, безразличны по отношению друг к другу, разделены в пространстве и во времени, постольку они отнюдь не обязательно должны совпадать. Их безразличие друг к другу может привести к упрочению их кажущейся самостоятельности по отношению друг к другу. Но поскольку оба они

* — здравого рассудка. *Ред.*

образуют существенные моменты одного единого целого, постольку с необходимостью наступает такой момент, когда самостоятельная форма насильственно ломается и внутреннее единство внешним образом восстанавливается путем насильственного взрыва. Таким образом, уже в определении денег как посредника, в распадении обмена на два акта таится зародыш кризисов или, по меньшей мере, их возможность, которая может реализоваться лишь там, где имеются налицо основные условия классически развитого, соответствующего своему понятию обращения.

Выяснилось далее, что в обращении деньги только реализуют цены. Цена выступает прежде всего как идеальное определение товара; но деньги, полученные в обмен на товар, суть его реализованная цена, его действительная цена. Поэтому цена является в такой же мере ценой, существующей *вне* товара, независимо от него, *наряду* с ним, как и ценой, идеально существующей в нем. Если товар не может быть реализован в деньгах, то он перестает быть способным к обращению, и его цена становится лишь воображаемой, — точно так же, как первоначально продукт, превратившийся в меновую стоимость, перестает быть продуктом, если он не обменивается в действительности. (Мы здесь не говорим о повышении и падении цен.)

В пункте *a цена* выступала как *определение, существующее* в товарах; в пункте *b деньги* выступают *как цена вне товара*. Необходим не только спрос на товар, но спрос, *представленный деньгами*. Стало быть, если цена товара не может быть реализована, если товар не может быть превращен в деньги, то он *обесценивается, утрачивает свою цену*. Когда необходимо это специфическое превращение товара в деньги, приходится жертвовать меновой стоимостью, выраженной в цене товара. Отсюда жалобы, например Буагильбера, на то, что деньги — палач всех вещей, Молох, которому все должно быть принесено в жертву, деспот товаров [80]. В период возникновения абсолютной монархии, с которой связано превращение всех налогов в денежные налоги, деньги действительно выступают как Молох, которому приносится в жертву реальное богатство. Такую же роль играют деньги при каждой денежной панике. Из слуги торговли, — говорит Буагильбер, — деньги превратились в ее деспота. На деле, однако, уже в самом определении цен содержится в скрытом виде то, что обнаруживается при обмене на деньги, а именно — что уже не деньги являются представителем товара, а товар служит представителем денег. Жалобы на торговлю при помощи денег как на торговлю

незаконную встречаются у некоторых писателей, знаменующих собой переход от феодальной эпохи к новому времени, как и позже — у социалистов.

α) Чем дальше развивается разделение труда, тем в большей степени продукт перестает быть средством обмена. Возникает необходимость во всеобщем средстве обмена, независимом от специфического производства каждого. При производстве, направленном на непосредственное удовлетворение жизненных потребностей, не *всякая* вещь может быть обменена на *всякую*, и та или иная определенная деятельность может быть обменена только [I—40] на *определенные* продукты. Чем более обособленными, многообразными, несамостоятельными становятся продукты, тем необходимее становится всеобщее средство обмена. Вначале продукт труда или сам труд есть всеобщее средство обмена. Но продукт тем более перестает быть всеобщим средством обмена, чем более он обособляется. Мало-мальски развитое разделение труда предполагает, что потребности каждого стали весьма многосторонними, а его продукт — весьма односторонним. *Потребность в обмене* и *непосредственное средство обмена* развиваются в обратном отношении. Отсюда необходимость *всеобщего средства обмена*, при котором определенный продукт и определенный труд должны обмениваться на *способность к обмену*. Меновая стоимость вещи есть не что иное, как количественно специфицированное выражение ее способности служить *средством обмена*. В деньгах *средство обмена* само становится вещью, или, другими словами, меновая стоимость вещи приобретает самостоятельное существование вне этой вещи. Так как товар по отношению к деньгам есть средство обмена лишь ограниченной силы, то он может перестать быть средством обмена по отношению к деньгам.

β) Распадение обмена на покупку и продажу делает возможным, чтобы я покупал, не продавая (скупка товаров), или же продавал, не покупая (накопление денег). Оно делает возможной спекуляцию. Оно превращает обмен в особое занятие, т. е. создает *сословие купцов*. Это распадение обмена сделало возможным множество промежуточных сделок, предшествующих окончательному обмену товаров, и дает возможность множеству лиц эксплуатировать это разделение покупки и продажи. Оно сделало возможным множество *мнимых сделок*. Попеременно обнаруживается, что то, что представлялось по существу обособленным актом, представляет собой в сущности часть единого целого, а то, что мыслилось как существенно единый акт, в действительности по существу разделено. В те моменты, когда покупка и продажа утверждают себя как два

по существу различных акта, имеет место всеобщее обесценение всех товаров. В те моменты, когда на первый план выдвигается, что деньги — лишь средство обмена, имеет место обесценение денег. Всеобщее падение или повышение цен.

{*Вместе с деньгами дана возможность абсолютного разделения труда,* ибо дана независимость труда от его специфического продукта, от непосредственной потребительной ценности его продукта для этого труда.}

Всеобщее повышение цен в периоды спекуляции не может быть приписано всеобщему повышению *меновой стоимости* или *издержек производства* товаров; ибо, если бы *меновая стоимость или издержки производства* золота возросли равномерно с меновой стоимостью или издержками производства всех других товаров, то меновые стоимости товаров, выраженные в деньгах, т. е. их *цены,* остались бы те же. Точно так же это не может быть приписано и падению цены производства [81] золота. (О кредите здесь еще нет речи.) Но так как деньги не только всеобщий товар, но *также и* особенный, и так как в качестве особенного товара они подчинены законам спроса и предложения, то всеобщий спрос на особенные товары в противоположность деньгам должен вызвать падение последних.

Как мы видим, в природе денег заложено, что они разрешают противоречия непосредственной меновой торговли и меновой стоимости лишь тем путем, что придают им всеобщий характер. Обменивалось ли *особенное средство обмена* на другое особенное средство обмена или нет — это было делом случая; теперь же товар должен обменяться на *всеобщее средство обмена,* по отношению к которому его особенность находится в еще большем противоречии. Для того чтобы обеспечить способность товара к обмену, сама способность к обмену противопоставляется товару как некий самостоятельный товар. (Здесь средство становится целью.) При непосредственной меновой торговле вопрос заключался в том, найдет ли данный особенный товар другой особенный товар. Деньги же превращают самый акт обмена в два безразличных друг для друга акта.

(Прежде чем рассматривать дальше вопрос об обращении, усиленном, слабом и т. д., и в особенности — вызывающий споры пункт о количестве обращающихся денег и ценах, следует рассмотреть деньги в их третьем определении.)

Один из моментов обращения состоит в том, что товар при помощи денег обменивается на другой товар. Но точно так же имеет место и другой момент, т. е. не только то, что товар обменивается на деньги и деньги на товар, но также и то, что деньги

обмениваются на товар и товар на деньги; стало быть, что деньги опосредствуются товаром с самими собой и выступают как такое единое начало, которое в своем обороте смыкается с самим собой. Таким образом, деньги выступают уже не как средство, а как цель обращения (как, например, у купечества) (в торговле вообще). Если рассматривать обращение не только как постоянное чередование товара и денег, а в тех кругооборотах, которые оно описывает в себе самом, то этот кругооборот выступает двояко: «товар — деньги — деньги — товар»; с другой стороны: «деньги — товар — товар — деньги», т. е. если я продаю, чтобы купить, то я могу точно так же и покупать, чтобы продавать. В первом случае деньги — лишь средство, чтобы получить товар, а товар — цель; во втором случае товар — лишь средство, чтобы получить деньги, а деньги — цель. Это получается просто оттого, что моменты обращения берутся в их взаимосвязи. Если рассматривать обращение как всего лишь обращение, то не может не быть безразличным, за какую точку ухватиться, чтобы фиксировать ее как исходную.

Правда, между находящимся в обращении товаром и находящимися в обращении деньгами имеет место специфическое различие. Товар в определенной точке выбрасывается из обращения и выполняет свое окончательное назначение лишь после того, как он окончательно изымается из обращения, потребляется, — будь то в акте производства или [I—41] в потреблении в собственном смысле. Наоборот, назначение денег — оставаться в обращении в качестве его колеса; как *perpetuum mobile* * каждый раз снова начинать свой оборот.

Тем не менее указанная вторая форма движения точно так же имеет место в обращении, как и первая. Однако могут сказать: обменивать товар на товар имеет смысл, так как товары — хотя как цены они эквивалентны — качественно различны, и таким образом их обмен в конечном счете удовлетворяет качественно различные потребности. Наоборот, обменивать деньги на деньги не имеет никакого смысла, разве что тут получается количественная разница, т. е. меньшая сумма денег обменивается на бо́льшую, продают дороже, чем покупают, но ведь с категорией прибыли мы здесь еще не имеем дело. Формула «деньги — товар — товар — деньги», которую мы выводим из анализа обращения, представлялась бы, таким образом, лишь произвольной и бессмысленной абстракцией, вроде того, как если бы кто-нибудь захотел для описания кругово-

* — вечный двигатель. *Ред.*

рота жизни применить формулу «смерть — жизнь — смерть», хотя в последнем случае нельзя все же отрицать, что постоянное растворение индивидуализированного в элементарном есть такой же момент природного процесса, как и постоянное индивидуализирование элементарного. Точно так же в акте обращения имеет место постоянное превращение товаров в деньги и постоянное превращение денег в товары. В реальном процессе покупки ради продажи мотивом, несомненно, является извлекаемая при этом прибыль, а конечной целью — при посредстве товара обменять меньшее количество денег на большее количество денег, так как между деньгами и деньгами нет качественного различия (здесь речь не идет ни об особых металлических деньгах, ни об особых видах монет). Однако нельзя отрицать, что эта операция может потерпеть неудачу, и поэтому даже в реальной действительности обмен денег на деньги без количественной разницы часто происходит, а значит и может происходить. Но для того чтобы этот процесс, на котором покоится торговля и который вследствие этого также и по своей распространенности образует одно из главных явлений обращения, вообще был возможен, кругооборот «деньги — товар — товар — деньги» необходимо признать особой формой обращения. Эта форма специфически отличается от той, в которой деньги выступают как всего лишь средство обмена товаров, как средний термин, как меньшая посылка силлогизма. Наряду с той количественной определенностью, которую этот кругооборот имеет в торговле, его необходимо выделить в его чисто качественной форме, в его специфическом движении.

Далее: кругооборот «деньги — товар — товар — деньги» уже содержит то, что деньги здесь функционируют не только как мера или как средство обмена и не только как то и другое вместе, а имеют еще и некоторое третье определение. А именно, деньги выступают здесь, *во-первых,* как самоцель, для реализации которой только и служат торговля товарами и обмен. *Во-вторых,* так как кругооборот здесь завершается деньгами, то деньги *выходят за его пределы,* подобно тому как товар, обмененный при помощи денег на свой эквивалент, выбрасывается из обращения. Совершенно верно, что деньги, поскольку они определены лишь как агент обращения, постоянно остаются заключенными в его кругообороте. Но здесь обнаруживается, что, кроме такого орудия обращения, деньги представляют собой еще и нечто другое, что они обладают также и самостоятельным существованием вне обращения и в этом новом определении точно так же могут быть изъяты из обращения, как товар постоянно должен окончательно изыматься из обращения.

Поэтому мы должны рассмотреть деньги в их третьем определении, в котором они заключают в себе и первые два определения, т. е. их назначение служить мерой и их назначение быть всеобщим средством обмена и, таким образом, реализацией цен товаров.

Но предварительно надо еще поговорить о деньгах как о всеобщей материи контрактов и т. д.

c) Деньги как материальный представитель богатства (накопление денег)

[α) К вопросу о соотношении между меновой стоимостью и ценой. Противоречия между функциями денег как меры стоимостей и как средства обращения]

В природе кругооборота заложено, что каждая точка выступает одновременно как начальная и конечная точка и притом так, что она выступает как начальная точка лишь постольку, поскольку она выступает как конечная. Поэтому определение формы *Д—Т—Т—Д* столь же правильно, как и другое, выступающее как первоначальное — *Т—Д—Д—Т*. Трудность заключается в том, что другой товар качественно отличен, а другие деньги — нет. Они могут быть лишь количественно различны.

Если рассматривать деньги как *меру*, то существенное значение имеет материальная субстанция денег, хотя их наличие вообще и, в частности, их количество, та *численность*, в которой имеется служащая *единицей* порция золота или серебра, совершенно безразличны для денег в этом их определении, и деньги здесь вообще употребляются лишь как мысленно представляемая, несуществующая единица. В этом определении они должны быть налицо как единица, а не как численность. Если я говорю, что фунт хлопка стоит 8 пенсов, то я говорю, что фунт хлопка равен $^1/_{116}$ унции золота (унция золота стоит 3 ф. ст. 17 шилл. 7 пенсов, или 931 пенс). Это тогда выражает вместе с тем определенность фунта хлопка как меновой стоимости по отношению ко всем другим товарам, определенность его как эквивалента всех других товаров, содержащих такое же количество золота, ибо все они тоже сравниваются с унцией золота. [I—42] Это первоначальное отношение фунта хлопка к золоту, определяющее, какое количество золота содержится в фунте хлопка, обусловлено количеством овеществленного как в том, так и в другом рабочего времени — действительной общей субстанции меновых стоимостей. Предпослать это, взяв из главы, трактующей о меновой стоимости как таковой [82].

Найти уравнение между золотом и каким-нибудь другим товаром не так трудно, как кажется. Например, если взять труд, непосредственно производящий золото, то определенное количество золота выступает тут непосредственно как продукт, скажем, одного рабочего дня. Конкуренция, modificandis modificatis *, приравнивает другие рабочие дни к этому рабочему дню — прямо или косвенно. Короче говоря, в непосредственном производстве золота определенное количество золота непосредственно выступает как продукт определенного рабочего времени, а значит — как стоимость, как эквивалент этого определенного количества рабочего времени. Стало быть, нужно лишь определить рабочее время, овеществленное в различных товарах, и приравнять его к рабочему времени, непосредственно производящему золото, чтобы сказать, сколько золота содержится в каком-либо определенном товаре.

Определение всех товаров как цен — как измеренных меновых стоимостей — это процесс, развертывающийся лишь постепенно, предполагающий частый обмен, а потому и частое сравнивание товаров как меновых стоимостей; но как только существование товаров как цен уже стало предпосылкой, — предпосылкой, которая сама есть продукт общественного процесса, результат общественного процесса производства, — определение новых цен оказывается делом простым, так как тогда элементы издержек производства сами уже существуют в форме цен и, стало быть, их надо просто сложить. {*Частое отчуждение, продажа, частая продажа (Стюарт* ***).* Вернее, все это нужно для того, чтобы цены приобрели известную регулярность, имели постоянный характер.}

Однако тот пункт, которым мы здесь хотели заняться, заключается в следующем: поскольку золото должно быть фиксировано как единица-мера, то его отношение к товарам определяется путем мены, путем непосредственной меновой торговли, как и отношение всех других товаров друг к другу. Но при меновой торговле продукт является меновой стоимостью только *потенциально;* это — первая форма проявления меновой стоимости; однако продукт еще не положен как меновая стоимость. Во-первых, это определение [меновая стоимость] не охватывает здесь всего производства, а касается лишь его излишка и поэтому само более или менее *излишне* (как и сам обмен); оно касается случайного расширения круга удовлетворяемых потребностей, наслаждений (связь с новыми

* — произведя соответствующие изменения. *Ред.*
** См. настоящий том, часть I, стр. 137. *Ред.*

предметами). Поэтому обмен совершается лишь в немногих пунктах (первоначально — на границах отдельных первобытных общин, при их соприкосновении с чужими), он ограничен узким кругом и составляет для производства нечто преходящее, побочное; он прекращается так же случайно, как и возникает. Меновая торговля, при которой излишек собственной продукции случайно обменивается на излишек чужой продукции, есть лишь *первое появление* продукта как меновой стоимости вообще и определяется случайными потребностями, прихотями и т. д. Но если обмен продолжается дальше и становится повторяющимся актом, в самом себе содержащим средства для своего постоянного возобновления, то постепенно столь же внешним и случайным образом здесь возникает регулирование взаимного обмена регулированием взаимного производства, в результате чего мерой обмена становятся издержки производства, которые в конечном счете все сводятся к рабочему времени. Это показывает нам, как возникает обмен и меновая стоимость товара.

Однако те обстоятельства, при которых какое-нибудь отношение впервые появляется, отнюдь еще не показывают нам это отношение ни в его чистоте, ни в его целостности. Продукт, положенный в качестве меновой стоимости, по существу определен уже не как простой продукт; он положен в некотором таком качестве, которое отлично от его натурального качества; он положен как *отношение,* и притом это отношение есть всеобщее отношение, отношение не к одному товару, а ко всякому товару, к любому возможному продукту. Стало быть, он выражает некоторое всеобщее отношение; это такой продукт, который относится к себе как к овеществлению некоторого *определенного количества* всеобщего труда, общественного рабочего времени и в этом смысле является эквивалентом для всякого другого продукта в пропорции, выраженной в его меновой стоимости. Меновая стоимость предполагает общественный труд в качестве субстанции всех продуктов, совершенно независимо от их натуральных свойств. Ничто не может выражать какое-либо отношение, не относясь к чему-нибудь, и не может выражать всеобщее отношение, не относясь к чему-то всеобщему. Так как труд есть движение, то его естественной мерой является время. Меновая торговля в ее примитивнейшей форме предполагает труд как субстанцию и рабочее время как меру товаров, что и обнаруживается в дальнейшем, как только эта торговля становится регулярной и постоянной, долженствующей содержать в самой себе всесторонние условия своего возобновления.

Товар есть *меновая стоимость* лишь постольку, поскольку он выражается в другом товаре, стало быть — как отношение. Шеффель пшеницы стоит столько-то шеффелей ржи; в этом случае пшеница есть меновая стоимость, поскольку она выражена во ржи, а рожь есть меновая стоимость, поскольку она выражена в пшенице. Поскольку каждый из этих товаров относится лишь к самому себе, он не есть меновая стоимость. А в том отношении, в котором деньги выступают как мера, сами деньги выражены не как отношение, не как меновая стоимость, а как натуральное количество известной материи, как натуральная весовая доля золота или серебра. Вообще тот товар, в котором выражена меновая стоимость другого товара, никогда не выражается как меновая стоимость, как отношение, а выражается как определенное количество товара в его натуральном качестве. Если шеффель пшеницы стоит три шеффеля ржи, то как стоимость выражен только шеффель пшеницы, а не шеффель ржи. Правда, *потенциально* определен как стоимость также и шеффель ржи; одному шеффелю ржи тогда равняется $^1/_3$ шеффеля пшеницы; но это не [I—43] *положено*, это — всего лишь второе отношение, которое, правда, непосредственно содержится в первом. Когда один товар выражен в другом товаре, то он берется как отношение, а другой товар — как простое количество определенной материи. Три шеффеля ржи сами по себе — не стоимость, а рожь, заполняющая определенное пространство, измеряемая мерой объема.

Так же обстоит дело и с деньгами как мерой, как той единицей, которой измеряются меновые стоимости других товаров. Это — определенная весовая доля той природной субстанции, в которой представлены деньги, — золота, серебра и т. д. Если шеффель пшеницы обладает ценой в 77 шилл. 7 пенсов, то он выражен как некое такое другое, которому он равен, как 1 унция золота, как отношение, как меновая стоимость. Но 1 унция золота сама по себе не есть меновая стоимость, она выражена не как меновая стоимость, а как определенное количество самой себя, своей природной субстанции, золота. Если 1 шеффель пшеницы обладает ценой в 77 шилл. 7 пенсов, или в 1 унцию золота, то это может быть большей или меньшей стоимостью, ибо 1 унция золота будет повышаться или падать в своей стоимости в соответствии с количеством труда, требующегося для ее производства. Однако для определения его цены как таковой это безразлично, так как его цена в 77 шилл. 7 пенсов точно выражает то отношение, в котором он, шеффель пшеницы, является эквивалентом всех других товаров, т. е. то отношение, в котором он может их купить. Определенность

цены, все равно, стоит ли шеффель пшеницы 77 шилл. или 1 780 шилл., вообще выходит за пределы категории цены, т. е. за пределы полагания пшеницы в виде цены. Пшеница имеет цену, все равно, стоит ли она 100 шилл. или 1 шилл. Цена лишь выражает ее меновую стоимость в единице, общей для всех товаров; стало быть, предполагает, что эта меновая стоимость уже обусловлена другими отношениями.

Конечно, то, что 1 квартер пшеницы обладает ценой в 1 унцию золота, — поскольку золото и пшеница, как предметы природы, вообще не имеют друг к другу никакого отношения, не являются как *таковые* мерами друг для друга, *безразличны* друг по отношению к другу, — было найдено тем путем, что унция золота сама в свою очередь была поставлена в отношение к рабочему времени, необходимому для ее производства, и таким образом как пшеница, так и золото были поставлены в отношение к чему-то третьему, труду, и в рамках этого отношения приравнены друг к другу; так что оба сравнивались друг с другом как меновые стоимости. Но это показывает нам только то, как находится цена пшеницы, т. е. то количество золота, к которому она приравнивается. В самом этом отношении, где деньги выступают как цена пшеницы, сами они, в свою очередь, взяты не как отношение, не как меновая стоимость, а как определенное количество некоторой природной материи.

В меновой стоимости товары (продукты) берутся как отношения к их общественной субстанции, к труду; но как цены они выражены в определенных количествах других продуктов в соответствии с их натуральными свойствами. Можно, конечно, сказать, что и цена денег выражена в виде 1 квартера пшеницы, 3 квартеров ржи и всех других количеств разных товаров, ценой которых является 1 унция золота. Но тогда, чтобы выразить цену денег, пришлось бы перечислить весь круг товаров, взявши каждый из них в том количестве, в каком он равен 1 унции золота. Таким образом, деньги имели бы столько же цен, сколько есть товаров, цену которых сами они выражают. Отпало бы главное определение цены — *единство*. Ни один товар не выражает цены денег, так как ни один из них не выражает отношения денег ко всем другим товарам, их всеобщей меновой стоимости. А специфическим для цены является то, что сама меновая стоимость должна быть выражена в своей всеобщности и вместе с тем в некотором определенном товаре. Но даже и это безразлично. Поскольку деньги выступают как та материя, в которой выражается, измеряется цена всех товаров, то сами деньги положены как определенное количество золота, серебра и т. д., словом — как определенное количе-

ство их природной материи; просто как определенное количество некоторой определенной материи, не как меновая стоимость, не как отношение. Так и всякий товар, в котором другой товар выражается в виде цены, сам *положен* не как меновая стоимость, а просто как определенное количество самого себя.

В определении денег как единицы меновых стоимостей, как их меры, их всеобщего масштаба сравнения, существенное значение имеет природная материя денег, золото, серебро, ибо как цена товара деньги — не меновая стоимость, не отношение, а определенное весовое количество золота, серебра, например фунт с его подразделениями; поэтому деньги первоначально и выступают как фунт, aes grave *. Этим именно и отличается цена от меновой стоимости, а мы видели, что меновая стоимость неизбежно приводит к определению цены. Отсюда видно, какую нелепость допускают те, которые хотят сделать рабочее время как таковое деньгами, т. е. хотят установить различие между ценой и меновой стоимостью и в то же время не устанавливать его.

Стало быть, деньги как мера, как элемент определения цен, как единица для измерения меновых стоимостей, отличаются двумя особенностями: 1) раз уж тут определена меновая стоимость унции золота по отношению к любому какому-нибудь товару, то деньги нужны только как мысленно представляемая единица; их действительное наличие излишне, а тем более излишне и безразлично то, в каком количестве они в данный момент имеются налицо; для денег как показателя (индикатора) стоимости безразлична та сумма, в которой они имеются в данной стране; они нужны лишь как счетная единица; 2) в то время как им, таким образом, достаточно быть положенными лишь идеально, и они и в самом деле в виде цены товара положены *на* товаре лишь идеально, они в то же время служат масштабом сравнения, единицей, мерой просто как определенное количество той природной субстанции, в которой они представлены, просто как определенная, принятая за единицу, весовая доля золота, серебра и т. д. Меновые стоимости (товары) в представлении превращены в известные весовые доли золота или серебра и идеально приравнены к этому мысленно представляемому количеству золота и т. д. в качестве его выражений.

[I—44] Но если мы перейдем ко второму определению денег, к деньгам как средству обмена и реализатору цен, то мы найдем, что здесь деньги должны быть налицо в определенном *количестве;* что для того, чтобы быть адекватным этому

* — тяжелая медь (определяемая на вес). *Ред.*

назначению, требуется определенное число принятых за единицу весовых долей золота или серебра. Если, с одной стороны, дана сумма подлежащих реализации цен, которая зависит от цены определенного товара, помноженной на его количество, а с другой стороны — скорость денежного обращения, то потребуется известное количество средств обращения. Но если рассмотреть поближе ту первоначальную форму, ту непосредственную форму, в которой представлено обращение, т. е. форму *Т—Д—Д—Т*, то в ней деньги выступают исключительно как средство обмена. Товар обменивается на товар, и деньги выступают лишь как средство обмена. Цена первого товара реализуется в деньгах, чтобы при помощи этих денег реализовать цену второго товара и получить его таким путем взамен первого. После того как реализована цена первого товара, тот, кто получил его цену в виде денег, не ставит себе целью получить цену второго товара, а оплачивает его цену, чтобы получить самый товар. Стало быть, по существу деньги послужили ему для того, чтобы обменять первый товар на второй. Как всего лишь средство обращения деньги не имеют другой цели. Человек, продавший свой товар за деньги, хочет снова купить товар, а тому, у кого он его покупает, деньги нужны опять-таки для того, чтобы купить товар и т. д.

В этом определении денег как всего лишь средства обращения само назначение денег заключается только в этом обращении, которое деньги осуществляют благодаря тому, что их количество, их число, определено заранее. Сколько раз сами деньги, как единица, содержатся в товарах, заранее определено товарными ценами, а в качестве орудия обращения деньги выступают лишь как известное число этих заранее установленных единиц. Поскольку деньги реализуют цену товаров, товар обменивается на свой реальный эквивалент в золоте и серебре; его меновая стоимость действительно обменивается на деньги как на другой товар; но поскольку этот процесс происходит лишь для того, чтобы снова деньги превратить в товар, чтобы таким путем первый товар обменять на второй, деньги появляются лишь мимолетно, или их сущность [Substanz] состоит лишь в том, что они беспрестанно выступают как эта мимолетность, как этот носитель опосредствования. Деньги, функционирующие как средство обращения, суть *только* средство обращения. Единственная существенная для них определенность, необходимая для того, чтобы они могли служить в этой функции, это определенность количества, определенность той численности единиц, в виде которой деньги обращаются. (Так как требующееся количество денег определяется также и скоростью их

обращения, то последнюю здесь отдельно упоминать нет необходимости.) Поскольку деньги реализуют цену, их материальное существование в виде золота и серебра имеет существенное значение; но поскольку эта реализация лишь мимолетна и должна сама себя устранять, оно *безразлично*. Это лишь *видимость*, будто речь идет о том, чтобы обменять товар на золото или серебро как на особенный товар; видимость, которая исчезает, когда процесс закончен, когда золото и серебро снова обменены на товар и таким путем товар обменен на товар. Поэтому золото и серебро как всего лишь средства обращения, или средства обращения как золото и серебро — безразличны к своим свойствам особенного природного товара.

Предположим, что совокупная цена обращающихся товаров равна 10 000 талеров. Тогда их мерой является 1 талер, равный x весовым долям серебра. Пусть необходимо 100 талеров, чтобы привести в обращение эти товары за 6 часов, т.е. каждый талер оплачивает цену в 100 талеров за 6 часов. Здесь существенно то, что налицо имеется 100 талеров, сотня тех металлических единиц, которыми измеряется общая сумма товарных цен; 100 таких единиц. То, что эти единицы состоят из серебра, для самого процесса безразлично. Это проявляется уже в том, что один талер в кругообороте обращения является представителем такой массы серебра, которая в 100 раз больше реально содержащейся в нем массы, хотя в каждом отдельном акте обмена он является представителем лишь весового содержания серебра, заключенного в одном талере.

Стало быть, если взять обращение в целом, то 1 талер является представителем 100 талеров, в сто раз большего весового количества серебра, нежели он действительно содержит. Он на деле лишь *знак* для того количества серебра, которое содержится в 100 талерах. Он реализует цену в 100 раз бо́льшую той, которую он действительно реализует, если рассматривать один талер как определенное количество серебра.

Предположим, что фунт стерлингов равен, например, $^1/_3$ унции золота (в действительности он меньше этого количества). Поскольку оплачивается цена товара в 1 ф. ст., т. е. реализуется его цена в 1 ф. ст. и товар обменивается на 1 ф. ст., постольку решающее значение имеет то обстоятельство, что 1 ф. ст. действительно содержит $^1/_3$ унции золота. Если бы это был фальшивый фунт стерлингов, сделанный из какого-нибудь неблагородного металла, фунт стерлингов только по видимости, то на деле цена товара не была бы реализована; для того чтобы реализовать эту цену, товар пришлось бы оплатить таким количеством неблагородного металла, которое равнялось бы $^1/_3$ унции золота.

Таким образом, если рассматривать дело только со стороны этого отдельного момента обращения, то существенно, чтобы денежная единица действительно представляла определенное количество золота и серебра. Но если мы возьмем обращение в целом, обращение как смыкающийся внутри себя процесс *Т—Д—Д—Т*, то дело обстоит иначе. В первом случае реализация цены была бы лишь кажущейся: лишь *часть* цены товара была бы реализована. Цена, положенная на товаре идеально, не была бы получена реально. За товар, который идеально приравнивается к стольким-то весовым долям золота, в действительном обмене было бы выручено меньше весовых долей золота. Но если бы фальшивый фунт стерлингов заменял в обращении настоящий, то в обращении в целом он выполнял бы абсолютно ту же службу, как если бы он был настоящим. Если товар *a* ценой в 1 ф. ст. обменивается на один фальшивый фунт стерлингов, а этот фальшивый фунт стерлингов в свою очередь обменивается на товар *b* ценой в 1 ф. ст., то фальшивый фунт стерлингов сослужил бы абсолютно ту же службу, как если бы он [I—45] был настоящим.

Стало быть, на деле в этом процессе действительный фунт стерлингов является лишь *знаком*, если рассматривать не тот момент, что он реализует цены, а весь процесс в целом, в котором он служит лишь средством обращения и в котором реализация цен есть лишь *видимость*, мимолетное опосредствование. Здесь золотой фунт стерлингов служит лишь для обмена товара *a* на равноценный ему товар *b*. Действительной реализацией цены товара *a* здесь является товар *b*, а действительной реализацией цены товара *b* является товар *a*, или *c*, или *d*, что имеет одинаковое значение для формы такого отношения, для которого особенное содержание товара совершенно безразлично. Обмениваются равноценные товары. Вместо того чтобы прямо обменять товар *a* на товар *b*, обменивают цену товара *a* на товар *b*, а цену товара *b* на товар *a*.

Таким образом, деньги по отношению к товару представляют лишь его цену. Товары обмениваются друг на друга по своим ценам. Сама цена товара выражает в нем идеально, что он есть определенное количество известной натуральной единицы (весовой доли) золота или серебра, т. е. той материи, в которой воплощены деньги. В деньгах, или в его реализованной цене, товару противостоит некое действительное количество этих единиц. Но поскольку реализация цены не есть последний акт и дело заключается не в том, чтобы иметь цену товара как цену, а в том, чтобы иметь ее как цену другого товара, то материя денег, например золото и серебро, безразлична. Деньги

становятся здесь субъектом в качестве орудия обращения, в качестве средства обмена, а та природная материя, в которой они представлены, выступает как нечто случайное, чье значение исчезает в самом акте обмена; ибо товар, обмененный на деньги, должен быть окончательно реализован не в этой материи, а в материи другого товара.

А это означает следующее: кроме тех моментов, что в обращении деньги 1) реализуют цены и 2) приводят в обращение титулы собственности, мы 3) имеем теперь еще и тот момент, что при посредстве обращения происходит то, что не могло произойти прямым путем, а именно — меновая стоимость товара выражается в любом другом товаре. Если аршин холста стоит 2 шилл., а фунт сахара — 1 шилл., то аршин холста реализуется при посредстве 2 шилл. в 2 фунтах сахара, так что сахар превращается в материю меновой стоимости холста, в ту материю, в которой реализуется меновая стоимость аршина холста.

Как всего лишь средство обращения, в своей роли в процессе обращения как непрерывном потоке, деньги не представляют собой ни меры цен — ибо как такая мера они уже положены в самих ценах, — ни средства реализации цен — ибо как такое средство они существуют лишь в один из моментов обращения, но исчезают в целостности его моментов; деньги здесь — только *представитель* цены по отношению ко всем товарам и служат лишь средством для того, чтобы товары обменивались по равным ценам. Деньги обмениваются на один определенный товар потому, что они — всеобщий представитель его меновой стоимости, а в качестве такового — *представитель* всякого другого товара равной меновой стоимости, всеобщий представитель, в качестве которого они находятся в самом обращении. Деньги *представляют* цену одного товара по отношению ко всем другим товарам, или цену всех товаров по отношению к одному товару. В этом отношении деньги не только *представитель* товарных цен, но и *знак* самих себя; а это и значит, что в самом акте обращения их материя — золото и серебро — безразлична.

Деньги *суть* цена; они — определенное количество золота или серебра; но поскольку эта реальность цены является здесь лишь мимолетной, предназначенной для того, чтобы беспрестанно исчезать, устраняться, считаться не окончательной реализацией, а всегда лишь промежуточной, опосредствующей; поскольку здесь вообще дело заключается не в реализации цены, а в реализации меновой стоимости особенного товара в материале другого товара, — постольку материал самих денег безразличен, он мимолетен в качестве реализации цены,

ибо эта реализация сама мимолетна; поэтому деньги, поскольку они находятся в этом постоянном движении, являются лишь представителем меновой стоимости, которая становится действительной только благодаря тому, что действительная меновая стоимость беспрестанно заступает место своего представителя, беспрестанно меняется с ним местами, беспрестанно обменивается на него.

Стало быть, в этом процессе реальность денег заключается не в том, что они — цена, а в том, что они ее *представляют*, что они являются ее представителем; они — существующий в предметной форме представитель цены, т. е. самих себя, и в качестве такового — меновой стоимости товаров. Как средство обмена деньги реализуют цены товаров лишь для того, чтобы выразить меновую стоимость одного товара в другом как его эквиваленте, для того, чтобы реализовать его меновую стоимость в другом товаре, т. е. представить другой товар как материал меновой стоимости первого.

Таким предметным знаком деньги являются, следовательно, только в обращении; будучи изъяты из него, они снова представляют собой реализованную цену; однако в пределах процесса, как мы видели, количество, численность этих предметных знаков монетной единицы существенным образом определены. Итак, если в обращении, где деньги выступают по отношению к товарам как нечто существующее, материальная субстанция денег, их субстрат как определенное количество золота и серебра безразличны, а их численность, напротив, существенным образом определена, ибо они здесь являются лишь *знаком* для определенной численности этих единиц, — то в определении денег как меры, в котором они были положены лишь идеально, материальный субстрат денег имел существенное значение, а их численность и вообще их существование были безразличны. Отсюда следует, что деньги в виде золота и серебра, поскольку они являются *только* средством обращения, средством обмена, могут быть заменены любым другим *знаком*, [I—46] выражающим определенное количество их единиц, и что таким способом символические деньги могут заменить реальные деньги, ибо материальные деньги, как всего лишь средство обмена, сами символичны.

Этими противоречащими друг другу определениями денег как меры, как реализации цен и как всего лишь средства обмена объясняется то иначе необъяснимое явление, что, с одной стороны, когда металлические деньги — золото, серебро — *фальсифицируются* путем примеси к ним более дешевого металла, деньги обесцениваются и цены повышаются, а, с другой сто-

роны, когда субстрат денег (золото, серебро) полностью устранен и заменен бумажками с обозначением определенных количеств реальных денег в количестве, требуемом обращением, эти бумажки курсируют по полной стоимости золота и серебра. Все дело в том, что в первом случае средство обращения является одновременно и материалом денег как меры и тем материалом, в котором цена реализуется как окончательная, а во втором случае деньги выступают лишь в своем определении средства обращения. В первом случае мерой цен служат издержки производства уже, например, не унции золота, а, скажем, унции сплава, на $^2/_3$ состоящего из меди и т. д. Если фальсификация монет заключается только в том, что фальсифицируются или изменяются названия соответствующих весовых долей благородного металла (например, $^1/_8$ унции золота получает название соверена), то это оставляет меру абсолютно той же и изменяет лишь ее название. Если раньше совереном называлась монета, содержащая $^1/_4$ унции золота, а теперь так называют монету в $^1/_8$ унции золота, то теперь цена в 1 соверен выражает всего лишь $^1/_8$ унции золота, и, следовательно, теперь потребуется 2 соверена (приблизительно), чтобы выразить ту же цену, которую прежде выражал 1 соверен. Другими словами, при фальсификации одних только названий, даваемых соответствующим весовым долям благородного металла, мера остается прежней, но соответствующая весовая доля золота или серебра выражается теперь в удвоенном количестве франков, соверенов и т. д. по сравнению с прежним.

Пример грубого смешения противоречащих друг другу определений денег:

«Цена точно определяется количеством денег, имеющимся налицо для покупки. Все товары, существующие на свете, не могут быть проданы за большее количество денег, чем существует на свете» (*«Weekly Dispatch»* [83], London, от 8 ноября [1857]).

Во-первых, определение цен не имеет ничего общего с действительной продажей; при определении цен деньги являются только мерой. Во-вторых, все товары (находящиеся в обращении) могут быть проданы за количество денег в 1 000 раз большее, чем имеется на свете, если бы каждая монета обращалась тысячу раз.

Так как общая сумма цен, подлежащих реализации в обращении, изменяется вместе с ценами товаров и массой товаров, брошенных в оборот; так как, с другой стороны, скорость средств обращения, находящихся в обороте, тоже определена такими обстоятельствами, которые не зависят от самого оборота, то количество средств обращения должно иметь возможность

изменяться, расширяться и сокращаться — *сокращение и расширение обращения.*

О деньгах, как о всего лишь средстве обращения, можно сказать, что они перестают быть товаром (*особенным* товаром), так как их материал безразличен и они удовлетворяют лишь потребность самого обмена, а не какую-нибудь другую непосредственную потребность: золото и серебро перестают быть товаром, коль скоро они обращаются как деньги. С другой стороны, о деньгах можно сказать, что они уже *только* — *товар* (*всеобщий* товар), товар в его чистой форме, безразличный к своим натуральным особенностям и поэтому безразличный ко всем непосредственным потребностям, без какого-либо натурального отношения к определенной потребности как таковой. Сторонники монетарной системы, отчасти даже сторонники протекционизма (см., например, Ферье, стр. 2 [84]) придерживались первой стороны, современные экономисты — второй; например, Сэй, который говорит, что деньги рассматриваются как некоторый «особенный» товар, как товар, подобный всякому другому товару [85].

В качестве средства обмена деньги выступают как необходимый посредник между производством и потреблением. При развитой системе денежных отношений люди производят лишь для того, чтобы обменивать, или производят лишь обменивая. Стало быть, если бы деньги были устранены, то мы или были бы отброшены к более низкой ступени производства (которой соответствует меновая торговля, практикуемая как нечто побочное), или же перешли бы к более высокой ступени, на которой меновая стоимость уже не являлась бы самым первым определением товара, так как всеобщий труд, чьим представителем она является, уже не выступал бы как частный труд, получающий общественный характер лишь опосредствованным образом.

Вопрос о том, производительны ли деньги как средство обращения или непроизводительны, разрешается столь же просто. По Адаму Смиту, деньги непроизводительны [86]. Ферье же, например, говорит:

«Деньги создают стоимости, так как стоимости не могли бы существовать без денег» [*Ferrier*. Du Gouvernement considéré dans ses rapports avec le Commerce, стр. 52]. Надо учитывать не только «*стоимость* денег как металла, но также и их *свойство* в качестве денег» [там же, стр. 18].

А. Смит прав, поскольку деньги не являются орудием какой-либо особой отрасли производства; Ферье прав, [I—47] так как один из моментов всеобщего производства, покоящегося на меновой стоимости, заключается в том, чтобы как продукт, так и фактор производства полагать в определении денег, а это

определение предполагает деньги, отличные от продукта, ибо денежное отношение само есть отношение производственное, если рассматривать производство в его целостности.

Поскольку *Т—Д—Д—Т* может быть разложено на свои два момента, хотя *цены* товаров и даны как предпосылка (это и составляет главное отличие от непосредственной меновой торговли), обращение распадается на два акта непосредственной меновой торговли. *Т—Д:* меновая стоимость товара выражается в другом особенном товаре, в материале денег, как и меновая стоимость денег выражается в товаре; то же самое имеет место в акте *Д—Т*. Постольку прав А. Смит, когда он говорит, что деньги как средство обмена суть лишь более сложный вид мены (меновой торговли) [87]. Поскольку же рассматривается процесс в целом, а не реализация товара в деньгах и денег в товаре как два безразличных друг другу акта, то правы те противники А. Смита, которые говорят, что он не понял природы денег и что денежное обращение вытесняет меновую торговлю, ибо деньги служат лишь для сальдирования «арифметического разделения», возникающего в результате разделения труда. Этим «арифметическим цифрам» так же незачем быть золотыми и серебряными, как и мерам длины (см. *Solly*. The Present Distress, in relation to the Theory of Money. London, 1830, стр. 5—6).

Товары превращаются из marchandises в denrées, поступают в потребление, деньги как средство обращения — нет; они ни в одном пункте не перестают быть товаром, *пока* остаются в определении средства обращения.

[β) Выход денег за рамки простого обращения в их функции материального представителя богатства. Деньги как самоцель. Деньги как средство платежа. Переход к деньгам как капиталу]

Мы переходим теперь к третьему определению денег, являющемуся ближайшим результатом второй формы обращения *Д—Т—Т—Д*. Здесь деньги выступают уже не как *средство* и не как *мера*, а как самоцель и вследствие этого выходят из обращения подобно тому определенному товару, который уже завершил свой кругооборот и превратился из marchandise в denrée.

Предварительно надо еще заметить, что раз предполагается определение денег как имманентного отношения производства, покоящегося на всеобщей основе меновой стоимости, то можно указать и на отдельные стороны их службы в качестве орудия производства.

«Полезность золота и серебра покоится на том, что они заменяют труд» (*Lauderdale.* Recherches sur la nature et l'origine de la richesse publique. Paris, 1808, стр. 140).

«Без денег потребовалось бы множество актов натурального обмена, чтобы получить путем обмена желаемый предмет. Далее, при каждом отдельном акте обмена приходилось бы производить исследование об относительной стоимости товаров. От первого неудобства избавляют деньги в качестве орудия обмена (орудия торговли); от второго — в качестве измерителя стоимости и представителя всех товаров» (там же, стр. 142, 140, 144).

Противоположное утверждение, будто деньги *не* производительны *, говорит только о том, что вне той определенности, в которой они производительны как мера, орудие обращения и представитель стоимостей, они — *непроизводительны,* что производительно лишь то количество денег, которое требуется для выполнения этих назначений. То, что деньги становятся не только *непроизводительными,* но и *faux frais de production* **, как только применяется больше денег, чем требуется для выполнения этого их производительного назначения, — это истина, относящаяся и к любому другому орудию производства или обмена: к машине так же, как и к средству транспорта. Но если под этим подразумевают, что посредством денег обменивается лишь наличное реальное богатство, то это неверно, ибо на деньги обменивается и за деньги покупается также и труд, сама производительная деятельность, *потенциальное* богатство.

Третье определение денег в своем полном развитии предполагает оба первых и является их единством. Здесь, стало быть, деньги имеют самостоятельное существование вне обращения; они вышли из обращения. В качестве *особенного* товара они могут быть превращены из своей денежной формы в форму предметов роскоши, золотых и серебряных украшений (до тех пор, пока ювелирная работа весьма проста, как, например, в старое время в Англии, серебряные деньги постоянно превращаются в серебряную посуду и vice versa ***. См. *Тейлора* [88]); или же они могут *накопляться* как деньги и таким путем образовывать *сокровище.* Поскольку деньги в своем самостоятельном существовании происходят из обращения, они в этом своем самостоятельном существовании выступают как результат обращения; деньги смыкаются с самими собою через обращение. В этой определенности уже содержится в скрытом виде их определение как *капитала.* Деньги как всего лишь средство обмена здесь отрицаются. Однако, так как исторически деньги

* См. настоящий том, часть I, стр. 160. *Ред.*

** — накладными издержками производства. *Ред.*

*** — наоборот. *Ред.*

могут выступать как мера, прежде чем они выступают как средство обмена, и могут выступать как средство обмена, прежде чем они выражены как мера, — в последнем случае они существовали бы только как предпочитаемый всеми *товар*, — то деньги могут исторически выступать и в третьем определении, прежде чем они выражены в первых двух. Но накопление золота и серебра как *денег* возможно лишь в том случае, если они уже существуют в одном из двух первых определений, а в развитом виде деньги могут выступать в третьем определении лишь при условии, что они уже развиты в обоих первых. В противном случае их накопление есть всего лишь накопление золота и серебра, а не накопление денег.

[I—48] (Привести как особенно интересный пример *накопление медных денег* в раннюю эпоху Римской республики.)

Поскольку деньги как *всеобщий материальный представитель богатства* происходят из обращения и в качестве такого представителя сами суть *продукт обращения*, являющегося одновременно обменом, возведенным в более высокую степень, и *особенной* формой обмена, — постольку деньги и в этом третьем определении находятся в связи с обращением; деньги противостоят обращению как нечто самостоятельное, но эта самостоятельность денег есть лишь его, обращения, собственный процесс. Деньги выходят из обращения точно так же, как они снова вступают в него. Вне всякой связи с обращением деньги были бы не деньгами, а простым предметом природы, золотом и серебром. В этом определении деньги в такой же мере предпосылка обращения, как и его результат. Сама их самостоятельность представляет собой не прекращение связи с обращением, а *негативную* связь с ним. Это заложено в указанной самостоятельности, являющейся результатом процесса *Д—Т—Т—Д*.

В деньгах как *капитале* в них самих выражено: 1) что они являются как предпосылкой обращения, так и результатом его; 2) что поэтому сама их самостоятельность есть лишь *негативная* связь, но всегда связь с обращением; 3) что они даже фигурируют как *орудие производства*, ибо обращение выступает уже не в своей первоначальной простоте как количественная мена, а как процесс производства, как реальный обмен веществ. И таким образом сами деньги определены как особый момент этого процесса производства. В производстве речь идет не только о простом определении цен, т. е. о свéдении меновых стоимостей товаров к общей единице, но и о созидании меновых стоимостей, стало быть, также и о созидании *определенности* цен. Не только о полагании одной лишь формы, но и о полагании содержания.

Поэтому если в простом обращении деньги выступают вообще как производительные постольку, поскольку само обращение вообще есть момент системы производства, то определение это существует пока только *для нас*, оно еще не *положено* в деньгах. 4) Поэтому, как капитал, деньги выступают также и как отношение к самим себе при посредстве обращения — в виде *отношения процента и капитала*. Однако здесь мы еще не имеем дела с этими определениями, а должны рассмотреть деньги просто в том виде, в каком они в своем третьем определении произошли как нечто *самостоятельное* из обращения, собственно говоря — из своих двух первых определений.

{«Увеличение количества денег есть лишь увеличение количества *средств счета*» (*Simonde de Sismondi*. Etudes sur l'Economie Politique. Tome II, Bruxelles, 1838, стр. 278).

Это правильно лишь постольку, поскольку деньги определены как всего лишь средство обмена. В другом их качестве это есть также и увеличение количества *платежных средств*.}

«Торговля отделила тень от тела и принесла возможность владеть ими в отдельности» (там же, стр. 300).

Итак, деньги теперь, это — ставшая самостоятельной меновая стоимость (в качестве таковой деньги как *средство обмена* выступают всегда лишь мимолетно) в ее всеобщей форме. Правда, они обладают особой телесностью или субстанцией в виде золота и серебра, и это именно и придает им их самостоятельность, ибо то, что существует лишь в чем-либо другом, как определение или отношение чего-либо другого, то несамостоятельно. С другой стороны, в этой телесной самостоятельности, как золото и серебро, деньги являются представителем не только меновой стоимости одного товара по отношению к другому, но и меновой стоимости по отношению ко всем товарам, и, в то время как они сами обладают субстанцией, они вместе с тем в своей особенной форме существования, как золото и серебро, выступают как всеобщая меновая стоимость всех других товаров. Деньгами на одной стороне владеют как меновой стоимостью товаров; товары на другой стороне стоят как столько же особенных субстанций меновой стоимости, так что последняя в такой же мере способна путем обмена превратиться в каждую из этих субстанций, в какой она безразлична к их определенности и особенности, будучи выше этой их определенности и особенности. Поэтому товары — лишь случайные формы существования. Деньги — это «*экстракт всех вещей*» [89], в котором их особенный характер погашен, всеобщее богатство как краткое резюме в противовес его, богатства, распростране-

нию и распылению в мире товаров. В то время как в особенном товаре богатство выступает как момент товара, или этот товар — как особенный момент богатства, в золоте и серебре само всеобщее богатство выступает концентрированным в особенной материи.

Каждый особенный товар, поскольку он есть меновая стоимость и имеет цену, выражает сам определенное количество денег лишь в несовершенной форме, ибо товар еще только должен быть брошен в обращение, чтобы быть реализованным, и, в силу особенности товара, остается делом случая, будет ли он реализован или нет. Но если рассматривать товар не как цену, а в его натуральной определенности, то он представляет собой момент богатства лишь благодаря своей связи с какой-нибудь особенной потребностью, которую он удовлетворяет, и в рамках этой связи он выражает: 1) лишь потребительное богатство; 2) лишь некоторую совершенно особенную сторону этого богатства. Деньги, напротив, если отвлечься от того, что им, как весьма ценному товару, присуща некоторая особенная потребительная полезность, 1) представляют собой реализованную цену, а 2) они удовлетворяют любую потребность, поскольку могут быть обменены на объект любой потребности, будучи совершенно безразличны ко всякой особенности. Товар обладает этим свойством лишь при посредстве денег. Деньги обладают им непосредственно по отношению ко всем товарам, а поэтому и по отношению ко всему миру богатства, к богатству как таковому. В деньгах всеобщее богатство — не только форма, но вместе с тем и само содержание. Понятие богатства, так сказать, реализовано в некотором особенном предмете, *индивидуализировано*. В особенном товаре, [II—1] поскольку он является ценой, богатство выражено лишь как идеальная форма, которая еще не реализована; поскольку товар имеет определенную потребительную стоимость, он представляет лишь некоторую совершенно отдельную сторону богатства. В деньгах, напротив, цена реализована, и субстанция их есть само богатство как в его абстракции от особенных форм его существования, так и в его целостности.

Меновая стоимость образует субстанцию денег, и меновая стоимость есть богатство. Поэтому деньги, с другой стороны, представляют собой также и воплощенную форму богатства в противовес всем тем особенным субстанциям, из которых оно состоит. Таким образом, если, с одной стороны, в деньгах, поскольку они рассматриваются сами по себе, форма и содержание богатства тождественны, то, с другой стороны, деньги в противоположность всем другим товарам суть по отношению

к товарам всеобщая форма богатства, между тем как субстанцию богатства образует вся совокупность этих особенностей. Если деньги согласно первому определению суть само богатство, то согласно другому они — *всеобщий материальный представитель богатства.* В самих деньгах эта целостность существует как представляемая совокупность товаров. Таким образом, богатство (меновая стоимость как целостность и как абстракция) существует, по исключении всех других товаров, индивидуализированное в качестве такового, лишь в виде золота и серебра, как отдельный осязаемый предмет. Поэтому деньги — бог среди товаров.

Поэтому деньги в качестве отдельного осязаемого предмета в том или ином случае можно искать, найти, украсть, открыть, и всеобщее богатство может быть осязаемым образом передано во владение отдельного индивида. Из своего рабского облика, в котором они выступают как всего лишь средство обращения, деньги внезапно превращаются в господина и бога в мире товаров. Деньги представляют небесное существование товаров, в то время как товары представляют земное существование денег. Каждая форма натурального богатства, пока оно не заменено меновой стоимостью, предполагает существенное отношение индивида к предмету, так что индивид с одной из своих сторон сам овеществляет себя в предмете и его обладание предметом выступает вместе с тем как определенное развитие его индивидуальности; например, богатство в виде овец выступает как развитие индивида в качестве пастуха, богатство в виде зерна — как развитие его в качестве земледельца и т. д. *Деньги же, как индивидуализация* всеобщего богатства, будучи сами порождены обращением и представляя лишь всеобщее, как *чисто общественный результат,* отнюдь не предполагают какое-нибудь индивидуальное отношение к своему владельцу; владение ими не есть развитие какой-нибудь из существенных сторон индивидуальности владельца; наоборот, это есть обладание чем-то лишенным индивидуальности, ибо это общественное отношение существует вместе с тем как чувственный, внешний предмет, которым можно завладеть механически и который может быть равным образом и утрачен.

Стало быть, отношение денег к индивиду выступает как чисто случайное, между тем как это отношение к вещи, совершенно не связанной с его индивидуальностью, дает в то же время индивиду, благодаря характеру этой вещи, всеобщее господство над обществом, над всем миром наслаждений, труда и т. д. Это то же самое, как если бы, например, находка некоего камня давала мне, совершенно независимо от моей индивидуаль-

ности, владение всеми науками. Обладание деньгами ставит меня в отношении богатства (общественного) в совершенно то же положение, в какое меня поставило бы обладание философским камнем в отношении наук.

Поэтому деньги — не только *один* из объектов страсти к обогащению, но и *подлинный* объект последней. Эта страсть по существу есть auri sacra fames *. Страсть к обогащению как таковая, как особая форма влечения, т. е. в отличие от стремления к какому-нибудь особенному богатству, например к одежде, оружию, украшению, женщинам, вину и т. д., возможна лишь тогда, когда всеобщее богатство, богатство как таковое, индивидуализировано в какой-нибудь особой вещи, т. е. когда деньги фигурируют в своем третьем определении. Таким образом, деньги — не только предмет страсти к обогащению, но вместе с тем и ее источник. Стяжательство возможно и без денег; страсть к обогащению сама есть продукт определенного общественного развития, она не есть нечто *от природы данное* в противоположность *историческому*. Отсюда жалобы древних на деньги как на источник всякого зла. Страсть к наслаждениям в ее всеобщей форме и скупость — две особые формы жадности к деньгам. Абстрактная страсть к наслаждениям предполагает такой предмет, который заключал бы в себе возможность всех наслаждений. Абстрактную страсть к наслаждениям деньги осуществляют в том определении, в котором они — *материальный представитель богатства;* скупость они осуществляют постольку, поскольку они — всего лишь всеобщая форма богатства в противовес товарам как его особенным субстанциям. Ради удержания денег как таковых скупость вынуждена жертвовать всяким отношением к предметам особых потребностей, вынуждена отречься от них, чтобы удовлетворять потребность жажды денег как таковой. Жажда денег, или страсть к обогащению, необходимым образом означала гибель древних общественных образований. Отсюда противодействие этому. Деньги сами — *общественная связь [das Gemeinwesen]* и не терпят над собой никакой другой общественной связи. Это предполагает, однако, полное развитие меновых стоимостей, стало быть — развитие соответствующей организации общества.

У древних меновая стоимость не была nexus rerum [90]; она выступает в этой роли лишь у торговых народов, которые, однако, сами не производили и занимались только посреднической торговлей. По крайней мере, для финикиян, карфагенян

* — «к злату проклятая страсть» (Вергилий, «Энеида», книга третья, стих 57). *Ред.*

и т. д. производство было делом побочным. Они так же хорошо могли жить в порах древнего мира, как евреи в Польше или в средние века. Точнее говоря, сам этот мир был предпосылкой для подобных торговых народов. Они поэтому и гибнут всякий раз, как только вступают в серьезный конфликт с античными обществами.

У римлян, греков и т. д. деньги выступают сначала непосредственно в своих двух первых определениях, как мера и средство обращения, причем в обоих определениях не в очень развитом виде. Но как только у них развивается торговля и т. д. или же, как это было у римлян, как только завоевания доставляют им массы денег [II—2] — словом, внезапно на известной ступени их экономического развития, — деньги неизбежно выступают в своем третьем определении, и чем больше они развиваются в этом определении, тем больше деньги выступают как гибель этого общества. Чтобы действовать производительно, деньги в своем третьем определении, как мы уже видели, должны быть не только предпосылкой, но точно так же и результатом обращения, и, будучи предпосылкой последнего, они сами должны быть моментом обращения, полагаемым им же. Этого не было, например, у римлян, награбивших деньги со всего света.

Уже в простом определении денег заложено, что они в качестве развитого момента производства могут существовать лишь там, где существует *наемный труд;* что, следовательно, в этом случае деньги не только не разлагают форму общества, но являются, напротив, условием ее развития и движущей силой развития всех производительных сил, материальных и духовных. Отдельный индивид может и теперь случайно овладеть деньгами, и обладание ими может действовать на него столь же разлагающим образом, как они действовали на общества [die Gemeinwesen] древних. Однако разложение этого индивида в современном обществе само есть лишь обогащение производительной части последнего. Владелец денег в античном смысле разлагается индустриальным процессом, которому он служит против своего сознания и воли. Разложение касается только его личности. Как *материальный представитель всеобщего богатства,* как *индивидуализированная меновая стоимость* деньги должны *непосредственно* быть предметом, целью и продуктом всеобщего труда, труда всех индивидов. Труд должен непосредственно производить меновую стоимость, т. е. деньги. Поэтому он должен быть *наемным трудом.*

Страсть к обогащению, в смысле стремления всех, поскольку каждый желает производить деньги, создает лишь всеобщее

богатство. Лишь таким образом всеобщая страсть к обогащению может стать источником всеобщего, все снова себя порождающего богатства. Когда труд есть наемный труд, а его непосредственной целью являются деньги, всеобщее богатство *полагается* как его, труда, цель и объект *(в связи с этим следует сказать о структуре античной армии, когда она становится наемной)*. Деньги как цель становятся здесь средством всеобщего трудолюбия. Всеобщее богатство производят для того, чтобы овладеть его представителем. Таким способом открываются действительные источники богатства.

Так как целью труда является не какой-нибудь особый продукт, находящийся в особом отношении к особым потребностям индивида, а деньги, богатство в его всеобщей форме, то, во-первых, трудолюбие индивида не знает никаких границ; оно равнодушно к своей особенности и принимает любую форму, приводящую к цели; оно проявляет изобретательность при создании новых предметов, удовлетворяющих общественную потребность, и т. д. Поэтому ясно, что там, где основой служит наемный труд, деньги действуют не разлагающе, а производительно, в то время как античное общество уже само по себе находится в противоречии с наемным трудом как всеобщей основой. Всеобщее промышленное производство возможно только там, где любой труд производит всеобщее богатство, а не какую-нибудь определенную форму последнего; следовательно, там, где и заработной платой индивида являются деньги. В ином случае возможны лишь некоторые особенные формы художественной промышленности. Меновая стоимость, как непосредственный продукт труда, есть деньги, как его непосредственный продукт. Поэтому труд, непосредственно производящий меновую стоимость как таковую, есть наемный труд. Там, где сами деньги не являются основой общественной связи [das Gemeinwesen], они неизбежно разлагают существующую общественную связь.

В античном мире можно было непосредственно ку[illegible]д, купить раба; но раб не мог за свой труд купить деньги. Увеличение количества денег могло сделать рабов более дорогими, но не могло сделать более производительным их труд. *Рабство негров* — это чисто промышленное рабство, которое неминуемо исчезает с развитием буржуазного общества и несовместимо с ним, — *предполагает* буржуазное общество, и если бы рядом с рабовладельческими штатами не существовало других, свободных штатов с наемным трудом, если бы рабовладельческие штаты были изолированы, то тотчас же все общественные порядки этих штатов превратились бы в

формы, характерные для такой ступени, которая предшествовала цивилизации.

Деньги как индивидуализированная меновая стоимость и, стало быть, как воплощенное богатство были предметом исканий в алхимии; в этом же определении они фигурируют в монетарной (меркантилистской) системе. Эпоха, непосредственно предшествовавшая развитию современного промышленного общества, открывается всеобщей жаждой денег, охватившей как индивидов, так и государства. Действительное развитие источников богатства происходит как бы за спиной одержимых жаждой денег индивидов и государств, выступая в качестве средства для овладения представителем богатства. Там, где деньги появляются не из обращения, а их находят в их телесном образе, как это было в Испании, там нация беднеет, в то время как те нации, которые вынуждены работать для того, чтобы выкачивать деньги у испанцев, развивают источники богатства и действительно обогащаются. Нахождение, открытие золота в новых частях света и странах играет такую крупную роль в истории революции потому, что здесь внезапно, как бы в тепличных условиях, развивается колонизация [91].

Погоня за золотом во всех странах приводит к открытию новых стран, к образованию новых государств, прежде всего к расширению круга товаров, поступающих в обращение, вызывающих новые потребности и втягивающих в процесс товарного обмена и обмена веществ отдаленные части света. С этой стороны деньги, как всеобщий представитель богатства, как индивидуализированная меновая стоимость, и явились поэтому средством для осуществления двоякого результата: богатство приобрело универсальный характер, а обмен был распространен по всему земному шару; другими словами, здесь впервые была создана действительная *всеобщность* меновой стоимости — всеобщность по обмениваемому материалу и всеобщность по охватываемому обменом пространству. Но в рассматриваемом здесь определении денег заложено то, что это действительно магическое значение им придает, за спиной индивидов, иллюзия относительно их природы, т. е. цеплянье за одно из их определений в его абстрактности и с закрыванием глаз на содержащиеся в этом определении противоречия. Столь мощным [II—3] * орудием в действительном развитии общественных производительных сил деньги, на самом деле, становятся благодаря этому внутренне противоречивому и

* В правом верхнем углу этой страницы имеется следующая заметка Маркса: «*Мена, купля-продажа, торговля* — три ступени обмена (*Стюарт*)». *Ред.*

потому иллюзорному определению, благодаря этой своей абстрактности.

Элементарной предпосылкой буржуазного общества является то, что труд непосредственно производит меновую стоимость, следовательно деньги, и что затем деньги столь же непосредственно покупают труд, т. е. покупают рабочего лишь постольку, поскольку он сам отчуждает в обмене свою деятельность. Таким образом, *наемный труд*, с одной стороны, *капитал* — с другой, представляют собой лишь другие формы развитой меновой стоимости и денег как ее воплощения. Тем самым деньги непосредственно суть *реальная общественная связь [Gemeinwesen]*, поскольку они — всеобщая субстанция существования для всех и вместе с тем совместный продукт всех. Но в деньгах, как мы видели, общественная связь есть в то же время лишь абстракция, лишь чисто внешняя, случайная для индивида вещь и в то же время лишь средство его удовлетворения как изолированного индивида. Античное общество предполагает для себя совершенно иное отношение индивида. Поэтому развитие денег в их третьем определении и разрушает это общество. Всякое производство есть некоторое опредмечивание индивида. Но в деньгах (в меновой стоимости) опредмечивание индивида есть не его опредмечивание в его натуральной определенности, а опредмечивание его в таком общественном определении (отношении), которое в то же время является внешним для него.

* * *

Деньги, *положенные* в форме средства обращения, это — *монета*. Как монета они потеряли саму свою потребительную стоимость; их потребительная стоимость совпадает с их определением как средства обращения. Так, например, их надо предварительно переплавить, чтобы они могли служить в качестве денег как таковых. Для этого их необходимо демонетизировать. Поэтому в виде монеты деньги — лишь *знак* и безразличны к своему материалу. Но вместе с тем в качестве монеты деньги утрачивают свой универсальный характер и принимают национальный, местный характер. Деньги распадаются на монеты различных видов, соответственно тому материалу, из которого они состоят, — золото, серебро, медь и т. д. Деньги получают политическое наименование, они говорят, так сказать, на разных языках в различных странах. Наконец, в одной и той же стране они получают различные наименования и т. д. Поэтому деньги в своем третьем определении, как деньги, выходящие из обращения в качестве чего-то *самостоятельного*

и противостоящего ему, и отрицают свой характер как монеты. Они выступают опять как золото и серебро, все равно, переплавляются ли они в слитки или же лишь оцениваются по содержащейся в монете весовой части золота или серебра. Они снова утрачивают также свой национальный характер и служат средством обмена между нациями, универсальным средством обмена, но уже не как *знак*, а как определенное количество золота и серебра. Поэтому в наиболее развитой системе международного обмена золото и серебро снова выступают в той же форме, в которой они играют известную роль уже в первоначальной меновой торговле. Золото и серебро, как и сам обмен, появляются, как уже было отмечено, первоначально не внутри той или иной общины, а там, где она кончается, на ее границе, в немногочисленных пунктах ее соприкосновения с чужими общинами. Они выступают теперь, таким образом, положенными в качестве *товара* как такового, в качестве универсального товара, который везде сохраняет свой характер товара. В этом определении формы деньги пользуются повсеместно одинаковым признанием. Лишь в таком виде деньги — материальный представитель *всеобщего* богатства. Поэтому в меркантилистской системе золото и серебро считаются мерой могущества различных обществ.

«Как только драгоценные металлы становятся предметом торговли, универсальным эквивалентом всех вещей, они вместе с тем становятся мерой могущества отдельных наций». Отсюда меркантилистская система (*Steuart*. An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy. Vol. I, Dublin, 1770, стр. 327).

Хотя современные экономисты мнят себя парящими высоко над меркантилистской системой, но в периоды всеобщих кризисов золото и серебро выступают всецело в этом определении, — в 1857 году [92] совершенно так же, как в 1600 году. В этом качестве золото и серебро играют важную роль в создании мирового рынка. Так, например, циркуляция американского серебра с Запада на Восток; связь посредством металлических денег между Америкой и Европой, с одной стороны, с Азией — с другой, с начала новой эпохи. В первобытных общинах эта торговля золотом и серебром играет лишь побочную роль, она, как и весь обмен вообще, распространяется лишь на излишек. Но при развитой торговле она образует момент, существенным образом связанный с производством в целом и т. д. Деньги выступают уже не для обмена излишка, а для сальдирования избытка в совокупном процессе международного товарообмена. Деньги теперь являются монетой лишь в качестве *мировой монеты*. Но в качестве мировой монеты деньги по существу

безразличны к тому своему определению формы, в котором они выступают как средство обращения, в то время как их материал составляет теперь всё. Как форма, золото и серебро в этом определении остаются *товаром*, повсеместно имеющим хождение, товаром как таковым.

* * *

(В этом первом разделе [93], — где рассматриваются меновые стоимости, деньги, цены, — товары выступают всегда как уже имеющиеся в наличии. Определение формы просто. Мы знаем, что они выражают определения общественного производства, но само это производство является лишь предпосылкой. Однако они *не положены* в этом определении. И в соответствии с этим в реальной действительности первоначальный обмен выступает лишь как обмен излишка, не охватывающий и не определяющий производства в целом. Это — *наличный* излишек такого совокупного производства, которое лежит вне мира меновых стоимостей. Так и в развитом обществе это тоже еще выступает на поверхности как непосредственно наличный мир товаров. Но этот мир товаров самим своим наличием выходит за свои пределы, указывая на такие экономические отношения, которые положены как *производственные отношения*. Поэтому внутренняя структура производства образует второй раздел. Концентрированное выражение [буржуазного общества] в государстве образует третий раздел, международные отношения [производства] — четвертый, мировой рынок — заключение, в котором производство, а также и каждый из его моментов, положено как совокупное целое, но в котором вместе с тем развертываются все противоречия. Мировой рынок тогда снова оказывается предпосылкой целого и его носителем. Кризисы суть тогда общее указание на выход за рамки этой предпосылки и тяготение к принятию некоторой новой исторической формы.)

* * *

{«Количество товаров и количество денег может оставаться неизменным, а цены могут, несмотря на это, подниматься или падать» (а именно, вследствие увеличившихся расходов, например, денежных капиталистов, получателей земельной ренты, государственных чиновников и т. д.) *Malthus.* X, 43 [94].}

[II—4] Как мы видели, деньги, когда они в качестве чего-то самостоятельного выходят из обращения и противостоят ему, представляют собой отрицание (отрицательное единство) своего

определения как средства обращения и своего определения как меры *.

Мы уже выяснили следующее:

Во-первых. Деньги, это — отрицание средства обращения как такового, *монеты*. Но вместе с тем они содержат ее как свое определение: отрицательно, поскольку они всегда могут быть превращены в монету, положительно — как *мировая монета;* но в качестве последней они безразличны к определению формы, и по существу они — *товар* как таковой, вездесущий товар, не зависящий от местонахождения. Это безразличие выражается двояко: *прежде всего* в том, что деньги теперь являются деньгами только как золото и серебро, а не как *знак*, не в форме монеты. Поэтому стоимость имеет не *отделка*, которую государство придает деньгам в монете, а только ее металлическое содержание. Даже во внутренней торговле монета имеет лишь временную стоимость, локальную,

«ибо она не более полезна тому, кто ею обладает, чем тому, кто обладает товарами, которые должны быть куплены на эту монету» [*Шторх*, там же, стр. 175].

Чем более всесторонне внутренняя торговля обусловливается внешней торговлей, тем больше исчезает также стоимость этой *отделки:* в частном обмене она не существует, а выступает лишь как налог. *Далее:* для золота и серебра, как такого *всеобщего товара*, как мировой монеты, возвращение к исходному пункту, вообще обращение как таковое, не обязательно. *Пример:* Азия и Европа. Отсюда жалобы приверженцев монетарной системы на то, что у язычников деньги исчезают, не притекают обратно (см. *Мисселдена* [95], около 1600 г.). Чем больше внешнее обращение обусловливается и охватывается внутренним, тем больше мировая монета как таковая поступает

* Поскольку деньги являются средством обращения, постольку «количество денег, находящихся в обращении, никогда не может употребляться для индивидуального потребления; оно всегда должно находиться в обращении» (*H. Storch*. Cours d'Economie Politique. Tome II, Paris, 1823, стр. 113—114) Индивид может пользоваться деньгами лишь отчуждая их от себя, полагая их как *бытие для другого*, в их общественном определении. Это, как правильно замечает Шторх, и является причиной того, что самый материал денег «не должен быть безусловно необходимым для существования человека» (там же, стр. 113), подобно, например, кожам, соли и т. д., которые у некоторых народов служат деньгами. Ибо находящееся в обращении количество денежного материала потеряно для потребления. Поэтому, во-первых, металлы в качестве денег имеют вообще преимущество перед другими товарами, и, во-вторых, благородные металлы — перед теми, которые полезны как орудия производства Для экономистов характерна следующая формулировка Шторха: денежный материал должен «обладать непосредственной стоимостью, но основанной на *искусственной потребности*» [там же, стр. 114]. Искусственной потребностью экономист называет, во-первых, потребности, возникающие из *общественного* бытия индивида; во-вторых, — те, которые вытекают не из его голого существования как предмета природы. Это обнаруживает безнадежную внутреннюю нищету, которая образует основу буржуазного богатства и его науки.

в обращение (кругооборот). Эта более высокая ступень нас здесь еще не касается, она еще не содержится в том простом отношении, которое мы здесь рассматриваем.

Во-вторых. Деньги представляют собой отрицание самих себя как всего лишь реализации цен товаров, при которой существенно важным всегда остается особенный товар. Наоборот, деньги становятся ценой, реализованной в самой себе, и в качестве таковой — *материальным представителем богатства,* равно как *всеобщей формой богатства* по отношению ко всем товарам как лишь особенным субстанциям последнего; однако,

в-третьих, деньги отрицаются и в том определении, в котором они — лишь *мера* меновых стоимостей. Как всеобщая форма богатства и как его материальный представитель деньги уже не являются идеальной мерой чего-то иного, меновых стоимостей. Ибо они сами — адекватная действительность меновой стоимости, и они являются таковой в своем металлическом бытии. Определение меры должно быть здесь положено в них самих. Деньги оказываются своей собственной единицей, и мерой их стоимости, мерой денег как богатства, как меновой стоимости, является то количество, которое они сами собою представляют, та или другая численность определенной массы их самих, служащей единицей. Для денег как меры численность их была безразлична; для денег как средства обращения безразлична была их материальность, материя денежной единицы; для денег в этом третьем определении существенна численность их как определенной материальной массы. Если иметь в виду деньги в качестве всеобщего богатства, то в них уже нет никакого различия, кроме количественного. Деньги представляют большее или меньшее количество всеобщего богатства, в зависимости от того, находится ли в руках того или другого человека бóльшая или меньшая численность их как определенной массы этого богатства.

Если деньги — всеобщее богатство, то человек тем богаче, чем больше у него денег, и единственный важный процесс как для отдельного индивида, так и для наций есть *накопление* денег. По своему определению деньги здесь выступали как деньги, выходящие из обращения. Теперь это изъятие денег из обращения и *накопление* их выступают как существенный объект жажды обогащения и как существенный процесс обогащения. В золоте и серебре я обладаю всеобщим богатством в его чистой форме, и чем больше золота и серебра я накопляю, тем больше присваиваю себе всеобщего богатства. Если золото и серебро — представители всеобщего богатства, то как

определенные количества они представляют его лишь в определенной степени, которая способна к расширению до неопределенных пределов. Это накопление золота и серебра, которое представляется как повторяющееся изъятие их из обращения, есть вместе с тем оберегание всеобщего богатства от обращения, в процессе которого оно постоянно теряется, обмениваясь на какое-нибудь особенное богатство, исчезающее в конце концов в потреблении.

У всех древних народов накопление золота и серебра первоначально является привилегией жрецов и царей, ибо иметь бога и царя товаров подобает лишь богам и царям. Только они достойны обладать богатством как таковым. Это накопление, с одной стороны, — только выставление напоказ изобилия, т. е. богатства как какой-то необычайной праздничной вещи; для даров храмам и их богам; для предметов искусства общественного назначения; наконец, как *обеспечение* на случай чрезвычайной нужды, для закупок оружия и т. д. Позднее накопление становится у древних политикой. *Государственная казна*, как резервный фонд, и храм суть первоначальные банки, где хранится эта святая святых. Собирание и накопление денег получает свое последнее развитие в современных банках; но здесь [II—5] — с дальнейшим, более развитым определением. С другой стороны, у частных лиц — накопление как оберегание богатства в его чистой форме от превратностей внешнего мира; в этой форме богатство может быть *зарыто* и т. д., словом — оно вступает здесь в *совершенно тайную* связь с индивидом. Это еще и сейчас в широком историческом масштабе имеет место в Азии. Повторяется при всех потрясениях, войнах и т. д. в буржуазном обществе, которое в этих случаях возвращается к варварскому состоянию. Точно так же накопление золота и т. д. в качестве украшения и предмета роскоши у полуварваров. Но и в наиболее развитом буржуазном обществе очень значительная и все возрастающая часть золота изымается из обращения как предмет роскоши (см. *Джейкоба* [96] и т. д.).

Так как золото является представителем всеобщего богатства, то именно сохранение его у себя, когда оно не пускается в обращение и не употребляется на удовлетворение отдельных потребностей, есть доказательство богатства индивидов, и по мере того, как деньги развиваются в своих различных определениях, — т. е. по мере того, как богатство как таковое становится всеобщим мерилом стоимости индивида, — развивается стремление выставить его напоказ, развивается выставление напоказ золота и серебра как представителей богатства; подобно тому, как, например, г-н фон Ротшильд вывесил в качестве

своего достойного герба, насколько мне известно, две банкноты по 100 000 ф. ст., вставленные в рамку. Выставление напоказ золота и т. д. у варваров есть лишь более наивная форма этого современного выставления напоказ богатства, ибо оно в меньшей степени относится к золоту как деньгам. Здесь [у варваров] еще просто *блеск* золота. Там [у Ротшильда] рефлектированная суть дела. Суть заключается в том, что золотом *не* пользуются как деньгами; здесь важна форма, противоположная обращению.

Золото и серебро люди стали накоплять раньше, чем все другие товары:

1) вследствие преходящего характера последних. Металлы сами по себе олицетворяют долговечность по сравнению с другими товарами, их охотно накопляли также уже из-за их сравнительно большей редкости и исключительного характера как орудий производства par excellence *. В свою очередь благородные металлы, как неокисляемые в воздухе и т. д., более долговечны, чем неблагородные металлы. У других товаров преходяща именно их форма; но как раз эта форма и придает им меновую стоимость, между тем как их потребительная стоимость состоит в уничтожении этой формы, в потреблении. В деньгах же их субстанция, их материальность есть сама та форма, в которой они представляют богатство. Если деньги выступают как всеобщий товар повсеместно, в пространственном отношении, то теперь они выступают как всеобщий товар также и во временно́м отношении. Деньги сохраняются как богатство во все времена. Специфическая долговечность денег. Деньги — сокровище, которого не ест ни тля, ни ржа [97]. Все товары — лишь преходящие деньги, деньги — непреходящий товар. Деньги — вездесущий товар, товар — лишь местные деньги. Накопление, однако, по существу своему есть процесс, протекающий во времени. В этом смысле Петти говорит:

«Великий и конечный результат торговли — не богатство вообще, а по преимуществу изобилие серебра, золота и драгоценностей, которые *непреходящи* и не столь *изменяемы*, как другие товары, и представляют собой богатство во все времена и повсеместно. Изобилие вина, зерна, птицы, мяса и т. д. есть богатство, но богатство только hic et nunc **. Поэтому производство таких товаров и результаты такой торговли, которые обеспечивают страну золотом и серебром, выгоднее чего-либо иного» [*Petty*. Several Essays in Political Arithmetick. London, 1699, стр. 178—179]. «Если деньги путем налога отнимаются у того, кто их проедает или пропивает, и передаются тому, кто употребляет их на мелиорацию, рыболовство, горное дело, на мануфактуры или даже на одежду, то для общества это всегда представляет выгоду, ибо даже одежда не столь преходяща, как еда;

* — по преимуществу. *Ред.*
** — в данном месте и в данный момент. *Ред.*

если на украшение жилья, то выгода несколько бóльшая; при постройке домов — еще значительнее; при мелиорации, разработке рудников, рыболовстве — еще значительнее; всего выгоднее, когда деньги пускают в ход с целью привлечь в страну золото и серебро, так как только эти вещи *непреходящи* и ценятся всегда и всюду как богатство» [там же, стр. 195—196].

Так пишет автор XVII века. Мы видим, что накопление золота и серебра получает истинный стимул вместе с распространением взгляда на золото и серебро как на материального представителя и на всеобщую форму богатства. Культ денег порождает свой аскетизм, свою самоотверженность, свое самопожертвование — бережливость и скупость, презрение мирских, временных и преходящих наслаждений, погоню за *вечным* сокровищем. Отсюда связь английского пуританизма, а также голландского протестантизма с деланием денег. Один автор в начале XVII века *(Мисселден)* весьма простодушно выражает это обстоятельство следующим образом:

«Естественным предметом торговли является товар, а искусственным — деньги... Хотя деньги и по природе вещей, и по времени появляются после товара, но в настоящее время они на практике получили первенствующее значение». Он сравнивает товар и деньги с двумя сыновьями древнего Иакова, который «правую руку возложил на младшего сына, а левую — на старшего» [98] ([*Misselden.*] Free Trade. London, 1622, стр. 7).

«Мы потребляем у себя в слишком большом изобилии вина из Испании, Франции, Рейнской провинции, Леванта, с островов; изюм из Испании, коринку из Леванта, линобатист из Геннегау * и Нидерландов, шелковые изделия из Италии, сахар и табак из Вест-Индии, пряности из Ост-Индии; все это нам не так уж необходимо и, тем не менее, покупается на *звонкую* монету... Если бы поменьше продавалось иностранных и побольше отечественных продуктов, то излишек в форме золота и серебра с необходимостью притекал бы к нам в качестве сокровища» (там же, стр. 12, 13).

Современные экономисты в общей части своих трудов по политической экономии, разумеется, насмехаются над подобными суждениями. Однако если принять во внимание ту робость, которая обнаруживается в особенности в учении о деньгах, и тот панический страх, с которым люди практической жизни следят за отливом и приливом золота и серебра в периоды кризисов, то оказывается, что деньги в том определении, в котором их с наивной односторонностью рассматривали сторонники монетарной и меркантилистской системы, вполне еще сохраняют свои права не только в представлении, но и как реальная экономическая категория.

[II—6] Противоположное воззрение, выражающее действительные потребности производства в противовес этой верховной

* — одна из провинций бывших «Испанских Нидерландов» (т. е. теперешней Бельгии). *Ред.*

власти денег, всего ярче выступает у *Буагильбера* (см. поразительные выдержки в моей тетради [99]).

2) Накопление других товаров, независимо от их преходящего характера, в двояком отношении существенно отличается от накопления золота и серебра, которые здесь тождественны деньгам. С одной стороны, накопление других товаров носит характер накопления не богатства вообще, а богатства особенного, и поэтому само есть тот или иной особенный акт производства, при котором дело не сводится к простому накоплению. Накопление хлеба требует особых приспособлений и т. д. Накопление овец еще не превращает меня в пастуха; накопление рабов или земли делает необходимыми отношения господства и подчинения и т. д. Все это требует, стало быть, отличных от простого накопления, от простого умножения богатства действий и определенных отношений. С другой стороны, чтобы реализовать накопленный товар как всеобщее богатство, чтобы присваивать себе богатство во всех его особенных формах, я должен торговать накопленными мною особенными товарами, стать хлеботорговцем, скототорговцем и т. д. Деньги как *всеобщий* представитель богатства избавляют меня от этого.

Накопление золота и серебра, денег, есть первое в истории появление собирания капитала и первое мощное средство для этого собирания; но как таковое оно еще не есть накопление капитала. Для этого необходимо, чтобы обратное вступление накопленного в обращение само было моментом и средством накопления.

Деньги в своем последнем, завершающем определении теперь выступают со всех сторон как такое противоречие, которое само себя уничтожает, которое ведет к собственному уничтожению. Деньгам как *всеобщей форме богатства* противостоит весь мир действительных богатств. Они — чистая абстракция последних; поэтому, если их удерживают в такой форме, они — всего лишь фантазия. Там, где богатство кажется существующим в совершенно материальной, осязательной форме как таковой, оно имеет свое существование лишь в моей голове, оно — чистая химера. Мидас [100]. С другой стороны, как *материальный представитель всеобщего богатства,* деньги реализуются лишь благодаря тому, что снова бросаются в обращение и исчезают при обмене на отдельные особенные виды богатства. Они остаются в процессе обращения в качестве средства обращения; но для накопляющего индивида они потеряны, и это исчезновение есть единственно возможный способ использовать их как богатство. Уничтожение накопленного в отдельных актах потребления есть его реализация. Теперь деньги опять могут быть

накоплены другими индивидами, но тогда тот же процесс начинается снова. Я могу действительно утвердить их бытие для меня только тем путем, что отдаю их как всего лишь бытие для других. Если я хочу удержать их у себя, то они незаметно превращаются всего лишь в призрак действительного богатства.

Далее: умножение денег путем их накопления, то обстоятельство, что их собственное количество есть мера их стоимости, оказывается опять-таки ложным. Если остальные богатства не накопляются, то сами деньги теряют свою стоимость в той мере, в какой они накопляются. То, что представляется их увеличением, на самом деле есть их уменьшение. Их самостоятельность является только видимостью; их независимость от обращения состоит лишь в оглядке на это обращение, представляющей собой зависимость от него.

Деньги выдают себя за всеобщий товар, но, ввиду своей натуральной особенности, они в свою очередь являются некоторым особенным товаром, стоимость которого зависит от спроса и предложения и изменяется вместе с изменением их специфических издержек производства. И так как деньги сами воплощаются в золоте и серебре, то во всякой действительной форме им присущ односторонний характер, так что, когда один из этих металлов выступает как деньги, то другой — как особенный товар, и vice versa *, и таким образом каждый из них выступает в обоих определениях.

Как абсолютно надежное, совершенно независимое от моей индивидуальности богатство, деньги вместе с тем представляют собой нечто совершенно внешнее по отношению ко мне, абсолютно ненадежное, нечто такое, что может быть отделено от меня в результате любой случайности. Точно так же определения денег в качестве меры, в качестве средства обращения и в качестве денег как таковых совершенно противоречат друг другу. Наконец, в последнем определении деньги противоречат сами себе еще и потому, что они должны представлять стоимость как таковую, а на деле представляют лишь некое идентичное количество [золота или серебра] изменяющейся стоимости. Поэтому деньги как *завершенная* меновая стоимость уничтожают самих себя.

Как всего лишь мера деньги уже подвергнуты отрицанию в них самих как средстве обращения; как средство обращения и как мера они подвергнуты отрицанию в них самих как деньгах. Таким образом, отрицание денег в этом последнем опре-

* — наоборот. *Ред.*

делении есть вместе с тем отрицание их в обоих первых определениях. Поэтому при отрицании денег как всего лишь *всеобщей формы богатства* они должны реализовываться в особенных субстанциях действительного богатства; но действительно оправдывая таким путем свое значение *материального представителя* совокупного богатства, деньги вместе с тем должны сохранять себя как всеобщую форму. Их вхождение в обращение должно само быть моментом их пребывания у себя, а их пребывание у себя должно быть вхождением в обращение. Это значит, что как реализованная меновая стоимость деньги должны быть положены вместе с тем как такой процесс, в котором меновая стоимость реализуется. Вместе с тем деньги представляют собой отрицание самих себя как чисто вещной формы, как такой формы богатства, которая имеет внешний и случайный характер по отношению к индивидам. Деньги должны, наоборот, выступать как производство богатства, а богатство — как результат отношений индивидов друг к другу в процессе производства.

Таким образом, меновая стоимость определена теперь уже не как простая вещь, для которой обращение есть лишь внешнее движение или которая существует как индивидуальный предмет в какой-нибудь особенной материи, — а как процесс, как отношение к самой себе через процесс обращения. С другой стороны, и само обращение уже не есть только простой процесс обмена товаров на деньги и денег на товары, уже не есть только посредствующее движение, существующее для того, чтобы реализовывать цены различных товаров, приравнивать их друг к другу как меновые стоимости, движение, в котором вне обращения оказываются и товар, и деньги: 1) предпосланная обращению меновая стоимость, окончательное изъятие товара для потребления, т. е. уничтожение меновой стоимости, и 2) изъятие денег из обращения, приобретение меновой стоимостью самостоятельности по отношению к субстанции меновой стоимости, что опять-таки является лишь другой формой уничтожения меновой стоимости.

Сама меновая стоимость, но теперь уже не [II—7] меновая стоимость вообще, а строго определенная меновая стоимость, должна, в качестве предпосылки, выступать как положенная обращением, а в качестве положенной обращением — как предпосланная последнему. Процесс обращения должен выступать равным образом и как процесс производства меновых стоимостей. Это, таким образом, с одной стороны, обратный переход меновой стоимости в труд, а с другой стороны — обратный переход денег в меновую стоимость; эта последняя, однако, теперь

положена в углубленном определении. При обращении предполагается *определенная* цена, и обращение в виде денег полагает эту цену лишь формально. *Определенность* самой меновой стоимости, или мера цен, должна теперь в свою очередь выступать как акт обращения. Положенная таким образом, меновая стоимость есть *капитал,* а обращение положено вместе с тем как акт производства.

* * *

Добавить к предыдущему:

В обращении, выступающем как денежное обращение, всегда предполагается одновременность обоих полюсов обмена. Однако может возникнуть разновременность существования товаров, подлежащих обмену. В самой природе взаимных поставок может быть заложено то, что поставка совершается сегодня, а встречное исполнение обязательства может быть совершено лишь через год и т. д.

«В большинстве сделок», — говорит Сениор, — «только одна из договаривающихся сторон располагает вещью в готовом виде и одалживает ее; и для того чтобы обмен состоялся, приходится тотчас же ее передать другой стороне под тем условием, что эквивалент будет получен только впоследствии. Но так как стоимость всех вещей по прошествии определенного времени меняется, то в качестве средства платежа берется такая вещь, стоимость которой меняется меньше всего, которая дольше всего сохраняет данную среднюю способность покупать вещи». Так деньги становятся «*выражением или представителем* стоимости» (*Senior*. Principes fondamentaux de l'économie politique, tirés de leçons édites et inédites. Paris, 1836, стр. 116, 117).

Согласно этому мнению, последнее определение денег ничем не связано с предыдущим. Однако это мнение ошибочно. Лишь тогда, когда деньги становятся самостоятельным представителем стоимости, сделки начинают оцениваться уже, например, не в тех или иных количествах зерна или в подлежащих выполнению повинностях. (Последнее, например, есть обычное явление при ленной системе.) Когда г-н Сениор говорит, что деньги обладают «более длительной средней способностью» сохранять свою стоимость, то это — всего лишь его рефлексия. Фактом является то, что всеобщим материалом контрактов («*всеобщим товаром* контрактов», как говорит Бейли [101]) деньги служат именно в качестве *всеобщего товара,* в качестве «*представителя всеобщего богатства*» (как говорит Шторх [102]), в качестве *получившей самостоятельное бытие меновой стоимости.* Деньги должны быть уже весьма развиты в двух первых своих определениях для того, чтобы универсальным образом выступать в этой роли в третьем определении. Тут, действительно, оказы-

вается, что, хотя количество денег может оставаться совершенно неизменным, стоимость их изменяется; что вообще деньги, как определенное количество, подвержены общей изменчивости всех стоимостей. Здесь дает себя знать природа денег как особого товара в противовес их всеобщему определению. Для денег как меры это изменение стоимости безразлично, ибо

«два различных отношения к одному и тому же мерилу могут быть одинаково хорошо выражены как с помощью изменяющегося мерила, так и с помощью постоянного» [103].

Для денег как средства обращения это изменение стоимости также безразлично, ибо количество их как средства обращения положено мерой. Но для денег как *денег*, какими они выступают в контрактах, изменение их стоимости имеет существенное значение, как и вообще в этом определении присущие деньгам противоречия вылезают наружу.

В виде особых разделов надо добавить:

1) *Деньги как монета.* Весьма кратко о монетном деле. 2) Исторические данные об источниках добывания золота и серебра. Открытие их и т. д. История их добывания. 3) Причины изменений стоимости благородных металлов, а поэтому и металлических денег; влияние этих изменений на промышленность и на различные классы. 4) *Прежде всего:* количество средств обращения в связи с повышением и падением цен (XVI век, XIX век). Но при этом надо также рассмотреть, какое влияние увеличение количества средств обращения оказывает на деньги как меру. 5) Об обращении: скорость, необходимое количество, влияние обращения; более развитое и менее развитое обращение и т. д. 6) Разлагающее влияние денег.

(Это надо добавить к предыдущему.) (Сюда поместить специфически экономические исследования.)

(Удельный вес золота и серебра, то, что они содержат большой вес в сравнительно малом объеме по сравнению с другими металлами, повторяется в мире стоимостей таким образом, что они содержат большую стоимость (большое рабочее время) в относительно малом объеме. Овеществленное в золоте или серебре рабочее время, меновая стоимость, есть удельный вес товара. Это обстоятельство делает благородные металлы особенно пригодными для обслуживания обращения (так как значительную стоимость можно носить при себе в кармане) и для накопления, так как большую стоимость можно сберечь и накопить в небольшом месте. Золото при этом не видоизменяется во время накопления, как видоизменяется железо, свинец и т. д. Оно остается тем, что оно есть.)

«Если бы Испания никогда не владела рудниками Мексики и Перу, то ей никогда не понадобился бы хлеб из Польши» (*P. Ravenstone*. Thoughts on the Funding System, and its Effects. London, 1824, стр. 20).

«Они имеют одни мысли и передают силу и власть свою зверю... И никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет начертание или имя зверя, или число имени его» (*Апокалипсис*. Вульгата [104]).

«Цену товаров конституируют соотносительные количества товаров, отпускаемые друг за друга» (*H. Storch*. Cours d'économie politique. Tome I. Paris, 1823, стр. 72).

«Цена есть определенная степень меновой стоимости» (там же, стр. 73).

* * *

Как мы видели, в простом обращении как таковом (в меновой стоимости, рассматриваемой в ее движении) взаимное действие индивидов друг на друга по своему содержанию есть лишь заинтересованность каждого индивида в удовлетворении своих потребностей, а по форме — обмен, приравнивание (установление эквивалентов); поэтому и собственность положена здесь еще только как присвоение продукта труда посредством труда и продукта чужого труда посредством собственного труда, поскольку продукт собственного труда покупается чужим трудом. Собственность на чужой труд опосредствована эквивалентом собственного труда. Эта форма собственности — точно так же, как свобода и равенство — положена в этом простом отношении. В дальнейшем развитии меновой стоимости это коренным образом изменится, и в конце концов окажется, что частная собственность на продукт собственного труда тождественна с разрывом между трудом и собственностью, так что труд будет создавать чужую собственность, а собственность — распоряжаться чужим трудом.

[III.] ГЛАВА О КАПИТАЛЕ [105]

[Отдел первый]

ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА

[А)] ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ

[1) ПРОСТОЕ ОБРАЩЕНИЕ ТОВАРОВ В СИСТЕМЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА. БУРЖУАЗНОЕ РАВЕНСТВО И БУРЖУАЗНАЯ СВОБОДА]

[II—8] Что особенно затрудняет понимание денег в их полной определенности как денег — эту трудность политическая экономия пытается обойти тем, что одно из определений денег она забывает ради другого и когда ей предъявляют одно определение, она апеллирует к другому, — так это то, что здесь общественное отношение, определенное отношение индивидов друг к другу выступает как металл, как камень, как чисто телесная вещь, существующая вне индивидов, как вещь, которую, как таковую, находят в природе и у которой определение формы становится неотличимым от ее природного существования. Золото и серебро сами по себе не деньги. Природа не создает денег, так же как она не создает вексельный курс или банкиров [106]. В Перу и Мексике золото и серебро не служили деньгами, хотя они встречались в виде украшений и хотя там существовала развитая система производства. Быть деньгами не является природным свойством золота и серебра, и поэтому оно совершенно не известно физику, химику и т. д., как таковым. Но деньги — это непосредственно золото и серебро. В деньгах, рассматриваемых в качестве меры, еще превалирует определение формы; еще в большей степени оно превалирует в деньгах, фигурирующих в качестве монеты, где это проявляется также и внешним образом в чеканке монеты; но в третьем определении денег, т. е. в их завершении, когда бытие денег в качестве меры и монеты выступает лишь как функции денег, всякое определение формы исчезло, или оно непосредственно совпадает с их бытием в качестве металлов. В золоте и серебре отнюдь не обнаруживается, что их

назначение быть деньгами представляет собой лишь результат общественного процесса; золото (или серебро) *есть* деньги.

Понимание золота и серебра в качестве денег тем труднее, что их непосредственная потребительная стоимость для живого индивида никак не связана с этой их ролью и что вообще в них, как воплощении чистой меновой стоимости, стерто всякое воспоминание о потребительной стоимости в отличие от меновой стоимости. Поэтому здесь во всей своей чистоте выступает наружу основное противоречие, содержащееся в меновой стоимости и в соответствующем ей общественном способе производства. Выше * уже были подвергнуты критике попытки снять это противоречие тем путем, что деньги лишаются их металлической формы и также и с внешней стороны устанавливаются как нечто *обусловленное* обществом, как выражение некоторого общественного отношения; последней формой реализации этих попыток была бы форма рабочих денег. Теперь должно стать совершенно ясным, что до тех пор пока сохраняется базис меновой стоимости, все эти попытки представляют собой жалкую стряпню, а иллюзия, будто металлические деньги фальсифицируют обмен, проистекает из полного незнакомства с их природой. С другой стороны, ясно также, что по мере того как растет оппозиция по отношению к господствующим производственным отношениям, а эти последние сами начинают более энергично подталкивать к перемене кожи, — полемика направляется против металлических денег или против денег вообще, как наиболее поражающего взор, наиболее исполненного противоречий и наиболее резко выраженного явления, в котором система буржуазного производства выступает вполне осязательно. И тогда хотят посредством всяческих фокусов с деньгами устранить те антагонизмы, бросающимся в глаза проявлением которых только и являются деньги. Столь же ясно, что, по мнению этих реформаторов, над деньгами можно было бы произвести кое-какие революционные операции, поскольку при этом кажется, будто нападение на деньги оставляет все остальное в старом виде и только приводит его в порядок. В этом случае бьют по мешку, а имеют в виду осла. Однако пока осел не чувствует ударов по мешку, действительно попадает только мешку, а не ослу. Как только осел почувствует удары, бьют уже осла, а не мешок. Пока операции направлены против денег как таковых, это — всего лишь нападение на следствия, причины которых сохраняются; это есть, стало быть, такое нарушение производительного процесса,

---

* См. настоящий том, часть I, стр. 65—81. *Ред.*

которое оставляет нетронутой самую основу, так что эта основа и в дальнейшем обладает силой путем более или менее бурной реакции сделать образовавшееся *нарушение* всего лишь мимолетным и преодолеть его.

С другой стороны, в определении денежного отношения, поскольку оно до сих пор рассматривалось в его чистой форме и вне связи с более развитыми производственными отношениями, заложено, что в денежных отношениях, взятых в их простом виде, все имманентные буржуазному обществу антагонизмы кажутся погашенными; поэтому буржуазная демократия в еще большей степени, чем буржуазные экономисты (эти, по крайней мере, настолько последовательны, что возвращаются назад к еще более простому определению меновой стоимости и обмена), все снова и снова обращается к денежному отношению в целях апологетики существующих экономических отношений.

В самом деле, коль скоро товар или труд определены еще только как меновые стоимости, а то отношение, в силу которого различные товары ставятся в соотношение друг с другом, определено как обмен этих меновых стоимостей друг на друга, как их приравнивание друг к другу, — индивиды, субъекты, между которыми происходит этот процесс, определяются просто как обменивающиеся. Поскольку во внимание принимается только определение формы, — а это есть экономическое определение, такое определение, в котором индивиды находятся друг с другом в отношении общения, показатель их общественной функции или общественного отношения их друг к другу, — постольку между индивидами не существует абсолютно никакого различия. Каждый из субъектов есть обменивающийся субъект, т. е. каждый находится в том же самом общественном отношении к другому, в каком другой находится к нему. Поэтому их отношение в качестве субъектов обмена есть отношение *равенства*. Невозможно уловить между ними какое-либо различие, а тем более какую-либо противоположность; между ними нет даже никакого несходства. Далее, товары, которыми они обмениваются, в качестве меновых стоимостей представляют собой эквиваленты или, по крайней мере, считаются таковыми (возможна лишь субъективная ошибка во взаимной оценке, и в случае, если один индивид надувает другого, это происходит *не в силу природы той социальной функции, в которой они* противостоят *друг другу*, ибо эта социальная функция — *одна и та же;* в ней *они равны;* это происходит лишь в силу природной хитрости, искусства убеждать и т. д., словом, лишь в силу чисто индивидуального превосходства одного индивида над другим. Различие такого рода было

бы чисто природным различием, никак не связанным с природой рассматриваемого отношения как такового, и, как будет видно из дальнейшего исследования, это природное различие в результате конкуренции и т. д. даже еще ослабляется и лишается своего первоначального значения.)

Поскольку предметом рассмотрения является чистая форма, экономическая сторона отношения — содержание, существующее вне этой формы, оказывается здесь, собственно говоря, еще совершенно вне политической экономии, или выступает как отличное от экономического природное содержание, о котором можно сказать, что оно еще всецело отделено от экономического отношения, так как оно еще непосредственно с ним совпадает [107], — постольку здесь перед нами вырисовываются только три формально различных момента: субъекты отношения, *обменивающиеся*, выступающие в одном и том же определении; предметы их обмена, меновые стоимости, *эквиваленты*, [II—9] которые не только равны, но и категорически должны быть равны и принимаются за равные; наконец, самый акт обмена, опосредствование, в силу которого субъекты как раз и выступают как обменивающиеся, как равные, а их объекты — как эквиваленты, как равные. Эквиваленты представляют собой опредмечивание одного субъекта для других; это значит, что они сами равновелики по стоимости и в акте обмена выявляют себя как равноценные и, вместе с тем, как безразличные по отношению друг к другу. Субъекты в обмене оказываются равноценными друг другу лишь при помощи эквивалентов и выявляют себя как таковые лишь посредством передачи одним другому той предметности, в которой один существует для другого. Так как они являются равноценными друг другу только таким образом, только как владельцы эквивалентов и как люди, выявляющие эту эквивалентность в обмене, то как равноценные они в то же время равнодушны друг к другу; существующие между ними прочие индивидуальные различия их не касаются; они равнодушны ко всем существующим у них прочим индивидуальным особенностям.

Что же касается содержания [процесса обмена], существующего вне акта обмена, акта, представляющего собой как установление, так и подтверждение меновых стоимостей, а также субъектов в качестве обменивающихся, — то этим содержанием, находящимся за пределами экономического определения формы, может быть лишь: 1) природная особенность обмениваемого товара; 2) особая природная потребность обменивающихся, или — если связать то и другое вместе — различная потребительная стоимость обмениваемых товаров. Потребитель-

ная стоимость, составляя содержание обмена, находящееся совершенно за пределами его экономического определения, далека, таким образом, от того, чтобы причинять ущерб социальному равенству индивидов; напротив, природное различие между ними она делает основой их социального равенства. Если бы индивид *A* имел ту же потребность, что и индивид *B*, и овеществлял свой труд в том же самом предмете, что и индивид *B*, то между ними не существовало бы никакого отношения; рассматриваемые с точки зрения осуществляемого ими производства, они вовсе не были бы различными индивидами. У обоих есть потребность дышать; для обоих существует воздух в качестве атмосферы; все это не устанавливает между ними никакого социального контакта; как дышащие индивиды они находятся в отношении друг к другу только как природные тела, а не как личности. Только различие их потребностей и неодинаковость осуществляемого ими производства дают повод к обмену и к их социальному приравниванию друг к другу в обмене; это природное различие является поэтому предпосылкой их социального равенства в акте обмена и вообще является предпосылкой того отношения, в которое они вступают между собой как производящие индивиды. Рассматриваемые со стороны этого природного различия, индивид *A* является владельцем какой-нибудь потребительной стоимости для *B*, а *B* является владельцем какой-нибудь потребительной стоимости для *A*. С этой стороны природное различие ставит их взаимно опять в отношение равенства. Но вследствие этого они не равнодушны друг к другу, а дополняют друг друга, нуждаются друг в друге, так что индивид *B*, будучи объективирован в товаре, представляет потребность для индивида *A*, и vice versa *; так что они находятся друг к другу не только в отношении равенства, но и в общественном отношении.

Но это еще не все. То, что эта потребность одного может быть удовлетворена продуктом другого и vice versa, то, что один может произвести предмет, являющийся потребностью другого, и каждый противостоит другому как владелец объекта, являющегося потребностью другого, — все это доказывает, что каждый индивид в качестве *человека* выходит за пределы своей собственной особой потребности и т. д. и что они относятся друг к другу как люди; что общая им родовая сущность осознана всеми. К тому же, не бывает, чтобы слоны производили для тигров, вообще чтобы одни животные производили для других.

* — наоборот. *Ред.*

Например, пчелиный рой составляет au fond * лишь одну пчёлу, и все пчелы производят одно и то же.

Далее. Поскольку это природное различие индивидов и их товаров ** образует мотив для объединения этих индивидов, для установления общественного отношения между ними как обменивающимися, отношения, в котором они *предположены* как равные и *выявляют* себя в качестве равных, — к определению равенства присоединяется еще и определение *свободы*. Хотя индивид *A* ощущает потребность в товаре индивида *B*, он не захватывает этот товар насильно и vice versa, но оба они признают друг друга собственниками, лицами, воля которых пронизывает их товары. Поэтому сюда прежде всего входит юридическое понятие лица и момент свободы, поскольку последняя содержится в этом понятии. Ни один из обменивающихся не захватывает чужой собственности насильно. Каждый передает ее добровольно.

Но и это еще не все: индивид *A* удовлетворяет потребность индивида *B* при помощи товара *a* лишь постольку и лишь потому, что индивид *B* удовлетворяет потребность индивида *A* при помощи товара *b*, и vice versa. Каждый обслуживает другого, чтобы обслужить самого себя; каждый взаимно пользуется другим как своим средством. И то, и другое в сознании обоих индивидов представлено таким образом, что 1) каждый достигает своей цели лишь постольку, поскольку он служит средством для другого; 2) каждый становится средством для другого (бытием для другого) только будучи для себя самоцелью (бытием для себя); 3) взаимозависимость, состоящая в том, что каждый является одновременно и средством, и целью и притом достигает своей цели лишь постольку, поскольку становится средством, и становится средством лишь постольку, поскольку полагает себя в качестве самоцели, что каждый, таким образом, делает себя бытием для другого, будучи бытием для себя, а этот другой делает себя бытием для него, будучи бытием для себя, — эта взаимозависимость есть необходимый факт, предполагаемый в качестве естественного условия обмена, но она, как таковая, безразлична для обоих субъектов

* — в сущности. *Ред.*

** Продукты труда и труд и т. д. здесь еще вовсе не различаются между собой [108], а существуют лишь в форме товаров или, как говорит г-н Бастиа, повторяя Сэя, *услуг*. Бастиа воображает, что если он свел экономическое определение меновой стоимости к природному содержанию последней, к товару [как потребительной стоимости] или к услуге, т е. если он оказался неспособным фиксировать экономическое отношение меновой стоимости как таковой, то он этим сделал большой шаг вперед по сравнению с экономистами-классиками английской школы, которые оказались способными фиксировать производственные отношения как таковые, в их определенности, в их чистой форме [109].

обмена и представляет для каждого из них интерес лишь постольку, поскольку она удовлетворяет его собственный интерес как интерес, исключающий чужой интерес, без учета чужого интереса.

Иными словами, общественный интерес, выступающий в качестве мотива всего акта в целом, хотя и признан как факт обеими сторонами, но, как таковой, не является мотивом, а осуществляется, так сказать, лишь за спиной рефлектированных в самих себя [110] отдельных интересов, за индивидуальным интересом одного, который противоположен интересу другого. С этой последней стороны у индивида еще может в лучшем случае быть утешительное сознание того, что удовлетворение его индивидуального интереса, противоположного интересам других, как раз и является осуществлением снятой [II—10] противоположности, удовлетворением общественного всеобщего интереса. Из самого акта обмена индивид, каждый из индивидов, рефлектирован в себя как исключительный и господствующий (определяющий) субъект обмена. Тем самым дана, стало быть, полная свобода индивида: добровольная сделка; отсутствие насилия с чьей-либо стороны; полагание себя как средства, или как обслуживающего, лишь в качестве средства для того, чтобы установить себя как самоцель, как господствующий и доминирующий фактор; наконец, эгоистический интерес, не осуществляющий никакого вышестоящего интереса; другой индивид тоже признается и осознается как индивид, равным образом осуществляющий свой эгоистический интерес, так что оба знают, что общественный интерес заключается как раз только в двусторонности, многосторонности, обособлении различных сторон, что он есть обмен эгоистических интересов. Всеобщий интерес есть именно всеобщность эгоистических интересов.

Стало быть, если экономическая форма, обмен, полагает всестороннее равенство субъектов, то содержание, субстанция, как индивидуальная, так и вещественная, которая побуждает к обмену, полагает *свободу*. Таким образом, в обмене, покоящемся на меновых стоимостях, свобода и равенство не только уважаются, но обмен меновыми стоимостями представляет собой производительный, реальный базис всякого *равенства* и всякой *свободы*. Как чистые идеи, равенство и свобода представляют собой всего лишь идеализированные выражения обмена меновыми стоимостями; будучи развиты в юридических, политических, социальных отношениях, они представляют собой все тот же базис, но в некоторой другой степени. Это подтвердилось также и исторически. Равенство и свобода в таком понимании прямо противоположны античным свободе и равенству, которые как

раз не имеют своей основой развитую меновую стоимость, более того, — они погибают вследствие развития последней. Равенство и свобода в современном понимании предполагают такие производственные отношения, которые еще не существовали в древнем мире; не существовали они также и в средние века. Прямой принудительный труд — вот основа древнего мира; общество покоится здесь на принудительном труде как на существующем фундаменте. Базис средневековья образует труд, сам являющийся привилегией, труд, имеющий значение еще в своей обособленности, а не как труд, вообще производящий меновые стоимости. Труд [в капиталистическом обществе] не является прямым принудительным трудом и не совершается, как в средние века, с оглядкой на нечто общее как на высшее (корпорации). Хотя и верно то, что отношение между обменивающимися с точки зрения мотивов обмена, т. е. природных мотивов, лежащих вне экономического процесса, тоже покоится на известном принуждении, но это отношение, с одной стороны, само означает только безразличие другого человека к моей потребности как таковой, к моей природной индивидуальности, т. е. означает равенство другого со мной и его свободу, которая, однако, в такой же мере является предпосылкой моей свободы. С другой стороны, поскольку меня определяют и насилуют мои собственные потребности, насилие надо мной совершает не нечто чуждое, а лишь моя собственная природа, являющаяся совокупностью потребностей и влечений (иначе говоря, мой *интерес*, выступающий во всеобщей рефлектированной форме). Но ведь это как раз и есть та сторона, посредством которой я подвергаю принуждению другого, втягиваю его в систему обмена.

Поэтому в римском праве *servus* * правильно определен как человек, который ничего не может приобретать для себя путем обмена (смотри «Institutiones» [111]). Отсюда понятно также, что это *право*, — хотя оно и соответствует такому состоянию общества, при котором обмен отнюдь не был развит, — все же, поскольку он получил развитие в определенной сфере, могло развить *определения юридического лица, а именно обменивающегося индивида*, и таким образом (по линии основных определений) могло антиципировать право, пригодное для промышленного общества, и что прежде всего в противовес средневековью оно с необходимостью было выдвинуто на первый план в качестве права восходящего буржуазного общества. Однако само развитие римского права полностью совпадает с разложением римского общественного строя.

* — раб. *Ред.*

Так как только деньги являются реализацией меновой стоимости и так как лишь при развитой системе денежных отношений реализовалась система меновых стоимостей и наоборот, то система денежных отношений действительно может быть только реализацией этой системы свободы и равенства. Деньги в качестве меры лишь придают эквиваленту определенное выражение, делают его эквивалентом также и по форме. В обращении, правда, обнаруживается еще одно различие формы: оба обменивающихся выступают в отличных друг от друга определениях как покупатель и продавец; меновая стоимость выступает один раз как всеобщая в форме денег, другой раз — как особенная в натуральной форме товара, который теперь имеет цену. Однако, во-первых, эти определения сменяют друг друга; далее, само обращение есть не установление неравенства, а только установление равенства, снятие лишь мнимого различия. Неравенство здесь лишь чисто формальное. Наконец, в деньгах, когда сами они обращаются, когда они появляются в руках то одного, то другого и безразличны к тому, где появляться, это равенство выражается даже и вещественно. Поскольку рассматривается процесс обмена, каждый выступает по отношению к другому как владелец денег, как сами деньги. А потому безразличие и равноценность отчетливо представлены в форме вещи. Особые натуральные различия, имевшиеся в товарах, погашены и непрестанно погашаются обращением. Рабочий, покупающий товар на 3 шилл., выступает по отношению к продавцу в той же функции, в той же форме равенства, — в форме 3 шилл., — что и король, покупающий товар на такую же сумму. Всякое различие между ними погашено. Продавец, как таковой, выступает только как владелец товара ценой в 3 шилл., так что оба абсолютно равны; различие здесь только в том, что эти 3 шилл. один раз существуют в виде серебра, другой раз — в виде сахара и т. д.

Может показаться, что в третьей форме денег появляется различие в определении субъектов процесса. Однако поскольку деньги здесь выступают как материал для контрактов, как всеобщий товар контрактов, постольку всякие различия между контрагентами, как раз наоборот, погашены. Когда деньги становятся предметом накопления, кажется, будто субъект здесь [II—11] извлекает из обращения деньги, всеобщую форму богатства лишь потому, что он не извлекает из него на равную сумму товаров. Итак, если один индивид накопляет, а другой — нет, то никто из них не делает этого в ущерб другому. Один пользуется реальным богатством, другой овладевает всеобщей формой богатства. Если один беднеет, а другой обогащается, то

это их добрая воля, и это отнюдь не вытекает из самих экономических отношений, из самой экономической связи, в которой они находятся между собой. Даже наследование и подобные ему юридические отношения, увековечивающие возникающие таким путем неравенства, не наносят этим естественным свободе и равенству никакого ущерба. Если первоначальное положение индивида *A* не находится в противоречии с этой системой, то противоречие это уж конечно не может возникнуть из того, что на место индивида *A* приходит увековечивающий первоначальное положение индивид *B*. Напротив, здесь социальное определение приобретает силу за пределами естественных границ жизни индивида: происходит упрочение этого социального определения в противовес случайному действию природы, воздействие которой, как таковое, было бы, наоборот, уничтожением свободы индивида. К тому же, так как в рассматриваемом отношении индивид представляет собой лишь индивидуализацию денег, то в этом качестве он столь же бессмертен, как и деньги, и его представительство через наследников является, наоборот, осуществлением указанного социального определения.

Когда подобный способ понимания выдвигается не в его историческом значении, а используется полемически для опровержения более развитых экономических отношений, при которых индивиды выступают уже не только как обменивающиеся или как покупатели и продавцы, но и как люди, находящиеся в определенных отношениях друг к другу и уже не фигурирующие все без различия в одной и той же определенности, — то это все равно, как если бы кто-нибудь захотел утверждать, что не существует никакого различия, а тем более противоположности и противоречия между природными телами, потому что они, будучи взяты, например, в определении тяжести, все имеют тяжесть и потому одинаковы; или одинаковы потому, что все они существуют в пространстве трех измерений. Саму меновую стоимость здесь также фиксируют в ее простой определенности, в противовес ее более развитым антагонистическим формам. Будучи рассматриваемы в ходе развития науки, эти абстрактные определения как раз выступают первыми и наиболее скудными, как это отчасти с ними бывает и в истории; более развитое выступает как более позднее. В существующем буржуазном обществе, взятом в его совокупности, это полагание товаров в качестве цен, их обращение и т. д. выступают как поверхностный процесс, между тем как в глубине, под ним, протекают совершенно иные процессы, в которых эти кажущиеся равенство и свобода индивидов исчезают.

С одной стороны, забывают, что *предполагание* меновой стоимости в качестве объективной основы всей производственной системы в целом с самого начала уже заключает в себе принуждение индивида; что его непосредственный продукт не есть продукт для него, а *становится* таковым лишь в общественном процессе и *вынужден* принимать эту всеобщую и все же внешнюю форму; что индивид теперь только и существует как производитель меновой стоимости (тем самым уже дано полное отрицание его природного существования: индивид, стало быть, целиком определен обществом); что эта предпосылка предполагает, далее, разделение труда и т. д., где индивид поставлен уже в иные отношения, чем отношения просто *обменивающихся*, и т. д. Забывают, следовательно, что предполагание меновой стоимости не только никоим образом не вытекает ни из воли, ни из непосредственной природы индивида, но является *исторической* предпосылкой и уже полагает наличие индивида как индивида, *определяемого* обществом.

С другой стороны, забывают, что те более высокие формы, в которых теперь существуют обмен и реализующиеся в нем производственные связи, отнюдь не застревают на этой простой определенности, где самое высшее различие, до которого доходит дело, является формальным, а потому и безразличным.

Наконец, не замечают того, что уже в простом определении меновой стоимости и денег в скрытом виде содержится противоположность заработной платы и капитала и т. д. Таким образом, вся эта премудрость [буржуазных апологетов] сводится к тому, чтобы застрять на простейших экономических отношениях, которые, будучи взяты самостоятельно, представляют собой чистые абстракции, а в реальной действительности, напротив, опосредствуются глубочайшими противоположностями и отображают только ту сторону действительности, в которой выражение этих противоположностей затушевано.

Вместе с тем здесь обнаруживается также глупость тех социалистов (в особенности французских, которые хотят доказать, будто социализм представляет собой осуществление идей *буржуазного* общества, провозглашенных французской революцией), которые доказывают, что обмен, меновая стоимость и т. д. *первоначально* (во времени) или по своему *понятию* (в их адекватной форме) представляют собой систему всеобщей свободы и всеобщего равенства, но были искажены посредством денег, капитала и т. д. Или же они утверждают, что история до сих пор делала лишь неудачные попытки осуществить свободу и равенство соответствующим их истинной природе образом, а вот теперь они, как например Прудон, открыли именно

то, что нужно, благодаря чему подлинная история этих отношений должна быть поставлена на место их ложной истории. На это им следует ответить, что меновая стоимость или, при более детальном рассмотрении вопроса, система денежных отношений действительно является системой равенства и свободы, а то, что при более детальном развитии этой системы противодействует равенству и свободе и нарушает их, представляет собой нарушения, имманентные этой системе: это как раз и есть осуществление *равенства и свободы*, оказывающихся на деле неравенством и несвободой. Пожелание, чтобы меновая стоимость не развивалась в капитал или чтобы труд, производящий меновую стоимость, не развивался в наемный труд, столь же благонамеренно, сколь и глупо. От буржуазных апологетов указанных господ отличает, с одной стороны, ощущение противоречий, которые заключает в себе эта система; с другой стороны — утопизм, непонимание необходимого различия между реальной и идеальной структурой буржуазного общества и вытекающее отсюда желание предпринять совершенно излишнее дело: реализовать теперь само идеальное выражение, которое на деле является всего лишь поверхностным изображением этой реальности.

[II—12] Пошлая аргументация, выдвигаемая против этих социалистов со стороны выродившейся новейшей политической экономии *, *которая доказывает*, что экономические отношения всюду выражают *одни и те же* простые определения, а потому и всюду выражают равенство и свободу, входящие в простое определение обмена меновых стоимостей, — целиком и полностью сводится к детской абстракции. Например, отношение капитала и процента сводится ею к обмену меновых стоимостей. Итак, позаимствовав сначала из обыденного опыта то положение, что меновая стоимость существует не только в этой простой определенности, но также и в существенно отличной определенности капитала, указанная политическая экономия сводит затем капитал снова к простому понятию меновой стоимости, а процент, в котором уже выражено определенное отношение капитала как такового, она также вырывает из этой определенности и отождествляет с меновой стоимостью; она абстрагируется от всего капиталистического отношения в его специфической определенности и возвращается назад к нераз-

* Классическим представителем этой выродившейся новейшей политической экономии по своей пошлости, аффектированной диалектике, наивному чванству, тупой самодовольной склонности к общим местам и полной неспособности понять исторические процессы может считаться *Фредерик Бастиа*, ибо американец *Кэри*, по крайней мере, подчеркивает отличие определенных американских условий от европейских.

витому отношению обмена товара на товар. Раз я абстрагируюсь от всего того, что отличает конкретное от его абстракции, то, разумеется, конкретное превращается в абстракцию и ничем от нее не отличается. *Тем самым все экономические категории представляют собой лишь иные и еще раз иные названия для всё одного и того же отношения, и эта грубая неспособность улавливать реальные различия выдается затем за выражение чистого common sense* * *как такового. «Экономические гармонии» г-на Бастиа*[112] *и сводятся au fond к тому, что существует одно-единственное экономическое отношение, принимающее различные наименования, или что имеет место различие только в названиях.* Сведéние это не является научным хотя бы даже формально, когда все сводилось бы к некоторому действительному экономическому отношению путем отбрасывания того различия, в котором заключается развитие; нет, здесь отбрасывают то одну, то другую сторону, чтобы то с одной, то с другой стороны сконструировать некое тождество.

Например, по Бастиа, заработная плата есть оплата услуги, оказываемой одним индивидом другому. (Экономическая форма как таковая здесь, как уже было отмечено выше, отброшена.) Прибыль, по Бастиа, тоже есть оплата услуги, оказываемой одним индивидом другому. Значит, заработная плата и прибыль тождественны, и если первую оплату называют заработной платой, а вторую — прибылью, то, прежде всего, это нечеткость речи. Далее рассматриваются прибыль и процент. В прибыли, по Бастиа, оплата услуги подвержена игре случая, в проценте она фиксирована. Стало быть, так как в заработной плате, говоря относительно, оплата услуги фиксирована, тогда как в прибыли, в противоположность труду, она подвержена игре случая, то отношение между процентом и прибылью то же самое, что и между заработной платой и прибылью, а это, как мы видели, представляет собой обмен эквивалентов. Противники[113] этой пошлятины (получающейся оттого, что ее авторы в тех случаях, когда в экономических отношениях выражена противоположность, возвращаются от этих отношений к таким отношениям, в которых эта противоположность заложена еще только в скрытом виде и затушевана) ловят ее проповедников на слове и доказывают, что, например, капитал и процент — это не просто обмен, так как капитал не замещается здесь эквивалентом, но после того как владелец капитала 20 раз съел этот эквивалент в форме процента, он все еще сохраняет его в форме капитала и может снова обменять его на 20 новых эквивалентов. Отсюда нудный

* — здравого рассудка. *Ред.*

спор, в котором одна сторона утверждает, что между развитой и неразвитой меновой стоимостью нет никакой разницы, а другая — что, к сожалению, эта разница существует, но по справедливости не должна была бы существовать.

[2) КАПИТАЛ КАК ГОСПОДСТВУЮЩЕЕ ОТНОШЕНИЕ БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА]

Деньги как капитал — это такое определение денег, которое выходит за пределы их простого определения как денег. Деньги как капитал можно рассматривать как более высокую реализацию денег, подобно тому как можно сказать, что обезьяна развивается в человека. Однако в таком случае более низкая форма выступает в качестве носителя более высокой формы, доминирующего над ней. Как бы то ни было, *деньги как капитал* отличаются от *денег как денег*. Это новое определение нужно разобрать. С другой стороны, *капитал как деньги* кажется возвращением капитала к более низкой форме. Но это есть лишь полагание капитала в такой особенности, которая, как некапитал, существует уже до него и составляет одну из его предпосылок. При всех позднейших отношениях снова встречаются деньги, но тогда они функционируют уже не как простые деньги. Если, как в данном случае, дело прежде всего идет о том, чтобы проследить развитие денег вплоть до их совокупного целого в виде денежного рынка, то развитие других отношений при этом предполагается и время от времени должно включаться в исследование. Так, в данном случае, прежде чем перейти к особенности капитала как денег, нужно рассмотреть общее определение капитала.

Если я скажу, подобно, например, Сэю [114], что капитал есть *сумма стоимостей*, то этим я скажу только, что *капитал равен меновой стоимости*. Всякая сумма стоимостей есть определенная меновая стоимость, и всякая меновая стоимость есть некоторая сумма стоимостей. Путем простого сложения я не могу от меновой стоимости прийти к капиталу. В простом накоплении денег, как мы видели, еще нет отношения капитализации.

Только в так называемой розничной торговле, в повседневном обороте буржуазной жизни, как он протекает непосредственно между производителями и потребителями, в мелочной торговле, при которой целью одной из сторон является обмен товара на деньги, а целью другой стороны обмен денег на товар для удовлетворения индивидуальных потребностей, — только в этом движении, происходящем на поверхности буржуазного

мира, движение меновых стоимостей, их обращение протекает в чистом виде. И рабочий, покупающий каравай хлеба, и миллионер, покупающий такой же каравай, выступают в этом акте лишь как простые покупатели, точно так же как лавочник по отношению к ним выступает лишь как продавец. Все другие определения здесь погашены. Как *содержание* их покупок, так и *объем* их представляются для этого определения формы [II—13] совершенно безразличными.

Если в теории понятие стоимости предшествует понятию капитала, но, с другой стороны, в свою очередь предполагает в качестве условия своего чистого развития способ производства, основанный на капитале, то это имеет место и в практике. Поэтому экономисты неизбежно рассматривают в одних случаях капитал в качестве творца стоимости, в качестве источника последней, а в других — предполагают стоимость для объяснения образования капитала, а сам капитал изображают всего лишь как сумму стоимостей в некоторой определенной функции. Существование стоимости в ее чистоте и всеобщности предполагает такой способ производства, при котором отдельный продукт уже перестал быть отдельным продуктом для производителя вообще и, тем более, для отдельного рабочего и без реализации в обращении является ничем. Для того, кто создает некоторую бесконечно малую составную часть аршина ситца, отнюдь не является формальным определением то обстоятельство, что этот аршин представляет собой стоимость, меновую стоимость. Если бы он не создал меновой стоимости, денег, то он вообще ничего бы не создал. Таким образом, само это определение стоимости имеет своей предпосылкой данную историческую ступень общественного способа производства и в свою очередь является отношением, данным вместе с этой ступенью, т. е. историческим отношением.

С другой стороны, отдельные моменты определения стоимости развиваются на более ранних ступенях исторического производственного процесса общества и выступают как результат этого процесса.

Итак, в системе буржуазного общества за стоимостью непосредственно следует капитал. *В истории этой системе предшествуют другие системы*, образующие материальную основу для менее совершенного развития стоимости. Так как меновая стоимость здесь играет лишь побочную роль по сравнению с потребительной стоимостью, то в качестве реального базиса такого общества выступает не капитал, а отношение земельной собственности. Напротив, современная земельная собственность совершенно не может быть понята, — ибо она не может

и существовать, — без капитала как ее предпосылки, и исторически она действительно выступает как обусловленная капиталом, приспособленная им к себе форма предшествующего исторического уклада земельной собственности. Поэтому как раз на развитии земельной собственности и можно проследить постепенную победу и упрочение капитала; вот почему Рикардо, экономист новейшего времени, поставив перед собою цель фиксировать отношения капитала, наемного труда и земельной ренты в их специфической форме, с большим историческим чутьем рассматривал их в границах земельной собственности. Отношение промышленного капиталиста к земельному собственнику выступает как отношение, лежащее вне земельной собственности. Но в качестве отношения современного фермера к получателю земельной ренты оно выступает как отношение, имманентное самой земельной собственности, а земельная собственность выступает уже только как существующая в рамках своего отношения к капиталу. История земельной собственности, которая показала бы постепенное превращение феодального лендлорда в получателя земельной ренты, наследственного полуоброчного и часто несвободного крепостного арендатора в современного фермера, а прикрепленных к земле крепостных и барщинных крестьян в земледельческих батраков, — была бы по существу историей образования современного капитала. Она включала бы в себя отношение к городскому капиталу, к торговле и т. д. Но мы в нашем исследовании имеем дело с уже сложившимся, движущимся на своей собственной основе буржуазным обществом.

Сперва капитал происходит из обращения, а именно из денег как своего исходного пункта. Мы видели *, что деньги, вступающие в обращение и одновременно возвращающиеся из него в самих себя, являются той последней формой, в которой деньги себя отрицают. Вместе с тем это — первое понятие капитала и первая форма его проявления. Деньги подвергли себя отрицанию как деньги, всего лишь растворяющиеся в обращении; но они подвергли себя отрицанию также и как деньги, самостоятельно противостоящие обращению. Это отрицание, будучи взято в целом, в своих положительных определениях, содержит в себе первые элементы капитала. Деньги — первая форма, в которой капитал выступает как таковой. Форма *Д—Т—Т—Д* означает, что деньги обмениваются на товар, а товар на деньги; *это движение, выражающее куплю с целью продажи и образующее определение формы торговли, характеризующее капитал*

* См. настоящий том, часть I, стр. 180—181. *Ред.*

как торговый капитал, встречается в самых ранних укладах экономического развития; это — первое движение, при котором меновая стоимость как таковая образует содержание, представляет собой не только форму, но и свое собственное содержание. Движение это может протекать внутри таких народов и между такими народами, у которых меновая стоимость отнюдь еще не стала предпосылкой для осуществляемого ими производства. Движение это охватывает только излишки продукта их производства, направленного на удовлетворение непосредственных нужд, и протекает лишь на границах между такого рода общинами и народами. Как евреи внутри старопольского или вообще средневекового общества, так и целые торговые народы, — например, в древности, а позже ломбардцы, — могут занимать это положение между такими народами, способ производства которых еще не имеет в качестве основной предпосылки меновую стоимость.

Торговый капитал есть всего лишь обращающийся капитал, а обращающийся капитал есть самая первая форма капитала, в которой капитал *еще ни в какой мере не стал основой производства*. Дальнейшая, более развитая форма — это *денежный капитал и денежный процент*, ростовщичество, самостоятельное выступление которого тоже относится к ранней ступени развития. Наконец, что касается формы *Т—Д—Д—Т*, где деньги и вообще обращение являются всего лишь средством для *обращающегося товара*, который, в свою очередь, выходит теперь из обращения и непосредственно удовлетворяет определенную потребность, то эта форма сама является предпосылкой указанного выше первоначального появления торгового капитала. Либо эти предпосылки распределены между различными народами, либо внутри общества торговый капитал как таковой обусловлен только этим обращением, направленным исключительно на потребление. С другой стороны, *обращающийся товар*, который реализуется только таким путем, что принимает форму другого товара, выходящего из обращения и обслуживающего непосредственные [II—14] потребности, тоже образует первичную форму капитала, существенным образом являющегося *товарным капиталом*.

Вместе с тем столь же ясно и то, что простое движение меновых стоимостей, как оно имеет место в чистом обращении, никогда не может реализовать капитал. Оно может приводить к извлечению и накоплению денег, но как только деньги снова вступают в обращение, они растворяются в ряде процессов обмена на товары, которые потребляются, а потому деньги улетучиваются, как только исчерпывается их покупательная

сила. Точно таким же образом товар, обмененный при посредстве денег на другой товар, выходит из обращения, для того чтобы быть потребленным, уничтоженным. Если же товар в форме денег приобретает самостоятельность по отношению к обращению, то он уже представляет собой только лишенную субстанции всеобщую форму богатства. Так как друг на друга обмениваются эквиваленты, то форма богатства, фиксированная в виде денег, исчезает, когда деньги обмениваются на товар, а содержащаяся в товаре потребительная стоимость исчезает, когда она обменивается на деньги. Посредством простого акта обмена каждый из обоих предметов обмена — товар и деньги — может потерять свое определение в пользу другого только тогда, когда он реализует себя в этом другом. Ни один из них, переходя в другой, не может сохранить свое прежнее определение. Поэтому против софистики буржуазных экономистов, которые приукрашивают капитал, пытаясь свести его к чистому обмену, было выдвинуто противоположное, столь же софистическое, но по отношению к этим экономистам правомерное требование: *действительно* свести капитал к чистому обмену, в результате чего капитал — будь он в форме товара или в форме денег — исчез бы как [общественная] сила, был бы уничтожен *.

Повторение процесса как со стороны денег, так и со стороны товара не заложено в условиях самого обмена. Акт может повторяться только до тех пор, пока он не завершен, т. е. пока обмен не произведен на всю сумму имеющейся меновой стоимости. Он не может разгореться вновь сам от себя. *Таким образом, обращение в себе самом не несет принципа своего самовозобновления. Моменты обращения предпосланы обращению*, а не создаются им самим. Необходимо, чтобы товары постоянно всё снова бросались в обращение извне, как топливо подбрасывается в огонь. Иначе обращение индифферентно угасает. Обращение угасло бы в деньгах как индифферентном результате процесса; деньги, — поскольку они уже не находились бы в связи с товарами, ценами, обращением, — перестали бы быть деньгами и выражать производственное отношение; от них осталось бы только их металлическое существование, а их экономическое существование было бы уничтожено. Таким образом, обращение, которое на поверхности буржуазного общества выступает как нечто непосредственно данное, существует лишь постольку, поскольку оно всегда опосредствовано.

* Подобно тому как в *деньгах* меновая стоимость (т. е. все отношения товаров как меновых стоимостей) представляется в виде вещи, так в *капитале* представляются в вещной форме все определения деятельности, создающей меновые стоимости, т. е. все определения *труда*.

Если рассматривать обращение в себе самом, оно представляет собой опосредствование заранее данных противоположных друг другу моментов. Но само оно не создает этих моментов. Следовательно, обращение должно все-таки быть опосредствовано не только в каждом из своих моментов, но также и в своем целом, как совокупный процесс опосредствования. Непосредственное бытие обращения оказывается поэтому чистой видимостью. *Обращение есть внешнее проявление процесса, протекающего позади обращения.*

Теперь обращение подвергнуто отрицанию в каждом из своих моментов: как товар, как деньги и как отношение обоих друг к другу, как простой обмен и простое обращение обоих. Если первоначально акт общественного производства выступал как процесс создания меновых стоимостей, а этот последний в своем дальнейшем развитии выступал как обращение, — как полностью развитое движение меновых стоимостей по отношению друг к другу, — то теперь само обращение возвращается назад к такой деятельности, которая создает или производит меновые стоимости. Обращение возвращается к ней как к своей основе. Предпосылку обращения образуют товары (будь то в их особенной форме, будь то во всеобщей форме денег), представляющие собой воплощение определенного количества рабочего времени и в качестве такого воплощения являющиеся стоимостями; следовательно, предпосылкой обращения является как производство товаров трудом, так и производство их в качестве меновых стоимостей. Это есть исходный пункт обращения, и через посредство своего собственного движения обращение возвращается к производству, создающему меновые стоимости, как к своему результату.

Таким образом, мы опять добрались до исходного пункта, до полагающего, создающего меновые стоимости *производства*, но на этот раз так, что *оно предполагает обращение как развитый момент* и выступает как непрерывный процесс, который полагает обращение и из обращения непрерывно возвращается в себя с тем, чтобы снова полагать обращение. Следовательно, движение, полагающее меновую стоимость, теперь выступает здесь в значительно более сложной форме, поскольку оно уже не является только движением заранее предпосланных меновых стоимостей или движением, формально полагающим их как цены, а представляет собой вместе с тем и движение, создающее, производящее меновые стоимости как предпосылки. Само производство здесь уже не наличествует до своих результатов, т. е. оно не предположено заранее, а выступает как такое производство, которое в то же время само порождает свои результаты;

но производство порождает свои результаты уже не так, как это было на первой ступени, не как производство, всего лишь ведущее к обращению, а как такое производство, которое вместе с тем предполагает обращение, предполагает развитое обращение уже в ходе своего собственного процесса. (Обращение au fond * представляет собой лишь формальный процесс полагания меновой стоимости один раз в определении товара, другой раз в определении денег.)

Это движение в различных формах выступает *и* в ходе исторического развития, как такое движение, которое приводит к труду, производящему стоимости, *и*, с другой стороны, внутри самой системы буржуазного, т. е. создающего меновые стоимости, производства. Сначала в полуварварские или полностью варварские народы вклиниваются народы, ведущие торговлю, или же вступают между собой в контакт и обмениваются своими излишками такие племена, производство которых носит различный характер вследствие природных условий. Ограничимся рассмотрением первого случая, представляющего собой более классическую форму. Обменивание излишков есть общение, создающее обмен и меновую стоимость. Однако это общение распространяется только на обмен излишками и протекает всего лишь наряду с [II—15] самим производством. А вот если появления торговцев, добивающихся обмена (ломбардцы, норманны и т. д. играют эту роль по отношению почти ко всем европейским народам), повторяются и развивается регулярная торговля, при которой производящий народ ведет только так называемую *пассивную* торговлю, поскольку толчок к деятельности, создающей меновые стоимости, дается извне, а не порождается внутренним строем производства, — то излишек производства должен уже быть не просто случайным излишком, появляющимся время от времени, а постоянно повторяющимся излишком, и таким образом производство данной страны само приобретает тенденцию ориентироваться на обращение, на создание меновых стоимостей.

Вначале оказываемое на производство влияние касается, скорее, вещественной стороны. Круг потребностей расширяется; целью является удовлетворение новых потребностей, а отсюда — бо́льшая регулярность и увеличение производства. Сама организация внутреннего производства уже модифицирована обращением и меновой стоимостью; но они еще не охватили производства ни по всей его поверхности, ни во всей его глубине. Это и есть то, что называют *цивилизирующим воздействием* внешней торговли.

* — в сущности. *Ред.*

В какой мере движение, порождающее меновую стоимость, затрагивает всю совокупность производства — это зависит тогда частично от интенсивности указанного воздействия извне, частично от степени развития элементов внутреннего производства страны — разделения труда и т. д. Например, в Англии в XVI и в начале XVII столетия ввоз нидерландских товаров привел к тому, что те излишки шерсти, которыми Англия располагала для обмена, приобрели решающее значение. Для того чтобы увеличить производство шерсти, пахотные земли были превращены в пастбища для овец, была разрушена система мелкой аренды и т. д., проведена clearing of estates * и т. д.

Таким образом, сельское хозяйство утратило характер труда, осуществляемого ради потребительной стоимости, а обмен его излишков утратил характер чего-то безразличного по отношению к сельскому хозяйству, рассматриваемому в его внутренней структуре. В некоторых местностях само сельское хозяйство стало всецело определяться обращением и превратилось в производство, создающее меновые стоимости. При этом не только изменился способ производства, но и подверглись разложению все соответствовавшие ему старые отношения народонаселения и производства, все старые экономические отношения. Таким образом, здесь предпосылкой обращения было производство, создававшее меновые стоимости лишь в виде излишка; но оно уступило место такому производству, которое может существовать только в связи с обращением, производству, содержанием которого является исключительно создание меновых стоимостей.

Вместе с тем в современном производстве, предпосылкой которого являются меновая стоимость и развитое обращение, с одной стороны, цены определяют производство, а с другой стороны, производство определяет цены.

Когда говорят, что капитал «есть накопленный (реализованный) труд» (собственно говоря, *овеществленный* труд), «служащий средством для нового труда (производства)» [115], то имеют в виду просто материю капитала, отвлекаясь от того определения формы, без которого капитал не является капиталом. Эта формулировка означает не что иное, как то, что капитал есть орудие производства, ибо в самом широком смысле слова всякий предмет, даже дарованный природой, как например камень, должен сперва быть присвоен посредством какой-либо деятельности, прежде чем он сможет служить орудием, средством

* — очистка имений. *Ред.*

производства. Выходит, что капитал существовал при всех формах общества, что он является чем-то совершенно неисторическим. Выходит, что каждый орган человеческого тела представляет собой капитал, так как каждый такой орган, для того чтобы иметь возможность функционировать в качестве органа, должен не только получить определенное развитие благодаря деятельности, труду, но и должен питаться, воспроизводиться. В этом смысле рука, в особенности кисть руки, представляет собой капитал. Капитал был бы в этом случае лишь новым названием для вещи, столь же древней, как человеческий род, так как всякий вид труда, даже самый неразвитый, как охота, рыбная ловля и т. д., предполагает, что продукт прошлого труда употребляется в качестве средства для непосредственного, живого труда.

Дальнейшее определение, содержащееся в вышеприведенной дефиниции, состоит в том, что здесь полностью абстрагируются от материального вещества продуктов труда, а сам прошлый труд рассматривают как единственное содержание (вещество) продуктов; точно так же абстрагируются от определенной, особой цели, для осуществления которой этот продукт должен теперь послужить средством, и в качестве цели принимают, наоборот, только некое производство вообще. Все это представлялось лишь продуктом абстракции, которая, якобы, одинаково верна для всех общественных укладов и лишь развивает анализ дальше и дает более абстрактную (более общую) формулировку, чем это обычно делалось раньше.

Если подобным образом абстрагироваться от определенной формы капитала и подчеркивать только *содержание, в качестве которого капитал представляет собой необходимый момент всякого труда, то, разумеется, нет ничего легче, как доказать, что капитал есть необходимое условие всякого человеческого производства.* Доказательство ведется здесь как раз путем абстрагирования от тех специфических определений, которые делают капитал моментом некоторой особо развитой *исторической* ступени человеческого производства. Вся соль в том, что если всякий капитал есть овеществленный труд, служащий средством для нового производства, то не всякий овеществленный труд, служащий средством для нового производства, есть капитал. *Капитал понимается здесь как вещь, а не как отношение.*

Когда, с другой стороны, говорят, что капитал есть сумма стоимостей, употребляемая для производства стоимостей, то это означает, что капитал есть сама себя воспроизводящая меновая стоимость. Однако формально меновая стоимость воспроизводится также и в простом обращении. Хотя в этой дефини-

ции и сохранена та форма, благодаря которой меновая стоимость является исходной точкой капитала, но упущена связь с содержанием (эта связь для капитала, в отличие от простой меновой стоимости, *не безразлична*).

Когда говорят, что капитал есть такая меновая стоимость, которая производит прибыль, или, по меньшей мере, применяется с целью произвести прибыль, то здесь капитал уже предположен для своего собственного объяснения, ибо прибыль есть определенное отношение капитала к самому себе. Капитал — это вовсе не простое отношение, а *процесс*, в различных моментах которого он всегда остается капиталом. Этот процесс поэтому и подлежит анализу.

В понятии *накопленного* труда тоже есть нечто неправомерно привнесенное, так как [II—16] капитал по определению понятия должен быть здесь только *овеществленным* трудом, в котором, конечно, накоплено определенное количество труда. Но понятие накопленного труда уже охватывает некоторое определенное количество таких предметов, в которых овеществлен труд.

«Первоначально каждый обеспечивал себя сам, и в обмен поступали только предметы, не имевшие ценности для каждого из участников обмена; такому обмену не придавали большого значения, и каждый был доволен тем, что получал полезную вещь взамен вещи бесполезной. Но когда разделение труда превратило... каждого человека в купца, а общество в торговое общество, то никто не хотел отдавать свои продукты иначе, как за их эквивалент; и поэтому для того, чтобы определять этот эквивалент, нужно было знать *стоимость* того, что давали, и того, что получали» (*Ganilh*. Des Systèmes d'économie politique. Tome second. Paris, 1809, стр. 11—12).

Иными словами, это означает, что обмен не ограничился формальным полаганием меновых стоимостей, а с необходимостью привел к тому, что само производство было подчинено меновой стоимости.

[3) ПЕРЕХОД ОТ ПРОСТОГО ОБРАЩЕНИЯ ТОВАРОВ К КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМУ ПРОИЗВОДСТВУ]

[а)] Обращение и проистекающая из обращения меновая стоимость как предпосылка капитала

Для того чтобы развить понятие капитала, нужно исходить не из труда, а из стоимости, и притом из меновой стоимости, уже развитой в движении обращения. Перейти от труда прямо к капиталу столь же невозможно, сколь невозможно от различия человеческих рас перейти прямо к банкиру или от природы — к паровой машине. Мы видели, что в деньгах как таковых меновая стоимость уже приобретает форму, самостоятельную

по отношению к обращению, но только форму негативную, исчезающую — или иллюзорную, если она закрепляется. Деньги существуют только в связи с обращением и как возможность вступить в него; но как только деньги реализуются, они теряют это определение и снова возвращаются к своим прежним двум определениям: меры меновых стоимостей и средства обмена. Когда деньги выступают как такая меновая стоимость, которая не только приобретает самостоятельность по отношению к обращению, но и сохраняет себя в нем, то это уже не деньги — ибо деньги как таковые не выходят за пределы отрицательного определения, — а *капитал*.

То обстоятельство, что деньги являются первой формой, в которой меновая стоимость доходит до определения капитала, и что поэтому первая *форма проявления* капитала смешивается с самим капиталом или рассматривается как единственно адекватная форма капитала, — это обстоятельство есть исторический факт, который таким образом отнюдь не противоречит нашему анализу, а, напротив, подтверждает его. Стало быть, первое определение капитала состоит в том, что проистекающая из обращения, а потому и предполагающая его меновая стоимость сохраняет себя в обращении и посредством обращения; вступая в обращение, меновая стоимость не утрачивается; обращение представляет собой здесь не движение исчезновения меновой стоимости, а, напротив, движение ее действительного самополагания как меновой стоимости, ее реализацию в качестве меновой стоимости.

Нельзя сказать, что в простом обращении меновая стоимость реализуется как таковая. Она реализуется всегда лишь в момент своего исчезновения. Если товар посредством денег обменивается на другой товар, то его стоимостное определение исчезает в тот самый момент, когда он реализуется; товар выходит из стоимостного отношения, становится безразличным по отношению к нему и оказывается только прямым объектом потребности. Если деньги обмениваются на товар, то исчезновение формы обмена, как чисто формального опосредствования, служащего лишь для овладения природным материалом товара, даже заранее дано. Если товар обменивается на деньги, то форма меновой стоимости, меновая стоимость, положенная как меновая стоимость, деньги, сохраняются лишь в течение того времени, пока они находятся вне обмена, изъяты из него; следовательно, в той форме, в которой осязательно существует самостоятельность меновой стоимости, деньги представляют собой чисто иллюзорное осуществление, являются чисто идеальными. Если, наконец, деньги [посредством товара] обмени-

ваются на деньги — четвертая форма, в которой может анализироваться обращение, au fond представляющая собой, однако, ту же третью форму, только выраженную в форме обмена, — то между различаемыми моментами нет уже и формального различия; это distinction without a difference *; здесь исчезает не только меновая стоимость, но и формальное движение ее исчезновения. Au fond эти четыре определения форм простого обращения можно свести к двум, которые, впрочем, an sich ** совпадают друг с другом; различие заключается в том, на каком из двух моментов ставится ударение, делается акцент, какой из двух моментов — товар или деньги — образует исходный пункт. А именно, обмениваются ли деньги на товар, т. е. меновая стоимость товара исчезает в его материальном содержании (субстанции), или же товар обменивается на деньги, т. е. его содержание (субстанция) исчезает в его форме как меновой стоимости. В первом случае погашается форма меновой стоимости, во втором — ее субстанция; следовательно, в обоих случаях реализация меновой стоимости мимолетна.

Только в *капитале* меновая стоимость положена как меновая стоимость, так как она сохраняется в обращении, т. е. она, таким образом, с одной стороны, не оказывается лишенной субстанции, а осуществляется все в новых субстанциях, в совокупности таковых; с другой стороны, меновая стоимость не теряет здесь своего определения формы, а сохраняет в каждой из различных субстанций свою тождественность с самой собой. Она, стало быть, все время остается деньгами и все время товаром. Она заключена в каждом из обоих моментов, исчезающих в обращении друг в друге. Но меновая стоимость является такой лишь потому, что сама представляет собой непрерывно возобновляющийся кругооборот актов обмена. Также и в этом отношении ее обращение отличается от обращения простых меновых стоимостей как таковых. В действительности простое обращение является обращением лишь с точки зрения наблюдателя, или *an sich*, но не положено как таковое. Не одна и та же меновая стоимость — именно потому, что ее субстанцией является тот или иной определенный товар — сначала становится деньгами, а потом опять товаром, но всё новые меновые стоимости, всё новые товары противопоставляются деньгам. Обращение, кругооборот состоит там лишь в простом повторении или чередовании [II—17] определения товара и определения денег, а не в том, что действительный исходный пункт является

* — разграничение без различия, надуманное, кажущееся, искусственное различение. *Ред.*

** — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

также и пунктом возвращения. Поэтому, когда рассматривалось простое обращение как таковое, где сохраняющимся моментом являются только деньги, оно было охарактеризовано как всего лишь *денежное обращение*, как всего лишь *оборот денег*.

«Капиталистические стоимости увековечиваются» (*J. B. Say.* Traité d'Economie politique. Troisième édition. Tome second, Paris, 1817, стр. 185).

«Капитал представляет собой постоянно сохраняющуюся» («умножающую себя» сюда еще не относится) «стоимость, которая больше не пропадает; эта стоимость обособляется от товара, который создал ее; она как некое метафизическое, невещественное качество всегда остается в руках одного и того же *земледельца*» (это здесь безразлично: скажем *владельца*), «для которого она принимает различные формы» (*Sismondi.* Nouveaux Principes d'Economie politique. Seconde édition. Tome I, Paris, 1827, стр. 89) [Русский перевод, том I, стр. 185].

Той непреходящей долговечности, которой деньги добивались, становясь в отрицательную позицию по отношению к обращению, изымая себя из него, — капитал достигает тем, что он сохраняет себя как раз посредством вручения своей судьбы обращению. Капитал как меновая стоимость, предпосланная обращению, или как меновая стоимость, предполагающая обращение и сохраняющаяся в нем, не только idealiter * является в любой момент каждым из обоих моментов, заключающихся в простом обращении, но и принимает поочередно форму то одного, то другого; однако он делает это уже не так, как при простом обращении, т. е. уже не только переходит из одной формы в другую, но в каждом из этих определений является вместе с тем отношением к противоположному определению, т. е. идеально содержит его в себе.

Капитал становится попеременно то товаром, то деньгами; однако 1) *сам капитал является сменой обоих этих определений;* 2) капитал становится товаром, но не тем или иным товаром, а некоторою *совокупностью товаров*. Для капитала безразлична не субстанция, а определенная форма; с этой стороны он выступает в виде постоянного метаморфоза этой субстанции; поскольку капитал, таким образом, дан как особенное содержание меновой стоимости, эта особенность сама представляет собой некоторую совокупность особенности; поэтому капитал безразличен не по отношению к особенности как таковой, а по отношению к отдельной или обособленной особенности. Та тождественность, та форма всеобщности, которую принимает капитал, состоит в том, что он есть меновая стоимость и как таковая — деньги. Поэтому капитал еще полагается как деньги, фактически обменивается — как товар — на деньги. Но если капитал дан как

* — идеально *Ред.*

деньги, т. е. дан как эта противоположная товару форма всеобщности меновой стоимости, то в капитале вместе с тем дано и то, что он должен утратить — не всеобщность, как при простом обращении, а — ее основанное на противоположности определение, или он принимает это основанное на противоположности определение всеобщности лишь мимолетно, т. е. снова обменивается на товар, но на такой товар, который даже в своей особенности выражает всеобщность меновой стоимости, а потому постоянно меняет свою определенную форму.

Если мы говорим здесь о капитале, то здесь это еще только название. Единственная определенность, в которой здесь дан капитал в отличие от непосредственной меновой стоимости и денег, есть *определенность меновой стоимости, сохраняющейся и увековечивающейся в обращении и посредством обращения.* До сих пор мы рассматривали только одну сторону — самосохранение меновой стоимости в обращении и посредством него. Другая, столь же важная сторона заключается в том, что меновая стоимость *предполагается* уже не как простая меновая стоимость, в том виде, в каком она в качестве идеального определения существует в товаре до того, как он вступает в обращение, или, точнее, в качестве лишь мыслимого определения, ибо товар становится меновой стоимостью только тогда, когда он исчезает в обращении; и не как меновая стоимость в том виде, в каком она — как деньги — существует в качестве момента обращения; меновая стоимость существует здесь как деньги, как овеществленная меновая стоимость, но так, что в ней положено очерченное только что отношение.

Отличие второго определения от первого заключается в том, что меновая стоимость здесь 1) существует в форме предметности, 2) приходит из обращения, а значит, предполагает его, но вместе с тем исходит от самой себя как предпосылки обращения.

Есть две стороны, соответственно которым может быть выражен результат простого обращения:

Просто негативная сторона: брошенные в обращение товары достигли своей цели; они обменялись друг на друга; каждый из них становится объектом потребности и потребляется. Тем самым обращение закончилось. Не осталось ничего, кроме денег как простого осадка. Но в качестве такого осадка деньги уже перестали быть деньгами, утратили свое определение формы. Деньги погружаются в свою материю, сохранившуюся как неорганический пепел всего процесса.

Положительно-негативная сторона: деньги подвергнуты отрицанию не в качестве овеществленной, самодовлеющей —

в отличие от исчезающей в обращении — меновой стоимости; отрицанию подвергнута та *основанная на противоположности* самостоятельность, та всего лишь абстрактная всеобщность, в которой фиксированы деньги; но

в-третьих: являясь предпосылкой и вместе с тем результатом обращения, меновая стоимость предположена в качестве вышедшей из обращения, но в такой же мере она должна все снова выходить из него. Если бы это происходило только формальным образом, меновая стоимость опять стала бы просто деньгами; если бы она выходила из обращения в виде действительного товара, как в простом обращении, она стала бы просто предметом потребности, в качестве такого предмета была бы потреблена и вместе с тем утратила бы и свое определение формы. Для того чтобы выход из обращения стал действительным, меновая стоимость тоже должна стать предметом потребности и быть потреблена в качестве такого предмета, но она должна быть потреблена трудом и таким путем вновь себя воспроизвести.

Выразим это иначе. Первоначально меновая стоимость по своему содержанию была овеществленным определенным количеством труда или рабочего времени; в этом качестве меновая стоимость через посредство обращения дошла в своем объективировании до своего бытия в качестве денег, осязаемых денег. Теперь меновая стоимость сама в свою очередь должна полагать ту исходную точку обращения, которая лежала вне обращения, была предпослана ему и для которой само обращение представлялось движением, охватывающим ее извне и преобразующим ее внутри себя, а именно — меновая стоимость должна полагать труд; но теперь меновая стоимость выступает уже не как простой эквивалент или простое овеществление труда, а как такая овеществленная и ставшая самостоятельной меновая стоимость, которая лишь для того предоставляет себя труду, становится его материалом, чтобы возобновить саму себя и с самой себя вновь начать обращение. Тем самым это уже и не простое приравнивание и сохранение тождественности меновой стоимости, как это имеет место в обращении, а *умножение* ее самой. Меновая стоимость полагает себя как меновую стоимость только тогда, когда она реализует себя [sich verwertet], т. е. увеличивает свою стоимость. *Деньги* (как вернувшиеся из обращения к самим себе) *в качестве капитала утратили свою окостенелость и из осязаемой вещи превратились в процесс.* С другой стороны, и труд изменил свое отношение к своей овеществленности: он тоже возвратился к самому себе. Однако возвращение это таково, что труд, овеществленный в меновой стоимости,

делает живой труд средством своего воспроизведения, тогда как первоначально меновая стоимость выступала только как продукт труда.

[б)] Меновая стоимость, проистекающая из обращения, предпосылающая себя обращению, сохраняющаяся в нем и умножающая себя посредством труда

* * *

[II—18] {I. 1) Общее понятие капитала. 2) Особенность капитала: оборотный капитал, основной капитал. (Капитал как жизненные средства, как сырье, как орудие труда.) 3) Капитал как деньги. II. 1) *Количество капитала. Накопление.* 2) *Капитал, измеряемый самим собою. Прибыль. Процент. Стоимость капитала;* т. е. капитал в отличие от самого себя как процента и прибыли. 3) *Обращение капиталов.* α) Обмен капитала на капитал. Обмен капитала на доход. Капитал и *цены.* β) *Конкуренция капиталов.* γ) *Концентрация капиталов.* III. Капитал как кредит. IV. Капитал как акционерный капитал. V. *Капитал как денежный рынок.* VI. Капитал как источник богатства. Капиталист. После капитала надо будет тогда рассмотреть земельную собственность. После нее — наемный труд. Предпослав все эти три момента, следует рассмотреть *движение цен* как обращение, определяемое теперь в своей внутренней целостности. С другой стороны, три класса, данные как производство в его трех основных формах и предпосылках обращения. Затем — *государство.* (Государство и буржуазное общество. — Налог, или существование непроизводительных классов. — Государственный долг.— Народонаселение. — Государство вовне: Колонии. Внешняя торговля. Вексельный курс. Деньги как международная монета. — Наконец, мировой рынок. Выход буржуазного общества за рамки государства. Кризисы. Разложение способа производства и формы общества, основанных на меновой стоимости. Реальное превращение индивидуального труда в общественный и vice versa *.)}

* * *

(Нет ничего более неправильного, чем тот способ, которым пользуются и экономисты, и социалисты, когда рассматривают *общество* под углом зрения его экономических условий. Например, Прудон, возражая Бастиа, говорит («Gratuité du Crédit». Discussion entre M. *Fr. Bastiat* et M. *Proudhon.* Paris, 1850, стр. 250):

---

* — наоборот. *Ред.*

«*Для общества* разницы между капиталом и продуктом не существует. Различие это совершенно *субъективно,* оно существует лишь для индивидов».

Следовательно, как раз общественное Прудон называет субъективным, а субъективную абстракцию он именует обществом. Различие между продуктом и капиталом состоит именно в том, что продукт в качестве капитала выражает определенное отношение, принадлежащее некоторой исторической форме общества. Так называемое рассмотрение с точки зрения общества сводится всего лишь к тому, что упускают из виду те *различия*, которые как раз и выражают *общественное отношение* (отношение буржуазного общества). Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу. [Рассуждать подобно Прудону] равносильно тому, как если бы кто-нибудь захотел сказать: с точки зрения общества не существует ни рабов, ни граждан; и те и другие — люди. На самом же деле людьми они являются вне общества. Быть рабом или быть гражданином — это общественные определения, отношения человека *A* к человеку *B*. Человек *A* как таковой — не раб. Он — раб в обществе и посредством общества. То, что г-н Прудон говорит здесь о капитале и продукте, означает у него, что с точки зрения общества не существует никакой разницы между капиталистами и рабочими, в то время как эта разница как раз и существует только с точки зрения общества.)

(В своем полемическом сочинении, направленном против Бастиа, — «Gratuité du Crédit», — Прудон ограничивается тем, что хочет свести обмен между капиталом и трудом к простому обмену товаров как меновых стоимостей, к моментам простого обращения, т. е. он абстрагируется как раз от того специфического различия, в котором вся суть дела. Прудон говорит:

«Всякий продукт в определенный момент становится капиталом, так как все, что потребляется, в известный момент потребляется производительно» («Gratuité du Crédit». Paris, 1850, стр. 177).

Это совершенно неправильно, но оставим это без внимания.

«Почему понятие продукта вдруг превращается в понятие капитала? Благодаря *идее стоимости*. Это значит, что продукт, для того чтобы стать капиталом, должен подвергнуться точной оценке, должен быть куплен или продан, его цена должна быть обсуждена и фиксирована своего рода законным соглашением. Например, шкуры, поступающие из мясной лавки, представляют собой продукт мясника. Что произойдет, если эти шкуры купит кожевник? Последний тотчас включает их или их стоимость в свой производственный фонд. Благодаря труду кожевника этот капитал снова становится продуктом» и т. д. [там же, стр. 178—180].

Всякий капитал у Прудона есть «*установившаяся стоимость*». Деньги же — «*наиболее установившаяся стоимость*», стоимость, установившаяся в наивысшей степени. Это означает, стало быть, следующее. 1) Продукт становится капиталом в силу того, что он становится стоимостью. Другими словами, капитал есть не что иное, как простая стоимость. Между ними нет никакой разницы. Поэтому Прудон попеременно говорит один раз о товаре (о натуральной стороне товара, выраженного в качестве продукта), другой раз о стоимости или, скорее, о цене, ибо он подразумевает акт купли и продажи. 2) Так как деньги являются завершенной формой стоимости в том виде, в каком стоимость существует в простом обращении, то они и оказываются у Прудона истинной «*установившейся стоимостью*».)

* * *

Переход от простой меновой стоимости и ее обращения к капиталу может быть формулирован также и следующим образом. В обращении меновая стоимость выступает двояко: один раз как товар, другой раз как деньги. Когда она находится в одном определении, то она не находится в другом. Это относится ко всякому особенному товару. Но совокупность обращения, рассматриваемого в целом, состоит в том, что одна и та же меновая стоимость, меновая стоимость как субъект, один раз полагает себя как товар, другой раз как деньги и является движением, заключающимся именно в том, чтобы полагать себя в этих двух определениях и в каждом из них сохранять себя как противоположность этого определения — в товаре сохранять себя как деньги, в деньгах сохранять себя как товар. Хотя это an sich * и имеет место в простом обращении, однако не положено в нем. Меновая стоимость, положенная как единство товара и денег, есть *капитал*, а само это полагание выступает как обращение капитала. (Обращение, которое, однако, представляет собой спиральную линию, расширяющуюся кривую, а не простую окружность.)

Проанализируем прежде всего те простые определения, которые содержатся в отношении между капиталом и трудом, чтобы таким путем найти внутреннюю связь как этих простых определений, так и их более развитых форм с тем, что существовало раньше.

[II—19] Первая предпосылка заключается в том, что капитал на одной стороне и труд — на другой противостоят друг другу как две самостоятельные, следовательно, также и как чуждые

* — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

друг другу фигуры. Труд, противостоящий капиталу, есть *чужой* труд, а капитал, противостоящий труду, — *чужой* капитал. Противостоящие здесь друг другу крайности *специфически* между собой различны. В первом полагании простой меновой стоимости труд был определен так, что его продукт не представлял для работника непосредственной потребительной стоимости, не являлся для него прямым средством существования. Это было общим условием созидания меновой стоимости и обмена вообще. Иначе работник производил бы только продукт — непосредственную потребительную стоимость для себя, — но не меновую стоимость. Однако эта меновая стоимость была материализована в продукте, который как таковой имел потребительную стоимость для других и как таковой был предметом их потребностей. Между тем та потребительная стоимость, которую рабочий может предложить капиталу, которую он таким образом вообще может предложить другим людям, не материализована в продукте, вообще не существует вне рабочего, следовательно, существует не действительно, а лишь в возможности, как его способность. Эта потребительная стоимость становится действительностью только тогда, когда она возбуждается капиталом, приводится им в движение, ибо деятельность без предмета есть ничто или в лучшем случае есть мыслительная деятельность, о которой здесь речь не идет. Как только эта потребительная стоимость получает движение от капитала, она становится определенной производительной деятельностью рабочего; это есть сама его жизнедеятельность, направленная на определенную цель, а потому выявляющаяся в определенной форме.

В отношении между капиталом и трудом меновая стоимость и потребительная стоимость поставлены в такое соотношение друг с другом, что одна сторона (капитал) противостоит другой прежде всего как *меновая стоимость* *, а другая сторона (труд)

* Не следует ли понимать *стоимость* как единство потребительной и меновой стоимости? Не представляет ли сама по себе стоимость как таковая нечто всеобщее по отношению к потребительной и меновой стоимости, как к ее *особенным* формам? Имеет ли это значение в политической экономии? Потребительная стоимость предполагается также и в простом обмене, или в чистом обмене. Но в этом случае, где обмен совершается как раз лишь ради потребления товара обеими сторонами, потребительная стоимость, т. е. содержание, натуральная особенность товара как таковая, не существует в качестве экономического определения формы. Наоборот, определением формы товара является меновая стоимость. Содержание вне этой формы безразлично; оно не является содержанием этого отношения как отношения социального. Но не развивается ли это содержание как таковое в системе потребностей и производства? Не входит ли потребительная стоимость как таковая в саму форму, в качестве фактора, определяющего саму экономическую форму, например, в отношении между трудом и капиталом, в различных формах труда? — Земледелие, промышленность и т. д. — Земельная рента? — Влияние времен года на цены сырья и т. д.? Если бы в политической экономии играла

противостоит капиталу прежде всего как потребительная стоимость. В простом обращении каждый из товаров можно попеременно рассматривать в том или в другом определении. В обоих случаях, если товар берется в качестве товара как такового, он выходит из обращения в качестве предмета потребности и оказывается совершенно вне экономического отношения. Если же товар фиксируется как меновая стоимость — как деньги, — он стремится к той же бесформенности, но к бесформенности, лежащей внутри экономического отношения. Во всяком случае, товары в меновом отношении (в простом обращении) представляют интерес лишь постольку, поскольку они обладают меновой стоимостью; с другой стороны, их меновая стоимость имеет лишь преходящий интерес, поскольку она снимает всего лишь односторонность — пригодность, потребительную стоимость, связанную только с определенным индивидом и потому существующую *непосредственно* для него, — а не саму эту потребительную стоимость; последнюю она, наоборот, полагает и опосредствует как потребительную стоимость для других и т. д. Но когда меновая стоимость как таковая фиксируется в деньгах, потребительная стоимость противостоит ей уже только как абстрактный хаос; и именно в результате отделения от своей субстанции она возвращается в себя и устремляется прочь из сферы простой меновой стоимости, высшим движением которой является простое обращение и высшим завершением которой являются деньги. Внутри же

роль *только* меновая стоимость как таковая, то как могли бы впоследствии фигурировать в политической экономии такие элементы, которые относятся исключительно к потребительной стоимости, — например, сразу же при рассмотрении капитала как состоящего из сырья и т. д.? Откуда у Рикардо вдруг, как снег на голову, появились физические свойства земель? и т. д. Слово *«товар»* (по-немецки *Güter*, быть может, так же отличается от Ware, как по-французски denrée от marchandise?) содержит в себе отношение. Цена выступает как чисто формальное определение товара. Этому вовсе не противоречит то, что меновая стоимость есть преобладающее определение. Но потребление, конечно, не прекращается оттого, что оно определяется *только* через посредство обмена; хотя, конечно, благодаря этому оно получает свое направление. Во всяком случае, при исследовании стоимости это нужно точно выяснить, а не начисто абстрагироваться от этого, как делает Рикардо, и не поступать так, как поступает пошлый Сэй, с важным видом всего лишь предпосылающий здесь слово «полезность». В какой мере потребительная стоимость остается в качестве предпосланного материала вне политической экономии и экономических определений формы и в какой мере она входит в политическую экономию, — выяснится и должно быть выяснено прежде всего при разработке отдельных разделов. О прудоновских пошлостях смотри «Нищету философии»[116]. Во всяком случае ясно одно: в обмене (в обращении) мы имеем товар — потребительную стоимость — как цену; само собой понятно, что вне своей цены товар является товаром, предметом потребления. Оба определения не вступают ни в какое другое отношение друг к другу кроме того соотношения, что особенная потребительная стоимость выступает как натуральная граница товара и потому полагает — однако лишь формально — деньги, т. е. меновую стоимость товара, как нечто существующее вместе с тем вне самого товара в деньгах. Сами деньги представляют собой товар, субстанцией их является та или иная потребительная стоимость.

самой сферы простой меновой стоимости разница [между товаром и деньгами] фактически существует лишь как поверхностное различие, как чисто формальное разграничение. Сами деньги в своей наивысшей фиксированности опять представляют собой товар и как таковой отличаются от других товаров лишь тем, что *более совершенным образом* выражают меновую стоимость, но именно поэтому в форме монеты [II—20] теряют *меновую стоимость* как свое имманентное определение и становятся *только* потребительной стоимостью, хотя и потребительной стоимостью для установления цен товаров и т. д. Здесь мы имеем еще непосредственное совпадение и столь же непосредственное расхождение обоих определений. Там, где они обособляются, приобретая самостоятельность друг против друга, получается следующее: если это обособление носит *положительный* характер, как это имеет место в товаре, становящемся предметом потребления, то соответствующее определение перестает быть моментом экономического процесса; если же обособление носит отрицательный характер, как это имеет место в деньгах, то соответствующее определение превращается в *безумие* — в безумие, являющееся, правда, моментом политической экономии и фактором, определяющим практическую жизнь народов.

Как мы уже видели, нельзя сказать, что в простом обращении меновая стоимость себя реализует. Но происходит это потому, что потребительная стоимость противостоит ей не как таковая, не как определенная ею же самой потребительная стоимость, потребительная же стоимость как таковая не находится в отношении к меновой стоимости, а только потому становится определенной меновой стоимостью, что общее свойство потребительных стоимостей — быть рабочим временем — накладывается на них как внешний масштаб. Их единство еще непосредственно распадается, а их различие находится еще непосредственно в единстве. Теперь должно быть положено, что потребительная стоимость становится таковой через посредство меновой стоимости и что меновая стоимость сама опосредствует себя потребительной стоимостью. В денежном обращении мы имели только различные формы меновой стоимости (цена товара — деньги) или только различные потребительные стоимости (*Т* — *Т*), для которых деньги, меновая стоимость, были только мимолетным опосредствованием. Действительное отношение между меновой стоимостью и потребительной стоимостью не имело места. Поэтому товар как таковой — его особенность — и представляет собой безразличное, лишь случайное и в самом общем виде представляемое содержание, лежащее вне экономического соотношения форм; или экономическое соотношение

форм есть лишь поверхностная форма, формальное определение, область которого не распространяется на действительную субстанцию и которое никак не относится к этой субстанции как таковой; поэтому, если это определение формы как таковое удерживают в виде денег, то оно незаметно превращается в безразличный натуральный продукт, в металл, в котором погашена всякая связь как с индивидом, так и с общением между индивидами. Металл как таковой, разумеется, не выражает никаких социальных отношений; в нем погашена также и монетная форма, последний жизненный признак его социального значения.

Противостоящая самой потребительной стоимости в качестве одной из сторон отношения меновая стоимость противостоит ей в виде денег, но противостоящие ей таким образом деньги — это уже не деньги в их определении денег как денег, а деньги в определении *капитала*. Противостоящая капиталу, или положенной *меновой стоимости, потребительная стоимость*, или товар, — это уже не товар в том виде, как он выступал по отношению к деньгам, когда определенность его формы была столь же безразлична, как и его содержание, и когда он выступал лишь как какая-нибудь субстанция вообще.

Во-первых, [товар выступает теперь] как потребительная стоимость для капитала, т. е., стало быть, как такой предмет, при обмене на который капитал не теряет своего стоимостного определения, как теряют его, например, деньги, когда они обмениваются на какой-нибудь определенный товар. Единственная полезность, которую какой-нибудь предмет вообще может представлять для капитала, может заключаться лишь в способности этого предмета сохранять или увеличивать капитал. При рассмотрении денег мы уже видели, что стоимость, ставшая самостоятельной в качестве таковой, — или всеобщая форма богатства, — не способ[illegible] к какому иному движению, кроме количественного; она способна только увеличиваться. По самому своему понятию, она представляет собой совокупность всех потребительных стоимостей; но так как указанная стоимость всегда является лишь определенным количеством денег (в данном случае — капитала), то ее количественные границы находятся в противоречии с ее качеством. Поэтому в природе указанной стоимости заложено стремление постоянно выходить за свои собственные границы. (Поэтому, когда указанная стоимость принимает форму богатства, служащего для наслаждения, как, например, во времена Римской империи, она выступает как безграничное мотовство, которое — пожиранием жемчужного салата и т. д. — и наслаждение пытается довести до

воображаемой безграничности.) Для стоимости, прочно обособившейся в качестве стоимости, возрастание и самосохранение совпадают уже в силу того и сохраняется она именно только благодаря тому, что постоянно стремится выйти за свои количественные границы, которые противоречат определению ее формы, противоречат ее внутренней всеобщности.

Обогащение оказывается, таким образом, самоцелью. Целесообразная деятельность капитала может состоять только в обогащении, т. е. в увеличении, умножении самого себя. Определенная сумма денег (а деньги существуют для своего владельца всегда только в каком-нибудь определенном количестве, они наличествуют всегда как определенная сумма денег; это следует развить уже в главе о деньгах) может быть вполне достаточна для определенного потребления, где деньги как раз и перестают быть деньгами. Но когда деньги выступают как представитель всеобщего богатства, этого случиться не может. Как количественно определенная сумма, как ограниченная сумма, деньги являются лишь ограниченным представителем всеобщего богатства или представителем ограниченного богатства, границы которого устанавливаются меновой стоимостью этого богатства, в точности измерены ею. Поэтому деньги отнюдь не обладают той способностью, которой они должны были бы обладать согласно своему общему понятию — способностью купить все наслаждения, все товары, всю совокупность материальных субстанций богатства; деньги поэтому не «précis de toutes les choses» [117] и т. д. Таким образом, деньги, фиксируемые как богатство, как всеобщая форма богатства, как стоимость, выступающая в качестве стоимости, — представляют собой постоянное стремление выйти за свои количественные границы: бесконечный процесс. Исключительно в этом и состоит их собственная жизнь; деньги *сохраняют* себя как отличную от потребительной стоимости самодовлеющую меновую стоимость только благодаря тому, что они *постоянно себя умножают*.

(Господам экономистам чертовски трудно теоретически перейти от самосохранения стоимости в капитале к ее возрастанию; а именно — к возрастанию, коренящемуся в основном определении капитала, а не только как к случайному свойству или же всего лишь как к результату. Смотри, например, как *Шторх* вводит это основное определение при помощи наречия «eigentlich» [118]. Правда, экономисты пытаются ввести этот момент как существенный в отношение капитала, но если это делается не в такой грубой форме, когда капитал определяется как то, что приносит прибыль, причем само возрастание капитала как особенная *экономическая форма* уже предположено в прибыли,

то [II—21] это делается лишь украдкой и очень слабо, как мы это покажем позже в кратком обзоре всего того, что экономисты дали для определения понятия капитала. Болтовня о том, что никто не стал бы применять свой капитал, если бы не извлекал из этого прибыли, сводится либо к нелепости, будто бравые капиталисты остались бы капиталистами даже и в том случае, если бы они *не* применяли свой капитал, либо к тому, что здесь в весьма банальной форме утверждают, что в самом понятии капитала заложено его прибыльное применение. Прекрасно. Но в таком случае это как раз и надо было бы доказать.)

Деньги в качестве денежной суммы измеряются их количеством. Эта их измеренность противоречит тому определению денег, которое с необходимостью направлено на безмерное. Все то, что здесь сказано о деньгах, еще в большей степени относится к капиталу, в котором деньги, собственно говоря, впервые только и развиваются в своем законченном определении. В качестве потребительной стоимости, т. е. в качестве чего-то полезного, капиталу как таковому может противостоять только нечто его увеличивающее, умножающее, а потому сохраняющее его как капитал.

Во-вторых *. По своему понятию капитал есть деньги, однако такие деньги, которые существуют уже не в простой форме золота и серебра, а также и не как деньги в противоположность обращению, но существуют в форме всех субстанций — в форме товаров. Постольку деньги в качестве капитала не находятся поэтому в противоположности к потребительной стоимости; напротив, находясь вне денежной формы, капитал существует именно лишь в потребительных стоимостях. Таким образом, сами эти субстанции капитала оказываются теперь преходящими субстанциями, которые не имели бы меновой стоимости, если бы они не имели потребительной стоимости; которые в качестве потребительных стоимостей теряют, однако, свою стоимость, разлагаются в результате простого природного обмена веществ, если они не подвергаются действительному потреблению; и которые тем более исчезают, когда они подвергаются действительному потреблению. С этой стороны противоположность капитала не может быть сама опять-таки каким-нибудь особенным товаром; ибо особенный товар как таковой не образует противоположности капиталу, так как субстанция капитала сама представляет собой потребительную стоимость; капитал — это не тот или иной товар, а всякий товар. Общая всем товарам субстанция, т. е. их субстанция, взятая опять-таки не как их

* Ср. настоящий том, часть I, стр. 219. *Ред.*

материальное вещество, т. е. не как их физическое определение, но их общая им всем субстанция как *товаров*, а потому и как *меновых стоимостей*, состоит в том, что товары представляют собой *овеществленный труд*.

{Однако об этой экономической (общественной) субстанции потребительных стоимостей, т. е. о их экономическом определении в качестве содержания в отличие от их формы (формой же их является *стоимость*, ибо она есть определенное количество *труда*, овеществленного в этих потребительных стоимостях), речь может идти лишь тогда, когда ищется противоположность этому содержанию. Что касается природных различий между потребительными стоимостями, то ни одно из них не исключает для капитала возможности завладеть данной потребительной стоимостью, сделать ее своим собственным телом, поскольку ни одно из этих различий не исключает определения меновой стоимости и товара.}

Единственное, что отлично от *овеществленного* труда, есть труд *неовеществленный*, но находящийся еще в процессе овеществления, *труд* как субъективность. Другими словами, *овеществленный труд*, т. е. *труд, наличествующий в пространстве*, может быть противопоставлен *труду*, *протекающему во времени*, также и в качестве *прошлого труда*. Поскольку труд должен здесь наличествовать как труд, протекающий во времени, как живой труд, он может наличествовать лишь в качестве *живого субъекта*, в котором он существует как способность, как возможность; следовательно, он может наличествовать лишь в качестве *рабочего*. Поэтому единственной *потребительной стоимостью*, могущей образовать противоположность капиталу, является *труд*, и *притом труд, создающий стоимости, т. е. производительный труд*.

{Это побочное замечание забегает вперед; его следует еще основательно развить впоследствии. Труд как всего лишь обслуживание, направленное на удовлетворение непосредственных потребностей, не имеет никакого отношения к капиталу, так как последний ищет не его. Если капиталист велит нарубить себе дров, чтобы зажарить своего барана, то не только отношение дровосека к нему, но и его отношение к дровосеку сводится к отношению простого обмена. Дровосек доставляет ему свою услугу, — потребительную стоимость, которая не увеличивает капитала, но, напротив, посредством которой капитал потребляется, — а капиталист дает дровосеку взамен другой товар в форме денег. Так обстоит дело со всеми теми услугами, которые рабочие непосредственно обменивают на деньги других лиц и которые потребляются этими лицами. Это есть потребление

не капитала, а дохода, обмен которого как таковой всегда относится к простому обращению. Так как один из контрагентов противостоит другому не как капиталист, то эта работа прислуги не может быть отнесена к категории производительного труда. Есть много подобного сброда, начиная от проститутки и кончая папой. Но сюда относится также и честный и «трудящийся» люмпен-пролетариат; например, многочисленная банда предлагающих свою помощь носильщиков и т. п. в портовых городах, и т. д. Лицу, являющемуся представителем денег, услуга носильщика требуется лишь ради ее потребительной стоимости, которая для него сразу же и исчезает; а носильщику требуются деньги, и так как того, кто дает деньги, интересует товар, носильщика же, доставляющего товар, интересуют деньги, то оба они представляют по отношению друг к другу лишь две стороны простого обращения; во всяком случае ясно, что носильщик, которому нужны деньги, т. е. непосредственно всеобщая форма богатства, хочет обогатиться за счет своего импровизированного друга, а это тем сильнее огорчает последнего как черствого калькулятора, что эта услуга, в которой он теперь нуждается, должна быть просто приписана его общечеловеческой слабости и отнюдь не нужна ему *как капиталисту*.

Во всем *существенном* в учении о *производительном* и *непроизводительном* труде прав был, с точки зрения буржуазной политической экономии, *А. Смит* [119]. Все то, что против этого учения А. Смита выдвигают другие экономисты, либо представляет собой пустую болтовню (например Шторх, а еще паршивее Сениор и т. д. [120]), а именно, когда они утверждают, что каждое действие все-таки что-нибудь да делает, т. е. здесь имеет место смешение продукта в его натуральном и в экономическом смысле; в таком случае мошенник тоже является производительным работником, так как он [II—22] косвенно производит книги по уголовному праву (это рассуждение, по меньшей мере, так же верно, как верно называть судью производительным работником на том основании, что он защищает *от* воровства). Либо же современные экономисты настолько превратились в сикофантов * буржуа, что хотят его уверить в том, что если кто-нибудь ищет вшей у него в голове или трет ему некий деликатный орган, то такой труд тоже является производительным, потому что последняя операция, к примеру, прочищает его тупую башку для работы на следующий день в конторе. Поэтому совершенно правильно, — но вместе с тем и характерно, — что последовательные экономисты считают,

* — подхалимов, прислужников. *Ред.*

например, что рабочие мастерских, изготовляющих предметы роскоши, являются производительными рабочими, хотя те молодчики, которые потребляют подобные предметы, определенно порицаются ими как непроизводительные расточители. Верно, что эти рабочие и на самом деле являются производительными, коль скоро они увеличивают капитал своего хозяина; но они непроизводительны в отношении материального результата своего труда. Действительно, ведь этот «производительный» рабочий ровно настолько же заинтересован в том дерьме, которое ему приходится производить, как и сам применяющий рабочего капиталист, которому тоже наплевать на весь этот хлам. Но если присмотреться внимательнее, то по существу окажется, что истинное определение производительного рабочего заключается в следующем: это человек, которому нужно и который требует себе всего лишь столько, сколько необходимо для того, чтобы делать его способным доставлять своему капиталисту максимальную выгоду. Все это пустяки. Отступление. Но нужно будет вернуться к этому и более подробно рассмотреть вопрос о производительном и непроизводительном труде [121].}

[4)] ДВА РАЗЛИЧНЫХ ПРОЦЕССА В ОБМЕНЕ МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И ТРУДОМ

[а) Вводные замечания]

Потребительная стоимость, противостоящая капиталу как положенной [122] меновой стоимости, есть *труд.* Капитал обменивается на *не-капитал,* или он существует в этой своей определенности лишь в связи с *не-капиталом,* с отрицанием капитала, и является капиталом только в соотношении с этим отрицанием капитала; действительный не-капитал, это — *труд.*

Если мы рассмотрим обмен между капиталом и трудом, то найдем, что этот обмен распадается на два не только формально, но и качественно различных и даже противоположных друг другу процесса:

1) Рабочий обменивает свой товар, труд, потребительную стоимость, которая, будучи товаром, так же имеет *цену,* как и все другие товары, — на определенную сумму меновых стоимостей, определенную сумму денег, которую ему отпускает капитал.

2) Капиталист получает в обмен самый труд, труд как деятельность, созидающую стоимости, как производительный труд; т. е. он получает в обмен такую производительную силу, которая сохраняет и умножает капитал и тем самым становится

производительной силой капитала, силой, воспроизводящей капитал и принадлежащей самому капиталу.

Разрыв между двумя этими процессами настолько очевиден, что они могут относиться к различным моментам времени и отнюдь не обязательно должны совпадать. Первый процесс может быть завершен — а большей частью он в известной мере и бывает завершен — еще даже до того, как начался второй. Завершение второго акта предполагает завершение производства продукта. Выплата заработной платы не может ждать завершения производства продукта. Впоследствии мы обнаружим, что то обстоятельство, что выплата заработной платы не дожидается этого момента, является даже существенным определением отношения [между рабочим и капиталистом].

При простом обмене, обращении, этот двоякий процесс не имеет места. Если товар *a* обменен на деньги *b*, а эти последние затем обменены на предназначенный для потребления товар *c*, — который с самого начала и был объектом обмена для *a*, — то использование товара *c*, его потребление, совершается целиком за пределами обращения; оно не касается формы [экономического] отношения; оно лежит по ту сторону самого обращения и представляет собой чисто вещественный интерес, выражающий лишь отношение индивида *A*, в его обусловленности природой, к тому или иному предмету его обособленной потребности. Что̀ этот индивид предпримет с товаром *c*, это вопрос, находящийся вне экономического отношения.

Напротив, здесь [при обмене между капиталом и трудом] *потребительная стоимость обмененного на деньги [товара]* выступает *как особое экономическое отношение*, а *определенное применение обмененного на деньги [товара] образует конечную цель обоих процессов. Таким образом, это уже формально отличает обмен между капиталом и трудом от простого обмена. Это — два различных процесса.*

Если мы, далее, посмотрим, чем обмен между капиталом и трудом отличается от простого обмена (обращения) по своему содержанию, то мы найдем, что это различие выявляется не путем внешнего сопоставления или сравнения этих двух форм обмена, но что в совокупном процессе обмена между капиталом и трудом вторая форма сама отличает себя от первой, что это сравнение само заключено в этом процессе. Отличие второго акта от первого — а указанный особый процесс присвоения труда капиталом и составляет второй акт — как раз и есть отличие обмена между капиталом и трудом от такого обмена, когда деньги опосредствуют обмен товаров. *При*

обмене между капиталом и трудом первый акт представляет собой обмен, всецело относится к обыкновенному обращению; второй акт представляет собой процесс, качественно отличный от обмена, и только злоупотребляя словами его можно было *вообще* назвать *обменом* какого бы то ни было рода. Этот процесс прямо противостоит обмену; он представляет собой существенно иную категорию.

[б) К вопросу о расчленении исследования о капитале. Капитал и современная земельная собственность. Переход от земельной собственности к наемному труду. Рынки]

{*Капитал.*

I. *Всеобщность:* 1) a) Становление капитала из денег. b) Капитал и труд (опосредствование *чужим* трудом). c) Элементы капитала, сгруппированные сообразно их отношению к труду (продукт, сырье, орудие труда). 2) *Обособление капитала:* a) Оборотный капитал, основной капитал. Оборот капитала. 3) *Единичность капитала:* Капитал и прибыль. Капитал и процент. Капитал как *стоимость,* отличающийся от самого себя как процента и прибыли.

II. *Особенность:* 1) Накопление капиталов. 2) Конкуренция капиталов. 3) Концентрация капиталов (количественное различие капитала как вместе с тем качественное различие, как *мера* величины и действия капитала).

[II—23] III. *Единичность:* 1) Капитал как кредит. 2) Капитал как акционерный капитал. 3) Капитал как денежный рынок.

В денежном рынке капитал положен в своей целостности; здесь он дан как *определяющий цены, предоставляющий работу, регулирующий производство,* словом, дан как *источник производства;* однако капитал — не только как производящий самого себя (производящий материально посредством промышленного производства и т. д.; полагающий цены, развивающий производительные силы), но вместе с тем как созидающий стоимости — вынужден создавать стоимость или форму богатства, специфически отличную от капитала. Таковой является *земельная рента.* Это есть единственное созидание капиталом стоимости, отличной от него самого, от его собственного производства. Как по своей природе, так и исторически капитал есть *создатель* современной земельной собственности, земельной ренты; поэтому его действие выступает также и как разложение старой формы земельной собствен-

ности. Новая форма возникает в результате воздействия капитала на старую форму. Рассматривая дело с определенной стороны, можно сказать, что современную земельную собственность капитал создает как создатель современного земледелия. Поэтому в экономических отношениях, связанных с современной земельной собственностью, которая выступает как процесс «земельная рента — капитал — наемный труд» (форму этого силлогизма можно построить и так: «наемный труд — капитал — земельная рента», причем, однако, капитал всегда должен выступать как активный средний термин силлогизма), — находит себе выражение внутренняя структура современного общества, или капитал во всей совокупности его отношений.

Теперь спрашивается, как получается переход от земельной собственности к наемному труду? (Переход от наемного труда к капиталу получается сам собой, так как наемный труд — это возвращение капитала к своей активной основе.) Исторически переход от земельной собственности к наемному труду бесспорен. Он заключается уже в том, что [современная] земельная собственность есть продукт капитала. Поэтому мы обнаруживаем, что повсюду, где посредством воздействия капитала на более старые формы земельной собственности эта последняя превращается в денежную ренту (то же самое, но иным способом происходит там, где создается современный крестьянин), а осуществляемое капиталом земледелие вследствие этого одновременно превращается в промышленную агрономию, — повсюду коттеры *, крепостные, барщинные крестьяне, наследственные арендаторы, безземельные крестьяне и т. д. неизбежно превращаются в поденщиков, в наемных рабочих. Следовательно, *наемный труд* в своей полноте впервые создается в результате воздействия капитала на земельную собственность, а затем, когда последняя как форма уже выработана, — наемный труд создается и самим земельным собственником. Тогда сам земельный собственник, по выражению Стюарта [123], очищает землю от излишних ртов, отрывает детей земли от вскормившей их груди и превращает, таким образом, даже возделывание земли, которое по своей природе является непосредственным источником существования, в опосредствованный источник существования, целиком зависящий от общественных отношений. (Взаимная зависимость должна быть сначала выработана в чистом виде, прежде чем можно думать о действительной социальной общности [Gemein-

* — бедняки-арендаторы. *Ред.*

schaftlichkeit]. Все отношения выступают как обусловленные обществом, а не как определенные природой.) Только благодаря этому впервые становится возможным применение науки, и полностью развивается производительная сила.

Следовательно, не может быть никакого сомнения в том, что *наемный труд* в его *классической* форме наемного труда, распространяющегося в обществе во всю его ширь и становящегося вместо земли той почвой, на которой базируется общество, — что в этой классической форме наемный труд впервые создается лишь современной земельной собственностью, т. е. земельной собственностью как созданной самим капиталом стоимостью. Таким образом, земельная собственность приводит обратно к наемному труду. С известной точки зрения это — не что иное, как перенесение наемного труда из городов в деревню, т. е. распространение наемного труда по всей поверхности общества. Старый земельный собственник, если он богат, не нуждается в капиталисте для того, чтобы превратиться в современного земельного собственника. Ему нужно лишь превратить своих работников в наемных рабочих и производить ради получения прибыли, а не ради дохода. Тогда в его лице совмещаются современный фермер и современный земельный собственник. Однако то обстоятельство, что меняется форма, в которой земельный собственник получает свой доход, или та форма, в которой оплачивается работник, — это обстоятельство не является формальным различием, а предполагает *полное преобразование* самого *способа производства* (в земледелии); создание современной земельной собственности имеет поэтому свои предпосылки, покоящиеся на определенном развитии промышленности, торговли и науки, словом — производительных сил.

Да и вообще производство, покоящееся на капитале и наемном труде, не только формально отличается от других способов производства, но и предполагает также полную революцию в развитии материального производства. Хотя капитал в качестве торгового капитала и может полностью развиться (только не в таких больших размерах) без этого преобразования земельной собственности, но он не может сделать это в качестве промышленного капитала. Даже развитие мануфактуры предполагает начинающееся разложение старых экономических отношений земельной собственности. С другой стороны, из этого совершающегося в отдельных точках разложения новая форма земельной собственности возникает во всей своей полноте и широте лишь тогда, когда современная промышленность достигает высокой степени развития, а это развитие

в свою очередь всегда идет вперед тем быстрее, чем более развились современное земледелие, соответствующая ему форма собственности, соответствующие ей экономические отношения. В этом отношении Англия является образцом для других, континентальных, стран.

Равным образом: если первая форма промышленности, крупная мануфактура, уже предполагает разложение земельной собственности, то это разложение в свою очередь обусловлено происшедшим в городах более или менее подчиненным развитием капитала в его еще неразвитых (средневековых) формах, а также и воздействием мануфактуры других стран, процветавшей там вместе с торговлей (так Голландия воздействует на Англию в XVI столетии и в первой половине XVII столетия). В самих этих странах процесс разложения старой земельной собственности к этому времени уже завершен, и земледелие принесено в жертву скотоводству, а зерно доставляется из отсталых стран, таких как Польша и другие, путем ввоза (Голландия опять-таки может служить примером).

Нужно помнить, что новые производительные силы и производственные отношения не развиваются из *ничего*, из воздуха или из лона саму себя полагающей идеи; они развиваются внутри и в борьбе с имеющимся налицо развитием производства и с унаследованными, традиционными отношениями собственности. Если в законченной буржуазной системе каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазно-экономической форме и таким образом каждое положенное есть вместе с тем и предпосылка, то это имеет место в любой [II—24] органической системе. Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития.

С другой стороны, если внутри общества современные производственные отношения, т. е. капитал, развились до своей целостности и это общество овладевает новой территорией, например в колониях, то оно — в лице своего представителя-капиталиста — обнаруживает, что его капитал при отсутствии наемного труда перестает быть капиталом и что одной из предпосылок для того, чтобы он был капиталом, является не только земельная собственность вообще, но современная земельная собственность; такая земельная собственность, за

которую, как за капитализированную ренту, приходится платить высокую цену и которая поэтому исключает непосредственное использование земли индивидами. Отсюда проистекает та теория колонизации *Уэйкфилда* [124], которой следует в своей практике английское правительство в Австралии. Земельная собственность здесь искусственно удорожается, чтобы превращать работников в наемных рабочих, давать капиталу возможность действовать в качестве капитала и таким путем делать новую колонию *производительной;* развивать в новой колонии богатство, вместо того чтобы использовать ее, как это имело место в Америке, для поставок туда наемных рабочих на короткий срок. Теория *Уэйкфилда* бесконечно важна для правильного понимания современной земельной собственности.

Итак, капитал в качестве созидателя земельной ренты возвращается обратно к производству наемного труда как своей всеобщей творческой основы. Капитал проистекает из обращения и полагает труд в качестве наемного труда; таким путем капитал формируется, и, развившись как целое, он полагает земельную собственность как в качестве своего условия, так и в качестве своей противоположности. Однако здесь обнаруживается, что капитал этим лишь создал наемный труд как свою всеобщую предпосылку. Стало быть, теперь наемный труд должен быть рассмотрен сам по себе. С другой стороны, современная земельная собственность сама всего могущественнее выступает в процессе clearing of estates и превращения сельских работников в наемных рабочих.

Таким образом, мы имеем двоякий переход к наемному труду. Это с позитивной стороны. Рассматривая вопрос с негативной стороны, мы имеем следующее. После того как капитал установил земельную собственность и этим достиг своей двоякой цели: 1) создания промышленного земледелия и тем самым развития производительной силы земли; 2) создания наемного труда, т. е. господства капитала повсюду в деревне, — после этого капитал начинает рассматривать существование самой земельной собственности как всего лишь преходящее развитие, которое требуется для воздействия капитала на старые отношения земельной собственности и представляет собою *продукт их разложения,* но которое как таковое — раз эта цель достигнута — является всего лишь ограничением прибыли, а не необходимостью для производства. Поэтому капитал стремится уничтожить земельную собственность как частную собственность и передать ее государству. Это — негативная сторона: стремление превратить таким образом все общество внутри страны в капиталистов и наемных рабочих.

Если капитал зашел так далеко, то и наемный труд тоже зашел настолько далеко, что, с одной стороны, он в той же форме, что и буржуа, стремится ради упрощения отношений, смягчения налогов и т. д. устранить земельного собственника как паразитический нарост; с другой стороны, рабочий требует раздробления крупной земельной собственности для того, чтобы избавиться от наемного труда и стать самостоятельным производителем, работающим ради непосредственного потребления. Таким образом, земельная собственность отрицается с двух сторон; отрицание со стороны капитала есть только изменение формы [частной собственности], имеющее целью установление единовластия капитала. (Установление земельной ренты как всеобщей государственной ренты (государственного налога) означало бы, что буржуазное общество другим способом воспроизводит средневековую систему, но как полное отрицание последней.) Отрицание земельной собственности со стороны наемного труда есть лишь скрытое отрицание капитала, а следовательно, и самого себя, наемного труда. Поэтому теперь наемный труд следует рассмотреть как нечто самостоятельное по отношению к капиталу.

Стало быть, переход здесь двоякий: 1) *положительный переход* от современной земельной собственности или от капитала через посредство современной земельной собственности ко всеобщему наемному труду; 2) *отрицательный переход*: отрицание земельной собственности капиталом, т. е., следовательно, отрицание капиталом самостоятельной стоимости, т. е. именно отрицание капитала самим собой. Но отрицание капитала есть *наемный труд*. Далее следует рассмотреть отрицание земельной собственности и отрицание посредством нее капитала со стороны наемного труда. Т. е. здесь речь идет о таком наемном труде, который хочет установить себя как нечто самостоятельное.}

{*Рынок*, который вначале выступает в политической экономии в качестве абстрактного определения, принимает целостные очертания. Во-первых, *денежный рынок*. Он охватывает вексельный рынок; вообще кредитный рынок; т. е. торговлю деньгами, рынок слитков. В качестве *денежно-ссудного рынка* денежный рынок выступает также в банках, например в виде учетной ставки, по которой банки совершают учетные операции: рынок займов, вексельные маклера и т. д. Денежный рынок выступает затем еще как рынок всех *приносящих проценты бумаг*: рынок государственных ценных бумаг и рынок акций. Акции в свою очередь подразделяются на более или менее обширные группы. Прежде всего, *акции* самих

денежных учреждений: акции банков, акции акционерных банков; *акции* средств сообщения (важнейшие из них — *железнодорожные акции;* акции *каналов;* акции пароходств, акции телеграфа, акции омнибусных компаний); *акции общепромышленных предприятий* (важнейшие из них — *горнопромышленные акции*). Затем — снабжение благами всеобщего пользования (акции *газовых* предприятий, водопровода). Акции *различных предприятий,* здесь имеются тысячи разновидностей. Предприятия по *хранению товаров* (акции складских помещений и т. д.). Бесчисленное количество *различных акций,* — например, основанных на акциях предприятий промышленных и торговых компаний. Наконец, как обеспечение всего — *акции страховых компаний* всех видов.

Точно так же как рынок в целом распадается на внутренний рынок и внешний рынок, внутренний рынок сам в свою очередь распадается на рынок отечественных акций, отечественных государственных ценных бумаг и т. д. и на рынок иностранных государственных ценных бумаг, иностранных [II—25] акций и т. д. Однако, собственно говоря, все это относится к мировому рынку, который является не только внутренним рынком по отношению ко всем вне его существующим иностранным рынкам, но вместе с тем и внутренним рынком для всех тех иностранных рынков, которые в свою очередь существуют как составные части отечественного рынка.

Концентрация денежного рынка имеет место в одном главном пункте внутри страны, в то время как остальные рынки в большей степени распределяются по стране сообразно разделению труда; хотя и в этом случае имеет место значительная концентрация в столице, если последняя вместе с тем является экспортным портом.

Рынки, отличающиеся от денежного, прежде всего столь же различны между собой, как различны продукты и отрасли производства. Главные рынки этих различных продуктов образуются в центрах, которые служат таковыми либо в отношении ввоза или вывоза, либо же вследствие того, что эти центры сами являются центрами определенного производства или служат непосредственными местами подвоза из таких центров. Однако от простого различения этих рынков следует перейти к более или менее органическому обособлению их на большие группы, которые сообразно основным элементам самого капитала необходимым образом распадаются на рынок продуктов и сырьевой рынок. Орудие производства как таковое не образует особого рынка; оно как таковое представлено на рынке главным образом, во-первых, самими сырыми материалами,

которые продаются в качестве средств производства; далее, в особенности, металлами, ибо металлы исключают всякую мысль о непосредственном потреблении, и затем такими продуктами, как уголь, нефть, химические вещества, которые предназначены к исчезновению в качестве вспомогательных средств производства. Равным образом краски, лес, москательные товары и т. д.

В соответствии с вышесказанным мы имеем:

I. *Продукты.* 1) *Рынок зерна* с его различными подразделениями. Например, семенной рынок: рис, саго, картофель и т. д. Экономически этот рынок весьма важен; это — одновременно рынок для производства и для непосредственного потребления. 2) *Рынок колониальных продуктов.* Кофе, чай, какао, сахар; пряности (перец, табак, стручковый перец, корица, кассия, гвоздика, имбирь, мускатный цвет, мускатный орех и т. д.). 3) *Фрукты.* Миндаль, коринка, винные ягоды, сливы, чернослив, изюм, апельсины, лимоны и т. д. *Черная патока* (для производства и т. д.). 4) *Пищевые продукты.* Масло; сыр; бекон; ветчина; свиное сало; свинина; говядина (копченая); рыба и т. д. 5) *Спиртные напитки.* Вино, ром, пиво и т. д.

II. *Сырьевые продукты.* 1) *Сырье механической промышленности.* Лен; пенька; хлопок; шелк; шерсть; кожа невыделанная; кожа выделанная; гуттаперча и т. д. 2) *Сырье химической промышленности.* Поташ; селитра; скипидар; нитрат соды и т. д.

III. *Сырье, одновременно представляющее собой орудия производства. Металлы* (медь, железо, олово, цинк, свинец, сталь и т. д.). *Лесоматериалы.* Дрова. Строевой лес. Красильное дерево. Кораблестроительный лес и т. д. *Вспомогательные средства производства и вспомогательные материалы.* Москательные товары и красители (кошениль, индиго и т. д.; смола; сало; масла; уголь и т. д.).

Конечно, каждый продукт должен попасть на рынок; однако действительно крупные рынки, в отличие от розничной торговли, образуются только продуктами массового потребления (экономически важны только зерновой рынок, рынок чая, сахара, кофе; в известной мере рынок вина и вообще спиртных напитков) или же теми продуктами, которые служат сырьем для промышленности: рынок шерсти, шелка, леса, металлов и т. д. В каком месте должна быть введена абстрактная категория рынка, выяснится в дальнейшем.}

[в)] Обмен между капиталом и рабочей силой[125]

Обмен рабочего с капиталистом есть простой обмен; каждый получает эквивалент; один получает деньги, другой — товар, *цена* которого в точности равна уплаченным за него деньгам. Капиталист получает в этом простом обмене потребительную стоимость: распоряжение чужим трудом. Со стороны рабочего, — а в этом обмене рабочий выступает как продавец, — очевидно, что у него, так же как и у продавца всякого другого товара, всякой другой потребительной стоимости, то употребление, которое покупатель делает из проданного ему товара, не затрагивает определения формы отношения. Рабочий продает распоряжение своим трудом, который является определенным трудом, определенным умением и т. д.

Совершенно безразлично, что́ капиталист делает с трудом рабочего, хотя, конечно, он может применить его только в соответствии с определенным характером этого труда, и само его распоряжение трудом рабочего ограничивается распоряжением только *определенным* трудом и *определенной по времени* возможностью располагать им (таким-то количеством рабочего времени). Система поштучной оплаты труда вносит, правда, видимость, будто рабочий получает определенную долю в продукте. Но это только иная форма измерения времени (вместо того чтобы сказать: ты будешь работать в продолжение 12 часов, говорят: ты будешь получать столько-то за одну штуку; т. е. мы будем измерять проработанное тобой время по количеству продуктов); здесь, при рассмотрении общего отношения, это нас совершенно не касается.

Если бы капиталист удовольствовался одной только возможностью располагать трудом, не заставляя рабочего действительно работать, — например, если бы он удовольствовался одной только возможностью располагать его трудом в качестве резерва и т. д., или же для того, чтобы лишить конкурента такой возможности (так, например, директора театров покупают певицу на сезон не для того, чтобы она пела, а для того, чтобы она не пела в конкурирующем театре), — то обмен был бы тем не менее полностью осуществлен. Правда, в виде денег рабочий получает меновую стоимость, всеобщую форму богатства в том или ином определенном количестве, и то большее или меньшее количество меновой стоимости, которое он получает, обеспечивает ему бо̀льшую или меньшую долю во всеобщем богатстве. Однако то, ка̀к именно определяется это большее или меньшее количество, ка̀к измеряется то коли-

чество денег, которое получает рабочий, — все это до такой степени не касается общего отношения, что не может быть выведено из него как такового. Вообще меновая стоимость его товара не может определяться тем, как покупатель *использует* этот товар, а может определяться только тем количеством овеществленного труда, которое наличествует в самом товаре; значит, в данном случае — тем количеством труда, которого стоит производство самого рабочего. Ибо та потребительная стоимость, которую [II—26] предоставляет рабочий, существует только как возможность, как способность его организма; вне последнего она не существует. Овеществленный труд, необходимый как для того, чтобы физически сохранить ту общую субстанцию, в которой существует рабочая сила рабочего, т. е. физически сохранить самого рабочего, так и для того, чтобы модифицировать эту общую субстанцию в целях развития специфических способностей рабочего, — есть труд, овеществленный в этой субстанции. Этим трудом и измеряется в общем то количество стоимости, та сумма денег, которую рабочий получает при обмене. Дальнейшее изложение того, как заработная плата, подобно всем другим товарам, измеряется рабочим временем, необходимым для того, чтобы произвести рабочего как такового, — сюда еще не относится.

В обращении, когда я обмениваю товар на деньги, а на них покупаю товар и удовлетворяю свою потребность, акт закончен. Так обстоит дело и с рабочим. Но рабочий имеет возможность вновь начать этот акт с самого начала, ибо его жизнедеятельность есть тот источник, благодаря которому его собственная потребительная стоимость, — до определенного времени, пока она не износится, — беспрестанно возрождается вновь и постоянно продолжает противостоять капиталу, чтобы все снова начинать тот же обмен. Подобно всякому индивиду, выступающему в обращении в качестве субъекта, рабочий является владельцем некоторой потребительной стоимости; он превращает ее в деньги, во всеобщую форму богатства, но все это только для того, чтобы снова превратить всеобщую форму богатства в товары как предметы своего непосредственного потребления, как средства для удовлетворения своих потребностей. Так как рабочий обменивает свою потребительную стоимость на всеобщую форму богатства, он становится соучастником в потреблении всеобщего богатства в границах полученного им эквивалента — количественная граница, которая, впрочем, переходит в качественную, как и при всяком обмене. Рабочий, однако, не связан ни определенными предметами, ни определенным способом

удовлетворения потребностей. Круг его потребления ограничен не качественно, а только количественно. Это отличает его от раба, крепостного и т. д.

Потребление, разумеется, оказывает обратное воздействие на само производство; но это обратное воздействие столь же мало затрагивает рабочего при его обмене, как и всякого другого продавца какого-нибудь товара; напротив, с точки зрения простого обращения, — а мы пока еще не имеем дела с более развитым отношением, — потребление выпадает из экономического отношения. Однако уже сейчас можно мимоходом заметить, что относительное, только количественное, а не качественное, и лишь через посредство количества становящееся качественным, ограничение круга потребления рабочих придает им и как потребителям совсем иное, более важное значение агентов производства, чем то, какое непосредственные работники имели в античном мире или в средние века или какое они имеют в Азии (при дальнейшем исследовании капитала необходимо вообще подробнее рассмотреть отношение между потреблением и производством). Но это, как уже сказано, сюда еще не относится.

Точно так же, в результате того, что рабочий получает эквивалент в форме денег, в форме всеобщего богатства, он в этом обмене противостоит капиталисту как равный, подобно всякому другому участнику обмена; по крайней мере, *по видимости*. Фактически это равенство нарушается уже тем, что этот по видимости простой обмен предполагает его отношение к капиталисту как рабочего, как потребительной стоимости в форме, специфически отличной от меновой стоимости, в противоположность стоимости, положенной как стоимость; предполагает, следовательно, что — помимо отношения обмена, при котором природа потребительной стоимости, особенная потребительная стоимость товара как таковая безразлична, — рабочий уже находится и в некотором другом отношении, экономически определенном иным образом.

Однако указанная видимость равенства фактически существует как иллюзия рабочего, а до известной степени и у другой стороны, и в силу этого она существенно модифицирует его отношение, в отличие от отношений работников при других общественных способах производства. Но что особенно существенно, так это то, что целью обмена для рабочего является удовлетворение своей потребности. Предметом обмена для него является непосредственный предмет потребности, а не меновая стоимость как таковая. Правда, рабочий получает деньги, но лишь в их определении монеты; т. е. лишь как само себя снима-

ющее и мимолетное опосредствование. То, что он получает в обмен, есть, таким образом, не меновая стоимость, не богатство, а жизненные средства, предметы для поддержания его жизнедеятельности, для удовлетворения его потребностей вообще, физических, социальных и т. д. Мы имеем здесь определенный эквивалент в виде жизненных средств, овеществленного труда, измеряемый издержками производства труда рабочего.

То, что рабочий отдает, есть распоряжение его трудом. С другой стороны, верно и то, что даже в рамках простого обращения монета переходит в деньги и что таким образом, поскольку рабочий получает в обмене монету, он может превратить ее в деньги, накопляя монеты и т. д., изымая их из обращения, фиксируя монету как всеобщую форму богатства, а не как мимолетное средство обмена. В этом смысле можно было бы сказать, что при обмене между рабочим и капиталом объектом, а следовательно также и продуктом обмена для рабочего являются не жизненные средства, а богатство, не какая-нибудь особенная потребительная стоимость, а меновая стоимость как таковая. Согласно этой точке зрения, рабочий может делать меновую стоимость своим собственным *продуктом* только таким образом, каким вообще только и может *появляться* богатство в качестве *продукта простого обращения,* основанного на обмене эквивалентов, — а именно только тем путем, что он субстанциальное удовлетворение потребностей приносит в жертву *форме* богатства, т. е. в результате своего *самоотречения,* бережливости, урезывания своего потребления извлекает из обращения меньше *благ,* чем дает их ему. Это есть единственно возможная форма обогащения, устанавливаемая самим обращением.

Самоотречение может, далее, проявиться также и в более активной форме, которая не заложена в простом обращении: рабочий может в большей степени пожертвовать своим отдыхом, вообще всем своим бытием, отличным от его бытия в качестве рабочего, и по возможности быть только рабочим, т. е. чаще возобновлять акт обмена или же количественно расширять его, иными словами, проявлять *прилежание.* Поэтому в нынешнем обществе требование прилежания, а также *бережливости, самоотречения* предъявляется не капиталистам, а рабочим, и именно со стороны [II—27] капиталистов. Современное общество ставит прямо-таки парадоксальное требование, согласно которому к самоотречению призван именно тот, для кого предметом обмена является жизненное средство, а не тот, для кого предметом обмена служит обогащение. От иллюзии, будто капиталистам фактически было свойственно «самоотречение»,

будто они и стали капиталистами именно благодаря этому — требование и представление, которые вообще имели смысл только в эпоху, предшествовавшую капитализму, когда капитал развивался из феодальных и т. п. отношений, — от этой иллюзии отказались все сколько-нибудь здравомыслящие современные экономисты. Сберегать, по их мнению, должен рабочий, и в связи с этим много шуму было поднято вокруг сберегательных касс и т. д.

{Впрочем, относительно сберегательных касс даже экономисты признают, что их настоящей целью тоже является не богатство, а только более целесообразное распределение расходов рабочего, направленное к тому, чтобы рабочий в старости или в случае болезни, кризиса и т. д. не стал обузой для богаделен, государства, лиц, раздающих милостыню (словом, все бремя должно пасть на самый рабочий класс, а отнюдь не на капиталистов, и рабочие, потерявшие работу, должны прозябать отнюдь не за счет кармана капиталиста); стало быть, задачей сберегательных касс является делать сбережения для капиталистов, сокращать их издержки производства на эти цели.}

Однако ни один экономист не станет отрицать того, что если бы рабочие *вообще*, т. е. как *рабочие* (то, что делает или может делать единичный рабочий в отличие от своего genus *, может явиться лишь *исключением*, а не *правилом*, ибо это не заложено в определении самого отношения), выполняли, *как правило*, эти требования сбережения, то (не говоря уже о том ущербе, который они этим нанесли бы общему потреблению, — сокращение потребления было бы огромно, — а следовательно, и производству, а значит, также числу и общему объему актов обмена, которые рабочие могли бы совершить с капиталом, стало быть, наконец, и самим себе как рабочим) рабочие здесь, безусловно, применяли бы такое средство, которое уничтожило бы саму цель и неизбежно низвело бы их до уровня ирландцев, до уровня поденщиков, для которых единственным предметом и целью обмена с капиталом является чисто животный минимум потребностей и жизненных средств.

Если бы рабочий, вместо того чтобы делать своей целью потребительную стоимость, сделал своей целью богатство, он не только не добился бы богатства, но потерял бы вдобавок еще и потребительную стоимость. Ибо, как правило, максимум прилежания, труда и минимум потребления — а последнее и означает максимум его самоотречения и погони за день-

* — рода. *Ред.*

гами — привели бы не более как к тому, что за максимум труда рабочий стал бы получать минимум заработной платы. Напряжением своих сил он только снизил бы общий *уровень* издержек производства своего собственного труда, а потому и его обычную цену. Лишь в порядке исключения рабочему может удаться благодаря силе воли, физической силе и выдержке, скупости и т. д. превратить свою монету в деньги, в порядке исключения по отношению к своему классу и к общим условиям существования рабочего.

Если чрезмерное прилежание проявляют все или большинство рабочих (в той мере, в какой прилежание в современной промышленности вообще предоставлено на их усмотрение, чего нет в важнейших и наиболее развитых отраслях производства), то они увеличивают не стоимость производимого ими товара, а только его количество; т. е. они увеличивают те требования, которые можно было бы предъявить к ним как к потребительной стоимости. Если все рабочие станут делать сбережения, то неизбежное в результате этого всеобщее снижение заработной платы очень скоро вернет их к надлежащему образу жизни, так как наличие сбережений у всех рабочих показало бы капиталисту, что их заработная плата вообще чересчур высока, что за свой товар, за предоставление возможности распоряжаться их трудом, они получают больше, чем эквивалент. Ведь сущность простого обмена, — а именно таково то отношение, в котором они находятся к капиталисту, — заключается как раз в том, что никто не бросает в обращение больше, чем извлекает из него; и что, с другой стороны, каждый может извлечь из обращения лишь то, что он в него бросил.

Отдельный рабочий может быть *прилежен* сверх среднего уровня, прилежен больше, чем это требуется для того, чтобы он мог жить как рабочий, только потому, что другой стоит ниже этого уровня, более ленив; рабочий может делать сбережения только потому, что другой расточителен, и только в том случае, если другой расточителен. Максимум того, чего рабочий в среднем может достигнуть своей бережливостью, это получить возможность лучше переносить выравнивание цен — их повышение и понижение, кругооборот цен, — т. е. только более целесообразно распределить свое потребление, а вовсе не приобрести богатство. И в этом по существу и заключается требование капиталистов. Рабочие, по мнению капиталистов, при хорошей конъюнктуре должны сделать столько сбережений, чтобы быть в состоянии кое-как прожить во время плохой конъюнктуры, перенести неполную рабочую неделю или

снижение заработной платы и т. д. (В результате чего заработная плата снизилась бы еще больше.) Таким образом, это есть требование того, чтобы рабочие всегда придерживались минимума в пользовании жизненными благами и облегчали капиталистам бремя кризисов и т. д.; чтобы они оплачивались как простые рабочие машины и, насколько только возможно, сами оплачивали свой износ. Мы уже не говорим здесь о том, что это привело бы к подлинному низведению рабочих до уровня скотов, а такое низведение сделало бы невозможным даже само стремление к богатству в его всеобщей форме, в форме денег, накопленных денег.

(То участие, которое рабочий принимает в потреблении более высокого порядка, а также и в духовном потреблении, — агитация за свои собственные интересы, выписка газет, посещение лекций, воспитание детей, развитие вкуса и т. д., — то единственное его участие в цивилизации, которым он отличается от раба, экономически возможно лишь благодаря тому, что он расширяет круг своих потребностей в периоды хорошей конъюнктуры, т. е. как раз в те периоды, когда до известной степени имеется возможность делать сбережения.)

Но даже если не распространяться обо всем этом, необходимо констатировать: если бы рабочий стал поистине аскетическим образом делать сбережения и таким образом накоплять премии для люмпен-пролетариата, мошенников и т. д., которые росли бы пропорционально спросу; если бы, далее, его сбережения по своим размерам вышли за пределы копилки официальных сберегательных касс, которые платят рабочему минимальный процент для того, чтобы капиталисты могли зашибить на этих сбережениях крупный процент или же чтобы эти сбережения пожрало государство, в результате чего рабочий только увеличил бы мощь своих врагов и свою собственную зависимость, — то он мог бы сохранить свои сбережения и сделать их доходными, только положив их в банки и т. д.; но в этом случае он потерял бы затем свои вклады в периоды кризисов, в то время как в периоды процветания он отрекался бы от всякого пользования благами жизни и тем усиливал бы могущество капитала; таким образом, во всех случаях рабочий делает сбережения не [II—28] для себя, а *для* капитала.

К тому же, — если все это не является всего лишь лицемерной фразой буржуазной «филантропии», которая вообще заключается в том, что рабочего кормят «благочестивыми пожеланиями», — хотя каждый капиталист и требует, чтобы его рабочие делали сбережения, но он требует, чтобы это делали

только *его* рабочие, ибо они противостоят ему как рабочие; но ни в коем случае не остальная *масса рабочих,* так как остальные рабочие противостоят ему в качестве потребителей. Поэтому, вопреки всем «благочестивым» фразам, капиталист выискивает всяческие средства, чтобы стимулировать их потребление, придать своим товарам бо́льшую привлекательность, навязать рабочим новые потребности и т. д. Как раз эта сторона отношения между капиталом и трудом представляет собой существенный момент цивилизации и именно на ней покоится историческая правомерность капитала, но вместе с тем и его нынешнее могущество. (Это соотношение между производством и потреблением следует развить лишь в разделе «Капитал и прибыль» и т. д. или же в разделе о «Накоплении и конкуренции капиталов».)

Впрочем, все это — экзотерические соображения, уместные здесь лишь постольку, поскольку они доказывают, что требования лицемерной буржуазной филантропии сами себя уничтожают и, стало быть, как раз подтверждают то, что должны были опровергнуть, а именно, что в обмене между рабочим и капиталом рабочий находится в отношении простого обращения и, следовательно, получает не богатство, а только жизненные средства, потребительные стоимости для непосредственного потребления. Что это требование делать сбережения противоречит самому отношению между капиталом и трудом, видно из следующего простого соображения *: если сбережения рабочего не должны оставаться только продуктом обращения, сбереженными деньгами, которые могут быть реализованы только тем путем, что рано или поздно они будут превращены в субстанциальное содержание богатства, в предметы потребления, — то накопленные деньги должны были бы сами стать капиталом, т. е. покупать труд, относиться к труду как к потребительной стоимости. Таким образом, эти сбережения снова предполагают труд, не являющийся капиталом, и предполагают, что труд стал своей противоположностью — не-трудом. Чтобы стать капиталом, сбережения рабочего сами предполагают труд как не-капитал, противостоящий

* Относительно самодовольно выдвигавшегося иногда в последнее время требования предоставить рабочим известное участие в прибыли надо будет сказать в разделе о *заработной плате;* здесь перед нами или *особая премия*, которая может достичь своей цели только в виде исключения из общего правила и которая в заслуживающей упоминания практике ограничивается фактически лишь подкупом отдельных надсмотрщиков, приказчиков и т. д. в интересах работодателя и *вопреки* интересам рабочего класса, которая, словом, дается уже не *простым рабочим* и, следовательно, уже не влияет на общее отношение, или же это есть особый способ надувать рабочих и *незаконно удерживать* у них *часть их заработной платы* в более ненадежной форме прибыли, зависящей от состояния предприятия.

капиталу; следовательно, предполагают, что та противоположность, которая, согласно этой концепции, должна быть уничтожена в одном пункте, восстанавливается в другом пункте.

Итак, если бы в самом первоначальном отношении предметом и *продуктом* обмена, совершаемого рабочим, — а будучи продуктом простого обмена, он не может быть никаким иным продуктом, — была не потребительная стоимость, не жизненное средство, не удовлетворение непосредственной потребности, не извлечение из обращения эквивалента того, что в него введено, с тем чтобы этот эквивалент уничтожить посредством потребления, — то труд противостоял бы капиталу не как труд, не как не-капитал, а как капитал. Но и капитал не может противостоять капиталу, если капиталу не противостоит труд, так как капитал является капиталом только как не-труд, только в этом основанном на противоположности отношении. Следовательно, в этом случае было бы уничтожено само понятие и отношение капитала.

Разумеется, никто не отрицает, что существуют уклады, где друг с другом обмениваются собственники, которые трудятся сами. Однако подобные уклады не являются укладами такого общества, в котором капитал как таковой существует в развитом виде; поэтому-то такого рода уклады и уничтожаются всюду в результате развития капитала. Капитал может полагать себя в качестве капитала, только полагая труд как не-капитал, как чистую потребительную стоимость.

(Будучи рабом, работник имеет *меновую стоимость, стоимость;* будучи свободным рабочим, он *не имеет стоимости;* а стоимостью обладает только приобретаемая путем обмена с рабочим возможность распоряжаться его трудом. Не рабочий противостоит капиталисту в качестве меновой стоимости, а капиталист ему. *Отсутствие стоимости* у рабочего, *лишение* его *стоимости* есть предпосылка капитала и условие *свободного* труда вообще. Ленге считает это регрессом [126]; он забывает, что благодаря этому рабочий формально дан как личность, которая кое-что значит сама по себе, *помимо своего* труда и которая отчуждает проявление своей жизнедеятельности только как средство для своей собственной жизни. Пока работник как таковой обладает *меновой стоимостью, промышленный капитал* как таковой не может существовать, т. е. вообще не может существовать развитый капитал. Капиталу должен противостоять труд как *чистая потребительная стоимость,* которая самим своим владельцем предлагается в качестве товара взамен капитала, взамен *меновой стоимости* этого товара, взамен монеты,

которая, правда, становится действительной в руках рабочего только в своем определении всеобщего средства обмена; а в остальном исчезает.) Ладно.

Итак, рабочий находится только в отношении простого обращения, простого обмена и получает взамен своей потребительной стоимости только *монету;* он получает жизненные средства, но получает их опосредствованно. Эта форма опосредствования, как мы видели, существенна и характерна для указанного отношения *. То обстоятельство, что рабочий может дойти до превращения монеты в деньги, до сбережения, доказывает лишь то, что его отношение есть отношение простого обращения; он может скопить больше или меньше; но он не выходит за пределы простого обращения; он может реализовать свои сбережения только путем временного расширения круга своего потребления. Важно то, — и это существенно влияет на определение самого отношения, — что так как продуктом обмена для рабочего являются деньги, то его в качестве господствующей над ним иллюзии подталкивает и делает предприимчивым всеобщее богатство. Вместе с тем в результате этого не только формально открывается простор для произвола при осуществлении [II—29]

[. . . .] **

...[III—8] [127] процессов того же субъекта; так, например, говорят, что вещество глаза есть капитал зрения, и т. д. Подобного рода беллетристические фразы, в которых по какой-нибудь аналогии подводится что угодно подо что угодно, могут показаться даже остроумными, когда их высказывают в первый раз, и притом тем более, чем более разнородные вещи они отождествляют. Но если их повторяют, да еще с самодовольством, с претензией на научность, то они попросту глупы. Они хороши лишь для тех беллетристического типа болтунов, которые стремятся все окрасить в розовые тона и которые своим сладеньким как лакрица дерьмом загаживают все науки.

То, что для рабочего, пока он трудоспособен, труд постоянно является все новым источником обмена, — причем не просто

---

* См. настоящий том, часть I, стр. 234—237. *Ред.*

** Последняя, 29-я страница II тетради рукописи отсутствует. О содержании этой страницы можно судить по следующему отрывку из составленных Марксом в феврале 1859 года «Рефератов» к тетрадям рукописей 1857—1858 годов (см. настоящий том, часть II): «Капитал противостоит рабочему только как власть вещей. Не носит личного характера. Отличие от оказания услуг Цель рабочего в обмене с капиталом — потребление. Рабочий всегда должен начинать сызнова. *Труд как капитал рабочего».* *Ред.*

обмена, а обмена с капиталом, — это следует из самого определения понятия, согласно которому рабочий продает лишь временное распоряжение своей способностью к труду [Arbeitsfähigkeit] и, стало быть, может постоянно возобновлять этот обмен, как только рабочий примет надлежащее количество вещества, для того чтобы иметь возможность воспроизвести свою жизнедеятельность. Вместо того чтобы выражать свое изумление по поводу того, что рабочий вообще живет, и, следовательно, в состоянии, после того как он выспится и досыта наестся, ежедневно повторять определенные жизненные процессы; вместо того чтобы ставить это в счет рабочему как великую заслугу капитала, — все на свете приукрашивающим сикофантам буржуазной политической экономии скорее следовало бы обратить свое внимание на то, что в результате постоянно повторяемого труда рабочему всегда приходится предлагать в обмене *только* сам свой живой, непосредственный труд. Само повторение [процесса] является в действительности лишь видимостью. *То, что рабочий обменивает с капиталом, есть вся его способность к труду, которую он расходует, скажем, в течение 20 лет.* Вместо того чтобы оплатить рабочему его способность к труду сразу, капитал оплачивает ее дозами, по мере того как рабочий предоставляет ее в распоряжение капитала, — скажем, еженедельно. Следовательно, это абсолютно ничего не меняет в существе дела и менее всего дает право делать тот вывод, что — так как рабочему, прежде чем он сможет повторить свой труд и свой обмен с капиталом, нужно 10—12 часов отдохнуть — труд образует *капитал рабочего.* Фактически то, что здесь рассматривается как капитал, означает лишь предел труда рабочего, перерыв в его труде, означает лишь то, что рабочий не есть perpetuum mobile *. Борьба за билль о десятичасовом рабочем дне [128] и т. д. показывает, что капиталист ничего так сильно не желает, как того, чтобы рабочий *расходовал свои дозы жизненной силы по возможности без перерывов.*

Теперь мы подходим ко второму процессу, который образует отношение между трудом и капиталом *после* этого обмена. Добавим еще только, что сами политико-экономы вышеприведенное положение выражают следующим образом: *заработная плата непроизводительна.* Быть производительным у них, разумеется, означает быть производительным в смысле создания богатства. А так как продуктом обмена между рабочим и капиталом — и притом единственным про-

* — вечный двигатель. *Ред.*

дуктом, данным *в* самом этом акте обмена — является заработная плата, то политико-экономы признают, что рабочий в этом обмене *не* производит *богатства* ни для капиталиста, ни для рабочего: рабочий не производит богатства для капиталиста, ибо для последнего оплата деньгами потребительной стоимости — а эта *оплата* образует в данном отношении единственную функцию капитала — представляет собой отказ от богатства, а не создание его, вследствие чего он старается платить как можно меньше; рабочий не производит богатства и для рабочего, так как заработная плата создает для рабочего только жизненные средства, удовлетворение, в большей или меньшей степени, его индивидуальных потребностей, но *никогда* не создает для него всеобщей формы богатства, никогда не создает богатства.

Рабочий не может произвести богатство в обмене с капиталом еще и потому, что содержание того товара, который он продает, никоим образом не ставит этот товар выше всеобщих законов обращения, предполагающих, что за стоимость, которую рабочий бросает в обращение, он, при посредстве монеты, может получить лишь эквивалент в виде другой потребительной стоимости, которую он потребляет. Разумеется, подобная операция никогда не ведет к обогащению, а того, кто ее совершает, должна в конце процесса вернуть к тому самому пункту, в котором он находился вначале. Это, как мы видели *, не исключает, а, наоборот, предполагает, что круг непосредственно удовлетворяемых потребностей рабочего может подвергаться известному сужению или расширению. С другой стороны, если бы капиталист, — который в этом обмене выступает еще вовсе не как капиталист, а только как *деньги*, — все снова и снова повторял этот акт, его деньги вскоре были бы проедены рабочим и [III—9] израсходованы им на ряд других потребностей — починку брюк, чистку сапог, — словом, на полученные им услуги. Во всяком случае, возможность повторения этой операции была бы точно ограничена размерами кошелька капиталиста. Повторение ее обогатило бы капиталиста не больше, чем трата им денег на все другие потребительные стоимости для своей любезной персоны, которые, как известно, никакого дохода капиталисту не приносят, а вызывают одни лишь расходы.

Может показаться странным, что хотя в отношении между трудом и капиталом, а также в этом первом процессе обмена между ними рабочий покупает меновую стоимость,

* См. настоящий том, часть I, стр. 234—237, 240. *Ред.*

а капиталист потребительную стоимость, причем труд противостоит капиталу не как *одна из* потребительных стоимостей, а как *сама* потребительная стоимость вообще, — капиталист должен получать богатство, а рабочий только потребительную стоимость, угасающую в потреблении. {В той мере, в какой это касается капиталиста, это надо рассмотреть лишь в связи со вторым процессом в обмене между капиталом и трудом.} Это кажется такой диалектикой, которая оборачивается как раз в нечто противоположное тому, чего следовало бы ожидать. Однако если рассмотреть это повнимательнее, то окажется, что рабочий, обменивающий свой товар, проделывает в процессе обмена форму *Т—Д—Д—Т*. Если в обращении исходить из товара, из потребительной стоимости как принципа обмена, то мы неизбежно приходим опять к товару, так как деньги выступают только в качестве монеты и в качестве средства обмена являются лишь мимолетным опосредствованием; товар же как таковой, описав свой кругооборот, потребляется в качестве прямого объекта потребности. С другой стороны, капитал является представителем противоположного момента: *Д—Т—Т—Д*.

В качестве необходимого закона этого обмена между капиталом и трудом выступает *отделение собственности от труда*. Труд, положенный в качестве *не-капитала* как такового, есть:

1) *Не-опредмеченный [не-овеществленный] труд, рассматриваемый негативно* (сам еще нечто предметное; само непредметное в объективной форме). Рассматриваемый таким образом, труд есть не-сырье, не-орудие труда, не-полуфабрикат: труд, отделенный от всех средств труда и предметов труда, от всей своей объективности. Живой труд (точно так же и не-стоимость), существующий в качестве *абстракции* от этих моментов его реальной действительности; это полное отсутствие всего необходимого, лишенное всякой объективности, чисто субъективное существование труда. Труд как *абсолютная бедность:* бедность не в смысле недостатка, а в смысле полного исключения предметного богатства. Или можно сказать еще и так: в качестве реально существующей *не-стоимости*, а потому чисто предметной потребительной стоимости, существующей без опосредствования, эта предметность может быть лишь предметностью, неотделимой от личности, лишь такой предметностью, которая совпадает с непосредственной телесностью личности. Так как эта предметность является чисто непосредственной, она столь же непосредственно является не-предметностью. Другими словами: она не является

такой предметностью, которая существовала бы вне непосредственного существования самого индивида, которая не совпадала бы с ним.

2) Как *не-опредмеченный [не-овеществленный] труд, не-стоимость,* рассматриваемые *позитивно,* или как сама к себе относящаяся негативность, труд есть не-*опредмеченное,* а стало быть, непредметное, т. е. субъективное существование самого труда. Труд не как предмет, а как деятельность; не как то, что само есть *стоимость,* а как *живой источник* стоимости. В противоположность капиталу, в котором всеобщее богатство существует предметно, как действительность, труд есть всеобщее богатство в качестве *всеобщей возможности* богатства, возможности, которая как таковая реализует себя в действии. Таким образом, отнюдь не являются противоречивыми или, вернее, являются во всех отношениях противоречащими друг другу положения, что труд, с одной стороны, *в качестве предмета,* есть *абсолютная бедность,* и что, с другой стороны, труд есть *всеобщая возможность* богатства как субъект и как деятельность: оба эти положения взаимно обусловливают друг друга и вытекают из сущности того труда, который *предположен* капиталом в качестве его противоположности, в качестве противоположного капиталу существования и который, с другой стороны, в свою очередь предполагает капитал.

Последний пункт, на который еще следует обратить внимание при рассмотрении того, как труд противостоит капиталу, заключается в том, что, являясь потребительной стоимостью, которая противостоит деньгам, положенным как капитал, — труд представляет собой не такой-то или такой-то определенный труд, а *просто труд,* абстрактный труд, труд, абсолютно безразличный по отношению к своей особенной *определенности,* но способный к любой определенности. Конечно, той особенной субстанции, из которой состоит тот или иной определенный капитал, должен соответствовать особенный труд; но так как капитал *как таковой* безразличен по отношению к любой особенности своей субстанции и является как совокупностью всех этих особенностей, так и абстракцией от них, то и противостоящий ему труд субъективно содержит в себе такую же совокупность [всех особенных видов труда] и такую же абстракцию [от особенностей каждого из них]. Например, в условиях цехового, ремесленного труда, когда капитал сам еще имеет ограниченную форму, еще целиком погружен в определенную субстанцию и, следовательно, еще не является *капиталом как таковым,* — труд тоже выступает

еще погруженным в свою особую определенность: выступает не в той совокупности и абстрактности, в какой выступает *труд,* когда он противостоит капиталу. Последнее означает, что хотя в каждом отдельном случае труд и является трудом определенным, но капитал может противопоставить себя *каждому определенному* труду; δυνάμει * капиталу противостоит *совокупность* всех видов труда, и является делом случая, какой именно труд противостоит ему в данный момент.

С другой стороны, для самого̀ рабочего абсолютно безразлична определенность его труда; она как таковая не представляет для него интереса, а интересует его лишь постольку, поскольку это вообще *труд* и в качестве такового — потребительная стоимость для капитала. [III—10] Быть носителем труда как такового — т. е. труда как *потребительной стоимости* для капитала — вот в чем состоит экономический характер рабочего; он — *рабочий* в противоположность капиталисту. Не таков экономический характер ремесленника, члена цеха и т. п.; он заключается как раз в *определенности* их труда и в их отношении к *определенному мастеру* и т. д.

Это экономическое отношение — характер, который имеют капиталист и рабочий как полюсы некоего производственного отношения — развивается поэтому в тем более чистом и адекватном виде, чем более труд утрачивает всякий характер искусства. Особые навыки труда всё более становятся чем-то абстрактным, безразличным, а труд всё более и более становится *чисто абстрактной деятельностью,* деятельностью чисто механической, а потому безразличной, индифферентной к своей особой форме; становится всего лишь *формальной* или, что то же самое, всего лишь *вещественной* деятельностью, деятельностью вообще, безразличной по отношению к форме. Здесь снова обнаруживается то, как особая определенность производственного отношения, категории — в данном случае капитала и труда — становится истинной лишь с развитием особого *материального способа производства* и лишь на особой ступени развития промышленных *производительных сил.* (Вообще говоря, этот пункт следует специально развить позже применительно к этому отношению между трудом и капиталом, так как здесь он *дан* уже в само̀м отношении, между тем как при рассмотрении абстрактных определений меновой стоимости, обращения, денег он еще относится больше к нашей субъективной рефлексии.)

* — потенциально. *Ред.*

[г)] Процесс труда, включенный в капитал

Итак, мы подходим ко второй стороне процесса обмена между капиталом и трудом. Обмен между капиталом (или капиталистом) и *рабочим* теперь завершен, поскольку вообще речь идет о процессе *обмена*. Теперь совершается переход к отношению капитала к труду как потребительной стоимости для капитала. Труд есть не только *потребительная стоимость*, противостоящая капиталу, но он есть *потребительная стоимость* самого капитала. В качестве небытия стоимостей как овеществленных стоимостей, труд есть их бытие как неовеществленных стоимостей, их идеальное бытие; он есть возможность стоимостей и, в качестве деятельности, созидание стоимостей. По отношению к капиталу труд есть всего лишь абстрактная форма, всего лишь возможность деятельности, создающей стоимость, деятельности, которая существует только как способность, как потенция в организме рабочего. Но став благодаря контакту с капиталом действительной деятельностью, — сама по себе эта способность не может привести себя в действие, так как лишена предмета деятельности, — способность становится действительной производительной деятельностью, созидающей стоимость. По отношению к капиталу эта деятельность может вообще заключаться лишь в воспроизведении самого капитала — в сохранении и увеличении капитала как *действительной* и *действенной* стоимости, а не просто мыслимой, как это имеет место в деньгах как таковых. Путем обмена с рабочим капитал присвоил себе самый труд; труд стал одним из его моментов, который теперь в качестве оплодотворяющей жизнедеятельности воздействует на его лишь существующую, а потому мертвую предметность.

Капитал есть деньги (самостоятельно положенная меновая стоимость), но уже не деньги, существующие в особой субстанции наряду с другими субстанциями меновых стоимостей и поэтому исключенные из всех других субстанций меновых стоимостей, а деньги, сохраняющие свое идеальное определение во всех субстанциях, в меновых стоимостях любой формы и любого способа существования овеществленного труда. Поскольку капитал в качестве денег, существующих во всех особых формах овеществленного труда, вступает теперь в процесс не с овеществленным, а с живым трудом, существующим как процесс и как акт, он представляет собой прежде всего это качественное отличие субстанции, в которой он существует, от той формы, в которой он теперь существует *также и* в виде

труда. Именно в процессе полагания и снятия этого различия капитал сам становится процессом.

Труд есть тот фермент, который, будучи брошен в капитал, приводит его в брожение. С одной стороны, та предметность, в которой существует капитал, должна быть переработана, т. е. потреблена трудом; с другой стороны, должна быть снята чистая субъективность труда как всего лишь формы, и труд должен быть опредмечен [овеществлен] в материале капитала. Отношение капитала (рассматриваемого со стороны его содержания) к труду, т. е. овеществленного труда к труду живому, — а здесь капитал выступает по отношению к труду как нечто пассивное, и именно его пассивное бытие в качестве особой субстанции противостоит труду как формирующей деятельности, — это отношение вообще может быть только отношением труда к своей предметности, к своему материалу (все это следует выяснить уже в первой главе, которая должна предшествовать главе о меновой стоимости и трактовать о производстве вообще); а к труду как деятельности материал, овеществленный труд может иметь только два отношения: отношение *сырья,* т. е. бесформенного вещества, простого материала для создающей форму, целесообразной деятельности труда, и отношение *орудия труда,* т. е. такого средства, которое само является чем-то предметным и через посредство которого субъективная деятельность в качестве своего проводника сама помещает между собой и предметом некоторый другой предмет [129].

Определение [противостоящего живому труду овеществленного труда] как *продукта,* которое привносят здесь экономисты в качестве определения, *отличного* от определений сырья и орудия труда, — сюда еще вовсе не относится. Продукт выступает как *результат,* а не как *предпосылка* процесса, совершающегося между пассивным содержанием капитала и трудом как деятельностью. В качестве *предпосылки* продукт не является таким отношением предмета к труду, которое отличалось бы от сырья и орудия труда, так как сырье и орудие труда, являясь субстанцией стоимостей, уже сами представляют собой *овеществленный труд, продукты.* Вообще субстанция стоимости представляет собой не какую-то особую природную субстанцию, а овеществленный труд. Последний, в свою очередь, сам [III—11] выступает по отношению к *живому труду* как *сырье* и *орудие труда.* Если рассматривать сам по себе простой акт производства, то орудие труда и сырье могут выступать как находимые в самой природе, так что их нужно лишь *присвоить,* т. е. сделать предметом и средством

труда, что само по себе еще не является процессом труда. По отношению к такому сырью и к такому орудию труда *продукт* выступает как нечто качественно иное и является продуктом не только как результат воздействия труда на материал при посредстве орудия, но и как первое *овеществление труда* наряду с ними. Однако в качестве составных частей капитала сырье и орудие труда сами уже представляют собой овеществленный труд, следовательно — *продукт*.

Этим отношение [между капиталом и трудом] еще не исчерпывается. Ибо, например, продукт труда может стать средством и предметом нового труда и в таком производстве, где нет никаких меновых стоимостей, а следовательно, и никакого капитала. Например, в земледелии, производящем исключительно ради потребительной стоимости. Лук охотника, невод рыболова, словом, самые примитивные условия уже предполагают такой продукт, который перестает считаться продуктом и становится *сырьем* или, в особенности, *орудием производства*, ибо это есть собственно первая специфическая форма, в которой продукт выступает в качестве средства воспроизводства. Следовательно, это отношение отнюдь не исчерпывает того отношения, в котором *сырье* и *орудие труда* выступают как моменты самого капитала.

Впрочем, экономисты преподносят *продукт* еще и в совсем иной связи, как третий элемент субстанции капитала. Это — продукт, поскольку его назначением является выходить как из процесса производства, так и из обращения и быть непосредственным предметом индивидуального потребления: approvisionnement, как называет его Шербюлье [130]. А именно: это — те продукты, которые должны быть налицо для того, чтобы рабочий жил в качестве рабочего и был в состоянии прожить во время производства до тех пор, пока не будет создан новый продукт. Что капиталист обладает способностью обеспечить рабочему такого рода жизнь, вытекает уже из того, что каждый элемент капитала представляет собой деньги и в качестве таковых может быть превращен из самого себя как всеобщей формы богатства в вещество богатства, в предмет потребления. Понятие «*фонд жизненных средств*» у экономистов относится поэтому только к рабочим; т. е. этот фонд представляет собой деньги, выраженные в форме предметов потребления, в форме потребительной стоимости, деньги, которые рабочие получают от капиталиста в акте обмена между ними. Но это относится к первому акту [обмена между капиталом и трудом]. В какой мере этот первый акт находится в связи со вторым, об этом здесь речь еще не идет. Единственным

разделением [овеществленного труда в его отношении к труду как деятельности], которое дано самим процессом производства, является первоначальное разделение, в свою очередь обусловленное различием между овеществленным и живым трудом, т. е. разделение между *сырьем* и *орудием труда*. Что экономисты смешивают эти определения, — вполне в порядке вещей, ибо они не могут не смешивать два момента отношения между капиталом и трудом и не смеют фиксировать их специфическое различие.

Итак: сырье потребляется тем путем, что оно видоизменяется, формируется трудом, а орудие труда потребляется тем путем, что его употребляют, используют в этом процессе. С другой стороны, труд тоже потребляется тем путем, что он применяется, приводится в движение и что, стало быть, расходуется определенное количество мускульной силы и т. д. рабочего, в результате чего рабочий утомляется и изнуряется. Однако труд не только потребляется, но вместе с тем переходит из формы деятельности в форму предмета, покоя, фиксируется в предмете, материализуется; совершая изменения в предмете, труд изменяет свой собственный вид и превращается из деятельности в бытие. Концом процесса производства является *продукт*, в котором сырье оказывается связанным с трудом, а орудие труда тоже превращается из простой возможности в действительность тем, что становится действительным проводником труда; но в то же время орудие труда вследствие своего механического или химического отношения к материалу труда само потребляется при этом в своей покоящейся форме.

Все три момента процесса производства: материал, орудие, труд, сливаются в нейтральном результате — *продукте*. Вместе с тем в продукте оказываются воспроизведенными те моменты процесса производства, которые были в этом процессе потреблены. Поэтому процесс в целом выступает как *производительное потребление*, т. е. как такое потребление, которое заканчивается не *ничем* и не простым субъективированием предметного, но само в свою очередь положено как некоторый *предмет*. Это потребление есть не простое потребление вещественного, а потребление самого потребления; в снятии вещественного здесь заключено снятие этого снятия, а потому — *полагание* вещественного. *Придающая форму* деятельность потребляет предмет и потребляет саму себя, однако она потребляет только данную ей форму предмета с тем, чтобы придать ему новую предметную форму, и потребляет саму себя только в своей субъективной форме, в форме деятельности.

В предметах она потребляет предметное — безразличие по отношению к форме, — а в деятельности потребляет субъективное; предмет она формирует, саму себя материализует. Но в качестве *продукта* результат процесса производства является *потребительной стоимостью.*

[III—12] Если мы рассмотрим теперь полученный до сих пор результат, то найдем:

Во-первых. Благодаря присвоению труда, включению его в капитал, — деньги, т. е. акт покупки права распоряжаться рабочим, выступают здесь только как средство вызвать этот процесс, а не как момент самого̀ этого процесса, — капитал приходит в брожение и становится процессом, *процессом производства,* в котором, как в совокупном целом, капитал как живой труд относится к самому себе не только как к овеществленному труду, но, так как это есть овеществленный [опредмеченный] труд, он относится к себе как к простому *предмету* труда.

Во-вторых. В простом обращении, — пока товар и деньги оставались моментами обращения, — сама субстанция товара и денег была безразлична для определения формы. Товар, поскольку дело касалось его субстанции, как предмет потребления (потребности) выпадал из экономического отношения. Деньги, когда их форма приобретала самостоятельное бытие, еще сохраняли связь с обращением, но лишь в отрицательном смысле, и были только этим отрицательным отношением к обращению. Будучи фиксированы сами по себе, деньги тоже угасали в мертвой материальности, переставали быть деньгами. И товар и деньги были выражениями меновой стоимости и отличались друг от друга только как всеобщая и как особенная меновая стоимость. Само это различие было в свою очередь чисто мысленным, так как в действительном обращении оба определения сменяли друг друга, а если рассматривать каждое из них само по себе, то деньги сами были особенным товаром, а товар в качестве цены сам являлся всеобщими деньгами. Различие между ними было только формальным. Как товар, так и деньги выступали в одном из этих определений лишь потому и лишь постольку, поскольку они не выступали в другом определении. Теперь же, в процессе производства, сам капитал как форма отличает себя от себя как субстанции. Он оказывается одновременно обоими этими определениями и вместе с тем является отношением обоих определений друг к другу. Но:

В-третьих. Капитал выступал в качестве этого отношения еще только *в себе.* Отношение это еще не *положено* или само

оно является положенным только лишь в определении одного из двух моментов, а именно *вещественного* момента, который внутри самого себя различается как материя (сырье и орудие) и форма (труд) и в качестве отношения обеих, в качестве действительного процесса сам в свою очередь представляет собой лишь вещественное отношение — отношение обоих вещественных элементов, образующих содержание капитала, отличное от его отношения формы как капитала.

Если мы рассматриваем капитал с той его стороны, с которой он первоначально выступает в отличие от труда, то в процессе производства он представляет собой лишь пассивное, лишь вещественное бытие, в котором полностью погашено то определение формы, в силу которого он является капиталом, т. е. некоторым для-себя-сущим [131] общественным отношением. В процесс производства капитал вступает только со стороны своего содержания, т. е. он вступает в этот процесс как овеществленный труд вообще; однако то, что он является овеществленным трудом, это для того труда, отношение которого к капиталу и образует процесс производства, совершенно безразлично; более того, капитал вступает в процесс производства и перерабатывается в нем только как предмет, а не как *опредмеченный [овеществленный] труд*. Хлопок, превращаемый в хлопчатобумажную пряжу, или хлопчатобумажная пряжа, превращаемая в ткань, или ткань, служащая материалом для набивки и окраски, — существуют для труда только как имеющиеся в наличии хлопок, хлопчатобумажная пряжа, ткань. В том качестве, в каком они сами представляют собой продукты труда, овеществленный труд, они ни в какой процесс не вступают, а вступают они в процесс только в качестве материальных существований с определенными натуральными свойствами. *Каким образом* эти натуральные свойства были им приданы, это совершенно не касается отношения к ним живого труда; для последнего они существуют лишь постольку, поскольку они существуют в отличие от него самого, т. е. поскольку они существуют как материал труда.

Все это имеет место, коль скоро исходят из капитала в его предпосланной труду вещественной форме. С другой стороны, поскольку труд в результате обмена между капиталом и рабочим сам стал одним из вещественных элементов капитала, само его отличие от вещественных элементов капитала есть только вещественное отличие: вещественные элементы капитала находятся в форме покоя, труд — в форме деятельности. Это отношение есть вещественное отношение одного из эле-

ментов капитала к другому, но не *собственное* отношение *капитала* к ним обоим.

Итак, капитал, с одной стороны, выступает при таком рассмотрении только как *пассивный предмет,* в котором погашено всякое отношение формы; с другой стороны, он выступает только как простой *процесс производства,* в который капитал как таковой, как отличный от своей субстанции, не входит. Капитал здесь вовсе не выступает даже и в той своей субстанции, которая присуща ему самому, — как овеществленный труд, ибо такова субстанция меновой стоимости, — а выступает только в натуральной форме бытия этой субстанции, в которой погашено всякое отношение к меновой стоимости, к овеществленному труду, к самому́ труду как потребительной стоимости для капитала, а потому погашено также всякое отношение к самому́ капиталу.

Рассматриваемый с этой стороны, [III—13] процесс капиталистического производства совпадает с простым процессом производства как таковым, в котором определение капитала как капитала точно так же погашено в форме процесса, как было погашено в форме стоимости определение денег как денег. В тех пределах, в которых мы до сих пор рассматривали процесс производства, в него вовсе не входит для-себя-сущий капитал, т. е. вовсе не входит капиталист. Труд потребляет в качестве сырья и орудия труда не капиталиста. Да и потребляет [эти вещи] тоже не капиталист, а труд. Таким образом, процесс производства капитала выступает не как процесс производства капитала, а просто как процесс производства, капитал же *в отличие от труда* выступает только в вещественной определенности *сырья* и *орудия труда.* Вот эту-то именно сторону — которая не представляет собой всего лишь произвольную абстракцию, а является абстракцией, совершающейся в само̀м процессе производства — экономисты и фиксируют для того, чтобы изобразить капитал как необходимый элемент всякого процесса производства. Конечно, они могут это делать только потому, что забывают, что надо понаблюдать его поведение как капитала во время этого процесса.

Тут уместно будет обратить внимание на один момент, который впервые здесь не только выступает вперед с точки зрения наблюдения, но и дан в само̀м экономическом отношении. В первом акте, в обмене между капиталом и трудом, труд как таковой, как *для-себя-сущий* труд, необходимо выступал в виде *рабочего.* Точно так же здесь, во втором процессе, капитал, вообще говоря, дан как для-себя-сущая, — так сказать, *самодовлеющая,* — стоимость (в деньгах это было

выражено только как стремление). Но для-себя-сущий капитал — это *капиталист.* Правда, социалисты говорят: нам нужен капитал, но не капиталист [132]. В этом случае капитал представляется просто как вещь, а не как производственное отношение, которое, будучи рефлектировано в себя, как раз и является капиталистом. Я могу, конечно, отделить капитал от этого отдельного капиталиста, и он может перейти к другому капиталисту. Но, теряя капитал, капиталист теряет и свойство быть капиталистом. Следовательно, капитал может быть отделен от отдельного капиталиста, но не от *капиталиста вообще,* который как таковой противостоит *рабочему вообще.* Так и отдельный рабочий может перестать быть для-себя-бытием труда; он может получить деньги в наследство, украсть их и т. п. Но тогда он перестает быть *рабочим.* В качестве рабочего он есть только для-себя-сущий труд. (Это следует потом развить дальше.)

[Б)] ПРОЦЕСС ТРУДА И ПРОЦЕСС УВЕЛИЧЕНИЯ СТОИМОСТИ

[1)] ПРЕВРАЩЕНИЕ ТРУДА В КАПИТАЛ

В конце процесса не может обнаружиться ничего такого, что уже в начале процесса не являлось бы его предпосылкой и условием. Но, с другой стороны, все это должно также и обнаружиться. Поэтому если в конце процесса производства, для начала которого предпосылкой был капитал, представляется, что капитал как отношение формы исчез, то это может иметь место только потому, что были упущены из виду те незримые нити, которыми капитал пронизывает весь процесс. Рассмотрим, стало быть, эту сторону процесса производства.

Итак, первый вывод заключается в следующем.

α) В результате включения труда в капитал последний становится процессом производства; но прежде всего — *материальным* процессом производства; процессом производства вообще, так что процесс производства капитала не отличается от материального процесса производства вообще. Определение его формы полностью погашено. Благодаря тому, что капитал обменял часть своего предметного [вещественного] бытия на труд, его предметное [вещественное] бытие само разделилось внутри себя на предмет и на труд; отношение обоих образует процесс производства, или, еще точнее, *процесс труда.* Тем самым *процесс труда, который, в качестве исходного пункта, дан еще до стоимости* и который вследствие своей абстрактности и чистой вещественности одинаково присущ всем формам производства, — *снова* появляется *в рамках капи-*

тала как такой процесс, который протекает в веществе капитала и образует содержание капитала.

(То обстоятельство, что также и внутри самого процесса производства это *погашение определения формы* является лишь видимостью, — выяснится впоследствии.)

Коль скоро капитал представляет собой стоимость, но как процесс выступает прежде всего в форме простого процесса производства, данного не в какой-либо особой *экономической* определенности, а как процесс производства вообще, то можно сказать, — смотря по тому, на какую особую сторону простого процесса производства обращать внимание (как мы видели, простой процесс производства как таковой отнюдь не предполагает капитала, а присущ всем способам производства), — что капитал превращается в продукт или что он есть орудие труда или также сырье для процесса труда. Если, далее, под капиталом опять-таки понимают одну из сторон, противостоящую труду в качестве вещества или всего лишь средства, то с полным правом утверждают, что капитал не производителен [133], ибо в этом случае его рассматривают именно только как противостоящий труду предмет, как материю, как нечто только пассивное. Правильным же будет сказать, что капитал выступает не как одна из сторон процесса производства и не как специфическое отличие одной из сторон самой по себе, а также не как всего лишь результат (продукт) процесса производства, но как сам простой процесс производства; что этот последний выступает теперь в качестве самодвижущегося *содержания* капитала.

* * *

[III—14] {Решение вопроса о том, какой труд является *производительным трудом* или *не* является таковым, — вопроса, о котором много спорили вкривь и вкось с тех пор, как *Адам Смит* установил это различие [134], — должно вытекать из анализа различных сторон самого капитала. *Производительный труд* — это всего лишь такой труд, который производит *капитал*. Разве не дико, вопрошает, например (по крайней мере, что-то в этом роде), г-н Сениор, что фортепьянного мастера следует считать *производительным работником*, а *пианиста* нет, хотя без пианиста фортепьяно было бы абсурдом? [135] Однако дело обстоит именно так. Фортепьянный мастер воспроизводит *капитал;* пианист обменивает свой труд только на доход [136]. Но ведь пианист производит музыку и удовлетворяет наше музыкальное чувство, а в известном смысле также и производит его? Действительно, он это делает: его труд что-то

производит; но из-за этого он еще не становится *производительным трудом* в *экономическом* смысле; он так же мало производителен, как и труд помешанного, производящего бредовые фантазии. *Труд является производительным лишь в том случае, когда он производит свою собственную противоположность.* Поэтому другие экономисты утверждают, что так называемый непроизводительный работник является косвенно производительным. Например, пианист дает стимул производству: отчасти тем, что он настраивает нашу индивидуальность на более активный, жизнерадостный лад, или же в том обыденном смысле, что он пробуждает новую потребность, для удовлетворения которой применяется больше усердия в непосредственном материальном производстве. Но тем самым уже признается, что производительным является только тот труд, который производит капитал; признается, следовательно, что тот труд, который этого не делает, как бы *полезен* он ни был, — а он с таким же успехом может быть и вредным, — не является производительным с точки зрения процесса капитализации и, стало быть, является непроизводительным трудом.

Другие экономисты говорят, что различие производительного и непроизводительного труда следует ставить в связь не с производством, а с потреблением. Как раз наоборот. Производитель табака производителен, хотя потребление табака непроизводительно. Производство для непроизводительного потребления точно так же производительно, как и производство, рассчитанное на производительное потребление, — при неизменном условии, что как то, так и другое производство производит или воспроизводит капитал. Поэтому *Мальтус* (X, 40) [137] вполне правильно говорит:

«*Производительный работник* — тот, кто *непосредственно* увеличивает *богатство* своего *хозяина*».

Это верно, по крайней мере, с одной стороны. Но выражено это положение слишком абстрактно, так как в такой формулировке оно применимо и к рабу. «Богатство хозяина», рассматриваемое в его отношении к рабочему, является самой формой богатства в его отношении к труду, является капиталом. Производительный рабочий — тот, кто непосредственно увеличивает капитал.} [III—14]

* * *

[III—14] β) Теперь следует рассмотреть определение формы капитала с точки зрения того, как оно сохраняется и видоизменяется в процессе производства.

В качестве *потребительной стоимости* труд существует только *для капитала* и является потребительной стоимостью самого капитала, т. е. той опосредствующей деятельностью, благодаря которой капитал *увеличивает свою стоимость*. Капитал в качестве воспроизводящего свою стоимость и увеличивающего ее представляет собой самостоятельную меновую стоимость (деньги), выступающую как процесс, как *процесс возрастания стоимости*. Поэтому труд не является потребительной стоимостью для рабочего; труд не является поэтому *для* него *производящей* богатство *силой*, средством обогащения или обогащающей деятельностью. Рабочий приносит свой труд в качестве потребительной стоимости для обмена с капиталом, который противостоит ему, таким образом, не как капитал, а как *деньги*. Капитал становится по отношению к рабочему капиталом как таковым только благодаря потреблению труда, которое сначала не входит в этот обмен и не зависит от него. Будучи *потребительной стоимостью* для капитала, труд для рабочего представляет собой *только меновую стоимость*, имеющуюся у него в наличии *меновую стоимость*. В качестве меновой стоимости труд полагает себя в акте обмена с капиталом, посредством продажи себя за деньги.

Потребительная стоимость какой-либо вещи совершенно не касается ее продавца как такового, а касается только ее покупателя. Свойство селитры служить для изготовления пороха не определяет цены селитры, а цена ее определяется издержками производства самой селитры, количеством овеществленного в ней труда. В обращении, куда потребительные стоимости вступают в виде цен, их стоимость не является результатом обращения, хотя она и реализуется только в обращении; она *предпослана* обращению и лишь реализуется посредством обмена на деньги.

Так и труд, который рабочий продает капиталу в качестве *потребительной стоимости*, является для рабочего принадлежащей ему *меновой стоимостью*, которую рабочий хочет реализовать, но которая уже *определена* до акта этого обмена, предпослана ему в качестве условия, определена, как и стоимость всякого другого товара, спросом и предложением или в общем и целом — с чем мы здесь только и имеем дело — издержками производства, количеством овеществленного труда, которое требуется для того, чтобы произвести способность рабочего к труду [Arbeitsfähigkeit], и которое рабочий поэтому получает в качестве эквивалента.

Значит, та [III—15] меновая стоимость труда, реализация которой происходит в процессе обмена с капиталистом, заранее

предпослана, заранее определена и претерпевает лишь такую формальную модификацию, которой подвергается при своей реализации и всякая цена, установленная только идеально. Меновая стоимость труда не определяется его потребительной стоимостью. Для самого рабочего труд имеет потребительную стоимость лишь постольку, поскольку он *есть меновая стоимость,* а не потому, что он производит меновые стоимости. Для капитала труд имеет меновую стоимость лишь постольку, поскольку он есть потребительная стоимость. Потребительной стоимостью, отличной от его меновой стоимости, труд является не для самого рабочего, а только для капитала. Следовательно, рабочий обменивает труд как простую, заранее предопределенную, определенную минувшим процессом производства меновую стоимость — он обменивает самый труд как *овеществленный труд;* обменивает лишь постольку, поскольку этот труд уже представляет собой овеществление определенного количества труда и, стало быть, его эквивалент является уже установленным, данным.

Капитал получает в результате обмена этот труд как живой труд, как всеобщую производящую богатство силу, как деятельность, увеличивающую богатство. Ясно, стало быть, что посредством такого обмена рабочий не может *обогатиться,* ибо подобно тому как Исав уступил свое первородство за чечевичную похлебку, так рабочий за [стоимость] своей способности к труду, выступающую как некоторая наличная величина, отдает свою *творческую силу.* Напротив, как мы увидим дальше, рабочий должен обеднеть, так как творческая сила его труда теперь противостоит ему как сила капитала, как *чуждая сила.* Рабочий *отчуждает* [entäußert] от себя труд как производящую богатство силу; капитал присваивает себе труд как такого рода производительную силу. Поэтому отделение труда от собственности на продукт труда, отделение труда от богатства заложено уже в самом этом акте обмена. То, что кажется парадоксальным *результатом,* заложено уже в самой предпосылке. Экономисты выразили это более или менее эмпирически.

Таким образом, по отношению к рабочему производительность его труда *становится чуждой силой,* как и вообще его труд, поскольку он представляет собой не *способность,* а движение, *действительный* труд; капитал же, наоборот, увеличивает свою собственную стоимость путем *присвоения чужого труда.* (По меньшей мере, этим создана возможность увеличения стоимости капитала; создана как результат обмена между трудом и капиталом. Реализуется это отношение лишь в самом акте производства, когда капитал действительно потребляет чужой труд.)

Подобно тому как для рабочего труд как *заранее данная* меновая стоимость обменивается на эквивалент в виде денег, деньги эти в свою очередь обмениваются рабочим на эквивалент в виде *товара,* который им потребляется. В этом процессе обмена труд не является производительным; он становится производительным только для капитала; из обращения труд может извлечь лишь то, что он в него бросил, т. е. то или иное *предопределенное* количество товара, которое столь же мало является его собственным продуктом, как и его собственная стоимость.

Рабочие, говорит *Сисмонди,* обменивают свой труд на хлеб, который съедают, между тем как их труд «сделался *капиталом* для их хозяина» (*J. C. L. Simonde de Sismondi.* Nouveaux Principes d'Economie politique. Seconde édition. Tome I, Paris, 1827, стр. 90) [Русский перевод, том I, стр. 186].

«Обменивая свой труд, рабочие *превращают* его в капитал» (там же, стр. 105) [Русский перевод, том I, стр. 193].

«Продавая свой труд капиталисту, рабочий получает право только на *цену труда,* но у него нет права ни на *продукт этого труда,* ни на ту стоимость, которую *он к нему присоединил*» (*A. Cherbuliez.* Richesse ou pauvreté. Paris, 1841, стр. 55—56).

«*Продажа труда равносильна отречению от всех плодов труда*» (там же, стр. 64).

Поэтому все успехи цивилизации, или, другими словами, всякое увеличение *общественных производительных сил,* если угодно, *производительных сил самого труда* — в том виде, в каком они являются плодом науки, изобретений, разделения и комбинирования труда, улучшения средств сообщения, создания мирового рынка, машин и т. д. — обогащают не рабочего, а *капитал;* следовательно, только еще более увеличивают ту силу, которая господствует над трудом; лишь умножают производительную силу капитала. Так как капитал является противоположностью рабочего, то успехи цивилизации лишь увеличивают *объективную власть* капитала над трудом.

Превращение труда (как живой целесообразной деятельности) в *капитал* есть *an sich* * результат обмена между капиталом и трудом, поскольку этот обмен дает капиталисту право собственности на продукт труда (и право командования трудом). *Осуществляется* же *это превращение* лишь в самом *процессе производства.* Следовательно, вопрос о том, является капитал производительным или нет, — нелеп. Там, где капитал образует основу производства и капиталист является, таким образом, командиром производства, сам труд является *производительным только тогда,* когда он включен в капитал.

* — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

Производительность труда так же становится производительной силой капитала, как всеобщая меновая стоимость товаров фиксируется в деньгах. Труд в том виде, как он в противоположность капиталу существует в рабочем *сам по себе,* т. е. труд в своем *непосредственном бытии,* труд, отделенный от капитала, является *непроизводительным.* Как деятельность рабочего труд не становится *производительным* также и оттого только, что он входит в простой процесс обращения, вызывающий всего лишь формальные изменения. Поэтому те, кто доказывает, что вся производительная сила, приписываемая [III—16] капиталу, представляет собой *перемещение, перестановку производительной силы* труда, забывают как раз о том, что сам капитал по существу своему есть это *перемещение,* эта *перестановка* и что наемный труд как таковой предполагает капитал и, следовательно, если рассматривать дело со стороны труда, тоже представляет собой это *пресуществление* *; представляет собой необходимый процесс превращения собственных сил труда в силы, *чуждые* рабочему. Поэтому требование [мелкобуржуазных социалистов] сохранить наемный труд и вместе с тем упразднить капитал есть противоречащее самому себе и само себя уничтожающее требование.

Другие авторы, сами являющиеся экономистами, например Рикардо, Сисмонди и т. д., говорят, что производителен *только труд,* но не капитал [138]. Однако в этом случае они берут капитал не в его *специфической определенности формы,* не как рефлектированное в себя *производственное отношение,* а имеют в виду лишь его вещественную субстанцию, сырье и пр. Но эти вещественные элементы еще не делают капитал капиталом. С другой стороны, им затем снова приходит на ум, что капитал в то же время представляет собой *стоимость,* т. е. нечто *нематериальное,* нечто безразличное по отношению к своему вещественному составу. Так, *Сэй* говорит следующее:

«*Капитал всегда есть нематериальная сущность,* ибо не материя составляет капитал, а *стоимость* этой материи, стоимость, в которой нет ничего телесного» (*J. B. Say.* Traité d'économie politique. Troisième édition. Tome second, Paris, 1817, стр. 429).

Или же *Сисмонди:*

«Капитал есть коммерческое *понятие*» (*J. C. L. Simonde de Sismondi.* Etudes sur l'économie politique. Tome II, Bruxelles, 1838, стр. 273).

Но затем им приходит на ум, что капитал все же представляет собой и некое иное экономическое определение, нежели

* — превращение одной субстанции в другую. *Ред.*

стоимость, ибо иначе вообще нельзя было бы говорить о капитале *в отличие от стоимости*, и если все капиталы суть стоимости, то стоимости как таковые еще не являются капиталом. Тогда они снова перебегают к тому вещественному облику капитала, который он имеет внутри процесса производства. Это мы видим, например, у Рикардо, когда он определяет капитал как накопленный труд, применяемый для производства нового труда, т. е. определяет капитал как всего лишь *орудие труда* или *материал труда* [139]. В этом смысле *Сэй* говорит даже о «*производительной услуге капитала*» [140], на которой должно основываться вознаграждение капитала, как будто орудие труда как таковое может претендовать на благодарность рабочего и как будто не именно он, рабочий, впервые превращает его в действительное орудие труда, в нечто *производительное.* Самостоятельность орудия труда, т. е. его *общественное* определение, т. е. его определение как капитала предполагается здесь для того, чтобы обосновать притязания капитала. *Прудоновское* положение: «капитал сто̀ит, труд производит» [141] не означает абсолютно ничего, кроме следующего: капитал есть стоимость, а так как здесь о капитале ничего больше не говорится помимо того, что он есть стоимость, это означает, что стоимость есть стоимость (субъект в этом суждении является всего лишь другим обозначением предиката); слова же о том, что труд производит, является производительной деятельностью, означают: труд есть труд, ибо вне этого «производства» труд есть просто ничто.

Не может не быть очевидным, что эти тавтологические суждения не содержат никаких особенных глубин мудрости и, в частности, что они не в состоянии выразить то отношение, в которое вступают между собой стоимость и труд и в котором они сами друг с другом соотносятся и друг от друга отличаются, а не находятся один возле другого как безразличные и индифферентные друг к другу. Уже то, что *труд* выступает по отношению к капиталу в качестве субъекта, т. е. что рабочий выступает только в определении *труда,* а труд это не *сам рабочий,* — уже это должно было бы открыть глаза. Здесь, уже не говоря о капитале, заложена такая связь, такое отношение рабочего к своей собственной деятельности, которое отнюдь не является «*естественным*», а само уже содержит некое специфическое *экономическое* определение.

Капитал, поскольку мы рассматриваем его здесь как такое отношение, которое надлежит отличать от стоимости и денег, есть *капитал вообще,* т. е. совокупность тех определений, которые отличают стоимость как капитал от нее же как простой

стоимости или денег. Стоимость, деньги, обращение и т. д., цены и т. д. предполагаются данными, равно как и труд и т. д. Но мы не имеем еще здесь дела ни с какой-нибудь *особой* формой капитала, ни с *отдельным капиталом*, отличающимся от других отдельных капиталов, и т. д. Мы присутствуем при процессе его возникновения. Этот диалектический процесс возникновения капитала есть лишь идеальное выражение того действительного движения, в котором возникает капитал. Позднейшие отношения надлежит рассматривать как развитие этого зародыша. Необходимо, однако, фиксировать ту определенную форму, в которой капитал выступает в том или ином *конкретном* пункте. Иначе получится путаница.

[2) САМОВОЗРАСТАНИЕ СТОИМОСТИ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА]

[III—17] До сих пор капитал рассматривался с его вещественной стороны как *простой процесс производства*. Однако со стороны определенности формы этот процесс есть *процесс самовозрастания стоимости*. Самовозрастание стоимости включает в себя как сохранение существовавшей ранее стоимости, так и умножение ее.

Стоимость выступает в качестве субъекта. Труд есть целесообразная деятельность, и таким образом с вещественной стороны заранее предполагается, что в процессе производства орудие труда действительно использовано в качестве средства для достижения некоторой цели и что сырой материал, превратившись в продукт, приобрел потребительную стоимость более высокого порядка, чем он имел прежде, — либо в результате химического обмена веществ, либо в результате механического изменения. Однако сама эта сторона, поскольку она касается только потребительной стоимости, относится еще к простому процессу производства. Здесь дело не в том, — это скорее предполагается, подразумевается, — что создана потребительная стоимость более высокого порядка (само это весьма относительно; когда зерно превращается в водку, то уже сама потребительная стоимость более высокого порядка устанавливается по отношению к обращению); для индивида, для производителя тут и не создано потребительной стоимости более высокого порядка (по меньшей мере, это является делом случая и не затрагивает отношения как такового), а потребительная стоимость более высокого порядка создана *для других*. Суть дела заключается в том, что [в капиталистическом процессе производства] порождается *более высокая меновая стоимость*.

При простом обращении процесс для отдельного товара заканчивался тем, что товар в качестве потребительной стоимости поступал к своему покупателю и потреблялся. Тем самым товар выходил из обращения, утрачивал свою меновую стоимость, вообще свое экономическое определение формы. Капитал же потребил свой материал посредством труда и потребил труд посредством своего материала; капитал потребил себя как потребительную стоимость, но только как *потребительную стоимость для него самого,* потребил себя как капитал. Следовательно, само потребление капитала в качестве потребительной стоимости входит здесь в обращение, или, вернее, сам капитал кладет здесь *начало обращению* либо знаменует собой его конец, как угодно. Само потребление потребительной стоимости входит здесь в экономический процесс, так как сама потребительная стоимость определена здесь меновой стоимостью. В процессе производства капитал ни на один момент не перестает быть капиталом или стоимость — стоимостью и в качестве таковой — *меновой стоимостью.* Ничего нет глупее, как говорить, подобно г-ну Прудону [142], что капитал превращается из продукта в меновую стоимость благодаря акту обмена, т. е. благодаря тому, что он снова вступает в простое обращение. Тем самым мы были бы снова отброшены назад к самому началу, даже к непосредственной меновой торговле, где можно наблюдать возникновение меновой стоимости из продукта.

То обстоятельство, что капитал по окончании процесса производства, после того как он потреблен в качестве потребительной стоимости, снова вступает и может вступить в обращение в качестве товара, заложено уже в том, что капитал заранее был предположен как самосохраняющаяся меновая стоимость. Но поскольку капитал теперь снова становится товаром лишь в качестве продукта, а меновой стоимостью — лишь в качестве товара, поскольку капитал получает цену и в качестве таковой подлежит реализации в деньгах, — он представляет собой простой товар, меновую стоимость вообще; а потому в обращении судьба его может сложиться и так, что он будет реализован в деньгах, и так, что он не будет в них реализован; это означает, что его меновая стоимость может превратиться в деньги, но может и не превратиться. Поэтому меновая стоимость капитала — которая до этого была установлена идеально — скорее стала проблематичной, чем *возникла.* Что же касается того, что капитал *реально* полагается в обращении как более высокая меновая стоимость, то это и подавно не может проистекать из самого обращения, в котором, согласно его простому определению, обмениваются только эквиваленты. Если капитал выходит

из обращения в виде более высокой меновой стоимости, то и вступать в обращение он должен в качестве таковой.

По своей форме капитал состоит не из предметов труда и труда, а из *стоимостей* или, еще определеннее, из *цен*. То обстоятельство, что стоимостные элементы капитала во время процесса производства существуют как различные субстанции, отнюдь не касается их определения как стоимостей; они от этого не изменяются. Если они из формы беспокойного движения, процесса в конце последнего снова соединяются в продукте в покоящейся объективной форме, то по отношению к стоимости это опять-таки есть всего лишь обмен веществ, который ее не изменяет. Правда, субстанции как таковые разрушены, но они превратились не в ничто, а в другую, иначе сформированную субстанцию. Прежде они выступали в качестве элементарных, безразличных условий продукта. Теперь они стали продуктом. Следовательно, стоимость продукта может быть равна только сумме тех стоимостей, которые были материализованы в определенных вещественных элементах процесса производства, в сырье, в орудии труда (сюда относятся также и такие товары, которые служат всего лишь вспомогательными материалами) и в самом труде. Сырье потреблено целиком, труд потреблен целиком, орудие потреблено лишь отчасти и, следовательно, продолжает еще обладать некоторой частью стоимости капитала в той его определенной форме существования, которая была ему присуща еще до процесса производства. Следовательно, эта часть стоимости капитала здесь вовсе не принимается во внимание, так как она не претерпела никаких изменений. Различные способы существования стоимостей были чистой видимостью, сама же стоимость составляла ту сущность, которая оставалась равной себе в процессе исчезновения этих различных способов ее существования. С этой точки зрения продукт, рассматриваемый в качестве стоимости, является не *продуктом*, а, скорее, остающейся идентичной, неизменной стоимостью и лишь обладает некоторой иной формой существования, формой, которая, однако, для стоимости тоже безразлична и может быть обменена на деньги.

Стоимость продукта равна стоимости сырья плюс стоимость уничтоженной части орудий труда (т. е. той части орудий труда, которая перешла в продукт, была уничтожена в своей первоначальной форме) плюс стоимость труда. Другими словами, цена продукта равняется этим издержкам производства, т. е. равняется сумме цен тех товаров, которые были потреблены в процессе производства. Это означает, иначе говоря, только то, что процесс производства со своей вещественной стороны [III—18]

был безразличен для стоимости; что поэтому стоимость осталась тождественной самой себе и лишь приняла иной вещественный способ существования, материализовалась в другой субстанции и другой форме. (Форма субстанции не имеет ничего общего с экономической *формой*, со стоимостью как таковой.)

Если капитал первоначально был равен 100 талерам, то он по-прежнему продолжает оставаться равным 100 талерам, несмотря на то, что эти 100 талеров в процессе производства существовали в виде 50 талеров хлопка, 40 талеров заработной платы и 10 талеров прядильной машины, а теперь существуют в виде хлопчатобумажной пряжи ценой в 100 талеров. Это воспроизводство 100 талеров есть всего лишь сохранение ими равенства с самими собой, с той только разницей, что сохранение это опосредствовано здесь материальным процессом производства. Этот процесс должен поэтому завершиться продуктом, иначе хлопок потеряет свою стоимость, зря будет изнашиваться орудие труда, зря будет выплачена заработная плата. Единственное условие самосохранения стоимости заключается в том, чтобы процесс производства был действительно полным процессом, т. е. завершался продуктом. Полнота процесса производства, т. е. то, что он завершается продуктом, здесь действительно представляет собой условие самосохранения стоимости, сохранения ею равенства с самою собой; но это уже заложено в том первоначальном условии, что капитал действительно становится потребительной стоимостью, становится действительным процессом производства; следовательно, это в данном пункте *предположено*.

С другой стороны, процесс производства является для капитала процессом производства *лишь* постольку, поскольку в этом процессе, а стало быть, и в продукте, капитал сохраняет себя как стоимость. Поэтому утверждение, что необходимая цена равна сумме цен издержек производства, является чисто аналитическим [143]. Это — предпосылка производства самого капитала. Сначала капитал дан как 100 талеров, как простая стоимость; затем в этом процессе производства он выступает как сумма цен определенных — определенных самим процессом производства — стоимостных элементов самого капитала. Цена капитала, его стоимость, выраженная в деньгах, равна цене его продукта. Это означает, что стоимость капитала как результат процесса производства является такой же, какой она была в качестве предпосылки этого процесса.

Однако во время процесса производства стоимость капитала не сохраняет ни той простоты, которой она обладает в начале его, ни той, которую она снова приобретает в конце процесса

производства, как его результат; напротив, она распадается на такие, на первый взгляд совершенно безразличные, количественные составные части, как стоимость труда (заработная плата), стоимость орудия труда и стоимость сырья. Здесь еще не дано никакого иного отношения, кроме того, что в процессе производства простая стоимость численно распадается на некоторое количество стоимостей, которые в продукте вновь соединяются в своей однородной простоте, но теперь являются *суммой*. Однако сумма эта равна первоначальному единому целому. Если рассматривать только стоимость, то, кроме ее количественного деления, здесь еще не содержится никакой другой разницы в соотношении между различными количествами стоимости. 100 талеров были первоначальным капиталом; 100 талеров являются продуктом, но теперь эти 100 талеров выступают как сумма: 50 + 40 + 10 талеров. Я мог бы также и с самого начала рассматривать эти 100 талеров как сумму 50 + 40 + 10 талеров, но с таким же основанием мог бы рассматривать их и как сумму 60 + 30 + 10 талеров и т. д. То обстоятельство, что 100 талеров выступают теперь как сумма определенных количеств единиц, обусловлено тем, что каждый из тех различных вещественных элементов, на которые распадался капитал в процессе производства, представлял собой одну из частей стоимости капитала, но часть вполне определенную.

Позже обнаружится, что между самими этими количествами, на которые распадается первоначальное единое целое, существуют определенные соотношения, но здесь это нас еще совершенно не касается. В той мере, в какой во время процесса производства имеет место движение самой стоимости, оно является чисто формальным и состоит в следующем простом акте. [Во-первых], стоимость существует сначала как единое целое, т. е. как определенное количество единиц, которое само рассматривается как единство, как целое: капитал в 100 талеров; во-вторых, во время процесса производства это единое целое делится на 50 талеров, 40 талеров и 10 талеров, — деление, имеющее существенное значение, поскольку материал труда, орудие труда и труд употребляются в определенных количествах, но здесь, по отношению к самим 100 талерам, являющееся лишь безразличным разложением их на различные количества одной и той же единицы; наконец, [в-третьих], в продукте эти 100 талеров появляются вновь уже как сумма. По отношению к стоимости единственным процессом является то, что она сначала выступает как целое, как единство, затем — как деление этого единства на определенное количество частей и, наконец, — как сумма. Те 100 талеров, которые выступают как сумма в конце,

в такой же точно мере представляют собой как раз ту же самую сумму, которая выступала как единое целое вначале. Определение суммы, определение сложения получилось только благодаря тому делению, которое произошло в акте производства; но это определение не существует в самòм продукте как таковом. Следовательно, положение о том, что цена продукта равна цене издержек производства, или что стоимость капитала равна стоимости продукта, означает только то, что стоимость капитала сохранилась в акте производства и выступает теперь как сумма.

Рассматривая одну лишь эту тождественность капитала, или воспроизводство его стоимости на протяжении всего процесса производства, мы не продвинулись бы ни на шаг вперед. То, что вначале было налицо как предпосылка, теперь налицо [III—19] как результат, и притом в неизменившейся форме. Что экономисты на самом деле имеют в виду не это, когда говорят об определении цены издержками производства, это ясно. Иначе никогда нельзя было бы создать бòльшую стоимость, чем та, которая была налицо вначале; нельзя было бы создать бòльшую меновую стоимость, хотя можно было бы создать потребительную стоимость более высокого порядка, о чем здесь вовсе нет речи. Дело идет о *потребительной стоимости капитала* как такового, а не о потребительной стоимости товара.

Когда говорят, что издержки производства, или необходимая цена товара, равны 110, то расчет ведется так: первоначальный капитал равен 100 (стало быть, например, сырье равно 50, труд равен 40, орудие труда равно 10) + 5% (процент) + 5% (прибыль). Значит, издержки производства равны 110, а не 100; стало быть, издержки производства [Produktionskosten] [144] выше себестоимости производства [Kosten der Produktion].

Если мы перебежим, как это любят делать некоторые экономисты, от меновой стоимости товара к его потребительной стоимости, то это нисколько не поможет делу. Будет ли эта последняя как потребительная стоимость потребительной стоимостью более высокого или более низкого порядка, она как таковая не определяет меновой стоимости. Цены товаров часто падают ниже их цен производства [145], хотя товары эти бесспорно получили потребительную стоимость более высокого порядка, чем они имели в период *до начала* производства.

Столь же бесполезно было бы искать спасения в обращении. Я произвожу на 100, но продаю на 110.

«Прибыль не создается обменом. Если бы она не существовала раньше, она не могла бы существовать и после этой сделки» (*G. Ramsay*. An Essay on the Distribution of Wealth. Edinburgh, 1836, стр. 184).

Это означало бы попытку вывести увеличение стоимости из простого обращения, между тем как в простом обращении стоимость, напротив, *самым определенным образом* выступает только как эквивалент. Да и эмпирически ясно, что если все продают на 10% дороже издержек производства, то это то же самое, как если бы все продавали по издержкам производства. Прибавочная стоимость [146] была бы тогда чисто номинальной, фиктивной, условной, была бы просто фразой. А так как деньги сами являются товаром, продуктом, то и они продавались бы на 10% дороже, т. е. продавец, получивший 110 талеров, фактически получил бы только 100.

(Смотри у *Рикардо* о внешней торговле, которую он рассматривает как простое обращение и поэтому говорит:

«Внешняя торговля никогда не может увеличить меновые стоимости какой-нибудь страны» [147].

Доводы, которые Рикардо приводит для обоснования этого положения, абсолютно те же, которые «доказывают», что обмен как таковой, простое обращение, следовательно торговля вообще, поскольку она рассматривается как простое обращение, — никогда не могут увеличить *меновые стоимости*, никогда не могут создать *меновую стоимость*.)

В противном случае и тезис о том, что цена равна издержкам производства, должен был бы гласить: цена товара всегда больше его издержек производства.

Помимо простого числового деления и сложения, к стоимости в процессе производства присоединяется еще и формальный элемент, заключающийся в том, что элементы стоимости выступают теперь как *издержки производства*, т. е. что элементы самого процесса производства сохраняются не в их вещественной определенности, а как *стоимости*, которые в том виде, в каком они существуют *до* процесса производства, в этом процессе потребляются.

С другой стороны ясно, что если бы акт производства сводился только к воспроизводству стоимости капитала, то капитал подвергался бы только вещественным, а не экономическим изменениям, и что подобное простое сохранение его стоимости противоречит понятию капитала. Правда, капитал не оставался бы, подобно самостоятельно существующим деньгам, вне обращения, а принимал бы вид различных товаров, но это он делал бы ни за что ни про что; это был бы бесцельный процесс, так как в конце его капитал представлял бы лишь ту же самую сумму денег и только подвергался бы риску потерпеть ущерб в акте производства, который может и не удаться и в котором деньги утрачивают свою непреходящую форму.

Ну ладно, вот процесс производства окончен, продукт реализовался в деньгах и снова принял первоначальную форму 100 талеров. Но ведь капиталисту тоже надо есть и пить; он не может жить за счет этой смены формы денег. Значит, часть этих 100 талеров пришлось бы обменять не как капитал, а как монету на товары как потребительные стоимости и в этой форме их потребить. 100 талеров превратились бы в 90, а так как капиталист всегда воспроизводит капитал в конечном счете в форме денег, и притом в форме того же количества денег, с которым он начал производство, то в конце концов эти 100 талеров были бы съедены, и капитал исчез бы. Но, могут сказать, капиталист должен получить плату за *труд,* выражающийся в том, что он бросает 100 талеров в качестве капитала в процесс производства, а не проедает их. Но из каких же источников прикажете его оплачивать? И не оказывается ли его труд совершенно бесполезным, так как капитал включает в себя заработную плату и, следовательно, рабочие могли бы жить за счет простого воспроизводства издержек производства, что для капиталиста невозможно? Следовательно, капиталист выступал бы под рубрикой *faux frais de production* *. И каковы бы ни были заслуги капиталиста, воспроизводство было бы возможно и без него, так как рабочие в процессе производства вкладывают лишь ту стоимость, которую они оттуда извлекают, т. е. они вовсе не нуждаются в капиталистическом отношении для того, чтобы постоянно вновь возобновлять процесс производства; да и, кроме того, не было бы фонда, из которого можно было бы оплатить заслуги капиталиста, так как цена товара была бы равна издержкам производства. Если же рассматривать труд капиталиста как особый труд наряду с трудом рабочих и сверх их труда, например как труд по надзору и т. д., то капиталист получал бы, как и рабочие, определенную заработную плату, принадлежал бы к той же категории, что и они, и относился бы к труду отнюдь не как капиталист; он и не обогащался бы, а получал бы только такую меновую стоимость, которую должен был бы потреблять через посредство обращения.

Наличие капитала, противостоящего труду, требует, чтобы для-себя-сущий капитал — капиталист — мог быть налицо, мог жить как *не-рабочий.* С другой стороны, столь же ясно, — это следует также и из [III—20] обычных экономических определений, — что такой капитал, который мог бы только сохранять свою *стоимость, не* сохранил бы ее. *Производственный риск должен быть компенсирован.* Капитал должен сохраняться

* — непроизводительных издержек производства. *Ред.*

при колебаниях цен. Должно быть компенсировано обесценение капитала, непрерывно совершающееся в результате повышения производительной силы, и т. д. Поэтому-то экономисты плоско говорят, что если бы не получалось барыша, прибыли, то всякий проедал бы свои деньги, вместо того чтобы вкладывать их в производство, применять их в качестве капитала. Словом, предположить такое *не-возрастание стоимости*, т. е. не-умножение стоимости капитала, — значит предположить, что капитал не является действительным звеном производства, не является *особым производственным отношением;* это значит предположить такое состояние, при котором издержки производства не имеют формы капитала, а капитал не выступает как условие производства.

Нетрудно понять, каким образом труд может умножать потребительную стоимость; трудность заключается в понимании того, каким образом труд может создавать больше меновых стоимостей, чем их было предпослано производству.

Предположим, что меновая стоимость, которую капитал выплачивает рабочему, представляет собой точный эквивалент той стоимости, которую труд создает в процессе производства. В этом случае увеличение меновой стоимости продукта было бы невозможно. То, что труд как таковой привнес бы в процесс производства сверх предпосланной этому процессу стоимости сырья и орудия труда, было бы выплачено рабочему. Стоимость самого продукта, поскольку она представляет собой избыток над стоимостью сырья и орудия, доставалась бы рабочему, с той лишь разницей, что капиталист выплачивает рабочему эту стоимость в виде заработной платы, а рабочий возвращает ее капиталисту в виде продукта.

* * *

{Что под *издержками производства* подразумевается не сумма стоимостей, вступающих в производство, — притом подразумевается даже и теми экономистами, которые на словах сводят дело к этой сумме, — ясно видно в отношении процента на данный взаймы капитал. Для промышленного капиталиста процент прямо принадлежит к числу расходов этого капиталиста, к числу его *действительных* издержек производства. Но сам процент уже предполагает, что капитал выходит из производства в виде прибавочной стоимости, так как процент сам является лишь *одной из форм* этой прибавочной стоимости. Так как процент, стало быть, с точки зрения ссудополучателя уже входит в его *непосредственные издержки производства,* то обнаруживается, что в издержки производства входит капитал как

таковой, а капитал как таковой не является просто суммой своих стоимостных составных частей.

В проценте сам капитал в свою очередь выступает в определении *товара,* но товара, *специфически* отличного от всех других товаров; *капитал как таковой* — не как простая сумма меновых стоимостей — вступает в обращение и становится *товаром.* Здесь характер самого товара оказывается *экономическим, специфическим* определением; он не безразличен, как это имеет место в простом обращении, и не соотнесен прямо с трудом, противоположностью капитала, его [капитала] потребительной стоимостью, как это имеет место в промышленном капитале — капитале, каким он выступает в своих ближайших определениях, проистекающих из производства и обращения. Поэтому товар в качестве капитала, или капитал в качестве *товара,* не обменивается в обращении на эквивалент; вступая в обращение, он *сохраняет свое для-себя-бытие;* таким образом, он сохраняет свое первоначальное отношение к своему собственнику, даже когда он переходит в руки чужого владельца. Капитал, фигурирующий в качестве товара, поэтому всего лишь *ссужается.* Для его собственника потребительной стоимостью этого капитала как таковой является *увеличение* его *стоимости,* деньги как деньги, а не как средство обращения; их *потребительная стоимость как капитала.*

Выставленное г-ном Прудоном требование, чтобы капитал не отдавался в ссуду и не приносил процентов, а в качестве товара продавался бы за свой эквивалент, как всякий другой товар, — вообще представляет собой не что иное, как требование, чтобы меновая стоимость никогда не становилась капиталом, а оставалась простой меновой стоимостью; чтобы *капитал не существовал в качестве капитала* [148]. Это требование, выставленное совместно с требованием, чтобы наемный труд оставался всеобщим базисом производства, свидетельствует о забавной путанице в отношении простейших экономических понятий. Отсюда та жалкая роль, которую Прудон играет в полемике с Бастиа, о чем мы будем говорить впоследствии. Болтовня о соображениях справедливости и права сводится лишь к тому, что отношение собственности, или правовое отношение, в том виде, в каком оно соответствует простому обмену, хотят в качестве масштаба применить к отношению собственности и правовому отношению на более высокой ступени развития меновой стоимости. Поэтому Бастиа, сам того не сознавая, в свою очередь выпячивает те моменты простого обращения, которые толкают к капиталу.

Капитал, сам выступающий в качестве товара, представляет собой *деньги в качестве капитала,* или *капитал в качестве денег.*}

* * *

{Третьим моментом, который следует рассмотреть в процессе формирования понятия капитала, является *первоначальное накопление* в противоположность труду, а значит и лишенный предметности труд в противоположность накоплению.

Первый момент исходил из стоимости как проистекающей из обращения и предполагающей его. Это было *простое понятие* капитала: деньги, непосредственно в их дальнейшем определении — определении капитала. *Второй момент* исходил из капитала как предпосылки производства и его результата. *Третий момент* полагает капитал как *определенное единство* обращения и производства. (Отношение между капиталом и трудом, между капиталистом и рабочим само выступает как результат процесса производства.)

Первоначальное накопление следует отличать от накопления [III—21] капиталов; последнее предполагает капиталы; предполагает отношение капитала как *существующего*, а следовательно, подразумевает также отношения капитала к труду, к ценам (тех товаров, из которых состоит основной и оборотный капитал), к проценту и прибыли. Но для того чтобы возникнуть, капитал уже предполагает известное накопление, которое заложено уже в самостоятельно существующей противоположности между овеществленным и живым трудом, заложено в самостоятельном существовании этой противоположности. Это накопление, — которое необходимо для возникновения капитала и которое, стало быть, уже включено в качестве предпосылки, в качестве одного из моментов, в понятие капитала, — следует отличать по существу от накопления капитала, уже ставшего капиталом, от накопления, при котором уже должны иметься налицо *капиталы*.}

* * *

{Мы уже видели *, что капитал предполагает: 1) процесс производства вообще, в том виде, в каком он свойствен всем общественным укладам, т. е. процесс производства вне его исторического характера, если угодно, *общечеловеческий* процесс; 2) *обращение*, которое даже в каждом из своих моментов, а еще более в своей целостности является определенным *историческим* продуктом; 3) *капитал* как *определенное* единство обоих.

В какой мере сам общий процесс производства видоизменяется исторически, едва только он начинает выступать уже

* См. настоящий том, часть I, стр. 181—182, 203—204, 207—213. *Ред.*

только как элемент капитала, — это должно выявиться в ходе его анализа, как и вообще из простого рассмотрения специфических особенностей капитала должны выявиться его исторические предпосылки.}

* * *

{Все прочее является переливанием из пустого в порожнее. Какие определения следует включить в первый раздел: «*О производстве вообще*», и какие в первый отдел второго раздела, трактующий о *меновой стоимости вообще*, — это может выясниться лишь в конце и в качестве результата всего исследования. Например, мы уже видели *, что различение потребительной стоимости и меновой стоимости относится к самой политической экономии и что потребительная стоимость не остается, как это имеет место у Рикардо, лежать мертвой в качестве простой предпосылки. Глава о производстве объективно заканчивается продуктом как результатом производства; глава об обращении начинается *товаром*, который в свою очередь сам является *потребительной стоимостью* и *меновой стоимостью* (а стало быть, также и *стоимостью*, отличной от них обеих); обращение выступает как единство потребительной стоимости и меновой стоимости, однако как такое единство, которое является лишь формальным и потому разрушается, превращаясь в товар как всего лишь предмет потребления (нечто внеэкономическое) и в меновую стоимость, обособившуюся в виде денег как чего-то вполне самостоятельного.}

[3) ПРИБАВОЧНЫЙ ТРУД КАК ИСТОЧНИК ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ КАПИТАЛА]

Прибавочная стоимость, которую капитал имеет в конце процесса производства, — прибавочная стоимость, которая в качестве возросшей цены продукта реализуется лишь в обращении, однако только так, как это имеет место со всеми ценами, реализующимися в обращении лишь вследствие того, что они уже идеально *предпосланы* обращению, определены еще до того, как они вступают в обращение, — прибавочная стоимость, если ее выразить в соответствии с общим понятием меновой стоимости, означает, что овеществленное в продукте рабочее время, или количество труда (будучи выражена в состоянии покоя, величина труда выступает как распределенное в пространстве

* См. настоящий том, часть I, стр. 216—217. *Ред.*

количество, будучи же выражена в состоянии движения, она поддается измерению только через посредство времени), больше того рабочего времени, которое содержалось в первоначальных составных частях капитала. А это возможно лишь при том условии, если труд, овеществленный в цене труда, меньше того живого рабочего времени, которое было куплено с помощью этого овеществленного труда.

Овеществленное в капитале рабочее время является, как мы видели, суммой, состоящей из трех частей: a) из рабочего времени, овеществленного в сырье; b) из рабочего времени, овеществленного в орудии; c) из рабочего времени, овеществленного в цене труда. Части *a* и *b* остаются в качестве частей капитала неизменными; хотя в ходе процесса они и меняют свой вид, свой материальный способ существования, но как стоимости они остаются неизменными. Только часть *c* обменивается капиталом на нечто качественно другое: данное количество овеществленного труда обменивается на некоторое количество живого труда. Если бы живое рабочее время лишь воспроизводило рабочее время, овеществленное в цене труда, то и этот обмен был бы тоже лишь формальным, и, в том что касается стоимости, здесь вообще имел бы место обмен на живой труд как на всего лишь иную форму существования той же самой стоимости, подобно тому как в отношении стоимости материала труда и орудия труда имело место лишь изменение вещественной формы их существования. Если капиталист уплатил рабочему цену, равную одному рабочему дню, и рабочий день рабочего добавил к сырью и орудию только один рабочий день, то это означало бы, что капиталист просто обменял меновую стоимость в одной форме на меновую стоимость в другой форме. Он действовал бы не как капитал. С другой стороны, рабочий не оставался бы тут в рамках простого процесса обмена: по существу он получил бы в уплату продукт своего труда, но так, что капиталист оказал бы ему одолжение, выплатив ему вперед цену продукта еще до его реализации. Капиталист предоставил бы ему кредит, и притом даром, pour le roi de Prusse *. Voilà tout **.

Тот обмен между капиталом и трудом, результатом которого является цена труда, хотя и представляет собой со стороны рабочего простой обмен, со стороны капиталиста должен быть не-обменом. Капиталист должен получить больше стоимости, чем он отдал. Обмен, рассматриваемый со стороны капитала, должен быть только *кажущимся* обменом, т. е. он должен подпадать под

* — буквально: «для короля Пруссии», т. е. ни за что ни про что, за здорово живешь. *Ред.*

** — Вот и всё. *Ред.*

другое экономическое определение формы, чем определение формы обмена; иначе были бы невозможны капитал как капитал и труд как труд в противоположность капиталу. Капитал и труд обменивались бы лишь как равные меновые стоимости, вещественно существующие в различных формах бытия.

Вот почему экономисты, желая оправдать капитал, апологетизировать его, прибегают к помощи этого простого [III—22] процесса и объясняют капитал посредством как раз такого процесса, который делает невозможным его существование. Для того чтобы демонстрировать капитал, они демонстрируют отсутствие капитала. Ты [капиталист] платишь мне [рабочему] за мой труд, получаешь его в обмен на его собственный продукт и вычитаешь у меня стоимость сырья и материала, которые ты мне доставил. Это означает, что мы являемся *компаньонами,* которые вносят в процесс производства различные элементы и обменивают их между собой сообразно их стоимости. Стало быть, продукт превращается в деньги, а деньги делятся таким образом, что ты, капиталист, получаешь цену твоего сырья и орудия, а я, рабочий, получаю ту цену, которую прибавил к ним труд. Для тебя выгода заключается в том, что ты обладаешь теперь сырьем и орудием в пригодной для потребления (способной к обращению) форме, для меня выгода заключается в том, что мой труд реализовал себя. Правда, скоро ты попал бы в такое положение, что твой капитал в форме денег оказался бы съеденным, тогда как я в качестве рабочего завладел бы и тем и другим [и сырьем и орудием труда]. —

Тем, что̀ рабочий обменивает на капитал, является сам его труд (в обмене фигурирует возможность распоряжаться его трудом); он *отчуждает* свой труд. То, что рабочий получает в качестве цены, есть *стоимость* этого отчуждения. Рабочий обменивает создающую стоимость деятельность на некоторую, заранее определенную, стоимость, независимо от результатов своей деятельности.

* * *

{Г-н Бастиа обнаруживает необычайное глубокомыслие, утверждая, что *система наемного труда* является несущественной, чисто формальной формой, такой формой ассоциации, которая *как таковая* не имеет ничего общего с экономическим отношением труда и капитала *. Если бы, говорит он, рабочие были настолько богаты, что могли бы ждать, пока продукт будет изготовлен и продан, то система наемного труда не мешала

* См. настоящий том, часть I, стр. 10—15, 196—197. *Ред.*

бы им заключать с капиталистом такой же выгодный контракт, какой один капиталист заключает с другим. Таким образом, зло заключается не в форме наемного труда, а в условиях, от него независимых. Что сами эти условия являются *условиями системы наемного труда* — это г-ну Бастиа, конечно, в голову не приходит. Если бы рабочие одновременно были и капиталистами, то они, действительно, относились бы к неработающему капиталу не как работающие рабочие, а как работающие капиталисты, — т. е. не в форме наемных рабочих. Поэтому для г-на Бастиа заработная плата *по существу* то же самое, что *прибыль*, а прибыль то же самое, что *процент*. Это он называет *гармонией экономических отношений*, заключающейся в том, что экономические отношения существуют лишь *по видимости*, в действительности же, в сущности, имеется только одно отношение, отношение простого обмена. Поэтому *существенные* формы сами по себе представляются г-ну Бастиа *бессодержательными*, т. е. недействительными формами.}

* * *

Как же определяется стоимость того товара, который отчуждает рабочий? Она определяется тем овеществленным трудом, который содержится в его товаре. Этот товар существует в живой личности рабочего. Для того чтобы изо дня в день поддерживать свою жизнедеятельность, рабочий (о рабочем классе, следовательно о том возмещении износа, которое необходимо для сохранения им себя как класса, здесь пока еще нет речи, так как рабочий здесь еще противостоит капиталу как *рабочий*, стало быть как заранее данный, обладающий определенным долголетием субъект, а не как смертный индивид рода рабочих) должен потреблять определенное количество жизненных средств, возмещать израсходованную кровь и т. д. Рабочий получает только эквивалент. Значит, завтра, по завершении обмена, — а закончив обмен формально, рабочий в действительности выполняет его лишь в процессе производства, — его способность к труду существует в том же виде, как и до обмена: рабочий получил точный эквивалент, так как полученная им цена позволяет ему остаться владельцем той же самой меновой стоимости, которую он имел прежде. То количество овеществленного труда, которое содержалось в его жизнедеятельности, оплачено ему капиталом. Рабочий потребил это количество овеществленного труда, и так как оно существовало не как вещь, а как способность живого человека, то рабочий в силу *специфической* природы своего товара — специфической природы жизненного

процесса — может снова пойти на обмен. То обстоятельство, что кроме рабочего времени, овеществленного в жизнедеятельности рабочего, — т. е. того рабочего времени, которое потребовалось для оплаты продуктов, необходимых для сохранения жизнедеятельности рабочего, — в его непосредственном бытии овеществлен еще и дальнейший труд, а именно те стоимости, которые рабочий потребил, чтобы достичь определенной *способности к труду*, особого *мастерства*, — а стоимость этой способности, этого особого мастерства измеряется тем, с какими издержками производства может быть создано подобное мастерство в труде, — это обстоятельство нас здесь еще не касается, ибо здесь речь идет не об *особо* квалифицированном труде, а о труде вообще, о простом труде.

Если бы для того, чтобы поддержать существование рабочего в течение одного рабочего дня, нужен был целый рабочий день, то капитал не существовал бы, так как рабочий день обменивался бы на свой собственный продукт и, следовательно, капитал не мог бы увеличиваться по своей стоимости, а потому и сохраняться как капитал. Самосохранение капитала есть его самовозрастание. Если бы капиталу, для того чтобы жить, тоже нужно было работать, то он сохранялся бы не как капитал, а как труд. Собственность на сырье и орудия труда была бы тогда только *номинальной;* [III—23] экономически они принадлежали бы рабочему в такой же точно мере, в какой они принадлежали бы капиталисту, так как они создавали бы для капиталиста *стоимость* лишь постольку, поскольку он сам был бы рабочим. Поэтому он относился бы к ним не как к капиталу, а как к простому материалу и средству труда, как это делает сам рабочий в процессе производства.

Если же, напротив, для того чтобы поддержать жизнь рабочего в течение целого рабочего дня, требуется, например, только половина рабочего дня, то содержащаяся в продукте прибавочная стоимость получается сама собой, потому что в цене [труда] капиталист оплатил только половину рабочего дня, а в продукте получает в овеществленном виде целый рабочий день; следовательно, за вторую половину рабочего дня он не дал в обмене *ничего*. Сделать его капиталистом может не обмен, а только такой процесс, в котором он без всякого обмена получает *овеществленное рабочее время*, т. е. *стоимость*. Половина рабочего дня не стоит капиталу *ничего;* следовательно, он получает стоимость, за которую не дал эквивалента. А увеличение стоимостей может иметь место лишь благодаря тому, что та или иная стоимость получается, а следовательно, и *создается* сверх эквивалента.

Прибавочная стоимость — это вообще стоимость сверх эквивалента. По своему определению эквивалент является лишь тождеством стоимости с самой собой. Поэтому прибавочная стоимость никогда не может возникнуть из эквивалента; а значит, она и не может возникнуть первоначально из обращения; она должна проистекать из самого процесса производства капитала. Это можно выразить еще и следующим образом: если рабочему, для того чтобы прожить целый день, требуется лишь половина рабочего дня, то для того чтобы поддерживать свое существование в качестве рабочего, ему надо работать только полдня. Вторая половина рабочего дня представляет собой принудительный труд, прибавочный труд [surplus-Arbeit]. То, что на стороне капитала выступает как прибавочная стоимость, как раз это самое на стороне рабочего выступает как прибавочный труд, как труд сверх его потребности как рабочего, т. е. сверх той его потребности, от удовлетворения которой непосредственно зависит поддержание его жизнедеятельности.

Великая историческая сторона капитала заключается в *создании* этого *прибавочного труда,* излишнего с точки зрения одной лишь потребительной стоимости, с точки зрения простого поддержания существования рабочего, и историческое назначение капитала будет выполнено тогда, когда, с одной стороны, потребности будут развиты настолько, что сам прибавочный труд, труд за пределами абсолютно необходимого для жизни, станет всеобщей потребностью, проистекающей из самих индивидуальных потребностей людей, и когда, с другой стороны, всеобщее трудолюбие благодаря строгой дисциплине капитала, через которую прошли следовавшие друг за другом поколения, разовьется как всеобщее достояние нового поколения, — когда, наконец, это всеобщее трудолюбие, благодаря развитию производительных сил труда, постоянно подстегиваемых капиталом, одержимым беспредельной страстью к обогащению и действующим в таких условиях, в которых он только и может реализовать эту страсть, приведет к тому, что, с одной стороны, владение всеобщим богатством и сохранение его будут требовать от всего общества лишь сравнительно незначительного количества рабочего времени и что, с другой стороны, работающее общество будет по-научному относиться к процессу своего прогрессирующего воспроизводства, своего воспроизводства во все возрастающем изобилии; — следовательно, тогда, когда прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека.

Таким образом, капитал и труд относятся здесь друг к другу как деньги и товар: если капитал есть всеобщая форма богат-

ства, то труд является такой субстанцией, которая ставит себе целью только непосредственное потребление. Но в качестве безудержного стремления к всеобщей форме богатства капитал гонит труд за пределы обусловленных природой потребностей рабочего и тем самым создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всестороння и в своем производстве и в своем потреблении и труд которой выступает поэтому уже не как труд, а как полное развитие самой деятельности, где обусловленная природой необходимость исчезает в своей непосредственной форме, ибо на место обусловленной природой потребности становится потребность, созданная исторически. Поэтому-то *капитал* и *производителен,* т. е. поэтому-то он и является *существенным отношением для развития общественных производительных сил.* Таковым капитал перестает быть только тогда, когда развитие самих этих производительных сил находит предел в самом капитале.

В газете «Times» в ноябре 1857 года помещен прелестный вопль ярости одного вест-индского плантатора [149]. С великим нравственным негодованием этот поборник восстановления рабства негров изображает, как *квоши* (свободные негры на Ямайке) довольствуются производством только того, что совершенно необходимо для их собственного потребления, а подлинным предметом роскоши рядом с этой «потребительной стоимостью» считают само бездельничанье (распущенность и праздность); как они наплевательски относятся и к сахару и к вложенному в плантации основному капиталу; как они зато с ироническим злорадством посмеиваются над разоряющимся плантатором и даже христианство, которому их научили, используют только для оправдания этого своего злорадства и своей лени.

Они перестали быть рабами, но не для того, чтобы стать наемными рабочими, а для того, чтобы быть самостоятельными крестьянами, работающими ради своего собственного скудного потребления. По отношению к ним капитал не существует как капитал, потому что обособившееся в виде самостоятельной силы богатство может вообще существовать *только* благодаря принудительному труду: *непосредственному* принудительному труду — рабству или *опосредствованному* принудительному труду — *наемному труду.* Непосредственному принудительному труду богатство противостоит не как капитал, а как *отношение господства;* поэтому на основе непосредственного принудительного труда и воспроизводится только отношение господства, для которого само богатство имеет ценность только как наслаждение, а не как богатство само по себе, и которое [III—24]

поэтому никогда и не может создать *всеобщее промышленное производство.* (К этому соотношению рабства и наемного труда мы еще вернемся.)

[4) ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В ИСТОРИИ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ. БУРЖУАЗНОЕ БОГАТСТВО КАК ПОСРЕДНИК МЕЖДУ МЕНОВОЙ СТОИМОСТЬЮ И ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТЬЮ]

Трудность в понимании возникновения [прибавочной] стоимости обнаруживается, во-первых, у современных английских экономистов, которые упрекают Рикардо в том, что он не понял избытка [стоимости над издержками производства товара], не понял *прибавочной стоимости* [150] (смотри «On value» [151] *Мальтуса,* который, по крайней мере, пытается подойти к делу научно), хотя из всех экономистов один только Рикардо и понял ее, как это показывает его полемика против допущенного А. Смитом смешения определения стоимости заработной платой и определения ее овеществленным в товаре рабочим временем [152].

Новейшие экономисты просто пошлые глупцы. Правда, Рикардо нередко сам впадает в путаницу, так как он, хотя и считает возникновение прибавочной стоимости предпосылкой капитала, однако нередко оказывается не в состоянии на этой основе * представить себе увеличение стоимостей иначе, чем в результате того, что в том же самом количестве продукта теперь содержится *больше овеществленного рабочего времени,* иными словами, в результате того, что производство продукта становится *более трудным* [153]. Отсюда у Рикардо абсолютная противоположность между *стоимостью* и *богатством.* Отсюда односторонность его теории земельной ренты; его ошибочная теория международной торговли, результатом которой будто бы является только потребительная стоимость (то, что Рикардо называет богатством), но никак не меновая стоимость [154]. Единственным средством для увеличения стоимостей как таковых, помимо *возрастающей трудности производства* (теория ренты), остается у Рикардо только рост *населения* (естественное увеличение числа рабочих вследствие возрастания капитала), хотя сам он нигде не выразил это соотношение в простой удобопонятной форме. Основная ошибка Рикардо заключается в том, что он нигде не исследует, откуда же собственно проистекает различие между

* — на основе трудовой теории стоимости. *Ред.*

определением стоимости заработной платой и определением ее овеществленным трудом. Поэтому в его политической экономии деньги и сам обмен (обращение) выступают лишь как чисто формальный элемент, и хотя, по его мнению, в политической экономии речь идет *только* о меновой стоимости, прибыль и т. д. выступают у него *только* в качестве доли участия в продукте, которая имеет место также и на основе рабства. Рикардо нигде не исследовал форму опосредствования.

Во-вторых, *физиократы*. Здесь трудность в понимании капитала, самовозрастания стоимости, а потому и в понимании прибавочной стоимости, которую капитал создает в акте производства, выступает наружу с полной ясностью, да она и не могла не выступить наружу у отцов современной политической экономии, так же как она не могла не выступить наружу в последнем классическом завершении политической экономии у Рикардо в отношении созидания прибавочной стоимости, которое Рикардо [представлял себе] в форме ренты *.

Au fond ** это вопрос о понятии капитала и наемного труда, а потому — фундаментальный вопрос, возникающий уже на самом пороге системы современного общества. Монетарная система понимала самостоятельность стоимости лишь в том виде, в каком стоимость выходит из простого обращения, — в виде *денег;* поэтому она превращала эту *абстрактную форму* богатства в исключительную цель народов, вступавших как раз в такой период, когда *обогащение как таковое* представлялось самоцелью общества.

Затем возникла *меркантилистская система,* относящаяся к той эпохе, когда промышленный капитал, а потому и наемный труд появляются в мануфактуре и развиваются в противоположность непромышленному богатству, феодальной земельной собственности и за ее счет. В глазах меркантилистов деньги уже выступают как капитал, но в сущности выступают опять-таки лишь в форме денег, в форме обращения *торгового* капитала, капитала, *превращающегося в деньги.* Для меркантилистов промышленный капитал обладает ценностью и даже наивысшей ценностью — в качестве средства, а не в качестве самого богатства в его производительном процессе — потому, что он создает торговый капитал, а этот последний в процессе обращения превращается в деньги. Мануфактурный труд, т. е. au fond промышленный труд [— вот что, по мнению меркантилистов, приносит

* В рукописи конец фразы не дописан: «die Schöpfung des Mehrwerts, die er in der Form der Rente». *Ред.*

** — по существу, в сущности. *Ред.*

стране деньги] *. Земледельческий труд, наоборот, был для них трудом, производящим главным образом потребительную стоимость. Сырье, подвергшееся обработке, представлялось им чем-то более ценным потому, что оно в ясной, пригодной для обращения, приспособленной для торговли меркантильной форме приносит больше денег (при этом здесь отразился исторически сложившийся взгляд на богатство неземледельческих народов, таких, в особенности, как Голландия, — в противоположность земледельческим, феодальным народам; земледелие тогда вообще выступало не в промышленной, а в феодальной форме, следовательно как источник феодального, а не буржуазного богатства). Таким образом, одна из форм наемного труда, промышленный труд, и одна из форм капитала, промышленный капитал, были признаны источником богатства, но лишь в той мере, в какой они создавали деньги. Поэтому сама меновая стоимость еще не была понята в форме капитала.

Перейдем к *физиократам.* Они отличают капитал от денег и берут его в его всеобщей форме, как ставшую самостоятельной меновую стоимость, которая сохраняется в процессе производства и увеличивается посредством него. Поэтому-то они и рассматривают отношение [между наемным трудом и капиталом] само по себе; рассматривают его не так, как оно само выступает в качестве момента простого обращения, а, наоборот, рассматривают это отношение как предпосылку простого обращения, которая в качестве таковой постоянно вновь восстанавливает себя из самого обращения. Следовательно, они являются отцами современной политической экономии [155].

Физиократы понимают также, что созидание прибавочной стоимости наемным трудом представляет собой самовозрастание капитала, т. е. его реализацию. Но каким образом капитал, т. е. имеющиеся в наличии стоимости, создает при посредстве труда прибавочную стоимость? Здесь физиократы совершенно отбрасывают форму и рассматривают только простой процесс производства. Поэтому производительным трудом, по их мнению, может быть только труд, совершающийся в такой сфере, где природная сила орудия труда явным образом позволяет рабочему производить больше стоимостей, чем он потребляет. Таким образом, прибавочная стоимость проистекает у них не из труда как такового, а из силы природы, используемой и управляемой трудом, — [III—25] из земледелия. Поэтому для физиократов земледелие является единственно *производительным трудом:* ведь [в своем анализе капитала] они продвинулись уже

* В рукописи конец фразы не дописан *Ред.*

настолько далеко, что считают *производительным трудом только труд, создающий прибавочную стоимость;* однако эта прибавочная стоимость незаметно превращается у них в избыток того количества потребительной стоимости, которое выходит из производства, над тем ее количеством, которое было в нем потреблено.

(Примитивное воззрение, согласно которому прибавочная стоимость непременно должна быть выражена в каком-нибудь материальном продукте, встречается еще у А. Смита [156]. Актеры являются производительными работниками не потому, что они производят спектакль, а потому, что они увеличивают богатство своего хозяина. Но какого рода труд имеет место, стало быть, в какой форме труд материализуется, — это для *рассматриваемого отношения* совершенно безразлично. Это обстоятельство вновь становится небезразличным с тех точек зрения, к рассмотрению которых мы перейдем позже.)

Указанное увеличение количества потребительной стоимости, т. е. избыток продукта над той его составной частью, которая должна служить для нового производства, — избыток, часть которого может быть, следовательно, потреблена непроизводительно, — осязательно выступает только в соотношении между существующими в природе семенами и их продуктом. Только часть урожая должна быть снова непосредственно возвращена земле в качестве семян; при посредстве продуктов, тоже имеющихся в природе, при посредстве таких элементов, как воздух, вода, земля, свет, а также веществ, привносимых в виде навоза или каким-нибудь другим образом, семена воспроизводятся в умножающихся количествах в виде зерна и т. д. Короче говоря, для того чтобы получить избыток продукта, т. е. для того чтобы те же самые вещества природы из формы, непригодной для потребления, превратить в форму, пригодную для него, — человеческий труд должен только направлять химический обмен веществ, отчасти способствуя ему также механическими средствами (в земледелии), или же направлять самый процесс воспроизводства жизни (в животноводстве). Отсюда [по мнению физиократов] следует, что истинной формой всеобщего богатства является избыток продуктов земли (хлеба, скота, сырья). Значит, говоря экономически, формой богатства является только *рента*. Таким образом, получается, что первые пророки капитала считают представителем *буржуазного* богатства только не-капиталиста, *феодального земельного собственника*. Но вывод, который они делают из этого, — переложение всех налогов на ренту, — целиком уже в интересах буржуазного капитала. В принципе феодализм прославляется на буржуазный

лад, — и это обмануло некоторых феодалов, например Мирабо-старшего, — лишь для того, чтобы на практике его разрушить.

Во всех других стоимостях [создаваемых не в сельском хозяйстве] представлены [по мнению физиократов] только сырье и труд; самый труд является представителем хлеба или других продуктов земли, потребляемых трудом. Следовательно, фабричный рабочий и т. п. добавляет к сырью не больше того, что он из других сырых материалов потребляет. Стало быть, его труд, так же как и его работодатель ничего не добавляют к богатству, — которое есть избыток сверх товаров, потребленных в процессе производства, — а только придают существующему богатству формы, приемлемые и полезные для потребления.

Во времена физиократов еще не было развито применение сил природы в промышленности, а также не было развито разделение труда и т. д., увеличивающее естественную силу самого труда. Но все это уже имело место во времена А. Смита. Поэтому у Смита труд вообще является источником стоимостей, точно так же как и источником богатства, но прибавочную стоимость труд создает, собственно говоря, тоже лишь постольку, поскольку при разделении труда избыток выступает в такой же мере как естественный дар общества, как результат данной от природы силы общества, в какой у физиократов этот избыток выступает как дар земли. Отсюда то значение, которое А. Смит придает разделению труда.

С другой стороны, *капитал* у Смита первоначально не содержит в себе, в качестве своей противоположности, момент наемного труда *, а выступает в том виде, как он выходит из обращения, в виде денег, и поэтому он возникает из обращения посредством *сбережения*. Таким образом, первоначально капитал [у Смита] не самовозрастает, так как в само его понятие не включено как раз присвоение чужого труда. Лишь *задним числом*, после того как он уже предположен как *капитал*, он выступает — mauvais cercle ** — как *распоряжение чужим трудом*. Поэтому, согласно А. Смиту, труд, собственно говоря, должен был бы получать в вознаграждение свой собственный продукт, заработная плата должна была бы быть равна продукту, следовательно труд не должен был бы быть наемным трудом, а капитал — капиталом. Поэтому для того чтобы ввести прибыль и ренту в качестве первоначальных элементов издержек произ-

* Это происходит потому, что, хотя Смит и рассматривает труд как нечто созидающее стоимости, но самый труд он понимает как потребительную стоимость, как для-себя-сущую производительность, как *человеческую* природную силу вообще (это отличает его от физиократов), — а не как наемный труд, не в его *специфическом* определении формы в рамках противоположности капиталу.

** — порочный круг. *Ред.*

водства, т. е. чтобы заставить прибавочную стоимость проистекать из процесса производства капитала, Смит в чрезвычайно неуклюжей форме заранее предполагает существование прибыли и ренты. Капиталист-де не хочет безвозмездно предоставлять для производства свой капитал, а земельный собственник — свою землю. Они требуют чего-нибудь взамен. Таким образом, они вместе со своими претензиями введены Смитом как исторически сложившиеся факты, но никак не объяснены. Собственно говоря, у Смита получается, что заработная плата является *единственной экономически* правомерной составной частью издержек производства, так как только она экономически необходима. Прибыль и рента представляют собой лишь *вычеты* из заработной платы, произвольно вынуждаемые в ходе исторического процесса капиталом и земельной собственностью, и они правомерны только *юридически,* а не экономически.

Но так как, с другой стороны, Смит опять-таки противопоставляет труду средства производства и материалы производства как самостоятельные элементы в форме земельной собственности и капитала, то по существу он берет труд как наемный труд. Таким образом, у Смита имеют место противоречия. Отсюда его колебания в определении стоимости; стремление поставить на одну доску прибыль и земельную ренту; ошибочные [III—26] воззрения относительно влияния заработной платы на цены и т. д.

Теперь о *Рикардо* (смотри пункт первый *). И у него наемный труд и капитал выступают не как исторически определенная общественная форма, а как данная природой форма для производства богатства как потребительной стоимости. Это означает, что форма наемного труда и капитала как таковая — именно потому, что она понимается как данная природой — оказывается *безразличной* и берется не в ее *определенной* связи с формой богатства, подобно тому как и само богатство, в его форме меновой стоимости, выступает у Рикардо как чисто формальное опосредствование своего вещественного существования. Вследствие этого у Рикардо оказался непонятым определенный характер буржуазного богатства — именно потому, что характер этот выступает у него как адекватная форма богатства вообще. Поэтому также и в *экономической* плоскости, хотя Рикардо и исходит из *меновой стоимости, определенные экономические формы обмена* сами по себе не играют в его политической экономии совершенно никакой роли, а все время говорится лишь о распределении совокупного продукта труда и земли между

* См. настоящий том, часть I, стр. 282—283. *Ред.*

тремя классами, как будто в понятии богатства, основанного на *меновой стоимости,* речь идет только о *потребительной стоимости,* а меновая стоимость является всего лишь церемониальной формой, которая у Рикардо исчезает точно так же, как в обмене исчезают деньги в качестве средства обращения. Поэтому для того чтобы показать значение истинных законов политической экономии, Рикардо любит ссылаться на это отношение денег как на нечто всего лишь формальное. Этим объясняется также слабость его теории самих денег.

* * *

Необходимо точно развить понятие капитала, так как оно является основным понятием современной политической экономии, подобно тому как сам капитал, — абстрактным отображением которого служит его понятие, — является основой буржуазного общества. Из четкого понимания основной предпосылки [капиталистического] отношения должны выявиться все противоречия буржуазного производства, так же как и та граница, достигая которую это отношение гонит буржуазное производство к выходу за свои собственные пределы.

* * *

{Важно отметить, что богатство как таковое, т. е. буржуазное богатство, там, где оно выступает как *посредник,* как опосредствование самих крайностей меновой стоимости и потребительной стоимости, в наивысшей степени всегда выражается в меновой стоимости. Это опосредствующее начало выступает всегда как завершенное *экономическое* отношение, потому что оно охватывает воедино обе противоположности, и в конце концов оно всегда выступает как односторонне более высокая степень по сравнению с самими крайностями, потому что то движение или то отношение, которое *первоначально* выступает в качестве опосредствующего обе крайности, диалектически с необходимостью приводит к тому, что оно оказывается опосредствованием самого себя, субъектом, лишь моментами которого являются те крайности, самостоятельное предпосылание которых оно снимает с тем, чтобы путем самого их снятия утвердить само себя в качестве единственно самостоятельного. Так в сфере религии Христос, посредник между богом и человеком — всего лишь орудие обращения между ними — становится их единством, богочеловеком и, в качестве такового, становится важнее самого бога; святые — важнее Христа, попы — важнее святых,

Целостное экономическое выражение, будучи само односторонним по отношению к охватываемым им крайностям, всегда является — там, где оно выступает как средний член, — меновой стоимостью; например, деньги в простом обращении; капитал, когда он сам выступает в качестве посредника между производством и обращением. Внутри самого капитала одна из его форм опять-таки занимает положение потребительной стоимости по отношению к другой форме как меновой стоимости. Так, например, промышленный капитал выступает как производитель по отношению к купцу, который выступает как обращение. Таким образом, первый представляет вещественную сторону, второй — сторону формы, следовательно богатство как богатство. Вместе с тем торговый капитал сам в свою очередь является посредником между производством (промышленным капиталом) и обращением (потребляющей публикой), или между меновой стоимостью и потребительной стоимостью, причем обе стороны полагаются попеременно: то производство — как деньги, а обращение — как потребительная стоимость (потребляющая публика), то первое как потребительная стоимость (продукт), а второе — как меновая стоимость (деньги).

То же самое имеет место внутри самой торговли: оптовый торговец, как посредник между фабрикантом и розничным торговцем или между фабрикантом и земледельцем или между различными фабрикантами, представляет собой такое же опосредствующее начало на более высоком уровне. То же самое представляют собой товарные маклера по отношению к оптовому торговцу. Затем — банкир по отношению к промышленникам и купцам; акционерное общество по отношению к простому производству; финансист как посредник между государством и буржуазным обществом на высшей ступени.

Богатство как таковое представлено тем отчетливее и шире, чем дальше оно отстоит от непосредственного производства и чем более оно само в свою очередь опосредствует такие стороны, каждая из которых, рассматриваемая сама по себе, уже положена как экономическое отношение формы. [Это связано с тем,] * что деньги из средства превращаются в цель и что более высокая форма опосредствования в качестве капитала повсюду полагает более низкую форму — выступающую опять-таки в качестве труда — как всего лишь источник прибавочной стоимости. Например, биржевой маклер, банкир и т. д. по отношению к фабрикантам и фермерам, которые по отношению к нему положены относительно в определении труда (потребительной

* В рукописи фраза начинается прямо с союза «daß». *Ред.*

стоимости), в то время как он по отношению к ним полагает себя как капитал, как созидание прибавочной стоимости; в наиболее сумасшедшей форме это выступает у финансиста.}

Капитал есть *непосредственное единство* продукта и денег или, вернее, — единство производства и обращения. Таким образом, сам капитал опять есть нечто *непосредственное*, а его развитие состоит в том, чтобы полагать и снимать самого себя в качестве такого единства, — единства, которое положено как определенное и потому простое отношение. Единство это сначала выступает в капитале как нечто *простое*.

* * *

[III—27] {Ход мысли Рикардо, попросту говоря, таков: Продукты обмениваются друг на друга — а следовательно, и капитал на капитал — соответственно тем количествам овеществленного труда, которые в них содержатся. Рабочий день всегда обменивается на рабочий день. Это является заранее данной предпосылкой. Стало быть, сам обмен можно совсем оставить в стороне. Продукт — капитал, положенный как продукт, — *an sich* * есть меновая стоимость; обмен привносит сюда только форму, у Рикардо — формальную форму.

Вопрос заключается теперь только в том, в каких *пропорциях* распределяется этот продукт. Эти *пропорции*, будут ли они рассматриваться как определенные количества существующей в качестве предпосылки меновой стоимости или как определенные количества ее содержания, материального богатства, — одни и те же. В самом деле, если обмен как таковой представляет собой всего лишь обращение — деньги как обращение, — то уж лучше совсем от него абстрагироваться и рассматривать только те доли материального богатства, которые в ходе процесса производства или в качестве его результата распределяются между различными его агентами. В форме *обмена* всякая стоимость и т. д. лишь *номинальна;* реально она выступает в форме *пропорции*. Весь обмен, коль скоро он не создает большего *материального* разнообразия, является *номинальным*. Так как всегда целый рабочий день обменивается на целый рабочий день, то сумма *стоимостей* остается неизменной: рост производительных сил влияет только на содержание богатства, а не на его форму. Умножение стоимостей может поэтому возникнуть только благодаря увеличению трудности производства, — а это может иметь место только там, где сила природы

* — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

при затрате того же самого количества человеческого труда уже не доставляет прежних результатов, т. е. там, где уменьшается плодородие природных элементов, — в сельском хозяйстве. Поэтому падение прибыли вызывается, по мнению Рикардо, рентой.

Прежде всего, Рикардо исходит из ложного предположения, будто всегда при всех укладах общества работают *целый рабочий день;* и т. д. и т. д. (смотри выше *).}

[5) ВЛИЯНИЕ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ ТРУДА НА ВЕЛИЧИНУ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ. УМЕНЬШЕНИЕ ПРИРОСТА ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ ПО МЕРЕ УВЕЛИЧЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ ТРУДА]

Мы уже видели **: рабочему нужно работать, например, только половину рабочего дня, чтобы прожить целый день и, таким образом, быть в состоянии на следующий день возобновить тот же самый процесс. В способности рабочего к труду — поскольку она существует в рабочем как в *живом* существе, или в нем как в *живом* орудии труда — овеществлена только половина рабочего дня. Целый живой день (день жизни) рабочего представляет собой покоящийся результат, овеществление половины рабочего дня. В результате обмена с тем трудом, который овеществлен в рабочем, — т. е. с половиной дня труда — капиталист присваивает себе весь рабочий день и затем потребляет его в процессе производства на том материале, из которого состоит его капитал, создавая таким образом прибавочную стоимость своего капитала, — в рассматриваемом случае равную половине дня овеществленного труда.

Допустим теперь, что производительные силы труда удваиваются, т. е. что за то же самое время тот же самый труд доставляет двойную *потребительную стоимость.* (В рассматриваемом сейчас отношении в качестве потребительной стоимости пока определено только то, что рабочий потребляет для поддержания своего существования как рабочего; то количество жизненных средств, на которое через посредство денег он обменивает труд, овеществленный в его живой способности к труду.) В случае удвоения производительных сил труда рабочему, для того чтобы жить целый день, приходилось бы работать

* См. настоящий том, часть 1, стр. 282—283. *Ред.*

** Там же, стр. 279—280. *Ред.*

только $^1/_4$ дня. Капиталист должен был бы в этом случае давать рабочему в обмен всего лишь $^1/_4$ дня овеществленного труда, для того чтобы посредством процесса производства увеличить свою прибавочную стоимость с $^1/_2$ до $^3/_4$; таким образом, вместо $^1/_2$ дня овеществленного труда он получал бы для себя $^3/_4$ дня овеществленного труда. Стоимость капитала в тот момент, когда он выходит из процесса производства, повысилась бы уже не на $^2/_4$, а на $^3/_4$ *. Значит, для того чтобы присоединить к капиталу прежнюю прибавочную стоимость, равную $^1/_2$, или $^2/_4$ дня овеществленного труда, капиталисту нужно было бы заставлять рабочего работать только $^3/_4$ дня.

Однако, будучи представителем всеобщей формы богатства — денег, — капитал есть безграничное и безмерное стремление выходить за свои пределы. Всякая граница является и должна являться для него ограничением. Иначе он перестал бы быть капиталом — самовоспроизводящимися деньгами. Если бы капитал уже не ощущал ту или другую определенную границу как ограничение, а ощущал бы ее как такую границу, в пределах которой он чувствовал бы себя хорошо, то он сам превратился бы из меновой стоимости в потребительную стоимость, от всеобщей формы богатства он скатился бы до того или другого определенного субстанциального существования богатства. Капитал как таковой создает некоторую определенную прибавочную стоимость, так как он не может сразу создать бесконечную прибавочную стоимость; но он представляет собой постоянное стремление создать больше прибавочной стоимости. Количественная граница прибавочной стоимости представляется ему лишь как данный природой предел, как необходимость, которую он постоянно стремится преодолеть и за пределы которой он постоянно стремится выйти.

{Ограничение представляется капиталу случайностью, которая должна быть преодолена. Это обнаруживается даже при самом поверхностном наблюдении. Если капитал возрастает со 100 до 1 000, то теперь уже 1 000 служит тем исходным пунктом, от которого должно происходить увеличение. Удесятерение, возрастание капитала на 1 000% не значит ничего: прибыль и процент сами снова превращаются в капитал. *То, что выступало как прибавочная стоимость, теперь выступает как простая предпосылка и т. д.*, как то, что *само* включено в *простое существование капитала*.}

Итак, капиталист (мы совершенно отвлекаемся от привходящих впоследствии определений: конкуренции, цен и т. д.) заставит

* Маркс абстрагируется здесь от стоимости постоянного капитала. *Ред.*

рабочего работать не только $^3/_4$ дня, потому что эти $^3/_4$ дня доставят капиталисту *ту же самую прибавочную стоимость,* какую раньше доставлял ему целый день, а заставит рабочего работать целый день. И то увеличение производительной силы, которое позволяет рабочему прожить целый день за счет $^1/_4$ рабочего дня, выражается теперь просто в том, что ему приходится теперь работать [III—28] на капитал $^3/_4$ дня, между тем как прежде рабочий работал на капитал только $^2/_4$ дня. Так как возросшая производительная сила его труда приводит к сокращению времени, необходимого для возмещения овеществленного в рабочем труда (для создания потребительной стоимости, средств существования), то это возрастание производительной силы труда рабочего выступает как удлинение его рабочего времени, используемого для увеличения стоимости капитала (для создания меновой стоимости).

Если посмотреть на дело со стороны рабочего, то для того чтобы прожить день, он вынужден теперь выполнять прибавочный труд в течение $^3/_4$ дня, между тем как прежде он должен был выполнять прибавочный труд лишь в течение $^2/_4$ дня. Благодаря увеличению производительной силы, благодаря ее удвоению, прибавочный труд рабочего увеличился на $^1/_4$ дня. Здесь надлежит отметить одно обстоятельство: производительная сила удвоилась, прибавочный же труд рабочего не удвоился, а увеличился только на $^1/_4$ дня; точно так же и прибавочная стоимость капитала не удвоилась, а возросла тоже только на $^1/_4$ дня [т. е. в полтора раза]. Таким образом, обнаруживается, что прибавочный труд (со стороны рабочего) или прибавочная стоимость (со стороны капиталиста) возрастает не в той же количественной пропорции, в какой растет производительная сила. Откуда это?

Удвоение производительной силы представляет собой сокращение необходимого труда [der notwendigen Arbeit] (для рабочего) на $^1/_4$ дня, а следовательно, и [увеличение] производства прибавочной стоимости на $^1/_4$ дня, так как первоначальное отношение [труда, овеществленного в его цене, к труду, овеществленному в продукте рабочего дня] определялось как $^1/_2$. Если бы рабочему приходилось вначале работать $^2/_3$ дня, чтобы прожить день, то прибавочная стоимость, так же как и прибавочный труд были бы тогда равны $^1/_3$ дня. Следовательно, в этом случае удвоение производительной силы труда позволило бы рабочему сократить необходимый труд вдвое, с $^2/_3$ до $\frac{2}{3\times 2}$, т. е. до $^2/_6$, или $^1/_3$ дня, а капиталист выгадал бы стоимость, соответствующую $^1/_3$ дня. Весь же прибавочный труд составил бы $^2/_3$ дня. Удвоение производительной силы, выразившееся в первом

примере в $^1/_4$ дня прибавочной стоимости и прибавочного труда, теперь выразилось бы в $^1/_3$ дня прибавочной стоимости или прибавочного труда. Следовательно, множитель производительной силы — число, на которое она умножается, — [как правило] не является множителем прибавочного труда или прибавочной стоимости: если первоначальное отношение труда, овеществленного в его цене, равнялось $^1/_2$ труда, овеществленного в одном рабочем дне, который всегда выступает как граница *, то удвоение производительной силы равносильно делению первоначального отношения — $^1/_2$ — на 2, что дает $^1/_4$; если первоначальное отношение равнялось $^2/_3$, то это удвоение равносильно делению $^2/_3$ на 2, т. е. дает $^2/_6$, или $^1/_3$, — стало быть, дает удвоение прибавочной стоимости (прибавочного труда).

Итак, множитель производительной силы всегда является не множителем, а делителем первоначального отношения, множителем не его числителя, а его знаменателя. Если бы он был множителем числителя, то умножение производительной силы соответствовало бы умножению прибавочной стоимости. Но прирост прибавочной стоимости всегда равен частному от деления первоначального отношения на множитель производительной силы. Если первоначальное отношение было равно $^8/_9$, т. е. если рабочему, для того чтобы прожить, требовалось $^8/_9$ рабочего дня, так что капитал при обмене на живой труд выгадывал только $^1/_9$, т. е. прибавочный труд равнялся $^1/_9$, то теперь рабочий сможет прожить на половину $^8/_9$ рабочего дня, т. е. на $^8/_{18}$, или $^4/_9$ рабочего дня (все равно, разделим ли мы числитель или помножим знаменатель), а капиталист, который и теперь заставляет рабочего работать целый день, получил бы прибавочную стоимость в размере $^5/_9$ рабочего дня; вычтем отсюда первоначальную прибавочную стоимость, равную $^1/_9$ дня, остается $^4/_9$. Таким образом, здесь удвоение производительной силы равносильно возрастанию прибавочной стоимости или прибавочного времени на $^4/_9$ рабочего дня.

Это происходит просто оттого, что прибавочная стоимость всегда зависит от отношения целого рабочего дня к той его части, которая необходима для того, чтобы поддержать жизнь рабочего. Та величина, с помощью которой исчисляется прибавочная стоимость, всегда есть дробь, т. е. та определенная часть дня, которая точно представляет цену труда. Если эта величина равна $^1/_2$, то увеличение [III—29] производительной силы в два

* Впрочем, господа фабриканты распространили рабочий день также и на ночь; *билль о десятичасовом рабочем дне;* смотри отчет Леонарда Хорнера. Сам рабочий день не ограничивается естественным днем, он может быть продлен *до глубокой ночи;* это относится к главе о *заработной плате* [157].

раза соответствует сокращению необходимого труда до $^1/_4$ рабочего дня; если же она равна $^1/_3$, то произойдет уменьшение необходимого труда до $^1/_6$ рабочего дня. Следовательно, в первом случае вся прибавочная стоимость будет равна $^3/_4$, а во втором случае — $^5/_6$ рабочего дня. Относительная прибавочная стоимость, т. е. прирост прибавочной стоимости по сравнению с той, которая была раньше, в первом случае равна $^1/_4$, во втором — $^1/_6$ рабочего дня.

Следовательно, стоимость капитала возрастает не в той же пропорции, в какой увеличивается производительная сила, а в той пропорции, в какой составная часть рабочего дня, выражающая ту его долю, которая принадлежит рабочему, делится на увеличение производительной силы, на множитель производительной силы. В какой степени [возросшая] производительная сила труда увеличивает стоимость капитала, это зависит, таким образом, от того первоначального отношения, в каком доля труда, овеществленного в рабочем, находится к его живому труду. Эта доля всегда выражается в виде дробной части целого рабочего дня — $^1/_3$, $^2/_3$ и т. д. Увеличение производительной силы, т. е. ее умножение на некоторое число, равносильно делению числителя или умножению знаменателя этой дроби на то же число. Насколько велико или мало увеличение стоимости капитала — это зависит, таким образом, не только от того числа, которое выражает умножение производительной силы, но также и от того заранее данного отношения, которое определяет часть рабочего дня, соответствующую цене труда. Если это отношение равно $^1/_3$, то удвоение производительной силы рабочего дня равносильно сокращению этой части на $^1/_6$; если это отношение равно $^2/_3$, то удвоение производительной силы рабочего дня равносильно сокращению этой части на $^2/_6$ рабочего дня.

Овеществленный труд, содержащийся в цене труда, всегда представляет собой составную часть целого рабочего дня; всегда, выражаясь арифметически, он представляет собой дробь; он всегда является числовым отношением, но никогда не бывает целым числом. Если производительная сила удваивается, умножается на 2, то для того чтобы выколотить цену труда, рабочему требуется работать уже только $^1/_2$ прежнего времени; но сколько рабочего времени ему потребуется для этой цели теперь — это зависит от первоначально данного отношения, т. е. от того, сколько времени требовалось ему для этого до повышения производительной силы. Множитель производительной силы является для этой первоначальной дроби делителем. Поэтому прибавочная стоимость или прибавочный труд возрастают не в той

же количественной пропорции, как производительная сила. Если первоначальное отношение составляет $^1/_2$, а производительная сила удваивается, то *необходимое* (для рабочего) рабочее время сокращается до $^1/_4$ рабочего дня [т. е. вдвое], а прибавочная стоимость возрастает только на $^1/_4$ рабочего дня [т. е. в полтора раза]. Если производительная сила учетверяется, то первоначальное отношение становится равным $^1/_8$ [необходимое рабочее время сокращается в четыре раза], а прибавочная стоимость возрастает только на $^3/_8$ рабочего дня [т. е. менее чем в два раза].

Прибавочная стоимость никогда не может быть равна целому рабочему дню; это означает, что определенная часть рабочего дня всегда должна обмениваться на труд, овеществленный в рабочем. Прибавочная стоимость вообще определяется лишь отношением живого труда к труду, овеществленному в рабочем; *поэтому один член этого отношения* [а именно, труд, овеществленный в рабочем] *всегда должен быть налицо*. Уже тем, что отношение постоянно остается отношением, хотя факторы его и меняются, дано определенное соотношение между увеличением производительной силы и увеличением прибавочной стоимости. С одной стороны, мы видим, таким образом, что относительная прибавочная стоимость в точности равна относительному прибавочному труду: если [необходимый] рабочий день был равен $^1/_2$ рабочего дня, а производительная сила удваивается, то доля, принадлежащая рабочему, *необходимый труд,* сокращается до $^1/_4$ рабочего дня, а вновь добавляемая прибавочная стоимость тоже в точности равна $^1/_4$ рабочего дня; совокупная прибавочная стоимость равна теперь $^3/_4$ рабочего дня. В то время как прибавочная стоимость увеличилась на $^1/_4$ рабочего дня, т. е. прирост прибавочной стоимости относится к рабочему дню как 1 : 4, вся прибавочная стоимость равна $^3/_4$ рабочего дня, т. е. относится к рабочему дню как 3 : 4.

Допустим теперь, что первоначально *необходимый* рабочий день был равен $^1/_4$ рабочего дня и что произошло удвоение производительной силы; тогда необходимый труд сократится до $^1/_8$ рабочего дня, а прирост прибавочного труда или прибавочной стоимости будет в точности равен $^1/_8$ рабочего дня, т. е. будет относиться к рабочему дню как 1 : 8. Напротив, совокупная прибавочная стоимость будет относиться к рабочему дню как 7 : 8. В первом примере вся первоначальная прибавочная стоимость существовала в пропорции 1 : 2 (т. е. была равна $^1/_2$ рабочего дня) и возросла теперь до соотношения 3 : 4; во втором примере вся первоначальная прибавочная стоимость была равна $^3/_4$ рабочего дня и возросла теперь до соотношения 7 : 8 (т. е.

равна теперь $^7/_8$ рабочего дня). В первом случае она возросла с $^1/_2$, или $^2/_4$, до $^3/_4$ рабочего дня, во втором — с $^3/_4$, или $^6/_8$, до $^7/_8$ рабочего дня. В первом случае она возросла на $^1/_4$, во втором случае — на $^1/_8$ рабочего дня, т. е. в первом случае прирост прибавочной стоимости вдвое больше, чем во втором. [III—30] Однако в первом случае совокупная прибавочная стоимость [после удвоения производительной силы труда] составляет только $^3/_4$, или $^6/_8$ рабочего дня, между тем как во втором случае она составляет $^7/_8$ рабочего дня, т. е. на $^1/_8$ рабочего дня больше.

Предположим, что *необходимый труд* составляет $^1/_{16}$ рабочего дня. В этом случае совокупная прибавочная стоимость равна $^{15}/_{16}$ рабочего дня, тогда как при прежнем соотношении она составляла $^6/_8$, или $^{12}/_{16}$ рабочего дня; следовательно, совокупная прибавочная стоимость, согласно нашему новому предположению, на $^3/_{16}$ рабочего дня выше, чем в предшествующем случае. Предположим теперь, что производительная сила удваивается; тогда необходимый труд равен $^1/_{32}$, а раньше он был равен $^2/_{32}$ ($^1/_{16}$) рабочего дня. Следовательно, прибавочное время, а стало быть также и прибавочная стоимость повысились на $^1/_{32}$ рабочего дня. Если мы рассмотрим совокупную прибавочную стоимость, которая была равна $^{15}/_{16}$, или $^{30}/_{32}$ рабочего дня, то теперь она равна $^{31}/_{32}$ рабочего дня. По сравнению с предположенным ранее соотношением (когда *необходимый* труд был равен $^1/_4$, или $^8/_{32}$, рабочего дня) совокупная прибавочная стоимость составляет теперь $^{31}/_{32}$ рабочего дня, между тем как в предыдущем примере она была равна только $^{28}/_{32}$ рабочего дня, т. е. на $^3/_{32}$ рабочего дня меньше. Но если рассматривать относительное увеличение прибавочной стоимости, то в первом случае она возросла, вследствие удвоения продукции, на $^1/_8$, или на $^4/_{32}$ рабочего дня, между тем как теперь она возросла только на $^1/_{32}$, т. е. прирост прибавочной стоимости во втором примере на $^3/_{32}$ рабочего дня меньше, чем прирост ее в первом примере.

Если бы *необходимый труд* уже сократился до 0,001 рабочего дня, тогда совокупная прибавочная стоимость была бы равна 0,999 рабочего дня. Если бы производительная сила возросла теперь в тысячу раз, то *необходимый труд* упал бы до 0,000 001 рабочего дня, а совокупная прибавочная стоимость составила бы 0,999 999 рабочего дня, между тем как до этого увеличения производительной силы она составляла только 0,999 рабочего дня. Таким образом, она возросла бы на 0,000 999 рабочего дня; иными словами, при увеличении производительной силы в тысячу раз совокупная прибавочная стоимость не повысилась бы даже на 0,001 рабочего дня, между тем как в предыдущем случае при всего лишь удвоении производительной силы она повысилась

на $^1/_{32}$ рабочего дня. Если необходимый труд сокращается с 0,001 до 0,000 001, то он сокращается точно на 0,000 999 рабочего дня, т. е. на величину прироста прибавочной стоимости.

Резюмируя все это, находим:

Во-первых. Увеличение производительной силы живого труда увеличивает *стоимость* капитала (или понижает стоимость рабочего) не благодаря тому, что оно увеличивает количество продуктов или потребительных стоимостей, создаваемых одним и тем же трудом, — производительная сила труда есть его природная сила, — а потому, что оно сокращает *необходимый* труд и, следовательно, в той же самой пропорции, в какой оно сокращает его, создает *прибавочный труд* или, что то же самое, прибавочную стоимость. Ибо прибавочная стоимость капитала, которую он приобретает в процессе производства, вообще состоит только в наличии прибавочного труда сверх *необходимого труда*. Увеличение производительной силы может увеличить прибавочный труд, — т. е. избыток труда, овеществленного в капитале как продукте, над трудом, овеществленным в меновой стоимости рабочего дня, — лишь постольку, поскольку оно уменьшает отношение *необходимого труда* к *прибавочному труду*, и лишь в такой пропорции, в какой оно уменьшает это отношение. Прибавочная стоимость в точности равняется прибавочному труду; увеличение ее в точности измеряется сокращением *необходимого труда*.

Во-вторых. Прибавочная стоимость капитала увеличивается не пропорционально множителю производительной силы, т. е. тому числу, на которое умножается производительная сила (взятая как исходная величина, как множимое), а соответственно избытку той составной части живого рабочего дня, которая первоначально представляла необходимый труд, над этой же самой составной частью, деленной на множитель производительной силы. Таким образом, если *необходимый труд* равен $^1/_4$ живого рабочего дня, а производительная сила удваивается, то стоимость капитала [прибавочная стоимость] возрастает не вдвое, а [III—31] на $^1/_8$ рабочего дня. Это равно разности между $^1/_4$, или $^2/_8$ (той первоначальной составной частью рабочего дня, которая представляла необходимый труд), и $^1/_4$, деленной на 2, т. е. разности $^2/_8 - ^1/_8 = ^1/_8$. (Если та или другая величина удваивается, то это может быть выражено также и таким образом, что она возрастает в $^4/_2$, или $^{12}/_6$ раза. Следовательно, если бы в приведенном выше примере [158] производительная сила возросла в $^{12}/_6$ раза [т. е. на $^6/_6$ своей прежней величины], то прибыль возросла бы только на $^1/_8$ рабочего дня [т. е. на $^1/_6$ своей прежней величины]. Возрастание прибыли относилось бы к воз-

растанию производительной силы как 1 : 6. (That is it!*) Если первоначально составная часть рабочего дня, представляющая необходимый труд, равнялась 0,001, а производительная сила возрастает в тысячу раз, то стоимость капитала [прибавочная стоимость] возрастет не в 1 000 раз и даже не на 0,001 рабочего дня; она возрастет на 0,001 — 0,000 001, т. е. на 0,000 999 рабочего дня.)

Итак, та *абсолютная сумма,* на которую капитал увеличивает свою стоимость благодаря тому или другому определенному увеличению производительной силы, зависит от той *данной составной части* рабочего дня, от той соответственной части рабочего дня, которая представляет *необходимый* труд и которая, следовательно, выражает первоначальное отношение необходимого труда к живому рабочему дню. Поэтому увеличение производительной силы в определенной пропорции может, например, неодинаково увеличивать стоимость капитала в *различных странах.* Общее повышение производительной силы в одной и той же пропорции может неодинаково увеличивать стоимость капитала в различных отраслях промышленности; увеличение стоимости капитала будет зависеть от имеющего место в этих отраслях различного отношения *необходимого труда* к живому рабочему дню. Конечно, в системе свободной конкуренции это отношение было бы одинаковым во всех отраслях предпринимательства, если бы труд всюду был простым трудом, а стало быть, если бы *необходимый труд* был один и тот же (если бы он представлял одно и то же количество овеществленного труда).

В-третьих. Чем больше прибавочная стоимость капитала *до повышения производительной силы,* чем больше количество прибавочного труда или прибавочной стоимости капитала, существовавших уже до этого повышения, или чем ужѐ меньше та составная часть рабочего дня, которая образует эквивалент рабочего, выражает необходимый труд, — тем меньше прирост прибавочной стоимости, получаемый капиталом от повышения производительной силы. Прибавочная стоимость капитала растет, но во все меньшей пропорции по отношению к развитию производительной силы. Следовательно, чем более ужѐ развит капитал, чем больше им ужѐ создано прибавочного труда, тем яростнее вынужден он развивать производительную силу, чтобы, хоть и в меньшей пропорции, увеличивать свою стоимость, т. е. присоединять прибавочную стоимость, — ибо границей капитала всегда остается соотношение между той составной

* — Вот оно как! *Ред.*

частью дня, которая выражает *необходимый труд,* и всем рабочим днем. Только в этих пределах капитал и может двигаться. Чем уже меньше та составная часть, которая приходится на *необходимый* труд, чем больше *прибавочный труд,* тем меньше какое бы то ни было повышение производительной силы может ощутимо сократить необходимый труд, так как знаменатель [дроби, выражающей отношение необходимого труда ко всему рабочему дню] изрядно вырос. Самовозрастание стоимости капитала становится все более затруднительным в той самой мере, в какой капитал уже успел возрасти. Увеличение производительных сил стало бы для капитала безразличным, как и само возрастание стоимости, ибо пропорции этого возрастания стали бы минимальными, и капитал перестал бы быть капиталом.

Если бы необходимый труд равнялся $^1/_{1000}$ рабочего дня, а производительная сила повысилась бы в три раза, то необходимый труд уменьшился бы всего лишь до $^1/_{3000}$ рабочего дня, или прибавочный труд возрос бы лишь на $^2/_{3000}$ рабочего дня. Но это происходит не потому, что повысилась заработная плата, или доля труда в продукте, а потому, что доля эта *уже* так низко упала, если рассматривать ее по отношению к продукту труда или к живому рабочему дню.

{Труд, овеществленный в рабочем, сам обнаруживает себя здесь как составную часть *его собственного живого рабочего дня;* ибо это есть то же самое, что и то отношение, в котором овеществленный труд, получаемый рабочим от капиталиста в виде заработной платы, находится ко всему рабочему дню.}

(Все сформулированные выше положения правильны в этой абстракции лишь для данной ступени исследования. В дальнейшем сюда будут включены новые отношения, которые их значительно модифицируют. Все в целом — в той мере, в какой оно рассматривается в совершенно общем виде, — *относится вообще уже к учению о прибыли.*)

Пока ограничимся следующей общей констатацией. Развитие производительной силы труда — прежде всего полагание прибавочного труда — есть необходимое условие для возрастания или увеличения стоимости капитала. Поэтому капитал, будучи беспредельным стремлением к обогащению, стремится к беспредельному увеличению производительных сил труда и вызывает к жизни такое увеличение их. Однако, с другой стороны, всякое увеличение производительной силы труда — не говоря уже о том, что оно увеличивает количество потребительных стоимостей для капиталиста, — является увеличением производительной силы капитала и, с господствующей теперь точки зре-

ния [vom jetzigen Standpunkt aus], представляет собой производительную силу труда лишь постольку, поскольку оно является производительной силой капитала.

[B)] АБСОЛЮТНАЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

[1)] О ВОЗРАСТАНИИ СТОИМОСТИ КАПИТАЛА. [ОШИБКИ И НЕЯСНОСТИ У РИКАРДО В ЭТОМ ВОПРОСЕ]

[III—32] Ясно уже теперь и по крайней мере может быть предварительно отмечено следующее: повышение производительной силы само по себе не вызывает повышения цен. Возьмем, например, бушель пшеницы. Если в одном бушеле пшеницы овеществлена половина рабочего дня и такова была бы цена рабочего, то прибавочный труд мог бы произвести только 1 бушель пшеницы. Таким образом, 2 бушеля пшеницы составляют стоимость одного рабочего дня, и если денежным выражением этой стоимости являются 26 шиллингов, то 2 бушеля пшеницы соответствуют 26 шиллингам. Один бушель равен 13 шиллингам.

Если теперь производительная сила удваивается, то бушель пшеницы будет равен уже только $^1/_4$ рабочего дня, т. е. $6^1/_2$ шиллингам. Цена этой единицы товара благодаря росту производительной силы упала. Совокупная же цена [однодневного продукта] осталась прежней; однако прибавочный труд составляет теперь $^3/_4$ рабочего дня. Каждая четверть рабочего дня равна 1 бушелю пшеницы, или $6^1/_2$ шиллингам. Таким образом, совокупный продукт равен 26 шиллингам, или 4 бушелям. Цена всего продукта точно такая же, как и раньше. Стоимость капитала возрастает теперь не на 13, а на $19^1/_2$ шиллингов; стоимость труда сокращается с 13 до $6^1/_2$ шиллингов. Материальная продукция возросла с 2 до 4 бушелей. [Итак, прибавочная стоимость капитала] теперь равна $19^1/_2$ шиллингам.

Если производительная сила в производстве золота также удвоилась, т. е. если 13 шиллингов раньше были продуктом половины рабочего дня, а *необходимый труд* тоже составлял половину рабочего дня, то теперь эти 13 шиллингов являются продуктом $^1/_4$ рабочего дня, а рабочий производит 52 шиллинга, т. е. [капиталист получает] на 52—13, или на 39 шиллингов больше. Один бушель пшеницы теперь стоит 13 шиллингов; как до, так и после изменения производительной силы имеет место одна и та же цена единицы товара; однако совокупный продукт [однодневного труда] стоит 52 шиллинга, тогда как

раньше он стоил только 26 шиллингов. Но, с другой стороны, эти 52 шиллинга покупают теперь 4 бушеля, между тем как раньше 26 шиллингов покупали только два.

Well *. Прежде всего ясно, что если капитал уже настолько расширил прибавочный труд, что в процессе производства потребляется весь живой рабочий день (а мы берем здесь рабочий день как то естественное количество рабочего времени, которое рабочий в состоянии предоставить в распоряжение [капиталиста]; он предоставляет в его распоряжение свою способность к труду всегда только на *определенное время*, т. е. предоставляет *определенное рабочее время*), то увеличение производительной силы не может увеличить рабочее время, а значит, не может увеличить и овеществленное рабочее время. В продукте овеществлен один рабочий день независимо от того, представлено ли *необходимое рабочее время* 6 или 3 часами, $^1/_2$ или $^1/_4$ рабочего дня. Прибавочная стоимость капитала возросла, т. е. возросла его стоимость по отношению к рабочему; ибо если раньше она была равна только $^2/_4$, то теперь она равна $^3/_4$ овеществленного рабочего времени. Но стоимость капитала возросла не потому, что возросло *абсолютное*, а потому, что возросло *относительное количество труда;* т. е. возросло не совокупное количество труда. Как до, так и после удвоения производительной силы рабочие работают один день; следовательно, здесь нет абсолютного прироста прибавочного времени (прибавочного рабочего времени), но *количество необходимого труда сократилось,* и вследствие этого увеличился относительный прибавочный труд.

В самом деле, раньше рабочий работал целый день, но прибавочное время составляло только $^1/_2$ рабочего дня; теперь он работает по-прежнему целый день, но прибавочное время составляет $^3/_4$ рабочего дня. Постольку, следовательно, цена (стоимость золота и серебра предполагается неизменной) или меновая стоимость капитала в результате удвоения производительной силы не увеличивается. Значит, это удвоение затрагивает *норму прибыли,* а не цену продукта или стоимость капитала, который в виде продукта снова превратился в товар. Но фактически в этом случае увеличиваются также и абсолютные стоимости, потому что увеличивается та часть богатства, которая положена как капитал, как самовозрастающая стоимость. *(Накопление капиталов.)*

Возьмем наш прежний пример **. Пусть *капитал* равен 100 талерам и при этом распадается в процессе производства на сле-

* — Ладно. *Ред*

** См. настоящий том, часть 1, стр. 267—272. *Ред.*

дующие части: 50 талеров — хлопок, 40 талеров — заработная плата, 10 талеров — орудие труда. Вместе с тем для упрощения расчета предположим, что все орудие труда целиком потребляется за время одного акта производства (здесь это еще совершенно безразлично), так что его стоимость целиком вновь появляется в форме продукта. Допустим, что в этом случае труд при обмене на 40 талеров, — которые выражают рабочее время, овеществленное в его живой рабочей силе, скажем, рабочее время в 4 часа, — дает капиталу 8 часов. Если учесть орудие и сырой материал, то в том случае, если бы рабочий работал только 4 часа, т. е. если бы сырой материал и орудие принадлежали рабочему и он работал бы только 4 часа, совокупный продукт составил бы 100 талеров. Затраченные на сырой материал и на орудие труда 60 талеров рабочий увеличил бы на 40 талеров, которые он мог бы потребить, так как он, во-первых, возмещает 60 талеров — необходимое для производства сырье и орудие — и [во-вторых] присоединяет к ним добавочную стоимость [Mehrwert] в 40 талеров в качестве воспроизводства своей собственной живой рабочей силы или овеществленного в ней времени. Рабочий мог бы все снова и снова начинать свою работу сначала, так как в процессе производства он воспроизводил бы как [III—33] стоимость сырого материала и орудия, так и стоимость рабочей силы, причем стоимость последней он воспроизводил бы именно тем, что постоянно увеличивал бы стоимость первых на 4 часа овеществленного труда. Теперь же рабочий получает заработную плату в 40 талеров лишь в том случае, если он работает 8 часов, т. е. если он добавляет к материалу труда и орудию, которые противостоят ему теперь в качестве капитала, добавочную стоимость в 80 талеров, в то время как прежняя добавочная стоимость в 40 талеров, которую он добавлял к ним раньше, в точности соответствует лишь стоимости его труда. Таким образом, [к стоимости сырого материала, орудия труда и своей рабочей силы] рабочий должен был бы присоединить еще некоторую прибавочную стоимость, в точности равную прибавочному труду или прибавочному времени.

{Для того этапа исследования, на котором мы находимся сейчас, еще нет необходимости принимать во внимание, что вместе с прибавочным трудом или прибавочным временем должно увеличиться также количество материала и орудий. О том, как сам по себе прибавочный труд увеличивает количество сырья, смотри у *Баббеджа,* например, филигранные изделия из золота и т. д. [159]}

Стоимость капитала увеличилась бы, таким образом, со 100 талеров до 140 талеров.

{Допустим еще, что количество потребляемого сырья удваивается и вдвое же (для простоты расчета) возрастает количество орудий труда. В этом случае расходы капитала на хлопок теперь составляют 100 талеров, на орудия — 20 талеров, т. е. всего 120 талеров, а на труд, как и прежде, расходуется 40 талеров; итого 160 талеров. Если прибавочный труд за 4 часа увеличивает 100 талеров на 40%, то 160 талеров он увеличит на 64 талера. Таким образом, совокупный продукт будет стоить 224 талера. Здесь еще предполагается, что норма прибыли при возрастании капитала остается той же самой, а материал и орудие труда еще не рассматриваются сами как овеществление прибавочного труда, как капитализация прибавочного рабочего времени; как мы видели *, чем больше уже реализованное прибавочное время, т. е. чем больше величина капитала как такового, тем больше предполагается, что *абсолютное увеличение рабочего времени* невозможно и что имеет место происходящее в геометрической прогрессии замедление увеличения относительного рабочего времени вследствие роста производительной силы.}

Так вот, капитал, рассматриваемый как простая меновая стоимость, абсолютно возрос бы, стал бы равным 140 талерам вместо 100; но фактически была бы лишь создана некоторая новая стоимость, т. е. некоторая стоимость сверх той, которая необходима просто для того, чтобы возместить затраты в 60 талеров на материал труда и орудие и 40 талеров на труд, новая стоимость в 40 талеров. Стоимости, находящиеся в обращении, увеличились бы на 80 талеров; овеществленного рабочего времени оказалось бы больше на 40 талеров.

Возьмем все тот же предположенный выше пример. Имеется капитал в 100 талеров, а именно: 50 — на хлопок, 40 — на труд, 10 — на орудие производства; прибавочное рабочее время остается таким же, как и в предыдущем случае, а именно 4 часа, а совокупное рабочее время равно 8 часам. Таким образом, продукт во всех случаях равен только 8 часам [вновь присоединенного] рабочего времени, [а всего] равен 140 талерам. Предположим теперь, что производительная сила труда удваивается; т. е. что рабочему было бы достаточно двух часов для того, чтобы увеличить стоимость сырья и орудия настолько, насколько это необходимо для сохранения его рабочей силы. Если 40 талеров представляют собой овеществленное рабочее время, равное всем 4 часам, то 20 талеров представляют собой овеществленное рабочее время в 2 часа. Эти 20 талеров выражают теперь ту же потребительную стоимость, какую раньше выражали 40 талеров.

* См. настоящий том, часть I, стр. 299—300. *Ред.*

Меновая стоимость рабочей силы уменьшилась вдвое, так как половина первоначального рабочего времени создает ту же самую потребительную стоимость, меновая же стоимость потребительной стоимости измеряется только овеществленным в ней рабочим временем.

Но капиталист по-прежнему заставляет рабочего работать 8 часов, и, следовательно, продукт рабочего по-прежнему представляет рабочее время в 8 часов, представляет 80 талеров рабочего времени, между тем как стоимость сырья и орудия осталась той же, а именно равной 60 талерам; итого, как и прежде, 140 талеров.

(Самому рабочему, для того чтобы жить, нужно было бы к 60 талерам сырья и орудия присоединить лишь стоимость в 20 талеров, и он создал бы, следовательно, стоимость всего лишь в 80 талеров. Совокупная стоимость его продукта благодаря удвоению производительной силы сократилась бы со 100 до 80, на 20 талеров, т. е. на $^1/_5$ от 100, на 20%).

Но прибавочное время или прибавочная стоимость капитала составляет теперь 6 часов вместо 4, или 60 талеров вместо 40. Прирост прибавочной стоимости составляет 2 часа, или 20 талеров. Расчет теперь нужно было бы вести следующим образом: на сырой материал затрачивается 50 талеров, на труд — 20, на орудие — 10; издержки составляют 80 талеров. Прибыль равна 60 талерам. Капиталист по-прежнему продавал бы продукт за 140 талеров, но извлекал бы прибыль в 60 талеров вместо прежних 40. С одной стороны, капиталист бросает, таким образом, в обращение ту же самую меновую стоимость, что и раньше, 140 талеров, — не больше. Но прибавочная стоимость его капитала увеличилась на 20 талеров. Это значит, что увеличилась только та доля, которая принадлежит ему в 140 талерах, увеличилась только норма его прибыли. Рабочий фактически работал на капиталиста бесплатно на 2 часа больше, — а именно 6 часов вместо 4, что для рабочего то же самое, как если бы он при прежних условиях работал 10 часов вместо 8, как если бы увеличилось его *абсолютное рабочее время.*

Но в действительности здесь возникла также и *новая стоимость;* а именно, добавочные 20 талеров выступают как *самостоятельная* стоимость, как такой овеществленный труд, который теперь высвободился, освободился от необходимости служить для обмена только на функционировавшую уже и раньше рабочую силу [Arbeitskraft]. Это может произойти двояким образом. Или с помощью этих добавочных 20 талеров приводится в движение большее количество труда, в той мере большее, в какой эти 20 талеров превращаются в *капитал* и создают возрастающую

меновую стоимость, т. е. делают исходным пунктом нового процесса производства большее количество овеществленного труда; или же капиталист обменивает эти 20 талеров как деньги на товары, помимо тех товаров, которые он употребляет в своем производстве в качестве промышленного [III—34] капитала. В этом случае все товары, кроме труда и самих денег, обмениваются на эти добавочные 20 талеров, обмениваются на добавочные 2 часа овеществленного рабочего времени. Их *меновая стоимость* повысилась, следовательно, как раз на эту *высвободившуюся сумму*.

Конечно, 140 талеров есть 140 талеров, как замечает, возражая *Буагильберу*, весьма «остроумный» французский издатель физиократов [160]. Однако неверно, что эти 140 талеров представляют лишь бо̀льшую потребительную стоимость; они представляют увеличившуюся часть *самостоятельной меновой стоимости, денег, потенциального капитала;* т. е. они представляют больше богатства, полагаемого как *богатство*. Это признаю̀т и сами экономисты, когда они позже, при рассмотрении накопления капиталов, допускают накопление не только массы потребительных стоимостей, но и массы *меновых стоимостей;* ведь согласно самому же Рикардо [161] относительный прибавочный труд совершенно так же полно полагает элемент накопления капиталов, как и абсолютный прибавочный труд, — да это и не может быть иначе.

С другой стороны, уже из положений, лучше всего развитых самим Рикардо [162], вытекает, что эти избыточные 20 талеров, созданные только в результате повышения производительной силы, снова могут стать капиталом. Раньше из полученных капиталистом 140 талеров (потребление капиталиста мы покамест оставляем без внимания) сделаться новым капиталом могли только 40 талеров; 100 талеров не становятся капиталом, а остаются капиталом; теперь же капиталом могут стать 60 талеров; стало быть, теперь налицо имеется капитал, меновая стоимость которого больше на 20 талеров. Следовательно, меновые стоимости, *богатство как таковое,* умножились, хотя по-прежнему общая сумма богатства непосредственно *не* возросла. Почему же богатство увеличилось? Потому, что увеличилась та часть общей суммы, которая представляет собой не просто средство обращения, а деньги, или которая представляет собой не просто эквивалент, а *самостоятельную меновую стоимость*.

Высвободившиеся 20 талеров либо накопляются в виде денег, т. е. прибавляются к имеющимся налицо меновым стоимостям во всеобщей (абстрактной) форме меновой стоимости; либо все они обращаются, и тогда цены покупаемых на них товаров повы-

шаются; все эти обращающиеся меновые стоимости в этом последнем случае представляют добавочное количество золота, а так как издержки производства золота не понизились (а, наоборот, возросли по сравнению с издержками производства товара, произведенного капиталом, ставшим более производительным), то они представляют и добавочное количество овеществленного труда (это приводит к тому, что тот избыток, который вначале выступал на стороне одного производящего капитала, теперь выступает на стороне других капиталов, производящих товары, ставшие более дорогими). Или же эти 20 талеров прямо используются в качестве капитала самим первоначально обращавшимся капиталом. В этом случае создан новый капитал в 20 талеров, сумма самосохраняющегося и самовозрастающего богатства. Капитал увеличился на меновую стоимость в 20 талеров.

(Обращение, собственно говоря, нас еще не касается, так как мы имеем здесь дело с капиталом вообще, а обращение может служить лишь опосредствованием между формой капитала как денег и его формой как капитала; капитал в форме денег может реализовать деньги как таковые, т. е. обменять их на товары, которые он потребляет в большем количестве, чем потреблял раньше; однако в руках производителя этих товаров эти деньги превращаются в капитал. Таким образом, деньги становятся капиталом либо непосредственно в руках первого капитала, либо окольным путем, в руках другого капитала. Но другой капитал в свою очередь всегда есть капитал как таковой, и мы имеем здесь дело с *капиталом как таковым,* скажем, с капиталом всего общества. Различие и т. д. капиталов нас здесь еще не касается.)

Высвободившиеся 20 талеров вообще могут выступать лишь в двух формах. Во-первых — в качестве денег, так что сам капитал снова существует в определении денег, еще не ставших капиталом, в определении своего исходного пункта, снова существует в качестве абстрактно-самостоятельной формы меновой стоимости, или всеобщего богатства. Или же эти высвободившиеся 20 талеров сами снова существуют в качестве капитала, в качестве нового господства овеществленного труда над живым трудом. Иначе говоря, рассматриваемые 20 талеров выступают либо в качестве всеобщего богатства, материализованного в форме денег (в форме такой вещи, в которой богатство существует только абстрактно), либо в качестве *нового* живого труда.

{В рассматриваемом примере производительная сила удвоилась, возросла на 100%, стоимость капитала [прибавочная стоимость] повысилась на 50%.}

(Всякое увеличение массы применяемого капитала может повышать *производительную силу* не только в арифметической, но и в геометрической прогрессии; в то же время капитал в качестве увеличителя производительной силы может увеличивать прибыль лишь в гораздо меньшей пропорции. Таким образом, увеличение капитала оказывает несравненно большее влияние на увеличение производительной силы, чем увеличение производительной силы на рост капитала.)

Предположим, что из 140 талеров капиталист при посредстве денег как средства обращения потребляет на себя самого в качестве потребительных стоимостей 20 талеров. Таким образом, капиталист мог в первом из предположенных случаев начать процесс самовозрастания стоимости капитала с меновой стоимостью, возросшей со 100 талеров лишь до 120 талеров. После удвоения производительных сил капиталист может, не сокращая своего потребления, начать процесс самовозрастания стоимости с [капитализированной] прибавочной стоимостью в 40 талеров. Бо̀льшая, чем прежде, часть меновых стоимостей закрепляется в виде меновой стоимости, вместо того чтобы исчезать в виде потребительной стоимости (все равно, происходит ли это закрепление непосредственно или при посредстве процесса производства). Создать больший капитал это значит создать бо̀льшую меновую стоимость; и хотя меновая стоимость в своей *непосредственной* форме простой меновой стоимости не увеличивается в результате роста производительности, однако она увеличивается в результате этого роста в своей форме потенциального *капитала*.

Больший капитал в 160 талеров * представляет абсолютно большее количество овеществленного труда, чем раньше [до удвоения производительной силы] представлял капитал в 100 талеров. [III—35] Поэтому он приводит в движение большее, по крайней мере относительно, количество живого труда, а потому и воспроизводит в конечном счете бо̀льшую простую меновую стоимость. Капитал в 100 талеров при [норме прибыли] 40% производил продукт или простую меновую стоимость в 40 талеров. Капитал в 160 талеров производит простую меновую стоимость в 64 талера. Здесь увеличение меновой стоимости в форме капитала выступает еще непосредственно как увеличение меновой стоимости в ее простой форме.

Установить все это в высшей степени важно. Недостаточно сказать, как это делает Рикардо [163], что [в результате роста производительной силы] меновая стоимость не увеличивается;

* См. настоящий том, часть I, стр. 304. *Ред.*

т. е. не увеличивается меновая стоимость как абстрактная форма богатства, а увеличивается только меновая стоимость как капитал. Рикардо при этом имеет в виду лишь первоначальный процесс производства. Но если увеличивается относительный прибавочный труд и в результате этого происходит абсолютное увеличение капитала, — то с необходимостью увеличивается также и *относительная меновая стоимость, существующая* в обращении *в качестве меновой стоимости,* увеличивается количество денег как таковых, а потому, через посредство процесса производства, увеличивается и *абсолютная меновая стоимость.* Иными словами, из того же самого количества меновой стоимости — или денег, — а продукт процесса возрастания стоимости как раз и выступает в этой простой форме (прибавочная стоимость является продуктом лишь по отношению к капиталу, к стоимости в том ее виде, как она существовала до процесса производства; рассматриваемая сама по себе, в качестве самостоятельного существования, прибавочная стоимость представляет собой просто *количественно определенную меновую стоимость*), — высвободилась некоторая часть, существующая не в качестве эквивалента для уже имеющихся в наличии меновых стоимостей или для уже имеющегося в наличии рабочего времени. Если высвободившаяся меновая стоимость обменивается на уже имеющиеся в наличии меновые стоимости, то она не составляет для них эквивалента, а превышает этот эквивалент, и, таким образом, на их стороне часть меновой стоимости выделяется в свободном виде. В состоянии покоя эта высвободившаяся меновая стоимость, на которую обогатилось общество, может быть только деньгами, и тогда увеличивается лишь абстрактная форма богатства; в состоянии же движения она может реализоваться только в *новом* живом труде {происходит ли это так, что приводится в движение труд, прежде находившийся в бездействии, или так, что создаются *новые рабочие* (ускоряется рост народонаселения), или же так, что расширяется новый круг меновых стоимостей, находящихся в обращении (это может быть осуществлено со стороны производства тем путем, что высвободившаяся меновая стоимость открывает *новую отрасль производства,* т. е. новый объект обмена, овеществленный труд в форме новой потребительной стоимости), или, наконец, так, что это расширение круга обращающихся меновых стоимостей достигается благодаря расширению торговли, которая вводит в круг обращения овеществленный труд из какой-нибудь новой страны}. Итак, в результате увеличения производительной силы должен быть вызван к жизни новый живой труд.

Та форма, в которой пытается уяснить себе дело Рикардо (а он здесь крайне неясен), означает au fond * только то, что Рикардо сразу вводит некоторое определенное отношение, вместо того чтобы просто сказать, что из той же самой суммы простых меновых стоимостей меньшая, чем прежде, часть выступает в форме простой меновой стоимости (в форме эквивалента) и бо́льшая, чем прежде, часть в форме денег (денег как первоначальной, допотопной формы, из которой все снова и снова возникает капитал; денег в их определении как денег, а не как монеты и т. д.); что поэтому увеличивается та часть, которая выступает *в качестве* меновой стоимости самой по себе, т. е. выступает в качестве *стоимости;* что увеличивается *богатство в его форме богатства* **. (Между тем Рикардо как раз приходит к ложному выводу, что богатство увеличивается только в форме *материального, вещественного* богатства, богатства как потребительной стоимости.) Поэтому возникновение *богатства как такового,* поскольку оно проистекает не из *ренты,* — т. е. не является таким богатством, которое, согласно Рикардо, порождается не *увеличением* производительной силы, а наоборот, *уменьшением ее,* — для него *совершенно непостижимо,* и он запутывается в самых несуразных противоречиях.

Попробуем разобрать этот вопрос в той форме, в какой его рассматривает Рикардо. Пусть капитал в 1 000 приводил в движение 50 рабочих, или 50 живых рабочих дней; благодаря удвоению производительной силы он мог бы привести в движение 100 рабочих дней. Однако эти последние не существуют у Рикардо как предпосылка и привносятся им произвольно, потому что иначе — если не появится *большее количество действительных рабочих дней* — Рикардо не сможет понять увеличения меновой стоимости в результате возросшей производительности. С другой стороны, им *нигде не исследуется* в качестве *элемента увеличения меновых стоимостей рост народонаселения;* он даже нигде не говорит об этом сколько-нибудь ясно и определенно.

Согласно данному предположению, пусть капитал будет равен 1 000, а количество рабочих — 50. Правильный вывод, который *делает также и* Рикардо (смотри тетрадь [164]), заключается в том, что капитал в 500 с 25 рабочими может [в результате удвоения производительной силы] произвести ту же самую потребительную стоимость, что и прежде; оставшийся капитал в 500 с остальными 25 рабочими основывает какое-нибудь новое

* — в сущности. *Ред.*

** [III—36] (*Деньги,* рассматриваемые сами по себе, должны быть охарактеризованы не как потребительная стоимость и не как меновая стоимость, а как *стоимость.*) [III—36]

дело и тоже производит меновую стоимость в 500. Прибыль остается той же самой, так как она происходит не из обмена 500 на 500, а из той пропорции, в какой 500 первоначально разделялись на прибыль и заработную плату; обмен же, наоборот, является обменом эквивалентов, который точно так же не может увеличить стоимость, как и *внешняя торговля,* относительно которой Рикардо показал это специально [165]. Ведь обмен эквивалентов означает не что иное, как то, что стоимость, находившаяся в руках *A* до обмена с *B,* остается в его руках и после обмена с *B*.

Совокупная стоимость, или совокупное богатство, [после удвоения производительной силы] осталась той же самой. Но потребительная стоимость, или *вещество богатства,* удвоилась. Поскольку рассматривается *увеличение производительных сил,* нет абсолютно никаких оснований для того, чтобы вообще возрастало *богатство как богатство, меновая стоимость как таковая.* Если производительные силы снова удваиваются в обеих [III—36] отраслях, то и капитал *A* и капитал *B* могут в свою очередь распасться каждый на два капитала по 250 с $12^1/_2$ рабочими днями. Теперь существуют четыре капитала с той же меновой стоимостью в 1 000 фунтов стерлингов, они потребляют сейчас все вместе, как и прежде, 50 живых рабочих дней {было бы *au fond неправильно сказать,* что живой труд потребляет капитал: на самом деле капитал (овеществленный труд) потребляет в процессе производства живой труд} и производят учетверенную потребительную стоимость, стоимость которой осталась такой же, какой она была до происшедшего дважды удвоения производительных сил.

Рикардо слишком классичен, чтобы впадать в пошлости, как это делают те, кто, пытаясь его улучшить, выводит порождаемую повышением производительных сил бо̀льшую стоимость из того, что в обращении один из обменивающихся продает дороже. Вместо того чтобы обменять капитал в 500, когда он стал товаром, простой меновой стоимостью, на 500, он обменивает его на 550 (с надбавкой в 10%); но тогда другой получит, очевидно, в форме меновой стоимости всего лишь 450 вместо 500, и общая сумма останется, как и раньше, равна 1 000. Это довольно часто и случается в торговле, но этим прибыль одного капитала можно объяснить только за счет убытков другого, стало быть не *прибыль капитала вообще,* а вне этой предпосылки не существует прибыли ни для одной, ни для другой стороны.

Итак, изображенный Рикардо процесс [возрастания массы потребительных стоимостей] может продолжаться безгранично, для него нет иного предела, кроме того *повышения производительной*

силы (а это последнее опять-таки имеет вещественный характер и лежит — по крайней мере, непосредственно — вне самого *экономического отношения*), которое возможно для капитала в 1 000 талеров и 50 рабочих. Смотри следующее место у Рикардо:

«Капитал есть та часть богатства страны, которая используется в целях будущего производства, *и он может быть увеличен теми же способами, что и богатство*» [*D. Ricardo.* On the Principles of Political Economy, and Taxation. 3rd edition. London, 1821, стр. 327 (Русский перевод, том I, стр. 230)].

(Дело в том, что *богатство* означает у Рикардо изобилие потребительных стоимостей, а с точки зрения простого обмена один и тот же овеществленный труд может выражаться в безграничной массе потребительных стоимостей, но до тех пор, пока он остается одним и тем же количеством овеществленного труда, он всегда остается *одной и той же меновой стоимостью,* ибо его *эквивалент* измеряется не тем количеством потребительных стоимостей, в котором он существует, а его собственным количеством.)

«*Добавочный капитал* будет одинаково эффективным при производстве будущего богатства независимо от того, получен ли он путем усовершенствований в методах труда и в машинах или путем употребления более значительной части дохода на цели воспроизводства. Ибо богатство» (потребительная стоимость) «всегда зависит от *количества* произведенных товаров» (пожалуй, оно немного зависит также и от их разнообразия) «безотносительно к легкости, с какой произведены те средства, которые были применены при производстве» (т. е. безотносительно к количеству овеществленного в них рабочего времени). «Определенное количество одежды и предметов питания будет поддерживать существование и давать занятие для одного и того же числа людей...; но эти предметы питания и одежды будут обладать вдвое большей стоимостью» *(меновой стоимостью),* «если при их производстве было занято [не 100, а] 200 человек» [(там же, стр. 327—328) (Русский перевод, том I, стр. 230—231)].

Если в результате увеличения производительной силы 100 рабочих производят столько же потребительных стоимостей, сколько прежде производили 200, то происходит следующее:

«Если из 200 рабочих половина будет уволена, то оставшиеся 100 произведут столько же, сколько раньше 200. Значит, половина капитала может быть изъята из данной отрасли; здесь высвободилось столько же капитала, сколько и труда. И так как половина капитала несет теперь ту же самую службу, какую прежде нес весь капитал, то теперь образовалось два капитала и т. д.» [166] (сравни *там же,* стр. 39, 40 — о внешней торговле [167], к чему нам еще придется вернуться).

Рикардо говорит здесь не о рабочем дне (так что, если капиталист раньше обменивал половину овеществленного рабочего дня на целый живой рабочий день рабочего, то он выгадывал

au fond только половину живого рабочего дня, отдавая рабочему в овеществленной форме другую половину рабочего дня и получая ее обратно от рабочего в форме живого труда рабочего, т. е. оплачивая рабочему половину рабочего дня), а об одновременных рабочих днях, т. е. о рабочих днях различных рабочих. Но это нисколько не меняет существа дела, а меняет только его выражение. [В результате увеличения производительной силы] каждый из этих рабочих дней доставляет соответственно большее количество прибавочного времени. Если раньше [при расчете на рабочий день] пределом для капиталиста служил *один* рабочий день как таковой, то теперь в его распоряжении 50 рабочих дней и т. д. Как уже сказано, увеличение капиталов в результате роста производительности, в той форме, как это увеличение рассматривается у Рикардо, не предполагает увеличения меновых стоимостей, и поэтому население, согласно Рикардо, могло бы сократиться, скажем, с 10 000 000 до 10 000 без уменьшения меновой стоимости или количества потребительных стоимостей (смотри конец его книги [168]).

Мы меньше, чем кто бы то ни было другой, станем отрицать, что в *капитале* содержатся противоречия. Напротив, нашей целью является полностью их раскрыть. Рикардо же *их не раскрывает,* а просто отбрасывает, утверждая, что меновая стоимость есть нечто безразличное для образования богатства. Другими словами, он утверждает, что в обществе, основанном на меновой стоимости и богатстве как результате такой стоимости, те противоречия, в которые эта форма богатства ввергается с развитием производительных сил и т. д., не существуют и что увеличение стоимости не является в таком обществе необходимым условием для увеличения богатства, — [III—37] следовательно, что стоимость в качестве формы богатства совершенно не влияет на само это богатство и на его развитие. Иначе говоря, Рикардо рассматривает меновую стоимость как нечто всего лишь *формальное.*

Но тут ему все же снова приходит на ум: 1) что капиталистов интересует стоимость, 2) что исторически вместе с ростом производительных сил (ему *следовало бы* вспомнить и о развитии международной торговли) возрастает *богатство как таковое,* т. е. сумма стоимостей. Как же все это объяснить? Рикардо объясняет это тем, что капиталы накопляются быстрее, чем растет население; вследствие этого повышается заработная плата; в результате растет население; вследствие этого растут хлебные цены; в результате возрастает трудность производства, а потому возрастают *меновые стоимости.* Вот таким окольным путем Рикардо в конце концов добирается до меновых стоимостей.

Момент, связанный с рентой, мы здесь пока совершенно отбросим, так как здесь речь идет не об увеличении трудности производства, а наоборот, о росте производительных сил. По мере накопления капиталов, — говорит Рикардо, — если не происходит одновременного роста населения, повышается заработная плата; рабочий женится, дается стимул для производства [детей], или же его дети живут в лучших условиях, не умирают преждевременно и т. д. Словом, население растет. Но рост населения вызывает конкуренцию среди рабочих и таким образом вынуждает рабочего снова продавать свою рабочую силу капиталисту по ее *стоимости,* а временами и ниже ее. Накопленный капитал, рост которого до этого замедлялся, располагает теперь определенным избытком; этот избыток прежде расходовался им в форме заработной платы, т. е. в виде монеты, для того чтобы покупать потребительную стоимость труда, а теперь он располагает им опять-таки в виде денег, для того чтобы использовать эти деньги как капитал в обмене на [новый] живой труд, а так как капитал располагает теперь также и бо̀льшим количеством рабочих дней, то его *меновая стоимость* опять возрастает.

(Даже это не развито у Рикардо правильно, а дано вперемешку с теорией ренты; ибо тот избыток, который раньше капитал терял в форме заработной платы, теперь отнимается у него в форме ренты ростом населения.) Но даже и рост населения понимается в теории Рикардо неправильно. Рикардо нигде не показал, что существует *имманентное* отношение между совокупностью труда, овеществленного в капитале, и живым рабочим днем (будет ли этот рабочий день представлен как рабочий день, равный 50×12 часам, или как двенадцатичасовой труд 50 рабочих, — это для рассматриваемого отношения безразлично) и что этим имманентным отношением является как раз *отношение той составной части живого рабочего дня,* которая образует эквивалент за овеществленный труд, даваемый рабочему в качестве заработной платы, к живому рабочему дню; целым здесь является сам день, а имманентным отношением является переменное отношение (сам день есть постоянная величина) между *долей необходимых часов труда* и *долей прибавочных часов труда* [в рабочем дне]. Именно потому, что Рикардо не выяснил этого отношения, он не выяснил также и того (до сих пор это нас еще нисколько не интересовало, так как речь шла о *капитале как таковом,* а развитие производительных сил рассматривалось в качестве привходящего извне отношения), что хотя развитие производительной силы и предполагает увеличение как капитала, так и одновременных рабочих дней, однако в пределах данных границ капитала, приводящего в движение один рабочий день

(хотя бы это и был день, равный 50×12 часам, т. е. 600 часам), оно само оказывается границей для развития производительной силы капитала.

Заработная плата включает не только поддержание жизни рабочего, но и его воспроизводство; так что если умирает данный представитель рабочего класса, его замещает другой; если умерли 50 рабочих, налицо 50 новых, готовых их заменить. В самих 50 рабочих — как в живых рабочих силах — представлены не только издержки их собственного производства, но и те издержки, которые должны были быть оплачены их родителям сверх заработной платы этих родителей как индивидов, для того чтобы они могли создать себе смену в виде 50 новых индивидов. Следовательно, население возрастает также и без повышения заработной платы. Почему же население растет недостаточно быстро и должно получать для своего роста особый стимул? Только потому, что капитал никак не может удовлетвориться получением всего лишь большего количества «богатства» в рикардовском смысле, а хочет распоряжаться большей *стоимостью,* бо̀льшим количеством овеществленного труда. Однако, согласно Рикардо, капитал на деле может получить в свое распоряжение большее количество овеществленного труда лишь в том случае, если падает заработная плата; т. е. если для функционирования того же самого капитала на овеществленный труд обменивается большее количество живых рабочих дней, в результате чего создается бо̀льшая стоимость. Для того чтобы заставить заработную плату понижаться, Рикардо предполагает увеличение населения. А для того чтобы объяснить увеличение населения, он предполагает, что растет спрос на рабочие дни, предполагает, иными словами, что капитал может купить больше *овеществленного труда* (овеществленного в рабочей силе), что, следовательно, возросла *стоимость* капитала. Однако первоначально Рикардо исходил из прямо противоположной предпосылки и свернул на окольный путь только *потому,* что из нее исходил. Если 1 000 фунтов стерлингов могли купить 500 рабочих дней, а производительная сила растет, то капитал может либо по-прежнему применять эти 500 рабочих дней в той же отрасли труда, либо расщепиться и применять 250 рабочих дней в одной отрасли и 250 в другой, так что при этом и капитал в 1 000 фунтов стерлингов также распадется на два капитала по 500. Но весь этот капитал никогда не сможет распоряжаться более, чем 500 рабочими днями, так как в противном случае, согласно Рикардо, должны были бы возрасти не только произведенные этим капиталом потребительные стоимости, но и их *меновая стоимость,* то *овеществленное рабочее время,* которым он

распоряжается. Таким образом, если исходить из рикардовской предпосылки, то не может иметь места увеличение спроса на труд. Если же оно все же имеет [III—38] место, то это означает, что *меновая стоимость* капитала возросла. Сравни *«On value» Мальтуса,* который *чувствует* противоречия, но садится в лужу, когда пытается рассуждать самостоятельно [169].

[2)] ПОСТОЯННЫЙ И ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ

[а) Сохранение стоимости постоянного капитала в процессе производства]

Мы все время говорили только о двух элементах капитала, о двух частях живого рабочего дня, из которых одна представляет заработную плату, а другая — прибыль, одна репрезентирует необходимый труд, а другая — прибавочный труд. Где же в таком случае остаются две остальные части капитала, которые воплощены в материале труда и в орудии труда? Что касается простого процесса производства, то труд предполагает наличие орудия, которое облегчает труд, и материала, в котором труд себя запечатлевает и который он формирует. Эта форма придает материалу потребительную стоимость. В обмене эта потребительная стоимость становится меновой стоимостью в той мере, в какой она содержит в себе овеществленный труд. Но являются ли материал труда и орудие труда в качестве составных частей капитала теми стоимостями, которые труд должен возместить?

Так, в приведенном выше примере *, когда капитал, равный 100 талерам, распадается на 50 талеров, вложенных в хлопок, 40 — в заработную плату, 10 — в орудие; когда заработная плата в 40 талеров равна 4 часам овеществленного труда, а капитал заставляет рабочего работать 8 часов, — может показаться, что при этих условиях рабочий должен воспроизводить 40 талеров заработной платы, 40 талеров прибавочного рабочего времени (прибыли), 10 талеров орудия, 50 талеров хлопка, итого — 140 талеров, между тем как он воспроизводит всего лишь 80 талеров (множество подобных упреков делалось в адрес Рикардо: он-де рассматривает в качестве составных частей издержек производства только прибыль и заработную плату, не включая туда машины и материал труда). 40 талеров [заработной платы] представляют собой продукт половины рабочего дня, а другие 40 талеров — это другая, прибавочная половина. 60 же талеров представляют собой стоимость двух других составных частей капитала. Так как действительный продукт рабочего равен

* См. настоящий том, часть I, стр. 302—305. *Ред.*

80 талерам, то рабочий может воспроизвести только 80 талеров, а не 140. Он как будто даже понизил стоимость этих 60 талеров [затраченных на орудие и материал], так как из 80 воспроизведенных им талеров 40 возмещают его заработную плату, а остальные 40 талеров — результат прибавочного труда — на 20 меньше, чем 60. Вместо прибыли в 40 талеров капиталист как будто бы получил убыток в 20 талеров на первоначальную часть своего капитала, состоящую из орудия и материала.

Каким же образом рабочий должен, помимо 80, создать еще стоимость в 60 талеров, когда половина его рабочего дня, как показывает его заработная плата, создает с помощью орудия и материала только 40 талеров, другая половина тоже создает только 40 талеров; а ведь рабочий располагает только одним рабочим днем и не может в течение одного рабочего дня проработать два дня.

Предположим, что 50 талеров материала соответствуют x фунтам хлопчатобумажной пряжи, а 10 талеров орудия — одному ткацкому станку. Так вот, что касается, прежде всего, *потребительной стоимости*, то ясно, что если бы хлопок не имел уже формы пряжи, а железо и дерево — формы ткацкого станка, то рабочий не мог бы произвести никакой *ткани*, никакой потребительной стоимости более высокого порядка. Для самого рабочего эти 50 талеров и эти 10 талеров представляют собой в процессе производства *только пряжу и ткацкий станок, а не меновые стоимости*. Его труд превратил их в потребительную стоимость более высокого порядка, добавил к ним определенное количество овеществленного труда — 80 талеров, а именно: 40 талеров, в которых он воспроизвел свою заработную плату, и 40 талеров прибавочного времени. В потребительной стоимости — ткани — содержится одним рабочим днем больше, причем, однако, половина этого рабочего дня лишь возмещает ту часть капитала, на которую было куплено право распоряжаться рабочей силой. Того овеществленного рабочего времени, которое содержится в пряже и ткацком станке и образует часть стоимости продукта, рабочий не создал; для него они были и остались тем материалом, которому он придал другую форму и в который он вложил новый труд. Единственным условием является то, чтобы рабочий их не растранжирил, а этого он не сделал, поскольку его продукт обладает потребительной стоимостью, притом потребительной стоимостью более высокого порядка, чем раньше. В продукте содержатся теперь две части овеществленного труда: рабочий день данного рабочего и тот труд, который уже содержался в материале труда — пряже — и в ткацком станке независимо от данного рабочего и до начала его труда.

Труд, овеществленный раньше, был условием *его* [теперешнего] труда; лишь этот ранее овеществленный труд сделал его [теперешний] труд трудом, но он ничего не сто̀ит рабочему. Допустим, что пряжа и ткацкий станок не были бы заранее даны как составные части капитала, как *стоимости,* и ничего не стоили бы *капиталу.* Тогда стоимость продукта была бы равна 80 талерам, если рабочий работал целый день, и 40 талерам, если он работал половину дня. Стоимость эта как раз была бы равна одному овеществленному рабочему дню. В действительности пряжа и ткацкий станок в процессе производства ничего не сто̀ят рабочему; но этим овеществленное в них рабочее время не уничтожается, оно остается и лишь принимает другую форму. Если бы рабочий в течение того же самого рабочего дня должен был кроме ткани произвести еще также пряжу и ткацкий станок, то процесс [производства] фактически был бы невозможен. Следовательно, то обстоятельство, что пряжа и ткацкий станок ни как потребительные стоимости в их первоначальной форме, ни как меновые стоимости не требуют труда данного рабочего, а уже *имеются в наличии,* — как раз и ведет к тому, что труд данного рабочего в течение одного рабочего дня создает продукт более высокой стоимости, чем стоимость, создаваемая за один рабочий день. Однако рабочий создает такой продукт только потому, что ему не приходится самому производить этот избыток стоимости сверх рабочего дня, а он *находит его уже готовым,* в качестве предпосылки, в виде материальных условий его труда.

Следовательно, сказать, что рабочий воспроизводит эти стоимости, можно лишь в том смысле, что *без* его труда они бы сгнили, были бы бесполезны; но точно так же и его *труд без них* был бы бесполезен. Если рабочий в указанном смысле воспроизводит эти стоимости, то это происходит не потому, что он придает материалу и орудию бо̀льшую меновую стоимость или вступает в какой-либо процесс с их меновой стоимостью, а потому, что он вообще подвергает их простому процессу производства, что он вообще *работает.* [III—39] Но это не стоит рабочему дополнительного рабочего времени *наряду* с тем, которое ему требуется для их обработки и для увеличения их стоимости. Таково то условие, в которое рабочего поставил капитал с тем, чтобы он работал. Рабочий воспроизводит стоимость материала и орудия лишь тем, что придает им бо̀льшую стоимость, и это придавание им большей стоимости в точности равно его рабочему дню. Во всем остальном он оставляет эти стоимости такими, какие они есть. Старая стоимость материала и орудия сохраняется вследствие того, что к ней присоединяется новая стоимость,

а не потому, что *воспроизводится*, создается сама старая стоимость. Так как материал и орудие представляют собой продукт прежнего труда, то этот продукт прежнего труда, эта сумма овеществленного раньше труда остается элементом *продукта* данного рабочего, и продукт этот кроме своей новой стоимости содержит также и старую стоимость.

Таким образом, рабочий в действительности производит в этом продукте только стоимость, равную тому рабочему дню, который он к нему присоединил, а сохранение старой стоимости не сто̀ит ему абсолютно ничего сверх того, что ему сто̀ит присоединение новой стоимости. Старая стоимость для рабочего — это лишь материал, и она остается для него лишь материалом, как бы ни менялась форма этого материала; она, стало быть, остается чем-то уже имеющимся в наличии *независимо* от труда данного рабочего. То обстоятельство, что эти материалы [и орудие], которые остаются, так как они лишь принимают другую форму, сами уже содержат в себе рабочее время, — это касается капитала, а не рабочего; это рабочее время так же *не зависит* от труда данного рабочего и продолжает существовать *после* этого труда, как оно существовало до его начала. Это так называемое воспроизводство не сто̀ит рабочему никакого рабочего времени, а является условием его рабочего времени, так как оно заключается только в том, чтобы имеющееся в наличии вещество использовать в качестве материала [и орудия] его труда и относиться к нему как к материалу [и орудию].

Итак, рабочий возмещает старое рабочее время самим *актом* труда, а не тем, что добавляет для этой цели особое рабочее время. Он возмещает его просто путем присоединения *нового* рабочего времени, в результате чего старое рабочее время сохраняется в продукте и становится элементом нового продукта. Таким образом, рабочий своим рабочим днем не возмещает стоимости сырья и орудия. *Стало быть, это сохранение старой стоимости достается капиталисту так же бесплатно, как и прибавочный труд.* Однако оно достается капиталисту бесплатно [не] потому, что оно и рабочему ничего не стоит; нет, это является результатом того, что материал и орудие труда уже по *предположению* находятся в руках капиталиста и что поэтому рабочий не может *работать*, не превращая труда, уже находящегося в руках капитала в предметной форме, в материал [и орудие] своего собственного труда и не сохраняя тем самым труд, овеществленный в этом материале [и орудии]. Таким образом, капиталист ничего не платит рабочему за то, что пряжа и ткацкий станок — их стоимость — вновь появляются в стоимости ткани, стало быть, сохраняются. Это сохранение получается

просто в результате присоединения нового труда, который придает [пряже и ткацкому станку] бо̀льшую стоимость.

Таким образом, из первоначального отношения между капиталом и трудом вытекает, что та самая услуга, которую живой труд оказывает овеществленному труду вследствие своей связи с ним в качестве живого труда, — ничего не стоит капиталу, как ничего не стоит она и рабочему, а только выражает то отношение, согласно которому материал и орудие труда являются для рабочего капиталом, *независимыми* от рабочего предпосылками. Сохранение старой стоимости не представляет собой акта, отдельного от присоединения новой стоимости, а получается само собой, выступает как естественный результат присоединения новой стоимости. А то обстоятельство, что это сохранение ничего не стоит капиталу, а также ничего не стоит и рабочему, — это дано уже в само̀м отношении между *капиталом и трудом*, которое само по себе уже есть прибыль для одного и заработная плата для другого.

Отдельный капиталист может вообразить (и это не отражается на его расчетах), что если он обладает капиталом в 100 талеров, из которых 50 талеров затрачиваются на хлопок, 40 талеров — на жизненные средства для содержания труда, 10 талеров — на орудие, и если он начисляет на свои издержки производства 10% прибыли, — то труд должен возместить ему 50 талеров за хлопок, 40 талеров — за жизненные средства, 10 талеров — за орудие, а также 10% на 50, на 40 и на 10 талеров; так что в представлении капиталиста труд создает ему сырье на 55 талеров, жизненные средства на 44 талера и орудие на 11 талеров, всего — 110 талеров. Но для экономистов это — странное представление, хотя оно и выдвигалось против Рикардо с большой претенциозностью в качестве чего-то совершенно нового.

Если рабочий день рабочего равен 10 часам, а в течение 8 часов рабочий может создать 40 талеров, т. е. создать свою заработную плату, или, что то же самое, сохранить и восстановить свою рабочую силу, то ему требуется $^4/_5$ рабочего дня, для того чтобы возместить капиталу заработную плату, а $^1/_5$ рабочего дня, или 10 талеров, он отдает капиталу в качестве прибавочного труда. Таким образом, в обмен на 40 талеров заработной платы, на 8 часов овеществленного труда капитал получает 10 часов живого труда, и этот избыток образует всю его прибыль. Следовательно, весь овеществленный труд, созданный рабочим, составляет 50 талеров, и каковы бы ни были издержки на орудие и сырье, рабочий не может присоединить к ним ни на один талер больше, потому что его рабочий день не может объективироваться в большем количестве овеществленного труда. Что же касается

того обстоятельства, что эти 50 талеров, или 10 часов труда (из которых 8 часов являются лишь возмещением заработной платы), рабочий присоединяет к 60 талерам, затраченным на сырье и орудие, — то этим самым рабочий сохраняет материал и орудие, а сохраняются они именно потому, что снова вступают в контакт с живым трудом и используются в качестве орудия и материала; это не стоит рабочему никакого труда (да у него и нет избыточного времени для такого труда) и не оплачивается ему капиталистом. Эта живительная природная сила труда, заключающаяся в том, что труд, используя материал и орудие, в той или иной форме их сохраняет, а следовательно, сохраняет также и овеществленный в них труд, их меновую стоимость, — становится, как и всякая природная или общественная сила труда, не являющаяся продуктом прежнего труда или продуктом такого прежнего труда, который должен быть повторяем (например, историческое развитие рабочего и т. д.), *силой капитала,* а не труда. Поэтому-то она и не оплачивается капиталом. Точно так же, как рабочему не платят за то, что он способен мыслить и т. д.

[III—40] Мы видели *, что первоначально той предпосылкой, из которой возникает *капитал,* является *стоимость,* обособившаяся в нечто самостоятельно *противостоящее* обращению, — т. е. такой товар, для которого определение меновой стоимости не является всего лишь формальным, мимолетным определением, нужным лишь для того, чтобы он мог обменяться на другую потребительную стоимость и в конце концов исчезнуть в качестве объекта потребления, — *деньги как деньги,* деньги, изъятые из обращения и утверждающие себя *негативно* по отношению к нему. С другой стороны, продукт капитала, — в той мере, в какой он не является всего лишь *воспроизводством* самого капитала (это воспроизводство является, впрочем, только формальным, так как из трех частей стоимости капитала действительно потребляется, а следовательно, воспроизводится, только одна, та, которая возмещает заработную плату; прибыль же является не воспроизводством, а прибавкой к стоимости, прибавочной стоимостью), — опять-таки имеет своим результатом такую стоимость, которая больше не вступает в обращение в качестве эквивалента, а с другой стороны, еще не возведена вновь в степень капитала, — т. е. обособившуюся в нечто самостоятельное и *негативно* противостоящую обращению стоимость — *деньги* (в их третьей, адекватной форме **). Если

* См. настоящий том, часть I, стр. 198—224. *Ред.*
** Там же, стр. 162—163. *Ред.*

сначала деньги выступали в качестве предпосылки капитала, в качестве его причины, то теперь они выступают как его следствие. В первом движении деньги проистекали из простого обращения; во втором движении они проистекают из процесса производства капитала. В первом движении *деньги переходят* в капитал; во втором движении они выступают как положенная самим капиталом предпосылка капитала и потому уже *сами по себе* положены как капитал, уже в самих себе содержат идеальное отношение к капиталу. Они уже не просто переходят в капитал, но в них, как в *деньгах,* уже положено то, что они могут быть превращены в капитал.

[б) Сохранение потребительной стоимости постоянного капитала посредством нового живого труда]

Итак, увеличение стоимостей есть результат самовозрастания капитала, причем это самовозрастание капитала в свою очередь может быть результатом *абсолютного* или *относительного прибавочного времени:* действительного увеличения абсолютного рабочего времени или увеличения относительного прибавочного времени, т. е. уменьшения той составной части рабочего дня, которая определена как рабочее время, необходимое для сохранения рабочей силы, определена как *необходимый* труд вообще.

Живое рабочее время воспроизводит только ту часть овеществленного рабочего времени (капитала), которая выступает в качестве эквивалента за право распоряжаться живой рабочей силой рабочего и которая поэтому, в качестве эквивалента, должна возместить овеществленное в этой рабочей силе рабочее время, т. е. возместить издержки производства живой рабочей силы, — другими словами, сохранить жизнь рабочего как рабочего. То, что̀ живой труд производит сверх этого, является не воспроизводством, а новым созиданием, а именно — новым созиданием стоимости, так как это есть овеществление нового рабочего времени в какой-нибудь потребительной стоимости. То обстоятельство, что при этом одновременно оказывается сохраненным и содержащееся в сырье и орудии рабочее время, представляет собой результат *не количества труда,* а его *качества* как труда вообще; и это его всеобщее качество, которое не является особой квалификацией труда, не является специфически определенным трудом, а заключается в том, что *труд как труд является трудом,* — это качество труда не оплачивается особо, так как капитал купил *это качество* при обмене с рабочим.

Однако эквивалент этого качества (этой специфической потребительной стоимости труда) измеряется просто тем *количе-*

ством рабочего времени, которое произвело эту специфическую потребительную стоимость труда. Рабочий, применяя орудие в качестве орудия и изменяя форму сырья, прежде всего присоединяет к стоимости сырья и орудия такое количество нового труда, которое равно рабочему времени, содержащемуся в его собственной заработной плате; все, что рабочий добавляет сверх этого, представляет собой прибавочное рабочее время, прибавочную стоимость. Но вследствие простого отношения, заключающегося в том, что орудие используется в качестве орудия труда, а сырой материал становится сырым материалом труда, вследствие простого процесса, заключающегося в том, что сырой материал и орудие вступают в контакт с трудом, становятся его средством и предметом, а значит и опредмечиванием живого труда, моментами самого труда, — вследствие этого сырой материал и орудие сохраняются не по своей форме, а по своей субстанции; субстанцией же их, если рассматривать дело экономически, является овеществленное рабочее время. Овеществленное [в сыром материале и орудии] рабочее время перестает существовать в односторонней предметной форме, а потому перестает подвергаться разложению в качестве просто вещи, путем химических и т. п. процессов; перестает потому, что это овеществленное рабочее время выступает теперь как материальный способ существования — как средство и объект — живого труда.

Из просто овеществленного рабочего времени, в вещном бытии которого труд сохраняется уже только как нечто исчезнувшее, как *внешняя форма* природной субстанции этого овеществленного рабочего времени, внешняя по отношению к само̀й этой субстанции (например, форма стола — по отношению к древесине или форма вала — по отношению к железу), как труд, существующий всего лишь во внешней форме вещественного, — из такого овеществленного рабочего времени развивается безразличие вещества по отношению к форме. Овеществленное рабочее время сохраняет эту свою форму не в силу какого-либо живого имманентного закона воспроизводства, подобно тому как, например, дерево сохраняет свою форму дерева (в качестве дерева древесина сохраняет себя в определенной форме потому, что эта форма есть форма древесины, тогда как форма стола случайна для древесины, не является формой, имманентной ее субстанции); форма существует здесь лишь как форма, внешняя по отношению к вещественному содержанию, или сама она существует только вещественно. Поэтому разрушение, которому подвержено вещество этой формы, разрушает также и его форму. Однако когда сырье и орудие выступают в качестве условий

живого труда, они сами вновь оказываются одушевленными. Овеществленный труд перестает существовать в веществе как нечто мертвое в качестве внешней, безразличной формы, так как он сам снова выступает как момент живого труда, как отношение живого труда к самому себе в предметном материале, как *предметность* живого труда, как его средство и объект (*предметные [вещественные]* условия живого труда).

В результате того, что живой труд, осуществляясь в материале, тем самым изменяет сам этот материал, — изменение, которое определяется целью труда и его целесообразной деятельностью (и которое не сводится, как в мертвом предмете, к созданию формы, внешней веществу, к созданию всего лишь мимолетной видимости существования предмета), — в результате этого материал сохраняется в определенной форме, а изменение формы вещества подчиняется цели труда. Труд есть живой, преобразующий огонь; он есть бренность вещей, их временность, выступающая [III—41] как их формирование живым временем. В простом процессе производства — отвлекаясь от процесса увеличения стоимости — преходящий характер формы вещей используется для того, чтобы сделать их пригодными для потребления.

Когда хлопок превращается в пряжу, пряжа — в ткань, ткань — в набивную или гладкокрашеную ткань и т. п., а последняя, скажем, в платье, то 1) субстанция хлопка сохраняется во всех этих формах. (В химическом процессе, в регулировавшемся трудом обмене веществ, повсюду обменивались эквиваленты (природные) и т. д.) 2) Во всех этих последовательных процессах вещество принимало все более полезную форму, так как оно принимало форму, все более приспосабливавшую его к потреблению; пока в конце концов оно не приобрело такую форму, в которой оно может непосредственно стать предметом потребления, в которой, следовательно, потребление вещества и уничтожение его формы становятся человеческим потреблением, а само изменение вещества оказывается его непосредственным использованием. Во всех этих процессах вещество хлопка сохраняется; оно исчезает в одной форме потребительной стоимости, для того чтобы *уступить место более высокой форме, пока не получится такой предмет, который служит предметом непосредственного потребления*.

Однако тем, что хлопок превращен в пряжу, он поставлен в определенное отношение к последующему виду труда. Если этот последующий труд не наступил, то не только оказывается бесполезной приданная хлопку форма, иными словами, предшествующий труд не только не подкрепляется новым трудом,

но оказывается испорченным и материал, так как хлопок в форме пряжи лишь постольку обладает потребительной стоимостью, поскольку он вновь подвергается обработке: он представляет собой потребительную стоимость только по отношению к тому употреблению, которое дает ему последующий труд. Переработанный в пряжу хлопок является потребительной стоимостью лишь в той мере, в какой его форма — форма пряжи — уничтожается, заменяясь формой ткани, между тем как хлопок в его бытии в качестве хлопка может иметь бесчисленное множество применений.

Таким образом, без дальнейшего труда потребительная стоимость хлопка и пряжи, материал и его форма, пропали бы зря; эта потребительная стоимость была бы уничтожена, вместо того чтобы быть произведенной. И материал и его форма, и вещество и его форма сохраняются посредством дальнейшего труда, — сохраняются как потребительные стоимости, — пока они не примут облика такой потребительной стоимости, использование которой есть ее потребление. Следовательно, в простом процессе производства заложено то, что предшествующая ступень производства сохраняется посредством последующей ступени и что посредством создания потребительной стоимости более высокого порядка старая потребительная стоимость сохраняется или же изменяется лишь в той мере, в какой она повышается как потребительная стоимость. Именно живой труд сохраняет потребительную стоимость незавершенного продукта труда, сохраняет ее тем, что превращает этот продукт в материал дальнейшего труда. Однако живой труд сохраняет незавершенный продукт труда, — т. е. предохраняет его от непригодности и гибели, — только тем путем, что перерабатывает его сообразно своей цели, вообще делает его объектом нового живого труда.

Это *сохранение старой потребительной стоимости* не представляет собой такого процесса, который протекал бы наряду с переработкой старой потребительной стоимости (или завершением ее) посредством нового труда; нет, сохранение старой потребительной стоимости совершается посредством самого̀ этого нового труда, создающего потребительную стоимость более высокого порядка. Тем, что труд по изготовлению ткани превращает пряжу в ткань, т. е. обращается с пряжей как с сырьем для ткачества, для особого вида живого труда (а пряжа имеет потребительную стоимость лишь постольку, поскольку она ткется), — труд ткача сохраняет ту потребительную стоимость, которой обладал хлопок как таковой и которую он в специфической форме сохранял в пряже. Труд ткача сохраняет продукт [прежнего] труда тем, что превращает его в сырье для нового

труда; однако он, во-первых, не добавляет для этого никакого дополнительного нового труда, а во-вторых, сохраняет потребительную стоимость сырья попутно, посредством другого труда. *Труд ткача сохраняет полезность хлопка как пряжи тем, что он превращает пряжу в ткань.* (Все это относится уже к 1-й главе *о производстве вообще.*) Он *сохраняет хлопок посредством ткачества.* Это сохранение труда в качестве продукта, или сохранение потребительной стоимости продукта труда тем, что этот продукт становится сырьем для нового труда, выступая вновь как материальная предметность целесообразного живого труда, — дано в простом процессе производства. По отношению к потребительной стоимости труд обладает тем свойством, что он сохраняет имеющуюся налицо потребительную стоимость, повышая ее, и что он повышает ее, превращая ее в предмет нового труда, обусловленного конечной целью, — т. е. снова переводя потребительную стоимость из формы безразличного существования в форму предметного материала труда, его тела.

(*То же самое относится и к орудию.* Веретено сохраняется в качестве потребительной стоимости только тем, что оно используется для прядения. В противном случае, вследствие той определенной формы, которая здесь придается железу и дереву, пропали бы для потребления и тот труд, который придал им эту форму, и тот материал, которому эта форма придана. Только в результате того, что веретено выступает как средство живого труда, как один из предметных моментов жизнедеятельности последнего, — здесь сохраняется потребительная стоимость дерева и железа, точно так же, как и их форма. Назначение веретена как орудия труда заключается в том, чтобы быть изношенным, но изношенным именно в процессе прядения. Более высокая производительность, которую веретено придает труду, создает больше потребительных стоимостей и таким путем возмещает потребительную стоимость, уничтоженную в процессе потребления орудия. Яснее всего это проявляется в земледелии, так как там легче всего — ибо раньше, чем где бы то ни было — [продукт] непосредственно выступает как жизненное средство и потребительная стоимость, выступает как потребительная стоимость в отличие от меновой стоимости. Если мотыга доставляет земледельцу вдвое больше хлеба, чем он мог бы получить без нее, то на производство самой мотыги ему нужно затратить меньше времени; у него имеется достаточно продовольствия, для того чтобы изготовить новую мотыгу.)

Составные части стоимости капитала — из которых одна существует в форме материала, а другая в форме орудия — в процессе увеличения стоимости выступают по отношению

к рабочему, т. е. по отношению к живому труду (ибо рабочий в этом процессе существует только в качестве живого труда), не как стоимости, а как простые моменты процесса производства, выступают как потребительные стоимости для труда, как предметные условия его эффективности, или как его предметные моменты. То обстоятельство, что, используя орудие в качестве орудия и придавая сырью [III—42] форму потребительной стоимости более высокого порядка, живой труд тем самым их сохраняет, — заложено в природе самого труда. Однако сохраняемые этим путем потребительные стоимости труда в качестве составных частей капитала представляют собой меновые стоимости и, как таковые, определяются содержащимися в них издержками производства, количеством овеществленного в них труда. (К потребительной стоимости имеет отношение только *качество* уже овеществленного труда.) Количество *овеществленного труда* сохраняется тем путем, что его *качество как потребительной стоимости для дальнейшего труда* сохраняется посредством контакта с живым трудом.

Потребительная стоимость хлопка, так же как и его потребительная стоимость как пряжи, сохраняется в результате того, что хлопок в качестве пряжи перерабатывается в ткань; в результате того, что хлопок [в виде пряжи] существует в ткачестве как один из его предметных моментов (наряду с ткацким станком). *В результате этого сохраняется также и то количество рабочего времени, которое содержалось в хлопке и хлопчатобумажной пряже. То, что в простом процессе производства* выступает *как сохранение качества прошлого труда, а потому* также и того материала, в котором этот прошлый труд заключен, — то в процессе увеличения стоимости выступает как сохранение количества уже овеществленного труда. *Для капитала* это есть сохранение количества овеществленного труда *посредством* процесса производства; для самого *живого труда* это есть лишь сохранение уже существующей, существующей для труда, потребительной стоимости.

Живой труд добавляет *новое количество труда;* но уже овеществленное количество труда он сохраняет не в результате этого *количественного добавления,* а в результате присущего ему *качества живого труда,* или в результате того, что к тем потребительным стоимостям, в которых содержится прошлый труд, он относится как труд. Но и оплачивается живой труд не за это качество, которым он обладает как живой труд, — если бы он не был живым трудом, его бы вообще не покупали, — а за содержащееся в нем самом *количество* труда. Уплачивается, как и у всех других товаров, лишь *цена* его потребительной стоимости.

То специфическое качество, которым обладает живой труд, — добавляя новое количество труда к уже овеществленному количеству труда, одновременно сохранять овеществленный труд в его качестве овеществленного труда, — ему не оплачивается, да и рабочему оно тоже ничего не стоит, так как является природным свойством его рабочей силы.

В процессе производства *снимается* отделение труда от предметных моментов его существования — орудия и материала. *На этом отделении покоится существование капитала и наемного труда. Снятие этого отделения, действительно совершающееся в процессе производства,* — ведь иначе вообще нельзя было бы работать, — *капиталом не оплачивается*. (Это снятие и происходит не посредством обмена с рабочим, а *посредством самого труда в процессе производства*. Однако в качестве такого *выполняемого в данное время труда* этот труд сам уже включен в капитал, является одним из моментов последнего. Эта сохраняющая сила труда выступает, таким образом, как *сила самосохранения* капитала. Рабочий только добавил новый труд; прошлый труд — коль скоро существует капитал — имеет вечное существование в качестве стоимости, совершенно независимое от ее вещественного бытия. Так представляется дело капиталу и рабочему.) Если бы капитал должен был оплачивать также и это снятие, то он перестал бы быть капиталом. Оно целиком относится к той вещественной роли, которую труд по своей природе выполняет в процессе производства; относится к потребительной стоимости труда.

Но труд как потребительная стоимость принадлежит капиталисту; как всего лишь меновая стоимость — рабочему. Живое качество труда, его способность в самом процессе производства сохранять овеществленное рабочее время тем путем, что он превращает его в предметный способ существования живого труда, — совершенно не касается рабочего. *Это присвоение, посредством которого живой труд в самом процессе производства* делает *орудие и материал* телом своей души и тем самым воскрешает их из мертвых, фактически находится в противоречии с тем, что труд беспредметен, т. е. существует в рабочем как нечто действительное только в непосредственной жизнедеятельности рабочего, — а материал труда и орудие труда существуют в капитале как нечто для-себя-сущее. (Вернуться к этому впоследствии.)

Процесс увеличения стоимости капитала осуществляется через простой процесс производства и в простом процессе производства благодаря тому, что живой труд ставится в соответствующее природе отношение к материальным моментам его

существования. Но коль скоро живой труд вступает в это отношение, последнее существует уже не для самого труда, а для капитала; сам живой труд является уже моментом капитала.

Таким образом, обнаруживается, что капиталист — в результате того, что он фактически уплачивает рабочему эквивалент издержек производства, содержащихся в его рабочей силе, т. е. дает ему средство сохранить свою рабочую силу, себе же присваивает живой труд, — посредством обмена с рабочим получает бесплатно две вещи: во-первых, прибавочный труд, который увеличивает стоимость его капитала, и вместе с тем, во-вторых, то качество живого труда, благодаря которому он сохраняет материализованный в составных частях капитала прошлый труд и тем самым сохраняет уже существующую стоимость капитала. Однако это сохранение имеет место не потому, что живой труд *увеличивает количество овеществленного труда,* создает стоимость, а просто потому, что живой труд при добавлении нового количества труда существует как *живой* труд, находится в обусловленном процессом производства имманентном отношении к материалу и орудию труда; следовательно, уже существующую стоимость капитала живой труд сохраняет благодаря своему *качеству* живого труда. Но в этом своем качестве живой труд сам является моментом простого процесса производства, и капиталисту так же не приходится платить за это его качество, как не приходится ему при покупке пряжи и ткацкого станка, кроме их цены, платить еще и за то, что они тоже являются моментами процесса производства.

Когда, например, во времена торговых кризисов и т. д. останавливаются фабрики, то обнаруживается на деле, что машины ржавеют, а пряжа становится ненужным балластом и кроме того портится, как только прекращается их связь с живым трудом. Хотя капиталист заставляет рабочего [III—43] работать исключительно для того, чтобы создать прибавочную стоимость, — создать стоимость, еще не имеющуюся в наличии, — однако, как только он перестает заставлять рабочего работать, тотчас обнаруживается, что и его уже имеющийся в наличии капитал обесценивается; обнаруживается, следовательно, что живой труд не только добавляет новую стоимость, но самым актом добавления новой стоимости к старой стоимости сохраняет и увековечивает последнюю.

(Таким образом, обнаруживается с полной ясностью глупость сделанного в адрес Рикардо упрека в том, что в качестве необходимых составных частей издержек производства он рассматривает *только* прибыль и заработную плату и не причисляет к ним той части капитала, которая состоит из сырья и орудия.

Так как заключающаяся в сырье и орудии стоимость только сохраняется, то это не требует никаких новых издержек производства. Что же касается самих этих уже имеющихся в наличии стоимостей, то все они в свою очередь сводятся к овеществленному труду — к необходимому труду и прибавочному труду — к прибыли и заработной плате. Всего лишь природный материал, — коль скоро в нем *не* овеществлен никакой человеческий труд, коль скоро он поэтому представляет собой всего лишь материю и существует независимо от человеческого труда, — не имеет никакой *стоимости*, так как стоимость есть только овеществленный труд; он точно так же не имеет стоимости, как ее не имеют и всеобщие элементы вообще.)

Итак, сохранение имеющегося в наличии капитала посредством увеличивающего его стоимость труда ничего не стоит капиталу, а потому и не относится к издержкам производства. Хотя имеющиеся в наличии стоимости сохраняются в продукте и, следовательно, при обмене за них должны быть получены эквиваленты, но *сохранение этих стоимостей* в продукте ничего не стоит капиталу и потому не может включаться им в издержки производства. Стоимости эти не возмещаются также и трудом, так как они не потребляются, если не считать того, что они потребляются в своей безразличной по отношению к труду, находящейся вне труда форме существования, т. е. посредством труда *потребляется* (уничтожается) как раз то, что в них есть *преходящего*. Реально потребляется только заработная плата.

[3) СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ПОСТОЯННЫМ И ПЕРЕМЕННЫМ КАПИТАЛОМ]

[а) Различная роль постоянного и переменного капитала в образовании нормы прибыли]

Вернемся еще раз к нашему примеру *. Имеются 100 талеров капитала, причем 50 талеров затрачиваются на сырье, 40 талеров — на труд, 10 талеров — на орудие производства. Пусть рабочему требуется 4 часа для того, чтобы создать 40 талеров, средства, необходимые ему для жизни, т. е. ту часть продукции, которая необходима для его сохранения; рабочий же день его пусть будет равен 8 часам. Вследствие этого капиталист получает даром избыток в 4 часа; его прибавочная стоимость равна 4 овеществленным часам, 40 талерам. Итак, его продукт равен 50 + 10 (сохраненные, а не воспроизведенные стоимости; как

* См. настоящий том, часть I, стр. 302—305, 316. *Ред.*

стоимости они остаются *постоянными, неизменными*) + 40 талеров (заработная плата, которая воспроизводится, так как она была потреблена в форме заработной платы) + 40 талеров прибавочной стоимости. *Сумма* составляет 140 талеров.

Итак, из этих 140 талеров 40 представляют собой избыток. Капиталист должен был жить во время процесса производства и еще до того, как он начал производить; на это потребовалось, скажем, 20 талеров. Эти 20 талеров он должен был иметь помимо своего капитала в 100 талеров; значит, в обращении должны были быть налицо эквиваленты для них. (Как эти эквиваленты возникли, нас здесь не касается.) Капитал предполагает обращение как постоянную величину. Эти эквиваленты имеются в наличии всё снова и снова. Стало быть, капиталист проедает из своей прибыли 20 талеров. Они поступают в простое обращение. 100 талеров тоже поступают в простое обращение, но с тем, чтобы опять превратиться в условия нового производства: в 50 талеров сырья, в 40 талеров жизненных средств для рабочих, в 10 талеров, затраченных на орудие. Сюда еще остается добавить прибавочную стоимость как таковую, как вновь созданную стоимость в 20 талеров. Эта прибавочная стоимость представляет собой *деньги*, стоимость, негативно самостоятельно выступающую по отношению к обращению. Эти деньги не могут поступить в обращение в качестве всего лишь эквивалента, с тем чтобы обменяться на предметы простого потребления, так как обращение предполагается постоянным. Но самостоятельное, иллюзорное существование денег уже ликвидировано; деньги существуют уже только для того, чтобы увеличиваться по своей стоимости; т. е. для того, чтобы становиться капиталом.

Но для того чтобы стать капиталом, деньги должны быть снова обменены на моменты процесса производства, на жизненные средства для рабочих, на сырье и орудие; все эти предметы сводятся к овеществленному труду, могут быть созданы только живым трудом. Поэтому *деньги*, коль скоро они теперь *an sich* * уже существуют как капитал, представляют собой просто *чек на будущий* (новый) *труд*. Предметно они существуют только как *деньги*. Прибавочная стоимость, прирост *овеществленного труда*, коль скоро он существует как нечто самостоятельное, есть *деньги*; но деньги теперь *an sich* уже капитал; как таковой они и представляют собой *чек на новый труд*. Здесь капитал уже вступает в отношение не только с имеющимся в наличии трудом, но и с трудом будущим. Вместе с тем капитал здесь выступает уже не как превратившийся в свои простые элементы

* — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

в процессе производства, а как превратившийся в деньги, но уже не в деньги как всего лишь абстрактную форму всеобщего богатства, а в деньги как в чек на реальную возможность всеобщего богатства, — на рабочую силу, и притом на такую *рабочую силу,* которая *только еще становится таковой.* Для денег, выступающих в качестве такого чека, их материальное существование как денег безразлично и может быть заменено любым титулом. Совершенно так же, как владелец государственных ценных бумаг, всякий капиталист обладает, в приобретенной им новой стоимости, чеком на будущий труд, и путем присвоения труда, совершающегося в данное время, он вместе с тем уже присваивает себе будущий труд. (Эту сторону капитала следует рассмотреть позднее. Уже здесь обнаруживается свойство капитала существовать, как стоимость, в отрыве от своей субстанции. Базис кредита заложен уже здесь.) Поэтому накопление капитала в форме денег отнюдь не является материальным накоплением материальных условий труда, а представляет собой накопление титулов собственности на труд, полагание будущего труда как *наемного труда,* как потребительной стоимости для капитала. Для вновь созданной стоимости нет налицо готового *эквивалента;* возможность его — только в новом [III—44] труде.

Итак, в нашем примере посредством абсолютного прибавочного рабочего времени — в результате того, что работали 8 часов вместо 4 часов — создана новая стоимость в 40 талеров, созданы деньги, притом деньги, по форме своей уже являющиеся капиталом (в качестве уже *заранее данной возможности* капитала, а не как раньше, когда возможность эта возникала оттого, что деньги переставали быть деньгами как таковыми); создана новая стоимость, которая добавлена к старым стоимостям, к имеющемуся налицо миру богатства.

Если теперь производительная сила удваивается, так что рабочему вместо четырех часов *необходимого труда* приходится работать только 2 часа, а капиталист, стало быть, по-прежнему заставляет его работать 8 часов, то получится такой расчет: 50 талеров — материал, 20 — заработная плата, 10 — орудие труда, 60 — прибавочная стоимость (6 часов, раньше — 4). Прирост абсолютной прибавочной стоимости составляет 2 часа или 20 талеров. *Сумма* равна 140 талерам (в виде продукта).

Сумма, как и раньше, равна 140 талерам; однако из этой суммы 60 талеров представляют собой прибавочную стоимость, в том числе 40 талеров, как и прежде, приходятся на абсолютное увеличение прибавочного времени [за пределы необходимого рабочего времени], а 20 — на относительное. Но, как и прежде,

в простой меновой стоимости содержатся только 140 талеров. Увеличилось ли [при удвоении производительной силы] только количество потребительных стоимостей или же создана новая стоимость? Прежде капитал должен был вновь начинать со 100 талерами, чтобы снова возрасти на 40%. Что будет с 20 талерами [относительной] прибавочной стоимости? Прежде капитал проедал 20 талеров; у него оставалась стоимость в 20 талеров. Теперь он проедает 20; у него остаются 40 талеров. С другой стороны, раньше капитал, вступающий в производство, составлял 100, теперь он составляет 80. То, что на одной стороне было выгадано в виде стоимости в одном ее определении, то на другой стороне было потеряно в виде стоимости в ее другом определении.

Первый капитал снова вступает в процесс производства; он снова производит 20 талеров прибавочной стоимости (за вычетом того, что потребляет капиталист). К концу этой второй операции налицо вновь созданная стоимость, не имеющая никакого готового эквивалента и равная 20 талерам, а вместе с первыми двадцатью талерами — 40.

Возьмем теперь второй капитал [производительная сила которого вдвое выше]. 50 талеров — материал, 20 талеров — заработная плата (равная 2 часам), 10 талеров — орудие труда. Но с помощью этих 2 часов [затраченных на заработную плату] капитал этот производит стоимость, соответствующую восьми часам, а именно — 80 талеров, из которых 20 талеров возмещают издержки производства [затраченные на заработную плату]. Остаются 60 талеров, так как 20 талеров воспроизводят заработную плату (стало быть, они исчезли в качестве заработной платы). [Если второй капитал снова вступает в процесс производства, то к концу этой второй операции он произведет вместе с первыми 60 талерами прибавочной стоимости] 60 + 60, т. е. 120 талеров. К концу этой второй операции 20 талеров идут на потребление капиталиста, остаются 40 талеров прибавочной стоимости; вместе с первыми 40 талерами это составит 80 талеров.

При третьей операции у первого [капитала] накоплено всего 60 талеров [прибавочной стоимости], у второго — 120; при четвертой [операции] у первого [капитала] — 80, у второго — 160 талеров. При переходе от первого капитала ко второму меновая стоимость производительного капитала уменьшилась на ту же самую сумму, на которую капитал увеличился как *стоимость*.

Допустим, что оба капитала вместе со своей прибавочной стоимостью могут быть снова применены в качестве капитала, т. е. что они могут обменять на новый живой труд свою прибавочную стоимость. Тогда мы получаем следующий расчет

(потребление [капиталиста] мы оставляем в стороне): *первый капитал* производит [с нормой прибыли] 40%; *второй* — 75%; 40% от 140 составляют 56; 75% от 140 (а именно: 80 — капитал, 60 — прибавочная стоимость) составляют 105. В первом случае [в результате производительного потребления прибавочной стоимости] весь продукт равен 140 + 56, т. е. 196 талерам; во втором случае весь продукт равен 140 + 105, т. е. 245 талерам. Таким образом, во втором случае абсолютная меновая стоимость [продукта] выше на 49 талеров.

Первый капитал имеет 40 талеров на покупку нового рабочего времени; стоимость, создаваемая рабочим часом, была предположена равной 10 талерам; следовательно, этими 40 талерами первый капитал оплачивает 4 новых рабочих часа, которые производят ему 80 талеров (из них 40 талеров представляют собой возмещение заработной платы), т. е. дают 8 рабочих часов [170]. К концу [процесса производства] первый капитал будет равен 140 + 80 {а именно, сперва мы имеем здесь воспроизведение капитала в 100; прибавочная стоимость составляет 40; иными словами воспроизводится капитал в 140. Первые 100 талеров [авансированного капитала] воспроизводятся как 140, вторые же 40 талеров (так как они расходуются только на покупку нового труда, т. е. здесь не происходит простого возмещения какой-нибудь стоимости — предположение, впрочем, невозможное) производят 80}. Итак, к концу процесса производства первый капитал будет равен 140 + 80 = 220.

Второй капитал [после завершения первого цикла производства] равен 140 талерам; 80 талеров производят 60 талеров прибавочной стоимости; т. е. 80 талеров воспроизводятся как 140; присоединяемые сюда 60 талеров [капитализируемой прибавочной стоимости] (так как они *целиком* расходуются на покупку *труда* и, следовательно, не идут на простое возмещение какой-нибудь стоимости, а сами себя воспроизводят и создают прибавочную стоимость) воспроизводятся как 240; значит, к концу процесса производства второй капитал будет равен 140 + 240 = = 380. (Он производит на 160 талеров больше, чем первый капитал, его прибавочное время равно 24 часам, в то время как прибавочное время первого капитала равно 8 часам.) Итак, в результате вторым капиталом произведена бо́льшая меновая стоимость, так как им овеществлено больше труда; его прибавочный труд на 16 часов больше прибавочного труда первого капитала.

[III—45] Здесь нужно отметить еще и другое: 140 талеров при 40% приносят 56 талеров; капитал и проценты [171] вместе составляют 140 + 56 = 196; мы же получили [для первого

капитала] сумму в 220 талеров; согласно этому расчету проценты со 140 талеров составляли бы не 56, а 80 талеров, что означало бы $57^1/_7\%$ от 140 ($140 : 80 = 100 : x;\ x = \frac{8000}{140} = 57^1/_7$). Точно так же и во втором случае: 140 талеров при 75% приносят 105 талеров; капитал вместе с процентами составляет 140 + + 105 = 245; мы же получили [для второго капитала] сумму в 380 талеров; согласно этому расчету проценты со 140 талеров составляли бы не 105, а 240 талеров (ибо 140 + 240 = 380 талеров); т. е. [$171^3/_7\%$] ($140 : 240 = 100 : x;\ x = \frac{24000}{140}$ [$= 171^3/_7$]).

Отчего это получается? (Отчего в первом случае получается $57^1/_7\%$ вместо 40%, а во втором случае — $171^3/_7\%$ вместо 75%?) В первом случае, где получилось $57^1/_7\%$ вместо 40, налицо, таким образом, лишних $17^1/_7\%$; во втором случае получилось $171^3/_7\%$ вместо 75, значит лишних $96^3/_7\%$. Итак, откуда проистекает, во-первых, неодинаковость различия в обоих случаях и, во-вторых, различие в каждом случае?

В первом случае первоначальный капитал в 100 талеров состоит из 60 талеров (материал и орудие труда) и 40 талеров, затраченных на труд; $^3/_5$ капитала израсходованы на материал [и орудие], $^2/_5$ — на труд. Первые $^3/_5$ капитала вовсе не приносят процентов; последние $^2/_5$ приносят 100%. Но если считать на весь капитал, то он увеличился только на 40%; $^2/_5$ [40%] от 100 равны 40. Однако 100% на эти 40 составляют лишь 40% на все 100; т. е. имеет место увеличение целого на $^2/_5$. Таким образом, если бы вновь присоединенный капитал в 40 талеров тоже увеличил на 100% только $^2/_5$ своей величины, то это дало бы увеличение целого на 16 талеров. 40 + 16 = = 56 талеров. Это вместе со 140 равно 196 талерам, что действительно означает прибавку в 40% к 140 талерам, если брать капитал вместе с процентами.

40 талеров [вновь присоединенного капитала], после того как они увеличились на 100%, т. е. удвоились, составляют 80 талеров. (Если бы на 100% увеличились [только] $^2/_5$ от 40, то это дало бы 16 талеров [прибыли].) 40 талеров из 80 возмещают [затраченный на заработную плату] капитал, 40 талеров составляют прибыль.

Следовательно, [для первого случая] расчет таков:

$100\ C^* + 40\ Z^{**} + 40\ C + 40\ Z = 220;$

т. е. мы имеем здесь капитал в 140 талеров, совокупные проценты

* *C* (первая буква немецкого слова Capital, как оно писалось в первой половине XIX века) означает здесь авансированный капитал. *Ред.*

** *Z* (первая буква немецкого слова Zins) означает здесь процент в смысле всей прибыли, получаемой на авансированный капитал. *Ред.*

с которого составляют 80 талеров. Но если бы мы взяли другой расчет, то получили бы:

$$100\ C + 40\ Z + 40\ C + 16\ Z = 196;$$

т. е. получили бы капитал в 140 талеров, совокупные проценты с которого составляют 56 талеров.

[По первому расчету] мы начислили слишком много процентов; лишние проценты, начисленные на 40 талеров капитала, составляют 24 талера. Но 24 талера — это $^3/_5$ от 40 ($3 \times 8 = 24$); т. е. наряду с капиталом [в 100 талеров] только $^2/_5$ [вновь присоединенного] капитала [в 40 талеров] возросли на 100%; следовательно, весь [вновь присоединенный] капитал возрос только на $^2/_5$, т. е. на 16 талеров.

Исчисление процента для капитала в 40 талеров было нами преувеличено на 24 талера (которые представляют собой рост в 100% для $^3/_5$ капитала в 40 талеров); 24 к 24 составляют 100% от 3×8 (т. е. от $^3/_5$ от 40). На всю же сумму в 40 талеров при таком расчете приходятся [лишних] 60% [прибыли] вместо [первоначальных] 40%; т. е. на 40 талеров мы насчитали лишних 24 талера ($^3/_5$), а 24 к 40 составляют 60%. Следовательно, на капитал в 40 талеров мы насчитали лишних 60% (60% — это $^3/_5$ от 100). На капитал же в 140 талеров мы насчитали лишних 24 талера (а это-то и составляет разницу между 220 и 196 талерами), следовательно, всего лишних $17^1/_7$%[172]. Стало быть, на весь капитал в 140 талеров мы насчитали лишних не 60%, как на капитал в 40 талеров, а только $17^1/_7$%; это составляет разницу в $42^6/_7$%, в соответствии с тем, что из всего капитала в 140 талеров на капитал в 40 талеров насчитано лишних 24 талера.

Аналогичным образом обстоит дело и во втором случае[173].

Из 80 талеров авансированного во втором случае капитала, с помощью которых производятся 140 талеров, 50 + 10 талеров [затраченных на сырье и орудие труда] просто возмещаются; 20 же талеров [затраченных на заработную плату] воспроизводят вчетверо бо̀льшую величину: 80 талеров (из которых 20 талеров представляют собой воспроизведение [стоимости рабочей силы], а 60 талеров — прибавочную стоимость). Если 20 талеров [затраченных на заработную плату] производят втрое бо̀льшую прибавочную стоимость в 60 талеров, то 60 талеров [вновь затраченного капитала] произведут прибавочную стоимость в 180 талеров.

[б) Норма прибыли и норма прибавочной стоимости]

[IV—1] Не к чему задерживаться долее на этих в высшей степени скучных вычислениях. Суть дела заключается просто в следующем. Если, как в нашем первом примере, $^3/_5$ [авансированного капитала] (60 талеров из 100) составляют материал и орудие, а $^2/_5$ (40 талеров) — заработную плату, и если капитал принес 40% прибыли, то к концу [процесса производства] капитал равен 140 талерам (эти 40% прибыли равносильны тому, что капиталист через посредство 6 часов необходимого труда заставлял [рабочего] работать 12 часов, т. е. выигрывал 100% к необходимому рабочему времени). Если же вырученные 40 талеров снова функционируют в качестве капитала при тех же предпосылках, — а на той ступени, на которой мы пока находимся, эти предпосылки еще не изменились, — то из 40 талеров $^3/_5$, т. е. 24 талера, снова должны быть израсходованы на материал и на орудие, а $^2/_5$ — на труд; так что затем [в результате нового процесса производства] удвоится опять-таки только заработная плата: будучи равной 16 талерам, она превратится в 32 талера. Таким образом, 16 талеров являются воспроизведением заработной платы, 16 талеров представляют собой прибавочный труд. Следовательно, в результате к концу процесса производства мы имеем $40 + 16 = 56$ талеров прибыли, что дает [норму прибыли] в 40%. Таким образом, совокупный капитал в 140 талеров произвел бы при тех же самых условиях 196 талеров. Нельзя, как это делается в большинстве работ по политической экономии, исходить из того, будто указанные 40 талеров расходуются целиком на заработную плату, на покупку живого труда, а потому к концу процесса производства приносят 80 талеров.

Если говорится: капитал в 100 талеров в одно время приносит 10%, в другое — 5%, то нет ничего ошибочнее, как делать отсюда, подобно Кэри[174] и компании, тот вывод, что в первом случае доля капитала в продукции составляет $^1/_{10}$ и, следовательно, доля труда составляет только $^9/_{10}$, а во втором случае доля капитала составляет только $^1/_{20}$ и, следовательно, доля труда составляет $^{19}/_{20}$; т. е. тот вывод, что если падает норма прибыли, то повышается доля труда. С точки зрения капитала, который отнюдь не осознает природы процесса увеличения своей стоимости и у которого лишь во времена *кризисов* появляется интерес к тому, чтобы эту природу осознать, — прибыль в 10% на капитал в 100 талеров, естественно, рассматривается так, будто составные части стоимости этого капитала — материал, орудие, заработная плата — одинаково возросли на 10%,

следовательно, будто капитал как сумма стоимости в 100 талеров, как данное количество определенных стоимостных единиц, увеличился на 10%.

В действительности же здесь встают вопросы: 1) в каком соотношении находились друг с другом составные части капитала и 2) сколько прибавочного труда было куплено посредством заработной платы, посредством тех часов труда, которые овеществлены в заработной плате. Если мне известны общая сумма капитала, соотношение между составными частями его стоимости (практически я должен был бы также знать, какая часть орудия производства изнашивается во время процесса производства, т. е. действительно входит в этот процесс) и полученная прибыль, то я знаю, сколько было создано прибавочного труда.

Если [орудие и] материал (относительно которого здесь ради удобства предполагается, что он [так же как и орудие] целиком потребляется производительно) составляют $^3/_5$ капитала, стало быть, 60 талеров, а заработная плата равна 40 талерам, и если прибыль со 100 талеров составляет 10, то это означает, что труд, купленный с помощью 40 талеров овеществленного рабочего времени, создал в процессе производства 50 талеров овеществленного труда; следовательно, проработанное прибавочное время, или созданная прибавочная стоимость, составляет 25%, т. е. $^1/_4$ необходимого рабочего времени. Таким образом, если рабочий проработал один двенадцатичасовой рабочий день, то он проработал $2^2/_5$ часа прибавочного времени, а его необходимое рабочее время, нужное для того, чтобы поддержать его жизнь в течение одного дня, составляло $9^3/_5$ рабочего часа.

Хотя новая стоимость, созданная в процессе производства, составляет только 10 талеров, однако если исходить из действительной нормы, то эти 10 талеров надо рассчитывать на 40, а не на 100 талеров. Стоимость в 60 талеров не создала никакой новой стоимости, ее создал рабочий день. Таким образом, капитал, обмененный на рабочую силу, увеличен рабочим на 25%, а не на 10%. Совокупный капитал получил прирост в 10%. 10 талеров прибыли составляют 25% от 40 и только 10% от 100. Следовательно, норма прибыли капитала отнюдь не выражает той нормы, в какой живой труд увеличивает труд овеществленный; ибо это увеличение просто равно тому избытку, с которым рабочий воспроизводит свою заработную плату, т. е. оно равно тому времени, которое рабочий проработал сверх того, какое он должен был проработать, чтобы произвести свою заработную плату.

Если бы в приведенном выше примере рабочий не был [наемным] рабочим у капиталиста и относился бы к содержащимся в 100 талерах потребительным стоимостям не как к капиталу, а просто как к предметным условиям своего труда, то до того, как он снова начнет процесс производства, он должен был бы иметь на 40 талеров жизненные средства, которые он потребляет в течение рабочего дня, и на 60 талеров орудие и материал. Рабочий работал бы только $^4/_5$ рабочего дня, т. е. $9^3/_5$ часа, и к концу рабочего дня его продукт составлял бы не 110, а 100 талеров, которые он вновь обменял бы [на предметные условия своего труда] в указанных выше пропорциях, и каждый раз он таким же образом вновь начинал бы этот процесс. Но рабочий и работал бы на $2^2/_5$ часа меньше, т. е. при совершаемом им обмене 40 талеров жизненных средств на свое рабочее время, рабочий сберегал бы 25% прибавочного труда, 25% прибавочной стоимости; а если бы рабочий когда-нибудь проработал на $2^2/_5$ часа больше, имея под рукой необходимый материал и необходимое орудие, то ему и в голову не пришло бы сказать, что он создал 10% нового дохода: он сказал бы, что им создан новый доход в 25%, так как рабочий смог бы купить на $^1/_4$ больше жизненных средств, не на 40, а на 50 талеров; ведь одни только жизненные средства и имели бы ценность для рабочего, так как его интересовала бы потребительная стоимость.

Исчисление сложных процентов пресловутого доктора Прайса, побудившее высокородного Питта к нелепой затее с его *фондом погашения* [государственного долга] [175], покоится на иллюзии, что новый доход [IV—2] создается не посредством обмена $9^3/_5$ рабочих часа, овеществленных в 40 талерах, на 12 часов живого труда, в результате чего создается прибавочная стоимость, составляющая 25% к этой части капитала, — но что весь капитал равномерно возрос на 10%: 10% от 60 талеров [постоянного капитала] составляют 6 талеров, а 10% от 40 талеров [переменного капитала] — 4 талера. Тождественность прибавочного дохода [Mehrgewinn] с прибавочным рабочим временем — абсолютным и относительным — обусловливает качественную границу для накопления капитала: *рабочий день* (то время в пределах 24 часов, в течение которого может функционировать рабочая сила рабочего), степень развития производительной силы и население, которое определяет количество функционирующих одновременно рабочих дней, и т. д. Если же, наоборот, прибавочный доход рассматривается только как процент, — т. е. как такое отношение, в соответствии с которым капитал увеличивается посредством какой-то воображаемой

sleight-of-hand *, — то в этом случае граница [для накопления капитала] оказывается только количественной, и совершенно нельзя понять, почему бы капиталу все снова и снова не присоединять к себе каждое утро проценты в качестве капитала и, таким образом, не создавать проценты с процентов в бесконечной геометрической прогрессии [176]. В *невозможности* прайсовского нарастания процентов экономисты убедились на практике, но они так и не открыли заключающейся в нем грубой ошибки.

Из тех 110 талеров, которые получаются в конце процесса производства, 60 талеров (материал и орудие), в той мере, в какой они представляют собой стоимости, остались абсолютно неизменными. Рабочий из них ничего не взял и ничего к ним не добавил. Впрочем, то обстоятельство, что рабочий — вследствие того факта, что его труд является живым трудом, — бесплатно сохраняет для капитала овеществленный труд, с точки зрения капиталиста выглядит так, будто рабочий еще обязан уплатить ему за то, что он, капиталист, разрешает рабочему вступить в качестве представителя труда в адекватную связь с овеществленными моментами, с предметными условиями [труда]. Что же касается остальных 50 талеров, то из них 40 талеров представляют собой не простое сохранение, а *действительное воспроизводство,* так как капитал подверг их отчуждению от самого себя в форме заработной платы, а рабочий их потребил; 10 талеров представляют собой то, что было произведено сверх воспроизведенного, а именно — продукт прибавочного труда в размере $^1/_4$ труда необходимого (продукт $2^2/_5$ часа).

Продуктом данного процесса производства являются только эти 50 талеров. Поэтому, если бы рабочий, как это неправильно утверждают, делил с капиталистом продукт [вновь присоединенного труда] таким образом, что [при норме прибыли в 10%] он получал бы $^9/_{10}$ этого продукта, то рабочий должен был бы получить не 40 талеров (а он получил их заранее и за это их воспроизвел; на деле, таким образом, рабочий полностью выплатил эти 40 талеров обратно капиталу и в придачу бесплатно сохранил для него уже существующую стоимость), что составляет только $^8/_{10}$ продукта [вновь присоединенного труда], а 45 талеров, причем капиталу осталось бы только 5 талеров. Следовательно, капиталист в итоге имел бы всего лишь 65 талеров в качестве продукта того процесса производства, который он начал со 100 талеров.

* — ловкости рук. *Ред.*

В действительности же из воспроизведенных 40 талеров рабочий не получает ничего, равно как и из 10 талеров прибавочной стоимости. А если воспроизведенные рабочим 40 талеров рассматривать как предназначенные для того, чтобы снова служить в качестве заработной платы, т. е. снова служить капиталу для покупки живого труда, и если говорить об имеющем здесь место соотношении, то можно сказать только то, что $9^3/_5$ часа овеществленного труда (40 талеров) покупают 12 часов живого труда (50 талеров) и, таким образом, приносят прибавочную стоимость, составляющую 20% действительно произведенного продукта (отчасти воспроизведенного в виде фонда заработной платы, отчасти вновь произведенного в виде прибавочной стоимости) процесса увеличения стоимости.

Только что первоначальный капитал в 100 талеров складывался таким образом:

[Материал]	[Орудие]	[Наемный труд]
50	10	40

Произведенный прибавочный доход составлял 10 талеров (прибавочное время было равно 25% необходимого рабочего времени). *Всего вместе* 110 талеров.

Допустим теперь, что первоначальный капитал в 100 талеров складывается таким образом:

[Материал]	[Орудие]	[Наемный труд]
60	20	20

Пусть результат [процесса производства] составляет 110 талеров. Пошлый экономист и еще более пошлый капиталист скажут, что 10% [прибыли] произведены в одинаковой мере всеми частями капитала. Но 80 талеров капитала опять-таки только сохранялись бы; их стоимость не подверглась бы никаким изменениям. Только 20 талеров были бы обменены на 30; следовательно, прибавочный труд увеличился бы до 50% [необходимого рабочего времени], а не составлял бы, как прежде, 25%.

Рассмотрим третий случай, когда первоначальный капитал в 100 талеров складывается следующим образом:

[Материал]	[Орудие]	[Наемный труд]
70	20	10

Результат [процесса производства] равен 110 талерам. Неизменяющаяся стоимость составляет, таким образом, 90 талеров. Новый продукт равен 20 талерам; следовательно, прибавочная стоимость или прибавочное время составляет 100% необходимого рабочего времени.

Здесь перед нами три случая, когда прибыль на весь капитал неизменно равна 10 талерам, однако в первом случае вновь

созданная [прибавочная] стоимость составляет 25% овеществленного труда, израсходованного на покупку живого труда, во втором случае она составляет 50%, в третьем случае — 100%.

Черт бы побрал эти проклятые ошибки в расчетах! * Однако ничего не поделаешь, начнем сначала.

В первом случае мы имели:

Неизменяющаяся стоимость	Наемный труд	Прибавочная стоимость	Сумма
60	40	10	110

Мы все время предполагаем, что рабочий день равен 12 часам. (Мы могли бы также принять, что рабочий день увеличивается, — например принять, что раньше он равнялся только x часам, теперь же равняется $x + b$ часам, — а производительная сила осталась неизменной; или что оба фактора являются переменными.)

[IV—3] Если рабочий

	за 12 часов производит	50 талеров,	
то	за 1	$4^1/_6$ талера,	
	за $9^3/_5$	40	за 12 часов 50 талеров.
	за $2^2/_5$	10	

Таким образом, необходимый труд рабочего составляет $9^3/_5$ часа (40 талеров); стало быть, прибавочный труд составляет $2^2/_5$ часа ([создает] стоимость в 10 талеров). $2^2/_5$ часа представляют собой $^1/_5$ рабочего дня. Прибавочный труд рабочего составляет $^1/_5$ рабочего дня; следовательно, он создает стоимость в 10 талеров. Если мы станем теперь рассматривать эти $2^2/_5$ часа как тот процент, который капитал получил на $9^3/_5$ часа овеществленного рабочего времени при обмене его на живой труд, то $2^2/_5 : 9^3/_5 = {^{12}/_5} : {^{48}/_5}$, т. е. $12 : 48 = 1 : 4$. Следовательно, $2^2/_5$ часа равны $^1/_4$ [авансированного на заработную плату] капитала, составляют 25% на этот капитал. Точно так же 10 талеров : 40 талеров = 1 : 4 = 25%.

Сведем теперь все полученное воедино.

№ I)

Первоначальный капитал	Неизменяющаяся стоимость	Стоимость, воспроизведенная взамен заработной платы	Прибавочная стоимость продукта
100 талеров	60 талеров	40 талеров ($9^3/_5$ рабочих часа)	10 талеров

Общая сумма	Прибавочное время и прибавочная стоимость	% на обмененный овеществленный труд
110 талеров	$2^2/_5$ рабочих часа 10 талеров	25%

* В настоящем издании эти ошибки исправлены. *Ред.*

(Можно было бы сказать, что *орудие труда,* его стоимость должна быть не только возмещена, но и воспроизведена, так как орудие труда действительно изнашивается, потребляется в процессе производства. Это следует рассмотреть в разделе об *основном капитале.* В самом деле, стоимость орудия прибавляется к стоимости материала; поскольку она является овеществленным трудом, она меняет только форму. Если в вышеприведенном примере стоимость материала составляла 50 талеров, а стоимость орудия труда — 10 талеров, то теперь, когда орудие износилось на 5 талеров, стоимость материала [вместе со стоимостью изношенной части орудия] составляет 55, а стоимость орудия — 5 талеров; если орудие целиком исчезнет, стоимость материала [вместе со стоимостью изношенного орудия] достигнет 60 талеров. Это есть элемент простого процесса производства. Орудие не было, подобно заработной плате, потреблено *вне процесса производства.*)

Но перейдем ко второму предположению:

Первоначальный капитал	Неизменяющаяся стоимость	Стоимость, воспроизведенная взамен заработной платы	Прибавочная стоимость продукта	Общая сумма
100	80	20	10 талеров	110 талеров

Если рабочий за 12 часов производит 30 талеров, то за 1 час он производит $2^1/_2$ талера, за 8 часов — 20 талеров, за 4 часа — 10 талеров. 10 талеров составляют 50% от 20 талеров, так же как 4 часа от 8 часов; прибавочная стоимость равна 4 часам, $^1/_3$ рабочего дня, или 10 талерам.

Итак:

№ II)

Первоначальный капитал	Неизменяющаяся стоимость	Стоимость, воспроизведенная взамен заработной платы	Прибавочная стоимость продукта
100	80	20 талеров (8 рабочих часов)	10 талеров

Общая сумма	Прибавочное время и прибавочная стоимость	% на [переменный] капитал
110	4 рабочих часа 10 талеров	50%

Как в первом, так и во втором случае прибыль на совокупный капитал в 100 талеров составляет 10%, но в первом случае действительная прибавочная стоимость, которую капитал получает в процессе производства, составляет 25%, а во втором случае — 50% необходимого рабочего времени.

Предпосылки примера № II сами по себе столь же возможны, как и предпосылки примера № I. Но при их сопоставлении кажется, что предпосылки примера № II нелепы. Материал и орудие повысились в стоимости с 60 до 80 талеров, производительность труда понизилась с $4^1/_6$ талера [вновь созданной стоимости] в час до $2^1/_2$ талера, а [норма] прибавочной стоимости возросла на 100%. (Однако если предположить, что больший расход на заработную плату в первом случае выражает большее количество рабочих дней, а во втором — меньшее, то предпосылка примера № II будет правильной.)

Если бы необходимая заработная плата, т. е. стоимость труда, выраженная в талерах, упала, то это само по себе было бы безразличным. Будет ли стоимость часа труда выражена в 2 или 4 талерах, продукт 12 часов труда как в первом, так и во втором случае обменивается (в обращении) на 12 часов труда, и в обоих случаях прибавочный труд выступает как прибавочная стоимость. Нелепость предпосылки примера № II проистекает из того, что 1) мы взяли в качестве максимума рабочего времени 12 часов труда и, следовательно, не можем ввести в расчет большее или меньшее количество рабочих дней; 2) чем больше мы увеличиваем капитал на одной стороне [на стороне неизменяющейся стоимости], тем больше мы не только сокращаем *необходимый* труд, но и должны уменьшить его *стоимость*, между тем как стоимость [и авансированного капитала и совокупного продукта] остается той же самой. Напротив, во втором случае цена [совокупного продукта] должна была бы возрасти. То обстоятельство, что рабочий может прожить с помощью меньшего количества труда, т. е. что он больше производит за те же часы, — должно было бы проявить себя не в [IV—4] уменьшении числа талеров, приходящихся на один час необходимого труда, а в уменьшении количества необходимых рабочих часов.

Если, например, рабочий получает, как в первом случае, $4^1/_6 \times 9^3/_5$ талера, но потребительная стоимость этой стоимости, — которая, для того чтобы выражать *стоимость* (а не цену), должна быть *постоянной,* — возрастает в такой степени, что для производства своей живой рабочей силы рабочему требуется уже не $9^3/_5$ часа, как в первом случае, а только 8 часов, то это должно было бы найти свое выражение в увеличении стоимости. Но в нашем примере, согласно принятым нами условиям, переменной величиной является «неизменяющаяся стоимость», а неизменными остаются те 10%, которые выступают здесь как постоянная добавка к воспроизводимому труду, хотя они и выражают каждый раз различные процентные доли воспроизводимого труда.

В первом случае у нас неизменяющаяся стоимость меньше, чем во втором, а совокупный продукт [вновь присоединенного] труда — больше. Так как одна из составных частей [авансированного капитала] в 100 талеров должна увеличиться, если другая уменьшается; так как, вместе с тем, установленная продолжительность абсолютного рабочего времени остается неизменной; так как, далее, совокупный продукт [вновь присоединенного] труда уменьшается в соответствии с увеличением «неизменяющейся стоимости» и увеличивается в соответствии с ее уменьшением, — то при затратах одного и того же [вновь присоединенного] рабочего времени мы получаем здесь тем меньше (абсолютного) продукта [вновь присоединенного] труда, чем больше применяется [постоянного] капитала. Это было бы вполне правильно по той причине, что если из данной суммы, например в 100 талеров, больше расходуется на «неизменяющуюся стоимость», то на [вновь присоединяемое] рабочее время может быть израсходовано меньше, а потому вообще может быть создано *относительно* меньше новой стоимости по сравнению с затраченным капиталом. Но в таком случае, для того чтобы была возможна прибыль на капитал, *рабочее время* не должно быть фиксировано, как это имеет место в нашем примере, или если оно фиксировано, то при возрастании «неизменяющейся стоимости» и одновременном *возрастании* [нормы] *прибавочной стоимости, — стоимость, создаваемая рабочим часом,* не должна, как это имеет место здесь, уменьшаться, ибо это невозможно, а должно было бы сократиться *количество* рабочих часов. Между тем именно это уменьшение стоимости, создаваемой рабочим часом, и предполагается в нашем примере. Мы предполагаем в первом случае, что за 12 часов труда производится 50 талеров [вновь созданной стоимости], а во втором случае — только 30 талеров. В первом случае мы допускаем, что рабочий [для того чтобы воспроизвести эквивалент своей заработной платы] работает $9^3/_5$ часа, а во втором случае — только 8 часов, хотя во втором случае он, согласно нашему предположению, за час производит меньше. Это абсурд.

Но нет ли все же в этих цифрах, если к ним подойти иначе, чего-то правильного? Когда в составные части капитала входит по сравнению с трудом относительно больше материала и орудий, то не уменьшается ли при этом абсолютная новая стоимость, хотя относительная и растет? В этом случае будет применяться меньше живого труда по отношению к данным размерам капитала; следовательно, хотя избыток [продукта] этого живого труда над его издержками будет больше и хотя поэтому процентное отношение его к заработной плате, т. е. процентное

отношение его к действительно потребленному [переменному] капиталу увеличивается, — разве у этого капитала абсолютная новая стоимость не будет с необходимостью относительно меньше, чем у того капитала, который применяет меньше материала труда и орудий (это как раз и есть основной момент в изменении неизменяющейся стоимости, т. е. стоимости, не изменяющейся в процессе производства как стоимость) и больше живого труда, — и именно вследствие того, что этот последний капитал применяет относительно больше живого труда?

В таком случае увеличению количества орудий труда соответствует рост производительной силы, ибо созданная капиталом [№ II] прибавочная стоимость, так же как и при прежнем способе производства [у капитала № I], не находится в непосредственном соответствии с его потребительной стоимостью, его производительной силой, и одно уже увеличение производительной силы создает прибавочную стоимость, хотя отнюдь не в той же пропорции.

Повышение производительной силы, которое необходимым образом выражается в увеличении стоимости орудий, в повышении удельного веса орудий в расходах капитала, неизбежно влечет за собой увеличение количества материала, ибо для того чтобы можно было произвести больше продукта, необходимо обработать больше материала. (Но увеличение производительной силы имеет отношение также и к качеству продукта; если дан продукт определенного качества, оно влияет только на количество продукта; и только на качество продукта, если дано определенное количество продукта; увеличение производительной силы может иметь отношение как к тому, так и к другому.)

Хотя [при возрастании удельного веса материала и орудий труда в авансированном капитале] в наличии имеется меньшее количество труда (необходимого) по отношению к прибавочному труду, или вообще меньшее количество живого труда по отношению к капиталу, — все же не может ли возрасти производимая капиталом прибавочная стоимость, несмотря на то, что она по отношению ко всему капиталу уменьшается, т. е. несмотря на уменьшение так называемой нормы прибыли?

Возьмем, например, капитал в 100. Пусть первоначально материал будет равен 30, орудие — 30 (всего на неизменяющуюся стоимость приходится 60). Заработная плата составляет 40 (4 рабочих дня). Прибыль равна 10. Здесь прибыль составляет 25% новой стоимости, если эту прибыль исчислять по отношению к труду, овеществленному в заработной плате, и 10%, если ее исчислять по отношению к капиталу.

Пусть теперь материал будет 40, орудие — 40 талеров. Пусть производительность удваивается, так что [на заработную плату] требуется уже только 2 рабочих дня, т. е. 20 талеров. Предположим теперь, что абсолютная прибыль, т. е. прибыль на весь капитал, будет меньше 10 талеров. Может ли в этом случае прибыль составить по отношению к занятому труду величину бо̀льшую, чем 25%, т. е. при предположенных условиях, бо̀льшую, чем $^1/_4$ от 20? В самом деле, $^1/_3$ от 20 составляет $6^2/_3$; стало быть, меньше, чем 10, [IV—5] но все же это равно $33^1/_3$% на примененный труд, между тем как в первом случае эта величина составляла только 25%. В итоге здесь получилось бы только $106^2/_3$, в то время как прежде было 110. И все же при той же самой величине [авансированного капитала] (100) прибавочный труд, прибавочный доход, взятый по отношению к примененному труду, был бы больше, чем в первом случае. Но так как во втором случае абсолютная величина примененного труда на 50% меньше, чем в первом случае, между тем как повышенная прибыль на примененный труд всего на $8^1/_3$% [$33^1/_3$% — 25%] больше, чем в первом случае, то абсолютный результат во втором случае должен быть меньше, а следовательно должна оказаться меньше и прибыль, полученная на весь [авансированный] капитал; ибо 20 × $33^1/_3$% [= $6^2/_3$] меньше, чем 40 × 25% [= 10].

Весь этот случай неправдоподобен и не может служить в политической экономии обобщающим примером; ведь здесь предположено увеличение затрат на орудие труда, увеличение обработанного материала, хотя при этом уменьшилось не только относительное, но и абсолютное число рабочих (разумеется, если два фактора равны в сумме третьему, то при увеличении одного из них другой должен уменьшаться). Но ведь возрастание удельного веса орудия труда и материала труда в стоимости капитала, происходящее наряду с относительным сокращением применяемого труда, предполагает [рост] разделения труда внутри целого [внутри общества], — следовательно, предполагает по меньшей мере абсолютное увеличение числа рабочих, хотя и не пропорционально возрастанию величины применяемого капитала.

Однако возьмем, например, литографский станок, которым каждый может пользоваться сам для печатания литографий. Допустим, что его *стоимость*, когда он еще только что был изобретен, была выше стоимости того оборудования, которое прежде, до того как были изобретены эти удобные вещицы, обслуживалось четырьмя рабочими; литографский станок требует уже только двух рабочих (здесь, как это имеет место у многих

машин, представляющих собой род инструмента, не может быть речи ни о каком дальнейшем разделении труда, а напротив, качественное разделение труда исчезает). Пусть стоимость орудий раньше составляла только 30 талеров, а необходимый труд (т. е. труд, необходимый капиталисту для создания прибыли) составлял 4 рабочих дня.

(Существуют машины, например трубы воздушного отопления, для действия которых, за исключением одной точки, труда как такового вовсе не требуется. Трубу открывают в одной точке; для того чтобы передать теплоту в другие точки, не требуется никаких рабочих. Так вообще обстоит дело с устройствами по передаче силы [энергии] (см. Баббеджа [177]). Там, где раньше сила [энергия] с помощью соответствующего количества рабочих, прежде работавших истопниками, переносилась в материальной форме из одного места в другое, эта передача силы [энергии] из одного помещения в другое, ставшая теперь физическим процессом, выступала как труд определенного числа рабочих.)

Если капиталист применяет указанный литографский станок как источник прибыли, как капитал, а не как потребительную стоимость, то неизбежно увеличивается количество материала, так как капиталист за одно и то же время может напечатать больше литографий, и именно отсюда проистекает его прибыль. Поэтому пусть этот литограф затрачивает на орудие 40 талеров, на материал — 40 талеров, применяет 2 рабочих дня (20 талеров), которые приносят ему $33^1/_3\%$, т. е. $6^2/_3$ талера на 20 талеров овеществленного рабочего времени. Если его капитал, как и капитал другого капиталиста [затрачивающего 30 талеров на орудие, 30 талеров на материал и 40 талеров на заработную плату], равен 100 талерам, то он при этих условиях принесет ему только $6^2/_3\%$ прибыли, но на примененный труд этот капиталист получит прибыли $33^1/_3\%$; другой капиталист получит 10% прибыли на капитал и только 25% на примененный труд.

Стоимость, полученная на примененный труд, может быть меньше, а прибыль на весь капитал — больше, если остальные составные части капитала соответственно меньше. Тем не менее дело, которое давало бы $6^2/_3\%$ на весь капитал и $33^1/_3\%$ на примененный труд, могло бы оказаться прибыльнее, чем то, которое первоначально базировалось на 25% прибыли с труда и 10% прибыли со всего капитала.

{Предположим, например, что хлеб и другие продукты вздорожали настолько, что стоимость жизненных средств рабочего возросла на 25%. Первому литографу 4 рабочих дня

обойдутся теперь вместо 40 в 50 талеров. Его орудия и материал остались те же: 60 талеров. Стало быть, ему пришлось бы авансировать капитал в 110 талеров. Его прибыль, при капитале в 110, составила бы $12^1/_2$ талера, т. е. 25% на 50 талеров, израсходованных на 4 рабочих дня; значит, $12^1/_2$ талера на 110 (т. е. $11^4/_{11}$% на весь капитал в 110).

Другой литограф затрачивает 40 талеров на станок, 40 талеров — на материал; но 2 рабочих дня обойдутся ему не в 20 талеров, а на 25% дороже, т. е. в 25 талеров. Ему, значит, придется авансировать 105 талеров; его прибавочная стоимость по отношению к труду составляет $33^1/_3$%, т. е. $^1/_3$, т. е. $8^1/_3$ талера. Таким образом, он получил бы $8^1/_3$ талера (т. е. $7^{59}/_{63}$%) на капитал в 105 талеров [178].

Итак, предположим, что в десятилетнем цикле имеют место 5 хороших и 5 плохих урожаев с указанными выше средними соотношениями. Тогда первый литограф за пять урожайных лет получил бы 50 талеров процента [прибыли]; за пять неурожайных лет — $62^1/_2$ талера; всего — $112^1/_2$ талера; средний процент [средняя прибыль] за 10 лет составлял бы $11^1/_4$ талера. Другой капиталист за пять урожайных лет получил бы $33^1/_3$ талера, за пять неурожайных лет — $41^2/_3$ талера, всего — 75 талеров; в среднем за 10 лет — по $7^1/_2$ талера в год.}

Так как капитал № II обрабатывает больше материала по той же цене, то он производит [продукт] дешевле. На это могут возразить, что так как он расходует больше на орудие, то он производит [свой продукт] дороже; в особенности потому, что в той же пропорции, в какой увеличивается стоимость нужных ему машин, у него увеличивается и расход материала. Однако практически [IV—6] неверно, будто изнашивание машин увеличивается в той самой мере, — т. е. будто срок их годности сокращается в той самой мере, — в какой увеличивается количество обрабатываемого ими материала. Но все это сюда не относится. В обоих случаях предполагается, что соотношение между стоимостью машины и стоимостью материала является постоянным.

Наш пример приобретает значение только в том случае, если мы предположим, с одной стороны, меньший капитал, который применяет больше труда и меньше материала и машин, но получает на весь капитал более высокую процентную ставку, а с другой стороны — больший капитал, который применяет больше машин и материала и относительно меньше, но абсолютно столько же, рабочих дней и получает на весь капитал меньшую процентную ставку, так как к более производительному труду в меньшей степени применимо разделение труда

и т. д. При этом необходимо включить (чего не было сделано выше) в число предполагаемых нами условий ту предпосылку, что потребительная стоимость машины значительно выше, чем ее стоимость, т. е. что обесценение машины при ее использовании в производстве происходит не в той же пропорции, в какой она увеличивает количество продукции.

Итак, возьмем, как и раньше, печатный станок (сначала ручной печатный станок, затем — автоматический печатный станок).

Пусть *капитал I*, равный 100 талерам, затрачивает 30 талеров на материал, 30 талеров — на ручной станок, 40 талеров (4 рабочих дня) — на труд; прибыль равна 10%; следовательно, прибыль составляет 25% по отношению к живому труду (прибавочное время составляет $^1/_4$ [необходимого времени]).

Капитал II, равный 200 талерам, затрачивает 100 талеров на материал, 60 талеров — на *станок*, 4 рабочих дня (40 талеров) — на труд; пусть прибыль, приходящаяся на эти 4 рабочих дня, составляет $13^1/_3$ талера, т. е. $1^1/_3$ рабочего дня, между тем как в первом случае она составляла лишь один рабочий день; общая сумма теперь составляет $213^1/_3$ талера, т. е. [норма прибыли] равна $6^2/_3$%, между тем как в первом случае она составляла 10%. Однако в этом втором случае прибавочная стоимость, приходящаяся на примененный труд, составляет $13^1/_3$ талера, тогда как в первом случае — только 10 талеров. В первом случае 4 рабочих дня создают 1 прибавочный день, во втором случае 4 рабочих дня создают $1^1/_3$ прибавочного дня. Однако во втором случае норма прибыли, приходящаяся на весь капитал, на $^1/_3$, или на $33^1/_3$%, ниже, чем в первом случае; общая же сумма прибыли на $^1/_3$ больше.

Предположим теперь, что 30 талеров и 100 талеров [затраченные соответственно в первом и во втором случае] на материал, представляют собой печатные листы и что [в обоих случаях] станок изнашивается за одно и то же время, за 10 лет, или по $^1/_{10}$ ежегодно. Таким образом, № I должен возместить $^1/_{10}$ стоимости станка (30 талеров), т. е. 3 талера; № II должен возместить $^1/_{10}$ от 60 талеров, т. е. 6 талеров. Далее, в обоих случаях стоимость станка не входит [целиком] в годовую продукцию, как это принималось выше (4 рабочих дня можно рассматривать и как такие дни, в каждом из которых содержится по 3 месяца).

Капитал I продает 30 печатных листов своей продукции за 30 талеров (материал) + 3 талера (орудие) + 50 талеров, представляющих овеществленное [вновь присоединенное] рабочее время (время производства), т. е. за 83 талера.

Капитал II продает 100 печатных листов своей продукции за 100 талеров (материал) + 6 талеров (орудие) + $53^1/_3$ талера [овеществленное вновь присоединенное рабочее время], т. е. за $159^1/_3$ талера.

Капитал I продает 30 печатных листов за 83 талера; 1 печатный лист продается за $^{83}/_{30}$ талера, т. е. за 2 талера 23 зильбергрошена *.

Капитал II продает 100 печатных листов за 159 талеров 10 зильбергрошенов; 1 печатный лист продается за (159 талеров 10 зильбергрошенов): 100, т. е. за 1 талер 17 зильбергрошенов 8 пфеннигов.

Ясно, следовательно, что капиталу I крышка, так как он продает по непомерно дорогой цене. И хотя в первом случае прибыль на весь капитал составляла 10%, а во втором случае — только $6^2/_3$%, все же первый капитал получал на [оплаченное] рабочее время только 25%, в то время как второй капитал получает $33^1/_3$%. У капитала I отношение необходимого труда ко всему примененному капиталу больше, и поэтому прибавочный труд, хотя он абсолютно меньше, чем у капитала II, проявляется в виде более высокой нормы прибыли на меньший совокупный капитал. 4 рабочих дня по отношению к 60 талерам [затраченным на орудие и материал первым капиталом] больше, чем 4 рабочих дня по отношению к 160 талерам [затраченным на орудие и материал вторым капиталом]. В первом случае один рабочий день приходится на 15 талеров имеющегося в наличии [постоянного] капитала; во втором случае один рабочий день приходится на 40 талеров. Но у второго капитала труд производительнее (что обусловлено как наличием *большего* парка машин, а потому также и бо̀льшим местом, которое машины занимают среди стоимостей капитала, так и бо̀льшим количеством того материала, в котором находит свое выражение рабочий день, содержащий [IV—7] больше прибавочного времени, а потому потребляющий за одно и то же время больше материала). Во втором случае создается больше прибавочного времени (относительного прибавочного времени, т. е. прибавочного времени, обусловленного развитием производительной силы). В первом случае прибавочное время составляет $^1/_4$ [необходимого времени], во втором случае — $^1/_3$. Поэтому прибавочное время во втором случае создает в течение того же самого промежутка времени и больше потребительных стоимостей, и бо̀льшую меновую стоимость; последнюю, однако, не в той же пропорции, как первые, ибо, как мы видели, меновая

* Талер (саксонский) равен 30 зильбергрошенам, а зильбергрошен равен 10 пфеннигам. *Ред.*

стоимость возрастает не в такой же численной пропорции, как производительность труда. Поэтому цена единицы продукта оказывается меньше, чем совокупная цена продукции, — т. е. цена единицы продукта, умноженная на количество произведенного продукта, оказывается больше [чем раньше, несмотря на удешевление единицы продукта].

Если бы мы теперь предположили, что общая сумма рабочих дней во втором случае, хотя относительно она и меньше, чем в № I, но *абсолютно больше,* то результат оказался бы еще более поразительным. Прибыль большего капитала, работающего с бо̀льшим количеством машин, представляется меньшей, чем прибыль меньшего капитала, работающего с относительно или абсолютно бо̀льшим количеством живого труда; и это происходит как раз потому, что *бо̀льшая прибыль с живого труда,* будучи распределена на такой совокупный капитал, который применяет меньше живого труда по отношению к совокупной величине капитала, — представляется меньшей, чем *меньшая прибыль с живого труда,* находящаяся в более высоком процентном отношении к меньшему совокупному капиталу. А то, что соотношение [между стоимостью, затраченной на материал и машины, и живым трудом] в № II таково, что здесь может быть переработано больше материала и что более значительная часть стоимости вложена в орудия труда, — это обстоятельство представляет собой только выражение для [возросшей] производительности труда.

Стало быть, вот в чем соль знаменитого положения несчастного Бастиа, который крепко вбил себе в голову, — на что г-н Прудон так и не сумел ему ответить [179], — что, так как норма прибыли при большем и более производительном капитале представляется меньшей, значит, стала больше доля рабочего, в то время как дело обстоит как раз *наоборот:* больше стал прибавочный труд рабочего.

Рикардо, по-видимому, тоже не понял существа дела, так как в противном случае он не стал бы объяснять периодическое понижение прибыли одним только ростом заработной платы, вызываемым повышением хлебных цен (а тем самым и повышением ренты). Но ведь прибавочная стоимость, — в той мере, в какой она хотя и является основой прибыли, но также и отличается от того, что обычно называют прибылью, — au fond * никогда еще не была раскрыта.

Несчастный Бастиа в данном случае сказал бы, что так как у первого капитала прибыль составляет 10% (т. е. $^1/_{10}$), а у вто-

* — в сущности. *Ред.*

рого капитала только $6^2/_3\%$ (т. е. $^1/_{15}$), то рабочий в первом случае получает $^9/_{10}$ [или $^{27}/_{30}$], а во втором случае — $^{14}/_{15}$ [или $^{28}/_{30}$]. Это не верно ни с точки зрения соотношения [между прибылью и заработной платой] в каждом из этих двух случаев, ни с точки зрения соотношения этих случаев между собой.

Что же касается дальнейшего отношения между новой стоимостью капитала и капиталом в качестве *индифферентной совокупной стоимости* (в таком виде, вообще говоря, капитал выступал перед нами до того, как мы перешли к рассмотрению процесса производства, и в конце процесса производства он опять должен выступить перед нами в подобном виде), то это надо рассмотреть отчасти под рубрикой *прибыли*, где новая стоимость получает новое определение, отчасти под рубрикой *накопления*. Здесь же нам прежде всего надлежит выяснить лишь природу прибавочной стоимости как эквивалента относительного или абсолютного рабочего времени, пущенного в ход капиталом сверх необходимого рабочего времени.

То обстоятельство, что совершающееся в процессе производства потребление той части стоимости [капитала], которая состоит в орудии, никак не может — здесь, где необходимо объяснить пока еще только созидание прибавочной стоимости, самовозрастание стоимости, — служить признаком, отличающим орудие производства от материала, проистекает просто из того, что это потребление относится к самому̀ простому процессу производства и что, стало быть, уже в простом процессе производства — для того чтобы он снова мог начаться из самого себя — стоимость потребленного орудия (будь то сама *простая потребительная стоимость* или меновая стоимость, если производство уже дошло до разделения труда и имеет место обмен хотя бы излишками) вновь должна оказаться налицо в стоимости (меновой стоимости или потребительной стоимости) продукта. Орудие утрачивает свою потребительную стоимость в той самой мере, в какой оно помогает повысить меновую стоимость сырого материала и служит в качестве средства труда. Этот пункт, действительно, необходимо исследовать, так как разграничение между неизменяющейся стоимостью, как такой частью капитала, которая просто сохраняется, между другой его частью, которая воспроизводится (*воспроизводится* с точки зрения капитала, а с точки зрения действительного производства, осуществляемого трудом, — *производится*), и между той частью капитала, которая производится вновь, — существенно важно.

[в) Рост постоянной части капитала по отношению к его переменной части как выражение роста производительности труда]

Теперь настало время покончить с вопросом относительно стоимости, являющейся результатом роста производительных сил. Мы видели, что в этом случае — так же как и в том случае, когда имеет место абсолютный прирост прибавочного труда, — создается *прибавочная стоимость* (а не только большее количество потребительной стоимости). Если [необходимый и прибавочный труд] определенным образом разграничены, например, если предположено, что рабочему нужно работать только половину рабочего дня, для того чтобы произвести для себя жизненные средства на *целый день,* и если достигнута та естественная граница, в рамках которой рабочий с помощью данного количества труда доставляет прибавочный труд, — то увеличение абсолютного рабочего времени возможно лишь в том случае, если *одновременно* применяется больше рабочих, если действительный рабочий день одновременно умножается, вместо того чтобы только удлиняться (согласно предположению, отдельный рабочий может работать только 12 часов; если нужно получить прибавочное время от 24 часов труда, то налицо должны быть 2 рабочих). В этом случае капитал, прежде чем он вступает в процесс самовозрастания стоимости, должен при обмене с рабочим оплатить на 6 рабочих часов больше, т. е. отдать более значительную часть самого себя; с другой стороны, ему в среднем приходится больше расходовать на подлежащий переработке материал (не говоря уже о том, что должен быть *налицо* лишний рабочий, т. е. что должно возрасти рабочее население). Итак, возможность дальнейшего [IV—8] процесса увеличения стоимости зависит здесь от предшествовавшего накопления капитала (рассматриваемого с его вещественной стороны).

Если же, напротив, возрастает производительная сила, а потому и относительное прибавочное время, то в этом случае — поскольку на данной ступени исследования капитал все еще можно рассматривать как непосредственно производящий жизненные средства, сырье и т. д. — потребуется меньше расходов на заработную плату, а рост производства материала обеспечивается самим процессом увеличения стоимости. Однако этот вопрос относится скорее к *накоплению* капиталов.

Вернемся теперь к тому месту, где мы в последний раз прервали свою мысль *. Рост производительности ведет к увеличе-

* См. настоящий том, часть I, стр. 308—316. *Ред.*

нию *прибавочной стоимости,* хотя он и не увеличивает абсолютной суммы меновых стоимостей. Он увеличивает стоимости потому, что создает новую *стоимость как стоимость,* т. е. создает такую стоимость, которая не должна быть просто обменена в качестве эквивалента, а должна себя утвердить в качестве стоимости; одним словом, рост производительности создает больше денег. Вопрос заключается в следующем: увеличивает ли рост производительности в конечном счете также и сумму меновых стоимостей? Au fond * это уже признано: ведь и Рикардо признаёт, что вместе с накоплением капиталов растут сбережения, а следовательно, растут и производимые меновые стоимости. Рост сбережений означает не что иное, как рост самостоятельных стоимостей — денег. Однако приводимые у Рикардо иллюстрации противоречат этому его собственному утверждению.

Возьмем наш старый пример **. 100 талеров составляют капитал, 60 талеров — неизменяющуюся стоимость, 40 талеров — заработную плату, которая производит 80 талеров; таким образом, продукт равен 140 талерам.

{Здесь вновь обнаруживается, что прибавочная стоимость совокупного капитала равна половине вновь созданной стоимости, так как другая половина последней равна необходимому труду. Каково отношение этой прибавочной стоимости (прибавочная стоимость всегда равна прибавочному времени, равна, следовательно, совокупному продукту рабочего минус та часть этого продукта, которая образует заработную плату рабочего) [ко всему примененному капиталу], — это зависит 1) от того отношения, в каком неизменяющаяся часть капитала находится к его производительной части; 2) от того отношения, в каком необходимое рабочее время находится к прибавочному времени (в приведенном выше примере отношение прибавочного времени к необходимому составляет 100%, отношение прибавочного времени ко всему капиталу в 100 талеров составляет 40%); 3) зависит, следовательно, не только от указанного в пункте втором отношения, но также и от абсолютной величины необходимого рабочего времени.

Если бы у капитала в 100 талеров неизменяющаяся часть составляла 80 талеров, то часть, обмениваемая на необходимый труд, была бы равна 20 талерам, и если бы при этом необходимый труд создавал 100% прибавочного времени, то прибыль на капитал составляла бы 20%.

* — В сущности. *Ред.*
** См. настоящий том, часть I, стр. 302—305, 316, 330—337. *Ред.*

Но если бы капитал был равен 200 талерам при том же самом соотношении между постоянной и переменной частью, что и в нашем старом примере (а именно, $^3/_5$ к $^2/_5$), то стоимость продукта была бы равна 280, что означает 40 [талеров прибыли на каждые] 100 талеров [примененного капитала]. В этом случае абсолютная величина прибыли возросла бы с 40 до 80 талеров, но отношение [прибыли к примененному капиталу] осталось бы равным 40%.

Если же, напротив, постоянный элемент примененного капитала в 200 талеров по-прежнему составляет 120 талеров, количество необходимого труда равно 80 талерам, но при этом необходимый труд возрастает только на 10%, т. е. на 8 талеров, то стоимость совокупного продукта была бы равна 208 талерам и, следовательно, прибыль составила бы 4%. Если бы необходимый труд возрос только на 5 талеров, то стоимость продукта была бы равна 205 талерам; следовательно, прибыль составила бы $2^1/_2$%.}

Пусть в нашем примере 40 талеров прибавочной стоимости представляют собой абсолютное рабочее время.

Предположим теперь, что производительная сила удваивается: следовательно, если 40 талеров [заработной платы] дают 4 часа необходимого труда, то рабочий мог бы теперь [после удвоения производительной силы] произвести целый день живого труда за 2 часа. Тогда прибавочное время возросло бы на $^1/_2$ [своей собственной величины или на $^1/_4$ рабочего дня]: раньше, для того чтобы произвести целый день, требовалась $^1/_2$ дня, теперь требуется $^1/_4$ дня. В продукте рабочего дня прибавочная стоимость составляла бы $^3/_4$, и если необходимый рабочий час равен 10 талерам ($10 \times 4 = 40$), то теперь рабочему требовалось бы уже только $10 \times 2 = 20$ талеров. Итак, капитал получает добавочный доход в 20 талеров, а именно 60 талеров вместо 40. В итоге стоимость продукта составляет 140 талеров, из которых 60 талеров равны постоянной стоимости, 20 талеров равны заработной плате и 60 талеров равны прибавочному доходу; итого 140 талеров. Капиталист может теперь возобновить производство с капиталом в 80 талеров.

Пусть капиталист *A* применяет свой капитал в 140 талеров на том же старом уровне производства для нового производства. В соответствии с первоначальным соотношением [между постоянной и переменной частями капитала] на неизменяющуюся часть капитала ему требуется $^3/_5$, т. е. $3 \times {}^{140}/_5 = 3 \times 28 = 84$ талера; на необходимый труд остается 56 талеров. Раньше он затрачивал на труд 40 талеров, теперь — 56, т. е. на

$^2/_5$ больше. Итак, в конце [процесса производства] его капитал составит 84 + 56 + 56 = 196 талеров.

Пусть капиталист *B* тоже применяет 140 талеров для нового производства, но на более высоком уровне производства. Если бы он возобновил производство с капиталом в 80 талеров, то у него 60 талеров расходовались бы как неизменяющаяся стоимость и только 20 талеров затрачивались бы на труд; поэтому теперь из дополнительных 60 талеров 45 он употребляет на неизменяющуюся стоимость и 15 — на труд. Итак, стоимость продукта у первоначального капитала капиталиста *B* была бы равна 60 + 20 + 60 = 140, а у дополнительного капитала: 45 + 15 + 45 = 105. Таким образом, общий итог капиталиста *B* составляет 245 талеров, между тем как у капиталиста *A* он равен 196 талерам.

Увеличение производительности труда означает не что иное, как то, что тот же самый капитал создает ту же самую стоимость с меньшими затратами труда или что меньшее количество труда создает тот же самый продукт при бо̀льших затратах капитала. Меньшее количество необходимого труда производит больше прибавочного труда. [IV—9] Уменьшение отношения необходимого труда к капиталу — это для процесса увеличения стоимости капитала, очевидно, то же самое, что возрастание отношения капитала к необходимому труду, приводимому им в движение; ибо тот же самый капитал приводит в движение больше прибавочного труда, а следовательно — меньше необходимого труда.

{Если предполагается, как в нашем случае, что капитал остается тем же самым, т. е. что оба капиталиста снова начинают [процесс производства] со 140 талерами, то у более производительного капитала более значительная часть должна приходиться на капитал (а именно, на его неизменяющуюся часть), а у менее производительного капитала — более значительная часть должна приходиться на труд. Первый капитал в 140 талеров приводит поэтому в движение необходимый труд в 56 талеров, а этот необходимый труд предполагает для своего процесса неизменяющуюся часть капитала в 84 талера. Второй капитал приводит в движение труд в 20 + 15 = 35 талеров и неизменяющийся капитал в 60 + 45 = 105 талеров (а из изложенного ранее вытекает также, что увеличение производительной силы увеличивает стоимость не в той же мере, в какой увеличивается сама производительная сила).}

{В первом случае, как мы уже показали, абсолютная новая стоимость [прибавочная стоимость] меньше, чем во втором случае, так как в первом случае масса примененного труда больше

по отношению к неизменяющейся стоимости [а труд менее производителен], между тем как во втором случае эта масса примененного труда меньше именно потому, что труд более производителен. Однако прежде всего [следует заметить]: эта разница, состоящая в том, что в первом случае новая стоимость [прибавочная стоимость] составляла только 40 талеров, а во втором случае — 60 талеров, исключает [в случае равенства исходных капиталов] возможность того, чтобы первый капиталист возобновил производство с таким же капиталом, как второй капиталист; ведь [к тому же] у обоих капиталистов некоторая часть новой стоимости должна вступить в обращение в качестве эквивалента, для того чтобы капиталист мог жить, и притом за счет капитала. Если оба капиталиста проживают по 20 талеров, то [после первого производственного цикла] и первый, и второй приступят вновь к работе с капиталом в 120 талеров [в результате того, что в начале первого производственного цикла капитал первого капиталиста составлял 100 талеров, а капитал второго — только 80 талеров] и т. д. Смотри об этом выше *. Ко всему этому следует вернуться еще раз; но вопрос о том, как новая стоимость, созданная в результате увеличения производительной силы, относится к новой стоимости, созданной в результате абсолютного увеличения труда, — касается глав о *накоплении и прибыли*.}

Поэтому-то о машинах и говорят [имея в виду уменьшение с их помощью необходимого труда и увеличение прибавочного труда], что они *сберегают труд*. Но не *одно только* сбережение труда, как правильно отметил *Лодердель*, является характерным для применения машин, ибо с помощью машин человеческий труд изготовляет и создает такие вещи, которых он абсолютно не мог бы создать без машин [180]. Последнее относится к потребительной стоимости машин. Характерным для применения машин является *сбережение* необходимого труда и создание *прибавочного труда*. Возросшая производительность труда выражается в том, что капиталу приходится покупать меньше необходимого труда, для того чтобы создать ту же самую стоимость и большее количество потребительных стоимостей, т. е. в том, что меньшее количество необходимого труда создает ту же самую меновую стоимость и, используя больше материала, создает бо̀льшую массу потребительных стоимостей.

Таким образом, если *совокупная стоимость капитала остается одной и той же*, то рост производительной силы предполагает, что постоянная часть капитала (состоящая из

* См настоящий том, часть I, стр. 333—334. *Ред.*

материала и машин) возрастает по отношению к его переменной части, т. е. по отношению к той части капитала, которая обменивается на живой труд, образует фонд заработной платы. Вместе с тем рост производительной силы проявляется в том, что меньшее количество труда приводит в движение большее количество капитала. Если же *совокупная стоимость капитала,* входящего в процесс производства, возрастает, то рабочий фонд (переменная часть этого капитала) должен *относительно* сокращаться по сравнению с тем отношением [между постоянным и переменным капиталом], которое имело бы место в случае, если бы производительность труда, а значит и отношение необходимого труда к прибавочному труду оставались бы одними и теми же.

Допустим, что в рассмотренном выше случае капитал в 100 талеров является земледельческим капиталом. 40 талеров затрачиваются на семена, удобрения и т. д., 20 талеров — на орудия труда и 40 талеров — на наемный труд при прежнем уровне производства (предположим, что эти 40 талеров соответствуют 4 необходимым рабочим дням). Эти 100 талеров при прежнем уровне производства создают сумму в 140 талеров. Пусть урожайность возрастает вдвое, благодаря ли улучшению орудий или вследствие применения лучших удобрений и т. д. В этом случае продукт [по-прежнему] должен быть равен 140 талерам (предполагается, что орудие потреблено целиком). Урожайность возрастает вдвое, так что цена необходимого рабочего дня сокращается наполовину; иными словами, требуются только 4 половины необходимого рабочего дня (т. е. 2 целых рабочих дня), для того чтобы произвести 8 рабочих дней. То обстоятельство, что требуются 2 рабочих дня для производства 8 рабочих дней, означает, что из каждого [двенадцатичасового] рабочего дня $^1/_4$ часть (3 часа) приходится на необходимый труд. Фермер должен теперь затрачивать на труд не 40, а только 20 талеров.

Таким образом, к концу процесса [производства] составные части капитала изменились: капитал состоит теперь из 40 талеров, идущих, как и раньше, на семена и т. д. и представляющих теперь удвоенное количество потребительных стоимостей, из 20 талеров, затрачиваемых на орудие труда, и из 20 талеров, расходуемых на труд (2 целых рабочих дня). Раньше отношение между постоянной частью капитала и его переменной частью было равно 60 : 40, или 3 : 2; теперь оно равно 60 : 20, или 3 : 1.

Если мы возьмем весь [примененный] капитал в 100 талеров, то отношение к нему необходимого труда было равно $^2/_5$, теперь

оно было бы равно $^1/_5$. Если бы фермер захотел продолжать применять труд в прежней пропорции, то насколько должен был бы в этом случае возрасти его капитал? Впрочем, тем самым мы скатываемся к *порочному предположению*, будто и после удвоения производительной силы фермер продолжает работать с 60 талерами постоянного капитала и 40 талерами рабочего фонда; подобное предположение представляло бы положение вещей в ложном виде.

{Хотя, например, по отношению к фермеру, в том случае, когда урожай благодаря погодным условиям удваивается, подобное предположение совершенно правильно. Подобное предположение правильно и по отношению ко всякому промышленному капиталисту — в том случае, когда производительная сила удваивается не в его отрасли, а в тех отраслях, которые его обслуживают. Следовательно, если, например, необработанная шерсть, затем хлеб (а значит и заработная плата) и, наконец, орудие будут стоить на 50% дешевле, то капиталист, как и раньше, будет продолжать расходовать, во-первых, 40 талеров на необработанную шерсть, но на вдвое большее ее количество, затем 20 талеров — на машины и 40 талеров — на труд.}

В самом деле, подобное предположение [в общем случае] означало бы, что, несмотря на удвоение производительной силы, капитал продолжает работать с теми же самыми составными частями, продолжает применять такое же количество необходимого труда, не расходуя при этом большей суммы на сырье и орудие труда {в дальнейшем необходимо исследовать тот случай, когда производительная сила удваивается только в производстве хлопка, а в машиностроении она остается прежней}.

Итак, пусть производительная сила удваивается, так что если раньше капиталисту приходилось расходовать на труд 40 талеров, то теперь ему для этого требуется только 20 талеров.

(Предполагается, что для того чтобы создать для капиталиста избыток, могущий оплатить 4 полных рабочих дня, раньше было необходимо 4 полных рабочих дня, каждый из которых обходится капиталисту в 10 талеров, причем этот избыток доставлялся капиталисту [например] путем превращения в пряжу хлопка стоимостью в 40 талеров. Теперь же, [IV—10] для того чтобы создать ту же самую стоимость, а именно — стоимость, уплачиваемую за 8 рабочих дней, капиталисту требуется только 2 полных рабочих дня. Раньше стоимость пряжи содержала в себе прибавочное время, которым можно оплатить 4 рабочих дня, теперь она содержит в себе прибавочное время, которым

можно оплатить 6 рабочих дней. Иными словами, раньше каждому рабочему требовалось 6 часов необходимого рабочего времени, для того чтобы создать 12 часов; *теперь* ему для этого требуется 3 часа. Необходимое рабочее время раньше составляло 12 × 4 = 48 часов, или 4 дня. Прибавочное время в каждом из восьми дней составляло $^1/_2$ дня (6 часов). Теперь необходимое рабочее время составляет только 12 × 2 = 24 часа, или 2 дня; необходимое рабочее время в каждом из восьми дней составляет 3 часа.

Для того чтобы доставить капиталисту прибавочную стоимость, каждый из 4 рабочих должен был раньше работать 6 × 2 часов, т. е. один день; теперь ему для этой цели надо работать только 3 × 2 часов, т. е. $^1/_2$ дня. При этом безразлично, работают ли 4 рабочих половину дня или 2 рабочих целый день. Двух рабочих капиталист мог бы уволить. Ему даже пришлось бы это сделать, так как из определенного количества хлопка он может изготовить лишь определенное количество пряжи. Следовательно, капиталист не может больше заставлять 4 рабочих работать целый день, а только половину дня.

Но если рабочий, для того чтобы получить 3 часа, т. е. свою *необходимую* заработную плату, вынужден работать 12 часов, то в том случае, когда он работает 6 часов, он получит только $1^1/_2$ часа меновой стоимости. И если при посредстве 3 часов необходимого труда рабочий может прожить 12 часов, то при посредстве $1^1/_2$ часов необходимого труда он сможет прожить только 6 часов. Таким образом, если бы применялись все четверо рабочих, то каждый из них мог бы прожить только половину рабочего дня, т. е. не все четверо, а только двое рабочих могли бы за счет данного капитала поддерживать свое существование в качестве *рабочих*. Капиталист мог бы выплачивать 4 рабочим за 4 половины рабочего дня прежний фонд [заработной платы]; в этом случае он оплачивал бы 2 лишних дня и делал бы рабочим подарок за счет производительной силы: ведь капиталист в состоянии применить только 4 половины живого рабочего дня. Такого рода «возможности» в практике не встречаются, и тем меньше оснований говорить о них здесь, где речь идет о капиталистическом отношении как таковом.)

Теперь [после удвоения производительной силы] 20 талеров из капитала в 100 талеров не применяются непосредственно в производстве. Капиталист, как и прежде, расходует 40 талеров на сырье, 20 талеров — на орудие, т. е. всего —60 талеров, но на труд он расходует только 20 талеров (2 рабочих дня). Из всего [примененного] капитала в 80 талеров $^3/_4$ (60 талеров)

капиталист затрачивает на постоянную часть и только $^1/_4$ — на труд. Таким же образом он должен использовать и оставшиеся 20 талеров, из которых $^3/_4$ расходуются на постоянный капитал, $^1/_4$ — на труд; т. е. 15 талеров — на постоянный капитал, 5 талеров — на труд. Так как предположено, что рабочий день равен 10 талерам, то 5 талеров были бы равны только 6 часам, т. е. $^1/_2$ рабочего дня. Для того чтобы увеличивать свою стоимость при том же самом соотношении [между постоянной и переменной частью], капитал мог бы купить на новую стоимость в 20 талеров, полученную вследствие [роста] производительности, только на $^1/_2$ рабочего дня больше. Для того чтобы капитал был в состоянии применить 2 уволенных рабочих, или полностью использовать 2 применявшихся ранее рабочих дня, ему пришлось бы еще возрасти на втрое бо̀льшую [по сравнению с 20 талерами] величину (а именно, на 60 талеров, что вместе с [высвободившимися] 20 талерами составило бы 80 талеров [добавочного капитала]). В соответствии с новым соотношением [между постоянной и переменной частью, установившимся в результате удвоения производительной силы] капитал затрачивает $^3/_4$ своей величины на постоянный капитал, для того чтобы $^1/_4$ затратить на рабочий фонд.

Значит, если весь капитал равен 20 талерам, то $^3/_4$, т. е. 15 талеров, составляют постоянный капитал и $^1/_4$ (т. е. 5 талеров) — труд, что соответствует $^1/_2$ рабочего дня.

Значит, если весь капитал составляет 4×20 талеров, то $4 \times 15 = 60$ талеров — постоянный капитал, 4×5 [= 20 талеров] — заработная плата, что соответствует $^4/_2$ рабочего дня, т. е. 2 рабочим дням.

Итак, если производительная сила труда удваивается, так что капиталу, состоящему из 60 талеров, затраченных на необработанную шерсть и орудие, для увеличения своей стоимости требуется труда только на 20 талеров (2 рабочих дня), тогда как прежде из 100 талеров [примененного капитала на труд затрачивалось 40 талеров], то для того чтобы оставить у себя весь потерявший работу труд, совокупный капитал должен возрасти со 100 до 160 талеров, или капитал в 80 талеров, которым мы оперируем сейчас, должен удвоиться. Однако вследствие удвоения производительной силы образуются только 20 талеров нового капитала, которые соответствуют $^1/_2$ применявшегося ранее рабочего времени, и этих 20 талеров хватит только для того, чтобы применить еще $^1/_2$ рабочего дня. Для того чтобы быть в состоянии и в дальнейшем применять прежние 4 рабочих дня, капитал, который до удвоения производительной силы был равен 100 талерам и применял 4 рабочих

дня (при предположении, что $^2/_5$ авансированного капитала, равные 40 талерам, составляли рабочий фонд), теперь, — когда рабочий фонд понизился до $^1/_5$ от 100 талеров (но до $^1/_4$ от 80 талеров капитала, вновь вступающего [после удвоения производительной силы] в процесс увеличения стоимости), т. е. до 20 талеров, соответствующих 2 рабочим дням, — должен был бы возрасти до 160 талеров, т. е. на 60%. Если в дальнейшем в процессе производства должен находиться весь старый капитал, то с помощью 20 талеров, изъятых из рабочего фонда вследствие увеличения производительной силы, он мог бы теперь снова применить только $^1/_2$ рабочего дня. Раньше, с помощью 100 талеров авансированного капитала, капитал применял $^{16}/_4$ рабочего дня (4 дня); теперь [с помощью тех же 100 талеров] он смог бы применить только $^{10}/_4$ рабочего дня ($2^1/_2$ дня).

Итак, если производительная сила удваивается, то капиталу, — для того чтобы приводить в движение тот же самый необходимый труд, равный 4 рабочим дням, — не приходится удваиваться, т. е. не приходится увеличиваться до 200 талеров; удвоению подлежит лишь первоначальная сумма примененного капитала за вычетом части, изъятой из рабочего фонда: $(100 - 20) \times 2 = 160$. (Напротив, для того чтобы первоначальный капитал, расходующий 100 талеров — 60 талеров на постоянную часть и 40 талеров на заработную плату (4 рабочих дня) — мог применить на 2 рабочих дня больше до того, как увеличилась производительная сила, он должен был бы возрасти только со 100 до 150 талеров; а именно — $^3/_5$ [дополнительного капитала] составляют постоянный капитал (30 талеров) и $^2/_5$ составляют рабочий фонд (20 талеров). В то время как [совокупный] рабочий день, согласно предположению, увеличивается в обоих случаях на два рабочих дня, первый капитал [действующий в условиях возросшей производительной силы] при применении двух дополнительных рабочих дней составил бы [IV—11] 160 талеров, а второй — только 150 талеров.)

Из той части капитала, которая изъята из рабочего фонда вследствие роста производительной силы, одна часть должна быть снова превращена в сырье и орудие, а другая часть должна быть обменена на живой труд. Это может быть осуществлено только в соответствии с теми соотношениями между различными частями [капитала], которые установлены новой производительностью. Это не может быть осуществлено на основе прежнего соотношения между ними, так как отношение рабочего фонда к постоянному фонду уменьшилось. Если капитал

в 100 талеров расходовал $^2/_5$ своей величины (40 талеров) на рабочий фонд, а теперь вследствие удвоения производительной силы расходует только $^1/_5$ своей величины (20 талеров), то это означает, что высвободилась $^1/_5$ капитала (20 талеров); из занятой части в 80 талеров на рабочий фонд идет уже только $^1/_4$ часть. Следовательно, из добавочных 20 талеров на рабочий фонд расходуется только 5 талеров ($^1/_2$ рабочего дня). Стало быть, совокупный капитал в 100 талеров теперь применяет $2^1/_2$ рабочих дня; или, — для того чтобы опять применять 4 рабочих дня, — он должен был бы возрасти до 160 талеров.

Предположим, что первоначальный капитал был равен 1 000 талеров и делился таким же образом: $^3/_5$ — постоянный капитал, $^2/_5$ — рабочий фонд, так что, следовательно, 600 + 400 (пусть 400 талеров равняются 40 рабочим дням; рабочий день равен 10 талерам). Если теперь происходит удвоение производительной силы труда, и, следовательно, для производства того же самого продукта требуются 20 рабочих дней (т. е. 200 талеров [заработной платы]), то капитал, требующийся для того, чтобы снова начать процесс производства, должен быть равен 800 талерам: а именно, 600 + 200; двести талеров высвободились бы. Если высвободившиеся 200 талеров применяются при том же самом соотношении [между постоянной и переменной частями], то $^3/_4$ от 200 талеров идут на постоянный капитал, который составляет 150 талеров, и $^1/_4$ составляет рабочий фонд, равный 50 талерам. Поэтому если 1 000 талеров теперь [после удвоения производительной силы] будут применены целиком, то мы получим такое соотношение: 750 (постоянный капитал) + 250 (рабочий фонд) = 1 000 талеров. Но 250 талеров рабочего фонда были бы равны 25 рабочим дням (т. е. новый фонд может применять рабочее время только в новом соотношении, а именно — как $^1/_4$ часть [авансированного капитала]. Для того чтобы применить все прежнее рабочее время, капитал [в 800 талеров] должен был бы *удвоиться*).

Высвободившийся капитал в 200 талеров применяет рабочий фонд в 50 талеров, что равно 5 рабочим дням (равно $^1/_4$ части высвободившегося рабочего времени). (Отделившаяся от капитала часть рабочего фонда сама применяется как капитал, и только $^1/_4$ часть ее применяется в качестве рабочего фонда; т. е. она делится как раз в том же самом отношении, в каком часть нового капитала, являющаяся рабочим фондом, находится к общей сумме капитала.) Итак, для того чтобы применить 20 рабочих дней (4 × 5 рабочих дней), рабочий фонд должен был бы возрасти с 50 до (4 × 50), т. е. до 200 талеров; следовательно, высвободившаяся часть должна была бы увели-

читься с 200 до 600 талеров, т. е. утроиться, так что весь новый капитал должен был бы составлять 800 талеров. Стало быть, весь капитал в целом был бы равен 1 600 талерам; из них 1 200 талеров — постоянная часть и 400 талеров — рабочий фонд.

Следовательно, если капитал в 1 000 талеров первоначально обладал рабочим фондом в 400 талеров (40 рабочих дней) и если он, вследствие удвоения производительной силы, для того чтобы купить *необходимый труд,* т. е. лишь $^1/_2$ прежнего количества труда, нуждается в рабочем фонде, равном только 200 талерам, — то для того чтобы применить всю совокупность прежнего труда (чтобы получить то же самое количество прибавочного времени), капитал должен возрасти на 600 талеров. Он должен был бы быть в состоянии применить удвоенный рабочий фонд, а именно (2 × 200), т. е. 400 талеров; но так как теперь отношение рабочего фонда к совокупному капиталу равно $^1/_4$, то для применения удвоенного рабочего фонда требуется совокупный капитал, равный (4 × 400), т. е. 1 600 талерам.

{Таким образом, совокупный капитал, который был бы необходим для того, чтобы применять прежнее количество рабочего времени, равен *старому рабочему фонду, умноженному на знаменатель* дроби, выражающей теперь [после удвоения производительной силы] отношение рабочего фонда к новому совокупному капиталу. Если удвоение производительной силы уменьшило это отношение до $^1/_4$, то величина прежнего рабочего фонда должна быть умножена на 4; если это отношение уменьшилось до $^1/_3$, то на 3. Если производительная сила удвоилась, то необходимый труд, а тем самым и рабочий фонд сокращается до $^1/_2$ своей прежней величины, но он составляет $^1/_4$ по отношению к новому совокупному капиталу в 800 талеров или $^1/_5$ по отношению к старому совокупному капиталу в 1 000 талеров. *Иными словами, новый совокупный капитал* [необходимый для применения прежнего количества рабочего времени] *равен удвоенной величине разности между старым капиталом и высвободившейся частью рабочего фонда;* он равен (1 000 — 200) × 2 = = 800 × 2 = 1 600 талерам.

Новый совокупный капитал как раз выражает ту общую сумму постоянного и переменного капитала, которая необходима для применения половины прежнего количества рабочего времени (или для применения $^1/_3$, $^1/_4$, ... $^1/_x$ прежнего количества рабочего времени, в зависимости от того, увеличилась ли производительная сила в 3, 4, ... в x раз); стало быть, новый капитал должен быть увеличен вдвое, для того чтобы он

мог применять все прежнее количество рабочего времени (или он должен быть увеличен в 3, 4, ... в x раз, в зависимости от того, во сколько раз возросла производительная сила). Здесь всегда должно быть заранее дано *(технологически)* то отношение, в котором первоначально находились друг к другу [постоянная и переменная] части капитала; от этого, например, зависит, во сколько раз уменьшится вследствие возрастания производительной силы количество применяемого *необходимого труда.*}

Или, что то же самое, новый совокупный капитал, необходимый для применения прежнего количества рабочего времени, [IV—12] равен *удвоенной величине того нового капитала,* который вследствие новой производительной силы занимает в производстве место старого капитала (в данном случае он равен 800 × 2). (Следовательно, если бы производительная сила возросла в 4 раза, в 5 раз и т. д., то новый совокупный капитал, необходимый для применения прежнего количества рабочего времени, был бы равен увеличенному в 4, в 5 и т. д. раз *тому новому* капиталу, который занял в производстве место старого капитала. Если производительная сила удвоилась, то *необходимый труд* сокращается наполовину, так же как и рабочий фонд. Следовательно, если, как в приведенном выше примере, необходимый труд при капитале в 1 000 талеров составлял 400 талеров, т. е. $^2/_5$ всего капитала, то теперь он составит $^1/_5$ старого капитала, или 200 талеров. Та величина, на которую сократился необходимый труд, представляет собой высвободившуюся часть рабочего фонда; она равна $^1/_5$ старого капитала или $^1/_4$ нового, равна 200 талерам. Новый совокупный капитал, необходимый для применения прежнего количества рабочего времени, равен старому капиталу плюс $^3/_5$ последнего. Подробнее эти тонкости рассмотреть позднее.)

Если предположены одни и те же первоначальные соотношения между частями капитала и одно и то же увеличение производительной силы, то для общих положений совершенно безразлично, велики или малы размеры капитала. Совсем другой вопрос — сохраняются ли одни и те же соотношения в том случае, когда капитал *увеличивается* (это относится к накоплению). Но при указанных предпосылках мы видим, что увеличение производительной силы изменяет соотношение между составными частями капитала. Удвоение производительной силы влияет одинаково как на 100, так и на 1 000 талеров [примененного капитала], если в обоих случаях постоянный капитал первоначально составлял [например] $^3/_5$ совокупного капитала, а рабочий фонд — $^2/_5$. {Термин *рабочий фонд* употребляется

здесь только ради удобства; мы еще не исследовали капитала в этой его *определенности*. Пока перед нами две части капитала: одна обменивается на товары (материал и орудие), другая — на рабочую силу.}

{*Новый капитал*, — т. е. та часть старого капитала, которая берет на себя его *функцию*, — равен старому капиталу минус высвободившаяся часть рабочего фонда; а эта последняя равна той части капитала, которая выражала необходимый труд (или, что одно и то же, выражала рабочий фонд), деленной на множитель производительной силы. Следовательно, если старый капитал составляет 1 000 талеров и его доля, выражающая необходимый труд (или рабочий фонд), равна $^2/_5$, а производительная сила удваивается, то новый капитал, берущий на себя функцию старого, равен 800 талерам. А именно, $^2/_5$ старого капитала составляют 400 талеров, которые, будучи разделены на 2, на множитель производительной силы, составляют $^1/_5$ старого капитала, т. е. равны 200 талерам. Следовательно, новый капитал составляет 800 талеров, а высвободившаяся часть рабочего фонда равна 200 талерам.}

Мы видели, что при подобных условиях, для того чтобы применять то же самое рабочее время (равное 4 или 40 рабочим дням), капитал в 100 талеров должен возрасти до 160 талеров, а капитал в 1 000 талеров — до 1 600 талеров; оба капитала должны увеличиться на 60%, т. е. на $^3/_5$ своей собственной величины (на $^3/_5$ старого капитала), для того чтобы получить возможность высвободившуюся $^1/_5$ часть (в первом случае 20 талеров, во втором случае 200 талеров), т. е. высвободившийся рабочий фонд, снова применить в качестве рабочего фонда.

[4) ДВОЯКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ КАПИТАЛА: К РАСШИРЕНИЮ ПРИМЕНЯЕМОГО ЖИВОГО ТРУДА И К СОКРАЩЕНИЮ НЕОБХОДИМОГО ТРУДА]

{*Нотабене*. Мы видели выше *, что одно и то же процентное отношение к совокупному капиталу может выражать самые различные соотношения, в которых капитал создает свою прибавочную стоимость, т. е. создает относительный или абсолютный прибавочный труд. Если соотношение между неизменяющейся и изменяющейся (обмененной на труд) частями стоимости капитала таково, что эта последняя составляет $^1/_2$ совокупного капитала, — стало быть, если капитал в 100 талеров делится

* См. настоящий том, часть I, стр 337—353. *Ред.*

на 50 талеров (постоянная часть) и 50 талеров (переменная часть), — то для того чтобы часть капитала, обмененная на труд, принесла 25% прибыли на весь капитал, она должна увеличиться только на 50%; а именно, 50 + 50 (+ 25) = 125 талеров, в то время как в приведенном выше примере мы имели [другие соотношения между постоянной и переменной частями капитала, например] 75 + 25 (+ 25) = 125 талеров. Следовательно, часть капитала, обмененная на живой труд, для того чтобы дать 25% прибыли на капитал, в этом последнем случае увеличивается на 100%. Здесь мы видим, что если сохраняются прежние соотношения [между составными частями капитала], т. е. если остается тем же самым отношение рабочего фонда к совокупному капиталу (например, в последнем случае оно равно $^1/_4$), — то остается тем же самым и процентное отношение прибыли к совокупному капиталу, как бы велик или мал он ни был. А именно, 100 талеров примененного капитала дают 125 талеров, 80 дают 100, 1 000 дают 1 250, 800 дают 1 000, 1 600 дают 2 000 и т. д., т. е. всегда дают 25% прибыли на весь капитал. Если же капиталы, составные части которых, а следовательно также и производительная сила, находятся в различных соотношениях между собой, [тем не менее] приносят одинаковые проценты на весь капитал, то действительная прибавочная стоимость в разных отраслях должна быть весьма различной.

[IV — 13]

[Примененный капитал]	Постоянная часть	Переменная часть	[Прибавочная стоимость]	[Стоимость продукта]	[Норма прибыли]
100	60	40	(первоначальное соотношение)		
100	75	25	25	125	25%
160	120	40	40	200	25%

[IV — 13]}

{Таким образом, пример является правильным [в том случае, когда результат возросшей] производительной силы сравнивается с тем же самым капиталом при тех соотношениях [между его составными частями], которые он имел *до* повышения производительной силы.

Пусть капитал в 100 талеров применяет 50 талеров постоянной стоимости и 50 талеров затрачивает на рабочий фонд. Пусть рабочий фонд [в процессе производства] увеличивается на 50%, т. е. на $^1/_2$; тогда совокупный продукт равен 125 талерам. Пусть

рабочий фонд в 50 талеров применяет 10 рабочих дней, считая по 5 талеров за день. Так как новая стоимость равна $^1/_2$ рабочего фонда, то прибавочное время должно быть равно $3^1/_3$ рабочего дня. Это означает, что рабочий, которому требовалось работать только $6^2/_3$ дня, чтобы он мог прожить 10 дней, должен работать на капиталиста 10 дней, чтобы прожить 10 дней, а его прибавочный труд в $3^1/_3$ дня образует прибавочную стоимость капитала. В часах это выразится следующим образом: если рабочий день равен 12 часам, то прибавочный труд составляет 4 часа в день. Таким образом, за 10 дней, или за 120 часов, рабочий работает лишних 40 часов, что равно $3^1/_3$ дня.

Но если бы [IV — 13] производительность удвоилась, то соотношение [между составными частями] капитала в 100 талеров было бы 75 и 25, т. е. для того чтобы создать ту же самую стоимость в 125 талеров. тому же самому капиталу пришлось бы применять только 5 рабочих. Таким образом, 5 рабочих дней создают стоимость, которою можно оплатить 10 рабочих дней, т. е. двойное количество рабочих дней. Другими словами, оплачиваются 5 рабочих дней, но они производят такую стоимость, на которую один рабочий может прожить 10 дней. Теперь рабочему нужно было бы работать только 5 дней для того, чтобы прожить 10 дней (до увеличения производительной силы ему приходилось работать 10 дней для того, чтобы прожить 15 дней, и, следовательно, если он проработал 5 дней, он мог бы прожить только $7^1/_2$ дня). Но рабочему, для того чтобы прожить 10 дней, приходится работать на капиталиста 10 дней. Капиталист, стало быть, выгадывает для себя 5 дней: из каждых двух дней труда он присваивает себе один день.

Если выразить все это в долях рабочего дня, то прежде рабочий мог бы работать $^2/_3$ дня, чтобы прожить один день (т. е. 8 часов, чтобы прожить 12); теперь ему можно было бы работать только $^1/_2$ дня (т. е. 6 часов), чтобы прожить один день. Если прежде рабочий работал целый день, он мог прожить $1^1/_2$ дня; если он работал 12 часов, то мог прожить 18 часов, если работал 6 часов — 9 часов. Теперь же он мог бы работать 6 часов, чтобы прожить 12. Ему можно было бы работать только $^1/_2$ дня, чтобы прожить один день, но он вынужден работать $2 \times {}^1/_2$, т. е. целый день, чтобы прожить один день. При прежнем уровне производительной силы рабочий мог бы работать 10 дней, чтобы прожить 15 дней, или 12 часов, чтобы прожить 18 часов, или 1 час, чтобы прожить $1^1/_2$ часа, или 8 часов, чтобы прожить 12 часов, т. е. $^2/_3$ дня, чтобы прожить $^3/_3$ дня. Но рабочий вынужден был работать $^3/_3$ дня, чтобы потребить то, что создается за $^2/_3$ дня, т. е. он вынужден был работать лишнюю $^1/_3$ дня.

Удвоение производительной силы повышает отношение прибавочного времени [к необходимому рабочему времени] с 1 : 2 (т. е. с 50%) до 1 : 1 (до 100%). По сравнению с прежними затратами рабочего времени это выглядит так: раньше рабочему требовалось проработать 8 часов, чтобы прожить 12, т. е. необходимое время составляет $^2/_3$ целого рабочего дня; теперь же ему требуется проработать только $^1/_2$ рабочего дня, т. е. 6 часов, чтобы прожить 12 часов. Поэтому капитал применяет теперь только 5 рабочих вместо 10. Если прежде 10 рабочих дней стоили капиталисту 50 талеров и производили 75 талеров, то теперь [5 рабочих дней] стоят капиталисту 25 талеров и производят 50 талеров; т. е. первые производят только 50% прибавочной стоимости, вторые — 100%. Рабочие по-прежнему работают 12 часов в день; но прежде капитал покупал 10 рабочих дней, теперь — только 5.

Так как производительная сила удвоилась, то 5 рабочих дней производит теперь 5 прибавочных рабочих дней, в то время как раньше 10 рабочих дней давали только 5 прибавочных рабочих дней. Теперь же, когда производительная сила удвоилась и, следовательно, отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу повысилось с 50% до 100%, — 5 рабочих дней производят 5 прибавочных дней. В первом случае 120 рабочих часов (= 10 рабочих дней) производят 180 часов [совокупного времени]; во втором случае 60 рабочих часов [необходимого времени] производят 60 часов [прибавочного времени]; т. е. в первом случае прибавочное время составляет $^1/_3$ целого дня (50% по отношению к необходимому времени); иными словами, из 12 часов рабочего дня прибавочное время составляет 4 часа, необходимое время — 8 часов; во втором случае прибавочное время составляет $^1/_2$ целого рабочего дня (100% по отношению к необходимому рабочему времени); иными словами, из 12 часов рабочего дня прибавочное время составляет 6 часов, необходимое время — 6 часов. Поэтому в первом случае 10 дней [необходимого времени] дают 5 дней прибавочного времени (прибавочного труда), а во втором случае 5 дней [необходимого времени] дают 5 дней [прибавочного времени]. Следовательно, относительное прибавочное время удвоилось; если же рассматривать прибавочное время в отношении к общей величине рабочего времени, то оно возросло лишь с $^1/_3$ до $^1/_2$, т. е. на $^1/_6$, или на $16^2/_3$%.} [IV—13]

[IV—13] Так как предпосылкой капитала является прибавочный труд или прибавочное время, то капитал, следовательно, покоится на той основной предпосылке, что существует некий избыток сверх рабочего времени, необходимого для

сохранения индивида и прокормления его потомства; что, например, индивиду достаточно работать только 6 часов, для того чтобы прожить день, или же работать один день, для того чтобы прожить 2 дня, и т. д. Вместе с развитием производительных сил сокращается необходимое рабочее время, а тем самым увеличивается прибавочное время. Или же получается так, что один индивид может работать за двоих и т. д.

(«*Богатство* есть такое время, *которым можно свободно располагать*, и ничего больше» («The Source and Remedy of the National Difficulties, deduced from Principles of Political Economy, in a Letter to Lord John Russel». London, 1821, [стр. 6]). «Предположим, что всего труда страны как раз достаточно для производства того, что необходимо для содержания всего населения; в этом случае очевидно, что нет никакого *прибавочного труда*, нет, следовательно, ничего такого, что можно было бы накоплять как капитал» [стр. 4]. «Нация по-настоящему богата лишь тогда, когда за пользование капиталом не уплачивается *никакого процента*, когда вместо 12 часов работают только 6 часов» [стр. 6]. «Сколько бы ни *причиталось* на долю капиталиста, он может получить только *прибавочный труд* рабочего, так как рабочий должен жить» [стр. 23].)

Собственность. Происхождение ее из производительности труда. «Когда труда каждого человека едва хватает на его собственное содержание, то не будет праздных людей, так как собственность при таком положении вещей невозможна. Если труд одного человека может содержать пятерых, тогда на одного занятого в производстве человека будет приходиться четыре праздных человека... Собственность вырастает из усовершенствования средств производства» (*Piercy Ravenstone*, M. A. Thoughts on the Funding System, and its Effects. London, 1824, [стр. 11]). «Увеличение собственности, увеличение возможности содержать праздных людей и непроизводительный труд — [вот что политическая экономия называет] капиталом» [стр. 13]. «Редко можно с успехом воспользоваться машинами для того, чтобы уменьшить труд отдельного человека; *постройка машины потребовала бы больше времени, чем будет сбережено ее применением. С действительной пользой она может применяться только в том случае, если действует в крупном масштабе, если одна машина может помогать труду тысяч*. Соответственно этому машины находят наибольшее применение в наиболее населенных странах, где больше всего праздных людей. Применение машин вызывается не недостатком в людях, а легкостью, с какой возможно массы людей привлечь к работе» [стр. 45]. Менее $^1/_4$ части населения Англии производит [IV—14] все то, что потребляется всеми. Например, при Вильгельме Завоевателе количество людей, непосредственно участвовавших в производстве, в процентном отношении к количеству праздных людей было гораздо больше, чем теперь [181].

Если, с одной стороны, капитал создает прибавочный труд, то прибавочный труд в свою очередь является предпосылкой для существования капитала. Все развитие богатства покоится на созидании свободного времени. Отношение *необходимого* рабочего времени к *избыточному* (таковым в первую очередь представляется оно с точки зрения необходимого труда) изменяется на различных ступенях развития производительных сил. На сравнительно примитивных ступенях развития обмена люди

обменивают только свое *избыточное рабочее время;* оно — мера их обмена, который поэтому и распространяется только на избыточные продукты. В производстве, основанном на капитале, существование *необходимого* рабочего времени обусловлено созиданием *избыточного* рабочего времени. На низших ступенях производства, во-первых, создано еще мало человеческих потребностей, а следовательно, и удовлетворять приходится лишь немногие потребности. Таким образом, необходимое рабочее время является здесь ограниченным не потому, что труд производителен, а потому, что людям требуется очень немногое. А во-вторых, на всех ступенях производства существует известная общность труда, *общественный* характер последнего и т. д. Впоследствии развивается общественная производительная сила и т. д. (К этому надо вернуться.)

* * *

Прибавочное время существует [во-первых] как избыток рабочего дня над той частью последнего, которую мы называем *необходимым* рабочим временем; во-вторых, как увеличение *числа одновременных рабочих дней,* т. е. *работающего населения.*

(Прибавочное время может быть также создано, — но об этом здесь следует упомянуть лишь мимоходом, так как это относится к главе о наемном труде, — путем насильственного удлинения рабочего дня за его естественные границы, а также путем присоединения к работающему населению женщин и детей.)

Указанное выше отношение прибавочного времени рабочего дня к его необходимому времени может видоизменяться и видоизменяется в результате развития производительных сил таким образом, что необходимый труд ограничивается все меньшей долей. То же самое соответственно касается и населения. Работающее население, скажем, 6 миллионов человек, можно рассматривать как один рабочий день, равный 6 × 12, т. е. 72 миллионам часов; так что здесь применимы те же самые законы.

Как мы видели, законом капитала является созидание прибавочного труда, свободного времени. Капитал может это осуществить лишь в том случае, если он приводит в движение *необходимый труд,* — т. е. вступает в обмен с рабочим. Отсюда тенденция капитала к созданию возможно большего количества труда, так же как и его тенденция свести к минимуму необходимый труд. Поэтому тенденция капитала заключается как в том,

чтобы увеличивать работающее население, так и в том, чтобы часть последнего постоянно превращать в избыточное население, — т. е. в такое население, которое является бесполезным до тех пор, пока капитал не сможет его использовать. (Отсюда вытекает правильность теории избыточного населения и избыточного капитала.)

Тенденция капитала заключается как в том, чтобы делать человеческий труд излишним (относительно), так и в том, чтобы безмерно расширять человеческий труд. Стоимость — это только овеществленный труд, а прибавочная стоимость (увеличение стоимости капитала) — только избыток над той частью овеществленного труда, которая необходима для воспроизводства рабочей силы. Однако предпосылкой всегда является и остается труд вообще, а прибавочный труд существует лишь в отношении к необходимому труду, т. е. лишь постольку, поскольку существует последний. Поэтому капитал должен постоянно, для того чтобы создавать прибавочный труд, приводить в движение необходимый труд. Капитал должен увеличивать необходимый труд (а именно, число *одновременных* рабочих дней), для того чтобы иметь возможность увеличить прибавочный труд; но капитал точно так же должен устранять этот труд как необходимый, с тем чтобы превращать его в прибавочный труд.

Если рассматривать отдельный рабочий день, то процесс, конечно, прост: 1) капиталист стремится удлинить рабочий день до предела природных возможностей; 2) он стремится все больше сокращать необходимую часть рабочего дня (следовательно, стремится беспредельно увеличивать производительные силы). Но если рассматривать рабочий день в его пространственной протяженности, если само время рассматривать в его пространственной протяженности, — то это есть *одновременное существование многих рабочих дней*. С чем бо̀льшим количеством рабочих дней капитал может одновременно вступить в обмен, в котором он обменивает *овеществленный труд на живой труд*, тем больше происходящее *одновременно* увеличение его стоимости. *На данной ступени развития производительных сил* (а дело ничуть не меняется от того, что эта ступень изменчива) капитал может перепрыгнуть через *приро́дную* границу, образуемую живым рабочим днем отдельного индивида, лишь одновременно полагая *рядом* с одним рабочим днем *другой* рабочий день — путем пространственного добавления *бо́льшего количества одновременных рабочих дней*.

Например, капиталист может довести прибавочный труд рабочего A только до 3 часов; но если он добавит к этому еще рабочие дни рабочих B, C, D, то он получит 12 часов прибавочного

труда. Вместо 3 часов прибавочного времени он создал целых 12. Поэтому капитал побуждает к увеличению населения, и тот же самый процесс, который сокращает необходимый труд, дает капиталу возможность пустить в дело новый необходимый труд (а следовательно, и новый прибавочный труд). (Это означает, что по мере того как сокращается *необходимое рабочее время*, или относительно уменьшается время, требующееся для *производства живой рабочей силы*, — *производство рабочих* становится дешевле, оказывается возможным за то же самое время произвести больше рабочих. Сокращение необходимого рабочего времени и удешевление производства рабочих — тождественные положения.)

(Это — еще без учета того, что увеличение населения увеличивает производительную силу труда, делая возможным большее разделение труда, большее комбинирование труда и т. д. Увеличение населения есть *природная сила* [IV—15] труда, которая не оплачивается. *Природной силой* на данном этапе исследования мы называем *общественную силу*. Все *природные силы общественного труда* сами являются историческим продуктом.)

С другой стороны, капитал имеет тенденцию — точно так же как раньше мы видели это в отношении отдельного рабочего дня, так теперь мы наблюдаем это в отношении многих одновременных необходимых рабочих дней (которые, поскольку принимается во внимание только стоимость, можно рассматривать как *один* рабочий день) — сводить число необходимых рабочих дней к минимуму, т. е. возможно большее число их делать *не необходимыми*; и если раньше, как мы видели это в отношении отдельного рабочего дня, капитал имел тенденцию сокращать количество необходимых часов, то, как мы видим это теперь в отношении одновременных необходимых рабочих дней, капитал имеет тенденцию сокращать количество необходимых рабочих дней в их процентном отношении к общей сумме овеществляемого рабочего времени. (Если для того, чтобы произвести 12 часов избыточного [прибавочного] труда, необходимо 6 рабочих дней, то капитал добивается того, чтобы для этого было достаточно лишь 4 рабочих дня. Или, так как 6 рабочих дней можно рассматривать как один рабочий день, состоящий из 72 часов, то если капиталисту удается сократить необходимое рабочее время на 24 часа, тогда 2 необходимых рабочих дня — т. е. 2 рабочих — отпадают.)

С другой стороны [как мы видели выше], новый добавочный капитал, который создан [путем сокращения необходимого рабочего времени], может увеличивать свою стоимость в качестве

капитала опять-таки лишь посредством обмена на живой труд. Отсюда в одинаковой мере вытекает как тенденция капитала к увеличению *рабочего населения*, так и его тенденция к постоянному уменьшению *необходимой* части рабочего населения (часть рабочего населения капитал каждый раз снова стремится превратить в резерв). И увеличение населения само является главным средством для уменьшения его необходимой части.

Au fond * *все это — только применение того отношения, в котором необходимый и прибавочный труд находятся к отдельному рабочему дню.* Следовательно, уже здесь заложены все те противоречия, которые как противоречия были сформулированы современной теорией народонаселения, хотя и не были ею поняты. Капитал как полагание прибавочного труда есть в одинаковой мере и в то же самое время и полагание и не-полагание необходимого труда; капитал существует лишь постольку, поскольку существует и вместе с тем не существует необходимый труд.

{Сюда еще не относится, но уже здесь может быть упомянуто о том, что созданию прибавочного труда на одной стороне соответствует на другой стороне создание минус-труда, создание относительного безделья (или, в лучшем случае, создание *непроизводительного* труда). Это понятно само собой, во-первых, применительно к капиталу, а затем также и применительно к тем классам, с которыми капитал делится [прибавочной стоимостью]; стало быть, применительно к живущим за счет прибавочного продукта пауперам, лакеям, прихлебателям и т. д., короче — к целой веренице капиталистической челяди; применительно к той части *обслуживающего* класса, которая получает средства к существованию [путем обмена] не с капиталом, а с доходом.

Между этим *обслуживающим* классом и *работающим* классом в их отношении ко всему обществу имеется существенное различие с точки зрения создания *свободного времени,* а затем также — с точки зрения создания времени для производства науки, искусства и т. д. Ход развития общества состоит отнюдь не в том, что индивид, после того как он удовлетворил свои самые насущные потребности, создает для себя избыток; наоборот, так как определенный индивид или класс индивидов вынужден работать больше, чем это требуется для удовлетворения его самых насущных потребностей, так как на одной стороне создается *прибавочный труд,* — то на другой стороне создается не-труд и избыточное богатство.

---

* — В сущности. *Ред.*

В реальной действительности развитие богатства происходит только в этих противоположностях; но именно само развитие богатства заключает в себе возможность уничтожения этих противоположностей. Иными словами, такого рода возможность существует потому, что индивид может удовлетворить *свои собственные* самые насущные потребности, лишь удовлетворяя вместе с тем самые насущные потребности *другого* индивида и создавая для него сверх того избыток. В условиях рабства это осуществляется в грубой форме. Лишь в условиях наемного труда это приводит к *промышленности,* к *промышленному* труду.

Вот почему Мальтус вполне последователен, когда он наряду с прибавочным трудом и избыточным капиталом требует существования избыточных бездельников, которые потребляли бы, ничего не производя, или проповедует необходимость расточительности, роскоши, мотовства и т. д.}

Если отношение числа необходимых рабочих дней к общему количеству овеществленных рабочих дней составляло 9 : 12 (стало быть, прибавочный труд был равен $^1/_4$ рабочего дня), то капитал стремится уменьшить это отношение до 6 : 9 (стало быть, до $^2/_3$, так чтобы прибавочный труд был равен $^1/_3$). (Подробнее это следует рассмотреть позже; однако главное и основное необходимо дать уже здесь, где речь идет об общем понятии капитала.)

[Отдел второй]

ПРОЦЕСС ОБРАЩЕНИЯ КАПИТАЛА

[А) ВОСПРОИЗВОДСТВО И НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА В ПРОЦЕССЕ ЕГО ОБРАЩЕНИЯ]

[1)] ПЕРЕХОД КАПИТАЛА ИЗ ПРОЦЕССА ПРОИЗВОДСТВА В ПРОЦЕСС ОБРАЩЕНИЯ. [ЕДИНСТВО И ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ПРОЦЕССОМ СОХРАНЕНИЯ СТОИМОСТИ ПРИМЕНЕННОГО КАПИТАЛА, ПРОЦЕССОМ УВЕЛИЧЕНИЯ ЕГО СТОИМОСТИ И ПРОЦЕССОМ РЕАЛИЗАЦИИ СТОИМОСТИ ПРОИЗВЕДЕННОГО ПРОДУКТА]

Мы уже видели, как в результате *процесса увеличения стоимости* капитал 1) сохранил свою стоимость посредством самого обмена (а именно, посредством обмена на живой труд); 2) возрос, создал прибавочную стоимость. Как результат этого единства процесса производства и процесса увеличения стоимости теперь выступает продукт всего этого процесса, т. е. сам капитал в том виде, в каком он в качестве продукта выходит из того процесса, предпосылкой которого он был, — в качестве такого продукта, который представляет собой стоимость. Иными словами, в качестве продукта этого процесса выступает сама *стоимость*, и притом *бóльшая стоимость*, чем та, которая первоначально послужила исходным пунктом, так как она содержит больше овеществленного труда. Эта стоимость как таковая представляет собой *деньги*. Однако она представляет собой деньги лишь *an sich* *: они еще не положены как деньги; что на первых порах *положено*, что имеется налицо — это товар с определенной (идеальной) ценой, т. е. такой товар, который существует в качестве определенной суммы денег лишь идеально и который еще должен *реализовать* себя в обмене в качестве такой суммы денег, т. е. должен сперва снова войти в процесс простого обращения, для того чтобы быть положенным в качестве *денег*. Таким образом, мы подходим теперь к *третьей стороне того процесса*, в котором капитал полагается как капитал.

3) Дело в том, что при внимательном рассмотрении *процесс увеличения стоимости* капитала — а деньги становятся капиталом

* — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

лишь в результате процесса увеличения стоимости — выступает вместе с тем как *процесс уменьшения стоимости* капитала, как его обесценение, и притом с двух сторон. Прежде всего, так как посредством увеличения производительной силы капитал не увеличивает абсолютного рабочего времени, а уменьшает относительную величину необходимого рабочего времени, то он сокращает издержки производства самого себя, поскольку он был предпослан процессу производства в качестве определенной суммы товаров, т. е. он сокращает свою меновую стоимость: часть существующего капитала постоянно обесценивается в результате уменьшения тех издержек производства, при которых он может быть *воспроизведен;* обесценивается не в результате уменьшения того труда, который в нем овеществлен, а в результате уменьшения того живого труда, который необходим теперь, для того чтобы овеществиться в данном определенном продукте [в виде которого существует капитал].

Это постоянное [IV—16] обесценение *существующего* капитала сюда не относится, так как оно уже предполагает капитал в готовом виде. Его следует здесь лишь упомянуть, чтобы дать представление о том, каким образом дальнейшее содержится уже во всеобщем понятии капитала. Вопрос о постоянном обесценении существующего капитала относится к учению о концентрации и конкуренции капиталов.

То *обесценение,* о котором здесь идет речь, проистекает из того, что капитал перешел из формы денег в форму *товара,* в форму продукта, имеющего определенную цену, которая должна быть *реализована.* Будучи деньгами, капитал существовал как *стоимость.* Теперь же он *существует* как продукт и лишь идеально — как цена; но он не существует в качестве *стоимости как таковой.* Для того чтобы *увеличивать* свою *стоимость,* т. е. сохранить свою стоимость и умножить ее, капитал должен был сначала перейти из формы денег в форму потребительных стоимостей (сырье — орудие — заработная плата); однако при этом он до некоторой степени утратил *форму* стоимости и теперь должен снова вступить в обращение, чтобы вновь приобрести эту форму всеобщего богатства. Капиталист вступает теперь в процесс обращения уже не просто как участник обмена, а как *производитель,* противостоящий другим обменивающимся как *потребителям.* Предполагается, что они дадут в обмен деньги, чтобы получить его товар для своего потребления, в то время как он дает в обмен свой продукт, чтобы получить их деньги. Предположим, что этот процесс потерпит неудачу, — а возможность такой неудачи в отдельном случае дана уже одним только разделением [производителей и потребителей], —

тогда деньги капиталиста превратились в продукт, лишенный стоимости, и не только не приобрели никакой новой стоимости, но и потеряли свою первоначальную стоимость.

Произойдет это или нет, во всяком случае обесценение капитала составляет один из моментов процесса увеличения стоимости, что вытекает уже просто из того, что продукт процесса производства в своей непосредственной форме не является *стоимостью,* а должен сначала вновь вступить в обращение, чтобы реализовать себя в качестве стоимости. Таким образом, если в результате процесса производства капитал воспроизведен в качестве стоимости и новой стоимости, то вместе с тем он здесь дан и как *не-стоимость,* как нечто такое, чему еще только предстоит *посредством обмена реализовать себя в качестве стоимости.*

Эти три процесса [процесс сохранения стоимости примененного капитала, процесс увеличения его стоимости и процесс реализации стоимости произведенного продукта], единство которых образует капитал, представляют собой внешние по отношению друг к другу процессы, расположенные вне друг друга во времени и в пространстве. Поэтому для отдельных капиталистов переход от одного процесса к другому, т. е. их единство, является случайным. Несмотря на их *внутреннее единство,* эти процессы существуют *независимо* друг возле друга, и каждый из них — как предпосылка другого. В общем и целом, единство этих трех процессов должно выявлять себя на деле, коль скоро вся совокупность производства покоится на капитале и, следовательно, капитал должен реализовать все необходимые моменты своего самоформирования и содержать в себе условия для осуществления этого самоформирования. На той ступени исследования, которой мы пока достигли, капитал еще не выступает в качестве обусловливающего само обращение (самый обмен), а выступает лишь как момент обращения, и капитал здесь перестает быть капиталом как раз в ту минуту, когда он вступает в обращение. В своем качестве *товара вообще* капитал разделяет теперь судьбу товара: будет ли товар обменен на деньги или нет, будет ли его *цена* реализована или нет, является делом случая.

В самом процессе производства — где капитал все время оставался предпосланным в качестве стоимости — представлялось, что *увеличение стоимости* капитала всецело зависит только от отношения его как овеществленного труда к живому труду, т. е. от отношения капитала к наемному труду. Теперь же, в своем качестве продукта, товара, капитал выступает как зависимый от обращения, лежащего вне процесса производства.

(В действительности, как мы видели, обращение возвращается к процессу производства как к своей основе, но точно так же снова проистекает из него.) В качестве товара капитал 1) должен быть потребительной стоимостью и, как таковая, — предметом потребности, объектом потребления; 2) должен быть обменен на свой эквивалент — на деньги. Новая стоимость может реализовать себя только в продаже.

Если раньше капитал содержал в себе овеществленный труд ценой в 100 талеров, а теперь содержит овеществленный труд ценой в 110 талеров (цена лишь выражает в деньгах количество овеществленного труда), то это должно проявиться в том, что труд, содержащийся теперь в произведенном товаре, будет обменен на 110 талеров. На первых порах продукт [в форме которого теперь существует капитал] оказывается обесцененным в том смысле, что он вообще должен быть обменен на деньги, чтобы снова приобрести свою форму стоимости.

Внутри процесса производства увеличение стоимости выступало как совершенно идентичное производству прибавочного труда (овеществлению прибавочного времени) и поэтому — как не знающее никаких других *границ* кроме тех, которые отчасти предположены, а отчасти положены внутри самого этого процесса, но которые, таким образом, всегда выступают в нем как подлежащие преодолению *пределы*.

Теперь появляются такие пределы процесса производства, которые лежат *вне* этого процесса. Прежде всего, уже при самом поверхностном рассмотрении видно, что товар является меновой стоимостью лишь постольку, поскольку он вместе с тем является *потребительной стоимостью*, т. е. объектом потребления (здесь еще совершенно безразлично — какого рода потребления). Товар перестает быть меновой стоимостью, если он перестает быть потребительной стоимостью (ибо товар [как результат процесса производства] еще не существует снова в качестве денег, а обладает некоторой определенной формой существования, совпадающей с его природным качеством).

Итак, первый предел [для реализации товара] — это само *потребление, потребность в данном товаре*. (При тех предпосылках, из которых мы до сих пор исходили, здесь еще никоим образом не может быть речи о *неплатежеспособной* потребности, т. е. о такой потребности в товаре, которая в свою очередь не могла [IV—17] бы дать в обмен какой-нибудь товар или деньги.) А во-вторых, для произведенного товара должен быть налицо эквивалент, но так как обращение первоначально было предположено как фиксированная величина, как величина определенных размеров, а капитал в процессе производства создал

некоторую новую стоимость, — то кажется, будто в действительности для этой последней не может быть налицо никакого эквивалента.

Следовательно, когда капитал выходит из процесса производства и снова вступает в обращение, то представляется, что он:

a) в качестве *произведенного продукта* встречает предел со стороны имеющейся налицо величины *потребления* или *потребительной способности*. Количество [находящегося в форме продукта] капитала как определенной потребительной стоимости до известного пункта безразлично; но на определенном уровне — поскольку произведенный продукт удовлетворяет лишь одну определенную потребность — он перестает быть нужным для потребления. Само количество его как *определенной, односторонней, качественной* потребительной стоимости, например хлеба, безразлично лишь до известной степени: он требуется только в определенном количестве, т. е. в известной *мере*. А эта мера отчасти определяется качеством продукта как потребительной стоимости, его *специфической* полезностью, пригодностью, отчасти — количеством обменивающихся лиц, имеющих потребность в этом определенном потреблении. Она определяется числом потребителей, помноженным на величину их потребности в этом *специфическом* продукте. Потребительная стоимость сама по себе не обладает безмерностью, свойственной стоимости как таковой. Определенные предметы могут быть потреблены и являются предметом потребности лишь до известной степени; например, потребляется лишь определенное количество хлеба и т. д. Поэтому продукт в качестве *потребительной стоимости* имеет в себе самом некий предел, — а именно, предел существующей потребности в нем, — который, однако, измеряется теперь не потребностью производителя, а совокупной потребностью обменивающихся. Там, где прекращается потребность в какой-нибудь определенной потребительной стоимости, продукт перестает быть потребительной стоимостью. В качестве потребительной стоимости продукт измеряется потребностью в нем. Но как только продукт перестает быть потребительной стоимостью, он перестает быть предметом обращения (поскольку он не является деньгами).

b) А в качестве *новой стоимости* и вообще *стоимости* произведенный капиталом продукт имеет, по-видимому, своим пределом величину *наличных эквивалентов*, прежде всего — денег, денег не в качестве средств обращения, а в качестве денег. Прибавочная стоимость (относительно первоначальной стоимости это разумеется само собой) требует для себя добавочного

эквивалента. Последний выступает теперь [по отношению к капиталу] как второй предел.

c) Первоначально казалось, что деньги — т. е. богатство как таковое, иными словами, богатство, существующее внутри и посредством обмена на *чужой овеществленный труд,* — коль скоро они не приступают к обмену на *чужой живой труд,* т. е. к процессу производства, становятся чем-то несостоятельным. Обращение было неспособно возобновляться из самого себя. С другой стороны, теперь оказывается, что процесс производства зашел в тупик, если он не способен перейти в процесс обращения. Капитал как производство, покоящееся на наемном труде, предполагает обращение в качестве необходимого условия и необходимого момента всего движения. Эта определенная форма производства предполагает эту определенную форму обмена, находящего свое выражение в денежном обращении. Для того чтобы быть созданным снова, весь продукт должен быть превращен в деньги; не так, как это было на более ранних ступенях производства, когда обмен охватывал только излишки производства и излишние продукты, но отнюдь не охватывал всего производства в целом.

Таковы те противоречия, которые сами собой являют себя простому, объективному, беспристрастному пониманию. Каким образом эти противоречия в условиях производства, покоящегося на капитале, постоянно снимаются, но так же постоянно создаются вновь, причем снимаются только насильственным путем (хотя до известного пункта это снятие выступает как всего лишь спокойное выравнивание), — это вопрос другой. Прежде всего важно констатировать существование этих противоречий. Все противоречия [простого товарного] обращения опять оживают в новой форме. Продукт как потребительная стоимость находится в противоречии с самим собой как стоимостью; другими словами, поскольку продукт существует в определенном качестве, как специфическая вещь, как продукт с определенными природными свойствами, как субстанция потребности, — он находится в противоречии с той своей субстанцией, которою он как стоимость обладает исключительно в *овеществленном труде.* Но на этот раз [в условиях обращения капитала] это противоречие дано уже не только в виде *всего лишь формального различия,* — как это было в [простом] обращении, — нет, здесь характеристика продукта в качестве потребительной стоимости фиксируется как характеристика его посредством совокупной потребности обменивающихся в этом продукте, т. е. посредством объема совокупного потребления.

Совокупное потребление выступает здесь в качестве *меры* продукта как потребительной стоимости, а потому и в качестве меры продукта как *меновой стоимости*. В простом обращении было просто перевести продукт из формы особенной потребительной стоимости в форму меновой стоимости. Его предел проявлялся лишь в том, что благодаря своим *природным свойствам* продукт существовал в той или иной особенной форме, а не в форме стоимости, в которой он способен непосредственно обмениваться на все другие товары. Теперь же в самих *природных свойствах* продукта дана *мера* его наличия. Для того чтобы потребительную стоимость можно было перевести во всеобщую форму, она теперь должна быть налицо лишь в определенном количестве; в *количестве*, мера которого заложена не в *овеществленном в продукте труде*, а проистекает из *природы этого продукта как потребительной стоимости*, и притом *потребительной стоимости для других*.

С другой стороны, противоречие, ранее заключавшееся в том, что для-себя-сущие [IV—18] деньги с необходимостью должны были приступить к обмену на живой труд, — теперь проявляется в еще большей степени, так как прибавочные деньги, или прибавочная стоимость, для того чтобы быть таковыми, должны обмениваться на прибавочную стоимость. Следовательно, продукт в качестве стоимости так же имеет своим пределом чужое производство, как в качестве потребительной стоимости он имеет своим пределом чужое потребление. Мерой продукта как потребительной стоимости является количество потребности в этом специфическом продукте, мерой продукта как стоимости служит количество *овеществленного труда*, существующее в обращении. Тем самым в ложное положение поставлены: с одной стороны, безразличие стоимости как таковой по отношению к потребительной стоимости, а с другой стороны, овеществленный труд вообще как субстанция и мера стоимости.

{На данном этапе исследования еще нельзя перейти к отношению между спросом, предложением, ценами, которые в своем подлинном развитии предполагают капитал. Однако поскольку спрос и предложение являются абстрактными категориями и еще не выражают определенных экономических отношений, быть может, их следует рассмотреть уже при анализе простого обращения или простого производства?}

Здесь — где рассматривается всеобщее понятие капитала — имеет большое значение то, что капитал выступает как *единство производства и увеличения стоимости не непосредственно*, а лишь как такой *процесс*, который связан с определенными условиями и, как уже выяснено, — с *внешними* условиями.

{Выше, при рассмотрении процесса увеличения стоимости капитала, мы уже видели, что он предполагает *простой процесс производства* как процесс, развившийся уже ранее. Так же будет обстоять дело со *спросом и предложением,* поскольку при простом обмене предполагается наличие потребности в продукте. *Собственная* потребность производителя (непосредственного) выступает как потребность в спросе со стороны других. При самом изложении этого вопроса должно выясниться то, что должно быть ему *предпослано,* и все это затем следует включить в первые главы.}

[2) СТРЕМЛЕНИЕ КАПИТАЛА К БЕЗГРАНИЧНОМУ РАЗВИТИЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ.] ГРАНИЦЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА. ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО

Создание капиталом *абсолютной прибавочной стоимости* — создание большего количества овеществленного труда — имеет своим условием то, что круг обращения расширяется, и притом расширяется постоянно. Созданная в одном пункте *прибавочная стоимость* требует, чтобы в *другом* пункте была создана другая прибавочная стоимость, на которую могла бы быть обменена первая; требует сначала хотя бы только производства большего количества золота и серебра, большего количества денег, так что если прибавочная стоимость не может непосредственно снова стать капиталом, она существовала бы в форме денег как возможность нового капитала. Поэтому условием производства, основанного на капитале, является *создание все расширяющегося круга обращения,* все равно, расширяется ли этот круг непосредственно *или же в большем количестве его пунктов создаются пункты производства.*

Если вначале обращение выступало как величина данная, то здесь оно выступает как движущееся и расширяющееся посредством самого производства. Соответственно этому обращение уже само выступает как момент производства. Поэтому если капитал, с одной стороны, имеет тенденцию создавать все больше прибавочного труда, то он имеет также и дополнительную тенденцию создавать все больше пунктов обмена; здесь, с точки зрения *абсолютной* прибавочной стоимости или *абсолютного* прибавочного труда, это означает тенденцию вызывать к жизни все больше прибавочного труда в качестве дополнения к самому себе; au fond * это означает тенденцию повсюду рас-

* — в сущности, по существу. *Ред.*

пространять основанное на капитале производство, или соответствующий капиталу способ производства. Тенденция к созданию *мирового рынка* дана непосредственно в самом понятии капитала. Всякий предел выступает как подлежащее преодолению ограничение. Прежде всего [имеет место стремление] подчинить обмену каждый момент самого производства и уничтожить производство непосредственных, не вступающих в обмен, потребительных стоимостей; иными словами, на место прежних, с точки зрения капитала — первобытных, способов производства поставить производство, основанное на капитале. *Торговля* выступает здесь уже не как такая деятельность, которая совершается между самостоятельными производствами и служит для обмена их излишков, а как существенная всеохватывающая предпосылка и момент самого производства.

Разумеется, всякое производство, направленное на создание непосредственной потребительной стоимости, уменьшает как количество участников обмена, так и вообще сумму тех меновых стоимостей, которые бросаются в обращение, и прежде всего оно уменьшает производство прибавочных стоимостей. Отсюда тенденция капитала 1) постоянно расширять пределы обращения, 2) превращать производство во всех пунктах в такое производство, которое ведется капиталом.

С другой стороны, производство *относительной прибавочной стоимости,* т. е. производство прибавочной стоимости, основанное на увеличении и развитии производительных сил, требует производства нового потребления; требует, чтобы потребительский круг внутри обращения так же расширялся, как прежде [при производстве абсолютной прибавочной стоимости] расширялся производственный круг. *Во-первых,* требуется количественное расширение существующего потребления; *во-вторых,* — создание новых потребностей путем распространения уже существующих потребностей в более широком кругу; *в-третьих,* — производство *новых* потребностей, открытие и создание новых потребительных стоимостей. Иными словами, это означает, что полученный прибавочный труд не остается всего лишь количественной добавкой, но что тут вместе с тем постоянно увеличивается круг качественно различных видов труда (тем самым и прибавочного труда), что этот круг делается все многообразнее и становится все более дифференцированным внутри самого себя.

Например, если при удвоении производительной силы достаточно применять капитал в 50 талеров там, где ранее требовался капитал в 100 талеров, так что высвобождается капитал в 50 талеров и соответствующий ему необходимый труд, то

[IV — 19] для высвободившихся капитала и труда должна быть создана новая, качественно отличная отрасль производства, которая удовлетворяет новую потребность и вызывает ее к жизни. Значение старой отрасли сохраняется тем путем, что при этом создается фонд для новой отрасли, где отношение между капиталом и трудом складывается в *новой* форме.

Стало быть, [предполагается] исследование всей природы с тем, чтобы открыть новые полезные свойства вещей; универсальный обмен продуктами всех чужих друг для друга климатов и стран; новые виды обработки (искусственной) природных предметов, посредством которой им придается новая потребительная стоимость {впоследствии сослаться на ту роль, которую *предметы роскоши* играли в древнем мире в отличие от современности}; всестороннее исследование земных недр, имеющее целью как открытие новых полезных ископаемых, так и выявление новых полезных свойств старых ископаемых, например новых их свойств как источников сырья и т. д.; отсюда развитие естествознания до наивысшей точки; точно так же открытие, создание и удовлетворение новых потребностей, порождаемых самим обществом. Культивирование всех свойств общественного человека и производство его как человека с возможно более богатыми свойствами и связями, а потому и потребностями, — производство человека как возможно более целостного и универсального продукта общества (ибо для того, чтобы пользоваться множеством вещей, человек должен быть способен к пользованию ими, т. е. он должен быть в высокой степени культурным человеком), — тоже являются условиями производства, основанного на капитале. Это создание новых отраслей производства, т. е. качественно нового прибавочного времени, представляет собой не только разделение труда, но и отталкивание от самого себя определенного производства в виде труда, имеющего новую потребительную стоимость; представляет собой развитие постоянно расширяющейся и все более всеобъемлющей системы видов труда, видов производства, которым соответствует постоянно расширяющаяся и все более богатая система потребностей.

Итак, если производство, основанное на капитале, с одной стороны, создает универсальную систему труда, — т. е. прибавочный труд, труд, создающий стоимость, — то, с другой стороны, оно создает систему всеобщей эксплуатации природных и человеческих свойств, систему всеобщей полезности; даже наука, точно так же как и все физические и духовные свойства человека, выступает лишь в качестве носителя этой системы всеобщей полезности, и нет ничего такого, что вне этого круга

общественного производства и обмена выступало бы как нечто *само по себе более высокое,* как правомерное само по себе. Таким образом, только капитал создает буржуазное общество и универсальное присвоение членами общества как природы, так и самой общественной связи. Отсюда великое цивилизующее влияние капитала; создание им такой общественной ступени, по сравнению с которой все прежние выступают всего лишь как *локальное развитие* человечества и как *суеверное поклонение природе.* Только при капитализме природа становится всего лишь предметом для человека, всего лишь полезной вещью; ее перестают признавать самодовлеющей силой, а теоретическое познание ее собственных законов само выступает лишь как хитрость, имеющая целью подчинить природу человеческим потребностям, будь то в качестве предмета потребления или в качестве средства производства. Соответственно этой своей тенденции капитал преодолевает национальную ограниченность и национальные предрассудки, обожествление природы, традиционное, самодовольно замкнутое в определенных границах удовлетворение существующих потребностей и воспроизводство старого образа жизни. Капитал разрушителен по отношению ко всему этому, он постоянно все это революционизирует, сокрушает все преграды, которые тормозят развитие производительных сил, расширение потребностей, многообразие производства, эксплуатацию природных и духовных сил и обмен ими.

Однако из того, что всякую подобную границу капитал рассматривает как ограничение и поэтому *идеально* выходит за ее пределы, вовсе не следует, что капитал преодолел ее *реально,* а так как каждое подобное ограничение противоречит его назначению [Bestimmung], то капиталистическое производство движется в противоречиях, которые постоянно преодолеваются, но столь же постоянно полагаются. Более того. Та универсальность, к которой неудержимо стремится капитал, находит в его собственной природе такие границы, которые на определенной ступени капиталистического развития заставят осознать, что самым большим пределом для этой тенденции является сам капитал, и которые поэтому будут влечь людей к уничтожению капитала посредством самого капитала.

Поэтому те экономисты, которые, подобно Рикардо, считают производство непосредственно тождественным с самовозрастанием стоимости капитала и которые, стало быть, не задумываясь ни о пределах потребления, ни о существующих пределах самого обращения, поскольку оно во всех пунктах должно выставлять эквиваленты, обращают внимание только на развитие производительных сил и на рост промышленного населения

и рассматривают предложение безотносительно к спросу, — поняли положительную сущность капитала правильнее и глубже, чем те экономисты, которые, подобно Сисмонди, подчеркивают пределы потребления и существующего круга эквивалентов, хотя Сисмонди глубже понял ограниченность основанного на капитале производства, его отрицательную односторонность. Рикардо больше понял универсальную тенденцию капиталистического производства, Сисмонди — его специфическую ограниченность.

Весь спор о том, возможно ли и неизбежно ли при господстве капитала *перепроизводство,* вращается вокруг вопроса: обусловливает ли непосредственно процесс возрастания стоимости капитала в производстве реализацию его стоимости в обращении; является ли [IV—20] обусловленное *процессом производства* возрастание стоимости капитала *реальным* возрастанием его стоимости. Рикардо, конечно, тоже до некоторой степени подозревает, что *меновая стоимость* не является стоимостью вне обмена и лишь посредством обмена на деле доказывает, что она есть стоимость; но те пределы, на которые в результате этого наталкивается производство, Рикардо рассматривает как случайные, как такие пределы, которые преодолеваются. Таким образом, само преодолевание подобных пределов Рикардо включает в сущность капитала, хотя в своем изложении он часто впадает в абсурд. Между тем *Сисмонди,* наоборот, подчеркивает не только то, что производство наталкивается на предел, но и то, что предел этот создается самим капиталом, который таким образом запутывается в противоречиях; в связи с этим Сисмонди чувствует, что эти противоречия должны привести капитал к гибели. Вот почему ему хотелось бы путем обычая, закона и т. д. установить внешние пределы для производства, которые, однако, именно потому, что они являются всего лишь внешними и искусственными пределами, неизбежно были бы опрокинуты капиталом. С другой стороны, Рикардо и вся его школа никогда не понимали действительных *современных кризисов,* во время которых это противоречие капитала разражается в сильных бурях, все более и более угрожающих самому капиталу как основе общества и самого производства.

Попытки отрицать наступление в некоторый данный момент *всеобщего перепроизводства,* делавшиеся с ортодоксально-экономической точки зрения, поистине детски наивны. Либо — смотри, например, Мак-Куллоха [182] — для того чтобы спасти производство, *основанное на капитале,* отвлекаются от всех его специфических свойств, от определений его понятия и рассматривают его, наоборот, как простое производство ради

непосредственной потребительной стоимости. Полностью абстрагируются от существенных отношений. В самом деле, для того чтобы капиталистическое производство очистить от противоречий, его существование прямо-таки отбрасывают и отрицают. Либо поступают более остроумно, как, например, *Милль* [183] (ему вторит пошлый Сэй): *спрос* и *предложение* объявляются тождественными и поэтому должны-де соответствовать друг другу; а именно, предложение, дескать, представляет собой спрос, измеряемый его [предложения] собственным количеством.

Здесь имеет место большая путаница: 1) эта тождественность спроса и предложения, так что последнее представляет собой спрос, измеряемый его [предложения] собственным количеством, существует в действительности лишь постольку, поскольку предложение является *меновой стоимостью*, равной определенному количеству овеществленного труда. Постольку предложение есть мера своего собственного спроса — в том, что касается *стоимости*. Но в качестве такой стоимости предложение реализуется лишь путем обмена на *деньги*, и как объект обмена на деньги оно зависит 2) от своей *потребительной стоимости*; в качестве же потребительной стоимости предложение зависит от количества существующих потребностей в нем, от степени нужды в нем. Однако в качестве потребительной стоимости предложение вовсе не измеряется овеществленным в нем рабочим временем, а к нему применяется такое мерило, которое лежит вне его природы как меновой стоимости.

Или, далее, утверждают, что *само предложение есть спрос на определенный продукт определенной стоимости* (выражающейся в требующемся количестве продукта). Таким образом, если предлагаемый продукт не может быть продан, то это доказывает, что произведено слишком много предлагаемого товара и слишком мало того товара, на который имеется спрос со стороны предлагающего. Стало быть, налицо, мол, не всеобщее перепроизводство, а перепроизводство одного или нескольких товаров и недопроизводство других товаров. При этом вновь забывают, что то, чего требует производящий капитал, — это не какая-нибудь определенная потребительная стоимость, а самодовлеющая *стоимость*, т. е. деньги; деньги не в их определении средства обращения, а как всеобщая форма богатства, или, с одной стороны, как форма реализации капитала и как форма возвращения капитала в его первоначальное, дремлющее состояние, с другой стороны.

Утверждение же, будто производится слишком *мало денег*, в сущности означает не что иное, как утверждение, что производство не совпадает с увеличением стоимости и, следовательно,

является *перепроизводством*, или — что то же самое — что оно является таким производством, продукт которого нельзя превратить в деньги, нельзя превратить в *стоимость;* является производством, не оправдывающим себя в обращении. Отсюда проистекает иллюзия денежных фокусников (также и Прудона и т. д.), будто вследствие дороговизны денег налицо недостаток *средств обращения* и поэтому следует искусственно создать больше денег. (Смотри также бирмингемцев, например «*Близнецов*» [184].)

Или говорят, что *с общественной точки зрения производство и потребление* представляют собой одно и то же и что, следовательно, никогда не может иметь место избыток одного над другим или несоответствие между ними. Под общественной точкой зрения здесь понимается такая абстракция, которая *отвлекается* как раз от определенной общественной структуры и от определенных общественных отношений, а потому также и от тех противоречий, которые из них вытекают. Так, еще *Шторх*, возражая Сэю, очень правильно заметил, что значительная часть потребления не предполагает непосредственного использования [предметов личного потребления], а является потреблением в процессе производства, например потреблением машин, угля, масла, необходимых строений и т. д. [185]. Это потребление [IV—21] отнюдь не тождественно с тем потреблением, о котором здесь идет речь. Точно так же *Мальтус* и *Сисмонди* правильно отметили, что, например, потребление рабочих отнюдь не есть то потребление, которое само по себе *удовлетворяет* капиталиста [186]. При отождествлении производства и потребления полностью выбрасывается момент увеличения стоимости, а производство и потребление просто противопоставляются друг другу, т. е. предполагается производство, базирующееся непосредственно на *потребительной стоимости*, а не на капитале.

Или же в *социалистической* формулировке: труд и обмен труда, т. е. производство и обмен продуктов (обращение) — вот в чем состоит весь процесс; раз это так, то может ли тут получиться какое-нибудь несоответствие иначе, чем из-за ошибки, из-за неправильного подсчета? Труд здесь рассматривается не как наемный труд, а капитал — не как капитал. С одной стороны, принимаются результаты производства, основанного на капитале; с другой стороны, отрицается предпосылка и условие этих результатов: необходимый труд как труд, полагаемый посредством прибавочного труда и ради него.

Или же утверждают — например, *Рикардо* [187], — что так как само производство регулируется издержками производства, то оно регулирует само себя, и если в какой-нибудь отрасли

производства не происходит увеличения стоимости, то определенное количество капитала извлекается оттуда и бросается в другое место, туда, где он нужен. Но даже если отвлечься от того, что необходимость такого выравнивания сама *предполагает* неравенство, дисгармонию, а потому и противоречие, — во всеобщем кризисе перепроизводства проявляется противоречие не между различными видами производительного капитала, а между промышленным и ссудным капиталом, между капиталом, прямо включенным в процесс производства, и таким капиталом, который в качестве денег самостоятельно (относительно самостоятельно) выступает вне процесса производства.

Наконец, предполагают просто *пропорциональное производство* (это заложено уже и у Рикардо и т. д.), [забывая о том, что] если капитал имеет тенденцию распределяться в правильных пропорциях, то точно такой же необходимой его тенденцией является выходить за пределы пропорциональности, так как капитал без всякой меры гонится за прибавочным трудом, за добавочной производительностью, за добавочным потреблением и т. д.

(В *конкуренции* эта внутренняя тенденция капитала выступает как принуждение, которое над ним производит *чужой* капитал и которое гонит его вперед за пределы правильной пропорции, беспрестанно требуя: *марш! марш!* Свободная конкуренция, как правильно подметил г-н *Уэйкфилд* в своем комментарии к Смиту [188], сколько бы о ней ни болтали, *еще никогда* не была проанализирована экономистами, хотя она и составляет основу всего буржуазного производства, покоящегося на капитале. Она понималась лишь отрицательно, т. е. как отрицание монополий, корпораций, законодательных регламентаций и т. д., как отрицание феодального производства. Но ведь она должна быть еще чем-то *для-себя*-сущим, так как только ноль есть пустое отрицание, абстрагирование от предела, который, например в форме монополий, естественных монополий и т. д., тотчас возрождается вновь. По своему понятию *конкуренция* есть не что иное, как *внутренняя природа капитала,* его существенное определение, проявляющееся и реализующееся во взаимном воздействии многих капиталов друг на друга, не что иное, как внутренняя тенденция, выступающая в форме внешней необходимости. Капитал существует и может существовать лишь в виде множества капиталов, и его самоопределение проявляется поэтому в виде взаимного воздействия капиталов друг на друга.)

Капитал в такой же мере является непрерывным полаганием *пропорционального производства,* как и его непрерывным снятием. Существующая пропорция всегда неизбежно снимается

созданием прибавочных стоимостей и ростом производительных сил. А требование, чтобы производство расширялось *одновременно* и *равномерно в одних и тех же пропорциях,* налагает на капитал такие внешние правила поведения, которые отнюдь не вытекают из него самого; в то же время выход за пределы существующих пропорций в одной отрасли производства выталкивает за рамки этих пропорций все отрасли, и притом в неодинаковых соотношениях. Так как мы до сих пор еще не дошли до определения капитала как *оборотного капитала* и еще имеем на одной стороне обращение, а на другой — капитал, т. е. имеем производство как предпосылку обращения или как ту основу, из которой оно возникает, то уже с точки зрения производства обращение имеет отношение к потреблению и к производству — иными словами, прибавочный труд выступает как эквивалент, и происходит специализация труда во все более богатой форме.

В простом понятии капитала должны *an sich* * содержаться его цивилизующие тенденции и т. д.; они должны выступать не в качестве всего лишь внешних следствий, как это делалось до сих пор в работах по политической экономии. Точно так же нужно показать, что уже в простом понятии капитала содержатся в скрытом виде те противоречия, которые позже выступают наружу.

До сих пор в процессе увеличения стоимости капитала мы отмечали лишь безразличие отдельных моментов по отношению друг к другу; то, что они внутренне обусловливают, а внешне ищут друг друга; однако при этом они могут найти друг друга или не найти, могут совпасть друг с другом или не совпасть, могут соответствовать друг другу или не соответствовать. Уже внутренняя необходимость взаимосвязанного целого и его существование в виде самостоятельных, безразличных друг к другу моментов представляют собой [IV—22] основу противоречий.

Однако это еще далеко не все. Противоречие между процессом производства и процессом увеличения стоимости — единством которых капитал является по своему понятию — должно быть сформулировано еще более имманентно, чем как всего лишь безразличное, мнимо независимое выступление отдельных моментов процесса, или, точнее, всей совокупности процессов, по отношению друг к другу.

Если подойти к делу ближе, то прежде всего *имеется предел, присущий не производству вообще, а производству, основанному на капитале.* Этот предел — двоякий, или, точнее, это один и

* — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

тот же предел, но рассматриваемый в двух направлениях. Показать здесь, что капитал содержит в себе *особое* ограничение производства, — ограничение, противоречащее всеобщей тенденции капитала переступать всякую границу производства, — будет достаточно для того, чтобы обнаружить основу *перепроизводства*, основное противоречие развитого капитала; для того, чтобы вообще обнаружить, что капитал представляет собой не *абсолютную* форму развития производительных сил, как это полагают экономисты, что капитал так же не является абсолютной формой развития производительных сил, как не является он и такой формой богатства, которая абсолютно совпадала бы с развитием производительных сил.

Те ступени развития производства, которые предшествуют капиталу, с точки зрения капитала выступают как оковы для развития производительных сил. Сам же капитал, будучи правильно понят, выступает как условие развития производительных сил до тех пор, пока последние нуждаются во внешнем пришпоривании, которое вместе с тем является их обуздыванием: дисциплинирование производительных сил, которое на известной ступени их развития становится столь же излишним и обременительным, как [в свое время средневековые] корпорации и т. д. Эти имманентные границы должны совпадать с самой природой капитала, с существенными определениями его понятия. Такими необходимыми границами являются:

1) *необходимый труд* как граница меновой стоимости живой рабочей силы, или как предел заработной платы промышленного населения;

2) *прибавочная стоимость* как граница прибавочного рабочего времени и, применительно к относительному прибавочному рабочему времени, как предел развития производительных сил;

3) что то же самое, — *превращение в деньги,* меновая стоимость вообще в качестве границы производства; иными словами, основанный на стоимости обмен, или основанная на обмене стоимость как граница производства. Это есть не что иное как

4) опять то же самое, не что иное как *ограничение производства потребительных стоимостей* меновой стоимостью; иными словами, для того чтобы вообще стать объектом производства, реальное богатство должно принять *определенную,* отличную от него самого, т. е. не абсолютно тождественную с ним форму.

С другой стороны, из *всеобщей тенденции капитала* вытекает (это же самое при простом обращении проявлялось таким образом, что деньги в качестве средства обращения выступали как

нечто всего лишь мимолетное, лишенное самостоятельной необходимости, а потому не выступали как граница и предел [процесса производства]), что капитал забывает и абстрагируется от:

1) необходимого труда как границы меновой стоимости живой рабочей силы; 2) от прибавочной стоимости как границы прибавочного труда и развития производительных сил; 3) от денег как границы производства; 4) от ограничения производства потребительных стоимостей меновой стоимостью.

Hinc * перепроизводство, т. е. внезапное *напоминание* о всех этих необходимых моментах производства, основанного на капитале; отсюда всеобщее обесценение вследствие забвения этих необходимых моментов. Вместе с тем это ставит перед капиталом задачу на более высоком уровне развития производительных сил и т. д. все снова и снова пытаться [осуществить этот выход за свои собственные пределы], каждый раз со все бо̀льшим крушением его *как капитала*. Поэтому ясно, что чем выше развитие капитала, тем в большей степени он оказывается пределом производства, — а потому также и пределом потребления, — не говоря уже о других противоречиях, которые делают капитал обременительным пределом для производства и общения.

{Все *кредитное дело,* а также связанное с ним разбухание торговли, спекуляции и т. д., покоится на необходимости расширить пределы обращения и сферы обмена и перепрыгнуть через них. В отношениях между народами это проявляется в более грандиозных масштабах, более классически, чем в отношениях между индивидами. Так, например, англичане, для того чтобы иметь чужие нации своими покупателями, вынуждены их *кредитовать.* Au fond ** английский капиталист дважды производит обмен с *производительным* английским капиталом: 1) как английский капиталист, 2) как янки и т. д. или в какой-либо иной форме, в которой он поместил свои деньги.}

{Намек на капитал как на *предел производства* имеется, например, у *Годскина:*

«При нынешнем состоянии [общества, при котором рабочие никогда не бывают собственниками капитала,] всякое накопление капитала увеличивает ту сумму прибыли, которая от них требуется, и делает невозможным всякий такой труд, который обеспечивал бы только то, что необходимо для приличного существования рабочего» [*Thomas Hodgskin.* Popular Political Economy. London, 1827, стр. 246 (Русский перевод, стр. 201)]. «*Прибыль* является ограничением производства» [189].

* — Отсюда. *Ред.*
** — В сущности. *Ред.*

Благодаря внешней торговле расширяются границы сферы обмена, и для капиталистов создается возможность потреблять большее количество прибавочного труда:

«За ряд лет весь мир может взять у нас едва ли больше, чем мы берем у мира... Даже прибыли, получаемые нашими купцами от их внешней торговли, оплачиваются здешними потребителями тех товаров, которые ввозятся взамен вывезенных... Внешняя торговля есть лишь товарообмен ради удобств и удовольствий капиталиста. [IV—23] Но он может потреблять товары только до известного предела. Он обменивает хлопчатобумажные изделия и т. д. на вина и шелка других стран. Но эти вина и шелка точно так же *представляют прибавочный труд нашего собственного населения*, как и сукна и хлопчатобумажные изделия; и этим путем *разрушительная сила капиталиста увеличивается безгранично*. Так удается *перехитрить* природу» («The Source and Remedy of the National Difficulties, deduced from Principles of Political Economy, in a Letter to Lord John Russel». London, 1821, стр. 17—18).

О том, в какой мере *переполнение рынка* связано с существующими *пределами* необходимого труда:

«Увеличенный спрос [на получение работы] со стороны рабочих означает их готовность брать себе менее значительную долю продукта и оставлять более значительную его долю тем, кто их, рабочих, нанимает; и если говорят, что это *сокращает потребление и тем самым увеличивает переполнение рынка*, то я могу лишь заметить, что *в таком случае переполнение рынка оказывается синонимом высокой прибыли*» («An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus». London, 1821, стр. 59).

В этих словах вполне выражена одна сторона противоречия [присущего капиталистическому производству].

«Практика [капитала], состоящая в том, что труд применяется капиталом только там и только тогда, где и когда он может произвести, сверх издержек на содержание рабочего, еще и прибыль для капиталиста, противоречит... естественным законам, регулирующим производство» (*Годскин*. Цит. соч., стр. 238) [Русский перевод, стр. 196].

«Чем больше капитал накопляет, тем больше возрастает *вся та сумма прибыли, которую требует себе капиталист;* тем самым создается *искусственное препятствие* [artificial check] для роста производства и населения» (там же, стр. 246) [Русский перевод, стр. 201].

Мальтус следующим образом формулирует противоречия между капиталом как орудием производства вообще и капиталом как орудием производства стоимости:

«Прибыли всегда измеряются *стоимостью*, но никогда не измеряются *количеством* [продукта]... *Богатство* страны зависит, с одной стороны, от *количества продуктов*, получаемых благодаря ее труду, а с другой стороны, от *такого приспособления этого количества к потребностям и покупательной способности наличного населения*, которое, как можно думать на основании расчетов, должно придать этому количеству продуктов стоимость. Нет более достоверного положения, чем то, что богатство не опреде-

ляется одним только из этих факторов. Но, быть может, теснее всего богатство и стоимость связаны тем обстоятельством, что *стоимость необходима для производства богатства*... Ту стоимость, которая придается товарам, т. е. тот труд, который люди готовы принести в жертву для получения этих товаров, при настоящем положении вещей можно считать *почти единственной причиной* существования богатства... Потребление и спрос, имеющие место у рабочих, занятых производительным трудом, совершенно *недостаточны* для того, чтобы давать стимул к накоплению и применению капитала... *Одни лишь производительные силы еще не обеспечивают создания соответствующей степени богатства,* точно так же как этого не обеспечивает и *рост населения*... Для этого необходимо *такое распределение продуктов* и такое приспособление этих продуктов к потребностям тех, кто их потребляет, при котором *меновая стоимость всей массы продуктов* постоянно увеличивается; ... иными словами, производительные силы в полной мере приводятся в действие только при наличии не встречающего препятствий спроса на все, что производится» («Principles of Political Economy», 2nd edition. London, 1836, стр. 266, 301, 302, 315, 361, 311, 361).

Правда, с одной стороны, такого рода спрос вызывается постоянным созданием новых отраслей производства (и *взаимно обусловленным* расширением старых), в результате чего старые отрасли получают новые *рынки* и т. д.; производство, действительно, само создает спрос, увеличивая количество рабочих в уже существующих отраслях и создавая новые отрасли, в которых новые капиталисты применяют новых рабочих и которые вместе с тем становятся, в свою очередь, рынком для старых отраслей. Однако, с другой стороны,

«спрос, создаваемый самим производительным рабочим, никогда не может быть *достаточным* спросом, ибо он не распространяется на все то количество продукта, которое рабочий производит. Если бы имело место последнее, то не было бы прибыли, а следовательно и мотива для применения труда рабочего. Само существование прибыли, приносимой какимлибо товаром, предполагает *спрос, выходящий за пределы того спроса, который предъявляется рабочими, создавшими этот товар*» [там же, стр. 405, примечание издателя]. «Как рабочие, так и капитал могут оказаться в избытке по сравнению с возможностью их прибыльного применения» [там же, стр. 414, примечание].}

{Относительно пункта 3 *, к которому мы вскоре перейдем, следует заметить, что то предварительное накопление, в качестве которого капитал выступает по отношению к труду и благодаря которому он распоряжается трудом, сначала представляет собой [с одной стороны] не что иное, как сам *прибавочный труд* в форме *прибавочного продукта,* а с другой стороны — *ордер на чужой сосуществующий* труд [190].}

Разумеется, здесь пока еще речь идет не о том, чтобы рассмотреть перепроизводство в его определенности, а только

* См. настоящий том, часть I, стр. 274. *Ред.*

о том, чтобы проанализировать зародыши перепроизводства в том виде, в каком они первоначально содержатся в самом капиталистическом отношении. Поэтому мы здесь еще и не должны принимать в расчет другие имущие и потребляющие и т. д. классы, которые не производят, а живут на свой доход, следовательно обмениваются с капиталом, образуют для него меновые центры. Мы лишь постольку можем частично затронуть вопрос об этих классах (но лучше это сделать при рассмотрении *накопления*), поскольку они имели большое значение при историческом образовании капитала.

При производстве, основанном на рабстве, точно так же как и при патриархальном сельском хозяйстве, включавшем в себя и домашнюю промышленность, когда бо̀льшая часть населения непосредственно своим трудом удовлетворяет бо̀льшую часть своих потребностей, круг обращения и обмена весьма сужен, и, в частности, в условиях рабства раб вовсе не фигурирует как *участник обмена*. При производстве же, основанном на капитале, потребление во всех пунктах опосредствовано обменом, а труд никогда не имеет *непосредственной* потребительной стоимости для того, кто трудится. Весь [IV—24] базис капиталистического производства составляет труд как меновая стоимость и как созидатель меновой стоимости.

Так вот, прежде всего: в отличие от раба наемный рабочий сам является самостоятельным центром обращения, он участник обмена, человек, создающий меновую стоимость и получающий ее посредством обмена. *Во-первых,* благодаря обмену между той частью капитала, которая определена как заработная плата, и живой рабочей силой *меновая стоимость* этой ча̀сти капитала непосредственно дана еще до того, как капитал снова выйдет из процесса производства и вступит в обращение; другими словами, сам этот обмен еще может пониматься как акт обращения. *Во-вторых,* каждому отдельному капиталисту все рабочие, за исключением его собственных, противостоят не как рабочие, а как потребители, как собственники меновых стоимостей (заработной платы), денег, которые они обменивают на его товар. Все эти рабочие являются теми центрами обращения, из которых исходит акт обмена и которые сохраняют меновую стоимость капитала. Они составляют относительно очень большую, — хотя, если иметь в виду собственно промышленных рабочих, и не столь большую, как это обычно воображают себе, — часть потребителей. Чем больше их количество, чем больше численность промышленного населения и чем значительнее та денежная масса, которой они располагают, тем больше сфера обмена для капитала. Мы видели, что тенденцией

капитала является в возможно большей степени увеличивать промышленное население *.

Собственно говоря, мы здесь еще совсем не занимаемся отношением одного капиталиста к рабочим *других* капиталистов. Это отношение показывает лишь иллюзию каждого отдельного капиталиста, но оно ничего не меняет в том отношении, в котором капитал вообще находится к труду. Поскольку дело касается своего рабочего, то каждый капиталист знает, что противостоит ему не как производитель потребителю и желает по возможности ограничить его потребление, т. е. его меновую способность, его заработную плату. Разумеется, каждый капиталист хочет, чтобы рабочие *другого* капиталиста были возможно более крупными потребителями *его* товара. Однако отношение *каждого* капиталиста к *своим* рабочим представляет собой *вообще отношение между капиталом и трудом,* существенное отношение. Но именно отсюда и возникает иллюзия — истинная для каждого отдельного капиталиста в отличие от всех других, — будто *кроме его* рабочих весь остальной рабочий класс противостоит ему как *потребитель* и *субъект обмена,* не как рабочий, а как человек, тратящий деньги. Забывают о том, что, как говорит *Мальтус,*

«само существование прибыли, приносимой каким-либо товаром, предполагает *спрос, выходящий за пределы того спроса, который предъявляется рабочим, создавшим этот товар*», и что поэтому «*спрос, создаваемый самим рабочим, никогда не может быть достаточным спросом*» [«Principles of Political Economy», 2nd edition. London, 1836, стр. 405, примечание издателя].

Так как одно производство приводит в движение другое и таким образом создает себе потребителей в лице рабочих *чужого* капитала, то для каждого отдельного капитала спрос рабочего класса, создаваемый самим производством, *представляется* «достаточным спросом». Этот спрос, создаваемый самим производством, гонит производство за пределы той *пропорции,* в рамках которой оно должно было бы осуществляться с учетом [платежеспособного спроса] рабочих; с одной стороны, производство вынуждено выходить за эти пределы; с другой стороны, если спрос, «*выходящий за пределы спроса, создаваемого самим рабочим*», исчезает или сокращается, то наступает крах. Тогда сам капитал рассматривает *спрос со стороны рабочего* — т. е. выплату заработной платы, на которой основан этот спрос, — не как барыш, а как убыток. Иными словами, здесь дает себя знать *имманентное отношение между капиталом и трудом.*

* Вслед за этим абзацем в рукописи в виде отдельной строки рукою Маркса написано: «*Январь (1858)*». Репродукцию этой страницы рукописи см. на странице 399 I части настоящего тома. *Ред.*

24-я страница IV тетради рукописи
«Критика политической экономии»

Опять-таки именно конкуренция капиталов, их безразличие и самостоятельность по отношению друг к другу приводят здесь к тому, что каждый отдельный капитал относится к рабочим всего остального капитала *не как к рабочим.* Hinc * — неудержимое стремление выйти за пределы правильной пропорции. От [докапиталистических] отношений господства капитал отличается именно тем, что *рабочий* противостоит ему как потребитель, полагающий меновую стоимость, противостоит в форме *владельца денег,* в качестве денег, в виде простого центра обращения, — он становится одним из бесконечно многих центров обращения, в результате чего стирается его определенность как рабочего.

{Точно так же обстоит дело и с создаваемым самим производством спросом на сырье, полуфабрикаты, машины, средства сообщения и на вспомогательные материалы, применяемые в производстве: красители, уголь, сало, мыло и т. д. До тех пор пока обмен происходит между самими производителями, этот спрос, в качестве платежеспособного, полагающего меновую стоимость спроса, является достаточным и удовлетворительным. Его недостаточность обнаруживается сразу же, как только конечный продукт находит свою границу в непосредственном и окончательном потреблении. Эта *видимость* [достаточного спроса], которая гонит производство за пределы правильной пропорции, также основана на сущности капитала, *представляющей собой* — это следует подробнее рассмотреть в связи с конкуренцией — нечто отталкивающееся от самого себя, т. е. множество капиталов, совершенно безразличных по отношению друг к другу. Поскольку один капиталист *покупает* у другого, покупает товары или продает их, постольку они находятся между собой в простом меновом отношении; они не относятся друг к другу в качестве капитала. Та *правильная* (воображаемая) пропорция, в которой они должны обмениваться друг с другом, чтобы в конечном счете иметь возможность в качестве капитала увеличить свою стоимость, — лежит *вне* их отношения между собой.}

Прежде всего: капитал принуждает рабочих к прибавочному труду сверх необходимого труда. Только таким путем капитал увеличивает свою стоимость и создает прибавочную стоимость. Но, с другой стороны, капитал полагает необходимый труд лишь *постольку* и лишь *в той мере, в какой* [применяемый им] труд есть прибавочный труд, который *может быть реализован* в виде *прибавочной стоимости.* Следовательно, капитал полагает

* — Отсюда. *Ред.*

прибавочный труд в качестве условия необходимого труда, а прибавочную стоимость — в качестве границы для овеществляемого труда вообще, т. е. для стоимости вообще. Коль скоро капитал не может полагать прибавочного труда, он не полагает и необходимого труда, а на капиталистической основе полагать необходимый труд может только капитал. Таким образом, капитал ограничивает — как говорят англичане, посредством artificial check * — труд и созидание стоимости, и притом по той же причине, по которой он полагает прибавочный труд и прибавочную стоимость, и в той мере, в какой он их полагает. Следовательно, по самой своей природе капитал полагает [IV—25] *предел* для труда и созидания стоимости, находящийся в противоречии с тенденцией капитала к их беспредельному расширению. И поскольку капитал, с одной стороны, полагает *специфические* для него пределы, а с другой стороны — гонит производство к выходу за *всякие* пределы, он есть живое противоречие.

{Так как основой капитала является стоимость и, следовательно, капитал не может существовать иначе, как посредством обмена на *эквивалент своей стоимости,* то он неизбежно отталкивает себя от самого себя. Поэтому *универсальный капитал,* без противостоящих ему чужих капиталов, с которыми он совершает обмен, — а с той точки зрения, на которой мы сейчас находимся в нашем исследовании, капиталу не противостоит ничего, кроме наемного труда и его самого, — есть нелепость. Уже в капитале как реализованной меновой стоимости заложено отталкивание капиталов друг от друга.}

Если, таким образом, капитал, с одной стороны, делает прибавочный труд и *обмен* его на [другой] *прибавочный труд* ** условием необходимого труда и, стало быть, условием того, что *рабочая сила* становится меновым центром, — и уже по этой причине суживает и обусловливает сферу обмена, — то, с другой стороны, для капитала не менее важно ограничить потребление рабочего предметами, необходимыми для воспроизводства его рабочей силы, *стоимость,* выражающую *необходимый труд,* сделать пределом реализации стоимости рабочей силы, а потому и *меновой способности* рабочего, и пытаться свести к минимуму отношение этого необходимого труда к прибавочному труду. Это ведет к новому ограничению сферы обмена, которое, однако, совершенно так же как и первое, тождественно с тенденцией капитала относиться ко всякой границе самовозрастания его

* — искусственного препятствия. См. настоящий том, часть I, стр. 395. *Ред.*

** — т. е. реализацию его в процессе обмена. *Ред.*

стоимости как к [подлежащему преодолению] пределу. Таким образом, не знающее меры увеличение стоимости капитала — не знающее меры полагание стоимости — здесь абсолютно тождественно с ограничением сферы обмена, т. е. с ограничением возможности увеличения стоимости, реализации стоимости, созданной в процессе производства.

Точно так же обстоит дело с *производительной силой*. С одной стороны, капитал имеет тенденцию с необходимостью повышать до крайности производительную силу, чтобы увеличить относительное *прибавочное время*. С другой стороны, тем самым сокращается *необходимое рабочее время*, а следовательно, и меновая способность рабочих. Далее, как мы видели *, относительная *прибавочная стоимость* возрастает в гораздо меньшей степени, чем производительная сила, причем это отношение [прироста прибавочной стоимости к приросту производительной силы] постоянно уменьшается, и тем значительнее, чем сильнее уже возросла производительная сила. *Но масса продуктов растет в аналогичной пропорции;* если бы это было не так, то высвободился бы новый капитал, точно так же как и труд, — которые не вошли бы в обращение. Однако по мере того как возрастает масса продуктов, возрастает и трудность реализовать содержащееся в них рабочее время, ибо требуется все большее расширение потребления.

(Пока мы занимаемся здесь только вопросом о том, что процесс *увеличения стоимости* капитала оказывается одновременно процессом его *обесценения*. Вопрос о том, в какой мере капитал, имея тенденцию *безгранично повышать производительные силы, вместе с тем* делает односторонней, лимитирует и т. д. *главную производительную силу* — самого *человека,* — вообще, в какой мере капитал имеет тенденцию ограничивать производительные силы, к этому месту не относится.)

Итак, капитал делает *необходимое рабочее время* пределом для меновой стоимости живой рабочей силы, *прибавочное рабочее время* — пределом для необходимого рабочего времени, а *прибавочную стоимость* — пределом для прибавочного рабочего времени; в то же время капитал гонит производство к выходу за все эти пределы, поскольку *рабочую силу* он противопоставляет себе просто как участника обмена, как деньги, а единственным пределом прибавочной стоимости он полагает ее созидателя — прибавочное рабочее время. (Или, имея в виду первую сторону этого отношения, можно сказать, что обмен прибавочных стоимостей капитал делает пределом для обмена необходимых стоимостей.)

---

* См. настоящий том, часть I, стр. 291—301. *Ред.*

В одно и то же время капитал, с одной стороны, делает пределом, необходимым пределом для созидания им стоимостей те *стоимости*, которые уже *наличествуют* в обращении, или, что то же самое, то соотношение, в котором создаваемая им стоимость находится к стоимости, *уже ранее существовавшей* в нем самом и в обращении; а с другой стороны, он единственным пределом и созидателем стоимостей полагает свою производительность. Таким образом, с одной стороны, капитал постоянно и неудержимо ведет к своему собственному обесценению, с другой стороны — к торможению роста производительных сил и труда, овеществляющегося в стоимостях.

[3) ОТРИЦАНИЕ ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА БУРЖУАЗНЫМИ ЭКОНОМИСТАМИ. НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА ОБЪЯСНЕНИЯ ЕГО У ПРУДОНА.] КАК ЭТО ВОЗМОЖНО, ЧТО РАБОЧИЙ В ЦЕНЕ ПОКУПАЕМОГО ИМ ТОВАРА ОПЛАЧИВАЕТ ПРИБЫЛЬ и т. д. И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ПОЛУЧАЕТ СВОЮ НЕОБХОДИМУЮ ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ

{Нелепая мысль о невозможности перепроизводства (иными словами, тезис о непосредственном тождестве процесса капиталистического производства и процесса увеличения стоимости капитала) по меньшей мере софистически, т. е. остроумно, выражена Джемсом Миллем, как уже упоминалось выше *, в том смысле, что предложение равно своему собственному спросу, т. е. что спрос и предложение покрывают друг друга. Это, иными словами, означает лишь то, что стоимость определяется рабочим временем и что, следовательно, *обмен ничего к ней не добавляет*, — однако с забвением того, что для реализации стоимости необходим обмен и что от *потребительной стоимости* (в конечном счете) зависит, состоится обмен или не состоится. Стало быть, как говорит Милль, если спрос и предложение не покрывают друг друга, то это происходит оттого, что одного определенного продукта (предлагаемого) произведено слишком много, а другого (пользующегося спросом) — слишком мало. Это «слишком много» и «слишком мало» касается не меновой стоимости, а потребительной стоимости. Предлагаемого продукта больше, чем его «требуется»; в этом гвоздь вопроса. Получается, что перепроизводство проистекает из потребительной стоимости, а потому — из самого обмена.

У Сэя это дано в еще более глупой форме: продукты обмениваются только на продукты [191]; поэтому, в крайнем случае,

---

* См. настоящий том, часть I, стр. 389. *Ред.*

бывает только так, что произведено слишком много одного продукта и слишком мало другого. При этом он забывает: 1) что друг на друга обмениваются стоимости и что один продукт лишь постольку обменивается на другой продукт, поскольку он является стоимостью, т. е. поскольку он является деньгами или становится ими; 2) что продукты обмениваются и на труд. Этот молодец становится на позицию *простого обмена,* при котором и в самом деле не может быть перепроизводства, ибо там действительно дело идет не о меновой стоимости, а о потребительной стоимости. Перепроизводство имеет место в связи с увеличением стоимости, не иначе.}

[IV—26] Прудон, который, правда, слышит звон, но никогда не знает, откуда он, выводит перепроизводство из того, что «рабочий не может выкупить свой продукт» [192]. Под этим он подразумевает, что на этот продукт начисляются процент и прибыль, иными словами, что цена продукта превосходит его действительную стоимость. Прежде всего это доказывает, что Прудон ничего не смыслит в определении стоимости, которое, вообще говоря, не может включать в себя никаких надбавок. В торговой практике капиталист *A* может объегорить капиталиста *B*. То, что выигрывает один, то теряет другой. Но если сложить выручку обоих капиталистов, то сумма их обмена равна сумме овеществленного в их товарах рабочего времени; только капиталист *A* положил в свой карман больше, чем ему полагалось по сравнению с капиталистом *B*. Из всей выручки, которую получает капитал, т. е. совокупная масса капиталистов, отпадает: 1) постоянная часть капитала, 2) заработная плата, или овеществленное рабочее время, необходимое для воспроизводства живой рабочей силы. Следовательно, капиталисты не могут поделить между собой ничего, кроме прибавочной стоимости. Те пропорции — справедливые или несправедливые, — в которых они делят между собой эту прибавочную стоимость, абсолютно ничего не меняют в самòм обмене между капиталом и трудом и в условиях этого обмена.

Можно было бы сказать, что *необходимое рабочее время* (т. е. заработная плата), которое, таким образом, не заключает в себе прибыли, а, наоборот, подлежит вычету из выручки капиталиста, само в свою очередь определяется *ценами* продуктов, уже заключающими в себе прибыль. В противном случае, откуда бралась бы прибыль, получаемая капиталистом при обмене с тем рабочим, которого он непосредственно не применяет? Например: рабочий фабриканта-прядильщика обменивает свою заработную плату на столько-то бушелей зерна. Но в цене каждого бушеля уже заключена прибыль фермера, т. е.

капитала. Таким образом, в *цене* тех жизненных средств, которые покупает само необходимое рабочее время, уже заключено прибавочное рабочее время. Прежде всего ясно, что та заработная плата, которую фабрикант-прядильщик платит своим рабочим, должна быть достаточно велика, чтобы на нее можно было купить необходимое количество бушелей пшеницы, какова бы ни была прибыль фермера, заключающаяся в *цене* бушеля пшеницы; но, с другой стороны, ясно также и то, что заработная плата, выплачиваемая фермером своим рабочим, должна быть достаточно велика, чтобы обеспечить им необходимое количество одежды, какова бы ни была прибыль фабриканта-прядильщика и фабриканта-ткача, заключающаяся в *цене* этой одежды.

[IV—27] Вся штука просто в том, что 1) смешиваются *цена* и *стоимость;* 2) привносятся отношения, не имеющие касательства к определению стоимости как таковому.

Предположим прежде всего — это соответствует самому понятию отношения между капиталом и трудом, — что капиталист *А* сам производит все те жизненные средства, в которых нуждается рабочий, которые, иными словами, представляют собой сумму тех потребительных стоимостей, в которых овеществляется его необходимый труд. Таким образом, на деньги, которые рабочий получает от капиталиста, — деньги в этой сделке выступают только в качестве средства обращения, — рабочему пришлось бы выкупить у капиталиста ту часть продукта, в которой представлен его необходимый труд. *Цена* соответствующей части продукта капиталиста *А* для рабочего, разумеется, та же, что и для любого другого участника обмена. С того момента, как рабочий начинает покупать у капиталиста, его специфическое качество рабочего погашается; в его деньгах исчезает всякий след того отношения и той операции, посредством которых они получены; в обращении рабочий противостоит капиталисту просто как *Д* [деньги], а капиталист противостоит рабочему как *Т* [товар]; рабочий противостоит капиталисту как реализующий *цену* товара *Т*, которая поэтому для рабочего так же предустановлена, как и для всякого иного представителя *Д*, т. е. для всякого иного покупателя.

Прекрасно. Однако в цене той доли товара, которую покупает рабочий, заключена прибыль, в виде которой выступает достающаяся капиталисту прибавочная стоимость. Поэтому если необходимое рабочее время рабочего представлено 20 талерами, которым соответствует определенная доля продукта, и если прибыль равна 10%, то капиталист продает свой товар рабочему за 22 талера.

Так думает Прудон и делает отсюда вывод, что рабочий не может выкупить свой продукт, т. е. ту часть совокупного продукта, в которой овеществлен его *необходимый труд*. (К другому заключению Прудона, будто *поэтому* капитал не способен к адекватному обмену и будто *поэтому* имеет место перепроизводство, — мы сейчас вернемся.) Чтобы сделать проблему более наглядной, допустим, что 20 талеров [заработной платы] рабочего равны 4 шеффелям * зерна. Согласно Прудону, если 20 талеров представляют собой выраженную в деньгах стоимость 4 шеффелей зерна, а капиталист продает их за 22 талера, то рабочий не мог бы выкупить 4 шеффеля, а мог бы купить только $3^7/_{11}$ шеффеля. Иными словами, Прудон воображает, что денежная сделка искажает имеющиеся здесь отношения. 20 талеров — цена необходимого труда — равны 4 шеффелям; и эту цену капиталист дает рабочему; но когда рабочий за свои 20 талеров хочет получить эти 4 шеффеля, он получает только $3^7/_{11}$ шеффеля. Так как рабочий тем самым не получал бы *необходимой* заработной платы, то он вообще не мог бы жить, и таким образом г-н Прудон доказал бы даже больше, чем хотел.

{Сюда не относится то обстоятельство, что в практике существует как общая тенденция, так и непосредственная попытка капитала путем продажи товаров выше *цены*, как например при системе выдачи заработной платы товарами, надуть *необходимый* труд и сократить заработную плату ниже ее нормального уровня, — как физического, так и обусловленного определенным состоянием общества. Мы здесь всюду должны предполагать, что выплачивается *экономически* справедливая заработная плата, т. е. заработная плата, определяемая общими законами политической экономии. Противоречия должны здесь вытекать из самих общих отношений, а не из жульничества отдельных капиталистов. А как все это затем складывается в реальной действительности, относится к учению о заработной плате.}

Однако предпосылка у г-на Прудона, не в обиду будь ему сказано, — ложная. Если 5 талеров выражают *стоимость* одного шеффеля, т. е. выражают овеществленное в нем рабочее время, а 4 шеффеля выражают необходимую заработную плату, то капиталист *А* продает эти 4 шеффеля не за 22 талера, как думает Прудон, а за 20 талеров. При этом дело обстоит следующим образом. Пусть совокупный продукт (включающий необходимое и прибавочное рабочее время) составляет 110 талеров и равен 22 шеффелям; из них 16 шеффелей, равные 80 талерам,

* Шеффель — старинная немецкая мера сыпучих тел. *Ред.*

представляют капитал, затраченный на семена, машины и т. д.; 4 шеффеля, равные 20 талерам, представляют необходимое рабочее время; 2 шеффеля, равные 10 талерам, — прибавочное рабочее время. Капиталист продает каждый шеффель по 5 талеров, по необходимой стоимости шеффеля, и тем не менее он получает на каждый шеффель 10% прибыли, или $^1/_2$ талера, т. е. 15 зильбергрошенов. Отчего получается эта прибыль? Оттого, что капиталист продает все зерно за 22 × 5 талеров вместо 20 × 5. Тот капитал, который он должен затратить, чтобы произвести на 2 шеффеля больше, мы можем принять равным 0, так как эти 2 шеффеля могут целиком сводиться к прибавочному труду, затраченному на более тщательную вспашку земли, на выпалывание сорняков, на внесение в почву органических удобрений, которые, допустим, ничего не стоят капиталисту, и т. д.

[IV—28] Стоимость, содержащаяся в двух добавочных шеффелях, *ничего не стоила капиталисту*, а потому она образует избыток над его затратами. То обстоятельство, что из этих 22 шеффелей 20 шеффелей капиталист продает за 100 талеров (т. е. за те деньги, которых ему стоило производство этих шеффелей), а 2 шеффеля, которые не стоили ему ничего, но стоимость которых равна содержащемуся в них труду, он продает за 10 талеров, — это для капиталиста то же самое, как если бы он [продавая 20 шеффелей] брал за каждый из этих 20 шеффелей на 15 зильбергрошенов больше того, что он ему стоил (на 10% от 5 талеров, т. е. на $^1/_2$ талера больше). Таким образом, хотя капиталист и наживает 2 талера на проданных рабочему 4 шеффелях, рабочий получает шеффель по его необходимой стоимости. Капиталист наживает на проданных рабочему 4 шеффелях 2 талера только потому, что кроме этих 4 шеффелей он продает еще 18 по той же цене. Если бы [помимо 4 шеффелей, проданных рабочему] капиталист продал только 16 шеффелей, он не нажил бы ничего, так как выручил бы тогда всего 5 × 20, т. е. 100 талеров, затраченный им капитал.

В обрабатывающей промышленности капиталист фактически тоже может продавать содержащуюся в продукте прибавочную стоимость без какого бы то ни было увеличения затрат своего капитала; т. е. здесь не является необходимым, чтобы для этого возрастали затраты на сырье и машины. Допустим, что один и тот же продукт посредством одного только ручного труда — количество необходимого сырья и орудий принимается постоянным — получает более законченную форму, приобретает более высокую потребительную стоимость, т. е. что в результате приложения большего количества ручного труда воз-

растает потребительная стоимость продукта, возрастает не посредством увеличения количества продукта, а вследствие повышения его качества. Меновая стоимость продукта — овеществленный в нем труд — возрастает просто пропорционально этому труду. Если капиталист в этом случае будет продавать свой продукт на 10% дороже, то рабочему будет уплачена соответственная часть продукта, выраженная в деньгах и представляющая необходимый труд, и если продукт поддается делению, то рабочий сможет эту часть купить. Прибыль капиталиста в этом случае проистекала бы не из того, что эту часть продукта он продает рабочему с надбавкой к ее стоимости, а из того, что, продавая весь продукт, он продает также и ту часть продукта, за которую он ничего не заплатил и которая как раз и представляет *прибавочное рабочее время*.

Как стоимость продукт всегда делим; но в своей натуральной форме он не обязательно должен быть делимым. Прибыль здесь всегда проистекает из того, что совокупная стоимость всего продукта содержит в себе определенную часть, которая не была оплачена капиталистом, и поэтому в каждой доле целого содержится некоторая часть прибавочного труда, оплачиваемая покупателем. Именно так обстоит дело в вышеприведенном примере. Когда капиталист продает 22 шеффеля, т. е. в числе этих 22 шеффелей продает 2 шеффеля, представляющие прибавочный труд, то это то же самое, как если бы он на каждый шеффель [из 20 оплаченных им] продавал лишнюю $^1/_{10}$ шеффеля, т. е. получал бы с каждого шеффеля $^1/_{10}$ [его стоимости в качестве] прибавочной стоимости. Если, например, при том же самом соотношении между трудом, капиталом и прибавочной стоимостью были изготовлены только одни часы, то посредством затраты $^1/_{10}$ прибавочного рабочего времени качество этих часов повысилось на $^1/_{10}$ их стоимости, и это повышение ничего не стоило капиталисту.

Третий случай — тот, когда капиталисту, как это чаще всего бывает в обрабатывающей промышленности (но не в добывающей промышленности), [для создания прибавочной стоимости] требуется больше сырья, в котором овеществляется прибавочное рабочее время (количество орудий пусть остается постоянным; однако ничего не изменится, если это количество также будет переменной величиной).

(Собственно говоря, это сюда еще не относится, так как здесь вполне можно или должно предположить, что сырье, например хлопок, также производится капиталом, а производство прибавочного продукта в каком-нибудь пункте обращения должно сводиться к *одному только* прибавочному труду или —

что ближе к *действительности* — предполагает наличие *одновременного* прибавочного труда во всех пунктах обращения.)

Предположим, что капиталист перерабатывает 25 фунтов хлопка, которые сто̀ят ему 50 талеров, и что для этой цели ему требуется машин (относительно которых мы принимаем, что они полностью потребляются в процессе производства) на 30 талеров и 20 талеров — для выплаты заработной платы; капиталист изготовляет из этого хлопка 25 фунтов пряжи, которые он продает за 110 талеров. В этом случае фунт пряжи он продает за $4^2/_5$ талера, т. е. за 4 талера 12 зильбергрошенов. Таким образом, если рабочий захочет купить пряжу [на свою заработную плату], он получит этой пряжи $4^6/_{11}$ фунта. Если бы рабочий работал на себя, он тоже продавал бы фунт пряжи за 4 талера 12 зильбергрошенов, но не создавал бы никакой прибыли: предполагается, что он выполнял бы только необходимый труд; но при этом он перерабатывал бы меньшее количество хлопка.

[IV—29] Как мы знаем, стоимость фунта пряжи состоит исключительно из количества овеществленного в ней рабочего времени. Предположим теперь, что стоимость фунта пряжи равна 5 талерам. Допустим, что $^4/_5$ этой суммы, т. е. 4 талера, представляют хлопок, орудие и т. д.; тогда один талер представляет труд, овеществленный с помощью орудия в хлопчатобумажной пряже. Если рабочему требуется, скажем, 20 талеров в месяц, для того чтобы прожить за счет прядения, то он должен изготовлять 20 фунтов пряжи, так как при изготовлении одного фунта пряжи он зарабатывает один талер, а должен он заработать 20 талеров. Если бы рабочий сам владел хлопком, орудием и т. д. и работал на самого себя, т. е. был бы сам себе хозяином, то он должен был бы продавать 20 фунтов пряжи, так как на каждом фунте он зарабатывал бы только $^1/_5$ [его стоимости], один талер, а $1 \times 20 = 20$ талеров. Если рабочий работает на капиталиста, то труд по переработке 20 фунтов хлопка представляет собой только необходимый труд; ибо согласно предположению из 20 фунтов пряжи, т. е. из $20 \times 5 = 100$ талеров, 80 талеров представляют только закупленный капиталистом хлопок и орудие, а вновь воспроизведенная стоимость представляет только *необходимый труд*.

Из 20 фунтов пряжи 4 фунта, равные 20 талерам, представляли бы необходимый труд, а 16 фунтов представляли бы только постоянную часть капитала ($16 \times 5 = 80$ талеров). В каждом последующем фунте пряжи, который капиталист заставит рабочего изготовить сверх этих 20 фунтов, содержится $^1/_5$ прибавочного труда, являющаяся для капиталиста прибавочной

стоимостью. (Овеществленный труд, который капиталист продает, не заплатив за него.) Если капиталист заставит рабочего выпрясть на один фунт пряжи больше, то он наживет один талер, если он заставит рабочего выпрясть на 10 фунтов пряжи больше, то наживет 10 талеров. Из 10 фунтов пряжи, т. е. из 50 талеров [вырученных за прибавочный продукт], капиталист получил бы 40 талеров в возмещение своих затрат и 10 талеров прибавочного труда; иными словами, он имел бы 8 фунтов пряжи, чтобы купить материал для производства 10 фунтов пряжи (машины и хлопок), и 2 фунта пряжи, или их стоимость, которые не стоили бы ему ничего.

Если мы теперь сведем воедино расчет капиталиста, то найдем:

Затраты капиталиста		Прибавочная стоимость	[Стоимость продукта]
[Постоянный капитал]	Заработная плата		
80 + 40 = 120 талеров (сырье, орудие и т. д.)	20 талеров	10 талеров	150 талеров

Всего капиталист произвел 30 фунтов пряжи (30 × 5 = 150 талеров); фунт пряжи он продает за 5 талеров, что в точности соответствует *стоимости* одного фунта, т. е. определяется исключительно овеществленным в фунте пряжи трудом, от которого пряжа только и получает свою стоимость. Из этих 30 фунтов пряжи 24 фунта представляют постоянный капитал, 4 фунта идут на заработную плату, а 2 фунта образуют *прибавочную стоимость*. Если эту прибавочную стоимость исчислить, как это делает капиталист, по отношению ко всей сумме его затрат, которые составляют 140 талеров (или 28 фунтов пряжи), то она составит $^1/_{14}$, т. е. $7^1/_7\%$ (хотя по отношению к [необходимому] труду прибавочная стоимость в данном примере составляет 50%).

[IV—30] Предположим, что производительность труда возросла настолько, что капиталист имеет возможность при той же самой затрате на труд произвести [не 30, а] 40 фунтов пряжи. Согласно нашему предположению, он будет продавать эти 40 фунтов по их действительной стоимости, а именно по 5 талеров за фунт, из которых 4 талера представляют труд, овеществленный в хлопке и т. д., а один талер представляет вновь присоединенный труд. Таким образом, капиталист будет продавать

40 фунтов пряжи по 5 талеров за фунт, всего за 40×5, т. е. за 200 талеров; из этих 40 фунтов пряжи на необходимый труд [вместе с затратой 80 талеров постоянного капитала, требующегося для переработки 20 фунтов хлопка в течение необходимого труда] приходится 20 фунтов пряжи, т. е. 100 талеров. Остается 100 талеров. На первых 20 фунтах пряжи капиталист не нажил ни гроша; из остальной сотни талеров $^4/_5$, т. е. 4×20, т. е. 80 талеров, идут на материал и т. д. [требующийся для осуществления прибавочного труда]. Остается 20 талеров [прибыли].

На затрату в 180 талеров капиталист нажил бы 20 талеров, или $11^1/_9\%$; $11^1/_9\%$ по отношению к совокупным затратам. Но фактически капиталист получил эти 20 талеров со второй сотни талеров, или со вторых 20 фунтов пряжи, где он ничего не заплатил за овеществленный в них труд.

Предположим теперь, что капиталист в состоянии изготовить вдвое больше пряжи, т. е. 80 фунтов, которые он продает за 400 талеров. Из них на необходимый труд [вместе с затратой 80 талеров постоянного капитала, требующегося для переработки 20 фунтов хлопка в течение необходимого труда] уходит 20 фунтов пряжи, или 100 талеров. Остается 300 талеров, из которых на материал и т. д. [требующийся для осуществления прибавочного труда] уходит $^4/_5$, т. е. 240 талеров. Остается 60 талеров. Прибыль в 60 талеров на 340 талеров [совокупных затрат] составляет $17^{11}/_{17}\%$. В предыдущем же примере затраты капиталиста составляют только 180 талеров, на которые он наживает 20 талеров, или $11^1/_9\%$.

Чем меньше становится та доля затрат, которая представляет необходимый труд, тем больше прибыль, хотя она и не находится в каком-либо видимом отношении к действительной прибавочной стоимости, т. е. к прибавочному труду. Например, для того чтобы нажить $11^1/_9\%$ прибыли, капиталист должен изготовить 40 фунтов пряжи; рабочему же [если бы он работал на себя] требуется выпрясть только 20 фунтов пряжи, что соответствует его необходимому труду. Прибавочный труд в примере с $11^1/_9\%$ прибыли равен необходимому, что дает 100% прибавочной стоимости. Это наш старый закон. Но это — не тот вопрос, о котором идет речь здесь.

В приведенном выше примере, где речь шла о производстве 40 фунтов хлопчатобумажной пряжи, *действительная стоимость* фунта составляет 5 талеров, и рабочий, — если бы он вел свое собственное дело *как такой работник*, который мог бы сам себя авансировать, чтобы иметь возможность увеличивать стоимость сырья и т. д. настолько, насколько это нужно для того, чтобы он мог жить как рабочий, — продавал бы, как и

капиталист, фунт пряжи за 5 талеров. Но он производил бы только 20 фунтов пряжи и из суммы, вырученной от их продажи, $^4/_5$ тратил бы на покупку нового сырья, а $^1/_5$ — на жизнь. Из вырученных 100 талеров рабочий оставлял бы себе только свою заработную плату. Прибыль капиталиста проистекает не из того, что он слишком дорого продает фунт пряжи — он продает его *точно* по его *стоимости,* — а из того, что капиталист продает его дороже тех *издержек производства,* которых этот фунт пряжи сто̀ит *ему* (но не дороже тех издержек производства, которых фунт пряжи сто̀ит сам по себе; ведь $^1/_5$ [стоимости пряжи, составляющая прибыль капиталиста] сто̀ит рабочему его прибавочного труда). Если бы капиталист продавал фунт пряжи дешевле, чем за 5 талеров, то он продавал бы его *ниже* стоимости, а покупатель получал бы даром $^1/_5$ часть труда, содержащуюся в каждом фунте пряжи сверх затрат капиталиста.

Однако капиталист считает следующим образом: если стоимость одного фунта пряжи составляет 5 талеров, то стоимость 40 фунтов равна 200 талерам; из этой суммы вычитаются издержки — 180 талеров; остается 20 талеров. Капиталист считает не так, что он наживает 20 талеров на [IV—31] вторых 100 талерах, а так, что он наживает 20 талеров на всей сумме своих затрат в 180 талеров. Это дает ему величину прибыли в $11^1/_9\%$ вместо 20%. Далее капиталист высчитывает, что для того чтобы получить такую прибыль, ему надо продать 40 фунтов пряжи. 40 фунтов по 5 талеров дают ему не $^1/_5$, или 20% прибыли, а 20 талеров, распределенные на 40 фунтов, т. е. $^1/_2$ талера на фунт пряжи. При той цене, по которой капиталист продает фунт пряжи, он наживает $^1/_2$ талера на каждых 5 талерах; или один талер на каждых 10 талерах; наживает 10% от продажной цены.

Цена [совокупного продукта] определяется ценой единицы продукта (1 фунт), помноженной на проданное количество единиц; в данном случае: один фунт пряжи по 5 талеров $\times 40$. Насколько такое определение цены правильно для мошны капиталиста, настолько же оно в теории способно ввести в заблуждение, ибо дело здесь выглядит так, как будто в каждом отдельном фунте пряжи имеет место превышение его *действительной* стоимости, а возникновение прибавочной стоимости, содержащейся в каждом отдельном фунте пряжи, становится незаметным. Это *определение цены посредством умножения стоимости единицы (меры) потребительной стоимости (фунт, аршин, центнер и т. д.) на то количество этих единиц, которое произведено,* будет иметь важное значение позже в теории цен. Отсюда, между прочим, следует, что снижение цены единицы продукта

и возрастание количества этих единиц — что имеет место в результате роста производительных сил — показывает, что прибыль по отношению к [необходимому] труду возрастает, или что необходимый труд по отношению к прибавочному труду сокращается, — а не наоборот, как полагает г-н Бастиа [193] и другие.

Если бы, например, производительность труда возросла настолько, что рабочий за то же самое время производил бы вдвое больше фунтов пряжи, чем раньше, — причем предполагается, что, например, один фунт пряжи, сколько бы он ни стоил, оказывает рабочему одинаковую услугу и что для того, чтобы прожить, рабочему требуется только пряжа, одежда, — то в 20 фунтах пряжи [которые покрывают оплату труда рабочего вместе с затратой постоянного капитала, требующегося для создания этих 20 фунтов пряжи] стоимость, вновь присоединенная трудом, составляла бы уже не $^1/_5$, а [скажем] только $^1/_{10}$, так как рабочий превращал бы 20 фунтов хлопка в пряжу за половину прежнего времени. К 80 талерам, которых стоит сырой материал, прибавилось бы, таким образом, уже не 20 талеров, а только 10. 20 фунтов пряжи стоили бы 90 талеров, а один фунт — $^{90}/_{20}$, т. е. $4^1/_2$ талера [194].

Однако если бы совокупное рабочее время оставалось тем же, то в этом случае труд вместо 40 фунтов хлопка превращал бы в пряжу 80 фунтов. 80 фунтов пряжи, считая по $4^1/_2$ талера за фунт, сто́ят 360 талеров.

Расчет капиталиста был бы таков:

Валовая выручка составляет 360 талеров; на оплату труда [вместе с оплатой постоянного капитала, затрачиваемого в течение необходимого труда] уходит 90 талеров; остается 270 талеров. Из них на затраты [требующиеся для осуществления прибавочного труда] идет 240 талеров. Остается 30 талеров. Таким образом, прибыль капиталиста составляла бы 30 талеров вместо 20 [которые он получал до удвоения производительности труда], хотя на каждый фунт пряжи капиталист получал бы меньше прибыли [чем до удвоения производительности труда] [195]. Совокупные затраты капиталиста составляют теперь 330 талеров; это дает [норму прибыли в] $9^1/_{11}\%$.

Прибыль капиталиста, получаемая со стоимости меры (единицы) потребительной стоимости — фунта, аршина, квартера и т. д., — уменьшается пропорционально уменьшению отношения живого труда (вновь присоединяемого труда) к сырью и т. д.; иными словами, пропорционально уменьшению рабочего времени, необходимого для того, чтобы придать сырью ту форму, которую выражает соответствующая единица (аршин сукна и т. п.). Но, с другой стороны, так как это уменьшение рабочего

времени, требующегося для производства единицы продукта, тождественно с большей производительностью труда, или с ростом прибавочного рабочего времени, то возрастает и количество этих единиц, в которых содержится прибавочное рабочее время, т. е. возрастает то рабочее время, за которое капиталист не платит [196].

Из вышесказанного вытекает, далее, что цена может упасть *ниже* стоимости, а капитал все же может получать прибыль; для этого он только должен продавать такое количество продукта, чтобы произведение этого количества на цену единицы продукта превышало произведение количества продукта на [сумму затрат, приходящихся на] единицу продукта и состоящих из необходимой цены труда [и постоянного капитала]. Если отношение [прибавочного] труда к сырью и другим затратам составляет $^1/_5$, то капиталист может, например, продавать свой товар только на $^1/_{10}$ [IV—32] выше постоянной стоимости [его затрат], так как прибавочный труд ему *ничего не стоит*. В этом случае капиталист дарит потребителю [половину прибавочного труда, составляющую] $^1/_{10}$ от всей суммы затрат капиталиста, и только $^1/_{10}$ от этой суммы затрат присваивает себе. Это очень важно при рассмотрении конкуренции, и как раз Рикардо это проглядел.

В основе определения цены лежит определение стоимости; но при этом привходят и новые элементы. Цена, которая первоначально выступает только как выраженная в деньгах стоимость, получает затем дальнейшее определение как величина, обладающая собственной спецификой. Если 5 талеров представляют собой *стоимость* фунта пряжи, т. е. если в 5 талерах содержится то же самое рабочее время, что и в одном фунте пряжи, то в этом определении стоимости ничего не меняется от того, оценивается ли фунт пряжи 4 раза или 4 миллиона раз. Момент *количества фунтов*, поскольку он в иной форме выражает отношение прибавочного труда к необходимому труду, получает решающее значение при *определении цены*. В вопросе о *десятичасовом билле* [197] и тому подобных вопросах это обстоятельство приобретает популярный и наглядный вид.

[4) ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ]

[а) Превращение прибавочного труда в капитал как специфическая особенность капиталистического накопления]

Из сказанного вытекает далее:

Рабочий как человек, ограничивающийся *необходимым* трудом, изготовлял бы только 20 фунтов пряжи, используя при этом

ежемесячно сырья, машин и т. д. стоимостью в 80 талеров. Капиталист же, помимо того сырья, машин и т. д., которые необходимы для *воспроизводства*, для самосохранения рабочего, *с необходимостью* должен вложить капитал в сырье (и в машины, хотя и не в той же пропорции) для овеществления прибавочного труда. (В земледелии, рыболовстве, короче — в добывающих отраслях производства — это добавочное вложение постоянного капитала не является абсолютно необходимым, но оно необходимо во всех тех случаях, когда дело ведется в крупном масштабе, т. е. *промышленно;* однако в этом случае оно выступает как добавочная затрата не на само сырье, а на орудия, необходимые для его добывания.) Эти добавочные затраты — т. е. предоставление материала для прибавочного труда, предоставление предметных элементов его осуществления — собственно и составляют специфическое, так называемое *предварительное накопление* капитала, накапливание запаса (скажем пока еще так), *специфическое* для капитала. Ибо, как это еще будет показано подробнее, нелепо считать специфическим для капитала то обстоятельство, что налицо вообще должны быть предметные условия живого труда, даны ли они природой или же возникли в ходе исторического развития. Эти *специфические авансы*, которые делает капитал, означают только то, что капитал овеществленный прибавочный труд — прибавочный продукт — *использует для увеличения своей стоимости* при помощи нового живого прибавочного труда, вместо того чтобы вкладывать его (расходовать), как это делали египетские цари или этрусская жреческая аристократия, в пирамиды и т. д.

При *определении цен* (как мы это увидим и в отношении прибыли) привходит еще также *обман, взаимное надувательство*. Один капиталист может выиграть при обмене то, что теряет другой; однако поделить между собой они — капитал как класс — могут только прибавочную стоимость. Но пропорции [обмена] открывают простор для индивидуального объегоривания и т. д. (не говоря уже о спросе и предложении), которое не имеет ничего общего с определением стоимости как таковой.

Следовательно, определение стоимости не имеет ничего общего и с открытием г-на Прудона, будто рабочий не может выкупить свой продукт. Открытие это основано на том, что Прудон ничего не понимает ни в определении стоимости, ни в определении цены. Но даже если оставить все это в стороне, ложным является в этой его абстрактности вывод Прудона о том, что *отсюда* [из неспособности рабочего выкупить свой продукт] проистекает перепроизводство. При отношениях рабства господа рабовладельцы не испытывают никаких стеснений из-за

того, что работники не конкурируют с ними как потребители. (Однако *производство предметов роскоши,* как оно выступает у древних народов, есть необходимый результат отношений рабства. Не перепроизводство, а *перепотребление* и *безумное потребление,* которое, доходя до чудовищных и причудливых явлений, знаменует собой гибель античной государственности.)

* * *

После того как капитал выходит из процесса производства в качестве *продукта,* он должен снова превратиться в деньги. Деньги, которые до этого выступали только в качестве реализованного товара и т. д., теперь выступают в качестве *реализованного капитала,* или являются капиталом, реализованным как *деньги.* Таково новое определение *денег* (так же как и капитала). Что количество денег как средств обращения не имеет никакого отношения к трудности реализовать капитал, т. е. *увеличить его стоимость,* вытекает уже из предыдущего изложения.

[б) Образование общей нормы прибыли и ее влияние на заработную плату рабочего. Реализация прибавочной стоимости в обмене между капиталистами]

[IV—33] Предположим, что в вышеприведенном примере, где капиталист, продавая фунт пряжи за 5 талеров, а всего 40 фунтов по 5 талеров за фунт, т. е. продавая фунт пряжи по его *действительной стоимости* и зарабатывая вследствие этого на каждые 5 талеров (продажной цены) $^1/_2$ талера, получает 10% прибыли по отношению к продажной цене, или $^1/_2$ талера на каждые $4^1/_2$ талера своих затрат, т. е. получает $11^1/_9\%$ прибыли по отношению к своим затратам, — предположим, что этот капиталист теперь продает из расчета только 10% прибыли, т. е. что на каждые $4^1/_2$ талера своих затрат он получает только $^9/_{20}$ талера прибыли (это составляет разницу в $^1/_{20}$ талера по сравнению с той половиной талера, которую капиталист получал раньше на каждые $4^1/_2$ талера своих затрат; эта разница как раз соответствует $1^1/_9\%$).

Итак, пусть капиталист продает теперь фунт пряжи за $4^1/_2$ талера + $^9/_{20}$ талера, т. е. за $4^{19}/_{20}$ талера, или 40 фунтов пряжи за 198 талеров. Теперь тут возможны различные случаи. Предположим, что тот капиталист, с которым он обменивается, которому он продает свои 40 фунтов пряжи, есть владелец серебряных рудников, т. е. производитель серебра, и что этот производитель серебра уплатит ему за пряжу только 198 талеров,

т. е. даст ему на 2 талера меньше овеществленного в серебре труда взамен труда, овеществленного в 40 фунтах хлопчатобумажной пряжи. Предположим, что у этого капиталиста *B* соотношения [составных частей] затрат и т. д. те же самые, что и у производителя пряжи [*A*]. Если бы капиталист *B* также получал вместо $11^1/_9\%$ прибыли только 10%, то за свои 200 талеров серебра он мог бы требовать не 40 фунтов пряжи, а только $39^3/_5$ фунта. Таким образом, невозможно, чтобы оба капиталиста одновременно продавали друг другу на $1^1/_9\%$ дешевле, т. е. не может иметь места случай, когда в одно и то же время один капиталист предлагает 40 фунтов пряжи за 198 талеров серебра, а другой — 200 талеров серебра за $39^3/_5$ фунта пряжи. При подобном предположении капиталист *B* уплатил бы при покупке 40 фунтов пряжи на $1^1/_9\%$ меньше, т. е. помимо той прибыли, которую он получает не от обмена, но которая обменом лишь подтверждается, помимо прибыли в $11^1/_9\%$, он дополнительно получил бы вследствие убытка, понесенного другим капиталистом, еще $1^1/_9\%$ прибыли, т. е. всего получил бы прибыли $12^2/_9\%$. На своих собственных рабочих, — на труде, приведенном в движение его собственным капиталом, — капиталист *B* нажил бы $11^1/_9\%$ прибыли; остальные $1^1/_9\%$ — это прибавочный труд рабочих капиталиста *A*, который присваивает себе капиталист *B*.

Норма прибыли может, следовательно, снижаться в той или иной отрасли производства вследствие того, что конкуренция и т. д. вынуждает капиталиста продавать свой товар ниже его *стоимости*, т. е. часть прибавочного труда реализовать не для себя, а для своих покупателей. Но общая норма [прибыли] не может понизиться таким способом; она может понизиться только вследствие *относительного* сокращения прибавочного труда по отношению к необходимому труду [и постоянному капиталу], а это, как мы уже видели, имеет место в том случае, когда отношение [постоянного капитала к переменному] уже очень значительно, или, формулируя иначе, когда количество живого труда, приводимого в движение капиталом, относительно очень мало, т. е. когда часть капитала, обмениваемая на живой труд, очень мала по сравнению с той частью, которая обменивается на машины и сырье. Общая норма прибыли может тогда понизиться несмотря на то, что абсолютное количество прибавочного труда увеличивается.

Тем самым мы затрагиваем также еще и другой пункт. *Общая норма прибыли* возможна вообще лишь потому, что в одной отрасли производства норма прибыли слишком велика, а в другой слишком мала; т. е. потому, что некоторая часть прибавочной стоимости — прибавочной стоимости, соответствующей при-

бавочному труду, — переходит от одного капиталиста к другому. Если, например, в пяти отраслях производства норма прибыли соответственно равна *a*) 15%, *b*) 12%, *c*) 10%, *d*) 8%, *e*) 5%, то средняя норма прибыли составит 10%; но для того чтобы эта средняя норма прибыли могла существовать в реальной действительности, капиталисты *A* и *B* должны отдать 7% своей прибыли капиталистам *D* и *E*, а именно, 2% — капиталисту *D* и 5% — капиталисту *E*, в то время как у капиталиста *C* все остается по-старому.

Равная норма прибыли на равновеликий капитал в 100 [стоимостных единиц] невозможна, так как отношения прибавочного труда [к затратам капитала] весьма различны в зависимости от производительности труда и соотношения между сырьем, машинами и заработной платой, а также от того масштаба, в котором вообще необходимо вести производство. Но если мы предположим, что отрасль производства *e* (например, хлебопечение) является необходимой, то капиталисты, действующие в этой отрасли, должны получать среднюю норму прибыли в 10%. Однако это возможно лишь в том случае, если капиталисты отраслей *a* и *b* уступят капиталистам отрасли *e* некоторую часть своего прибавочного труда. Класс капиталистов в известной мере распределяет совокупную прибавочную стоимость таким образом, что она более или менее равномерно распределяется пропорционально *величине* их капиталов, а не соответственно прибавочной стоимости, действительно созданной капиталами в отдельных отраслях производства. Более высокая прибыль, — проистекающая из действительного прибавочного труда внутри какой-либо отрасли производства, из действительно созданной там прибавочной стоимости, — снижается до определенного среднего уровня вследствие конкуренции, а более низкий уровень прибавочной стоимости в другой отрасли производства, в результате изъятия из нее капиталов и благоприятно складывающегося поэтому соотношения между спросом и предложением, поднимается до указанного среднего уровня. Конкуренция не может снизить сам этот уровень, она лишь имеет тенденцию создавать такой уровень. Дальнейшее относится к разделу о конкуренции.

Это выравнивание нормы прибыли осуществляется посредством соотношения цен в различных отраслях производства; в одних отраслях цены падают *ниже стоимости*, в других они *поднимаются* выше стоимости. Отсюда получается видимость того, будто одинаковая величина капитала в разных отраслях производства создает *одинаковый по своей величине прибавочный труд, или одинаковую прибавочную стоимость*.

* * *

[IV—34] Предполагая в приведенном выше примере, что капиталист *A*, скажем, под давлением конкуренции вынужден продавать пряжу с прибылью в 10% вместо $11^1/_9$% и что поэтому он продает фунт пряжи на $^1/_{20}$ талера дешевле [его стоимости], мы исходим из того, что рабочий, как и прежде, получает деньгами свою необходимую заработную плату в 20 талеров; однако если бы рабочий получал свою заработную плату пряжей, то он вместо 4 фунтов пряжи получил бы $4^4/_{99}$ фунта. Рабочий получил бы, если его заработную плату выдать ему пряжей, $^4/_{20}$ талера [с небольшим]; т. е. $^1/_5$ талера сверх своей необходимой заработной платы; это составляет 6 зильбергрошенов, или 1% его необходимой заработной платы [198].

Если же рабочий работает в такой отрасли производства, продукт которой находится целиком вне сферы его потребления, то в результате такого рода операции он не выигрывает ни гроша, и все дело сводится для него к тому, что часть своего прибавочного труда, вместо того чтобы выполнять ее непосредственно для капиталиста *A*, он выполняет косвенно, т. е. через посредство капиталиста *A*, для капиталиста *B*. Оттого, что капиталист *A* даром уступает часть труда, овеществленного в его продукте, рабочий может выиграть только в том случае, если он сам является потребителем этого продукта, и только в той мере, в какой он является такого рода потребителем. Следовательно, если потребление пряжи составляет $^1/_{10}$ расходов рабочего, то от такого рода операции он выигрывает ровно $^1/_{50}$ талера, или $7^1/_5$ пфеннига * (из 2 талеров, на которые подешевели произведенные капиталистом 40 фунтов хлопчатобумажной пряжи, на долю рабочего в этом случае приходится $^2/_{100}$ талера, т. е. ровно 1%); это означает, что рабочий выигрывает $^1/_{10}$% от своей заработной платы, составляющей в целом 20 талеров. Эти $7^1/_5$ пфеннига представляют собой ту долю, которая достается рабочему из его собственного прибавочного труда, равного 20 талерам. К такого рода соотношениям и сводится в лучшем случае добавочная плата, получаемая рабочим в результате падения *цены* ниже уровня необходимой стоимости в той отрасли производства, в которой он сам занят. В *наилучшем* случае, т. е. в том случае, если бы рабочий мог поддерживать свое существование исключительно пряжей, — а это невозможно, — предел [повышения заработной платы] составлял бы (в приведенном выше примере) 6 зильбергрошенов, или 1% от

* Талер (прусский) равен 30 зильбергрошенам, а зильбергрошен равен 12 пфеннигам. *Ред.*

заработной платы; т. е. в наилучшем случае добавочная плата рабочего определяется отношением необходимого рабочего времени к стоимости совокупного продукта. В отраслях, производящих предметы роскоши в собственном смысле этого слова, от потребления которых сам рабочий устранен, эта добавочная плата всегда равна нулю.

Предположим теперь, что капиталисты *A*, *B*, *C* обмениваются друг с другом; у каждого из них совокупный продукт равен 200 талерам. *A* производит пряжу, *B* — зерно, *C* — серебро; соотношения между прибавочным трудом и необходимым трудом, а также между затратами и прибылью у всех трех капиталистов одни и те же. *A* продает 40 фунтов пряжи не за 200, а за 198 талеров и теряет на этом $1^1/_9\%$ прибыли; точно так же *B* продает свои, скажем, 40 бушелей зерна не за 200, а за 198 талеров; но *C* полностью обменивает свой труд, овеществленный в 200 талерах серебра. Соотношение между *A* и *B* таково, что если каждый из них целиком обменяется с другим, никто ничего не теряет. *A* получит 40 бушелей зерна, *B* — 40 фунтов пряжи, но каждый из них получит только стоимость в 198 талеров. Капиталист *C* за 198 талеров получает 40 фунтов пряжи или 40 бушелей зерна, и в обоих случаях он платит на 2 талера меньше, т. е. получает лишних $^2/_5$ фунта пряжи или $^2/_5$ бушеля зерна.

Но предположим, что отношения между капиталистами складываются таким образом, что *A* продает свои 40 фунтов пряжи за 200 талеров производителю серебра *C*, но этот последний вынужден уплатить 202 талера производителю зерна *B*, т. е. что *B* получит 2 талера сверх стоимости зерна. Для соотношения между пряжей капиталиста *A* и серебром капиталиста *C* все складывается нормально: оба товара обмениваются друг на друга по стоимости. Однако из-за того, что у капиталиста *B* цена поднялась выше стоимости, [прибыль, получаемая от] 40 фунтов пряжи и 200 талеров серебра, будучи выражена в зерне, упала на $1^1/_9\%$; иными словами, оба капиталиста фактически уже не смогут на 200 талеров купить 40 бушелей зерна, а купят только $39^{61}/_{101}$ бушеля. $39^{61}/_{101}$ бушеля пшеницы стоили бы 200 талеров, т. е. один бушель пшеницы стоил бы не 5 талеров, а $5^1/_{20}$ талера; 5 талеров $1^1/_2$ зильбергрошена.

Предположим теперь в связи с последним соотношением, что потребление рабочего наполовину состоит из пшеницы; предположим, что потребление пряжи составляет $^1/_{10}$ его дохода, а потребление пшеницы — $^5/_{10}$. От удешевления пряжи, составляющей $^1/_{10}$ его потребления, рабочий выиграл $^1/_{10}\%$ от своей совокупной заработной платы; на пшенице он теряет $^5/_{10}\%$ от своей заработной платы. Таким образом, в общем итоге, вместо

того чтобы выиграть, рабочий теряет $^4/_{10}$% от своей заработной платы. Даже если бы капиталист оплатил рабочему деньгами весь его необходимый труд, все же его оплата упадет ниже необходимой заработной платы вследствие того, что производитель зерна *B* взвинтил цену своего товара. Если эта высокая цена хлеба будет существовать и дальше, то необходимая *заработная плата* рабочего должна будет *возрасти*.

Таким образом, если продажа пряжи [по пониженной цене] со стороны капиталиста *A* вызвана повышением цены *зерна* или других потребительных стоимостей, играющих наиболее существенную роль в потреблении рабочего, выше их стоимости, — то рабочий капиталиста *A* теряет в той же самой пропорции, в какой потребление им подорожавшего продукта больше потребления производимого им самим подешевевшего продукта. Но если бы капиталист *A* продавал пряжу на $1^1/_9$% выше ее стоимости, а капиталист *B* продавал бы зерно на $1^1/_9$% ниже его стоимости, то рабочий, если бы он потреблял один только хлеб, мог бы в лучшем случае выиграть не больше 6 зильбергрошенов, или, поскольку мы предположили, что только половину своего заработка рабочий тратит на хлеб, — он выиграл бы только 3 зильбергрошена, т. е. $^1/_2$% [IV—35] от своей заработной платы, равной 20 талерам.

Итак, для рабочего могут иметь место все три случая: [во-первых,] его выигрыш или потеря при этой операции могут быть равны нулю; [во-вторых, процесс выравнивания прибылей] может понизить его необходимую заработную плату, так что она станет недостаточной, т. е. упадет ниже необходимого минимума; в-третьих, эта операция может дать рабочему некоторую добавочную плату, сводящуюся к некоторой чрезвычайно малой доле его собственного прибавочного труда.

* * *

Выше мы видели, что если отношение необходимого труда к другим условиям производства [требующимся для осуществления необходимого труда] составляет $^1/_4$ (составляет 20% совокупных затрат), т. е. если необходимый труд равен 20% совокупной стоимости продукта (из 20 фунтов пряжи заработная плата составляет 4 фунта пряжи, или из 100 талеров совокупных затрат 80 талеров приходятся на сырье и орудие, 20 талеров — на труд), и если при этом отношение прибавочного труда к необходимому труду равно 100% (т. е. количество прибавочного труда равно количеству необходимого труда [а для осуществления необходимого и прибавочного труда требуется одинаковое

количество постоянного капитала]), — то в этом случае капиталист получает на свои затраты $11^1/_9\%$ прибыли.

Если бы капиталист получал только 10% прибыли, а $1^1/_9\%$, или 2 талера [из 20 талеров], дарил бы потребителям (передавал бы им эту часть своей прибавочной стоимости), то рабочий, поскольку он является потребителем, тоже оказался бы в выигрыше, причем в самом лучшем (невозможном) случае — если бы рабочий использовал в качестве жизненных средств только продукты своего хозяина — имело бы место, как мы уже видели, следующее: потеря капиталиста составляет $1^1/_9\%$, т. е. 2 талера; выигрыш рабочего составляет 1%, т. е. 6 зильбергрошенов (или $^1/_5$ талера на 20 талеров заработной платы).

Предположим теперь, что капиталист продает фунт пряжи за $4^{15}/_{20}$ ($4^3/_4$) талера вместо 5 талеров; в этом случае рабочий на каждом фунте пряжи выигрывает $^5/_{20}$ талера, а на $4^4/_{19}$ фунта [составляющих в этом случае его заработную плату] — $^{20}/_{19}$ талера, т. е. 1 талер [с небольшим]. Один талер по отношению к 20 талерам его заработной платы составляет $^1/_{20}$, т. е. 5%. Капиталист продал бы 40 фунтов пряжи, по $4^{15}/_{20}$ талера за фунт, за $^{95}/_{20}$ талера $\times 40$, т. е. за 190 талеров. Его затраты составляют 180 талеров, его прибыль равна 10 талерам, или $5^5/_9\%$. Его потеря [также] равна $5^5/_9\%$, или 10 талерам.

Если бы капиталист продавал фунт пряжи за $4^{12}/_{20}$ [$4^3/_5$] талера, то рабочий выиграл бы $^8/_{20}$ талера на каждом фунте, т. е. $^{40}/_{23}$ талера на $4^8/_{23}$ фунта [составляющих в этом случае его заработную плату], стало быть, $1^{17}/_{23}$ талера, или $8^{16}/_{23}\%$ от своей совокупной заработной платы. Капиталист же в этом случае потерял бы 16 талеров из совокупной прибавочной стоимости, т. е. вся его выручка составляла бы только 184 талера; это составляет 4 талера прибыли на 180 талеров затрат, т. е. $^1/_{45}$ от 180, или $2^2/_9\%$. Стало быть, капиталист потерял бы $8^8/_9\%$ прибыли.

Наконец, предположим, что капиталист продает фунт пряжи за $4^1/_2$ талера; 40 фунтов пряжи он продает за 180 талеров; его прибыль равна нулю, а его потеря составляет $11^1/_9\%$. Капиталист делает потребителю подарок в виде прибавочной стоимости, или прибавочного рабочего времени рабочего, так что выигрыш рабочего составляет $^1/_2$ талера на фунт пряжи, что дает $^{20}/_9$, т. е. $2^2/_9$ талера [на $4^4/_9$ фунта, составляющих в этом случае его заработную плату]; иными словами, рабочий выигрывает *$2^2/_9$ талера* на 20 талеров своей заработной платы, т. е. $11^1/_9\%$ *(все еще меньше, чем $^1/_2$ фунта пряжи)*.

[IV—36] Если бы капиталист, напротив, повысил заработную плату на 10%, с 20 до 22 талеров, например вследствие того,

что в его отрасли производства спрос на труд стал превышать предложение, — и вместе с тем продавал бы фунт пряжи по его стоимости, т. е. за 5 талеров, — то в этом случае его прибыль уменьшилась бы только на 2 талера, с 20 до 18 талеров, т. е. на $1^1/_9\%$, и все-таки она составляла бы 10%[199].

Отсюда следует, что если бы капиталист, считаясь с г-ном Прудоном, продавал свой товар по тем издержкам производства, которых производство товара стоило *ему самому*, и его совокупная прибыль равнялась бы нулю, то это было бы только перемещением прибавочной стоимости или прибавочного рабочего времени от капиталиста *A* к капиталистам *B*, *C*, *D* и т. д.; что же касается его рабочего, то его выигрыш, т. е. его доля в его собственном прибавочном труде была бы ограничена той частью заработной платы, которую рабочий потребляет в виде удешевленного товара; а если бы рабочий истратил на этот товар весь свой заработок, то его доля могла бы повыситься только соответственно отношению необходимого труда к стоимости совокупного продукта (в приведенном выше примере — соответственно отношению 20 : 200, что составляет $^1/_{10}$; стало быть, [максимальная] доля рабочего равна $^1/_{10}$ от 20 талеров, т. е. 2 талерам).

В отношении чужих рабочих дело обстоит точно так же: они выигрывают на удешевленном товаре лишь пропорционально 1) потребляемому ими количеству этого товара, 2) пропорционально величине их заработной платы, которая определяется необходимым трудом. Если удешевленным товаром является, например, зерно — один из главных источников существования, — то сначала производитель зерна, фермер, а затем и все остальные капиталисты делают открытие, что необходимая заработная плата рабочего уже не является больше необходимой заработной платой, что [фактическая] заработная плата превышает уровень необходимой заработной платы, т. е. что необходимая заработная плата стала меньше, чем раньше, благодаря чему в конечном счете только увеличивается прибавочная стоимость капиталов *a*, *b*, *c* и т. д. и возрастает прибавочный труд занятых этими капиталами рабочих.

Возьмем 5 капиталистов: *A*, *B*, *C*, *D* и *E*. Пусть капиталист *E* производит такой товар, который потребляют только рабочие. Тогда *E* реализовал бы свою прибыль исключительно путем обмена своего товара на заработную плату; но его прибыль, как и всякая вообще прибыль, проистекает не из обмена его товара на деньги рабочих, а из обмена его капитала на живой труд. Предположим, что во всех 5 отраслях производства необходимый труд составляет $^1/_5$, прибавочный труд — $^1/_5$, а постоянный капитал — $^3/_5$ [стоимости продукта]. Капиталист *E*

обменивает [$^4/_5$] своего продукта на $^1/_5$ продукта *a*, на $^1/_5$ продукта *b*, на $^1/_5$ продукта *c*, на $^1/_5$ продукта *d*, а $^1/_5$ составляет заработную плату его собственных рабочих. Как мы видели, от этой последней $^1/_5$ части его продукта он не получает никакой прибыли, или, точнее, его прибыль возникла бы не оттого, что он отдает рабочим $^1/_5$ часть продукта своего капитала в виде денег, а они покупают у него ту же самую $^1/_5$ часть в виде продукта, — его прибыль проистекала бы не из обмена с рабочими как *потребителями*, или как центрами обращения. Вся сделка капиталиста *E* с его рабочими как потребителями его продукта основана на том, что он отдает им часть своего продукта в денежной форме, а они возвращают ему те же деньги за такую же точно долю продукта. К рабочим капиталистов *A*, *B*, *C*, *D* капиталист *E* относится не как капиталист к рабочим, а как *Т* к *Д*, как продавец к покупателю.

Согласно нашему предположению, рабочие капиталистов *A*, *B*, *C*, *D* не потребляют своих продуктов. Конечно, капиталист *E* обменивает $^1/_5$ продукта капиталистов *A*, *B*, *C* и *D* на $^4/_5$ своего собственного продукта; но этот обмен есть лишь косвенное выражение для той заработной платы, которую капиталисты *A*, *B*, *C* и *D* уплачивают своим собственным рабочим. Они дают рабочим деньги, каждый в размере $^1/_5$ стоимости своего продукта, иными словами, они дают рабочим $^1/_5$ своего продукта в уплату за необходимый труд, а рабочие покупают товар капиталиста *E* в размере $^4/_5$ стоимости продукта или [товарного] капитала этого капиталиста. Этот обмен с капиталистом *E* есть, таким образом, только косвенная форма, в которой капиталисты *A*, *B*, *C* и *D* авансируют часть капитала, представляющую необходимый труд, т. е. являющуюся *вычетом* из их капитала. Следовательно, этим путем они ничего выиграть не могут. Прибыль проистекает из реализации остальных $^4/_5$ каждого из капиталов *a*, *b*, *c*, *d*, и эта реализация заключается как раз в том, что каждый капиталист получает обратно овеществленный в его продукте труд в иной форме через посредство обмена. $^3/_5$ стоимости продукта возмещают каждому капиталисту, так как между ними существует разделение труда, его постоянный капитал — сырье и орудия. Прибыль состоит во взаимной реализации последней $^1/_5$ части стоимости продукта, в реализации прибавочного рабочего времени, в полагании его как прибавочной стоимости.

Нет необходимости в том, чтобы капиталы *a*, *b*, *c*, *d* полностью обменялись друг с другом [остающимися после выплаты заработной платы] $^4/_5$ стоимости своих продуктов. Ведь в качестве капиталистов они вместе с тем очень много потребляют и никоим образом не могут жить одним воздухом. Но так как в то же время

они как капиталисты не живут за счет собственного труда, они ничего не могут обменивать или потреблять кроме продукта чужого труда. Это значит, что для своего потребления они обменивают как раз ту $^1/_5$ часть стоимости продукта, которая представляет прибавочное рабочее время, труд, созданный благодаря капиталу. Предположим, что каждый из капиталистов потребляет $^1/_5$ этой $^1/_5$ части, т. е. $^1/_{25}$ часть стоимости в форме своего [IV—37] собственного продукта. Тогда для обмена остаются еще $^4/_{25}$, будь то в целях их капитализации или же в целях превращения их в потребительную стоимость для собственного потребления. Пусть капиталист A обменивает $^2/_{25}$ с капиталистом B, $^1/_{25}$ — с капиталистом C, $^1/_{25}$ — с капиталистом D, и то же самое делают капиталисты B, C, D.

Тот предположенный нами выше случай, где капитал e полностью реализует свою прибыль в обмене на заработную плату, является наиболее благоприятным случаем, или, точнее, он выражает то единственно правильное соотношение, при котором капитал имеет возможность свою прибавочную стоимость, созданную в процессе *производства*, реализовать в *обмене* посредством потребления рабочих. Но в этом случае капиталы a, b, c, d могут реализовать стоимость своих продуктов только путем взаимного обмена, т. е. путем обмена между самими капиталистами. Капиталист E не потребляет собственный товар, так как $^1/_5$ его стоимости он уплатил своим собственным рабочим, $^1/_5$ стоимости обменял на $^1/_5$ стоимости продукта капитала a, $^1/_5$ стоимости — на $^1/_5$ стоимости продукта капитала b, $^1/_5$ стоимости — на $^1/_5$ стоимости продукта капитала c, $^1/_5$ стоимости — на $^1/_5$ стоимости продукта капитала d. Из этого обмена капиталисты A, B, C, D не извлекают никакой прибыли, ибо он представляет собой обмен той $^1/_5$ стоимости, которою они оплатили своих собственных рабочих.

В соответствии с тем соотношением [между составными частями капиталов], которое нами было взято: $^2/_5$ стоимости продукта приходятся на сырье, $^1/_5$ — на машины, $^1/_5$ — на жизненные средства для рабочих, $^1/_5$ — на прибавочный продукт, за счет которого живут господа капиталисты и в виде которого они вместе с тем реализуют свою прибавочную стоимость, — требуется (если совокупный продукт каждого из капиталистов A, B, C, D, E равен 100 талерам), чтобы один из них — E — производил необходимые жизненные средства для рабочих, два капиталиста — A и B — производили разного рода сырье для [себя и] всех остальных, один капиталист — C — производил машины, один — D — придавал надлежащую форму прибавочному продукту.

Расчет имел бы следующий вид (производитель машин и каждый из остальных капиталистов должны производить для самих себя некоторую часть своего товара):

	Оплата труда	Сырье	Машины	Прибавочный продукт	[Стоимость продукта]
A) Фабрикант сырья	20	40	20	20	100
B) Фабрикант сырья	20	40	20	20	100
C) Производитель машин	20	40	20	20	100
E) Производитель необходимых жизненных средств для рабочих	20	40	20	20	100
D) Производитель прибавочного продукта	20 10	40 20	20 10	20 10	100 50

Таким образом, капиталист *E* обменивает весь свой продукт, стоимость которого равна 100 талерам, на 20 талеров заработной платы своих собственных рабочих, на 20 талеров заработной платы рабочих производителя сырья *A*, на 20 талеров заработной платы рабочих производителя сырья *B*, на 20 талеров заработной платы рабочих производителя машин *C* и на 20 талеров заработной платы рабочих производителя прибавочного продукта *D*. Из вырученных им 100 талеров капиталист *E* обменивает 40 талеров на сырье, 20 талеров — на машины, 20 талеров он выдает [своим собственным] рабочим, покупающим у него необходимые жизненные средства на эту сумму, а 20 талеров ему остаются на покупку прибавочного продукта, за счет которого живет он сам. В той же самой пропорции обменивают свой продукт и другие капиталисты. То, что составляет их прибавочную стоимость, есть $^1/_5$ стоимости их продукта, или 20 талеров, которые все они могут обменять на прибавочный продукт. Если бы они потребляли весь свой прибавочный продукт, то к концу [процесса производства] они оказались бы в том же самом положении, что и в начале этого процесса, и прибавочная стоимость их капитала не возрастала бы.

Предположим теперь, что капиталисты проедают только 10 талеров, или $^1/_{10}$ часть стоимости продукта, проедают половину прибавочной стоимости. В этом случае производитель прибавочного продукта *D* сам потребил бы меньше на 10 талеров; точно так же и каждый из остальных капиталистов потребил бы меньше на 10 талеров. В общем итоге капиталист *D* продал бы

только половину своего товара, т. е. он получил бы только 50 талеров и не мог бы возобновить свое дело.

Предположим, следовательно, что капиталист *D* производит потребительских товаров [для потребления капиталистов] только на 50 талеров [200]. Тогда на 400 талеров, существующих в виде сырья, машин и необходимых жизненных средств для рабочих, только 50 талеров приходятся на предметы личного потребления капиталистов. Но каждый из капиталистов теперь обладает избытком в 10 талеров, из которых 5 талеров могут быть затрачены на сырье, $2^1/_2$ талера — на машины, $2^1/_2$ талера — на необходимые жизненные средства для рабочих; на эти 10 талеров капиталист должен получить прибыль в $2^1/_2$ талера (точно так же, как до этого на затраты в 80 талеров он получал 20 талеров прибыли). Капиталист *D* на затраченные им 40 талеров получил 10 талеров прибыли и может, следовательно, расширить затраты на производство в той же самой пропорции [что и другие капиталисты], а именно — на 5 талеров. На следующий год капиталист *D* произведет на $6^1/_4$ талера больше, т. е. $56^1/_4$ талера.

[IV—38] Этот пример впоследствии можно подробно развить, а можно и не развивать. Сюда он, собственно говоря, не относится. Из сказанного выше явствует, что реализация прибавочной стоимости происходит здесь в процессе взаимного обмена капиталистов друг с другом, ибо несмотря на то, что капиталист *E* производит только для потребления рабочих, все же он обменивает в форме заработной платы $^1/_5$ стоимости продукта капиталиста *A*, $^1/_5$ стоимости продукта капиталиста *B*, $^1/_5$ стоимости продукта капиталиста *C*, $^1/_5$ стоимости продукта капиталиста *D*. Точно так же капиталисты *A*, *B*, *C*, *D* производят обмен с капиталистом *E* не прямо, а косвенно, причем каждому из них нужно получить от него $^1/_5$ стоимости продукта в качестве предметов потребления своих рабочих. Реализация прибавочной стоимости состоит здесь в том, что каждый из капиталистов обменивает свой собственный продукт на соответственные части продуктов четырех остальных капиталистов, и притом таким образом, что некоторая часть прибавочного продукта предназначается для потребления капиталиста, а другая часть превращается в добавочный капитал, с тем чтобы привести в движение новый труд. Реализация прибавочной стоимости заключается в *реальной возможности* все большего увеличения стоимости — в реальной возможности производства новых и бóльших стоимостей.

Из всего здесь сказанного ясно следует, что если бы капиталисты *D* и *E* (из которых капиталист *E* представляет все потребляемые рабочим товары, а капиталист *D* — все товары, потреб-

ляемые капиталистом) произвели чересчур много, т. е. слишком много по отношению к пропорциональной доле капитала, предназначенной для рабочих, или слишком много по отношению к той доле капитала, которая предназначена для потребления капиталистов (слишком много по отношению к той пропорции, в которой должен возрастать капитал, причем эта пропорция, как мы увидим в дальнейшем, имеет свою минимальную границу в уровне процента), — то в этом случае *всеобщее перепроизводство* наступило бы не из-за того, что относительно было бы потреблено *слишком мало* товаров, предназначенных для потребления рабочих, или слишком мало товаров, предназначенных для потребления капиталистов, а из-за того, что было бы произведено слишком много *как тех, так и других товаров*, слишком много *не* с точки зрения *потребления*, а с точки зрения сохранения *правильного соотношения между потреблением и увеличением стоимости; слишком много с точки зрения увеличения стоимости.*

[в) Пропорции капиталистического накопления. Обесценение капитала во время кризисов]

Другими словами: на данном уровне развития производительных сил (ибо именно это развитие определяет отношение необходимого труда к прибавочному труду) имеет место постоянное отношение, в котором продукт делится на части, соответствующие сырью, машинам, необходимому труду, прибавочному труду, а также определенное отношение, в котором сам прибавочный труд делится на часть, идущую на потребление, и на другую часть, снова становящуюся капиталом. Это внутреннее сущностное деление капитала выступает при обмене таким образом, что взаимный обмен между капиталами производится в определенных и строго ограниченных пропорциях, хотя эти пропорции и претерпевают постоянные изменения в ходе самого производства. Если, например, соотношение между различными частями стоимости продукта таково, что $^2/_5$ соответствуют стоимости сырья, $^1/_5$ — стоимости машин, $^1/_5$ — стоимости заработной платы, $^1/_5$ — стоимости прибавочного продукта, из которого, в свою очередь, половина предназначается для потребления [капиталиста], а другая половина — для нового производства, — то это деление внутри [каждого] капитала выступает в обмене как распределение [совокупного продукта], скажем, между 5 капиталами. Во всяком случае, этим внутренним делением капитала дана как величина того обмена, который может иметь место, так и те пропорции, которых каждый из этих капиталов

должен придерживаться как при обмене, так и в процессе производства. Если, например, отношение необходимого труда к постоянной части капитала составляет, как в приведенном выше примере, $^1/_5 : ^3/_5$, то мы видели, что совокупный продукт капиталов, обслуживающих потребление капиталистов и потребление рабочих [т. е. капиталов D и E], не может превышать пятикратную сумму $^1/_5 + ^1/_{10}$ от стоимости продукта каждого из пяти капиталов, принимаемого за единицу, т. е. не может превышать стоимость продукта полутора капиталов.

Точно так же дано то отношение, в котором каждый капитал должен обмениваться с другим капиталом, представляющим определенный момент его самого. Наконец, дано и то отношение, в котором вообще должен обмениваться каждый капитал.

Если, например, доля сырья в стоимости продукта составляет $^2/_5$, то капиталы, производящие сырье, могут на какой-нибудь конечной стадии обменять всегда только $^3/_5$ своего продукта, в то время как $^2/_5$ продукта следует считать закрепленными за этими капиталами (как, например, семена и т. д. в земледелии). Сам по себе *обмен* придает этим моментам, которые уже по самому своему понятию определены друг по отношению к другу, некое безразличное друг для друга существование; они существуют независимо друг от друга; их внутренняя необходимость *проявляется* в кризисе, который насильственно кладет конец видимости их взаимного безразличия друг к другу.

Далее: революция в производительных силах изменяет эти соотношения, *изменяет* сами эти отношения, основой которых — с точки зрения капитала, а поэтому также с точки зрения реализации прибавочной стоимости при посредстве обмена — всегда *остается отношение необходимого труда к прибавочному труду* или, если угодно, отношение различных моментов овеществленного труда к живому труду. Возможно, что, как мы уже отмечали раньше, капитал, высвободившийся в результате увеличения производительных сил, точно так же как и высвободившаяся живая рабочая сила не смогут быть использованы, так как они не будут иметься налицо в тех пропорциях, согласно которым должно вестись производство на основе вновь развившихся производительных сил. Если же производство будет расширяться без учета этих изменений, то в конце концов при обмене для одной или другой стороны должен получиться минус, отрицательная величина.

Предел обмена, а значит и производства, всегда заключается в том, что соотношение между прибавочным и необходимым трудом остается неизменным, так как это равносильно неизменности увеличения стоимости капитала. Второе отношение — про-

порция между той частью прибавочного продукта, которая потребляется капиталом, и той его частью, которая снова превращается в капитал, — определяется первым отношением [между прибавочным и необходимым трудом]. Во-первых, *размер суммы, подлежащей делению на эти две части, зависит от этого первоначального отношения*. Во-вторых, если созидание прибавочной стоимости капитала зиждется на созидании прибавочного труда, то увеличение капитала как капитала (накопление капитала, а без накопления капитал не может образовать основу производства, так как он находился бы в состоянии [IV—39] стагнации и не было бы никаких элементов прогресса, необходимого уже в результате простого роста населения и т. д.) зависит от превращения одной части этого прибавочного продукта в новый капитал. Если бы прибавочная стоимость была просто потреблена, то *не* было бы увеличения стоимости капитала и производства его как *капитала*, т. е. как стоимости, производящей стоимость.

Мы видели, что если 40 фунтов пряжи, сто̀ящих 200 талеров, так как в них содержится на 200 талеров овеществленного рабочего времени, обмениваются [на продукт производителя серебра,] на 198 талеров, то фабрикант пряжи не только теряет $1^1/_9\%$ прибыли, но, кроме того, имеет место обесценение его продукта, продажа этого продукта *ниже* его действительной стоимости, хотя он и продается по такой *цене*, которая все еще доставляет фабриканту пряжи прибыль в 10%. С другой стороны, производитель серебра выгадывает 2 талера, удерживает 2 талера как высвободившийся капитал. Если же рассматривать совокупную величину стоимости продуктов обоих капиталов, то все-таки имело место обесценение, так как налицо сумма в 398 талеров вместо 400 талеров. Ведь 200 талеров пряжи, попав к производителю серебра, сто̀ят только 198 талеров; для него это то же самое, как если бы производительная сила труда его собственных рабочих увеличилась настолько, что хотя в 200 талерах серебра, как и прежде, содержался бы тот же самый овеществленный труд, однако 2 талера из числа этих 200 были бы перенесены со счета необходимых затрат на счет прибавочной стоимости, так что производитель серебра уплатил бы за необходимый труд на 2 талера меньше.

Иное положение имело бы место только в том случае, если бы производителю серебра удалось перепродать за 200 талеров 40 фунтов пряжи, купленных им за 198 талеров. Тогда у него имелось бы в наличии 202 талера; при этом предположим, что он перепродал пряжу производителю шелка, который взамен 40 фунтов пряжи дал ему шелк стоимостью в 200 талеров.

В этом случае 40 фунтов пряжи были бы проданы по их настоящей стоимости, хотя и не из первых рук — самим производителем, а из вторых рук — их покупателем, и общий расчет имел бы следующий вид: обменено три продукта, каждый из которых содержит в себе овеществленный труд стоимостью в 200 талеров; таким образом, *сумма* стоимостей [товарных] капиталов составляет 600 талеров. Пусть *A* — производитель пряжи, *B* — производитель серебра, *C* — производитель шелка; [в результате обмена] капиталист *A* обладает стоимостью в 198 талеров, капиталист *B* — стоимостью в 202 талера (а именно: 2 талера составляют излишек, полученный в результате первого обмена, а 200 талеров существуют в виде шелка), капиталист *C* обладает стоимостью в 200 талеров. *Сумма* равна 600 талерам. В этом случае совокупная стоимость [товарных] капиталов осталась той же самой, а имело место лишь перемещение стоимостей, в результате которого капиталист *B* получил лишнюю долю стоимости, которую недополучил капиталист *A*.

Если производитель пряжи *A* мог бы продать свой продукт только за 180 талеров (т. е. за столько, сколько этот продукт стоит *ему*) и совершенно не мог бы сбыть пряжи на 20 талеров, то 20 талеров овеществленного труда оказались бы лишенными стоимости. То же самое случилось бы в том случае, если бы капиталист *A* уступил стоимость в 200 талеров за 180 талеров производителю серебра *B;* так как для капиталиста *A* такого рода необходимость [снизить цену пряжи] создалась вследствие перепроизводства пряжи, то и капиталист *B* тоже не смог бы сбыть содержащуюся в пряже стоимость в 200 талеров за сумму, большую чем 180 талеров, в результате чего высвободилось бы 20 талеров его капитала. Капиталист *B* имел бы на руках относительную добавочную стоимость в 20 талеров, однако сумма абсолютной стоимости — количество овеществленного рабочего времени, которое может быть реализовано в обмене, — была бы, как и прежде, равна 200 талерам, а именно, у капиталиста *B* имелось бы 40 фунтов пряжи на 180 талеров и 20 талеров высвободившегося капитала. Для капиталиста *B* это было бы равносильно тому, как если бы снизились издержки производства пряжи, т. е. как если бы вследствие повышения производительности труда в 40 фунтах пряжи содержалось на 20 талеров меньше рабочего времени, или, если в течение рабочего дня создается стоимость в 4 талера, то для того чтобы превратить *x* фунтов хлопка в 40 фунтов пряжи, нужно было бы на 5 рабочих дней меньше. Следовательно, капиталист *B* отдавал бы меньшее количество овеществленного в серебре рабочего времени в обмен на рабочее время, овеществленное в пряже. Общая сумма налич-

ных стоимостей равнялась бы, однако, 380 талерам вместо 400 талеров. Таким образом, произошло бы *всеобщее обесценение* в размере 20 талеров, т. е. уничтожение капитала на сумму в 20 талеров.

Следовательно, имеет место *всеобщее обесценение,* несмотря на то что *обесценение* пряжи, — заключающееся в том, что производитель пряжи продает 40 фунтов пряжи за 180 талеров вместо 200 талеров, — с необходимостью выступает как повышение цены серебра, выступает как обесценение пряжи относительно серебра, а всеобщее падение цен вообще всегда включает в себя повышение цены денег, т. е. того товара, в котором оцениваются все остальные товары. Стало быть, в условиях кризиса, в условиях всеобщего падения цен, вплоть до известного момента имеет место вместе с тем *всеобщее обесценение или уничтожение капитала.* Уменьшение стоимости может быть *всеобщим,* абсолютным, а не только относительным, как *падение цен,* так как стоимость не только выражает — подобно цене — отношение одного товара к другому, но выражает также и отношение цены товара к овеществленному в нем труду, т. е. отношение некоторого количества овеществленного труда к другому количеству труда того же самого качества. Если эти количества овеществленного труда неравны, то [на одной стороне] имеет место *обесценение,* которое не уравновешивается повышением цены на другой стороне, так как другая сторона выражает твердо фиксированное количество овеществленного труда, не изменяющееся при обмене. При всеобщих кризисах это обесценение распространяется даже и на саму живую рабочую силу.

Согласно [IV—40] отмеченному выше, уничтожение стоимости и капитала, имеющее место в условиях кризиса, совпадает — или равносильно — со *всеобщим ростом производительных сил,* который, однако, происходит не в результате действительного увеличения производительной силы труда (в какой мере это увеличение производительной силы труда происходит вследствие кризиса, сюда не относится), а в результате уменьшения имеющейся налицо стоимости сырья, машин, рабочей силы. Пусть, например, хлопчатобумажный фабрикант теряет капитал при продаже своего продукта (скажем, пряжи), но ту же самую стоимость он покупает по пониженной цене в виде хлопка, труда и т. д. Для него это то же самое, как если бы уменьшилась *действительная стоимость* труда, хлопка и т. д., т. е. как если бы труд, хлопок и т. д. были произведены дешевле в результате возросшей производительной силы труда.

С другой стороны, внезапный всеобщий рост производительных сил точно так же привел бы к относительному обесценению

всех *наличных стоимостей,* в которых овеществлен труд, выполненный на более низкой ступени развития производительных сил, и постольку был бы уничтожен имеющийся в наличии капитал, равно как и имеющаяся налицо рабочая сила. Другая сторона кризиса сводится к действительному сокращению производства, живого труда, для того чтобы снова восстановить правильное соотношение между необходимым и прибавочным трудом, на котором в конечном счете зиждется все остальное. (Стало быть, дело обстоит совсем не так, как это в качестве истинного ростовщика полагает лорд Оверстон: будто кризисы просто сводятся к огромным прибылям для одних и к страшным убыткам для других.)

[г) Полагание капитала в качестве денег в их различных функциях. «Капитал вообще» как экономическая категория]

Обмен не меняет внутренних условий увеличения стоимости, однако он выбрасывает их наружу, придает им самостоятельную форму по отношению друг к другу и, следовательно, позволяет их внутреннему единству существовать только в качестве внутренней необходимости, которая поэтому насильственно вырывается наружу в виде кризисов. Стало быть, как обесценение капитала в процессе производства, так и снятие этого обесценения и создание условий для увеличения стоимости капитала, — и то, и другое заложено в сущности капитала. То движение, в котором все это происходит в действительности, может быть рассмотрено только после того как рассмотрен *реальный* капитал, т. е. конкуренция и т. д., после того как рассмотрены действительные реальные условия. Сюда это еще не относится. С другой стороны, *без* обмена не существовало бы производство капитала как такового, так как без обмена не существует *увеличение стоимости* как таковое. Если бы не было обмена, можно было бы говорить только об измерении и т. д. произведенной *потребительной стоимости,* вообще можно было бы говорить только о потребительной стоимости.

После того как в процессе производства капитал 1) увеличил свою стоимость, т. е. создал новую стоимость; 2) обесценил свою стоимость, т. е. из формы денег перешел в форму какого-нибудь определенного товара; 3) после этого стоимость капитала увеличивается, включая в себя новую стоимость, когда продукт снова выбрасывается в обращение и в качестве *Т* обменивается на *Д*. Действительные затруднения этого третьего процесса на той стадии исследования, на которой мы теперь находимся,

рассматривая лишь капитал вообще, — существуют только как *возможности*, а потому и снимаются тоже как *возможности*. Следовательно, теперь продукт полагается вновь превращенным в деньги.

Итак, капитал теперь вновь полагается в качестве денег, и поэтому деньги положены в *новом* определении *реализованного капитала,* а не просто в качестве реализованной цены товара. Иными словами, товар, реализованный в виде цены, является теперь реализованным капиталом. Это новое определение денег или, точнее, определение капитала в качестве денег мы рассмотрим впоследствии. В соответствии с природой денег, в капитале — когда он превращен в деньги — прежде всего выступает только измерение созданной им новой стоимости, т. е. повторяется первое определение денег как всеобщей меры товаров; однако теперь деньги выступают в качестве меры прибавочной стоимости, в качестве меры увеличения стоимости капитала. В форме денег это увеличение стоимости капитала выступает как измеренное в себе самом, как имеющее свою меру в себе самом.

Первоначально капитал составлял 100 талеров; теперь, когда он равен 110 талерам, мера увеличения его стоимости положена в его собственной форме, положена в качестве соотношения между капиталом, возвратившимся из процесса производства и обмена (возвратившимся к своей денежной форме), и первоначальным капиталом; эта мера уже больше не выступает как соотношение между двумя качественно различными видами труда: между овеществленным и живым трудом, или между необходимым трудом и созданным прибавочным трудом. Когда капитал положен в качестве денег, то он, таким образом, положен в первом определении денег, в определении их как меры стоимости. Но эта стоимость является здесь собственной стоимостью капитала, т. е. мерой его самовозрастания. Мы еще вернемся к этому (в разделе о прибыли).

Второй формой денег была форма денег в качестве средства обращения, и с этой стороны денежная форма капитала выступает как всего лишь мимолетный момент, ведущий к новому обмену капитала, но не так, как это бывает в случае денег как средства обращения вообще, когда деньги в целях потребления обмениваются на товары, на потребительные стоимости, — денежная форма капитала выступает здесь с целью обмена капитала на особые потребительные стоимости: с одной стороны — на сырье и орудие, с другой стороны — на живую рабочую силу, в виде которых капитал может возобновить свой оборот в качестве капитала.

[IV—41] В этом определении капитал является *оборотным капиталом,* о чем позднее. Но результатом капитала как денег, выступающих в определении средства обращения, является начало производственного акта, исходящего из *положенного* капитала, и это тот пункт, который мы здесь рассмотрим в первую очередь, прежде чем идти дальше.

(Хотя в первом определении [капитала как денег], в определении их в качестве *меры,* и измеряется *новая стоимость,* однако различие здесь всего лишь формальное: вместо прибавочного труда выступают деньги, т. е. прибавочный труд, овеществленный в определенном товаре. Но и *качественная* природа этой новой стоимости, т. е. самой той величины, которая здесь измеряется, тоже претерпевает некоторое изменение, которое следует рассмотреть только впоследствии.

Далее, в определении капитала в качестве денег как средства обращения исчезновение денежной формы тоже является еще всего лишь *формальным.* Денежная форма становится здесь *существенной* только после того, как завершается не только первый, но также и второй кругооборот. Таким образом, определение капитала в качестве денег как средства обращения приводит прежде всего только к тому, что мы снова оказываемся перед началом *процесса увеличения стоимости.* Поэтому прежде всего с *этого пункта* мы и продолжим наше рассмотрение капитала.)

Третья форма денег как самостоятельной стоимости, отрицательной по отношению к обращению, — это капитал, но не тот, который в качестве товара снова вступает в обмен после процесса производства, для того чтобы стать деньгами, а такой капитал, который становится товаром в форме самодовлеющей стоимости и именно в этой форме поступает в обращение. *(Капитал и процент.)* Эта третья форма предполагает капитал в его предыдущих формах и вместе с тем образует переход от *капитала* к *особенным капиталам,* к реальным капиталам; ибо теперь, в этой последней форме, капитал по своему понятию распадается уже на два самостоятельно существующих капитала. Вместе с этой двойственностью дана также множественность вообще. Таков ход этого развития капитала.

{Прежде чем идти дальше, необходимо еще сделать следующее замечание. Хотя в отличие от особенных капиталов *капитал вообще* и выступает 1) *как всего лишь абстракция,* но он является не произвольной абстракцией, а такой абстракцией, которая ухватывает differentia specifica * капитала в отличие от всех

* — специфическую отличительную черту, специфическое различие. *Ред.*

других форм богатства или способов развития производства (общественного). Капитал вообще — это такое определение, которое присуще каждому капиталу как таковому, или которое делает капиталом всякую определенную сумму стоимостей. А различия внутри этой абстракции представляют собой тоже абстрактные особенности, характеризующие каждый вид капитала, причем каждый вид капитала есть утверждение или отрицание этих абстрактных особенностей (например, основной или оборотный капитал).

2) Однако капитал вообще сам обладает *реальным* существованием, *отличным* от особенных, реальных капиталов. Это признано обычной политической экономией, хотя и не *понято* ею, и образует весьма важный момент ее учения о выравнивании [прибылей] и т. д. Например, капитал в этой *всеобщей форме,* хотя он и принадлежит отдельным капиталистам, образует, в своей *элементарной форме* капитала, тот капитал, который накопляется в банках или распределяется посредством банков, тот капитал, который, как говорит Рикардо [201], распределяется достойным удивления образом в соответствии с потребностями производства. Он, этот капитал в его всеобщей форме, образует также, посредством займов и т. д., некий общий уровень для различных стран. Поэтому если, например, для капитала вообще законом является то, что для увеличения своей стоимости он должен полагать себя двояко и в этой двоякой форме должен двояким образом увеличивать свою стоимость, то, скажем, капитал некоторой особенной нации, являющейся, в противоположность другой нации, представителем капитала *par excellence* *, должен даваться взаймы третьей нации, чтобы иметь возможность увеличивать свою стоимость. Двоякое полагание, отношение к самому себе как к чему-то чужому в этом случае становится чертовски реальным. Поэтому общее, являясь, с одной стороны, всего лишь *мыслимой* differentia specifica, вместе с тем представляет собой некоторую *особенную* реальную форму наряду с формой особенного и единичного.

(Впоследствии мы еще вернемся к этому пункту, который, хотя и имеет характер более логический, чем экономический, все же окажется весьма важным в ходе нашего исследования.)

Так обстоит дело и в алгебре. Например, a, b, c представляют собой числа вообще, в общем виде; но кроме того это — целые числа в противоположность числам $^a/_b$, $^b/_c$, $^c/_b$, $^c/_a$, $^b/_a$ и т. д., которые, однако, предполагают эти целые числа как всеобщие элементы.}

* — по преимуществу, в истинном значении слова *Ред.*

[д) Образование добавочного капитала. Превращение условий капиталистического производства в результаты самого наемного труда. Воспроизводство отношения между трудом и капиталом]

[IV—42] Итак, новая стоимость * сама полагается опять в виде капитала, в виде овеществленного труда, вступающего в процесс обмена с живым трудом и поэтому распадающегося на постоянную часть — на объективные условия труда: материал и орудие, — и на субъективные условия труда, условия существования живой рабочей силы: необходимые для рабочих жизненные средства. При этом втором появлении капитала в этой форме становятся ясными те пункты, которые при первом появлении капитала в виде денег, переходящих из определения их как стоимости в определение их как капитала, были совершенно неясны. Теперь их толкователем является сам процесс производства и увеличения стоимости. При первом появлении капитала казалось, что сами его *предпосылки* даются извне процессом обращения как внешние предпосылки возникновения капитала и поэтому как не вытекающие из его внутренней сущности и не объясняющиеся ею. Теперь эти *внешние* предпосылки становятся моментами движения самого капитала, так что сам капитал предполагает их в качестве своих собственных моментов, — как бы они ни возникли исторически.

Внутри самого процесса производства прибавочная стоимость, создаваемая под давлением капитала, выступала в качестве *прибавочного труда,* выступала сама в форме живого труда, который, однако, поскольку он не может ничего создать из ничего, находит свои объективные условия уже имеющимися в наличии. Теперь этот *прибавочный труд* выступает в овеществленном виде как *прибавочный продукт,* а этот прибавочный продукт, для того чтобы увеличить свою стоимость в качестве капитала, распадается на две формы: на *объективное условие труда* — материал и орудие — и на субъективное условие труда — жизненные средства для живого труда, который теперь должен быть пущен в ход.

Всеобщей, само собой разумеющейся предпосылкой является, конечно, стоимость как всеобщая форма: овеществленный труд, и притом овеществленный труд, поступающий из обращения. Далее: прибавочный продукт в своей целостности — объективированный прибавочный труд в своей целостности — выступает теперь как *добавочный капитал* (по сравнению с первоначаль-

* Имеется в виду вновь созданная прибавочная стоимость. *Ред.*

ным капиталом, прежде чем он начал совершать этот оборот), т. е. как ставшая самостоятельной меновая стоимость, которая противостоит живой рабочей силе как своей *специфической потребительной стоимости*. Все те моменты, которые противостояли живой рабочей силе как *чуждые, внешние* силы, потребляющие и использующие живую рабочую силу при *известных, от нее самой не зависящих условиях*, теперь полагаются как *ее собственный продукт и результат*.

Во-первых. Прибавочная стоимость или *прибавочный продукт* есть не что иное, как определенная сумма овеществленного живого труда, сумма прибавочного труда. Эта новая *стоимость*, которая противостоит живому труду как самостоятельная, обменивающаяся с ним стоимость, противостоит ему в качестве капитала, — есть *продукт труда*. Она сама есть не что иное, как *избыток труда вообще над необходимым трудом*, существующий в объективной форме, а потому — в качестве *стоимости*.

Во-вторых. Те особенные формы, которые эта стоимость должна принять, чтобы снова увеличиться, т. е. стать капиталом: с одной стороны, сырье и орудие, с другой стороны, жизненные средства для труда во время производственного акта, — поэтому представляют собой тоже только *особенные* формы самого прибавочного труда. Сырье и орудие произведены самим этим прибавочным трудом в таких соотношениях, иными словами, сам этот прибавочный труд объективно положен как сырье и орудие труда в такой пропорции, которая допускает, что в результатах этого труда может овеществляться и, действительно, постоянно овеществляется не только определенная сумма необходимого труда, т. е. живого труда, воспроизводящего жизненные средства (их стоимость), так что все время происходит расщепление объективных и субъективных условий самосохранения живого труда, а его самовоспроизводство может каждый раз начаться снова, — но эта пропорция допускает и то, что когда живой труд совершает этот процесс воспроизводства своих предметных условий, он в то же время полагает сырье и орудие в таких пропорциях, которые дают ему возможность осуществляться в них в качестве *прибавочного труда*, в качестве *труда, превышающего необходимый труд*, и поэтому превращать их в материал для *нового* созидания стоимости. Объективные условия *прибавочного труда*, ограничивающиеся определенной пропорцией сырья и орудия сверх тех требований, которые предъявляются необходимым трудом, в то время как объективные условия необходимого труда в рамках их объективности распадаются на объективные и субъективные моменты, на вещные

моменты труда и на субъективные моменты (жизненные средства живого труда), — эти объективные условия прибавочного труда поэтому теперь выступают, полагаются как продукт, результат, объективная форма, внешнее существование самого прибавочного труда. Напротив, первоначально то обстоятельство, что орудия и жизненные средства имелись налицо в размере, позволявшем живому труду осуществляться не только в виде *необходимого,* но и в виде *прибавочного труда,* — это обстоятельство представлялось первоначально чем-то чуждым для самого живого труда, представлялось деянием капитала.

В-третьих. Самостоятельное для-себя-бытие стоимости в противовес живой рабочей силе — т. е. ее бытие в качестве капитала, — объективное, холодное безразличие и *отчужденность* объективных условий труда по отношению к живой [IV—43] рабочей силе, доходящие до такой степени, что эти условия противостоят личности рабочего в виде личности капиталиста, противостоят как персонификации, обладающие собственной волей и интересами, — это абсолютное *разъединение, отделение* собственности, т. е. вещных условий труда, от живой рабочей силы, в результате чего условия труда противостоят рабочей силе как *чужая собственность,* как реальность другого юридического лица, как абсолютная сфера *его* воли, а с другой стороны, труд выступает поэтому как *чужой труд* по отношению к стоимости, персонифицированной в капиталисте, т. е. по отношению к условиям труда, — это абсолютное отделение собственности от труда, живой рабочей силы от условий ее реализации, отделение овеществленного труда от живого труда, отделение стоимости от деятельности, создающей стоимость, — а, стало быть, также отчужденность содержания труда по отношению к самому рабочему, — это отделение теперь тоже выступает как продукт самого труда, как овеществление, объективирование его собственных моментов. Ведь посредством самого нового производственного акта — который лишь подтвердил предшествовавший ему обмен между капиталом и живым трудом — прибавочный труд, а потому и прибавочная стоимость, прибавочный продукт, вообще совокупный результат труда (как прибавочного труда, так и необходимого) полагаются как капитал, как меновая стоимость, самостоятельная и безразличная по отношению к живой рабочей силе, или противостоящая ей как своей всего лишь потребительной стоимости.

Рабочая сила присвоила себе лишь субъективные условия необходимого труда: жизненные средства для производящей рабочей силы, т. е. для ее воспроизводства как всего лишь рабочей силы, отделенной от условий ее осуществления; причем

рабочая сила сама полагает эти условия как *вещи,* как *стоимости,* противостоящие ей в виде чужой, господствующей над ней персонификации. Рабочая сила выходит из процесса [производства] не только не богаче, но беднее, чем она была, когда входила в этот процесс. Ведь рабочий не только создал условия необходимого труда в качестве условий, принадлежащих капиталу, но вместе с тем заложенная в нем возможность увеличения стоимости, возможность созидания стоимости также существует теперь в виде прибавочной стоимости, прибавочного продукта, одним словом, существует как капитал, как господство над живой рабочей силой, как стоимость, одаренная собственной властью и волей, противостоящая рабочей силе как абстрактной, лишенной объективности, чисто субъективной бедности. Рабочая сила произвела не только чужое богатство и собственную бедность, но также и отношение этого богатства как самодовлеющего богатства к рабочей силе как к бедности, потребляя которую богатство приобретает новые жизненные силы и снова возрастает.

Все это проистекало из того обмена, в котором рабочий свою живую рабочую силу обменивал на некоторое количество овеществленного труда; но теперь этот овеществленный труд, эти существующие вне его условия его жизни и самостоятельное бытие этих вещных условий вне самой рабочей силы выступают в качестве *его собственного продукта,* как положенные им самим, как осуществляемое им самим объективирование, объективирование себя как такой силы, которая не только независима от него самого, но даже господствует над ним, господствует над ним благодаря его же собственной деятельности.

В *добавочном капитале* все его моменты представляют собой продукт *чужого* труда, т. е. превращенный в капитал *чужой прибавочный труд:* жизненные средства для необходимого труда; объективные условия — материал и орудие, при посредстве которых необходимый труд может воспроизвести стоимость, обмененную на него в виде жизненных средств; наконец, такое количество материала и орудий, которое необходимо для того, чтобы в результате живого труда мог осуществиться новый прибавочный труд, иными словами, для того, чтобы могла быть создана новая прибавочная стоимость.

Здесь отпала существовавшая еще при первом рассмотрении процесса производства видимость того, что капитал со своей стороны будто бы привнес некоторую стоимость из обращения. Наоборот, объективные условия труда выступают теперь как продукт труда — и поскольку они представляют собой стоимость вообще, и поскольку они являются потребительными

стоимостями для производства. Но если капитал, таким образом, выступает в качестве продукта труда, то продукт труда выступает в качестве капитала — уже не как простой продукт и не как пригодный к обмену товар, а как *капитал*, как овеществленный труд, осуществляющий господство над живым трудом, распоряжение им. В качестве продукта труда выступает также и то обстоятельство, что продукт труда выступает как *чужая собственность*, обладающая самостоятельно противостоящим живому труду способом существования, а также как для-себя-сущая *стоимость*; что продукт труда, овеществленный труд самим живым трудом наделен собственной душой и утверждает себя в противовес живому труду как *чуждая сила*.

Если рассматривать эту чуждую силу с точки зрения труда, то получается, что она действует в процессе производства таким образом, что труд одновременно отталкивает от себя как чужую реальность свое собственное осуществление в своих объективных условиях и поэтому полагает самого себя как лишенную субстанции, всего лишь неимущую рабочую силу в противоположность этой отчужденной от труда реальности, принадлежащей не труду, а другим; что труд свою собственную действительность полагает не как бытие-для-себя, а как всего лишь бытие-для-другого, а потому и как всего лишь инобытие, или как бытие иного против самого себя.

Этот процесс претворения труда в действительность есть вместе с тем процесс, лишающий труд всякой подлинной действительности. Труд полагает себя объективно, но эту свою объективность он полагает как свое собственное небытие или как бытие своего небытия — капитала. Труд возвращается к себе как всего лишь возможность полагания стоимости или увеличения стоимости, так как ему противопоставлены в качестве самостоятельных сущностей: все действительное богатство, мир действительной стоимости, а также реальные условия его собственного [IV—44] претворения в действительность. В лоне самого́ живого труда покоятся возможности, которые в результате процесса производства существуют вне труда как действительности, но как *чуждые* труду *действительности*, образующие богатство в противоположность труду.

Поскольку прибавочный продукт снова используется в качестве добавочного капитала, снова вступает в процесс производства и в процесс увеличения стоимости, он распадается на 1) жизненные средства для рабочих, предназначенные для обмена на живую рабочую силу; эта часть *капитала* может быть названа *рабочим фондом*. Этот рабочий фонд, представляющий

собой часть капитала, предназначенную для сохранения рабочей силы, притом для прогрессирующего сохранения ее, так как добавочный капитал постоянно возрастает, — точно так же выступает теперь в качестве продукта *чужого* труда, чуждого *капиталу* труда, как и 2) остальные составные части капитала: вещные условия, требующиеся для воспроизводства стоимости, равной стоимости этих жизненных средств, и для получения прибавочной стоимости.

Далее, если рассматривать этот добавочный капитал, то деление капитала на постоянную часть, обладающую допотопным — до труда — существованием: сырье и орудия труда, и на переменную часть, а именно: жизненные средства, которые могут быть обменены на живую рабочую силу, — представляется чисто формальным, поскольку как та, так и другая часть капитала в равной мере *полагаются* трудом и в равной мере полагаются им в качестве его собственных *предпосылок*. Это внутреннее деление самого капитала выступает теперь скорее таким образом, что собственный продукт труда — объективированный прибавочный труд — распадается на две составные части: 1) на объективные условия для нового использования труда и 2) на рабочий фонд, предназначенный для сохранения возможности этого живого труда, т. е. для сохранения живой рабочей силы как чего-то живого, — но распадается таким образом, что рабочая сила только в том случае снова может присвоить себе предназначенную для рабочего фонда часть своего собственного результата, своего собственного наличного бытия в объективной форме, только в том случае может извлечь эту часть из формы противостоящего рабочей силе чужого богатства, если рабочая сила не только воспроизводит свою стоимость, но также увеличивает стоимость той части нового капитала, которая представляет собой объективные условия для осуществления нового прибавочного труда и добавочного производства, т. е. производства прибавочных стоимостей. Сам труд создал новый фонд для применения нового необходимого труда, или, что то же самое, фонд для содержания новой живой рабочей силы, новых рабочих, но вместе с тем он создал и то условие, что этот фонд может быть присвоен рабочими только в том случае, когда избыточная часть добавочного капитала поглощает новый прибавочный труд. Следовательно, в произведенном трудом добавочном капитале — в прибавочной стоимости — вместе с тем создана реальная необходимость нового прибавочного труда, и таким образом добавочный капитал сам есть реальная возможность как нового прибавочного труда, так и нового добавочного капитала.

Из всего сказанного видно, как в результате самого труда все более и более расширяется объективный мир богатства, противопоставляя себя труду как чуждая ему сила и приобретая все более обширное и все более полное существование, так что относительно, по сравнению с созданными стоимостями или реальными условиями созидания стоимости, нищая субъективность живой рабочей силы образует все более разительный контраст. Чем больше объективирует себя труд, тем обширнее становится объективный мир стоимостей, противостоящий труду как чужой мир, как чужая собственность. Путем создания добавочного капитала труд сам все снова и снова принуждает себя к созданию нового добавочного капитала и т. д., и т. д.

По сравнению с первоначальным — не добавочным капиталом, — условия для рабочей силы изменились теперь в том смысле, что 1) та часть капитала, которая обменивается на необходимый труд, воспроизведена самим этим трудом, т. е. уже не приходит к нему из обращения, а является его собственным продуктом; и 2) та часть стоимости, которая в виде сырья и орудия представляет реальные условия использования живого труда, была сохранена им самим в процессе производства, и так как всякая потребительная стоимость по своей природе состоит из преходящего материала, а меновая стоимость имеется налицо, существует только в виде потребительной стоимости, — то это сохранение равносильно спасению от гибели, или отрицанию преходящей природы принадлежащих капиталистам стоимостей, а потому полаганию их как для-себя-сущей стоимости, как *непреходящего богатства*. Поэтому эта первоначальная сумма стоимостей была положена в качестве капитала лишь в процессе производства живым трудом.

* * *

Теперь с точки зрения капитала: когда предметом рассмотрения является *добавочный капитал*, то капиталист представляет для-себя-сущую стоимость, деньги в их третьем моменте, богатство, просто в результате *присвоения чужого труда*, ибо каждый из моментов добавочного капитала: материал, орудие, жизненные средства, — сводится к *чужому труду*, который не присваивается капиталистом посредством *обмена* на имеющиеся в наличии стоимости, но который он присвоил себе *без обмена*. Правда, *первоначальным условием* для этого *добавочного капитала* является обмен *части принадлежащих ему стоимостей*, или принадлежащего ему *овеществленного труда*, на чужую живую рабочую силу.

Условием образования *добавочного капитала I* — если мы так назовем тот добавочный капитал, который появляется в результате первоначального процесса производства, — т. е. условием *присвоения чужого труда, овеществленного чужого труда* является на стороне капиталиста обладание *стоимостями*, часть которых он *формально* обменивает на живую рабочую силу. Мы говорим «формально», потому что живой труд должен возвратить, возместить капиталисту также и *обмененные* им стоимости. Но как бы то ни было, во всяком случае условием для формирования *добавочного капитала I*, т. е. условием для присвоения чужого труда или тех стоимостей, в которых этот труд овеществился, является производимый капиталистом обмен принадлежащих ему стоимостей, брошенных им в обращение и предложенных им живой рабочей силе, — стоимостей, которые возникли *не* из его [IV—45] *обмена* с живым трудом, т. е. не из его отношения как *капитала* к *труду*.

Но представим себе теперь, что добавочный капитал снова брошен в процесс производства, снова реализует в обмене свою прибавочную стоимость и снова появляется в начале третьего процесса производства в качестве нового добавочного капитала. Предпосылки этого *добавочного капитала II* иные, чем у добавочного капитала I. Предпосылкой добавочного капитала I были стоимости, принадлежавшие капиталисту и брошенные им в обращение, точнее — в обмен с живой рабочей силой. Предпосылкой добавочного капитала II является не что иное, как существование добавочного капитала I, т. е., иными словами, та предпосылка, что капиталист уже присвоил чужой труд без обмена. Это-то и дает капиталисту возможность беспрестанно возобновлять процесс. Правда, для того чтобы создать добавочный капитал II, капиталист должен был обменять некоторую часть стоимости добавочного капитала I в форме жизненных средств на живую рабочую силу, но то, что он таким образом обменял, с самого начала было такими стоимостями, которые не были пущены им в обращение из собственного фонда; эти стоимости представляли собой чужой овеществленный труд, который он присвоил без всякого эквивалента и который он теперь снова обменивает на чужой живой труд; точно так же и материал и т. д., в котором осуществляется и создает прибавочную стоимость этот новый труд, попал в руки капиталиста без обмена, путем простого присвоения.

Прошлое присвоение чужого труда теперь выступает просто как условие нового присвоения чужого труда; иными словами, то обстоятельство, что чужой труд в объективной (вещной) форме, в форме существующих стоимостей, находится в собственности

капиталиста, — это обстоятельство является условием для того, чтобы капиталист снова мог присвоить себе чужую *живую* рабочую силу и, следовательно, прибавочный труд, труд без эквивалента. То, что капиталист уже противостоял живому труду в качестве капитала, является единственным условием того, что он не только сохраняет себя как капитал, но как возрастающий капитал в возрастающем количестве *присваивает* чужой труд без эквивалента, т. е. расширяет свою мощь, свое существование в качестве капитала в противовес живой рабочей силе, а с другой стороны, все снова и снова полагает живую рабочую силу в ее субъективной, лишенной субстанции нищете как живую рабочую силу.

Собственность на прошлый, или объективированный, чужой труд выступает как единственное условие дальнейшего присвоения теперешнего, или живого, чужого труда. Поскольку добавочный капитал I был создан путем простого обмена между овеществленным трудом и живой рабочей силой, обмена, целиком основанного на законе обмена эквивалентами в соответствии с содержащимся в них количеством труда или рабочего времени, и *поскольку* этот обмен в юридическом смысле не предполагает ничего иного помимо права собственности любого человека на его собственные продукты и свободного распоряжения ими, — но поскольку отношение добавочного капитала II к добавочному капиталу I поэтому является следствием этого первого отношения [между капиталом и трудом], — мы наблюдаем поразительный результат: на стороне капиталиста право собственности диалектически превращается в право на чужой продукт или в право собственности на чужой труд, в право присвоения чужого труда без эквивалента, а на стороне рабочей силы — в обязанность относиться к собственному труду или к своему собственному продукту как к *чужой собственности*. На одной стороне право собственности превращается в право присвоения чужого труда, а на другой стороне — в обязанность относиться к продукту своего собственного труда и к самому собственному труду как к стоимостям, принадлежащим другим.

Однако обмен эквивалентов, выступавший как та первоначальная операция, в которой юридически было выражено право собственности, обернулся таким образом, что для одной из сторон он является лишь видимостью обмена, так как часть капитала, обмененная на живую рабочую силу, во-первых, сама является *чужим трудом*, присвоенным без эквивалента, и, во-вторых, она *должна быть с избытком возмещена живой рабочей силой*, т. е. в действительности эта часть капитала не отдается, а только превращается из одной формы в другую. Итак,

отношение обмена целиком отпало, или является *всего лишь видимостью*.

Далее, первоначально право собственности было основано на собственном труде. Теперь собственность выступает как право на чужой труд и как невозможность для труда присваивать себе свой собственный продукт. Полное разделение между собственностью и трудом и еще более — между богатством и трудом выступает теперь как следствие того закона, который исходил из их тождества.

Наконец, результатом процесса производства и процесса увеличения стоимости прежде всего является воспроизводство и новое производство *самого отношения между капиталом и трудом, между капиталистом и рабочим*. Это социальное отношение, производственное отношение фактически является еще более важным результатом процесса, чем его материальные результаты. А именно, в рамках этого процесса рабочий производит самого себя как рабочую силу, а также — противостоящий ему капитал, подобно тому как, с другой стороны, капиталист производит себя как капитал, а также — противостоящую ему живую рабочую силу. Каждый воспроизводит самого себя тем, что он воспроизводит другого, воспроизводит свое отрицание. Капиталист производит труд как чужой труд; труд производит продукт как чужой продукт. Капиталист производит рабочего, а рабочий — капиталиста и т. д.

[5)] ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА

[а) Исторические предпосылки капитала и их отношение к уже существующему капиталистическому производству]

Если уж предположено производство, основанное на капитале, — {собственно говоря, деньги превратились в капитал лишь *в конце первого* процесса *производства*, результатом которого были воспроизводство капитала и новое производство добавочного капитала I; однако сам добавочный капитал I только в том случае *полагается*, реализуется как добавочный капитал, когда он произвел добавочный капитал II, т. е. когда исчезли находящиеся еще вне движения *действительного* капитала предпосылки денег, превращающихся в капитал, и поэтому капитал сам, соответственно своей имманентной сущности, фактически полагает те условия, из которых он исходит в процессе производства}, — то в этом случае условие, что капиталист, для того чтобы стать капиталом, должен привнести в обращение [IV — 46] стоимости, созданные его личным трудом или каким-

нибудь другим способом (но только не уже наличным, прошлым наемным трудом), это условие относится к допотопным условиям капитала, к его *историческим предпосылкам*, которые в качестве такого рода *исторических* предпосылок уже изжиты и поэтому принадлежат к *истории образования капитала,* но отнюдь не к его *современной* истории, т. е. они не относятся к действительной системе подчиненного ему способа производства.

Если, например, бегство крепостных в города является одним из *исторических* условий и предпосылок городского строя, то оно вовсе не является *условием,* реальным моментом развитого городского строя, а принадлежит к его *минувшим* предпосылкам, к тем предпосылкам становления городского строя, которые в его бытии уже сняты. Условия и предпосылки *становления, возникновения* капитала предполагают как раз то, что капитал еще не существует, а только лишь *становится;* следовательно, они исчезают при действительном капитале, при том капитале, который, исходя из собственной действительности, сам полагает условия своего собственного осуществления. Так, например, если при первоначальном становлении денег, или для-себя-сущей стоимости, капиталом предпосылкой является определенное накопление со стороны капиталиста (пусть даже путем экономии продуктов и стоимостей и т. д., созданных его собственным трудом), которое он осуществил, будучи *не-капиталистом*, если, таким образом, предпосылки становления денег капиталом являются данными внешними *предпосылками* возникновения капитала, — то капитал, ставший таковым, создает свои собственные предпосылки, а именно: обладание реальными условиями для создания новых стоимостей *без обмена,* посредством своего собственного процесса производства.

Эти предпосылки, которые первоначально выступали в качестве условий становления капитала и поэтому еще не могли вытекать из его деятельности *как капитала,* теперь являются результатами его собственного осуществления, *полагаемой* им действительности, являются *не условиями возникновения капитала, а результатами его бытия.* Для своего становления капитал больше не исходит из предпосылок, но он сам предпослан и, исходя из самого себя, сам создает предпосылки своего сохранения и роста. Поэтому условия, предшествовавшие созданию добавочного капитала I, или условия, выражающие становление капитала, не относятся к сфере того способа производства, предпосылкой которого является капитал, а пройдены капиталом как предварительные исторические этапы его становления, подобно тому как те процессы, посредством которых Земля из состояния огненного и парообразного моря перешла в свою

теперешнюю форму, находятся за пределами жизни сформировавшейся Земли. Это означает, что отдельные капиталы все еще могут возникать, например, посредством накопления запасов. Однако накопленный запас может быть превращен в капитал только посредством эксплуатации труда.

Буржуазные экономисты, рассматривающие капитал как вечную и *естественную* (а не историческую) форму производства, затем снова стараются оправдать капитал, выдавая условия его становления за условия его теперешнего осуществления; иными словами, те моменты, при которых капиталист еще присваивает себе что-нибудь в качестве не-капиталиста — так как он еще только становится капиталистом, — буржуазные экономисты выдают за те условия, при которых он присваивает себе нечто уже *в качестве капиталиста*. Эти попытки апологетики говорят только о нечистой совести и о бессилии привести в соответствие с *общими законами собственности*, провозглашенными самим капиталистическим обществом, способ присвоения, применяемый капиталом как таковым.

С другой стороны, что для нас гораздо важнее, наш метод показывает те пункты, где должно быть включено историческое рассмотрение предмета, т. е. те пункты, где буржуазная экономика, являющаяся всего лишь исторической формой процесса производства, содержит выходящие за ее пределы указания на более ранние исторические способы производства. Поэтому, для того чтобы раскрыть законы буржуазной экономики, нет необходимости писать *действительную историю производственных отношений*. Однако правильное рассмотрение и выведение этих производственных отношений как исторически сложившихся отношений всегда приводят к таким первым уравнениям, которые — подобно эмпирическим числам, например, в естествознании — указывают на прошлое, существовавшее до этой системы. Эти указания наряду с правильным пониманием современности дают в таком случае также и ключ к пониманию прошлого: это самостоятельная работа, к которой тоже мы надеемся еще приступить. С другой стороны, это правильное рассмотрение приводит к пунктам, где намечается уничтожение современной формы производственных отношений и в результате этого вырисовываются первые шаги преобразующего движения по направлению к будущему. Если, с одной стороны, добуржуазные фазы являются *только лишь историческими*, т. е. уже устраненными предпосылками, то современные условия производства выступают как *устраняющие самих себя*, а потому — как такие условия производства, которые полагают *исторические предпосылки* для нового общественного строя.

Теперь рассмотрим прежде всего уже установившееся отношение: ставшую капиталом стоимость и живой труд как всего лишь противостоящую капиталу потребительную стоимость, так что живой труд является всего лишь средством для того, чтобы увеличить стоимость овеществленного, мертвого труда, вдохнуть в него живую душу, но утратить при этом свою собственную душу и в качестве результата произвести создаваемое им богатство как чужое богатство, а как свою собственность — только нищету живой рабочей силы; в этом случае дело сводится просто к тому, что в самом процессе и посредством него реальные вещные условия живого труда (а именно, материал, в котором происходит увеличение стоимости, орудие, посредством которого увеличивается стоимость, [IV—47] и жизненные средства, которые должны раздуть пламя живой рабочей силы и побудить ее к труду, не давать ей погаснуть, доставляя необходимые для ее жизненного процесса вещества) полагаются как чужие самостоятельные сущности или как способы существования *чужой личности,* как нечто противостоящее живой рабочей силе, которая также изолирована от них и субъективна, — полагаются как прочно обособившиеся, для-себя-сущие стоимости, а потому как стоимости, образующие богатство, чуждое живой рабочей силе, богатство капиталиста.

Объективные условия живого труда выступают как *отделившиеся, самостоятельные* стоимости по отношению к живой рабочей силе как субъективному наличному бытию, которая поэтому по отношению к объективным условиям также является только стоимостью *другого рода* (она отличается от них не как стоимость, а как потребительная стоимость). Если это разделение однажды выступает как предпосылка, то процесс производства может только производить вновь, воспроизводить это разделение, причем воспроизводить его в большем масштабе. Каким образом процесс производства осуществляет это, мы уже видели. Объективные условия живой рабочей силы предпосланы как самостоятельное по отношению к ней существование, как объективность отличного от живой рабочей силы и противостоящего ей субъекта; поэтому воспроизводство и *увеличение стоимости,* т. е. расширение этих *объективных условий* является вместе с тем воспроизводством и новым производством их в качестве богатства чужого субъекта, безразлично и самостоятельно противостоящего рабочей силе. Воспроизводится и производится вновь не только *наличное бытие* этих объективных условий живого труда, но и *их наличное бытие как самостоятельных, т. е. принадлежащих чужому субъекту стоимостей, в противовес этой живой рабочей силе.*

Объективные условия труда приобретают по отношению к живой рабочей силе субъективное существование: из капитала возникает капиталист; с другой стороны, всего лишь субъективное существование рабочей силы по отношению к ее собственным условиям придает ей всего лишь безразличную объективную по отношению к этим условиям форму: рабочая сила является всего лишь *стоимостью*, обладающей особенной потребительной стоимостью, *наряду* с собственными условиями ее использования как *стоимостями*, обладающими другой потребительной стоимостью. Вместо того чтобы эти условия реализовались в процессе производства в качестве условий осуществления рабочей силы, рабочая сила, наоборот, выходит из процесса производства как всего лишь условие увеличения и сохранения *их* стоимости в качестве для-себя-сущей стоимости, противостоящей рабочей силе [202].

Материал, обрабатываемый рабочей силой, есть *чужой* материал, точно так же орудие есть *чужое* орудие; труд рабочего является только придатком к материалу и орудию как к субстанции, и поэтому он овеществляется в том, что *ему* не принадлежит. Даже сам живой труд является *чужим* по отношению к живой рабочей силе, будучи вместе с тем ее трудом, проявлением ее собственной жизни, так как труд передан капиталу взамен овеществленного труда, взамен продукта самого труда. Рабочая сила относится к труду как к чему-то чужому, и если бы капитал готов был ее оплачивать, *не* заставляя работать, она с удовольствием пошла бы на такую сделку. Таким образом, ее собственный труд ей столь же чужд, — а он чужд ей также и в отношении управления трудом и т. д., — как материал и орудие. Поэтому и продукт тоже является для рабочей силы комбинацией чужого материала, чужого орудия и чужого труда, т. е. *чужой собственностью*, и после процесса производства рабочая сила стала лишь беднее в размере израсходованной жизненной энергии; затем она снова принимается за свою тягостную работу в качестве чисто субъективной способности к труду, отделенной от своих жизненных условий.

Признание продуктов труда своими собственными продуктами и оценка отделения труда от условий его существования как несправедливого, насильственного, свидетельствует об огромной сознательности, являющейся продуктом способа производства, основанного на капитале, и точно так же служит похоронным звоном, предвещающим гибель этого способа производства, как с появлением у раба сознания того, что он *не может быть собственностью третьего лица*, с появлением у него осознания себя личностью, рабство влачит уже только

искусственное существование и не может дальше служить основой производства.

Если мы, напротив, рассмотрим то первоначальное отношение, которое предшествует вступлению денег в процесс самовозрастания стоимости, то перед нами выступят различные условия, которые должны были возникнуть исторически, или должны были быть даны для того, чтобы деньги стали капиталом, а труд — полагающим капитал, создающим капитал наемным трудом. (*Наемный труд*, который берется здесь в том строго экономическом смысле, в каком мы только и употребляем этот термин, — а нам надо будет впоследствии различать наемный труд в строго экономическом смысле и другие формы труда [свободных] поденщиков и т. д., — есть труд, полагающий капитал, производящий капитал, т. е. такой живой труд, который и предметные условия своего осуществления в качестве деятельности, и объективные моменты своего существования в качестве *способности* к труду производит в виде чуждых сил, противостоящих ему самому, в виде *для-себя-сущих, независимых от него стоимостей*.)

Существенные условия даны в самом отношении, даны так, как это отношение выступает первоначально: 1) на одной стороне наличие живой рабочей силы как всего лишь *субъективного* существования, отделенного от моментов его объективной действительности, т. е. отделенного как от *условий* живого труда, так и от *средств существования, жизненных средств*, средств самосохранения живой *рабочей силы;* живая возможность труда в этой полной абстрактности — на одной стороне; 2) находящаяся на другой стороне стоимость, или овеществленный труд, должна представлять собой накопление потребительных стоимостей, достаточно большое для того, чтобы доставить предметные условия не только для производства продуктов или стоимостей, необходимых для воспроизводства живой рабочей силы, или сохранения ее, но и для поглощения прибавочного труда, доставить [IV — 48] объективный материал для прибавочного труда; 3) свободное отношение обмена — обращение денег — между обеими сторонами; основанное на меновых стоимостях, а не на отношениях господства и кабалы, отношение между двумя полюсами, т. е., стало быть, такое производство, которое доставляет производителю жизненные средства не непосредственно, а через посредство обмена, и, кроме того, не может непосредственно овладеть чужим трудом, а вынуждено покупать его у самого рабочего, выменивать его; наконец, 4) одна из сторон, — та, которая представляет предметные условия труда в форме самостоятельных, для-себя-сущих стоимостей, — должна выступать как *стоимость* и считать конечной целью не непосредствен-

ное потребление или созидание потребительной стоимости, а полагание стоимости, самовозрастание стоимости, деланье денег.

Пока *обе* стороны обменивают между собой свой труд только в форме *овеществленного* труда, подобное отношение невозможно; оно невозможно также и в том случае, если *живая рабочая сила* сама является собственностью другой стороны, т. е. не является обменивающейся стороной. (Этому не противоречит то, что в рамках буржуазной системы производства возможно в отдельных пунктах рабство. Но оно возможно в этих условиях лишь потому, что оно не существует в других пунктах, а в самой буржуазной системе является аномалией.)

Те условия, при которых первоначально выступает это отношение, которые, стало быть, представляют собой исторические предпосылки его становления, обнаруживают с первого же взгляда свой двойственный характер: на одной стороне — разложение более низких форм живого труда, на другой — разложение отношений более благоприятных [для непосредственных производителей] *.

Прежде всего выступает первая предпосылка об устранении отношения рабства или крепостничества. Живая способность к труду принадлежит себе самой и располагает посредством обмена своим собственным проявлением силы. Обе стороны противостоят друг другу как личности. *Формально* отношение между ними есть отношение равных и свободных участников обмена.

То обстоятельство, что эта форма есть *видимость* и *обманчивая видимость*, выступает при рассмотрении юридического отношения как нечто такое, что лежит *за рамками* этого отношения. То, что продает свободный рабочий, всегда является только определенной, особой мерой проявления силы; рабочая сила рабочего как нечто целостное стоит над всяким особым ее проявлением. Рабочий продает особое проявление силы отдельному капиталисту, которому он независимо противостоит как *единичной личности*. Ясно, что не в этом состоит его отношение к существованию капитала как такового, т. е. к классу капиталистов. Однако именно так обстоит дело с отдельной, действительной личностью [с отдельным капиталистом]: рабочему в этом случае предоставлен широкий простор для выбора, произвола, а следовательно, предоставлена формальная свобода. В условиях рабства работник принадлежит *отдельному особому* собственнику, являясь его рабочей машиной. Как совокупность проявлений

* Заключенная в квадратные скобки вставка взята из рукописи 1861—1863 годов, где Маркс воспроизвел все это место (тетрадь XXII, стр. 1397). *Ред.*

силы, как рабочая сила, он является вещью, принадлежащей другому, и поэтому он относится к особому проявлению своей силы, т. е. к своей живой трудовой деятельности, не как субъект. В условиях крепостной зависимости работник является моментом самой земельной собственности, наравне с рабочим скотом является придатком к земле. В условиях рабства работник есть не что иное, как живая рабочая машина, которая поэтому обладает стоимостью для других или, вернее, есть стоимость. Для свободного рабочего вся его рабочая сила сама выступает как его собственность, как один из его моментов, который он охватывает в качестве субъекта и который он сохраняет, отчуждая его. Это следует более подробно рассмотреть впоследствии в связи с наемным трудом.

[б) Личные услуги как противоположность производительного наемного труда]

Обмен овеществленного труда на живой труд еще не конституирует ни капитала на одной стороне, ни наемного труда — на другой. Весь класс так называемых *слуг,* начиная с чистильщика сапог и кончая королем, относится к этой категории. Сюда же относится и свободный поденщик, которого мы спорадически встречаем повсюду, где либо азиатская община, либо западная община, состоящая из свободных собственников земли, распадается на отдельные элементы вследствие роста населения, вследствие отпуска на волю военнопленных, вследствие всякого рода случайностей, из-за которых отдельный человек беднеет и утрачивает объективные условия своего самодовлеющего труда, вследствие разделения труда и т. д.

Если *А* обменивает какую-нибудь стоимость или деньги, стало быть овеществленный труд, с тем чтобы получить от *В* какую-нибудь услугу, стало быть живой труд, то это может принадлежать:

1) К *отношению простого обращения.* Оба, на самом деле, обмениваются между собой только потребительными стоимостями; один — жизненными средствами, другой — трудом, услугой, которую хочет потребить первый; или это непосредственно оказываемая личная услуга или же один дает другому материал и т. д., с помощью которого тот посредством своего труда, посредством овеществления своего труда создает потребительную стоимость, предназначенную для потребления первого. Это происходит, например, в том случае, если крестьянин берет к себе в дом бродячего портного, какие встречались раньше,

и дает ему материал для шитья одежды. Или в том случае, если я даю врачу деньги с тем, чтобы привести в порядок свое здоровье. В этих случаях важно то, что всякий раз это — услуга, которую оказывают друг другу оба. «Do ut facias» стоит здесь совершенно наравне с «facio ut des» или с «do ut des» [203].

Человек, который шьет мне из сукна одежду, для чего я предоставляю ему материал, дает мне потребительную стоимость. Но вместо того чтобы сразу дать ее в предметной форме, он дает ее в форме деятельности. Я даю ему одну готовую потребительную стоимость, а он изготовляет для меня другую. Различие между прошлым, овеществленным трудом и живым, теперешним трудом, выступает здесь как всего лишь формальное различие во времени совершения труда; один труд был совершен в прошедшем времени, а другой совершается в настоящее время. И действительно, всего лишь формальным различием, вытекающим только из разделения труда и обмена, представляется то, производит ли *B* сам те съестные припасы, за счет которых он должен существовать, или же он получает их от *A* и, вместо того чтобы непосредственно производить съестные припасы, производит одежду, взамен которой он получает съестные припасы от *A*. В обоих случаях он может овладеть принадлежащими *A* потребительными стоимостями только в том случае, если даст ему взамен эквивалент, который в последней инстанции всегда сводится к его собственному живому труду, какую бы овеществленную форму тот ни принял, будь то до того как совершен обмен или вследствие этого обмена. Теперь одежда содержит в себе не только определенный труд, придающий ей форму, — определенную форму пригодности, придаваемую сукну процессом труда, — но она содержит в себе также и некоторое определенное количество труда, стало быть содержит не только потребительную стоимость, но и *стоимость* вообще, *стоимость* как таковую. Но эта стоимость не существует для *A*, так как он потребляет одежду, а не торгует ею. Следовательно, в обмен на свои съестные припасы он получил труд не в качестве труда, *создающего стоимость*, а в качестве деятельности, создающей полезность, потребительную стоимость.

[IV — 49] При оказании личных услуг эта потребительная стоимость потребляется как таковая, не переходя при этом из формы движения в форму вещи. Если, как это часто имеет место в примитивных условиях, оказывающий услугу получает не *деньги*, а непосредственно сами потребительные стоимости, то отпадает даже видимость того, будто здесь для той или другой стороны имеют значение *стоимости* в отличие от потребительных стоимостей. Но даже если предположить, что *A* оплачивает

услугу деньгами, то это — не превращение его денег в капитал, а наоборот, полагание денег как всего лишь средства обращения, предназначенного для приобретения предмета потребления, определенной потребительной стоимости. Поэтому этот акт и не является актом, производящим богатство, а наоборот, есть акт, потребляющий богатство. Для *А* дело здесь заключается вовсе не в том, что труд [портного *В*] как таковой, некоторое рабочее время, следовательно *стоимость*, объективируется в сукне, а в том, что удовлетворяется определенная его потребность. Когда *А* переводит свои деньги из формы стоимости в форму потребительной стоимости, то деньги его не *увеличиваются*, а *уменьшаются*. Труд обменивается здесь не как потребительная стоимость для производства стоимости, а как сама особенная потребительная стоимость, как стоимость для потребления. Чем чаще *А* повторяет обмен, тем больше он беднеет. Этот обмен не является для него актом *обогащения*, не является актом *созидания стоимости*, а есть акт *уменьшения* имеющихся в наличии, находящихся в его владении стоимостей. Деньги, которые здесь *А* обменивает на живой труд, — на натуральную услугу или услугу, объективирующуюся в какой-нибудь вещи, — представляют собой не *капитал*, а *доход*, деньги как средство обращения, необходимые для получения потребительной стоимости, деньги, у которых форма стоимости выступает как всего лишь мимолетная, а не те деньги, которые посредством покупки труда хотят сохраниться как таковые и увеличить свою стоимость. Обмен *денег как дохода*, как всего лишь средства обращения, на живой труд никак не может превратить деньги в капитал, а следовательно, никак не может превратить труд в наемный труд в экономическом смысле.

Не требует подробных объяснений то обстоятельство, что потреблять (расходовать) деньги не значит производить деньги. В условиях, когда бо̀льшая часть прибавочного труда является земледельческим трудом и поэтому земельный собственник является собственником как прибавочного труда, так и прибавочного продукта, — именно доход земельного собственника образует рабочий фонд для свободных рабочих, для промышленных рабочих (здесь имеются в виду ремесленники) в противовес сельскохозяйственным работникам.

Обмен с ремесленниками есть одна из форм потребления земельного собственника, который другую часть своего дохода непосредственно распределяет взамен личных услуг, часто всего лишь видимости услуг, среди своры прихлебателей. В азиатских обществах, где монарх является исключительным обладателем прибавочного продукта страны, в результате обмена его дохода

с free hands *, как их называет Стюарт[204], возникают целые города, которые au fond ** представляют собой не что иное, как бродячие лагери. Это отношение, несмотря на то, что оно *может*, хотя и не обязательно *должно*, составлять противоположность к рабству и крепостничеству, не имеет ничего общего с наемным трудом, так как оно неизменно повторяется при различных формах общественной организации труда. Если этот обмен осуществляется при посредстве *денег*, то определение цены становится важным для обеих сторон, но для *A* — лишь в той мере, в какой он не хочет чересчур дорого заплатить за создаваемую трудом *потребительную стоимость*, а не потому, что для него имеет значение создаваемая трудом *стоимость*. Оттого, что эта цена, первоначально скорее условная и традиционная, постепенно все более и более начинает определяться экономически, сначала — посредством соотношения между спросом и предложением, а в конце концов — теми издержками производства, с помощью которых можно создать самих продавцов подобного рода живых услуг, — от этого отношение по существу не меняется, ибо и в этом случае, как и раньше, определение цены остается всего лишь формальным моментом обмена простых потребительных стоимостей. Но само это определение цены порождается другими отношениями, общими законами господствующего способа производства, осуществляющимися как бы за спиной этого особенного менового акта, и самоопределением господствующего способа производства.

Одной из форм, в которой впервые в древних обществах выступает этот вид оплаты, является *армия*. Жалованье рядового солдата тоже сводится к минимуму, определяется только теми издержками производства, которые необходимы для его воспроизводства. Но то, на что он обменивает свою службу, является государственным доходом, а не *капиталом*.

В самом буржуазном обществе к этой рубрике, к этой категории относится всякий обмен личных услуг на доход (сюда относится также работа для личного потребления, приготовление пищи, шитье и т. д., работа садовника и т. д., вплоть до всех непроизводительных классов, государственных служащих, врачей, адвокатов, ученых и т. д.). Сюда относятся все домашние слуги и т. д. Все эти работники, от низшего до высшего, обеспечивают себе посредством оказываемых ими услуг — часто навязываемых ими — некоторую долю в прибавочном продукте, в *доходе* капиталиста. Но никому не придет в голову утверждать,

---

* — «свободными руками». *Ред.*

** — в сущности. *Ред.*

что посредством обмена своего дохода на такого рода услуги, т. е. посредством своего личного потребления капиталист полагает себя в качестве капитала. Наоборот, в результате такого обмена он расходует плоды своего капитала. Оттого, что пропорции, в которых доход обменивается на подобного рода живой труд, сами определяются общими законами производства, в природе рассматриваемого отношения ничего не меняется.

Наоборот, как мы уже упоминали об этом в Главе о *деньгах* *, *стоимость* здесь, собственно говоря, полагает оказывающий услугу; потребительную стоимость — определенный вид труда, услуги и т. д. — он обменивает на *стоимость*, на *деньги*. Поэтому в средние века, отчасти в противоположность потребляющей земельной аристократии, стремление к производству и накоплению денег исходило от этой стороны, от представителей живого труда; они накопляли и делались таким образом δυνάμει ** капиталистами для более позднего периода. Часть отпущенных на волю крепостных становится капиталистами.

Поэтому оплачивается ли получающий жалованье как поденщик, или же он получает гонорар, или оплачивается по цивильному листу, — зависит не от отношения вообще, а от природного особенного качества оказываемой услуги, а также от того, знатнее или ничтожнее представляется он по сравнению с тем, кто оплачивает его услугу.

Если предпосылкой является капитал в качестве господствующей силы, то все эти отношения, конечно, более или менее *обесчещиваются*. Но это сюда еще не относится, — это *развенчивание* личных услуг, какой бы возвышенный характер ни придавала им традиция и т. д.

Таким образом, не просто обмен *овеществленного труда* на *живой труд*, — оба вида труда представляют собой здесь два различных определения, две потребительных стоимости в различных формах, один труд как определение в объективной форме, другой в субъективной форме, — конституирует капитал, а следовательно и наемный труд, а обмен овеществленного труда как *стоимости*, прочно обособившейся стоимости, на живой труд, являющийся для *нее* потребительной стоимостью, потребительной стоимостью, рассчитанной не на определенное личное использование или потребление, а потребительной стоимостью, предназначенной для создания *стоимости*.

[IV—50] При обмене денег на труд или на услугу для непосредственного потребления всегда имеет место действительный

* См. настоящий том, часть I, стр. 222—223. Это место находится не в Главе о деньгах, а в Главе о капитале. *Ред.*

** — потенциально. *Ред.*

обмен. То обстоятельство, что обе стороны обменивают определенные *количества труда*, представляет только *формальный* интерес для того, чтобы измерить *особенные* формы полезности труда, сопоставить их между собой. Это касается только *формы* обмена, но не образует его *содержания*. При обмене капитала на труд *стоимость* представляет собой не мерило для обмена двух потребительных стоимостей, а само *содержание обмена*.

2) В эпоху разложения *добуржуазных* отношений спорадически выступают свободные рабочие, услуги которых покупаются не в целях потребления, а в целях *производства;* но, *во-первых*, даже в большом масштабе это имеет место только для производства *непосредственных* потребительных стоимостей, а не *стоимостей;* а *во-вторых*, если, например, дворянин присоединяет к своим крепостным вольнонаемного рабочего и продает часть созданного этим рабочим продукта, причем этот вольнонаемный рабочий создает для него *стоимость*, то этот обмен касается только избытка и происходит только в интересах избытка, в интересах *потребления предметов роскоши;* следовательно, он au fond представляет собой всего лишь замаскированную покупку чужого труда для непосредственного потребления, т. е. покупку этого труда в качестве потребительной стоимости. Впрочем, там, где число этих свободных рабочих возрастает и это отношение становится более распространенным, — происходит разложение старого способа производства: общины, патриархального, феодального и т. д., и подготовляются элементы действительного наемного труда. Однако эти свободные работники могут также появляться, как это было, например, в Польше и т. д., и опять исчезать, не изменяя при этом способа производства.

{Для того чтобы те отношения, в которые вступают капитал и наемный труд, выразить как *отношения собственности* или ее *законы*, нам нужно только выразить отношение обеих сторон в *процессе увеличения стоимости* в виде *процесса присвоения*. Например, то, что прибавочный труд полагается в качестве прибавочной стоимости капитала, означает, что рабочий не присваивает продукт своего собственного труда, что этот продукт выступает для него как *чужая собственность* и что, наоборот, *чужой труд* выступает как собственность капитала. Этот второй закон буржуазной собственности, в который переходит первый закон [закон собственности на продукт своего труда] и который посредством права наследования и т. д. получает существование, независимое от бренности отдельных капиталистов, — признается законом наравне с первым Первый закон есть тождество труда и собственности; во втором законе труд

выступает как отрицаемая собственность или собственность — как отрицание чуждости чужого труда.

Действительно, в процессе производства капитала, как это станет еще яснее из дальнейшего рассмотрения этого процесса, труд является некоей целостностью — комбинацией работ, — отдельные составные части которой являются чуждыми друг другу, так что совокупный труд как целостность *не* является *делом* отдельного рабочего, и даже совместным трудом различных рабочих совокупный труд как целостность является лишь постольку, поскольку рабочие не сами себя комбинируют, а комбинированы [внешней силой]. Этот комбинированный труд в его совокупности в такой же мере оказывается подчиненным чужой воле и чужой мысли и ею руководимым, имеющим свое *духовное единство* вне себя, — насколько в его материальном единстве он подчинен *предметному единству машин*, основного капитала, который как *одушевленное чудовище* объективирует научную мысль и фактически является объединяющим началом; он отнюдь не относится к отдельному рабочему как орудие — наоборот, рабочий существует при нем как одушевленная единичная точечность, как живой изолированный придаток.

Таким образом, комбинированный труд в двояком смысле является комбинацией *an sich* *; но он не представляет собой комбинации ни в смысле свободного установления отношений друг к другу совместно работающих индивидов, ни в смысле их господства над их особенными или отдельными функциями и над орудием труда. Поэтому если рабочий относится к продукту своего труда как к чужому, то и к комбинированному труду он относится как к чужому; то же самое имеет место и в отношении собственного труда рабочего, который он хотя и считает ему принадлежащим, но чужим для него, вынужденным проявлением жизни, которое поэтому характеризуется А. Смитом и другими как *бремя, жертва* и т. д. [205]. Сам труд, так же как и его продукт, *отрицается как труд особого, изолированного рабочего.* Труд, отрицаемый как изолированный труд, на самом деле является утверждаемым общественным или комбинированным трудом. Однако утверждаемый таким образом *общественный или комбинированный труд*, как в состоянии деятельности, так и перейдя в неподвижную форму объекта, непосредственно выступает вместе с тем как нечто другое по отношению к действительно существующему единичному труду, — выступает и как *чужая объективность* (чужая собственность), и как *чужая субъективность* (субъективность капитала). Следовательно, и труд, и его

* — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

продукт представлены капиталом в виде отрицаемого изолированного труда отдельного рабочего, а потому и в виде отрицаемой собственности этого рабочего. Поэтому капитал есть существование общественного труда, его комбинация и как субъекта, и как объекта, но это существование самостоятельно выступает в противоположность действительным моментам труда и, следовательно, само фигурирует наряду с ними как *особое* существование. Поэтому капитал, со своей стороны, выступает в качестве захватывающего субъекта и собственника *чужого труда*, а само его отношение является таким же абсолютным противоречием, как и отношение наемного труда.}

[Б)] ФОРМЫ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМУ ПРОИЗВОДСТВУ [206]

[1) ПРИРОДНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИСВОЕНИЯ ИНДИВИДОМ ОБЪЕКТИВНЫХ УСЛОВИЙ ТРУДА. РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ОБЩИНЫ]

[а) Первоначальная собственность работающих индивидов на природные условия их труда]

Если свободный труд и обмен этого свободного труда на деньги с целью воспроизведения этих денег и увеличения их стоимости, т. е. с той целью, чтобы свободный труд был использован деньгами в качестве потребительной стоимости не для личного потребления, а в качестве потребительной стоимости для денег,| — если все это является предпосылкой наемного труда и одним из исторических условий капитала, то другой предпосылкой является здесь отделение свободного труда от объективных условий его осуществления — от средства труда и материала труда. Следовательно, прежде всего — отделение работника от земли как его природной лаборатории и в силу этого разложение как мелкой свободной земельной собственности, так и общей земельной собственности, покоящейся на восточной общине.

В обеих формах работник относится к объективным условиям своего труда как к своей собственности; это и есть природное единство труда с его вещными предпосылками. Поэтому работник [даже] независимо от своего труда имеет предметное существование. Индивид относится к самому себе как собственник, как господин [IV—51] условий своей действительности. Подобным же образом относится он к другим индивидам, и — смотря по тому, имеет ли эта *предпосылка* своим исходным пунктом

общину или отдельные семьи, образующие общину, — индивид относится к ним или как к совладельцам, т. е. носителям общей собственности или же как к самостоятельным собственникам, таким же, как и он, т. е. к самостоятельным частным собственникам, наряду с которыми общая собственность, ранее поглощавшая все и охватывавшая всех, сама, в виде особого *ager publicus* *, выступает рядом с множеством этих частных земельных собственников.

В обеих формах индивиды ведут себя не как рабочие, а как собственники и как члены того или иного коллектива [Gemeinwesen], которые в то же время трудятся. Целью этого труда является не *созидание стоимости*, — хотя они и могут выполнять прибавочный труд, чтобы выменивать для себя *чужие* продукты, т. е. прибавочные продукты [других индивидов], — но целью всего их труда является обеспечение существования отдельного собственника и его семьи, а также и всей общины. Превращение индивида в *рабочего* в этой обнаженности само является продуктом *исторического* развития.

[б) Азиатская форма собственности]

Первой предпосылкой первой формы этой земельной собственности является прежде всего естественно сложившийся коллектив: семья и разросшаяся в племя [207] семья или [образовавшие племя] несколько семей, связанных между собою взаимными браками, или комбинация племен. Так как мы можем допустить, что *пастушество*, как и вообще *кочевой образ жизни*, есть первая форма существования людей, что племя первоначально не живет оседло на определенном месте, а передвигаясь, использует встречающиеся ему пастбища (люди оседлы не от природы; только в особенно плодородной природной среде возможно, чтобы они, как обезьяны, сидели на одном каком-нибудь дереве, обычно же они бродят, подобно диким зверям), — то *общность по племени*, природная общность выступает не как *результат*, а как *предпосылка совместного присвоения* (временного) и *использования земли*.

Раз люди, в конце концов, становятся оседлыми, то уже от различных внешних (климатических, географических, физических и т. д.) условий, а также от природных задатков людей (от их племенного характера) будет зависеть, в какой степени эта первоначальная общность будет видоизменена. Естественно сложившаяся племенная общность (кровное родство, общность

* — общественного поля (так в Древнем Риме назывался государственный земельный фонд). *Ред.*

языка, обычаев и т. д.) или, если хотите, стадность, есть первая предпосылка *присвоения* людьми *объективных условий* как их жизни, так и той деятельности, при помощи которой эта жизнь воспроизводится и облекается в предметные формы (деятельность в качестве пастуха, охотника, земледельца и т. д.).

Земля — вот великая лаборатория, арсенал, доставляющий и средство труда, и материал труда, и место для жительства, т. е. *базис* коллектива. К земле люди относятся с наивной непосредственностью как к *собственности коллектива*, притом коллектива, производящего и воспроизводящего себя в живом труде. Каждый отдельный человек является *собственником* или *владельцем* только в качестве звена этого коллектива, в качестве его члена.

Действительное *присвоение* посредством процесса труда происходит при таких *предпосылках*, которые сами не являются *продуктом* труда, а представляются его природными или *божественными* предпосылками. Эта форма, в основе которой лежит то же самое основное отношение [т. е. общая собственность на землю], сама может реализовываться самым различным образом. Например, ей нисколько не противоречит то обстоятельство, что, как в большинстве основных *азиатских* форм, *объединяющее единое начало*, стоящее над всеми этими мелкими общинами, выступает как *высший собственник* или *единственный собственник*, в силу чего действительные общины выступают лишь как *наследственные* владельцы. Так как это *единое начало* является действительным собственником и действительной предпосылкой общей собственности, то само оно может представляться чем-то *особым*, стоящим выше этого множества действительных отдельных общин, в которых каждый отдельный человек, таким образом, на деле лишен собственности, или собственность (т. е. отношение отдельного человека к *природным* условиям труда и воспроизводства как к принадлежащим ему, как к объективным условиям), собственность, как находимое им в виде неорганической природы тело его субъективности, представляется для него опосредствованной тем, что объединяющее единое начало, реализованное в деспоте как отце этого множества общин, предоставляет надел земли отдельному человеку через посредство той общины, к которой он принадлежит. Прибавочный продукт, который, впрочем, определяется законодательно как следствие действительного присвоения посредством труда, принадлежит поэтому, само собой разумеется, этому высшему единому началу.

Поэтому в условиях восточного деспотизма и кажущегося там юридического отсутствия собственности фактически в качестве

его основы существует эта племенная или общинная собственность, порожденная по большей части сочетанием промышленности и сельского хозяйства в рамках мелкой общины, благодаря чему такая община становится вполне способной существовать самостоятельно и содержит в себе самой все условия воспроизводства и расширенного производства. Часть прибавочного труда общины принадлежит более высокой общине, существующей, в конечном счете, в виде одного *лица,* и этот прибавочный труд дает о себе знать как в виде дани и т. п., так и в совместных работах для прославления единого начала — отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа, бога.

Общинная собственность подобного рода, поскольку она здесь действительно реализуется в труде, может проявляться либо таким образом, что мелкие общины влачат жалкое существование независимо друг около друга, а в самой общине отдельный человек трудится со своей семьей независимо от других на отведенном для него наделе *, либо таким образом, что единое начало может распространяться на общность в самом процессе труда, могущую выработаться в целую систему, как в Мексике, особенно в Перу, у древних кельтов, у некоторых племен Индии.

Далее, общность внутри племенного строя может проявляться еще и в том, что объединяющее единое начало представлено одним главой важнейшей в племени семьи или же объединяющим единым началом является связь отцов семейств между собой. Соответственно этому форма этого общества будет тогда или более деспотической, или более демократической. Общие для всех условия действительного присвоения посредством труда, *ирригационные каналы,* играющие очень важную роль у азиатских народов, средства сообщения и т. п., представляются в этом случае делом рук более высокого единого начала — деспотического правительства, витающего над мелкими общинами. Города в собственном смысле слова образуются здесь наряду с этими селами только там, где место особенно благоприятно для внешней торговли, или там, где глава государства и его сатрапы, выменивая свой доход (прибавочный продукт) на труд, расходуют этот доход как рабочий фонд.

* Определенный труд необходим для создания *общественного запаса,* в целях, так сказать, *страхования,* с одной стороны, и для *покрытия издержек общины как таковой,* т. е. для войны, богослужения и т. д. — с другой; господское dominium [распоряжение собственностью] в его самом первоначальном смысле встречается впервые здесь, например в славянских общинах, в румынских и т. д. Здесь заложен переход к барщине и т. п.

[в) Античная форма собственности]

[IV—52]| Вторая форма собственности, — а она так же, как и первая, породила существенные разновидности: местные, исторические и т. п., — будучи результатом более подвижной жизни, судеб и изменений первоначальных племен в процессе исторического развития, в качестве первой предпосылки также предполагает *общину*, но не так, как в первом случае, где община выступает в качестве субстанции, индивиды же как всего лишь акциденции ее или ее составные части, образовавшиеся чисто естественным путем. Эта вторая форма предполагает в качестве своего базиса не земельную площадь как таковую, а город как уже созданное место поселения (центр) земледельцев (земельных собственников). Пашня является здесь территорией города, тогда как в первом случае село выступало как простой придаток к земле.

Сама по себе земля, — какие бы трудности ни представляла ее обработка, ее действительное присвоение, — не ставит никаких препятствий тому, чтобы относиться к ней как к неорганической природе живого индивида, как к его мастерской, как к средству труда, объекту труда и жизненным средствам субъекта. Затруднения, возникающие у одной общины, могут вызываться только другими общинами, которые либо уже раньше захватили земли, либо беспокоят общину в захваченных ею землях. Поэтому война является той важной общей задачей, той большой совместной работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот защитить и увековечить. Вот почему состоящая из ряда семей община организована прежде всего по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственницы. Концентрация жилищ в городе — основа этой военной организации.

Племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды — различие, еще сильнее развивающееся в результате смешения победителей с покоренными племенами и т. д.

Общинная собственность — в качестве государственной собственности, ager publicus — отделена здесь от частной собственности. Собственность отдельного человека сама непосредственно не является здесь общинной собственностью, как в первом случае, когда она, следовательно, не была собственностью отдельного лица в отрыве от общины, а лишь владением этого лица.

Чем меньше собственность отдельного человека может быть фактически использована только совместным трудом (т. е. таким образом, как, например, при системе орошения на Востоке),

чем решительнее историческое движение, переселение ломают характер племени, сложившийся чисто естественным путем, чем дальше племя удаляется от своего первоначального поселения и захватывает *чужие* земли, следовательно, попадает в существенно новые условия труда, где энергия каждого отдельного человека получает большее развитие, чем в большей мере общий характер племени проявляется и должен проявляться как негативное единство по отношению к внешнему миру, — тем больше имеется условий для того, чтобы отдельный человек стал *частным собственником* земли — особой парцеллы, — обособленная обработка которой предоставляется ему и его семье.

Община (как государство), с одной стороны, есть взаимное отношение между этими свободными и равными частными собственниками, их объединение против внешнего мира; в то же время она их гарантия. Общинный строй покоится здесь в такой же мере на том, что его членами являются работающие земельные собственники, парцеллярные крестьяне, как и на том, что самостоятельность последних обеспечивается их взаимным отношением друг к другу как членов общины, использованием ager publicus для общих потребностей, общей славой и т. д. Предпосылкой для присвоения земель здесь продолжает оставаться членство в общине, но, как член общины, каждый отдельный человек является частным собственником. Относясь к своей частной собственности как к земле, он в то же время относится к этой частной собственности как к своему членству в общине, и сохранение его как члена общины есть точно так же и сохранение существования общины, и наоборот и т. д. Хотя община, являясь здесь *продуктом исторического развития* и, следовательно, чем-то *возникшим* уже не только фактически, но и в сознании людей, выступает здесь как предпосылка *собственности* на землю, т. е. как предпосылка отношения трудящегося субъекта к природным предпосылкам труда как принадлежащим ему, но эта «принадлежность» опосредствована его существованием в качестве члена государства, опосредствована существованием государства, стало быть, такой *предпосылкой*, которая считается божественной и т. д.

Концентрация в городе, территория которого включает в себя окружающую сельскую местность; мелкое сельское хозяйство, производящее для непосредственного потребления; промышленность как домашнее побочное занятие жен и дочерей (прядение и ткачество) или как получившая самостоятельное развитие только в отдельных отраслях производства (fabri * и т. д.).

* — ремесленники (в Древнем Риме). *Ред.*

Предпосылкой дальнейшего существования такой общины является сохранение равенства между образующими его свободными и самостоятельно обеспечивающими свое существование крестьянами, а также собственный труд как условие дальнейшего существования их собственности. К природным условиям труда они относятся как собственники; но эти условия должны еще все время действительно утверждаться личным трудом индивида в качестве условий и объективных элементов его личности, его личного труда.

С другой же стороны, направление этого небольшого воинственного коллектива толкает его за эти пределы и т. д. (Рим, Греция, евреи и т. д.).

«Когда предсказания авгуров», — говорит Нибур, — «дали Нуме уверенность, что боги одобряют его избрание, благочестивый царь позаботился в первую очередь не о богослужении в храмах, а о людях. Он разделил земли, приобретенные Ромулом в результате войны и предоставленные им для заселения, и учредил культ Термина *. Все древние законодатели, и прежде всего Моисей, успех своих предписаний для поддержания добродетели, справедливости и добрых нравов основывали на земельной собственности для возможно большего числа граждан, или, по крайней мере, на обеспечении возможно большего числа граждан наследственным землевладением» (*Niebuhr*. Römische Geschichte. Erster Theil, 2-te Ausgabe, 1827, стр. 245).

Для добывания жизненных средств индивид ставился в такие условия, чтобы целью его было не приобретение богатства, а самостоятельное обеспечение своего существования, воспроизводство себя как члена общины, воспроизводство себя как собственника земельного участка и, в качестве такового, как члена общины.

Дальнейшее существование общины есть воспроизводство всех ее членов как самостоятельно обеспечивающих свое существование крестьян, прибавочное время которых принадлежит именно общине, военному делу и т. д. Собственность на свой труд опосредствована собственностью на условия труда — на участок земли, а эта собственность со своей стороны гарантирована существованием общины, которая в свою очередь гарантирована прибавочным трудом членов общины в форме военной службы и т. д. Член общины воспроизводит себя как члена общины не кооперацией в труде, создающем богатство, а кооперацией в труде для общих интересов (воображаемых и действительных), обеспечивающем сохранность союза вовне и внутри. Собственность — это собственность квиритская [208], римская; частный земельный собственник является таковым только как римлянин, но как римлянин он обязательно — частный земельный собственник.

* — римского бога межей и пограничных межевых знаков *Ред.*

[г) Германская форма собственности, ее отличие от азиатской и от античной форм собственности]

[IV—53] [Иной] формой собственности работающих индивидов (самостоятельно обеспечивающих свое существование членов общины) на природные условия их труда является *германская* собственность. При этой форме собственности член общины как таковой не является совладельцем общей собственности *, как это имеет место при форме специфически восточной. Нет тут и того, что характерно для римской (а также греческой, короче говоря: классически-античной) формы, где земля, занятая общиной, является римской землей. Одна часть ее сохраняется в распоряжении общины как таковой, а не отдельных членов общины: ager publicus в его различных формах. Другую часть земли делят, и каждая парцелла земли является римской землей в силу того, что она есть частная собственность, достояние римлянина, принадлежащая ему доля в общей лаборатории земли; но и он является римлянином лишь постольку, поскольку он обладает этим суверенным правом на часть римской земли.

{«В древности городское ремесло и торговля считались зазорными занятиями, земледелие же было в большом почете; в средние века наоборот» [*Нибур*, там же, стр. 418].}

{«Право *пользования* общинной землей путем *владения* ею принадлежало первоначально патрициям, которые затем передавали ее в лен своим клиентам; *наделение собственностью* из ager publicus было исключительной привилегией плебеев; все ассигнования шли в пользу плебеев, будучи возмещением за ту или другую долю общинной земли. *Земельная собственность в собственном значении слова*, за исключением местности внутри стен города, первоначально находилась только в руках плебеев» (позднее принятые в римское гражданство сельские общины) [там же, стр. 435—436].}

{«Основной характер римского плебса состоит в том, что он представляет собой совокупность крестьян, как это и выражено в их квиритской собственности. Древние единодушно почитали земледелие *единственным делом, подобающим* для свободного человека, школой солдата. Занятие земледелием сохраняет старую племенную основу нации; она меняется в городах, где селятся чужеземные купцы и ремесленники, так же как и коренное население тянется туда, где есть приманка наживы. Повсюду, где существует рабство, вольноотпущенники стремятся обеспечить свое

* Там, где собственность существует *только* как общинная собственность, отдельный член как таковой бывает только *владельцем*, наследственным или ненаследственным, особого участка, так как каждая частица собственности принадлежит не кому-либо из членов в отдельности, а индивиду как непосредственному члену общины, т. е. как лицу, живущему в единстве с общиной, а не в отличие от нее. Стало быть, это отдельное лицо является только владельцем. Существует только *общая* собственность и только *частное владение*. Способ этого владения по отношению к общей собственности может претерпевать весьма различные изменения — исторические, местные и т. д., в зависимости от того, выполняется ли самый труд изолированно каждым частным владельцем, определяется ли он сам, в свою очередь, общиной или же тем единым началом, которое витает над отдельной общиной.

существование такими занятиями, в результате которых они затем часто накопляют большие богатства: таким образом, эти промыслы были в древнем мире чаще всего в их руках и потому считались не подобающими для граждан; отсюда взгляд, что допущение ремесленников к полноправному гражданству — дело рискованное (у греков более раннего периода они, как правило, не входили в состав полноправных граждан). «Никому из римлян не дозволялось вести образ жизни торговца или ремесленника» [209]. Древние и понятия не имели о таком почтенном учреждении, как цеховой строй средневековых городов; и даже здесь военная доблесть приходила в упадок по мере того, как цехи одерживали верх над патрицианскими родами, а в конце концов и вовсе исчезла; вместе же с ней погиб почет, которым города пользовались вовне, и их свобода» [там же, стр. 614—615].}

{«Племена древних государств устанавливались двояким путем: либо по *родам*, либо по *территории*... Племена, организованные по *родовому признаку*, древнее племен, созданных по территориальному признаку, и почти повсеместно вытесняются последними. Их самой крайней, самой строгой формой является кастовое устройство, когда одна каста отделена от другой; между ними не допускается смешения путем браков; касты совершенно различны по своему значению; у каждой касты своя исключительная, неизменная профессия...

Племена, *организованные по территориальному признаку*, соответствовали первоначально делению территории на области и села, так что всякого, кто ко времени установления этого деления (в Аттике при Клисфене) был коренным жителем села, приписывали в качестве демота такого-то села к той филе [210], к территории которой принадлежало село. Потомки же его, как правило, оставались в той же филе и в том же самом деме, независимо от их места жительства, в силу чего и это деление получало видимость деления по происхождению...

Римские *роды* состояли не из кровных родственников. В качестве отличительного признака, наряду с общим именем, Цицерон называет, кроме того, еще происхождение от свободных предков. У членов римских родов были общие sacra *, что впоследствии исчезло» (уже ко времени Цицерона). «Дольше всего сохранялось наследование имущества умерших членов рода, не оставивших родных и не сделавших завещания. В древнейшие времена обязанностью членов рода было помогать нуждающимся членам рода, попавшим в какое-нибудь чрезвычайное положение. (У германцев первоначально это практиковалось повсеместно, дольше всех сохранилось у дитмаршенцев [211].) Роды представляют собой сословные корпорации. Более общего деления, чем на роды, в древнем мире не существовало... Так, у гэлов [212] родовитые Кэмпбеллы образуют со своими вассалами один клан» [там же, стр. 317—335].}

Так как патриций в более высокой степени является представителем общины, то он является *владельцем* ager publicus и пользуется им через своих клиентов и т. д. (а затем постепенно и присваивает его себе).

Германская община не сосредоточена в городе путем же просто такого сосредоточения (в городе, как в центре сельской жизни, месте поселения крестьян, равно как центре военного руководства) община как таковая обретает в этом случае внешнее существование, отличное от существования каждого

* — святыни *Ред.*

отдельного лица. История классической древности — это история городов, но городов, основанных на земельной собственности и на земледелии; история Азии — это своего рода нерасчлененное единство города и деревни (подлинно крупные города могут рассматриваться здесь просто как государевы станы, как нарост на экономическом строе в собственном смысле). В средние века (германская эпоха) деревня как таковая является отправной точкой истории, дальнейшее развитие которой протекает затем в форме противоположности города и деревни. Новейшая история есть проникновение городских отношений в деревню, тогда как в древнем мире, наоборот, имело место проникновение деревенских отношений в город.

[V—1] * При объединении в город община как таковая обладает экономическим существованием; само *существование* города как такового отличается от простой множественности независимых домов. Здесь целое не просто сумма своих частей. Это своего рода самостоятельный организм. У германцев, отдельные главы семей которых селились в лесах и были разобщены один от другого большими расстояниями, община, рассматриваемая чисто *внешне*, существует в каждом отдельном случае лишь в форме сходок членов общины, хотя их *внутреннее* единство дано в их происхождении, языке, общем прошлом и общей истории и т. д.

Община выступает, следовательно, как *объединение*, а не как *союз*, как единение, самостоятельные субъекты которого являются собственниками земли, а не как единое начало. Община существует поэтому на деле не как *государство*, не как *государственность*, как это было у античных народов, потому что она существует не как *город*. Чтобы община обрела действительное существование, свободные собственники земли должны сходиться на *собрания*, тогда как в Риме, например, община *существует*, помимо этих собраний, в наличии *самого города* и должностных лиц, поставленных над ним, и т. д.

Правда, и у германцев встречается *ager publicus*, общинная земля, или народная земля, в отличие от собственности отдельного индивида. Этот ager publicus представляет собой район охоты, пастбища, лес для рубки и т. п., т. е. ту часть земли, которая не может быть делима, если она должна служить в качестве средства производства в этой именно определенной форме. Но в то же время этот *ager publicus* не выступает, как это было, например, у римлян, в качестве особого экономического

---

* Здесь начинается пятая тетрадь рукописи. На обложке — надпись: «Тетрадь V. Январь 1858 г. (начата 22 января)». *Ред.*

бытия государства наряду с частными собственниками, так чтобы последние постольку были подлинно *частными* собственниками [*Privat*eigentümer] как таковыми, поскольку они были *исключены*, отрешены [priviert], подобно плебеям, от пользования ager publicus.

Напротив, у германцев ager publicus является только дополнением индивидуальной собственности и фигурирует как собственность лишь постольку, поскольку его как общее достояние одного племени надо защищать от враждебных племен. Не собственность отдельного индивида выступает как опосредствованная общиной, а, наоборот, в качестве опосредствованного выступает существование общины и общинной собственности, т. е. их существование выступает как связь самостоятельных субъектов друг с другом. Au fond * экономическим целым является каждый отдельный дом, который сам по себе, взятый отдельно, образует самостоятельный центр производства (промышленность только как побочная домашняя работа женщин и т. д.).

В античном мире город с принадлежащими ему землями является экономическим целым; у германцев экономическим целым является отдельное жилище, которое само занимает лишь один пункт на принадлежащей ему земле; это не концентрация множества собственников, а семья как самостоятельная единица. В азиатской (по крайней мере преобладающей) форме не существует собственности отдельного лица, а существует лишь его владение; действительный, настоящий собственник — это община; следовательно, собственность существует только как *общая собственность* на землю.

У античных народов (римляне как самый классический пример, ибо у них это проявляется в самой чистой, самой выпуклой форме) имеет место форма собственности, заключающая в себе противоположность государственной земельной собственности и частной земельной собственности, так что последняя опосредствуется первой или сама государственная земельная собственность существует в этой двоякой форме. Вот почему частный земельный собственник является в то же время городским жителем. То, что индивид является гражданином государства, находит свое экономическое выражение в той простой форме, что крестьянин является жителем города.

В германской форме крестьянин не является гражданином государства, т. е. не является жителем города. Напротив, изолированное, самостоятельное жилище семьи составляет

* — По существу. *Ред.*

основу, гарантированную союзом с другими подобными же семьями того же самого племени и их сходками в целях взаимной помощи друг другу по случаю войны, для отправления религиозного культа, разрешения тяжб и т. д. Индивидуальная земельная собственность не выступает здесь ни как форма, противоположная земельной собственности общины, ни как ею опосредствованная, а, наоборот, община существует только во взаимных отношениях друг к другу этих индивидуальных земельных собственников как таковых. Общинная собственность как таковая выступает только как общее для всех добавление к индивидуальным поселениям соплеменников и к индивидуальным земельным участкам.

[Германская] община — это не субстанция, по отношению к которой отдельный человек выступает только как акциденция [как в восточной общине]. Точно так же она и не такое *единое начало* [как в античной общине, где] общее как таковое в виде города с его городскими потребностями и в представлении отдельного человека и в действительности отличается от существования и потребностей отдельного человека; или где община в виде своих городских земель отличается от особого экономического существования отдельного члена общины. Напротив, германская община сама по себе, с одной стороны, как общность по языку, по крови и т. д. является предпосылкой существования индивидуальных собственников; но, с другой стороны, она фактически существует только в их *действительном собрании* ради общих целей, и в той мере, в какой она имеет особое экономическое существование в виде совместно используемых районов охоты, пастбищ и т. п., она используется каждым индивидуальным собственником как таковым, а не как представителем государства (как это было в Риме). Это действительно общая собственность индивидуальных собственников, а не собственность союза этих собственников, в самом городе имеющих существование, обособленное от них как отдельных индивидов.

[д) Ограниченный характер производственных отношений общинного строя. Богатство в древнем мире, в буржуазном обществе и при коммунизме]

Суть дела здесь собственно в следующем. Во всех этих формах, в которых земельная собственность и земледелие образуют базис экономического строя, в силу чего экономической целью является производство потребительных стоимостей, *воспроизводство индивида* в тех определенных отношениях его

к общине, в которых он образует ее базис — во всех этих формах налицо имеются следующие моменты:

1) Присвоение природного условия труда (*земли* как самого первоначального орудия труда, лаборатории и хранилища сырья) происходит не при посредстве труда, а предшествует труду в качестве его предпосылки. Индивид просто относится к объективным условиям труда как к своим собственным, относится к ним как к неорганической природе своей субъективности, в которой эта субъективность сама себя реализует. Главным объективным условием труда является не *продукт* труда, ~~а находимая трудом *природа*.~~ [V—2] С одной стороны, имеется налицо живой индивид, с другой — земля как объективное условие его воспроизводства.

2) Однако это *отношение* к земле как к собственности трудящегося индивида (который поэтому с самого начала выступает не просто как трудящийся индивид в этой абстрактности, а имеет в собственности на землю *объективный способ существования*, являющийся заранее данной *предпосылкой* его деятельности, а не всего лишь ее результатом, т. е. являющийся такой же предпосылкой его деятельности, как его кожа, его органы чувств, которые он, правда, тоже воспроизводит и развивает и т. д. в процессе жизни, но которые как предпосылка предшествуют самому этому процессу воспроизводства) сразу же опосредствовано естественно сложившимся, в той или иной мере исторически развитым и видоизмененным существованием индивида как *члена какой-либо общины*, его естественно сложившимся существованием как члена племени и т. д.

Изолированный индивид совершенно так же не мог бы иметь собственность на землю, как он не мог бы и говорить. Конечно, он мог бы пользоваться землей как субстанцией, подобно тому как это делают животные. Отношение к земле как к собственности всегда опосредствовано захватом (мирным или насильственным) земель племенем, общиной, имеющей более или менее естественно сложившуюся или уже исторически развитую форму. Тут индивид никогда не может выступать так резко обособленным, как он выступает в качестве просто свободного рабочего. Если объективные условия как принадлежащие индивиду являются предпосылкой его труда, то субъективной предпосылкой является сам индивид как член той или иной общины, которая опосредствует его отношение к земле. Его отношение к объективным условиям труда опосредствовано его существованием как члена общины; с другой же стороны, действительное существование общины определяется определенной

формой его собственности на объективные условия труда. Выступает ли эта опосредствованная принадлежностью к общине собственность как *общая собственность,* при которой отдельное лицо является только владельцем и частной собственности на землю вовсе не существует; или же она выступает в двоякой форме — как государственная собственность и наряду с ней частная собственность, но так, что последняя обусловлена первою, в силу чего только гражданин государства является и должен быть частным собственником, между тем как его собственность как гражданина государства имеет в то же время особое существование; или же, наконец, эта общинная собственность выступает только как дополнение к индивидуальной собственности, тогда как последняя фигурирует как ее базис, а община сама по себе вообще не существует вне *собрания* членов общины и вне их соединения для общих целей, — эти различные формы отношения членов общины или племени к земле племени (к земле, на которой оно обосновалось) зависят частью от природных задатков племени, частью же от тех экономических условий, при которых племя уже действительно относится к земле как к своей собственности, т. е. при которых оно присваивает плоды земли трудом; последнее, в свою очередь, само будет зависеть от климата, физического состава почвы, физически обусловленного способа ее эксплуатации, от отношения к враждебным или соседним племенам и от изменений, которые влекут за собой переселения, исторические события и т. д.

Чтобы община как таковая продолжала существовать на прежний лад, необходимо, чтобы воспроизводство ее членов происходило при заранее данных объективных условиях. Само производство, рост населения (а население тоже относится к производству) неизбежно расшатывает мало-помалу эти условия, разрушает их вместо того, чтобы воспроизводить и т. д., и от этого общинный строй гибнет вместе с теми отношениями собственности, на которых он был основан.

Всего упорнее и всего дольше неизбежно держится азиатская форма. Это заложено в ее предпосылке, т. е. в том, что отдельный человек не становится самостоятельным по отношению к общине, что объем производства рассчитан только на обеспечение собственного существования, что земледелие и ремесло слиты воедино и т. д.

Изменяя свое отношение к общине, отдельный человек изменяет тем самым общину и действует на нее разрушающе; точно так же он действует и на ее экономическую предпосылку; с другой стороны, происходит изменение этой экономической

предпосылки, вызванное ее собственной диалектикой: обнищание и т. д. В особенности влияние военного дела и завоеваний (что в Риме, например, по существу, относилось к экономическим условиям самой общины) подрывает реальную связь, на которой она покоится.

Во всех этих формах основой развития является *воспроизводство заранее данных* (в той или иной степени естественно сложившихся или же исторически возникших, но ставших традиционными) отношений отдельного человека к его общине и *определенное*, для него *предопределенное, объективное* существование как в его отношении к условиям труда, так и в его отношении к своим товарищам по труду, соплеменникам и т. д., — в силу чего эта основа с самого начала имеет *ограниченный* характер, но с устранением этого ограничения она вызывает упадок и гибель. Именно такое влияние оказывает у римлян развитие рабства, концентрация землевладения, обмен, денежные отношения, завоевания и т. д., несмотря на то, что все эти элементы до известного момента казались совместимыми с основой их общества и отчасти как будто лишь расширяли ее невинным образом, отчасти казались простыми злоупотреблениями, развившимися из этой основы. Здесь, в пределах определенного круга, может иметь место значительное развитие. Возможно появление крупных личностей. Но здесь немыслимо свободное и полное развитие ни индивида, ни общества, так как такое развитие находится в противоречии с первоначальным отношением [между индивидом и обществом].

[V—3] У древних мы не встречаем ни одного исследования о том, какая форма земельной собственности и т. д. является самой продуктивной, создает наибольшее богатство. Богатство не выступает у них как цель производства, хотя Катон прекрасно мог заниматься исследованием того, какой способ обработки полей является наиболее выгодным; или Брут мог даже ссужать свои деньги за самую высокую ставку процента. Исследуется всегда вопрос: какая форма собственности обеспечивает государству наилучших граждан? Богатство выступает как самоцель лишь у немногих торговых народов — монополистов посреднической торговли, — живших в порах древнего мира, как евреи в средневековом обществе. Дело в том, что, с одной стороны, богатство есть вещь, оно воплощено в вещах, материальных продуктах, которым человек противостоит как субъект; с другой же стороны, богатство как стоимость — это просто власть распоряжаться чужим трудом не в целях господства, а для частного потребления и т. д. Во всех формах богатство

принимает вещную форму, будь это вещь или отношение, опосредствованное вещью, находящейся вне индивида и являющейся случайной для него.

Поэтому древнее воззрение, согласно которому человек, как бы он ни был ограничен в национальном, религиозном, политическом отношении, все же всегда выступает как цель производства, кажется куда возвышеннее по сравнению с современным миром, где производство выступает как цель человека, а богатство как цель производства. На самом же деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т. е. как над силами так называемой «природы», так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления.

В буржуазной экономике — и в ту эпоху производства, которой она соответствует — это полное выявление внутренней сущности человека выступает как полнейшее опустошение, этот универсальный процесс овеществления [Vergegenständlichung] — как полное отчуждение, а ниспровержение всех определенных односторонних целей — как принесение самоцели в жертву некоторой совершенно внешней цели. Поэтому младенческий древний мир представляется, с одной стороны, чем-то более возвышенным, нежели современный. С другой же стороны, древний мир, действительно, возвышеннее современного во всем том, в чем стремятся найти законченный образ, законченную форму и заранее установленное ограничение. Он дает удовлетворение с ограниченной точки зрения, тогда как современное состояние мира не дает удовлетворения; там же, где оно выступает самоудовлетворенным, оно — *пошло*.

[е) Путаница у Прудона по вопросу о происхождении собственности. Действительные предпосылки возникновения собственности. Рабство и крепостничество]

То, что г-н Прудон именует *внеэкономическим* происхождением собственности, подразумевая под собственностью именно земельную собственность [213], это — *добуржуазное* отношение индивида к объективным условиям труда и прежде всего к *природным* объективным условиям труда; ибо, подобно тому как трудящийся субъект есть индивид, данный природой, природное бытие, так первым объективным условием его труда является природа, земля, как его неорганическое тело; сам индивид, данный природой, представляет собой не только органическое тело, но он есть эта неорганическая природа как субъект. Это условие не является его продуктом, а заранее имеется налицо; в качестве природного бытия, находящегося вне его, оно является его заранее данной предпосылкой.

Прежде чем мы продолжим анализ этого вопроса, — еще следующее замечание: бравый Прудон не только мог бы, но и должен был бы с таким же правом обвинить во *внеэкономическом* происхождении *капитал* и *наемный труд* как формы собственности. Ибо нахождение рабочим условий труда как отдельно от него существующих, как *капитала* и нахождение капиталистом *рабочего* как лишенного собственности, как абстрактного рабочего (обмен, как он происходит между стоимостью и живым трудом, предполагает *исторический процесс,* хотя капитал и наемный труд сами воспроизводят это отношение и развивают его как вширь — во всем его объективном объеме, — так и вглубь) — все это предполагает, как мы видели, исторический процесс, представляющий собой историю возникновения капитала и наемного труда.

Иными словами: *внеэкономическое происхождение* собственности означает не что иное, как *историческое происхождение* буржуазной экономики, т. е. тех форм производства, которые получают теоретическое или идеальное выражение в категориях политической экономии. Но та истина, что добуржуазная история и каждая ее фаза тоже имеют свою *экономику* и *экономическую основу* своего движения, эта истина, в конце концов, сводится к той тавтологии, что жизнь людей искони покоилась на производстве, на того или иного рода *общественном* производстве, отношения которого мы как раз и называем экономическими отношениями.

Первоначальные условия производства (или, что то же самое: первоначальные условия воспроизводства людей, число которых увеличивается путем естественного процесса между обоими полами; ибо это воспроизводство, если оно, с одной стороны, и является присвоением объектов субъектами, то, с другой — оно в такой же мере есть формирование объектов, подчинение объектов субъективной цели, превращение объектов в результаты и воплощения субъективной деятельности) первоначально *не могут сами* быть *произведены,* не могут сами быть результатами производства. В объяснении нуждается (или результатом некоторого [V—4] исторического процесса является) не *единство* живых и деятельных людей с природными, неорганическими условиями их обмена веществ с природой и в силу этого присвоение ими природы, а *разрыв* между этими неорганическими условиями человеческого существования и самим этим деятельным существованием, разрыв, впервые полностью развившийся лишь в форме отношения наемного труда и капитала.

В отношениях рабства и крепостной зависимости этого разрыва нет; но здесь одна часть общества обращается с другой его частью просто как с *неорганическим и природным* условием своего собственного воспроизводства. Раб не находится в каком-либо отношении к объективным условиям своего труда; напротив, сам работник, и в форме раба и в форме крепостного, ставится в качестве *неорганического условия* производства в один ряд с прочими существами природы, рядом со скотом, или является придатком к земле.

Иными словами: первоначальные условия производства выступают как природные предпосылки, как *природные условия существования производителя;* точно так же как его живое тело, воспроизводимое и развиваемое им, первоначально создано не им самим, а является *предпосылкой* его самого; существование (телесное) его самого есть такая природная предпосылка, которая не им создана. Эти *природные условия существования,* к которым он относится как к принадлежащему ему неорганическому телу, сами выступают в двоякой форме: 1) субъективной и 2) объективной. Производитель существует как член семьи, племени, рода и т. д., которые затем, смешиваясь с другими семьями и т. д. и противопоставляя себя им, принимают исторически различную форму, и в качестве такового члена он относится к определенным природным условиям (здесь можно пока сказать: к земле) как к своему собственному неорганическому существованию, как к условию своего производства и воспроизводства. Как естественный член общины

он имеет свою часть в общей собственности и имеет в своем владении особую долю; точно так же, как он, будучи по своему происхождению римским гражданином, имеет идеальное (по меньшей мере) притязание на ager publicus и реальное — на такое-то количество югеров земли и т. д.

Его *собственность*, т. е. отношение к природным предпосылкам его производства как к принадлежащим ему, как к *своим* собственным, опосредствована тем, что он сам является естественным членом общины. (Абстрактность коллектива, у членов которого нет ничего общего, кроме разве языка и т. п., является, очевидно, продуктом гораздо более поздних исторических условий.) В отношении отдельного человека, например, ясно, что он даже к языку как к *своему собственному* языку относится только как естественный член какого-нибудь человеческого коллектива. Язык как продукт отдельного человека — бессмыслица. Но равным образом и собственность.

Сам язык в такой же мере является продуктом определенного коллектива, как, с другой стороны, он сам есть наличное бытие этого коллектива, к тому же его самоговорящее бытие.

{Общинное производство и общая собственность в той форме, в какой их находят, например, в Перу, являются, очевидно, *производной* формой, занесенной и введенной племенами-завоевателями, знавшими у себя на родине общую собственность и общинное производство в их древней более простой форме, в какой они имеют место в Индии и у славян. По-видимому, и та форма, которую мы находим у кельтов, например в Уэльсе, тоже занесена к ним и является *производной*, введенной завоевателями у завоеванных племен, стоявших на более низкой ступени развития. Завершенность и систематическая разработка этих систем из одного верховного центра доказывают их более позднее происхождение. Точно так же, как феодализм, введенный в Англии, был по форме более законченным, чем феодализм во Франции, сложившийся там естественным путем.}

{У кочевых пастушеских племен, — а все пастушеские народы первоначально были кочевыми, — земля, наравне с прочими природными условиями, выступает в своей первичной безграничности, например в степях Азии и на азиатском плоскогорье. Ее используют как пастбище и т. д., на ней пасутся стада, которые, в свою очередь, доставляют средства существования пастушеским народам. Они относятся к земле как к своей собственности, хотя они никогда не фиксируют этой собственности. Такого рода собственностью является район охоты у диких индейских племен в Америке; племя считает

определенный район своей областью для охоты и силой отстаивает его против других племен, или оно пытается изгнать другие племена из удерживаемых ими областей. У кочевых пастушеских племен община фактически всегда собрана воедино; это — общество совместно путешествующих людей, караван, орда, и формы субординации развиваются здесь из условий этого образа жизни. *Присваивается* и *воспроизводится* здесь на самом деле только стадо, а не земля, которую, однако, на каждом месте стоянки временно используют *сообща*.}

Единственной преградой, на которую данная община может натолкнуться в своем отношении к природным условиям производства — к земле (если мы сразу перейдем к оседлым народам) — как к *своим* собственным, является *другая община*, которая уже располагает этими условиями как своим неорганическим телом. Поэтому *война* есть один из самых первобытных видов труда каждой из этих естественно сложившихся общин как для удержания собственности, так и для приобретения ее.

(Мы можем здесь фактически ограничиться замечаниями о первоначальной собственности на землю, ибо у пастушеских народов собственность на естественные продукты земли — например, на овец — это одновременно и собственность на луга, на которых они пасутся. Вообще собственность на землю включает также и собственность на ее органические продукты.)

{Если вместе с землей завоевывают самого [V—5] человека как органическую принадлежность земли, то его завоевывают как одно из условий производства, и таким путем возникают рабство и крепостная зависимость, которые вскоре извращают и видоизменяют первоначальные формы всех общин, сами становясь базисом последних. Простая организация приобретает в силу этого негативное определение.}

Собственность означает, следовательно, первоначально не что иное, как отношение человека к его природным условиям производства как к принадлежащим ему, как к своим собственным, как к *предпосылкам, данным вместе с его собственным существованием*, — отношение к ним как к *природным предпосылкам* его самого, образующим, так сказать, лишь его удлиненное тело. У человека, собственно говоря, нет отношения к своим условиям производства, а дело обстоит так, что он сам существует двояко: и субъективно в качестве самого себя, и объективно — в этих природных неорганических условиях своего существования,

Формы этих *природных условий производства* двоякие: 1) существование человека как члена какой-либо общины; следовательно, наличие этой общины, являющейся в своей первоначальной форме *племенной организацией*, более или менее видоизмененной *племенной организацией;* 2) его отношение к *земле*, через посредство общины, как к *своей* земле, общая земельная собственность и в то же время *личное владение* для отдельного лица, или же дело обстоит таким образом, что распределяются только плоды земли, сама же земля остается общей и обрабатывают ее сообща. (Но *жилища* и т. д., будь это даже повозки скифов, всегда находятся все же во владении отдельного лица.) Одним из природных условий производства для живого индивида является его принадлежность к какому-либо *естественно сложившемуся коллективу:* племени и т. п. Это, например, является уже условием для развития его языка и т. д. Его собственное производительное существование возможно только при этом условии. Этим обусловлено его субъективное существование как таковое, точно так же как оно обусловлено и тем, что он относится к земле как к своей лаборатории.

(Собственность первоначально, правда, *подвижна*, ибо человек сначала овладевает готовыми плодами земли, к числу которых относятся, между прочим, и животные, в особенности животные, поддающиеся приручению. Но даже это состояние — охота, рыболовство, пастушество, существование плодами деревьев и т. д. — всегда предполагает присвоение земли либо для постоянного поселения, либо для скитаний с места на место, либо как пастбища для животных и т. д.)

Итак, *собственность* означает *принадлежность* индивида к *какому-либо племени* (коллективу) (означает иметь в нем основу для своего субъективно-объективного существования), а через посредство отношения этого коллектива к земле как к своему неорганическому телу — отношение индивида к земле, к внешнему первоначальному условию производства (так как земля есть одновременно и сырье, и орудие, и плод) как к неотъемлемой предпосылке его индивидуальности, к способу существования последней. *Мы сводим эту собственность к отношению к условиям производства.* Почему же не к условиям потребления? Ведь первоначально производство индивида ограничивается воспроизводством его собственного тела путем присвоения им готовых предметов, приготовленных самой природой для потребления? Даже там, где готовые предметы надо всего лишь *найти, открыть*, это очень скоро начинает требовать от индивида напряжения сил, труда (как при охоте,

рыболовстве, пастушестве) и производства (т. е. развития) у субъекта известных способностей. А затем такое состояние, при котором люди могут брать то, что имеется, не прибегая ни к каким орудиям (т. е. уже к продуктам труда, предназначенным для производства), не изменяя формы того, что имеется в наличии (а такого рода изменение осуществляется даже при пастушестве), и т. д., — такое состояние очень быстро проходит и нигде не может считаться нормальным положением вещей даже при первобытном состоянии. К тому же, первоначальные условия производства сами собой включают продукты, потребляемые непосредственно, без применения труда, как-то: плоды, животные и т. п.; так что фонд потребления сам является составной частью *первоначального производственного фонда.*

Основное условие собственности, покоящейся на племенном строе (к которому первоначально сводится община) — быть членом племени. Это значит, что племя, завоеванное, покоренное другим племенем, *лишается собственности* и становится одним из тех *неорганических условий* воспроизводства племени-завоевателя, к которым община относится как к своим собственным. Рабство и крепостная зависимость являются поэтому лишь дальнейшими ступенями развития собственности, покоящейся на племенном строе. Они неизбежно изменяют все его формы. Меньше всего могут они это сделать при азиатской форме. В том единстве промышленности и земледелия, обеспечивающем существование общины, на котором эта форма собственности покоится, завоевание [других общин] не является таким необходимым условием, как там, где преобладает исключительно *земельная собственность, земледелие.* С другой же стороны, так как отдельный человек при этой форме собственности никогда не становится собственником, а является только владельцем, он, по сути дела, сам — собственность, раб того, в ком олицетворено единое начало общины, и поэтому рабство не подрывает здесь условий труда и не видоизменяет существо отношения.

[ж) Причины разложения общины и покоящейся на ней собственности]

[V—6] Далее ясно:

Поскольку собственность является только сознательным отношением к условиям производства как к *своим* собственным (для отдельного человека это отношение создано общиной,

объявлено в ней законом и гарантировано общиной), т. е. поскольку существование производителя выступает как существование в объективных условиях, *ему принадлежащих*, постольку она осуществляется только через само производство Действительное присвоение совершается сперва не в мысленном, а в активном, реальном отношении к этим условиям; это есть действительное использование их человеком как условий своей субъективной деятельности.

Но вместе с тем ясно, что *условия эти изменяются*. Та или иная территория становится районом охоты лишь потому, что племена там охотятся; лишь благодаря земледелию к земле относятся как к удлиненному телу индивида. После того как *город Рим* был построен и расположенные вокруг него земли были обработаны его гражданами, условия общины стали иными, чем они были до этого. Цель всех этих общин — сохранение, т. е. *воспроизводство образующих общину индивидов как собственников, т. е. воспроизводство их при том же объективном способе существования, который в то же самое время устанавливает отношения членов общины друг к другу и потому образует саму общину. Но это воспроизводство неизбежно является в одно и то же время и производством заново старой формы, и разрушением ее.* Например, там, где каждому из индивидов полагается владеть таким-то и таким-то количеством акров земли, уже рост населения создает для этого препятствие. Если пытаются устранить это препятствие, то прибегают к колонизации, а колонизация вызывает необходимость в завоевательных войнах. В результате — рабы и т. д., а также, например, увеличение ager publicus и, следовательно, усиление патрициев, являющихся представителями общины, и т. д.

Таким образом, сохранение старой общины заключает в себе разрушение тех условий, на которых она покоится, и оно переходит в свою противоположность. Если, например, предположить, что производительность может быть увеличена на прежней земельной площади путем развития производительных сил и т. д. (подобное развитие при традиционном способе обработки земли происходит как раз всего медленнее), то это включало бы новые способы труда, новые виды его комбинирования, затрату значительной части дня на земледелие и т. д., а это опять-таки подрывало бы старые экономические условия общины. В самом акте воспроизводства изменяются не только объективные условия, так что, например, деревня становится городом, заросли — расчищенным полем и т. д., но изменяются и сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразовывая самих себя благодаря производству,

создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык.

Чем дольше сохраняются традиции в самом способе производства (а в земледелии традиционный способ держится долго, еще дольше он удерживается при характерном для Востока сочетании земледелия и промышленности), т. е. чем меньшим изменениям подвергается *действительный процесс* присвоения, тем устойчивее старые формы собственности, а следовательно, и община вообще.

Там, где уже имеется налицо отделение членов общины, как частных собственников, от самих себя, как городской общины и как собственников территории города, там появляются также и такие условия, в силу которых отдельный человек может *лишиться* своей собственности, т. е. может лишиться того двоякого отношения, которое делает его, с одной стороны, равноправным гражданином, членом общины, а с другой — *собственником*. В восточной форме такая *утрата*, если не считать влияний чисто внешнего характера, почти невозможна, так как отдельный член общины никогда не оказывается в таком свободном отношении к ней, в силу которого он мог бы утратить свою связь (объективную, экономическую) с ней. Он прочно прирос к ней. Причина этого заключается также и в соединении промышленности и земледелия, города (села) и земли.

Уже у древних [греков и римлян] промышленность считалась пагубным занятием (делом вольноотпущенников, клиентов, чужеземцев) и т. д. Это развитие производительного труда (освобождающегося от исключительного подчинения земледелию в качестве домашнего труда свободных людей, изготовлявших орудия для земледелия и войны, или в качестве промышленности, направленной на удовлетворение нужд религиозного культа и всей общины, например строительство домов, дорог, храмов), неизбежно совершающееся благодаря сношениям с чужеземцами, благодаря рабам, стремлению обменивать свой прибавочный продукт и т. д., разлагает способ производства, на котором основываются община, а поэтому и каждое *объективно отдельное лицо*, т. е. лицо, обозначаемое как римлянин, грек и т. д. Такое же действие оказывает и обмен, долговое закабаление и т. д.

Первоначальное единство особой формы общины (племени) и с ней связанной собственности на природу, или отношение к объективным условиям производства как к бытию природы, как к опосредствованному общиной объективному существованию отдельного человека, это единство, которое, с одной

стороны, выступает как особая форма собственности, имеет свою живую действительность в самом определенном *способе производства,* способе, являющемся в такой же мере отношением индивидов друг к другу, в какой и их определенным действенным отношением [V—7] к неорганической природе, их определенным способом труда (который всегда выступает как семейный труд, часто — как общинный труд). В качестве первой великой производительной силы выступает сама община; особого рода условия производства (например, скотоводство, земледелие) ведут к развитию особого способа производства и к развитию особых производительных сил как субъективных, проявляющихся в виде свойств индивидов, так и объективных.

Определенная ступень развития производительных сил трудящихся субъектов, которой соответствуют определенные отношения их как друг к другу, так и к природе, — вот к чему сводится в конечном счете как та община, членами которой они являются, так и покоящаяся на ней собственность. До известного момента имеет место воспроизводство. Затем оно переходит в разложение.

Собственность означает, следовательно, первоначально (и таковой она является в ее азиатской, славянской, античной, германской формах) отношение трудящегося (производящего или себя воспроизводящего) субъекта к условиям своего производства или воспроизводства как к своим собственным. Поэтому в зависимости от условий этого производства она будет принимать различные формы. Целью самого производства является воспроизводство производителя в этих объективных условиях его существования и вместе с ними. Это отношение индивида к условиям труда как к своей собственности (не в силу того, что они результат труда, а в силу того, что они являются предпосылкой труда, т. е. производства) предполагает определенное существование индивида как члена племенного или общинного коллектива (собственностью которого он сам до известной степени является).

При рабстве, при крепостной зависимости и т. д. сам работник выступает как одно из природных условий производства, служащих некоторому третьему индивиду или общине (это *не* относится, например, к Востоку при существующем там поголовном рабстве; это так *только* с точки зрения европейской); собственность здесь, таким образом, уже не является отношением самолично трудящегося индивида к объективным условиям труда. Рабство, крепостная зависимость и т. д. всегда являются вторичными формами, никогда не первоначальными, несмотря на то, что они необходимый и последовательный результат

собственности, основанной на общинном строе и на труде в условиях этого строя.

Конечно, очень просто вообразить себе, что некий богатырь, физической силой превосходящий других людей, поймав сперва зверя, ловит затем человека для того, чтобы заставить его ловить зверей; словом, использует человека в качестве одного из имеющихся в природе условий для своего воспроизводства, как и всякое другое природное существо (при этом его собственный труд сводится к властвованию). Но подобный взгляд является пошлым (как бы он ни был правилен с точки зрения данного племени или данной общины), так как он исходит из развития *обособленных* людей.

Человек обособляется как индивид лишь в результате исторического процесса. Первоначально он выступает как *родовое существо, племенное существо, стадное животное* — хотя отнюдь не как ζῷον πολιτικόν [214] в политическом смысле. Сам обмен является одним из главных средств этого обособления индивидов. Он делает стадное существование ненужным и разлагает его. Дело оборачивается таким образом, что человек как обособленный индивид предоставлен только самому себе, средства же для утверждения его как обособленного индивида состоят, однако, в том, что он себя делает всеобщим и коллективным существом. В этом коллективе предполагается объективное существование отдельного человека как собственника, к примеру скажем, земельного собственника, и притом при определенных условиях, которые приковывают его к этому коллективу или, лучше сказать, образуют звено в этой цепи. В буржуазном обществе рабочий, например, совершенно лишен средств объективного существования, он существует субъективно; зато *противостоящая* ему вещь превратилась теперь в *подлинное общественное существо,* которое он стремится пожрать, но которое пожирает его.

Все те формы (все они сложились в той или иной степени естественным путем, однако в то же время являются результатами исторического процесса), при которых община предполагает субъектов в определенном объективном единстве с их условиями производства, или при которых определенный способ существования субъектов предполагает саму общину в качестве условия производства, по необходимости соответствуют только ограниченному, и притом принципиально ограниченному развитию производительных сил. Развитие производительных сил разлагает их, и само их разложение является развитием производительных сил людей. Люди начинают трудиться на определенной основе — сперва на естественно возникшей, за-

тем создается историческая предпосылка труда. Но потом сама эта основа, или предпосылка, уничтожается или к ней относятся как к временной предпосылке, ставшей слишком узкой для того, чтобы на ней могла развиваться прогрессивная человеческая масса [Menschenpack].

В той мере, в какой античная земельная собственность снова появляется в современной парцеллярной собственности, она сама относится к политической экономии, и мы рассмотрим это в разделе о земельной собственности.

[V — 8] (Все это разобрать еще раз — глубже и подробнее.)

[2) ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ]

[а) Разложение докапиталистических форм отношения работника к объективным условиям труда]

Здесь речь идет прежде всего о следующем: отношение труда к капиталу, или к объективным условиям труда как к капиталу, предполагает исторический процесс, разлагающий различные формы, при которых работник является собственником, или при которых собственник сам работает.

Итак, прежде всего, имеются в виду следующие пункты:

1) *Разложение* отношения работника к земле как к природному условию производства, к которому он относится как к своему собственному неорганическому наличному бытию, как к лаборатории своих сил и к той области, где господствует его воля. Все те формы, в которых встречается эта собственность, предполагают *общину*, члены которой, хотя между ними и могут быть формальные различия, в качестве членов общины являются *собственниками*. Первоначальной формой этой собственности является поэтому *непосредственная общая собственность* (*восточная форма*, модифицированная у славян; развитая до противоположности, но все же являющаяся еще скрытой, хотя и чреватой противоположностями, основой античной и германской собственности).

2) *Разложение тех отношений*, при которых работник является *собственником орудия труда*. Как упомянутая выше форма земельной собственности предполагает *реальную общину*, так эта собственность работника на его орудие предполагает особую форму развития промышленного труда — *ремесленный труд;* с этой формой труда связан цеховой корпоративный строй и т. д. (Древневосточную промышленность можно

будет разобрать уже при рассмотрении пункта 1-го.) Здесь труд сам еще наполовину искусство, наполовину самоцель и т. д. Мастерство. Капиталист сам является еще мастером. Особым навыком к труду обеспечивается и обладание орудием труда и т. д. и т. п. Способ труда вместе с организацией труда и орудием труда в известной степени передается по наследству. Средневековые города. Труд — это пока еще собственный труд работника; определенное самодовлеющее развитие односторонних способностей и т. д.

3) И в том и в другом случае работник имеет в своем распоряжении до начала производства предметы потребления, необходимые для того, чтобы он мог просуществовать как производитель, т. е. в период производства, *до* его завершения. Как собственник земли он непосредственно обеспечен необходимым фондом потребления. Как цеховой мастер он получил его по наследству, нажил, скопил его, а как подмастерье он сначала только *ученик* и, следовательно, совсем еще не представляет собой настоящего, самостоятельного работника и столуется по-патриархальному у мастера. В качестве действительного подмастерья он до известной степени пользуется фондом потребления, принадлежащим мастеру. Если этот фонд и не является *собственностью* подмастерья, то все же подмастерье по цеховым законам, по цеховому обычаю и т. п. является по крайней мере его совладельцем и т. д. (остановиться на этом вопросе подробнее).

4) С другой стороны, в такой же мере имеет место и *разложение* тех отношений, при которых *сами работники*, сами *живые носители рабочей силы* еще *непосредственно принадлежат к объективным условиям производства* и присваиваются в качестве таковых, — стало быть, являются рабами или крепостными. Для капитала условием производства является не рабочий, а только труд. Если капитал может заставить машины, или даже воду, воздух, выполнять работу, тем лучше. И присваивает он не рабочего, а его труд, притом не непосредственно, а посредством обмена.

Таковы, с одной стороны, исторические предпосылки для того, чтобы найти рабочего как свободного рабочего, найти его как лишенную объективных условий производства, только субъективную способность к труду, противостоящую объективным условиям производства как *не-его-собственности*, как *чужой собственности*, как самостоятельно существующей *стоимости*, как капиталу. Но с другой стороны, спрашивается: какие нужны условия, чтобы рабочий нашел противостоящий ему *капитал?*

{Формула капитала, где живой труд относится негативно и к сырью, и к орудию, и к жизненным средствам, необходимым в течение работы, относится к ним как к не-собственности, — эта формула капитала с самого начала *включает не-собственность на землю*, или отрицание того состояния, при котором трудящийся индивид относится к земле как к принадлежащей ему, т. е. трудится, производит как собственник земли. В лучшем случае он относится к земле не только как работник, а как собственник земли к себе самому как к работающему субъекту. Земельная собственность включает потенциально собственность и на сырье и на первоначальное орудие, на саму землю, и на ее дикорастущие плоды. Отношение к земле как к собственности в самой первоначальной форме означает: находить в ней сырье, орудие и жизненные средства, созданные не трудом, а предоставленные самой землей. Раз это отношение уже воспроизведено, то вторичные орудия и произведенные самим трудом плоды земли оказываются включенными в земельную собственность в ее первобытных формах. Стало быть, это историческое состояние, как более полное отношение собственности, прежде всего и отрицается в самом отношении рабочего к условиям труда как к капиталу. Это есть такое историческое состояние № I, которое этим отношением отрицается или относительно которого предполагается, что исторически оно уже разложилось.

Но, во-вторых, [V — 9] там, где уже существует *собственность на орудие труда*, или отношение работника к орудию труда как к собственному, там, где он трудится как собственник орудия труда (что предполагает в то же время подчинение орудия его индивидуальному труду, т. е. предполагает особую ограниченную ступень развития производительной силы труда), там, где эта форма *работника как собственника*, или форма *работающего собственника*, уже дана как самостоятельная форма* наряду с *земельной собственностью* и вне ее, — там в качестве предпосылки дана уже и определенная вторая историческая ступень, наряду с первой и вне ее, ступень, которая сама уже должна выступать значительно модифицированной вследствие *обособления этого второго вида собственности*, или *второго вида работающего собственника*.

Так как само орудие труда уже есть продукт труда, т. е. элемент, конституирующий собственность, элемент, положенный

* Иными словами, ремесленное и городское развитие труда, которые здесь не являются придатком к земельной собственности и не подчинены ей, как в первом случае; стало быть, и сырье и жизненные средства в качестве собственности ремесленника *опосредствованы* только его ремеслом, его собственностью на орудие труда.

трудом, то община (имеется в виду община, на которой основан этот второй вид собственности) не может уже более выступать здесь в такой естественно сложившейся форме, как в первом случае, ибо сама община должна представлять собой уже созданный, возникший, вторичный коллектив, созданный самим работником. Ясно, что там, где отношением к условиям производства как к собственности работника является собственность на орудие труда, там в действительном процессе труда орудие представляет собой *только средство* индивидуального труда; искусство сделать орудие действительно своим собственным, овладеть им как средством труда выступает как особое мастерство работника, утверждающее его собственником орудия. Короче говоря, существенный характер цехового корпоративного строя (ремесленного труда, конституирующего субъекта труда в собственника) следует рассматривать с точки зрения отношения к орудию производства (орудию труда как собственности) в отличие от отношения к земле (к первоначальному сырью) как к своей собственности. То обстоятельство, что отношение работающего субъекта к одному именно этому моменту условий производства конституирует его в качестве собственника, работающего собственника, — это историческое состояние № II, по своей природе могущее существовать только как противоположность состоянию № I, или, если угодно, вместе с тем как дополнение модифицированного состояния № I, — тоже отрицается в первой формуле капитала.

Третья *возможная форма:* работник относится как собственник только к жизненным средствам, находит их как природное условие работающего субъекта, не относясь ни к земле, ни к орудию, а стало быть и к самому труду, как к своим собственным. Эта форма по сути дела является формулой рабства и крепостничества, которая тоже отрицается и является исторически разложившимся состоянием с точки зрения отношения рабочего к условиям производства как к капиталу.

Первоначальные формы собственности необходимо сводятся к отношению к различным объективным моментам, обусловливающим производство, как к своим собственным; эти первоначальные формы собственности в такой же степени образуют экономическую основу различных форм общины, в какой они сами, в свою очередь, имеют в качестве предпосылки определенные формы общины. Эти формы существенно модифицируются в результате того, что сам труд причисляется к *объективным условиям производства* (крепостная зависимость и раб-

ство), в силу чего простой положительный характер всех форм собственности, относящихся к состоянию № I, утрачивается и видоизменяется. Все они содержат в себе рабство как возможность, а потому и как свое собственное уничтожение. Что касается состояния № II, при котором особый вид труда, мастерство в нем и соответственно с этим собственность на орудие труда равнозначны собственности на условия производства, то оно, правда, исключает рабство и крепостную зависимость, но может в форме кастового строя получить аналогичное негативное развитие.}

{Третья форма собственности — собственность на жизненные средства, — если она не сводится к рабству и крепостной зависимости, не может содержать никакого отношения *работающего* индивида к условиям производства, а значит и к условиям существования. Она поэтому может быть только отношением такого члена первоначальной, основанной на земельной собственности общины, который лишился своей земельной собственности и еще не достиг формы собственности № II; например, римский плебс времен panes et circenses [215].}

{Отношение retainers * к их феодальному господину, или несение личной феодальной службы, существенно отлично. Ибо личная феодальная служба по сути дела составляет только способ существования самого земельного собственника, который сам уже не работает, но собственность которого включает в условия производства самих работников как крепостных и т. д. Здесь *отношение господства* выступает как существенное отношение присвоения. К животному, к земле и т. д. по сути дела не может быть никакого отношения господства в результате их присвоения, хотя животное несет службу. Предпосылкой отношения господства является присвоение чужой *воли*. Следовательно, то, что лишено воли, как например животное, способно, правда, нести службу, но это не делает из собственника *господина*. Однако мы видим здесь, что *отношения господства и подчинения* тоже входят в эту формулу присвоения орудий производства. А эти отношения господства и подчинения образуют необходимый фермент развития и гибели всех первоначальных отношений собственности и производственных отношений, точно так же как они выражают и ограниченность этих отношений. Правда, в капитале они воспроизводятся (в опосредствованной форме) и образуют, таким образом, фермент и его разложения, являясь в то же время символом его ограниченности.}

* — феодальных слуг, вассалов. *Ред.*

[V—10] {«Полномочие в случае нужды продавать себя и своих близких было правом, к несчастью, всеобщим; это право признавали и в северных странах, и у греков, и в Азии; почти столь же повсеместно было распространено право кредитора брать себе в холопы должника, не уплатившего своего долга, и, насколько возможно, обеспечивать себе уплату долга его трудом или продажей его личности» (*Niebuhr*. Römische Geschichte. Erster Theil, стр. 600).}

{В одном месте *Нибур* говорит, что греческим писателям эпохи Августа трудно было понять отношения между патрициями и плебеями, что они неправильно понимали и смешивали эти отношения с отношениями патронов и клиентов; это происходило-де оттого, что они

«писали в такое время, когда *богатые и бедные были единственными настоящими классами граждан,* когда несостоятельный человек, какого бы благородного происхождения он ни был, нуждался в покровителе, а миллионер, хотя бы это был вольноотпущенник, был желанным покровителем. От отношений зависимости, переходивших по наследству, у них почти не сохранилось и следа» (там же, стр. 620).}

{«Среди обоих классов» *(метеков * и вольноотпущенников и их потомства)* «встречались ремесленники, а право гражданства, в котором они были ограничены, получал плебей, оставивший земледелие. Они тоже не были лишены чести иметь свои *законные сословные организации;* их корпорации пользовались таким уважением, что основателем их называли Нуму; их было девять: дудочники, золотых дел мастера, плотники, красильщики, шорники, кожевники, медники, гончары и девятая корпорация — всех прочих ремесел... Некоторые из них были самостоятельными гражданами, жившими в предместьях города, равноправными гражданами, не отдававшимися под покровительство какого-либо патрона — в тех случаях, когда существовало такого рода право; были и потомки крепостных, зависимость которых прекратилась вследствие того, что вымер род их патронов; они-то, наверное, оставались так же безучастны к распрям между старинными гражданами и общиной, как флорентийские цехи к усобицам между родами гвельфов и гибеллинов; крепостные, возможно, еще целиком находились в распоряжении патрициев» (там же, стр. 623).}

[б) Отделение объективных условий труда от самого труда. Первоначальное образование капитала]

На одной стороне предполагаются исторические процессы, поставившие массу индивидов данной нации и т. п. в положение, если на первых порах не действительно свободных рабочих, то во всяком случае в положение таких работников, которые δυνάμει ** являются свободными рабочими, единственная собственность которых есть их рабочая сила

* — иноземных поселенцев. *Ред.*

** — потенциально. *Ред.*

и возможность обменивать ее на имеющиеся стоимости. Этой массе индивидов противостоят на другой стороне все объективные условия производства как *чужая собственность,* как их *не-собственность,* но в то же время эти объективные условия производства как *стоимости* способны к обмену, в силу чего их присвоение до известной степени доступно живому труду. Подобные исторические процессы распада, с одной стороны, являются разложением отношений крепостной зависимости, приковывавших работника к земле и к хозяину земли, но фактически предполагающих его собственность на жизненные средства, так что это по сути дела есть процесс его отделения от земли; с другой стороны, здесь происходит разложение таких отношений земельной собственности, которые делали работника йоменом, свободно работающим мелким собственником земли или арендатором (колоном), свободным крестьянином *; разложение таких корпоративных отношений, которые предполагают и собственность работника на орудие труда, и его собственность на самый труд как определенную ремесленную сноровку (а не только труд как источник собственности). Эти исторические процессы распада в такой же мере являются разложением отношений клиентелы в ее различных формах, в которых *не-собственники* являются прихлебателями, живущими за счет прибавочного продукта в свите своих господ и в качестве эквивалента носящими ливрею своего господина, — они участвуют в его распрях, оказывают воображаемые или реальные личные услуги и т. д.

Во всех этих процессах разложения при более подробном рассмотрении оказывается, что разлагаются такие отношения производства, при которых преобладает потребительная стоимость, производство для непосредственного потребления. Меновая стоимость и ее производство имеют своей предпосылкой преобладание другой формы. Поэтому в рамках всех этих отношений подати и повинности натурой преобладают над денежными платежами и поборами. Но это лишь мимоходом. При ближайшем рассмотрении обнаружится равным образом, что все эти разложившиеся отношения были возможны только при определенном уровне развития материальных (а поэтому также и духовных) производительных сил.

Нас интересует здесь прежде всего следующее: процесс разложения, превращающий массу индивидов данной нации и т. д. в δυνάμει свободных наемных рабочих (понуждаемых к труду

* Разложение еще более древних форм общей собственности и реальной общины разумеется само собой.

и к продаже своего труда только отсутствием у них собственности), предполагает на другой стороне такой процесс, который означает, что прежние источники дохода, а отчасти прежние условия собственности этих индивидов *не исчезли,* а наоборот, что стало иным *только* их употребление, что изменился только способ их существования, что они как *свободный фонд* перешли в иные руки или даже остались частично в *тех же самых* руках. Но ясно следующее: процесс, отделивший целую массу индивидов от их прежних (в той или иной форме) положительных отношений к *объективным условиям труда,* подвергнувший эти отношения отрицанию и тем самым превративший этих индивидов в *свободных рабочих,* этот же самый процесс потенциально освободил эти *объективные условия труда* (землю, сырье, жизненные средства, орудия труда, деньги или все это вместе) от их *прежней связи* с индивидами, отделенными теперь от них. Эти объективные условия труда все еще *имеются в наличии,* но в иной форме, как *свободный фонд,* в котором все прежние политические и т. п. связи стерты, и они противостоят этим отделенным от них, лишенным собственности индивидам уже только в форме *стоимостей,* прочно обособившихся стоимостей.

Тот же самый процесс, противопоставляющий массу в качестве свободных рабочих *объективным условиям труда,* противопоставил эти условия в качестве [V — 11] *капитала* свободным рабочим. Исторический процесс привел к разъединению элементов, до этого связанных между собой; его результат заключается поэтому не в том, что один из этих элементов исчезает, а в том, что каждый из них выступает в негативном отношении к другому: с одной стороны — свободный рабочий (потенциальный рабочий), с другой — капитал (потенциальный). Отделение объективных условий от тех классов, которые превращены в свободных рабочих, должно в такой же мере выступать на противоположном полюсе как обособление этих самых условий в виде чего-то самостоятельно существующего.

Если отношение капитала и наемного труда рассматривать не как отношение, уже ставшее решающим и охватившее все производство в целом *, но как исторически складывающееся отношение (т. е. если рассматривать первоначальное превращение денег в капитал, процесс обмена между капиталом всего

* Ибо в этом случае капитал, предшествующий наемному труду как его условие, был бы собственным продуктом наемного труда, и наемный труд предпосылал бы самому себе капитал как свое собственное условие, как предпосылку для самого себя, самим же наемным трудом созданную.

лишь потенциально существующим на одной стороне и потенциально существующими на другой стороне свободными рабочими), то, конечно, сам собой напрашивается простой вывод, с которым так носятся экономисты, а именно: что сторона, выступающая как капитал, должна иметь в своих руках сырье, орудия труда и жизненные средства, чтобы рабочий мог жить до тех пор, пока производство не завершится.

Это далее представляется так, что у капиталиста должно было произойти такое накопление (накопление, предшествовавшее [наемному] труду и не [наемным] трудом порожденное), которое позволяет капиталисту заставлять рабочего работать, сохраняя его дееспособность, сохраняя его как живую рабочую силу *. Это независимое от труда, помимо труда совершенное деяние капитала переносят затем из этой истории происхождения капитала в современность, превращают в один из моментов его действительности и его действенности, его самоформирования. Из этого выводят затем, в конце концов, вечное право капитала на плоды чужого труда, или, лучше сказать, капиталистический способ наживы обосновывают, исходя из простых и «справедливых» законов обмена эквивалентов.

Богатство, имеющееся в форме денег, может превратиться в объективные условия труда только потому, что эти условия отделены от самого труда, и только тогда, когда они отделены от него. Мы видели, что деньги частично могут быть накоплены просто путем обмена эквивалентов; но это составляет столь незначительный источник, что исторически о нем не стоит даже и упоминать, если допустить предположение, что деньги приобретены путем обмена собственного труда. На самом же деле деньги стали денежным богатством благодаря ростовщичеству (в особенности применявшемуся также и по

* Как только капитал и наемный труд стали своими собственными предпосылками, базисом, служащим предпосылкой самому производству, все дело представляется сперва таким образом, что капиталист, помимо того фонда сырья и средств труда, который необходим для того, чтобы рабочий воспроизводил себя самого, создавал необходимые жизненные средства, т. е. реализовывал *необходимый труд*, — что капиталист располагает еще таким фондом сырья и средств труда, при помощи которого рабочий осуществляет свой прибавочный труд, т. е. действительно создает прибыль капиталиста. Дальнейший анализ показывает, что рабочий постоянно создает двойной фонд для капиталиста, или двойной фонд в форме капитала: одна часть этого фонда постоянно пополняет условия его собственного существования, а другая — условия существования капитала. Как мы уже видели, в добавочном капитале, — добавочном капитале по сравнению с допотопным отношением капитала к труду, — весь *реальный, имеющийся в настоящее время капитал*, каждый элемент его в одинаковой мере представляет собой овеществленный и присвоенный капиталом *чужой труд, присвоенный* без обмена, без предоставления эквивалента взамен этого присвоенного труда.

отношению к земельной собственности) и благодаря движимому имуществу, накопленному от купеческих барышей; вот это денежное богатство и превращается в капитал в собственном смысле — в промышленный капитал. Ниже мы еще будем иметь повод говорить об обеих этих формах подробнее, поскольку они выступают не как формы капитала, а как более ранние формы богатства, как предпосылки для капитала.

Как мы видели, в понятии капитала, в его возникновении заложено, что исходным пунктом его являются *деньги* и потому богатство, существующее в форме денег. Здесь заложено также и то, что капитал, притекая из обращения, выступает как *продукт* обращения. Образование капитала исходит поэтому не от земельной собственности (здесь в лучшем случае от *арендатора,* поскольку он является торговцем сельскохозяйственными продуктами), также и не от цехов (хотя в этом случае есть такая возможность); оно исходит от купеческого и ростовщического богатства. Но такого рода богатство только тогда находит условия для покупки свободного труда, когда этот свободный труд в результате исторического процесса отделился от объективных условий своего существования. И лишь тогда этому богатству предоставляется возможность покупать сами эти *условия.* Например, в условиях цехового строя просто за деньги, если сами они не принадлежат цеху, не являются деньгами цехового мастера, нельзя купить ткацких станков, чтобы заставить на них работать; заранее предписано, какое количество станков отдельный мастер имеет право применять для работы и т. д. Короче говоря, само орудие еще настолько срослось с самим живым трудом, настолько еще представляется областью его господства, что по-настоящему оно еще не втянуто в обращение.

Превращение денег в капитал становится возможным благодаря тому, что они находят, во-первых, свободных рабочих, и, во-вторых, жизненные средства и материалы и т. д., которые тоже стали *свободными,* которые продаются и которые в той или иной форме прежде обычно были *собственностью* людей, теперь лишившихся объективных условий своего существования.

Другое же условие труда — известное мастерство, орудие как средство труда и т. д. — деньги в этот подготовительный или первоначальный период капитала *находят готовым* отчасти как результат городского цехового строя, отчасти как результат домашней, или подсобной к земледелию, промышленности. Этот исторический процесс является не результатом капитала, а его предпосылкой. В результате этого процесса и вклини-

вается капиталист (исторически) как посредник между земельной собственностью, или между собственностью вообще, и трудом. Об идиллических побасенках, согласно которым капиталист и рабочий образуют ассоциацию и т. д., [V — 12] истории ничего не известно, да и анализ понятия капитала не обнаруживает никаких следов этого. В некоторых местах *мануфактура* может спорадически развиваться в окружении, целиком относящемся еще к другому периоду, как она развивалась, например, в итальянских городах *наряду* с цехами. Но условия для капитала, в качестве всеобъемлющей формы целой эпохи, должны быть развиты не всего лишь в местных рамках, а в широком масштабе. (Этому не противоречит тот факт, что при разложении цехов отдельные цеховые мастера превращаются в промышленных капиталистов; но такие случаи редки по самой природе вещей. В целом там, где появляются капиталист и рабочий, гибнет цеховой строй, мастер и подмастерье.)

Само собой разумеется, — а при более подробном рассмотрении той исторической эпохи, о которой здесь идет речь, это обнаруживается в деталях, — что *время разложения* прежних способов производства и прежних способов отношения работника к объективным условиям труда бесспорно является *вместе с тем временем,* когда *денежное богатство,* с одной стороны, уже успело *достигнуть* широкого развития, а с другой стороны, оно продолжает быстро расти и распространяться в силу тех же обстоятельств, которые ускоряют указанное разложение. Само денежное богатство вместе с тем является одним из агентов этого разложения точно так же, как это разложение является условием превращения денежного богатства в капитал. Однако *одного только наличия денежного богатства* и даже достижения им в известной мере господства отнюдь не достаточно для того, чтобы произошло это *превращение в капитал.* В противном случае Древний Рим, Византия и т. д. закончили бы свою историю свободным трудом и капиталом или, вернее, начали бы тем самым новую историю. Там разложение старых отношений собственности тоже было связано с развитием денежного богатства — торговли и т. д. Однако это разложение вместо того, чтобы привести к развитию промышленности, фактически привело к господству деревни над городом.

Первоначальное образование капитала происходит вовсе не так, будто капитал, как это обычно воображают, *накопляет* жизненные средства, орудия труда и сырье, словом, *объективные* условия труда, отделенные от земли и сами уже

впитавшие в себя человеческий труд *. Дело происходит вовсе не так, будто капитал создает объективные условия труда.

На самом деле, *первоначальное образование капитала* происходит просто потому, что стоимость, существующая в виде *денежного богатства,* ходом исторического процесса разложения предшествующего способа производства наделяется способностью, с одной стороны, *покупать* объективные условия труда, с другой — выменивать на деньги сам *живой* труд у ставших свободными рабочих.

Все эти моменты уже имеются налицо. Само их разъединение есть исторический процесс, процесс разложения, и именно *этот процесс разложения* и позволяет деньгам превращаться в *капитал.* В той мере, в какой деньги содействуют этому процессу, они содействуют ему лишь постольку, поскольку сами они вторгаются в этот процесс как разлагающее средство, действующее в высшей степени энергично, и лишь постольку, поскольку они содействуют созданию *обобранных,* лишенных объективных условий существования *свободных рабочих.* Но они содействуют этому, конечно, не тем, что *создают* для этих рабочих объективные условия их существования, а тем, что помогают ускорить отделение этих рабочих от этих условий, способствуют тому, чтобы те скорее лишились всякой собственности.

Если, например, крупные английские земельные собственники распускали свою челядь, проедавшую вместе с ними прибавочный продукт деревни; если, далее, их арендаторы изгоняли безземельных крестьян и т. д., то тем самым масса живых рабочих сил [Arbeitskräfte], во-первых, оказывалась выброшенной на *рынок труда,* масса, которая была свободна в двояком смысле — свободна от старых отношений клиентелы или отношений крепостной зависимости и феодальной повинности, и, во-вторых, свободна от всякого личного достояния и всякой объективной вещной формы существования, *свободна от всякой собственности;* единственным источником суще-

* С первого же взгляда ясно, какой это был бы порочный круг, если бы, с одной стороны, *рабочих,* которых капитал должен заставить работать, дабы утвердить себя как капитал, если бы этих рабочих приходилось еще только *создавать,* приходилось вызывать к жизни с помощью накопления, производимого капиталом, если бы они дожидались его магического: *да будет!,* тогда так, с другой стороны, сам капитал не был бы способен *накоплять* без чужого труда, или, в лучшем случае, мог бы накоплять только *свой собственный труд,* т. е. сам, таким образом, существовал бы в форме *не-капитала* и *не-денег,* так как до существования капитала труд способен реализовать себя только в формах, подобных форме ремесленного труда, мелкого земледелия и т. д.; короче — сплошь в таких формах, при которых вовсе *невозможно накопление* или оно возможно лишь в крайне ограниченных размерах; в формах, допускающих лишь очень небольшой прибавочный продукт, который к тому же в значительной части *проедается.* Нам вообще еще придется подробнее исследовать это представление о *накоплении.*

ствования этой массы людей оставалась либо продажа своей рабочей силы, либо нищенство, бродяжничество и разбой. Исторически установлено, что эти люди сперва пытались заняться последним, но с этого пути были согнаны посредством виселиц, позорных столбов и плетей на узкую дорогу, ведущую к рынку труда; отсюда видно, что *правительства,* например Генриха VII, Генриха VIII и т. д. [216], выступают в роли пособников исторического процесса разложения и в роли тех, кто создал условия для существования капитала.

С другой стороны, жизненные средства и т. д., которые прежде проедались земельными собственниками и их челядью, оказались теперь к услугам денег, желавших их купить, чтобы через их посредство покупать труд. Эти жизненные средства не деньгами были *созданы*, не деньгами же и *накоплены;* они были налицо, их потребляли и воспроизводили прежде, чем их стали потреблять и воспроизводить через посредство денег. Изменилось всего-навсего лишь то, что они оказались теперь брошенными на *рынок обмена,* оказались оторванными от своей непосредственной связи с ртами челяди и т. д. и превратились из потребительных стоимостей в стоимости меновые, подпав, таким образом, под власть и [V—13] господство денежного богатства.

То же самое имело место и с орудиями труда. Денежное богатство не изобрело и не изготовило ни прялки, ни ткацкого станка. Но, оторванные от своей почвы, прядильщики и ткачи со своими станками и прялками подпали под власть денежного богатства и т. д. *Капитал всего-навсего лишь соединяет массу рук с массой орудий, уже ранее имевшихся налицо. Он их только собирает под своей властью.* Вот в чем заключается его *действительное накопление.* Оно состоит в том, что он сосредоточивает в известных пунктах рабочих вместе с их орудиями. Об этом подробнее будет идти речь при рассмотрении вопроса о так называемом накоплении капитала.

Денежное богатство — в виде купеческого богатства — конечно, помогло ускорить разложение прежних производственных отношений и доставило, например, земельному собственнику возможность, как это прекрасно показал уже А. Смит [217], обменивать свой хлеб, скот и т. д. на потребительные стоимости, привезенные из других стран, вместо того чтобы произведенные у него самого потребительные стоимости проматывать в кутежах со своей челядью и свое богатство мерить в значительной степени количеством прихлебателей из числа своей челяди. Денежное богатство повысило в его глазах значение *меновой стоимости* его дохода. То же произошло

и с его арендаторами, которые были уже наполовину капиталистами, но все же еще в очень замаскированной форме.

Развитие меновой стоимости (этому развитию способствовали *деньги,* существовавшие в форме купеческого сословия) разлагает производство, имеющее целью производство непосредственной потребительной стоимости, и соответствующие этому производству формы собственности (отношение труда к его объективным условиям) и таким образом ведет к созданию *рынка труда* (ни в коем случае не смешивать с невольничьим рынком). Но и это влияние денег возможно только тогда, когда предпосылкой служит *городское ремесло,* основывающееся *не* на капитале и наемном труде, а на цеховой организации труда и т. п. Городской труд сам создал такие средства производства, для которых цехи стали настолько же стеснительными, насколько прежние отношения земельной собственности стеснительны для усовершенствованного земледелия, которое само отчасти опять-таки явилось следствием возросшего сбыта земледельческих продуктов в городах и т. д. Другие обстоятельства, которые, например в XVI веке, увеличивали и массу обращающихся товаров, и массу денег, создавали новые потребности и потому повышали меновую стоимость отечественных продуктов и т. д., взвинчивали цены и т. д., — все это, с одной стороны, способствовало разложению прежних производственных отношений, ускоряло отделение работника или способного к труду тунеядца от объективных условий его воспроизводства и таким образом способствовало превращению денег в капитал.

Поэтому не может быть ничего глупее, как представлять себе это *первоначальное образование* капитала так, будто это он, капитал, накопил и создал *объективные условия производства* — жизненные средства, сырье, орудия — и предложил их *лишившимся* этих условий работникам. Напротив, денежное богатство отчасти помогло *лишить* этих условий рабочую силу [die Arbeitskräfte] трудоспособных индивидов; отчасти же этот процесс разъединения протекал без его участия. Когда первоначальное образование капитала уже достигло известной высоты развития, денежное богатство получило возможность выступить в качестве посредника между этими, ставшими таким образом свободными, объективными условиями жизни и ставшими свободными, но и оказавшимися *лишенными всего* живыми рабочими силами [Arbeitskräfte] и смогло с помощью одних покупать других. Что же касается *образования* самого *денежного богатства* до его превращения в капитал, то это относится к предыстории буржуазной экономики. Ро-

стовщичество, торговля, города и возникающая вместе с ними государственная казна играют тут главную роль; определенное значение, хотя и в меньшей степени, имеет также *накопление денег* у арендаторов, крестьян и т. д.

Здесь вместе с тем обнаруживается, что развитие обмена и меновой стоимости, которая всюду опосредствована торговлей, или опосредствование которой может быть названо торговлей (деньги получают в купеческом сословии самостоятельное существование так же, как обращение — в торговле), ведет как к разложению *отношений собственности труда на его* условия существования, с одной стороны, так и к разложению тех отношений, при которых сам *труд причисляется к объективным условиям производства;* — все это отношения, в такой же мере служащие выражением преобладания потребительной стоимости и производства, рассчитанного на непосредственное потребление, в какой они служат выражением преобладающего значения определенной реальной общины, которая непосредственно сама еще существует в качестве предпосылки производства.

Производство, базирующееся на меновой стоимости, и общественный строй, базирующийся на обмене этих меновых стоимостей (в какой бы степени они, как мы это видели в предыдущей главе о деньгах, ни имели вида, будто они утверждают собственность исключительно как результат *труда,* частную собственность на продукт собственного труда как условие [труда] и труд как всеобщее условие богатства), предполагают и порождают отделение труда от его объективных условий. Этот обмен эквивалентов имеет место, однако он есть только поверхностный слой такого производства, которое покоится на присвоении чужого труда *без обмена,* но под *видимостью обмена.* Эта система обмена зиждется на *капитале* как на своей основе, и если ее рассматривать отдельно от него, т. е. так, как она выступает на поверхности, как *самостоятельную* систему, то это только *видимость,* но *неизбежная видимость.*

Поэтому теперь уже нет ничего удивительного в том, что система меновых стоимостей (обмен эквивалентов, мерой которых служит труд) превращается в *присвоение чужого труда без обмена,* или, вернее, что в качестве ее скрытого фона выступает этого рода присвоение, полнейший разрыв между трудом и собственностью. Дело в том, что господство самой меновой стоимости и производства, производящего меновые стоимости, *предполагает,* [V — 14] что чужая рабочая сила сама является меновой стоимостью, т. е. предполагает отрыв живой рабочей силы от ее объективных условий; отношение к ним — или

отношение ее к своей собственной объективности — как к чужой собственности; одним словом: отношение к ним как к *капиталу*. Только период гибели феодального общества, когда оно, однако, еще вело междоусобную борьбу, — как, например, в Англии в XIV и в первой половине XV столетия, — был золотым веком для эмансипирующегося труда. Для того чтобы труд снова стал относиться к своим объективным условиям как к своей собственности, необходимо, чтобы иная система пришла на смену системе частного обмена, вызывающей, как мы видели, обмен овеществленного труда на рабочую силу и поэтому ведущей к присвоению живого труда без обмена.

Способ превращения денег в капитал часто проявляется исторически совершенно осязаемо в том, что, например, купец поручает нескольким ткачам и прядильщикам, занимавшимся до той поры ткачеством и прядением в виде сельского побочного промысла, работать на него и их побочное занятие превращает в их основное занятие. В результате он закрепляет их за собой и подчиняет своей власти в качестве наемных рабочих. Извлечь их затем из их родных мест и соединить в один работный дом — это следующий шаг. При этом простом процессе ясно, что купец не заготовлял для ткачей и прядильщиков ни сырья, ни орудий, ни жизненных средств. Все, что он сделал, сводится к постепенному ограничению их таким видом труда, который делает их зависимыми от продажи, от *покупателя*, от *купца*, и они, в конце концов, производят только *на* него и *через его посредство*. Первоначально он покупал их труд только посредством покупки продукта их труда; как только они ограничиваются производством данной меновой стоимости и им приходится, следовательно, производить непосредственно *меновые стоимости*, обменивать на деньги весь свой труд, чтобы иметь возможность продолжать свое существование, они подпадают под его власть, и под конец исчезает даже и видимость, будто они *продают* ему продукты. Он покупает их труд и лишает их собственности сперва на продукт, а вскоре и на орудия труда, или оставляет их им как *призрачную собственность* с тем, чтобы сократить свои собственные издержки производства.

Первоначальные исторические формы, в которых капитал впервые появляется спорадически, или в *отдельных местностях, наряду* с прежними способами производства, но постепенно всюду их подрывая, — это, с одной стороны, *мануфактура* в собственном смысле (но еще не фабрика). Мануфактура возникает там, где имеет место массовое производство на вывоз, для внешнего рынка, следовательно, на *базе крупной*

морской и сухопутной торговли, в главных торговых пунктах, как, например, в итальянских городах, Константинополе, фландрских, голландских городах, некоторых испанских, как Барселона и т. д. Мануфактура захватывает сначала не так называемое *городское ремесло,* а *сельский побочный промысел,* прядение и ткачество, тот вид труда, который меньше всего требует цеховой сноровки, художественной выучки. Если отвлечься от этих крупных торговых пунктов, где она находит готовую базу для работы на *внешний* рынок, где, стало быть, производство, так сказать, *естественно* направлено на меновую стоимость, т. е. где развиваются мануфактуры, прямо связанные с судоходством, само судостроение и т. д., — если от них отвлечься, то сперва мануфактура обосновывается не в городах, а на селе, в деревнях, где не было цехов и т. д. Сельский побочный промысел образует широкую базу мануфактуры, тогда как городское ремесло требует высокой ступени развития производства, чтобы его можно было поставить как фабричное производство. Широкую базу мануфактуры образуют также такие отрасли производства, как стекольные фабрики, металлообрабатывающие заводы, лесопильни и т. д., которые с самого начала требуют большей концентрации рабочих сил [Arbeitskräfte], большего использования сил природы, массового производства, а также концентрации средств труда и т. д. Так обстоит дело и с бумажными фабриками и т. д.

С другой стороны, появление арендатора и превращение земледельческого населения в свободных поденщиков. Хотя на селе это превращение лишь в самую последнюю очередь достигает своего последовательного завершения и своей наиболее чистой формы, начинается оно там весьма рано.

Древние, которым никогда не удавалось выйти за рамки собственно городского художественного ремесла, никогда не могли поэтому создать крупной промышленности. Ее первой предпосылкой является вовлечение всей страны в производство не потребительных, а меновых стоимостей. Стекольные фабрики, бумажные фабрики, железоделательные заводы и т. д. не могут работать цеховым способом. Они требуют массового производства, сбыта на широком рынке, *денежного богатства* в руках предпринимателя (не то, чтобы он создавал условия, — он не создает ни субъективных, ни объективных условий, — но при прежних отношениях собственности и прежних производственных отношениях невозможно соединить вместе эти условия).

Разложение отношений крепостной зависимости, точно так же как возникновение мануфактуры, превращает затем все

отрасли труда, одну за другой, в отрасли, управляемые капиталом. Конечно, и в самих городах в виде поденщиков, не охваченных цехами, в виде подсобных работников и т. д. имеется элемент для образования наемного труда в собственном смысле.

[V — 15] Если мы, таким образом, видели, что превращение денег в капитал имеет своей предпосылкой такой исторический процесс, который отделил объективные условия труда от работника, сделал их самостоятельными по отношению к работнику, — то, с другой стороны, капитал, раз возникнув и развиваясь, подчиняет себе все производство и повсюду развивает и проводит разъединение между трудом и собственностью, между трудом и объективными условиями труда. В дальнейшем изложении будет видно, каким образом капитал уничтожает ремесленный труд, трудовую мелкую земельную собственность и т. д. и даже самого себя в таких формах, в которых он выступает *не* в противоположность к труду: в *мелком капитале* и в промежуточных, половинчатых формах, занимающих промежуточное положение между прежними способами производства (или такими, которые на основе капитала обновились) и классическим, адекватным способом производства самого капитала.

Единственное накопление, предшествующее как предпосылка возникновению капитала, — это накопление *денежного богатства,* которое, само по себе, совершенно непроизводительно в том виде, в каком оно возникает только из обращения и только ему принадлежит. Капитал быстро создает себе внутренний рынок тем, что уничтожает все сельские побочные промыслы, и, следовательно, прядет и ткет на всех, всех одевает и т. д., короче говоря, придает форму меновых стоимостей товарам, производившимся прежде как непосредственные потребительные стоимости, — процесс, сам собой вытекающий из отделения работника от земли и от собственности (хотя бы даже и в крепостной форме) на условия производства.

В городском ремесле, хотя оно по существу дела покоится на обмене и создании меновых стоимостей, непосредственной, главной целью этого производства является *обеспечение существования ремесленника, ремесленного мастера,* стало быть, потребительная стоимость; не *обогащение,* не *меновая стоимость как меновая стоимость.* Производство поэтому всюду подчинено потреблению, являющемуся его заранее данной предпосылкой, предложение подчинено спросу и расширяется лишь медленно.

* * *

Производство капиталистов и наемных рабочих является, следовательно, основным результатом процесса увеличения стоимости капитала. Обычная политическая экономия, обращающая внимание только на произведенные вещи, совершенно упускает это из виду. Так как в этом процессе овеществленный в предметах труд в то же самое время выступает как *не-предметность* рабочего, как предметное воплощение субъективности, противоположной рабочему, как *собственность* чуждой ему воли, то в силу этого капитал неизбежно в то же время — капиталист, и представление некоторых социалистов, что нам-де нужен капитал, но не нужны капиталисты[218], — совершенно неправильно. В понятии капитала дано то, что объективные условия труда (а они представляют собой собственный продукт труда) по отношению к труду *персонифицируются,* или, что то же самое, что они выступают как собственность личности, чуждой рабочему. Понятием капитала охватывается и капиталист.

Однако ошибка эта ничуть не больше той, например, ошибки, которую делают филологи, толкующие о *капитале* в древнем мире, о римских, греческих капиталистах. Ведь это только иное выражение того, что труд в Риме и Греции был *свободен,* но эти господа вряд ли возьмутся это утверждать. А если владельцев плантаций в Америке мы теперь не только называем капиталистами, но они и на самом деле *являются* таковыми, то это происходит потому, что они существуют как аномалии в условиях мирового рынка, покоящегося на свободном труде.

Что же касается слова «капитал», у древних не встречающегося *, то орды, до сих пор еще кочующие со своими стадами в степях азиатских плоскогорий, являются крупнейшими капиталистами, так как капитал первоначально означает скот, в силу чего договор издольной аренды, который из-за недостатка капитала еще до сих пор часто заключают в южной Франции, как раз в виде исключения носит название: *Bail de bestes à Chaptel* **. Если же пускаться в плохую латынь, то наши капиталисты, или *Capitales Homines* ***, были бы теми, «qui debent *census de capite*» ****.

---

* Хотя у греков слово αρχεια [или αρχαια — первоначальный капитал без наросших на него процентов] соответствует латинскому выражению principalis summa rei creditae [основная сумма того, что дается взаймы][219].

** — *аренда скота в качестве капитала. Ред.*

*** — *головные люди. Ред.*

**** — «кто подлежит *обложению с головы*». *Ред.*

При определении понятия капитала встречаются затруднения, отсутствующие, когда речь идет о деньгах. Капитал по существу дела — это *капиталист;* но в то же время, являясь опять-таки отличным от капиталиста элементом его существования или выступая как производство вообще, капитал — это *капитал.* Далее мы увидим, что под *капитал* подводят много таких определений, которые соответственно его понятию, по-видимому, вовсе к нему не относятся. Говорят, например, что капитал дают взаймы, что его накопляют и т. д. Во всех этих обозначениях он представляется просто вещью и кажется целиком совпадающим с материей, из которой он состоит. Но это и еще другое получит разъяснение в ходе изложения.

(Мимоходом, в виде шутки одно замечание: бравый Адам Мюллер, понимающий все образные выражения чрезвычайно мистически, слышал также, что в обыденной жизни говорят о *живом капитале* в противоположность *мертвому,* и истолковывает это на теософский лад[220]. Король Этельстан мог бы просветить его на этот счет: «Reddam de meo proprio decimas Deo tam in *Vivente Capitali* (в живом скоте), quam in *mortuis fructibus terrae* (в мертвых плодах земли) *».)

Деньги остаются всегда той же самой формой в том же самом субстрате, и тем легче считать их просто вещью. Но одни и те же товары, деньги и т. д. могут служить представителем либо капитала, либо дохода и т. д. Даже [буржуазным] экономистам ясно, что в этой форме деньги не являются чем-то осязаемым, но что одна и та же вещь может быть подведена то под определение капитала, то под какое-либо иное и противоположное определение и соответственно этому она или *является,* или *не является* капиталом. Очевидно, что капитал в этом смысле есть *отношение* и *может быть только производственным отношением.* [V — 15]

* * *

[V — 16] {К сказанному выше надо добавить еще следующее: Обмен эквивалентами, который как будто предполагает право собственности на продукт собственного труда и поэтому как будто отождествляет *присвоение посредством труда,* т. е. действительный экономический процесс присвоения, с *правом собственности на объективированный* труд (то, что прежде являлось реальным процессом, здесь выступает как юридическое отношение, т. е. признается всеобщим условием производства и поэтому признается в качестве закона, выступает как изъяв-

* — «Я буду приносить десятину моей собственности богу как в *живом скоте,* так и в *мертвых плодах земли»* (Маркс цитирует эту фразу по словарю Дюканжа). *Ред.*

ление всеобщей воли), переходит в свою противоположность, оказывается, в силу необходимой диалектики, абсолютным разрывом между трудом и собственностью и приводит к присвоению чужого труда без обмена, без эквивалента. Основанное на меновой стоимости производство, на поверхности которого происходит указанный свободный и равный обмен эквивалентами, в основе своей есть обмен *овеществленного труда* как меновой стоимости на живой труд как потребительную стоимость; или, выражаясь иначе, это есть отношение труда к его объективным условиям — а потому и к создаваемой самим трудом объективности — как к чужой собственности: *отчуждение [Entäußerung] труда.* С другой стороны, условием меновой стоимости является то, что она измеряется рабочим временем и что поэтому мерой стоимостей служит живой труд, а не его стоимость. Ошибочным является представление, будто при всех формах производства производство, а потому и общество, зиждется на *обмене голого труда [bloße Arbeit] на труд.* В тех различных формах, где труд относится к своим условиям производства как к своей собственности, воспроизводство работника определяется отнюдь не *одним только трудом,* ибо его отношение к условиям производства как к своей собственности есть не результат, а предпосылка его труда. Относительно земельной собственности это ясно; относительно цехового строя тоже нельзя не признать, что особый вид собственности, конституируемый здесь трудом, зиждется не на одном только труде или на обмене труда, а на объективной связи работника с определенным социальным коллективом и с определенными условиями, которые он находит уже в готовом виде и из которых он исходит как из своего базиса. Эти условия тоже представляют собой продукты труда, всемирно-исторического труда, труда социального коллектива — его исторического развития, которое исходит не из труда отдельных индивидов и не из их обмена трудом. Поэтому и предпосылкой реализации [продукта] является не один только труд. Такое положение вещей, при котором происходит только обмен труда на труд — будь это в форме непосредственного живого труда или в форме продукта, — предполагает отделение труда от его первоначальной сращенности с его объективными условиями, вследствие чего труд, с одной стороны, выступает как всего лишь труд, а с другой стороны, его продукт как овеществленный труд приобретает в противовес [живому] труду вполне самостоятельное существование в качестве стоимости. *Обмен труда на труд — который кажется условием собственности работника — имеет своей основой отсутствие собственности у работника.*}

(Та *крайняя форма отчуждения [Entfremdung]*, в которой, в рамках отношения между капиталом и наемным трудом, труд, производственная деятельность, выступает по отношению к своим собственным условиям и к своему собственному продукту, представляет собой необходимую промежуточную стадию и потому *an sich* *, но только еще в превратной, поставленной на голову форме, уже содержит в себе разложение всех *ограниченных предпосылок производства* и даже больше того — создает и устанавливает безусловные предпосылки производства, а значит и всю полноту материальных условий для целостного, универсального развития производительных сил индивида. Это будет рассмотрено впоследствии.) [V — 16]

* — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Незаконченный набросок о вульгарных экономистах Бастиа и Кэри написан Марксом в июле 1857 г., как это явствует из даты, поставленной Марксом на обложке той тетради, первые семь страниц которой содержат этот набросок. Начиная с 8-й страницы этой тетради идет текст, являющийся продолжением второй тетради основной рукописи 1857—1858 годов, озаглавленной «Критика политической экономии» (см. настоящий том, часть I, стр. 243). Это продолжение второй тетради получило у Маркса обозначение «тетрадь III» и снабжено датой: «29, 30 ноября и декабрь 1857 года».

Судя по тому, что в рукописи Маркса заголовком незаконченного наброска о Бастиа и Кэри служит само название разбираемой в наброске книги Бастиа, можно думать, что Маркс хотел написать развернутую рецензию на эту книгу, но затем решил, что книга не заслуживает более подробного рассмотрения, и потому отказался от своего первоначального намерения и оставил набросок незаконченным.

Однако оставленный нам Марксом набросок выходит за рамки рецензии. В открывающих его «Вводных замечаниях» Маркс широкими мазками рисует состояние современной ему буржуазной политической экономии. Маркс здесь впервые строго очерчивает рамки классической политической экономии, начинающейся в конце XVII века работами Петти и Буагильбера и завершающейся в первой трети XIX века трудами Рикардо и Сисмонди. Что же касается последующих буржуазных экономистов, то это, как показывает Маркс, либо эпигоны классиков, либо их реакционные критики. Работы французского экономиста Бастиа и американского экономиста Кэри являются примером именно такой реакционной критики классиков и прежде всего — Рикардо.

Заголовок «Бастиа и Кэри» дан Марксом в «Рефератах к моим собственным тетрадям». — *3*.

2 J. St. Mill. «Principles of Political Economy with some of their Applications to Social Philosophy». In two volumes. London, 1848. — *3*.

3 Th. Tooke. «A History of Prices, and of the State of the Circulation». Volumes I—VI. London, 1838—1857. — *3*.

4 Речь идет о XIV главе во втором издании книги Бастиа «Harmonies économiques» (всего в этой книге, в ее втором издании, 25 глав).

Этот раздел незаконченного наброска о Бастиа и Кэри начинается на 5-й странице рукописи Маркса. Предыдущая, 4-я страница оставлена Марксом наполовину незаполненной. Можно предположить,что после Вводных замечаний, занимающих страницы 1—3 и верхнюю половину 4-й страницы рукописи и дающих общую характеристику позиций Кэри и Бастиа, Маркс намеревался более детально охарактеризовать рассматриваемую им книгу Бастиа и, в частности, сказать кое-что о первых 13 главах этой книги — и уже после этого остановиться на XIV главе. Но это намерение осталось нереализованным, и Маркс ограничился только тем, что набросал несколько отдельных критических замечаний об основных положениях XIV главы. — *10.*

5 По Бастиа, «пенсионные кассы рабочих» должны создаваться на отчисления самих рабочих, так как только при этом условии они могут обеспечить должную степень «стабильности» (Fr. Bastiat. «Harmonies économiques». 2-me édition, Paris, 1851, p. 395). — *11.*

6 Маркс имеет в виду нелепые философско-исторические построения Прудона в его книге «Système des contradictions économiques, ou Philosophie de la misère» (Paris, 1846), которые в 1847 году были разобраны и высмеяны Марксом в его «Нищете философии» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 65—185, особенно стр. 71—74 и 123—127). — *12.*

7 «Le Charivari» («Шаривари») — французская сатирическая газета буржуазно-республиканского направления; издавалась в Париже с 1832 года; в период Июльской монархии выступала с едкими нападками на правительство; в 1848 г. перешла в лагерь контрреволюции. — *13.*

8 «*Верховное существо*» («être suprême») Вольтера — этим именем Вольтер называл бога, которого он, в противоположность так называемым «положительным» религиям, изображал как некое безличное разумное начало, якобы создавшее мир, установившее его законы и сообщившее ему первый толчок, но после этого прекратившее всякое вмешательство в естественный ход событий. — *13.*

9 «*Введение*» написано Марксом в конце августа 1857 г. в тетради, помеченной буквой «М» и снабженной датой: «23 августа 1857 г.». Эта дата фиксирует, очевидно, начало работы Маркса над «Введением». Маркс прервал эту работу, по всей вероятности, в последних числах августа, оставив «Введение» незаконченным. В предисловии к первому выпуску «К критике политической экономии», помеченном январем 1859 г., Маркс писал по поводу «Введения»: «Общее введение, которое я было набросал, я опускаю, так как по более основательном размышлении решил, что всякое предвосхищение выводов, которые еще только должны быть доказаны, может помешать, а читатель, который вообще захочет следовать за мной, должен решиться восходить от частного к общему» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 5).

Несмотря на свой черновой и незаконченный характер, «Введение» имеет исключительно большое значение ввиду того, что Маркс здесь более обстоятельно, чем где бы то ни было, излагает свои мысли о предмете и методе политической экономии, а также высказывает ряд важнейших соображений по вопросу о соотношении между материальным базисом общества и идеологической надстройкой.

«Введение» было предпослано Марксом первому черновому наброску будущего «Капитала», содержащемуся в тетрадях I—VII, написанных с октября 1857 по май 1858 года.

На обложке тетради «М», в которой содержится «Введение», Маркс, кроме пометки «Лондон, 23 августа 1857 г.», записал еще перечень содержания своего «Введения». Фигурирующие в этом перечне заголовки разделов «Введения» в отдельных деталях несколько отличаются от соответствующих заголовков, имеющихся в самом тексте «Введения». Вот этот перечень содержания, записанный на обложке тетради «М»:

«*СОДЕРЖАНИЕ*

А. Введение

1) Производство вообще

2) Общее соотношение между производством, распределением, обменом и потреблением

3) Метод политической экономии

4) Средства (силы) производства и производственные отношения; производственные отношения и отношения общения и т. д.».

Так как это оглавление «Введения» более четко отражает общую логическую структуру «Введения», чем имеющиеся в самом тексте «Введения» заголовки некоторых разделов, то можно думать, что оно написано Марксом уже после того, как текст «Введения» был им набросан.

Русский текст «Введения» дается по 12-му тому настоящего издания, с отдельными уточнениями перевода и с более детальной разбивкой на абзацы. — *17.*

10 Заголовок «*I. Производство, потребление, распределение, обмен (обращение)*», отсутствующий в составленном Марксом на обложке тетради «М» оглавлении, относится, строго говоря, только к первым двум разделам «Введения»: к разделу «Производство» (на обложке тетради «М» этот раздел имеет более точный заголовок: «Производство вообще») и к разделу «Общее отношение производства к распределению, обмену, потреблению». Римской цифре «I», которой у Маркса обозначен раздел «Производство, потребление, распределение, обмен (обращение)», в дальнейшем тексте «Введения» никаких других римских цифр не соответствует. — *17.*

11 См. Введение к труду А. Смита «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations» (London, 1776) и отдел III в первой главе труда Д. Рикардо «On the Principles of Political Economy, and Taxation» (Third edition, London, 1821). — *17.*

12 *Contrat social* (общественный договор) — по учению Руссо — то добровольное соглашение между первобытными людьми, жившими первоначально в «естественном состоянии», которое привело к образованию государства. Эта теория подробно развита в книге Руссо «Du Contract social; ou, Principes du droit politique». Amsterdam, 1762. — *17.*

13 Ζῶον πολιτικόν (в латинской транскрипции: zoon politikon) — буквально: «политическое животное», в более широком смысле: «общественное животное» — этими словами определяет человека Аристотель в начале I книги своей «Политики». В 13-м примечании к 11-й главе I тома «Капитала» Маркс следующим образом раскрывает *более узкий*

смысл этого аристотелевского определения человека: «Аристотелевское определение утверждает, строго говоря, что человек по самой своей природе есть гражданин городской республики» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 338). — *18*.

14 См. примечание 6. О фигурирующем в следующей фразе прудоновском Прометее Маркс говорит в конце первой главы своей «Нищеты философии» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 123—127). — *18*.

15 J. St. Mill. «Principles of Political Economy with some of their Applications to Social Philosophy». In two volumes. Vol. I. London, 1848, Book I: Production, Chapter I: Of the Requisites of Production. — *22*.

16 О *прогрессирующем и стагнационном состояниях общества* А. Смит говорит в главе VIII и в заключении к главе XI первой книги своего труда «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations» (London, 1776). — *22*.

17 J. St. Mill. «Principles of Political Economy with some of their Applications to Social Philosophy». In two volumes. Vol. I. London, 1848, p. 25—26. — *23*.

18 *Determinatio est negatio* — определение есть отрицание. Маркс приводит здесь это положение Спинозы в толковании Гегеля, приобретшем широкую известность. У Спинозы это выражение употребляется в смысле «ограничение есть отрицание» (см. Б. Спиноза. «Переписка», письмо № 50). У Гегеля (см. Гегель. «Наука логики», кн. I, отд. I, гл. 2, Примечание «Реальность и отрицание», и Гегель. «Энциклопедия философских наук». Часть первая: «Логика», § 91, Добавление) здесь подчеркивается момент отрицания, внутренне присущий всякому определенному бытию, всякому «нечто». — *26*.

19 Под «*социалистическими беллетристами*» Маркс понимает здесь таких вульгарных социалистов, как немецкие «истинные социалисты», в частности Карл Грюн, и как французский мелкобуржуазный социалист Прудон. См. настоящее издание, т. 3, стр. 513, 519—523, и т. 4, стр. 124. — *30*.

20 О взглядах *Сэя* и *Шторха* на соотношение между производством и потреблением см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 79—80. — *30*.

21 Говоря о «*так называемом обмене между деловыми людьми и деловыми людьми*» («zwischen dealers und dealers»), Маркс имеет в виду проводимое А. Смитом разделение всей сферы обращения на две различные области: обращение, совершающееся только между деловыми людьми, и обращение, совершающееся между деловыми людьми и индивидуальными потребителями. См. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 104. — *35*.

22 Сведения о Перу, каким оно было до испанского завоевания, Маркс почерпнул из книги американского историка Прескотта «History of the Conquest of Peru, with a Preliminary View of the Civilisation of the Incas». Fourth edition. In three volumes. London, 1850. Выписки из I тома этой книги содержатся в XIV записной тетради Маркса, начатой в 1851 году в Лондоне. О том, что инки не знали денег, говорится на стр. 147 первого тома. — *39*.

22а Маркс имеет в виду двухтомное сочинение Прудона «Système des contradictions économiques, ou Philosophie de la misère», Tomes I—II. Paris, 1846, в частности страницы 145—146 первого тома, которые он цитирует и подвергает критическому разбору во II главе своей работы «Нищета философии» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 129—133). Ср. также настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 36. — *45*.

23 Этот первый пункт так и остался единственным и к тому же незаконченным, поскольку выраженное в нем намерение Маркса поговорить также и об отношении Шекспира к современности не получило реализации. Работа над «Введением» была Марксом прекращена сразу же после набросанных здесь замечаний о греческом искусстве. — *47*.

24 С 1843 г. английский изобретатель Ричард Робертс возглавлял манчестерскую фирму «*Робертс и К°*», конструировавшую разного рода инструменты, машины и локомотивы. Робертс был одним из самых выдающихся изобретателей XIX века в области механики; в частности, ему принадлежит изобретение сельфактора.

Древнеримский бог *Вулкан* (он соответствует древнегреческому богу Гефесту) считался богом огня и кузнечного дела, весьма искусным по части изготовления всякого рода изделий из металлов. — *47*.

25 *Юпитер* — древнеримское божество неба, отождествленное римлянами с древнегреческим богом Зевсом. Основной эпитет его — «громовержец», т. е. метатель грома, так как, согласно античным верованиям, он управлял всеми небесными явлениями и прежде всего громом и молнией. — *47*.

26 *Crédit Mobilier* (полное название Société générale du Crédit Mobilier) — крупный французский акционерный банк, учрежденный в 1852 г., который приобрел известность своими спекулятивными финансовыми операциями и в конце концов обанкротился (в 1867 г.). В 1856—1857 гг. Маркс написал 6 газетных статей о спекулятивной деятельности этого банка — для лондонской чартистской газеты «The People's Paper» («Народная газета») и американской газеты «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская ежедневная трибуна»). См. настоящее издание, т. 12, стр. 21—37, 209—217 и 300—303, а также т. 13, стр. 79 и 176.

Древнегреческий бог *Гермес* считался покровителем купцов, богом торговли и прибыли, большим мастером по части плутовства. — *47*.

27 *Printing House Square* — небольшая площадь в Лондоне, местонахождение редакции и типографии крупнейшей английской ежедневной газеты «The Times» («Времена»), а в переносном смысле — сама эта редакция и типография, славившиеся в середине XIX века своей превосходной организацией газетного дела.

Фама — римское название греческой богини молвы Оссы, олицетворение быстро распространяющихся слухов. — *47*.

28 Эта рукопись Маркса является первым черновым наброском будущего «Капитала» и содержится в семи больших тетрадях, обозначенных у Маркса римскими цифрами I—VII. На обложке последней, седьмой тетради рукою Маркса написано: «Political Economy Criticism of (Fortsetzung)», т. е. «Критика политической экономии (продолжение)». Слово «продолжение» означает, что в тетради VII продолжен текст предыдущих шести тетрадей, а слова «Критика политической экономии»

можно рассматривать как основной заголовок всей этой черновой рукописи. Маркс снабдил этот заголовок пометкой «продолжение» (а не пометкой «окончание») по той причине, что рукопись осталась незаконченной и обрывается на полуслове. Слова «черновой набросок», добавленный в настоящем издании к основному заголовку Маркса, взяты из письма Маркса к Энгельсу от 29 ноября 1858 г., в котором Маркс, говоря о своей экономической рукописи 1857—1858 годов, называет ее «Rohentwurf», т. е. «черновым наброском». Рукопись, действительно, носит сугубо черновой характер. В письме к Энгельсу от 31 мая 1858 г. Маркс отмечал, что в этой рукописи «все перемешано в беспорядке, многое предназначено лишь для дальнейших частей» (см. настоящее издание, т. 29, стр. 270).

Рукопись начинается сразу со второй главы — «Главы о деньгах», за которой следует обширная третья глава — «Глава о капитале». На самой последней странице рукописи Маркс набросал начало недостающей первой главы, которая должна была трактовать о товаре, но в то время еще фигурировала у Маркса под заголовком «Стоимость».

В настоящем издании экономическая рукопись 1857—1858 годов печатается в той последовательности частей, которая дана Марксом, но с расчленением на разделы и подразделы и с разбивкой чрезмерно длинных абзацев на менее длинные. Отдельные перестановки кусков текста допускались лишь в самых редких случаях — там, где было совершенно очевидно, что перед нами добавления, относящиеся к предыдущему тексту. Даваемые в квадратных скобках указания на номера тетрадей и страниц рукописи фиксируют все эти весьма редкие случаи перестановок. — *49*.

29 Иронический намек на слова Эгмонта в одноименной трагедии Гёте (действие пятое, тюрьма, разговор с Фердинандом). — *58*.

30 Имеется в виду Парижская всемирная промышленная выставка, происходившая в мае — ноябре 1855 года. — *59*.

31 О Crédit Mobilier см. примечание 26. — *59*.

32 Речь идет о Крымской войне 1853—1856 годов. — *59*.

33 Положение *«собственность — это кража»* образует основной тезис книги Прудона «Qu'est ce que la propriété?» (Paris, 1840). Теория *«дарового кредита»* развита Прудоном в работе «Gratuité du crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon» (Paris, 1850). Об этой последней теории см. настоящее издание, т. 25, ч. II, стр. 157, и т. 26, ч. III, стр. 550—554. — *62*.

34 Имеется в виду закон о реформе Английского банка. О содержании и значении банковского закона 1844 года см. настоящее издание, т. 25, ч. II, стр. 101—103. — *63*.

35 *Коллеж де Франс* (Collège de France) — французское высшее учебное заведение, основанное в Париже в 1530 г. — *64*.

36 Имеется в виду работа Рикардо «The High Price of Bullion a Proof of the Depreciation of Bank-Notes». The fourth edition, corrected. London, 1811. Первое издание этой брошюры вышло в Лондоне в 1810 году. — *65*.

37 Здесь, как и в ряде других мест, термин *«издержки производства»* употреблен Марксом в смысле *«имманентных издержек производства* товара, равных его стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 78), в смысле «реальных издержек производства для самого товара» (там же, стр. 540), а не для капиталиста, который оплачивает только часть содержащегося в товаре рабочего времени. — *68*.

38 Имеется в виду период действия акта о банковской рестрикции (Bank Restriction Act), который устанавливал принудительный курс банкнот и отменял обмен банкнот на золото. В 1819 г. был принят закон, восстанавливавший обмен банковских билетов на золото. Фактически обмен был полностью восстановлен к 1821 году. — *71*.

39 См. примечание 34. — *73*.

40 Об «очистке» земли см. настоящее издание, т. 23, стр. 739—741. — *73*.

41 Теория *рабочих денег* В. Вейтлинга изложена в книге: W. Weitling. «Garantien der Harmonie und Freiheit», Vivis, 1842 (Русский перевод: Вильгельм Вейтлинг. «Гарантии гармонии и свободы». М. — Л., 1962, раздел I, гл. 8; раздел II, гл. 10). Об этой теории Вейтлинга см. также настоящее издание, т. 20, стр. 314. — *76*.

42 Речь идет о работе Маркса «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона». См. настоящее издание, т. 4, стр. 94—100. — *78*.

43 *Положенное* (das Gesetzte) — термин гегелевской философии, обозначающий нечто обусловленное в отличие от безусловного, изначального, первичного, — нечто имеющее свое основание не в самом себе, а в чем-то другом. Ср. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 130: «В качестве потребительной стоимости товар выступает как нечто самостоятельное. В качестве стоимости, напротив, он выступает как нечто лишь *положенное*, определяемое лишь его отношением к общественно необходимому, одинаковому, простому рабочему времени». — *83*.

44 Здесь, как и во многих других местах своей рукописи, Маркс дает отсылку не на страницы цитируемой им книги (в данном случае, книги Ганиля), а на страницы своих тетрадей с выписками. В настоящем издании все ссылки на страницы Марксовых записных тетрадей заменены ссылками на страницы цитируемых Марксом изданий. — *84*.

45 Здесь, как и в ряде других мест, Маркс употребляет термин *«субъект»* в его докантовском смысле — в смысле носителя предикатов, свойств, определений, признаков, отношений. — *84*.

46 *«The Economist»* («Экономист») — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики, выходит в Лондоне с 1843 года; орган крупной промышленной буржуазии. — *94*.

47 *«The Morning Star»* («Утренняя звезда») — английская ежедневная газета, орган манчестерских фритредеров Кобдена и Брайта; выходила в Лондоне с 1856 по 1869 год. — *94*.

48 Маркс намекает здесь на квазигегельянские рассуждения Прудона в его «Философии нищеты», разобранные и высмеянные Марксом в «Нищете философии» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 129—133). — *95*.

49 Маркс здесь кратко резюмирует рассуждение Дж. Локка (из его написанного в 1695 г. трактата «Further Considerations concerning Raising the Value of Money») о принципиальной разнице между серебром как мерой стоимостей и такими мерами, как ярд (мера длины) или кварта (мера емкости): если ярд или кварта могут все время оставаться в руках либо покупателя, либо продавца, то серебряная монета не только служит мерой стоимости покупаемой вещи, но и обязательно переходит из рук покупателя в руки продавца (The Works of John Locke, in four volumes. The seventh edition Volume II. London, 1768, p. 92). Это место Маркс цитирует полностью в дальнейшем (тетрадь VII, стр. 34). — *96*.

50 Маркс имеет в виду рассуждения А. Смита (в начале 6-й главы I книги «Богатства народов») о том, что «в первобытном, неразвитом состоянии общества, предшествующем накоплению капиталов и возникновению частной собственности на землю», меновая стоимость товаров определялась рабочим временем, необходимым для производства этих товаров (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 51—52).

Термин «издержки производства» употреблен здесь Марксом в смысле «*имманентных издержек производства* товара, равных его стоимости, т. е. равных требующейся для производства товара общей сумме рабочего времени» (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 78 и 540). — *99*.

51 *Bellum omnium contra omnes* (война всех против всех) — выражение английского философа Томаса Гоббса из его трактата «De cive» (1642 г.; в I томе амстердамского издания Сочинений Гоббса 1668 года — стр. 7) и из латинского перевода его по-английски написанной книги «Leviathan, or the Matter, Form, and Power of a Commonwealth, ecclesiastical and civil», вышедшей в Лондоне в 1651 г. (Thomae Hobbes opera philosophica. Tomus II. Amstelodami, 1668, p. 83). — *99*.

52 Эта тетрадь Маркса до нас не дошла. — *100*.

53 Эта рукопись Маркса до нас не дошла. — *101*.

54 Характеризуя деньги как «*залог*» (или «общественно признанный залог»), Маркс имел в виду, с одной стороны, одно место из Аристотелевой «Этики к Никомаху» (книга V, глава 8, § 14), а с другой — определение денег, данное английским экономистом Беллерсом в его «Essays about the Poor, Manufactures, Trade, Plantations, and Immorality», London, 1699, p. 13. На Аристотеля Маркс ссылается в своем «Указателе к семи тетрадям», который помещен во II части настоящего тома; на Беллерса — в I томе «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 142). — *103*.

55 Согласно преданию, римский патриций Мененй Агриппа уговаривал плебеев, восставших в 494 г. до н. э. и ушедших на Священную гору в знак протеста против притеснений патрициев, смириться, рассказав им басню о частях человеческого тела, возмутившихся против желудка. Современное ему общество Менений Агриппа уподоблял живому организму, руками которого были плебеи, питавшие желудок этого организма — патрициев. А так как отделение рук от желудка влечет за собой неизбежную смерть живого организма, то, по аналогии, и отказ плебеев от исполнения ими своих повинностей был бы равносилен гибели государства Древнего Рима. — *106*.

56 Шекспир. «Тимон Афинский», акт IV, сцена третья. Ср. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* «Из ранних произведений». М., 1956, стр. 617—620, и настоящее издание, т. 3, стр. 218—219. — *106.*

57 A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations», Book I, Chapter V: «Labour was the price, the original purchase-money that was paid for all things» (Русский перевод, стр. 38).—*111.*

58 О двояком определении у А. Смита меновой стоимости количеством особенного продукта труда и количеством всеобщего товара см. A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations», Book I, Chapter IV, в самом начале главы (Русский перевод, стр. 33). — *113.*

59 В своем труде «An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy» (Vol. I, Dublin, 1770, p. 88) Джемс Стюарт проводит различие между «agriculture exercised *as a trade*» и «agriculture exercised *as a direct means of subsisting*» («сельское хозяйство, ведущееся как отрасль товарного хозяйства», и «сельское хозяйство, ведущееся для производства *непосредственных средств существования*» данного мелкого сельского хозяина и его семьи). — *113.*

60 Речь идет об открытии богатых месторождений золота в Калифорнии в 1848 г. и в Австралии в 1851 году. — *113.*

61 Xenophon. «De reditibus, sive vectigalibus civitatis Atheniensis augendis», caput I, § 4 et 5. В издании: Xenophontis quae extant. Recensuit Jo. Gottlob Schneider. Tomus VI. Lipsiae, 1815, p. 143. — *114.*

62 См. примечание 58. — *115.*

63 Strabonis rerum geographicarum libri XVII. Editio stereotypa. Tomus II. Lipsiae, 1829. Liber XI, caput IV, p. 415—416. Русский перевод этих греческих цитат дан по книге: «География Страбона в семнадцати книгах». Перевод Ф. Г. Мищенко. М., 1879, стр. 512.

Альбанцы — жители древней Альбании, страны на юго-западном берегу Каспийского моря, на реках Кура и Аракс. — *117.*

64 Источник этой приведенной на английском языке цитаты установить не удалось. Маркс приводит ее также и в первоначальном тексте первого выпуска «К критике политической экономии» (см. настоящий том, часть II, тетрадь B', стр. 14 рукописи Маркса). — *118.*

65 Источник этой приведенной на немецком языке цитаты установить не удалось. Дальнейший текст рукописи Маркса, хотя он и не закавычен, представляет собой, судя по всему, тоже сделанные из какого-то немецкого источника и частично сокращенные Марксом выписки. — *119.*

66 J. Grimm. «Geschichte der deutschen Sprache». Erster Band. Leipzig, 1848, S. 12—14 (ср. настоящее издание, т. 13, стр. 136). — *123.*

67 Маркс имеет в виду следующие книги, цитируемые Дюро де Ла Малем: J. A. Letronne. «Considérations générales sur l'évaluation des Monnaies grecques et romaines, et sur la valeur de l'or et de l'argent avant la découverte de l'Amérique», Paris, 1817; A. Böckh. «Die Staatshaus-

haltung der Athener», Berlin, 1817; W. Jacob. «An historical Inquiry into the Production and Consumption of the Precious Metals», London, 1831. — *124.*

68 *«Законы Ману»* («Манавадхармашастра») — древнеиндийский сборник законов и предписаний, представлявший собой одну из ранних попыток кодификации обычного права в соответствии с потребностями рабовладельческого государства в Индии и догматами религии брахманизма. Составление сборника приписывалось мифическому прародителю людей Ману (по-санскритски «человек»). Материалы сборника накапливались столетиями, получив более или менее окончательное оформление около начала нашей эры. «Законы Ману» отражали особенности развития рабовладельческого общества в Индии, сохранявшего многие пережитки первобытнообщинного строя. — *125.*

69 Имеется в виду поэма Гесиода «Труды и дни», стих 151. — *126.*

70 Лукреций. «О природе вещей», книга V, стих 1287. — *126.*

71 Сведения о китайских деньгах взяты из книги: Gülich. «Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe und des Ackerbaus der bedeutendsten handeltreibenden Staaten unsrer Zeit». Band V. Jena, 1845, S. 131. — *127.*

72 *Пунические войны* (264—241, 218—201 и 149—146 гг. до н. э.) — войны между двумя крупнейшими рабовладельческими государствами древности — Римом и Карфагеном — за установление господства в Западном Средиземноморье, за захват новых территорий и рабов. Войны закончились разгромом Карфагена. — *128.*

73 У Маркса здесь, по-видимому, описка, так как, по его собственным словам, «открытие австралийских, калифорнийских и колумбийских источников золота делает вероятным новое падение стоимости золота» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 138). В следующем абзаце Маркс говорит о сравнительном удешевлении серебра, обусловленном развитием методов добычи и продолжающемся до тех пор, «пока Калифорния и Австралия не изменят положение в обратном направлении», т. е. в направлении сравнительного удешевления золота. — *129.*

74 Garnier. «Histoire de la Monnaie, depuis les temps de la plus haute antiquité, jusqu'au règne de Charlemagne». Tome I, Paris, 1819, p. 253. — *129.*

75 *«Колесом обращения»* («the great wheel of circulation») называет деньги Адам Смит. См. A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations», Book II, chapter II (Русский перевод, стр. 215 и 219). — *130.*

76 См. примечание 45. — *132.*

77 Маркс имеет в виду количественную теорию денег, изложенную Джемсом Миллем в отделах VII и VIII третьей главы его книги «Elements of Political Economy» (London, 1821). Обширные выдержки из этих отделов книги Милля Маркс приводит в первом выпуске «К критике политической экономии», сопровождая их критикой взглядов Милля (см. настоящее издание, т. 13, стр. 160—162). Приведенная в тексте

формулировка ошибки Джемса Милля взята Марксом из книги: Thomas Tooke. «An Inquiry into the Currency Principle». Second edition. London, 1844, p. 136. — *136.*

78 J. Steuart. «An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy». Vol. II. Dublin, 1770, p. 389. «Недобровольным обращением» Стюарт назыаает такие обязательные платежи, как уплата денежного долга в установленный для должника срок. В отличие от этого «недобровольного обращения» трату денег на покупку тех или других предметов Стюарт назыаает «добровольным обращением». — *140.*

79 *Дурная бесконечность* — термин гегелевской философии, означающий бесконечное повторенио одного и того же по формуле: «нечто» становится неким «другим», зто «другое» само есть некое «нечто», становящееся неким «другим», и так далее до бесконечности. — *141.*

80 Маркс имеет в виду работу Буагильбера «Dissertation sur la nature des richesses, de l'argent et des tributs», впервые появившуюся между 1697 и 1707 г. и перепечатанную в сборнике: «Economistes financiers du XVIII-e siècle. Précédés de notices historiques sur chaque auteur, et accompagnés de commentaires et de notes explicatives, par E. Daire». Paris, 1843. Выражение Буагильбера «деньги — палач всех вещей» находится на стр. 413 указанного сборника. О деньгах как о «тиране» и «идоле» говорится на стр. 395 и 417. Ср. настоящее издание, т. 13, стр. 108. — *143.*

81 Под *«ценой производства»* (Produktionspreis) Маркс понимает здесь то же самое, что под «меновой стоимостью или издержками производства» в предыдущей фразе. Термин «издержки производства» берется тут в смысле «*имманентных издержек производства* товара, равных его стоимости, т. е. равных требующейся для производства товара общей сумме рабочего времени» (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 78 и 540). Слово «Produktionspreis» встречается в записных тетрадях Маркса уже в 40-х годах. Так, в одной из Брюссельских тетрадей 1845 года, делая выписки из книги Louis Say «Principales causes de la richesse ou de la misère des peuples et des particuliers» (Paris, 1818), Маркс переводит немецким словом «Produktionspreis» формулировку Луи Сэя «coût de production, c'est-à-dire, le temps et la peine consacrés à les [sc. l'or et l'argent] extraire et à les affiner» (стр. 32 книги Луи Сэя): «издержки производства, т. е. время и труд, затраченные на то, чтобы извлечь их [аолото и серебро] из недр земли и очистить их». — *145.*

82 Глава о меновой стоимости в то время еще не была написана, так как Маркс начал свой труд со второй главы — главы о деньгах. Начало главы о стоимости Маркс набросал в самом конце своей рукописи 1857—1858 годов. Вскоре после этого он пришел к убеждению, что первая глава его труда должна называться не главой о стоимости, а главой о тоааре. — *148.*

83 *«Weekly Dispatch»* («Еженедельное сообщение») — английская еженедельная газета; выходила под данным названием в Лондоне в 1801—1928 годах; в 50-х годах XIX в. придерживалась радикального направления. — *159.*

84 Маркс имеет в виду 2-ю страницу своей записной тетради, заполненной в Брюсселе приблизительно в марте — апреле 1845 года. Эта

страница содержит выписки со страниц 31—73 книги Ферье «Du gouvernement considéré dans ses rapports avec le commerce», Paris, 1805. Ферье говорит здесь о серебре, что там, где оно выходит из рудника, оно является товаром, так как служит объектом непосредственного спроса тех, кто его покупает. Но, продолжает Ферье, «серебро перестает быть товаром, как только оно становится деньгами, ибо в этом случае оно становится необходимым посредником между производством и потреблением и уже не может непосредственным образом удовлетворить никакую потребность» (книга Ферье, стр. 33 и 35). — *160.*

85 J. B. Say. «Traité d'économie politique». Troisième édition. Tome second. Paris, 1817, p. 432—433, 461: «Деньги — это такой *товар,* который всегда находится в обращении, всегда предназначен к обмену... Увеличение или уменьшение этого *товара,* как и всякого другого, но означает непременно увеличения или уменьшения совокупного *капитала* данной страны.., так как уменьшение количества одного *товара* может быть уравновешено увеличением количества другого». — *160.*

86 A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Book II, chapter II; book IV, chapter I (Русский перевод, стр. 213—219, 320). — *160*

87 Словами «деньги суть лишь более сложный вид меновой торговли» формулирует точку зрения Адама Смита Эдуард Солли в своей книге «The Present Distress, in relation to the Theory of Money» (London, 1830, p. 3). Эта точка зрения Смита выражена в 4-й главе I книги его труда «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». — *161.*

88 J. Taylor. «A View of the Money System of England, from the Conquest; with proposals for establishing a secure and equable Credit Currency». London, 1828. — *162.*

89 P. Boisguillebert. «Dissertation sur la Nature des Richesses, de l'Argent et des Tributs». В сборнике: «Economistes financiers du XVIII-e siècle». Ed. E. Daire. Paris, 1843, p. 399. См. настоящее издание, т. 13, стр. 107, и т. 23, стр. 152. У Буагильбера сказано: «précis de toutes les denrées» («экстракт всех товаров»). — *164.*

90 «*Nexus rerum*» — «связь вещей, связующее начало». В одной из своих записных тетрадей, относящейся к 1851 году и озаглавленной «Завершенная система денежных отношений», Маркс (на стр. 41) характеризует деньги как «nexus rerum et hominum» («связь вещей и людей»). При этом он ссылается на страницу 34. К чему относится эта ссылка, установить не удалось, так как непосредственно предшествующие страницы записной тетради до нас не дошли. Характеризуя деньги как «связь вещей и людей», Маркс имеет в виду то положение в общественных связях людей, которое явилось результатом разложения всех господствовавших раньше связей — патриархальных, феодальных, семейных, религиозных, вынужденных уступить место господству «чистогана». — *167.*

91 Маркс имеет в виду открытие золотых приисков в Калифорнии (1848 г.) и в Австралии (1851 г.), которое способствовало тому, что «от революционных потрясений Европа перешла к промышленной горячке»

(см. настоящее издание, т. 13, стр. 515). Уже в январе 1850 г., через 18 месяцев после открытия калифорнийских золотых приисков, Маркс и Энгельс отметили огромное значение этого события для торгово-промышленного развития всего буржуазного общества как в Европе, так и в Америке и Азии, и, в частности, для колонизации новых стран (см. там же, т. 7, стр. 232—233, а также стр. 461—467). — *170.*

92 «Глава о деньгах» писалась Марксом в октябре — ноябре 1857 г., когда уже достаточно сильно давал себя знать первый в истории капитализма мировой экономический кризис 1857—1858 гг., который начался в США и охватил все крупные европейские страны. — *172.*

93 Маркс имеет в виду то расчленение предмета своего исследования, которое он впервые набросал в конце третьего параграфа своего «Введения» (см. настоящий том, часть I, стр. 45), где содержание первого раздела его экономического труда формулировано в словах: «всеобщие абстрактные определения, которые поэтому более или менее присущи всем формам общества, однако в вышеразъясненном смысле». — *173.*

94 Маркс ссылается на страницу 43 в своей X тетради выписок. Там выписана эта цитата из книги Мальтуса «Principles of Political Economy», second edition, London, 1836, p. 391. В действительности, однако, это не слова Мальтуса, а слова редактора второго (посмертного) издания его книги, имеющие целью уточнить рассуждение Мальтуса. — *173.*

95 [E. Misselden.] «Free Trade, or, The Meanes to Make Trade Florish». London, 1622, p. 19—24. См. настоящее издание, т. 13, стр. 113. Мисселден говорит о торговле христианской Европы с такими нехристианскими азиатскими странами, как Турция, Персия, Индия. — *174.*

96 W. Jacob. «An Historical Inquiry into the Production and Consumption of the Precious Metals». Vol. II. London, 1831, p. 270—323. См. настоящее издание, т. 13, стр. 117—118. — *176.*

97 Библия. Евангелие от Матфея, глава 6, стих 19. — *177.*

98 Имеется в виду библейский рассказ о том, как легендарный родоначальник евреев Иаков, достигнув преклонного возраста и предчувствуя приближение смерти, благословил двух сыновей своего сына Иосифа. Вопреки существовавшему у древних евреев обычаю, Иаков свое главное благословение (возложением правой руки) дал не старшему, а младшему сыну Иосифа, мотивируя это тем, что младшему сыну предстоит более славное будущее, чем старшему (Библия. Бытие, глава 48, стихи 13—21). — *178.*

99 Маркс имеет в виду свою записную тетрадь, заполненную еще в Брюсселе летом 1845 года. Многочисленные выписки из работ Буагильбера сделаны здесь Марксом по изданию Э. Дэра «Economistes financiers du XVIII-e siècle» (Paris, 1843). Некоторые из этих выписок сопровождаются комментариями Маркса. Все эти выписки опубликованы на языке оригинала в книге «Marx — Engels Gesamtausgabe», Erste Abteilung, Band 3, Berlin, 1932, S. 563—583. Небольшая часть этих выписок приводится Марксом в первом выпуске «К критике политической экономии» и в I томе «Капитала» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 107—109, и т. 23, стр. 152). — *179.*

100 Имеется в виду древнегреческий миф о фригийском царе Мидасе, славившемся огромным богатством. Согласно этому мифу, Мидасу, по его просьбе, бог Дионис предоставил волшебный дар превращать в золото все то, к чему он прикоснется. Вскоре Мидас убедился, что ему грозит голодная смерть, так как пища превращалась в его руках в золотые слитки. Захлебываясь собственным золотом, он упросил Диониса снять с него опасные чары. — *179*.

101 [S. Bailey.] «Money and its Vicissitudes in Value». London, 1837, p. 3. См. настоящее издание, т. 13, стр. 125. — *182*

102 H. Storch. «Cours d'Economie Politique». Tome II. Paris, 1823, p. 135. См. настоящее издание, т. 13, стр. 116. — *182*.

103 Маркс излагает в сокращенном виде рассуждение Самюэла Бейли из его книги «Money and its Vicissitudes in Value» (London, 1837, p. 9—10). См. настоящее издание, т. 13, стр. 56. — *183*.

104 Библия. Откровение Иоанна, глава 17, стих 13, и глава 13, стих 17.
Апокалипсис (или Откровение Иоанна) — одно из произведений раннехристианской литературы, входящее в Новый завет. Написано в I веке. Автор Апокалипсиса выражает чувство всеобщей ненависти к Римской империи, которую клеймит именем «зверя» и считает ее воплощением дьявола.
Маркс цитирует Апокалипсис по так называемой «*Вульгате*», т. е. по общеупотребительному среди католиков латинскому переводу Библии. — *184*.

105 «*Глава о капитале*» составляет основное содержание тетрадей II—VII рукописи 1857—1858 годов. Первоначально — во II тетради — эта глава имела заголовок: «Глава о деньгах как капитале» («Das Kapitel vom Geld als Kapital»), но в дальнейших тетрадях она фигурирует как «Глава о капитале». — *185*.

106 Ср. аналогичное место в первом выпуске «К критике политической экономии» (настоящее издание, т. 13, стр. 136). — *185*.

107 Положение о том, что природное содержание процесса обмена вначале «еще всецело отделено от экономического отношения, так как оно еще непосредственно с ним совпадает», Маркс в дальнейшем развил в работе «К критике политической экономии». Маркс говорит там, что в условиях непосредственной меновой торговли, являющейся первоначальной формой процесса обмена, «меновая стоимость не получает еще никакой самостоятельной формы, она еще непосредственно связана с потребительной стоимостью» На этой стадии развития обмена потребительные стоимости образуют содержание богатства, «безразличное» к его общественной форме. «Потребительная стоимость в этом безразличии к экономическому определению формы... находится вне круга вопросов, рассматриваемых политической экономией» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 36, 14). — *188*.

108 В условиях простого товарного хозяйства, о которых здесь идет речь, меновая стоимость труда (на этой стадии исследования Маркс говорит еще о стоимости труда) и стоимость продуктов труда совпадают между собой. В работе «К критике политической экономии» Маркс указывает,

что исследование капитала должно разрешить проблему: «каким образом производство на базе меновой стоимости, определяемой исключительно рабочим временем, приводит к тому результату, что меновая стоимость труда меньше, чем меновая стоимость его продукта» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 48). — *190.*

109 О категории «*услуги*» у Сэя, Бастиа и других вульгарных экономистов см. настоящее издание, т. 13, стр. 23; т. 23, стр. 203—204; т. 26, ч. I, стр. 413. Весь товарообмен, как при непосредственной меновой торговле, так и при товарно-денежном обращении, Бастиа сводит к взаимному обмену «услугами», имея в виду «услуги» земледельца, булочника, сапожника, ткача, машиностроителя, учителя, врача, адвоката и т. д. См. F. Bastiat. «Harmonies économiques». 2-me édition. Paris, 1851, p. 87—169. — *190.*

110 «*Рефлексия в себя*» — термин гегелевской философии, обозначающий обратное отражение какого-нибудь понятийного определения внутрь самого себя. — *191*

111 Имеется в виду книга: «D. Justiniani, sacratissimi principis, Institutiones. Accesserunt ex Digestis tituli de verborum significatione et regulis juris». Editio stereotypa Herhan. Parisiis, 1815, p. 342. — *192.*

112 F. Bastiat. «Harmonies économiques» 2-me édition. Paris, 1851. — *197.*

113 Маркс имеет в виду таких противников Бастиа, как Прудон и его приверженец Шеве, которые в 1849—1850 гг. вели полемику с Бастиа в виде семи открытых писем, опубликованных в 1850 г. вместе с семью ответными письмами Бастиа в форме небольшой книги, озаглавленной «Gratuité du crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon». Paris, 1850. — *197.*

114 J. B. Say. «Traité d'économie politique». Troisième édition. Tome second, Paris, 1817, p. 428—430, 478—480. — *198.*

115 См. D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition. London, 1821, p. 327, 499 (Русский перевод, том I, стр. 230, 338). — *205*

116 См. настоящее издание, т. 4, стр. 71—82. — *217.*

117 См. примечание 89. — *220.*

118 В одной из своих записных тетрадей, составленной в Брюсселе приблизительно в марте — апреле 1845 года и содержащей выписки из работы Шторха «Cours d'économie politique», tome I, Paris, 1823, Маркс следующим образом резюмирует положение Шторха, содержащееся на 154-й странице его работы: «Die menschliche Industrie nur produktiv wenn sie einen hinreichenden Wert produziert um die Produktionskosten zu ersetzen... eigentlich ist diese Reproduktion nicht ausreichend: sie müsste produzieren une valeur en sus». Русский перевод этого места гласит: «Человеческий труд производителен только тогда, когда он производит стоимость, достаточную для возмещения издержек производства... Собственно говоря, этого воспроизведения издержек производства недостаточно: труд должен был бы произвести некоторую стоимость сверх этого». — *220.*

119 Подробный разбор взглядов А. Смита на производительный и непроизводительный труд Маркс дал в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 133—157). — *223*.

120 О вульгарных концепциях Шторха, Сениора и других по вопросу о производительном и непроизводительном труде см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 157—295. — *223*.

121 Вопрос о производительном и непроизводительном труде Маркс впоследствии подробно рассмотрел в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 133—300 и 396—423). — *224*.

122 См. примечание 43. — *224*.

123 J. Steuart. «An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy». Vol. I, Dublin, 1770, First book, Ch. XVI. См. в особенности стр. 103, 105. — *227*.

124 *Теория колонизации Уэйкфилда* рассматривается Марксом в XXV главе первого тома «Капитала». — *230*.

125 В оригинале: «Arbeitsvermögen». В рукописях 1857—1859 годов Маркс вместо термина «Arbeitskraft», который один раз встречается уже в «Наемном труде и капитале» (см. настоящее издание, т. 6, стр. 444) и несколько раз в рукописи 1861—1863 годов, употребляет, как правило, термин «Arbeitsvermögen». В I томе «Капитала» эти два термина употребляются Марксом как равнозначные: «Unter Arbeitskraft oder Arbeitsvermögen verstehen wir den Inbegriff der physischen und geistigen Fähigkeiten, die in der Leiblichkeit, der lebendigen Persönlichkeit eines Menschen existieren und die er in Bewegung setzt, so oft er Gebrauchswerte irgend einer Art produziert» (4-е нем. изд., стр. 130). Русский перевод этого места гласит: «Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 178).

Русское выражение «способность к труду» не передает с достаточной точностью немецкий термин «Arbeitsvermögen». Немецкое слово «Vermögen» переводится на русский язык также и словом «сила». Термин «рабочая сила» вообще более точно, чем выражение «способность к труду», передает смысл слова «Arbeitsvermögen». Поэтому в настоящем томе термин «Arbeitsvermögen», как правило, переводится термином «рабочая сила», а там, где Маркс употребляет термин «Arbeitskraft», этот термин дается в квадратных скобках вслед за русским термином «рабочая сила». — *234*.

126 Взгляды *Ленге* рассматриваются Марксом в седьмой главе «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 347—352). — *242*.

127 Начиная с 8-й страницы III тетради рукописи идет текст, являющийся продолжением II тетради. Начало фразы, с которой начинается 8-я страница, находится на несохранившейся 29-й странице II тетради. Первые семь страниц III тетради содержат написанный несколькими месяцами раньше незаконченный набросок о вульгарных экономистах Бастиа и Кэри (см. настоящий том, часть I, стр. 3—16). — *243*.

128 Борьба рабочего класса за законодательное ограничение рабочего дня десятью часами велась в Англии с конца XVIII века и с начала 30-х годов XIX века охватила широкие массы пролетариата. Закон (билль) о десятичасовом рабочем дне, распространявшийся только на подростков и женщин, был принят парламентом 8 июня 1847 года. Борьбу английского рабочего класса Англии за нормальный рабочий день Маркс подробно рассматривает в главе VIII первого тома «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 287—306). — *244*.

129 Ср. аналогичное место в главе V первого тома «Капитала»: «Средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 190). — *250*.

130 На 16-й странице своей работы «Richesse ou pauvreté», Paris, 1841, Шербюлье говорит: «Капитал — это сырье, орудия, фонд жизненных средств [approvisionnement]». См. также настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 374—413. — *251*.

131 *Для-себя-бытие, для-себя-сущее* (Fürsichsein, Fürsichseiendes) — термины гегелевской философии, обозначающие всякое качество в его фиксированности, в его относительной замкнутости. — *254*.

132 В «Теориях прибавочной стоимости», в разделе об английском социалисте Томасе Годскине, Маркс дает общую характеристику этого взгляда английских социалистов (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 306—307). В незаконченном разделе об английском социалисте Джоне Брее (см. там же, стр. 333) Маркс приводит, между прочим, такие слова Брея из его работы «Labour's Wrongs and Labour's Remedy», Leeds, 1839, стр. 59: «Не капиталист, а капитал имеет существенное значение для операций производителей. Между капиталом и капиталистом существует такая же большая разница, как между грузом корабля и накладной, сопровождающей этот груз». — *256*.

133 Маркс имеет в виду главным образом анонимно вышедшую брошюру Томаса Годскина «Labour Defended against the Claims of Capital; or, the Unproduktiveness of Capital Proved» (London, 1825), в которой доказывается «непроизводительность капитала». Подробный анализ этой брошюры Маркс дал в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 272—326). — *257*.

134 См. главу III второй книги работы А. Смита «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations» (Русский перевод, стр. 244—257). — *257*.

135 Маркс имеет в виду работу Сениора «Principes fondamentaux de l'économie politique», Paris, 1836, p. 197—206. Критике вульгарной концепции Сениора по вопросу о производительном и непроизводительном труде Маркс посвятил специальный раздел «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 282—287). — *257*.

136 Впоследствии, в «Теориях прибавочной стоимости», Маркс более подробно рассмотрел этот пример и показал, что «рабочий фортепьянного фабриканта является производительным работником... Предпо-

ложим, наоборот, что я покупаю весь материал, необходимый для изготовления фортепьяно (или пусть даже сам рабочий имеет этот материал), и, вместо того чтобы купить фортепьяно в магазине, поручаю сделать его у меня на дому. В этом случае фортепьянный мастер является непроизводительным работником, так как его труд обменивается непосредственно на мой доход» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 142).

В то же время Маркс показал, что «певица, продающая свое пение на свой страх и риск, — *непроизводительный работник*. Но та же самая певица, приглашенная антрепренером, который, чтобы загребать деньги, заставляет ее петь, — *производительный работник*, ибо она производит капитал» (там же, стр. 410). «*Один и тот же* вид труда, — резюмирует Маркс, — может быть как *производительным*, так и *непроизводительным*» (там же). — *257*.

137 Маркс ссылается на страницу 40 в своей X тетради выписок, где содержится приводимая в тексте цитата из книги Мальтуса «Principles of Political Economy», second edition, London, 1836, p. 47. В действительности, однако, это не слова Мальтуса, а слова редактора второго (посмертного) издания его книги, имеющие целью уточнить рассуждение Мальтуса. — *258*.

138 См. D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition. London, 1821, p. 334—337 (Русский перевод, том I, стр. 235—237). О взглядах Д. Рикардо на непроизводительный характер капитала см. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 514; ч. III, стр. 272—273. См. также J. C. L. Simonde de Sismondi. «Etudes sur l'économie politique». Tome I, Bruxelles, 1837, p. 22. — *262*.

139 См. примечание 115. — *263*.

140 См. J. B. Say. «Traité d'économie politique». Troisième édition. Tome second, Paris, 1817, p. 425, 429. — *263*.

141 Слова Прудона «le travail produit, le capital vaut» («труд производит, капитал сто̀ит) из I тома его работы «Système des contradictions économiques, ou Philosophie de la misère», Paris, 1846, p. 188, Маркс приводит в «Нищете философии» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 92). — *263*.

142 См. «Gratuité du Crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon». Paris, 1850, p. 177—181. Ср. настоящий том, часть I, стр. 214—215. — *265*.

143 Аналитическим суждением, по терминологии Канта, называется такое суждение, в котором предикат лишь разъясняет то содержание, которое заключено в субъекте суждения, — в отличие от синтетического суждения, в котором предикат прибавляет к субъекту признак, не заключенный в субъекте суждения. — *267*.

144 Термин «*издержки производства*» здесь и в предыдущей фразе употреблен Марксом в смысле «*имманентных издержек производства* товара, равных его стоимости, т. е. равных требующейся для производства товара общей сумме рабочего времени» (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 78). В рукописях 1857—1859 годов Маркс еще не проводил четкого разграничения между стоимостью ($c + v + m$) и ценой про-

изводства ($c + v +$ средняя прибыль). О трояком употреблении термина «издержки производства» см. там же, стр. 76—80 и 539—540. — *269*.

145 Под «ценами производства» (Produktionspreise) Маркс понимает здесь то же самое, что выше он понимает под «издержками производства, или необходимой ценой товара» (см. примечания 81 и 144). — *269*.

146 Маркс здесь впервые употребляет термин *«прибавочная стоимость»* (Mehrwert) для обозначения того избытка над первоначально авансированной стоимостью, который безвозмездно присваивается капиталистом.

В книге английского социалиста-рикардианца Уильяма Томпсона «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth Most Conducive to Human Happiness». London, 1824, p. 167, 169, также употребляется термин «surplus value» (прибавочная стоимость). Однако, как показал Ф. Энгельс, этим термином Томпсон обозначал сверхприбыль, получаемую капиталистом, применяющим машины, по сравнению с ремесленником, работающим вручную. Наряду с термином «surplus value» Томпсон применял также термин «additional value» (дополнительная стоимость) для обозначения всей вновь созданной стоимости ($v + m$). Кроме того, как отмечал Энгельс, «в повседневной деловой жизни Франции с незапамятных времен общепринято выражение plus-value для обозначения всякого увеличения стоимости, которое ничего не стоит владельцу товаров» (см. настоящее издание, т. 21, стр. 507—512).

В одной из своих ранних статей, написанной в октябре 1842 г., Маркс также несколько раз употребляет термин «Mehrwert» для обозначения добавочной стоимости, штрафа, получаемого лесовладельцами за кражу у них леса (см. настоящее издание, т. 1, стр. 148, 152). — *270*.

147 Маркс имеет в виду главу VII («О внешней торговле») книги Рикардо «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition, London, 1821, где говорится (стр. 131): «Никакое расширение внешней торговли не может увеличить непосредственно сумму стоимостей в стране» (Русский перевод, том I, стр. 112). — *270*.

148 Взгляды Прудона на процент, которые нашли свое выражение в работе «Gratuité du Crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon», Paris, 1850, Маркс рассмотрел в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 550—554). — *273*.

149 Маркс имеет в виду анонимную статью «Negroes and the Slave Trade» («Негры и торговля рабами»), помещенную в газете «The Times» от 21 ноября 1857 г. в виде письма редактору от «сведущего человека» («Expertus»).

«The Times» («Времена») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления; основана в Лондоне в 1785 году. — *281*.

150 В своем конспекте рикардовских «Principles of Political Economy» (этот конспект, составленный Марксом в апреле 1851 г., содержится в VIII тетради выписок из работ буржуазных экономистов) Маркс по поводу критики Рикардо английскими экономистами говорит следующее: «Большинство противников Рикардо, как, например, Уэйкфилд, утверждают, что он не может объяснить избыток. Так, например,

фабрикант затрачивает 30 ф. ст. на сырье, 20 — на машины, 50 — на заработную плату. Итого — 100 ф. ст. Он продает свой товар за 110 ф. ст. Откуда берутся 10 ф. ст.?» (K. Marx. «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie». Anhang. Moskau, 1941, S. 828). Об отсутствии у Рикардо анализа происхождения прибавочной стоимости Маркс говорит также в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 446—461). — *282.*

151 Маркс имеет в виду книгу Мальтуса «The Measure of Value Stated and Illustrated», London, 1823. Подробный анализ теории стоимости Мальтуса и, в частности, мальтусовской критики учения Рикардо содержится в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 3—33). — *282.*

152 См. D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition, London, 1821, p. 1—12 (Русский перевод, том I, стр. 33—40). — *282.*

153 См. там же, стр. 60—61 (Русский перевод, том I, стр. 69). — *282.*

154 См. там же, стр. 131—132 (Русский перевод, том I, стр. 112). —*282.*

155 О физиократах как об «отцах современной политической экономии» Маркс говорит в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 12). — *284.*

156 Маркс имеет в виду главу III второй книги труда А. Смита «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations», в которой Смит рассматривает вопрос о производительном и непроизводительном труде. О смитовской трактовке производительного труда как труда, овеществляющегося в товаре, Маркс подробно говорит в «Теориях прибавочной стоимости» (настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 142—159). — *285.*

157 В I томе «Капитала» Маркс дал подробный анализ тенденции капиталистов к безграничному удлинению рабочего дня. Маркс рассмотрел там историю английского фабричного законодательства, в частности борьбу вокруг билля о десятичасовом рабочем дне. Характеризуя положение рабочего класса в Англии, Маркс широко использовал отчеты фабричного инспектора Леонарда Хорнера, выступавшего в защиту интересов рабочих (см. настоящее издание, т. 23, гл. VII, VIII, XIII). — *294.*

158 Этот пример можно выразить следующим образом:

До удвоения производительной силы труда один рабочий день, состоящий, скажем, из восьми часов, распадался на 2 часа необходимого труда и 6 часов прибавочного труда ($2v + 6m$). После удвоения производительной силы труда тот же самый рабочий день распадается на 1 час необходимого труда и 7 часов прибавочного труда ($1v + 7m$). — *298.*

159 В своей работе «On the Economy of Machinery and Manufactures», London, 1832, p. 160—162, Баббедж рассматривает соотношение между стоимостью сырого материала и стоимостью труда в производстве филигранных изделий из золота в Венеции. — *303.*

160 Маркс имеет в виду замечания Эжена Дэра на работу Буагильбера «Dissertation sur la Nature des Richesses, de l'Argent et des Tributs» (см. «Economistes Financiers du XVIIIe siècle». Précédés de Notices historiques sur chaque auteur, et accompagnés de Commentaires et de Notes Explicatives, par M. Eugène Daire. Paris, 1843, p. 419—420, Notes 1 et 2). — *306.*

161 См. D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition. London, 1821, p. 89—90 (Русский перевод, том I, стр. 87). — *306*

162 Подробный анализ взглядов Рикардо на накопление капитала Маркс дал в XVII главе «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. II, в особенности стр. 594—606). — *306.*

163 См. D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition. London, 1821, p. 325—328 (Русский перевод, том I, стр. 229—231). — *308.*

164 Маркс имеет в виду свою VIII тетрадь выписок по политической экономии, относящуюся к 1851 году. В этой тетради, помимо других выписок, содержится подробный конспект третьего издания книги Рикардо «On the Principles of Political Economy, and Taxation», сопровождаемый комментариями Маркса (см. K. Marx. «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie. Anhang». Moskau, 1941, S. 787—839). На страницах 35—37 Марксовой VIII тетради содержится конспект XX главы книги Рикардо («Стоимость и богатство, их отличительные свойства»); эту главу Маркс и имеет в виду в данном месте текста. — *310.*

165 Маркс имеет в виду главу VII книги Рикардо «On the Principles of Political Economy, and Taxation». — *311.*

166 Маркс здесь передает в своем изложении мысли Рикардо, содержащиеся, например, в начале XX главы его книги «On the Principles of Political Economy, and Taxation». — *312.*

167 Маркс ссылается здесь на стр. 39, 40 своей VIII тетради выписок по политической экономии. На этих страницах содержится конспект начала VII главы книги Рикардо — «О внешней торговле». — *312.*

168 См. D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition, London, 1821, p. 416—417 (Русский перевод, том I, стр. 284—285). — *313.*

169 Маркс имеет в виду книгу Мальтуса «The Measure of Value Stated and Illustrated», London, 1823. Подробный критический анализ взглядов Мальтуса на стоимость и прибавочную стоимость Маркс дал в «Теориях прибавочной стоимости» (настоящее издание, т. 26, ч. III, гл. XIX). — *316.*

170 Маркс в этом примере исходит из предположения, что капитализируемая прибавочная стоимость целиком расходуется на покупку новой рабочей силы — «предположение, впрочем, невозможное», как он сам говорит несколькими строками ниже. — *334.*

171 Под процентами (Zins) Маркс понимает здесь всю прибыль, получаемую на авансированный капитал. — *334*.

172 Вся эта фраза в рукописи гласит: «Auf 140 aber 24 zuviel gerechnet (und dies ist der Unterschied von 220 zu 196), sind erst $^1/_5$ vom 100 und $^{11}/_{12}$ vom 100 zuviel gerechnet; $^1/_5$ vom 100 = 20%; $^{11}/_{12}$ vom 100 8 $^4/_{12}$% oder 8$^1/_3$%; also zusammen 28$^1/_3$% zuviel» (см. K. Marx. «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie». Moskau, 1939, S. 275—276). В переводе середина этой фразы, ввиду ее неясности, опущена, а в остальной части фразы исправлены арифметические ошибки. — *336*.

173 Далее в рукописи оставлено место, очевидно для расчета по второму случаю. Если придерживаться предыдущего текста рукописи, то этот расчет может быть представлен следующим образом.

Во втором случае первоначальный капитал в 80 талеров состоит из 60 талеров, затраченных на материал и орудие труда, и 20 талеров, затраченных на заработную плату; $^3/_4$ капитала израсходованы на материал и орудие, $^1/_4$ — на заработную плату. Первые $^3/_4$ капитала не приносят никаких процентов (т. е. не приносят никакой прибавочной стоимости); последняя $^1/_4$ приносит 300% прибавочной стоимости. Но если считать на весь капитал, то он увеличился только на 75%.

Если бы вновь присоединенный капитал в 60 талеров тоже увеличил на 300% только $^1/_4$ своей величины, то это дало бы увеличение целого на 45 талеров. 60 + 45 = 105 талеров. Это вместе со 140 равно 245 талерам, что действительно означает прибавку в 75% к 140 талерам.

60 талеров вновь присоединенного капитала увеличились на 300%, учетверились, составляют 240 талеров. (Если бы на 300% увеличилась только $^1/_4$ от 60, то это дало бы 45 талеров прибыли.) 60 талеров из 240 возмещают затраченный на заработную плату капитал, 180 талеров составляют прибыль.

Следовательно, для второго случая расчет таков:

$80\ C + 60\ Z + 60\ C + 180\ Z = 380;$

т. е. мы имеем здесь капитал в 140 талеров, совокупные проценты с которого составляют 240 талеров. Но если бы мы взяли другой расчет, то получили бы:

$80\ C + 60\ Z + 60\ C + 45\ Z = 245;$

т. е. получили бы капитал в 140 талеров, совокупные проценты с которого составляют 105 талеров.

По первому расчету мы начислили слишком много процентов: лишние проценты, начисленные на 60 талеров капитала, составляют 135 талеров. Но 135 талеров — это $^3/_4$ от 180 талеров; т. е. наряду с капиталом в 80 талеров только $^1/_4$ вновь присоединенного капитала в 60 талеров возросла на 300%; следовательно, весь вновь присоединенный капитал возрос только на $^3/_4$, т. е. на 45 талеров.

Исчисление процента для капитала в 60 талеров было нами преувеличено на 135 талеров, которые представляют собой рост на 300% для $^3/_4$ капитала в 60 талеров. На всю же сумму в 60 талеров при таком расчете приходятся лишних 225% прибыли вместо первоначальных 75%; т. е. на 60 талеров мы насчитали лишних 135 талеров, а 135 к 60 составляют 225%. Следовательно, на капитал в 60 талеров мы насчитали лишних 225%. На капитал же в 140 талеров мы насчитали лишних 135 талеров (а это-то и составляет разницу между 380 и 245 талерами); следовательно, всего лишних 96$^3/_7$%. Стало быть, на весь капитал в 140 талеров мы насчитали лишних не 225%, как на капитал

в 60 талеров, а только $96^3/_7$%; это составляет разницу в $128^4/_7$%, в соответствии с тем, что из всего капитала в 140 талеров на капитал в 60 талеров насчитано лишних 135 талеров. — *336*.

174 О смешении у Кэри и других вульгарных экономистов нормы прибавочной стоимости с нормой прибыли см. настоящее издание, т. 23, стр. 229—230; т. 25, ч. I, стр. 164. — *337*.

175 См. настоящее издание, т. 12, стр. 462—463; т. 25, ч. I, стр. 434—438. — *339*.

176 О качественной границе для накопления капитала см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 248. — *340*.

177 См. Ch. Babbage. «On the Economy of Machinery and Manufactures». London, 1832, p. 16. — *348*.

178 Маркс здесь предполагает, что норма прибавочной стоимости после вздорожания рабочей силы остается такой же, какой она была до вздорожания (25% для капитала I и $33^1/_3$% для капитала II). Это возможно лишь в том случае, если произошло соответственное удлинение рабочего дня. — *349*.

179 См. «Gratuité du crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon». Paris, 1850, p. 127—132, 135—157, 288. Ср. также примечание 113. — *352*.

180 Имеется в виду французский перевод книги Лодерделя «An Inquiry into the Nature and Origin of Public Wealth». Edinburgh and London, 1804: Lauderdale, J. «Recherches sur la nature et l'origine de la richesse publique». Paris, 1808, p. 119—120. Ср. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 257. — *358*.

181 Маркс здесь своими словами излагает следующее положение из книги Рейвнстона «Thoughts on the Funding System, and its Effects». London, 1824, p. 46: «Там, где для содержания десяти человек требуется труд девяти, только $^1/_{10}$ валового продукта может доставаться на долю ренты. Где труда одного человека достаточно для содержания пяти, там на долю ренты или других требований государства, которые могут быть удовлетворены лишь из прибавочного продукта труда, достанется $^4/_5$ продукта. Первое, по-видимому, имело место в Англии в период завоевания, последнее имеет место ныне, когда только $^1/_5$ часть населения занята в земледелии». — *371*.

182 Маркс имеет в виду книгу Мак-Куллоха «The Principles of Political Economy», Edinburgh, 1825, p. 165—192. О стремлении вульгарных экономистов, в том числе и Мак-Куллоха, затушевать противоречия капиталистического производства Маркс подробно говорит в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 550, 577—578, 587—588; ч. III, стр. 118—119, 121, 171, 529, 547—550). —*388*.

183 Маркс имеет в виду рассуждения Джемса Милля о постоянном и необходимом равенстве между производством и потреблением, между предложением и спросом, между суммой покупок и суммой продаж, содержащиеся в его книге «Elements of Political Economy», London, 1821, p. 186—195. Подробнее этот взгляд Джемса Милля (впервые выска-

занный им в его брошюре «Commerce Defended», London, 1808), к которому присоединился и Сэй, разбирается Марксом в первом выпуске «К критике политической экономии» и в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 80—81; т. 26, ч. II, стр. 548—550, 555—560, 591; ч. III, стр. 86, 89—91, 99, 119). — *389.*

184 Маркс имеет в виду так называемую бирмингемскую школу «little shilling men» («сторонников малого шиллинга»), основанную бирмингемским банкиром Томасом Атвудом. Взгляды этой школы изложены в книге «The Currency Question. The Gemini Letters», London, 1844, анонимными авторами которой были Томас Райт и Джон Харлоу, называвшие себя «Близнецами» («Gemini»). См. также настоящее издание, т. 13, стр. 66—67; т. 23, стр. 244; т. 25, ч. II, стр. 85, 107. — *390.*

185 См. примечание 20. — *390.*

186 Маркс имеет в виду работы Мальтуса «Principles of Political Economy Considered with a View to their Practical Application», 2nd edition, London, 1836, p. 405 (примечание издателя); «Definitions in Political Economy», London, 1827, p. 258—259, и I том работы Сисмонди «Etudes sur l'économie politique», Bruxelles, 1837, p. 61. — *390.*

187 D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition, London, 1821, p. 80—85 (Русский перевод, том I, стр. 81—84). Подробный критический анализ взглядов Рикардо па перепроизводство капитала Маркс дал в «Теориях прибавочной стоимости» (настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 520, 548—549, 552, 555—564, 587—588). — *390.*

188 A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». With a Commentary, by the Author of «England and America» [E. G. Wakefield]. Volume I, London, 1835, p. 244—246. — *391.*

189 Эта фраза представляет собой краткое резюме следующего положения Годскина, содержащегося на стр. 245—246 его работы «Popular Political Economy» (Русский перевод, стр. 201): «Так как капиталист, собственник всего продукта, не позволяет рабочим ни производить орудия, ни применять их, если только *он* не получает прибыль сверх того, чего стоит содержание рабочих, то ясно, что производительному труду здесь поставлены гораздо более узкие границы, чем те, которые предписывает природа. По мере того, как капитал накопляется в руках третьих лиц, возрастает вся та сумма прибыли, которую требует себе капиталист, и тем самым создается искусственное препятствие для роста производства и населения». — *394.*

190 О выдвинутой Т. Годскином концепции «сосуществующего труда» см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 276—290. — *396.*

191 J. B. Say. «Traité d'économie politique». Troisième édition. Tome II, Paris, 1817, p. 441. — *404.*

192 См. P. J. Proudhon. «Qu'est-ce que la propriété?». Paris, 1840, chapitre IV, § 5, и «Gratuité du Crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon». Paris, 1850, p. 207—208. — *405.*

193 См. примечание 179. — *414.*

194 В действительности при указанных предпосылках стоимость, вновь присоединенная живым трудом (10 талеров), составляла бы не $^1/_{10}$ совокупной стоимости продукта, а $^1/_9$, ибо стоимость фунта пряжи понизилась с 5 талеров до $4^1/_2$ талера и, стало быть, совокупная стоимость 20 фунтов пряжи уменьшилась со 100 до 90 талеров. — *414*.

195 До удвоения производительности прядильного труда совокупная прибыль капиталиста составляла 20 талеров, которые распределялись между 40 фунтами пряжи, т. е. по $^1/_2$ талера на фунт. Теперь же совокупная прибыль в 30 талеров распределяется между 80 фунтами пряжи, т. е. по $^3/_8$ талера на фунт. — *414*.

196 Рассуждения Маркса на страницах 410—415 первой части настоящего тома можно наглядно представить с помощью двух нижеследующих таблиц.

Таблица I.

Увеличение количества производимого продукта (хлопчатобумажной пряжи) посредством удлинения рабочего дня

Затраты капиталиста		Прибавочная стоимость	Совокупная стоимость пряжи	Количество произведенного продукта	Стоимость 1 фунта пряжи	Норма прибавочной стоимости	Норма прибыли
Постоянный капитал	Переменный капитал						
80 талеров	20 тал.	—	100 тал.	20 фунтов	5 талеров	0	0
120 тал.	20 тал.	10 тал.	150 тал.	30 фунтов	5 тал.	50%	$7^1/_7$%
160 тал.	20 тал.	20 тал.	200 тал.	40 фунтов	5 тал.	100%	$11^1/_9$%
320 тал.	20 тал.	60 тал.	400 тал.	80 фунтов	5 тал.	300%	$17^{11}/_{17}$%

Таблица II.

Увеличение количества производимого продукта посредством роста производительности труда при неизменной величине рабочего дня

Затраты капиталиста		Прибавочная стоимость	Совокупная стоимость пряжи	Количество произведенного продукта	Стоимость 1 фунта пряжи	Норма прибавочной стоимости	Норма прибыли
Постоянный капитал	Переменный капитал						
160 тал.	20 тал.	20 тал.	200 тал.	40 фунтов	5 тал.	100%	$11^1/_9$%
320 тал.	10 тал.	30 тал.	360 тал.	80 фунтов	$4^1/_2$ тал.	300%	$9^1/_{11}$%

Первая таблица служит иллюстрацией к тому выводу, который делает Маркс из анализа содержащихся в ней соотношений: «Чем меньше становится та доля затрат, которая представляет необходимый труд, тем больше прибыль, хотя она и не находится в каком-либо видимом отношении к действительной прибавочной стоимости, т. е. к прибавочному труду».

Вторая таблица подтверждает следующую мысль Маркса: «...снижение цены единицы продукта и возрастание количества этих единиц — что имеет место в результате роста производительных сил — показывает, что прибыль по отношению к [необходимому] труду возрастает, или что необходимый труд по отношению к прибавочному труду сокращается». И далее: «Прибыль капиталиста, получаемая со стоимости меры (единицы) потребительной стоимости — фунта, аршина, квартера и т. д., — уменьшается пропорционально уменьшению отношения живого труда (вновь присоединяемого труда) к сырью и т. д... Но, с другой стороны, так как это уменьшение рабочего времени, требующегося для производства единицы продукта, тождественно с большей производительностью труда, или с ростом прибавочного рабочего времени, то возрастает и количество этих единиц, в которых содержится прибавочное рабочее время», — т. е. возрастает общая масса прибыли. — *415*.

197 См. примечание 128. — *415*.

198 Точный расчет был бы такой: каждый фунт пряжи рабочий получал бы со скидкой в $^{1}/_{20}$ талера против его стоимости; а так как всего он получал бы теперь $4^{4}/_{99}$ фунта пряжи, или $^{400}/_{99}$ фунта пряжи, то его выигрыш составил бы $\frac{1\times 400}{20\times 99}$ талера, т. е. $^{20}/_{99}$ талера, а не $^{20}/_{100}$ талера, как предполагает, ради упрощения расчетов, Маркс. — *420*.

199 Точный расчет был бы таков. До повышения заработной платы стоимость 40 фунтов пряжи распадалась на $160\ c + 20\ v + 20\ m$. Теперь она распадается на $160\ c + 22\ v + 18\ m$. Если раньше норма прибыли была $^{20}/_{180}$, т. е. $11^{1}/_{9}\%$, то теперь она равна $^{18}/_{182}$, т. е. $9^{81}/_{91}\%$. — *424*.

200 Далее в рукописи следуют три строки, зачеркнутые Марксом, но по недосмотру воспроизведенные в основном тексте издания 1939 года на языке оригинала (см. K. Marx. «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie». Moskau, 1939, стр. 346, строки 7—14). — *428*.

201 D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition, London, 1821, p. 139 (Русский перевод, том I, стр. 116). — *437*.

202 В рукописи 1861—1863 годов, куда Маркс переписал с некоторыми изменениями ряд мест из рукописи 1857—1858 годов, настоящая фраза дана в следующей редакции (тетрадь XXII, стр. 1396): «Вместо того чтобы воспроизводиться в процессе производства в качестве условий осуществления рабочей силы, они, наоборот, выходят из процесса производства как всего лишь условия увеличения и сохранения *своей собственной* стоимости в качестве для-себя-сущей стоимости, противостоящей рабочей силе». — *451*.

203 Формулы договорных отношений по римскому праву: «даю, чтобы ты сделал», «делаю, чтобы ты дал», «даю, чтобы ты дал». Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 550—551; т. 26, ч. I, стр. 413. — *455*.

204 J. Steuart. «An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy». Vol. I, Dublin, 1770, p. 40, 396. Соответствующее место со стр. 396-й книги Стюарта Маркс приводит в рукописи 1857—1858 годов (см.

K. Marx. «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie». Moskau, 1939, S. 666). Ср. также настоящее издание, т. 25, ч. II, стр. 348; т. 26, ч. I, стр. 19; ч. II, стр. 614. — *457*.

205 A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations», Book I, Chapter V (Русский перевод, стр. 40). — *460*.

206 Эта часть рукописи 1857—1858 годов, озаглавленная Марксом в его работе «Рефераты к моим собственным тетрадям» как «Формы, предшествующие капиталистическому производству», содержится в тетради IV, стр. 50—53, и в тетради V, стр. 1—15. Страницы 1—15 тетради V названы Марксом в его «Рефератах» так: «Продолжение о процессе, предшествующем образованию капиталистического отношения или первоначальному накоплению». — *461*.

207 Термин «Stamm», который переводится в этой части рукописи 1857—1858 годов как «племя», имел в середине XIX в. в исторической науке более широкое значение, чем в настоящее время. Он обозначал совокупность людей, имеющих общее происхождение от одного и того же предка, и охватывал современные понятия «род» (Gens) и «племя» (Stamm). Точное определение и различение этих понятий было впервые дано в книге Л. Г. Моргана «Древнее общество» (1877). В этом главном произведении выдающегося американского этнографа и историка впервые было выяснено значение рода как основной ячейки первобытнообщинного строя и тем самым была заложена научная основа для всей истории первобытного общества. Обобщив результаты исследований Моргана, Энгельс всесторонне раскрыл содержание понятий «род» и «племя» в своем произведении «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884). — *462*.

208 *Квириты* — граждане римской общины (в Древнем Риме). — *467*.

209 Эту фразу Нибур приводит из IX книги «Римской археологии» Дионисия Галикарнасского (древнегреческого историка, написавшего этот свой основной труд около 30—7 гг. до н. э.). — *469*.

210 *Демот* — гражданин древнего Афинского государства, принадлежащий к определенному территориальному округу Аттики — *дему*. Несколько демов образовывали *филу*. По реформе Клисфена (VI в. до н. э.) в Аттике было создано 10 территориальных фил. — *469*.

211 *Дитмаршен* — одна из северных областей Германии. — *469*.

212 *Гэлы* — коренное население горных районов Северной и Западной Шотландии, потомки древних кельтов. — *469*.

213 См. настоящее издание, т. 4, стр. 168. — *477*.

214 См. примечание 13. — *486*.

215 *«Panes et circenses»* — «хлеб и зрелища». Маркс имеет в виду период расцвета римского рабовладельческого государства, когда низшие слои городского населения (т. н. городской плебс) были выключены из сферы производства и жили главным образом за счет подачек государства и богатых рабовладельцев, предоставлявших им «хлеб и зрелища». — *491*.

216 О роли законодательств Генриха VII, Генриха VIII и других английских королей и королев см. настоящее издание, т. 23, стр. 744—752. — *499*.

217 A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations», Book III, Chapter IV (Русский перевод, стр. 300—309). — *499*.

218 См. примечание 132. — *505*.

219 Эти и последующие замечания о первоначальных значениях слова «капитал» и иллюстрирующие их тексты Маркс взял из 2-го тома словаря Дюканжа: «Glossarium mediae et infimae latinitatis», Tomus II. Parisiis, 1842, p. 139—141. — *505*.

220 Adam H. Müller. «Die Elemente der Staatskunst». Erster Theil. Berlin, 1809, S. 226—241. — *506*.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

М

Н

О

П

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМОЙ И УПОМИНАЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ *

*_Aristoteles._ De republica libri VIII. In: _Aristotelis_ opera ex recensione I. Bekkeri. Tomus X. Oxonii, 1837 (_Аристотель._ Политика (восемь книг). В книге: _Аристотель._ Сочинения. Издание И. Беккера. Том X. Оксфорд, 1837). — 18, 486.

*_Aristoteles._ Ethica Nicomachea. In: _Aristotelis_ opera ex recensione I. Bekkeri. Tomus IX. Oxonii, 1837 (_Аристотель._ Этика к Никомаху. В книге: _Аристотель._ Сочинения. Издание И. Беккера. Том IX. Оксфорд, 1837). — 103.

Babbage, Ch. On the economy of machinery and manufactures. London, 1832 (_Баббедж, Ч._ Об экономике машин и промышленности. Лондон, 1832). — 303, 348.

[Bailey, S.] Money and its vicissitudes in value; as they affect national industry and pecuniary contracts; with a postscript on joint-stock banks. London, 1837 (_[Бейли, С.]_ Деньги и изменения их стоимости; влияние этих изменений на национальную промышленность и денежные обязательства; с приложением об акционерных банках. Лондон, 1837). — 182, 183.

Bastiat, Fr. Gratuité du crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon. Paris, 1850 (_Бастиа, Фр._ Безвозмездность кредита. Дискуссия между г-ном Фр. Бастиа и г-ном Прудоном. Париж, 1850). — 62, 197, 213, 214, 265, 273, 352, 405, 414.

Bastiat, F. Harmonies économiques. 2-me édition, augmentée des manuscrits laissés par l'auteur. Paris, 1851 (_Бастиа, Ф._ Экономические гармонии. Издание второе, пополненное из оставленных автором рукописей. Париж, 1851). Первое издание вышло в Париже в 1850 году. — 3, 9—12, 190, 197.

Bellers, J. Essays about the poor, manufactures, trade, plantations, and immorality. London, 1699 (_Беллерс, Дж._ Очерки о бедных, промышленности, торговле, колониях и безнравственности. Лондон, 1699). — 103.

---

* В тех случаях, когда не удалось установить с достоверностью, каким изданием той или иной книги пользовался Маркс, в данном указателе приводится ее первое издание.

В квадратные скобки заключены выявленные имена авторов книг, вышедших анонимно. Звездочкой отмечены работы, переведенные на русский язык.

Boisguillebert, P. Dissertation sur la nature des richesses, de l'argent et des tributs. In: Economistes financiers du XVIII-e siècle. Précédés de notices historiques sur chaque auteur, et accompagnés de commentaires et de notes explicatives, par E. Daire. Paris, 1843 (*Буагильбер, П.* Рассуждение о природе богатств, денег и податей. В книге: Экономисты-финансисты XVIII века. С историческими заметками о каждом авторе, комментариями и пояснительными примечаниями Э. Дэра. Париж, 1843). Работа Буагильбера написана между 1697 и 1707 г. — 143, 164, 179, 220, 306.

**Bray, J. F.* Labour's wrongs and labour's remedy; or, the Age of might and the age of right. Leeds, 1839 (*Брей, Дж. Ф.* Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению, или Век силы и век справедливости. Лидс, 1839). — 256.

Cherbuliez, A. Richesse ou pauvreté. Paris, 1841 (*Шербюлье, А.* Богатство или бедность. Париж, 1841). Первое издание вышло в Париже и Женеве в 1840 году под названием «Riche ou pauvre» — «Богатый или бедный». — 251, 261.

Darimon, A. De la réforme des banques. Paris, 1856 (*Даримон, А.* О реформе банков. Париж, 1856). — 51, 52, 58,59, 62—65, 73.

Ducange, Ch. D. Glossarium mediae et infimae latinitatis, conditum a Carolo Dufresne Domino Du Cange. Cum supplementis integris monachorum Ordinis S. Benedicti, D. P. Carpenterii, Adelungii, aliorum, suisque digessit G. A. L. Henschel. Tomus secundus. Parisiis, 1842 (*Дюканж, Ш. Д.* Словарь средневековой и самой поздней латыни, основанный Шарлем дю Френом господином Дюканжем. Со всеми дополнениями монахов ордена св. Бенедикта, господина св. отца Карпентье, Аделунга, других авторов и со своими собственными добавлениями издал Г. А. Л. Геншель. Том второй. Париж, 1842). Первое издание словаря Дюканжа вышло в Париже в 1678 году. — 505, 506.

Dureau de La Malle, A. J. Economie politique des Romains. Tomes I—II. Paris, 1840 (*Дюро де Ла Маль, А. Ж.* Политическая экономия римлян. Тома I—II. Париж, 1840). — 124—128.

Ferrier, F. L. A. Du gouvernement considéré dans ses rapports avec le commerce. Paris, 1805 (*Ферье, Ф. Л. О.* О правительстве с точки зрения его взаимоотношений с торговлей. Париж, 1805). — 160.

Ganilh, Ch. Des systèmes d'économie politique, de leurs inconvéniens, de leurs avantages, et de la doctrine la plus favorable aux progrès de la richesse des nations. Tomes I—II. Paris, 1809 (*Ганиль, Ш.* О системах политической экономии, о их недостатках, о их достоинствах и о той доктрине, которая наиболее благоприятна для роста богатства народов. Тома I—II. Париж, 1809). — 84, 207.

Garnier, G. Histoire de la monnaie, depuis les temps de la plus haute antiquité, jusqu'au règne de Charlemagne. Tomes I—II. Paris, 1819 (*Гарнье, Ж.* История денег с древнейших времен до царствования Карла Великого. Тома I—II. Париж, 1819). — 126, 129, 135.

Grimm, J. Geschichte der deutschen Sprache. Erster Band. Leipzig, 1848 (*Гримм, Я.* История немецкого языка. Первый том. Лейпциг, 1848). Маркс пользовался вторым изданием, вышедшим в 1853 году. — 123.

Gülich, G. Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe und des Ackerbaus der bedeutendsten handeltreibenden Staaten unserer Zeit. Band V. Jena, 1845 (*Гюлих, Г.* Историческое описание торговли, промышленности и земледелия важнейших торговых государств нашего времени. Том V. Иена, 1845). — 127.

**Hobbes, Th.* De cive (1642). In: *Thomae Hobbes* opera philosophica. Tomus I. Amstelodami, 1668 (*Гоббс, Т.* О гражданине. В книге: *Т. Гоббс.* Философские сочинения. Том I. Амстердам, 1668).— 99.

**Hobbes, Th.* Leviathan, sive De materia, forma, et potestate civitatis ecclesiasticae et civilis (1651). In: *Thomae Hobbes* opera philosophica. Tomus II. Amstelodami, 1668 (*Гоббс, Т.* Левиафан, или О материи, форме и власти государства церковного и гражданского. В книге: *Т. Гоббс.* Философские сочинения. Том II. Амстердам, 1668). — 99.

**[Hodgskin, Th.]* Labour defended against the claims of capital; or, the Unproductiveness of capital proved. With reference to the present combinations amongst journeymen. By a labourer. London, 1825 (*[Годскин, Т.]* Защита труда от притязаний капитала, или Доказательство непроизводительности капитала. С замечаниями о нынешних объединениях среди наемных рабочих. Сочинение рабочего. Лондон, 1825). — 257.

**Hodgskin, Th.* Popular political economy. Four lectures delivered at the London Mechanics' Institution. London, 1827 (*Годскин, Т.* Народная политическая экономия. Четыре лекции, прочитанные в Лондонской рабочей школе. Лондон, 1827). — 394, 395.

Hubbard, J. G. The Currency and the country. London, 1843 (*Хаббард, Дж. Г.* Денежное обращение и страна. Лондон, 1843). — 137.

An Inquiry into those principles, respecting the nature of demand and the necessity of consumption, lately advocated by Mr. Malthus, from which it is concluded, that taxation and the maintenance of unproductive consumers can be conducive to the progress of wealth. London, 1821 (Исследование недавно защищавшихся г-ном Мальтусом принципов, которые касаются природы спроса и необходимости потребления и из которых делается вывод, что налоги и содержание непроизводительных потребителей могут способствовать росту богатства. Лондон, 1821). — 395.

Jacob, W. An Historical inquiry into the production and consumption of the precious metals. In two volumes. London, 1831 (*Джейкоб, У.* Историческое исследование о производстве и потреблении драгоценных металлов. В двух томах. Лондон, 1831). — 124, 127, 136, 137, 176.

Justiniani, D., sacratissimi principis, Institutiones. Accesserunt ex Digestis tituli de verborum significatione et regulis juris. Editio stereotypa Herhan. Parisiis, 1815 (Установления блаженной памяти Юстиниана, святейшего государя. С добавлением из Дигест титулов о значении слов и о юридических правилах. Стереотипное издание Эрана. Париж, 1815). — 192.

**Lauderdale, J.* Recherches sur la nature et l'origine de la richesse publique, et sur les moyens et les causes qui concourent à son accroissement. Traduit de l'anglais par E. Lagentie de Lavaïsse. Paris, 1808 (*Лодердейль, Дж.* Исследования о природе и происхождении национального богатства и о способах и причинах его увеличения. Перевод с английского Э. Лажанти де Лаваиса. Париж, 1808). Английское издание вышло в Эдинбурге в 1804 году. — 162, 358.

Lectures on gold for the instruction of emigrants about to proceed to Australia. Delivered at the Museum of practical geology. London, 1852 (Лекции о золоте для обучения лиц, эмигрирующих в Австралию. Прочитаны в Музее практической геологии. Лондон, 1852). — 121—123.

Locke, J. Further considerations concerning raising the value of money (1695). In: The Works of John Locke in four volumes. The seventh edition. Volume II. London, 1768 (*Локк, Дж.* Дальнейшие соображения относительно повышения стоимости денег (1695). В книге: Сочинения Джона Локка в четырех томах. Издание седьмое. Том II. Лондон, 1768). — 96.

MacCulloch, J. R. The Principles of political economy. Edinburgh, 1825 (*Мак-Куллох, Дж. Р.* Начала политической экономии. Эдинбург, 1825). — 388.

Malthus, Th. R. Definitions in political economy. London, 1827 (*Мальтус, Т. Р.* Определения в политической экономии. Лондон, 1827). — 390.

Malthus, Th. R. The Measure of value stated and illustrated. London, 1823 (*Мальтус, Т. Р.* Мера стоимости. Изложение вопроса и иллюстрация. Лондон, 1823). — 282, 316.

Malthus, Th. R. Principles of political economy considered with a view to their practical application. Second edition with considerable additions from the author's own manuscript and an original memoir. London, 1836 (*Мальтус, Т. Р.* Начала политической экономии, рассматриваемые в расчете на их практическое применение. Издание второе, с значительными добавлениями из собственной рукописи автора и с краткой биографией автора. Лондон, 1836). Первое издание вышло в Лондоне в 1820 году. — 173, 258, 390, 395—396, 398.

**Marx, K.* Misère de la philosophie. Réponse à la Philosophie de la misère de M. Proudhon. Paris — Bruxelles, 1847 (*Маркс, К.* Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. Париж — Брюссель, 1847). — 217.

Mill, J. Elements of political economy. London, 1821 (*Милль, Дж.* Основы политической экономии. Лондон, 1821). — 136, 389.

**Mill, J. St.* Principles of political economy with some of their applications to social philosophy. In two volumes. London, 1848 (*Милль, Дж. Ст.* Начала политической экономии с некоторыми из их применений к социальной философии. В двух томах. Лондон, 1848). Упоминаемое Марксом второе издание этого трактата вышло в Лондоне в 1849 году. — 3, 22, 23.

[Misselden, E.] Free trade, or the Meanes to make trade florish. London, 1622 (*[Мисселден, Э.]* Свободная торговля, или Средство сделать торговлю процветающей. Лондон, 1622). — 174, 178.

Müller, A. H. Die Elemente der Staatskunst. Erster Theil. Berlin, 1809 (*Мюллер, А. Г.* Основы искусства государственного управления. Часть первая. Берлин, 1809). — 506.

Niebuhr, B. G. Römische Geschichte. Erster Theil. Zweyte, völlig umgearbeitete, Ausgabe. Berlin, 1827 (*Нибур, Б. Г.* История Рима. Часть первая. Издание второе, полностью переработанное. Берлин, 1827). Первое издание вышло в Берлине в 1811 году. — 467—469, 492.

**Petty, W.* Several essays in political arithmetick. London, 1699 (*Петти, У.* Очерки из области политической арифметики. Лондон, 1699). — 114, 177—178.

Plinius. Historia naturalis (*Плиний.* Естественная история). Издание не установлено. — 126.

Prescott, W. H. History of the conquest of Peru, with a preliminary view of the civilisation of the Incas. Fourth edition. In three volumes. London, 1850 (*Прескотт, У. Х.* История завоевания Перу, с предпосланным ей обзором цивилизации инков. Издание четвертое. В трех томах. Лондон, 1850). Первое издание вышло в Бостоне в 1847 году. — 39.

Proudhon, P. J. Gratuité du crédit — см. *Bastiat, Fr.* Gratuité du crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon.

**Proudhon, P. J.* Qu'est-ce que la propriété? ou Recherches sur le principe du droit et du gouvernement. Paris, 1840 (*Прудон, П. Ж.* Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти. Париж, 1840). — 62, 405.

Proudhon, P. J. Système des contradictions économiques, ou Philosophie de la misère. Tomes I—II. Paris, 1846 (*Прудон, П. Ж.* Система экономических противоречий, или Философия нищеты. Тома I—II. Париж, 1846). — 12, 18, 45, 95, 263.

Ramsay, G. An Essay on the distribution of wealth. Edinburgh, 1836 (*Рамсей, Дж.* Опыт о распределении богатства. Эдинбург, 1836).— 269.

Ravenstone, P. Thoughts on the funding system, and its effects. London, 1824 (*Рейвнстон, П.* Мысли о системе государственных долгов и ее последствиях. Лондон, 1824). — 184, 371.

Reitemeier, J. F. Geschichte des Bergbaues und Hüttenwesens bey den alten Völkern. Göttingen, 1785 (*Рейтемейер, И. Ф.* История горного дела и металлургии у древних народов. Гёттинген, 1785). — 126—127.

**Ricardo, D.* The High price of bullion a proof of the depreciation of bank-notes. The fourth edition, corrected. London, 1811 (*Рикардо, Д.* Высокая цена слитков — доказательство обесценения банкнот. Издание четвертое, исправленное. Лондон, 1811). — 65.

**Ricardo, D.* On the principles of political economy, and taxation. Third edition. London, 1821 (*Рикардо, Д.* О началах политической экономии и налогового обложения. Издание третье. Лондон, 1821). — 205, 262, 263, 270, 282, 306, 308, 309—314, 390, 437.

**Rousseau, J. J.* Du contract social; ou, Principes du droit politique. Amsterdam, 1762 (*Руссо, Ж. Ж.* Об общественном договоре, или Принципы политического права. Амстердам, 1762). — 17.

**Say, J. B.* Traité d'économie politique. Troisième édition. Tomes I—II. Paris, 1817 (*Сэй, Ж. Б.* Трактат по политической экономии. Издание третье. Тома I—II. Париж, 1817). Первое издание вышло в Париже в 1803 году. — 160, 198, 210, 262, 263, 404.

Senior, N. W. Principes fondamentaux de l'économie politique, tirés de leçons édites et inédites de Mr. N. W. Senior par le c-te Jean Arrivabene. Paris, 1836 (*Сениор, Н. У.* Основные начала политической экономии, извлеченные графом Жаном Арривабене из лекций г-на Н. У. Сениора, как изданных, так и неизданных. Париж, 1836). — 182, 257.

Senior, N. W. Three lectures on the cost of obtaining money, and on some effects of private and government paper money; delivered before the University of Oxford, in Trinity term, 1829. London, 1830 (*Сениор, Н. У.* Три лекции о трудовых затратах для получения денег и о некоторых последствиях, вызываемых частными и правительственными бумажными деньгами. Прочитаны в Оксфордском университете в летний триместр 1829 года. Лондон, 1830). — 133.

Sismondi, J. Ch. L. Simonde de. Etudes sur l'économie politique. Tomes I—II. Bruxelles, 1837—1838 (*Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* Очерки политической экономии. Тома I—II. Брюссель, 1837—1838). — 136, 164, 262, 390.

**Sismondi, J. Ch. L. Simonde de.* Nouveaux principes d'économie politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population. Seconde édition. Tomes I—II. Paris, 1827 (*Сисмонди, Ж. Ш. Л.*

Симонд де. Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Издание второе. Тома I—II. Париж, 1827). Первое издание вышло в Париже в 1819 году. — 210, 261.

* *Smith, A*. An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. In two volumes. London, 1776 (*Смит, А*. Исследование о природе и причинах богатства народов. В двух томах. Лондон, 1776). — 22, 99, 111, 113, 115, 130, 160, 161, 257, 285, 460, 499.

Solly, E. The Present distress, in relation to the theory of money. London, 1830 (*Солли, Э*. Нынешние экономические трудности и их отношение к теории денег. Лондон, 1830). — 161.

The Source and remedy of the national difficulties, deduced from principles of political economy, in a letter to Lord John Russell. London, 1821 (Источник и разрешение национальных трудностей, выводимые из основных положений политической экономии. Письмо лорду Джону Расселу. Лондон 1821). — 371, 395.

* *Spinoza, B*. Epistolae doctorum quorundam virorum ad B. de Spinoza et auctoris responsiones; ad aliorum ejus operum elucidationem non parum facientes. Epistola L d. 2 Junii 1674. In: *Benedicti de Spinoza* opera quae supersunt omnia Vol. I. Jenae, 1802 (*Спиноза, Б*. Письма некоторых ученых мужей к Б. Спинозе и его ответы, проливающие немало света на другие его сочинения. Письмо № 50 от 2 июня 1674 года. В книге: *Б. де Спиноза*. Полное собрание сохранившихся сочинений. Том I. Иена, 1802). — 26.

Steuart, J. An Inquiry into the principles of political oeconomy. In three volumes. Dublin, 1770 (*Стюарт, Дж*. Исследование о началах политической экономии. В трех томах. Дублин, 1770). Первое издание вышло в Лондоне в 1767 году. — 113, 137, 140, 149, 170, 172, 227, 457.

* *Storch, H*. Cours d'économie politique, ou Exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations. Avec des notes explicatives et critiques par J. B. Say. Tomes I—IV. Paris, 1823 (*Шторх, А*. Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов. С пояснительными и критическими примечаниями Ж. Б. Сэя. Тома I—IV. Париж, 1823). — 136, 174, 182, 184, 220.

* *Strabo*. Rerum geographicarum libri XVII. Editio stereotypa. Tomus II. Lipsiae, 1829 (*Страбон*. География в семнадцати книгах. Стереотипное издание. Том II. Лейпциг, 1829). — 117.

Taylor, J. A View of the money system of England, from the Conquest; with proposals for establishing a secure and equable credit currency. London, 1828 (*Тэйлор, Дж*. Взгляд на денежную систему Англии со времени завоевания Англии норманнами; с предложениями об установлении надежной и справедливой системы кредитных денег. Лондон, 1828). — 162.

Tooke, Th. A History of prices, and of the state of the circulation. Volumes I—VI. London, 1838—1857 (*Тук, Т*. История цен и состояния обращения. Тома I—VI. Лондон, 1838—1857). — 3.

Tooke, Th. An Inquiry into the currency principle; the connection of the currency with prices, and the expediency of a separation of issue from banking. Second edition. London, 1844 (*Тук, Т*. Исследование принципа денежного обращения, связи денежного обращения с ценами и целесообразности отделения выпуска банкнот от банкового дела. Издание второе. Лондон, 1844). Первое издание вышло в Лондоне в том же 1844 году. — 136.

Wakefield, E. G. Комментарии в книге:
Smith, A. An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. With a commentary, by the author of «England and America» [E. G. Wakefield]. Volumes I—IV. London, 1835—1839 (*Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С комментариями автора книги «Англия и Америка» [Э. Г. Уэйкфилда]. Тома I—IV. Лондон, 1835—1839). — 391.

* *Weitling, W.* Garantien der Harmonie und Freiheit. Vivis, 1842 (*Вейтлинг, В.* Гарантии гармонии и свободы. Вове, 1842). — 76.

[*Wright, T. B.*, and *Harlow, J.*] The Currency question. The Gemini letters. London, 1844 ([*Райт, Т. Б.* и *Харлоу, Дж.*] Проблема денежного обращения. Письма двух близнецов. Лондон, 1844). — 390.

* *Xenophon.* De reditibus, sive vectigalibus civitatis Atheniensis augendis. In: *Xenophontis* quae extant. Recensuit Jo. Gottlob Schneider. Tomus VI. Lipsiae, 1815 (*Ксенофонт.* Об увеличении доходов или поступлений Афинского государства. В книге: *Ксенофонт.* Сохранившиеся сочинения. Издание И. Готлоба Шнейдера. Том VI. Лейпциг, 1815). — 114.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

«*Le Charivari*» («Шаривари»), Париж. — 13.

«*The Economist*» («Экономист»), Лондон. — 24 января 1857 г. — 94, 95.

«*The Morning Star*» («Утренняя звезда»), Лондон. — 12 февраля 1857 г. — 94.

«*The Times*» («Времена»), Лондон. — 21 ноября 1857 г. — 281.

«*Weekly Dispatch*» («Еженедельное сообщение»), Лондон. — 8 ноября 1857 г. — 159.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вергилий. Энеида. — 106, 167.

Гесиод. Труды и дни. — 126.

Гёте. Эгмонт. — 58.

Гомер. Илиада. — 48.

Лукреций. О природе вещей. — 126.

Шекспир. Тимон Афинский. — 106.

* * *

Библия. — 177, 178, 184.

УКАЗАТЕЛЬ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ЦИТИРУЕМЫХ КНИГ*

Годскин, Т. Сочинения: I. Защита труда против притязаний капитала. II. Популярная политическая экономия. М., 1938.

Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения. М., 1955 (*Рикардо, Д.* Сочинения. Перевод под редакцией М. Н. Смит. Том I).

Сисмонди, Ж. Симонд де. Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Тома I—II. М., 1936—1937.

Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.

---

* Настоящий указатель содержит только те русские переводы цитируемых Марксом книг, на которые в тексте тома, в квадратных скобках, даны ссылки с указанием страниц русского издания (самый перевод цитируемых Марксом мест, даваемый в тексте тома, в необходимых случаях уточнен и исправлен).

СОДЕРЖАНИЕ

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
(черновой набросок 1857—1858 годов)

[Первая половина рукописи]

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовлен к печати
В. С. Выгодским и *И. Г. Казьминой*

Редактор *В. К. Брушлинский*

Технический редактор *Ц. Л. Бейлина*

Корректоры
Г. Ф. Травушкина и *И. Г. Шахназарова*

★

Сдано в набор 23/II 1968 г. Подписано в печать 26/VII 1968 г. Формат 60×92¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 36,5. Уч.-изд. л. 35,69. Тираж 45 тыс. экз. Заказ № 1500. Цена 1 руб.

★

Издательство политической литературы. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

★

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.